

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2019

№ 60

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета; **Дацишен Владимир Григорьевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США); **Иванова Наталья Анатольевна**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва); **Кирюшин Юрий Федорович**, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского государственного университета (Барнаул); **Красильников Сергей Александрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., зам. директора Института Дальнего Востока РАН; **Мерлин Од**, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии); **Функ Дмитрий Анатольевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой этнологии Московского государственного университета; **Ермекбай Жарас Акишевич**, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**РЕДАКЦИЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории; **Воробьева Вероника Сергеевна**, ответственный секретарь, канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории; **Молодин Вячеслав Иванович**, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрылов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, зав. кафедрой современной отечественной истории; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, проф. кафедры музеологии, природного и культурного наследия; **Троицкий Евгений Флорентьевич**, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики; **Фоминих Сергей Федорович**, д-р ист. наук, проф. кафедры современной отечественной истории; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, д-р ист. наук, проф. кафедры археологии и исторического краеведения; **Чиндина Людмила Александровна**, д-р ист. наук, проф. кафедры археологии и исторического краеведения

**EDITORIAL COUNCIL OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul**, PhD, prof. Colby College (Waterville, USA); **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, Deputy Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ethnology of Moscow State University; **Ermekbay Zharas A.** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey Georgiyevich**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasily P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History; **Vorobyeva Veronica S.**, Executive Editor, PhD (History), Assistant of department of Ancient and Middle Ages and Methodology of History; **Fominykh Sergey F.**, Dr. of History, Professor of the Department of Modern Russian History; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia); **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern Russian History; **Rumyantsev Peter P.**, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History; **Ryndina Olga M.**, Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage; **Troizkiy Eugeny F.**, Dr. of History, Professor of the Department of World Politics; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History; **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.

Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.

The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Дунбинский И.А. Строительный комитет по возведению зданий Сибирского университета в городе Томске в воспоминаниях и письмах современников	5
Колева Г.Ю. Нефтегазовый фактор: планы Госплана начала 1960-х гг. и инициативы «тюменцев» (к 55 годовщине с начала добычи нефти в Тюменской области и 45-летию ее выхода на лидирующие позиции в стране)	11
Коновалов И.А., Толочко А.П. Местное управление в городах Сибири по «Учреждению» 1822 г.	17
Курьшев И.В. Социальные преобразования и нравственный облик западносибирской деревни в оценке периодической печати (октябрь 1917 – май 1918 г.)	22
Мицук А.А. Миссионер и ученый: рязанский период противораскольнической деятельности П.С. Смирнова (1888–1894)	33
Попова А.Д. Повседневная жизнь советских милиционеров в 1940–1950-е гг.	38
Протасов А.Д. Журнал «Вопросы страхования» (1922–1937): возрождение, редакторский и авторский состав и вклад в изучение истории социального страхования	46
Сильченко И.С. Структура и особенности функционирования уголовного розыска Екатеринбургской губернии в 1919–1923 гг.	54
Спиридонова Л.Н., Федотова А.Ю. «От мрака к свету. От битвы к книге. От горя к счастью»: досуг городских жителей Среднего Поволжья в 1920-е гг.	60
Темплинг В.Я. Медицинское сообщество Тобольской губернии в XVIII – начале XX в.: от модальности идеи к модальности воплощения	69
Ходяков М.В. Российское законодательство начала XX века об использовании желтого труда в экономике Дальнего Востока	78
Шестопалова А.С., Шевцов В.В. Методологические проблемы реконструкции образа офицера в сознании российской общественности в начале XX в.	84

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Андропова Л.А., Ван Чаолин Позиции США, Китая и Индии по поводу формирования нового Индо-Тихоокеанского региона	90
Богатенко Р.В., Фоменко С.В. Восток и Запад в военно-стратегических планах Гитлера «постмюнхенского» периода	96
Гетман М.А. Изменения в политике памяти Европейского Союза (1970–2009)	106
Лукинский Н.А., Савкович Е.В. Развитие отношений КНР и США при администрации Д. Трампа с позиции Соединенных Штатов	115
Савичева Е.М., Каур К.А. Сирийская миграция в Ливан: особенности и проблемы	120
Чжоу Тяньхэ. Деятельность предприятий с китайским капиталом в Амурской области в 1990-е гг. в контексте социально-экономической ситуации на Дальнем Востоке России	125

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Dunbinskiy I.A. Construction committee for the construction of buildings of the Siberian university in Tomsk in the memoirs and letters of contemporaries	5
Koleva G.Yu. Oil and gas factor: plans of the State planning committee of the early 1960s and the initiatives of “tyumenians” (to the 55th anniversary of oil production in the Tyumen region and the 45th anniversary of its leading position in the country)	11
Kononov I.A., Tolochko A.P. Local governance in the cities of Siberia according to “Institution” 1822	17
Kuryshchev I.V. Assessment of social transformation and moral character of the west siberian village in periodical press (october 1917 – may 1918)	22
Mitsuk A.A. Missionary and scientist: ryazan period of anti-schismatic activity of P.S. Smirnova (1888–1894)	33
Popova A.D. Everyday life of soviet policemen 1940-1950s	38
Protasov A.D. The magazine “Voprosy strahovaniya” (“Issues of insurance”) (1922–1937): revival, editorial and authorial staff, and contribution into the study of the history of social (employee) insurance	46
Silchenko I.S. Structure and features of functioning of criminal investigation department of Yekaterinburg province in 1919–1923	54
Spiridonova L.N., Fedotova A.Yu. “From gloom to lightness. From fight to the book. From sorrow to happiness”: leisure of the city dwellers of the Middle Volga region in the 1920s	60
Templing V.I. Medical community of Tobolsk governorate in 18th – early 20th centuries: from the modality of idea to the modality of realization	69
Khodjakov M.V. Russian legislation of the early 20th century on the use of yellow labour in the economy of the Far East	78
Shestopalova A.S., Shevtsov V.V. Methodological problems of reconstructing the image of an officer in the minds of the Russian public at the beginning of the 20th century	84

PROBLEMS OF WORLD HISTORY
AND INTERNATIONAL RELATION

Andronova L.A., Wang Chaolin. The New Indo-Pacific Region: US, China and India’s formulating the concept through the means of foreign policy	90
Bogatzenko R.V., Fomenko S.V. East and West in Hitler’s military strategic plans of “post-munich” period	96
Getman M.A. Transformations on European Union remembrance policy (1970–2009)	106
Lukinski N.A., Savkovich Y.V. The development of relations between China and the United States under the administration of D. Trump from the position of the United States	115
Savicheva E.M., Kaur K.A. Syrian migration in Lebanon: peculiarities and problems	120
Zhou Tianhe. The activity of the enterprises with Chinese capital in the Amur region in the 1990s in the context of the socio-economic situation in the Russian Far East	125

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

Гизбулаев М.А. Арабский источник о средневековой истории Восточного Кавказа: <i>Kitab al-buldan</i> Ибн ал-Факиха	131
Дутчак Е.Е. Старообрядческое историописание последней трети XX века: цель и методы	136
Кокарева И.А., Хазанов О.В., Черепанов А.С. Националистические идеи и религиозный историзм: Израиль-Яаков в работах Пинхаса Полонского и Михаэля Лайтмана	143
Мокшин Г.Н. Актуальные проблемы изучения истории русского народничества на страницах журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: история России». 2008–2017 гг.	148
Umbrashko K.B., Bulankina N.E. Ivan IV The Terrible: historiographical and literary myth in historical and cultural standard	155
Худолеев А.Н. Оценки научной концепции Д.И. Иловайского в дореволюционных отечественных исторических журналах	162

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Мураками Я., Соенов В.И., Трифанова С.В., Эбель А.В., Богданов Е.С., Соловьев А.И. Изучение памятников черной металлургии на Алтае в 2017 году	167
Федорченко А.Ю. Трасологические исследования комплексов позднего плейстоцена и раннего голоцена Северо-Восточной Азии. История и современное состояние	175

РЕЦЕНЗИИ

Высокова В.В. Лорд Кларендон, или рассуждения о политической морали. Рец. на кн.: Соколов А.Б. Кларендон и его время. Странная история Эдварда Хайда: канцлера и изгнанника. СПб.: Алетейя, 2017. 472 с.	186
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Харусь О.А. Памяти Юрия Васильевича Куперта	191
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	194

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE AND METODOLOGY OF HISTORY

Gizbulaev M.A. Arabic source for the medieval history of East Caucasus: <i>Kitab al-buldan</i> by Ibn al-Faqih	131
Dutchak E.E. Old believer historiography of the last 3rd part of the 20th century: purpose and method	136
Kokareva I.A., Khazanov O.V., Cherepanov A.S. Nationalistic ideas and religious historicism: Israel-Yaakov in in the works of Pinchas Polonsky and Michael Lightman	143
Mokshin G.N. Current problems of studying history of Russian populism in "RUDN journal of Russian history" in 2008–2017	148
Umbrashko K.B., Bulankina N.E. Ivan IV The Terrible: historiographical and literary myth in historical and cultural standard	155
Khudoleev A.N. The estimates of the scientific concept of D. I. Ilovaisky in pre-revolutionary Russian historical journals	162

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Murakami Ya., Soenov V.I., Trifanova S.V., Ebel A.V., Bogdanov E.S., Solovyev A.I. The exploration of the ferrous metallurgy sites in Altai in 2017	167
Fedorchenko A.Yu. Traceological studies of the late pleistocene and early holocene assemblages from Northeastern Asia. History and status	175

REVIEW

Vysokova V.V. Lord Clarendon, or reasoning on political morality. Review of: Sokolov A.B. Klarendon i yego vremya. Strannaya istoriya Edvarda Khayda: kantslera i izgnannika [Clarendon and his time. the strange story of Edward Hyde: chancellor and exile]. SPb.: Aletheia, 2017. 472 p.	186
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

Kharus O.A. The memory of Yuri Vasilyevich Coopert	191
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	194

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94:378.4(571.16)
DOI: 10.17223/19988613/60/1

И.А. Дунбинский

СТРОИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ПО ВОЗВЕДЕНИЮ ЗДАНИЙ СИБИРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ГОРОДЕ ТОМСКЕ В ВОСПОМИНАНИЯХ И ПИСЬМАХ СОВРЕМЕННОКОВ

На основании архивных документов, хранящихся в Отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета, а также в Национальном музее Республики Татарстан в фонде В.М. Флоринского реконструируется внутренняя история Строительного комитета по возведению зданий Сибирского университета. Изучаются конфликты, возникавшие между членами Строительного комитета в процессе возведения университетских зданий. Анализируется их развитие, а также освещаются пути урегулирования сложившихся противоречий.

Ключевые слова: Сибирский университет; Строительный комитет; М.Ю. Арнольд; В.М. Флоринский; В.И. Мерцалов; Томск.

Как известно, 16 (28) мая 1878 г. указом императора Александра II был учрежден Сибирский университет в Томске [1. Ст. 58527]. Тем не менее к непосредственному строительству Сибирского университета приступили лишь через два года. За это время были решены вопросы, связанные с началом строительных работ: составлены чертежи и сметы на возведение зданий, а также определены источники финансирования.

Кроме того, перед Министерством народного просвещения встал вопрос о способе организации строительных работ. Согласно решению Комиссии для обсуждения проекта устройства зданий будущего Сибирского университета строительство университета должно было осуществляться хозяйственным способом. Для этого планировалось учредить Строительную комиссию, находившуюся в ведении генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова [2. 1878. 22 апр.]. Возведение университета хозяйственным способом было уникальным решением того времени, так как учрежденные ранее университеты империи в основном занимали уже имеющиеся помещения и не требовали для своих нужд строительства отдельного комплекса зданий. При этом использование хозяйственного способа позволило не только существенно сэкономить средства казны, но и привлечь дополнительно частные пожертвования [3. Л. 8; 4].

Проект «Инструкций для работы Строительной комиссии» был составлен ординарным профессором Казанского университета, чиновником Министерства народного просвещения В.М. Флоринским. Позднее он заменил термин «Строительная комиссия» на «Строительный комитет». Кроме набросков общих положений о работе Строительного комитета он предложил подчинить Строительный комитет не генерал-губернатору, а непосредственно Министерству народного просвещения в связи с тем, что Н.Г. Казнаков

«принял за личную себе обиду» избрание в качестве университетского города Томска, а не Омска [5. С. 39–40]. Все свои предложения В.М. Флоринский направил в министерство для дальнейшего обсуждения.

В итоге 14 марта 1880 г. императором Александром II был учрежден Строительный комитет по возведению зданий Сибирского университета [6. Ст. 60655], входящий в ведение Министерства народного просвещения. Его обязанности и полномочия были определены в «Инструкции Строительному комитету для возведения зданий Сибирского университета в г. Томске», подписанной министром народного просвещения Д.А. Толстым 15 марта 1880 г. [7. Л. 14].

Согласно «Инструкции» этот орган возглавил томский губернатор В.И. Мерцалов [Там же. Л. 1]. Однако в 1883 г. он был вынужден оставить пост в связи с переводом на службу в Санкт-Петербург. Новым председателем Строительного комитета стал бывший камергер Двора Его императорского величества, томский губернатор И.И. Красовский (1883–1885) [8. 1883. 4 июня], а с августа 1885 г., после внезапной смерти последнего [9. 1885. 4 июля], Строительный комитет возглавил попечитель Западно-Сибирского учебного округа В.М. Флоринский (1885–1891) [8. 1885. 1 авг.].

Кроме председателя в состав Строительного комитета в разное время входили: председатель Томского губернского правления А.И. Дмитриев-Мамонов (1880–1881), который в 1881 г. был назначен вице-губернатором Тобольской губернии и покинул Томск [5. С. 230]; председатель Томского губернского правления, цензор «Сибирской газеты» и «Сибирского вестника» Н.Н. Петухов (1881–1888); томский купец I гильдии, городской голова З.М. Цибульский (1880–1882) [8. 1882. 10 дек.]; управляющий Томской казенной палатой М.А. Гиляров (1883–1891) [Там же. 1883. 13 июня]; архитектор М.Ю. Арнольд (1880–1881) [10. Л. 4],

который был уволен из Строительного комитета в связи с отказом ему в доверии; архитектор Сибирского университета, а с 1885 г. – архитектор Западно-Сибирского учебного округа П.П. Наранович (1881–1891) [11]; член Строительного комитета от Министерства народного просвещения на весеннее и летнее время профессор Казанского университета В.М. Флоринский (1880–1885) [8. 1885. 1 авг.].

Делопроизводителем Строительного комитета был назначен делопроизводитель V класса, член Министерства народного просвещения А.С. Белявский (1880–1886) [Там же. 1886. 29 янв.].

Бухгалтером Строительного комитета по решению председателя был назначен ссыльный польский дворянин П.В. Ольшевский (1880–1882) [12. Л. 33], затем его сменил С.Т. Вдовин [8. 1883. 3 сент.] (1882–1885), который с открытием Западно-Сибирского учебного округа был перемещен в штат канцелярии учебного округа вместе с двумя писцами и тремя сторожами Строительного комитета [Там же. 1885. 12 авг.] с целью уменьшения расходов со стороны последнего.

За 8 лет существования Строительным комитетом, проведшим 477 заседаний, была проделана огромная работа по организации работ, связанных с возведением главного университетского корпуса, строительством учебно-вспомогательных учреждений и созданием инфраструктуры университетского комплекса. Журналы Строительного комитета, хранящиеся в Отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского университета, дают возможность реконструировать официальную историю деятельности этого органа, осуществлявшего руководство ходом строительных работ. Однако они не всегда позволяют проследить историю взаимоотношений между членами Строительными комитета и то, как эти взаимоотношения влияли на ход строительства, воссоздать атмосферу заседаний Комитета. Впервые вводимые в научный оборот документальные материалы, преимущественно источники личного происхождения (письма, воспоминания), хранящиеся в фонде В.М. Флоринского в Национальном музее Республики Татарстан, позволяют сделать это.

Говоря об истоках первых конфликтов, которые возникали внутри Строительного комитета, нужно в первую очередь обратиться к личности инженера-архитектора М.Ю. Арнольда, который приехал в Томск в апреле 1880 г. Первая его встреча с В.М. Флоринским случилась при переезде М.Ю. Арнольда из Петербурга в Томск. На станции Кривой Лог вместе с ним оказался и В.М. Флоринский, направлявшийся из Казани в Петербург по делам Сибирского университета [5. С. 87].

Изучая деятельность М.Ю. Арнольда, можно утверждать, что с самого начала работы он вызвал своим поведением множество конфликтных ситуаций, вследствие чего остальные члены Строительного комитета отзывались о нем нелестно. В своем дневнике В.М. Флоринский отмечал: несмотря на то, что архитектор «щеголяет фразами и своими модными костюмами», он не обладает «технической опытностью» [Там же. С. 90], и «все предложения его [Арнольда]

не отличаются практичностью» [Там же. С. 162, 172]; более того, «все рекомендуемые им поставщики оказываются слишком дорогими» [Там же. С. 184].

К концу лета 1880 г., проведя в Томске около четырех месяцев, М.Ю. Арнольд подготовил лишь бочки для смешивания известкового раствора, вырыл 2 колодца «без воды» по 5 саж. (10,5 м) глубиной и 3 шурфа для исследования почвы под будущий фундамент главного университетского здания. Столь небольшой объем проделанной технической работы вызвал возмущение среди членов Строительного комитета [Там же. С. 188].

Позднее, при начале кладки главного университетского здания, новый архитектор П.П. Наранович обнаружил после проседания фундамента, что один из шурфов «был засыпан стружками, щепой и небольшими обрезками, на которых, собственно, и производилась кладка бутовой плиты» [13. С. 60–61]. Это, по мнению преемника Арнольда, могло в будущем привести к разрушению здания.

Не наладил Арнольд и нормальных отношений с В.И. Мерцаловым и томским городским головой З.М. Цибульским.

26 сентября 1880 г. М.Ю. Арнольд направил в Строительный комитет записку, в которой обвинял членов комитета «в бездействии в течение трех с половиной месяцев», объясняя это тем, что «с материалами ничего не сделано». Более того, он настаивал, что подряд на строительство завода по изготовлению кирпича для нужд Сибирского университета нужно передать В.А. Данилову, а не П.В. Михайлову [5. С. 208], от которого «почти месяц» нет «никакого решения», объясняя это тем, что у П.В. Михайлова не было опыта в создании подобного завода [8. 1880. 10 июня].

В ответ на его записку В.И. Мерцалов и З.М. Цибульский, поддерживавшие П.В. Михайлова, представили 15 октября в Строительный комитет свои возражения, где, в свою очередь, обвиняли М.Ю. Арнольда в «неблагодарности», называли «тормозом [в] поставке материалов», а также указывали на бездеятельность самого архитектора [2. 1880. 16 окт.].

После длительных дебатов обе записки были добровольно забраны, «дабы тем самым избавить членов Комитета от позора, который должен будет прийти и в историю университета» [Там же].

Однако к концу октября 1880 г. председатель Строительного комитета В.И. Мерцалов все же отослал обе записки в Министерство народного просвещения с жалобой на поведение М.Ю. Арнольда [14].

«Ввиду обнаружившихся неправильных стремлений г. Арнольда, – отмечал В.И. Мерцалов, – ввиду потери общественного доверия к нему и, наконец, ввиду нарушаемого единства в среде комитета, дальнейшая деятельность здесь г. Арнольда принесет только вред делу и неизбежно вовлечет меня и членов Комитета в большую ответственность – нравственную и материальную» [Там же. 31 окт.].

После этих записок, по словам А.С. Белявского, «Василий Иванович [Мерцалов] и Захарий Михайлович [Цибульский], кажется, решили между собой во что бы то ни стало сплавить Арнольда» [Там же. 17 окт.].

В дальнейшем общее недовольство действиями М.Ю. Арнольда лишь нарастало. Так, еще 3 октября 1880 г. Арнольд планировал представить на заседании Строительного комитета технический отчет о проделанной работе Министерству народного просвещения «для согласования его с отчетом о действиях Комитета вообще со времени его открытия» [2. 1880. 29 окт.]. Однако, несмотря на «многие напоминания» об отчете, он, по всей вероятности, его не предоставил [Там же. 31 окт.].

Более того, у многих членов Строительного комитета вызывало раздражение то, что М.Ю. Арнольд старался отдавать подряды, исходя из личной заинтересованности в подрядчике. В сентябре 1880 г., когда возникла «настоятельная необходимость» в перевозке леса, купленного у местного купца Королева, «с целью предохранения его от гнили и прели», на появившийся подряд подали прошение два человека: С.И. Песляк, рекомендованный Арнольдом, с платою в 14 коп. за перевезенное бревно, и Астафьев с платою в 12 коп. за перевезенное бревно. Естественно, подряд был отдан Астафьеву как наиболее выгодному подрядчику [8. 1880. 3 окт.].

После этого обиженный М.Ю. Арнольд «не отводил подрядчику места для склада в роще с 23 сент[ября] до 8 окт[ября]», а затем, после того как Астафьев продлил конечные сроки подряда, он дважды пытался выгнать его с постройки университета, объясняя это тем, что Астафьев не справился с подрядом в обозначенный изначально срок [2. 1880. 14 нояб.].

Аналогичная ситуация имела место и с подрядом на распилку бревен на плахи, брусья и доски. 5 сентября 1880 г. в Строительный комитет на этот подряд подал заявление вышеупомянутый С.И. Песляк с предложением распилить бревна на плахи, брусья и доски по 3 коп. за аршин, а тес из них сделать за 2 коп. Но поскольку «пилка не предвиделась скоро», Строительный комитет отложил решение этого вопроса на неопределенный срок.

Зная о решении Строительного комитета, М.Ю. Арнольд 24 ноября 1880 г. лично нанял С.И. Песляка на распилку бревен. Когда об этом узнали члены Строительного комитета, они отказались оплачивать работу С.И. Песляка [Там же. 28 нояб.]. Более того, на заседании от 28 ноября 1880 г. Строительный комитет принял подряд Каинского мещанина Чечерина и крестьянина Устюгаева с товарищами на распилку бревен на брусья по 3 коп. с аршина, на плахи по 2 коп., а тес до 1,5 коп. [8. 1880. 28 нояб.].

Апогей конфликта произошел в ноябре 1880 г. 14 октября 1880 г. в связи с острой нехваткой кирпича для строительства университета М.Ю. Арнольд на заседании Строительного комитета внес предложение о разборе недостроенного и обрушившегося Троицкого кафедрального собора и последующей покупке кирпича для нужд Сибирского университета [Там же. 17 дек.].

Члены Строительного комитета поддерживали идею М.Ю. Арнольда. После длительных и острых прений в Томской городской думе З.М. Цибульский получил разрешение для Строительного комитета на разбор собора. Однако на следующий день, когда М.Ю. Арнольд

в присутствии членов Строительного комитета после решения осматривал собор, он заявил, «что собор сложен из большемерного кирпича, который для университета совершенно не годится» [2. 1880. 14 нояб.].

Это вызвало новую волну критики в адрес Арнольда. Более того, оскорбленный действиями архитектора З.М. Цибульский отправил в Министерство народного просвещения жалобу, в которой писал, что не намерен «глотать по милости Арн[ольда] такие крупные пилюли в роде соборного кирпича» и просил министерство уволить архитектора. В случае не увольнения М.Ю. Арнольда он просил вывести его из Строительного комитета [Там же].

Понимая, что ситуация ведет к скандалу и увольнению М.Ю. Арнольда, В.М. Флоринский, желая «сделать [это] по возможности мягче и безобиднее», предложил архитектору написать заявление об увольнении по собственному желанию, что тот и сделал в своем письме от 4 декабря 1880 г. [15. Л. 86–89].

12 декабря 1880 г. телеграммой от управляющего Министерством народного просвещения А.А. Сабурова М.Ю. Арнольд был уволен [10. Л. 3]. Данный факт был сообщен архитектору в письменной форме [Там же. Л. 4], так как последний не явился на заседание Строительного комитета, сославшись на болезнь [2. 1880. 18 дек.]. Новым архитектором, как говорилось выше, стал П.П. Наранович, окончивший Петербургское строительное училище в 1878 г. [5. С. 473].

В.И. Мерцалов ходатайствовал перед Министерством народного просвещения о судебном разбирательстве в отношении М.Ю. Арнольда, однако министр народного просвещения И.Д. Делянов это ходатайство по совету В.М. Флоринского не поддержал [16. 1883. 15 янв.].

После своего увольнения Арнольд оставался до весны 1881 г. в Томске. Здесь он занялся написанием статей, посвященных Сибирскому университету и членам Строительного комитета, носящих ярко негативный характер, и направлял их в редакции местных и центральных газет [2. 1881. 14 мар.; 16. 1883. 15 янв.].

Узнав об этом, остальные члены Строительного комитета в связи с «постоянно оказываемым Арнольдом противодействием» составили жалобу на него генерал-губернатору Западной Сибири [8. 1881. 14 июля]. В дальнейшем он занимался сооружением построек в Красноярске [17. 1882. 4 февр.], а затем в Чите [5. С. 443].

Другим конфликтом в ходе строительства Сибирского университета стало противостояние между председателем Строительного комитета В.И. Мерцаловым и членом Строительного комитета от Министерства народного просвещения В.М. Флоринским.

Причина, по словам А.С. Белявского, заключалась в том, что В.И. Мерцалов «задался мыслью вытурить из Комитета и из постройки всех тех людей, которые ему не по душе», для того чтобы «окружить себя своими людьми» [2. 1881. 4 окт.]. Косвенно эта мысль была подтверждена и самим В.И. Мерцаловым. «Первое заседание Комитета, – писал он в своих мемуарах, – продолжавшееся около 5 часов, явно показало, что мне и [З.М.] Цибульскому предстоит нелегкая борьба со

сплоченным большинством, решившим ставить всякие препятствия, и что для пользы и ускоренного хода дела мне многое придется брать на свою личную ответственность» [13. С. 52].

Личная же неприязнь В.И. Мерцалова к В.М. Флоринскому объяснялась в тех же мемуарах тем, что В.М. Флоринский, будучи членом Строительного комитета от Министерства народного просвещения и одновременно профессором Казанского университета, находился в Томске лишь в весенне-летнее время, получая жалование в 6 тыс. руб. в год за свой труд, в то время как остальные члены Строительного комитета работали в нем на общественных началах [13. С. 52–53].

Однако В.И. Мерцалов не учитывал то, что из суммы, которую получал В.М. Флоринский от министерства, оплачивались все его командировки и переезды: ежегодная поездка в Томск для наблюдения за ходом строительных работ, а также ежегодная командировка в Петербург в зимнее время для отчета о проделанной работе по строительству университета [5. С. 84].

А.С. Белявский в письме В.М. Флоринскому сообщил и о планах В.И. Мерцалова сделать делопроизводителем польского ссыльного каторжника П.В. Ольшевского, хранителем материалов вместо М.А. Шестакова – ссыльного поляка В.И. Ржеуского, а десятником, вместо Н.Я. Максимова, – брата Ольшевского, отчисленного из института [2. 1881. 4 окт.].

Архитектор П.П. Наранович, по словам А.С. Белявского, также не нравился В.И. Мерцалову. Однако, как писал делопроизводитель, его достаточно сложно было сместить, поскольку «третий архитектор к нам (в Томск. – *И.Д.*) уже не поедет», к тому же сам П.П. Наранович «имел поддержку в [лице] товарища министра» [Там же. 5 сент.].

Эти предположения А.С. Белявского подтверждаются вспышкой ряда мелких конфликтов В.И. Мерцалова с лицами, лояльными к В.М. Флоринскому. Так, 3 октября 1881 г. В.И. Мерцалов, проходя мимо строящейся обсерватории, заметил, что «один плотник курил на постройке трубку». После этого он, сделав выговор десятнику Н.Я. Максиму, пытался его уволить, несмотря на то что последний в это время находился на засыпке фундамента главного здания, где следил за рабочими [Там же. 4 окт.].

Чуть ранее В.И. Мерцалов пытался оказать давление на члена Строительного комитета, председателя губернского правления Н.Н. Петухова, который поддержал мнение В.М. Флоринского о необходимости заключить контракт на поставку кирпича с З.М. Цибульским и П.В. Михайловым, говоря ему, что он, конечно, может согласиться с мнением В.М. Флоринского, но: «...знайте, что Вам приходится служить с Флоринским только три месяца, а со мной – круглый год». После этого разговора Н.Н. Петухов сначала просил нового генерал-губернатора Г.В. Мещеринина о двухмесячном отпуске, а когда получил отказ, попросил отпуск «для приискания другого места» [Там же. 29 сент.].

Трагичнее других сложилась судьба лояльного к В.М. Флоринскому хранителя материалов Строительного комитета М.А. Шестакова, который, помимо

своих прямых обязанностей, занимался «устройством питомников и школ для растений» при строящемся Сибирском университете [18]. Этот бескорыстный поступок, по мнению А.С. Белявского, объяснялся тем, что М.А. Шестаков при открытии Сибирского университета надеялся занять место ученого садовника при Ботаническом саде [2. 1880. 22 ноя.].

В дальнейшем, после ряда нареканий со стороны томского губернатора, М.А. Шестаков был уволен в связи с ухудшившимся состоянием здоровья и «отсутствием его на месте построек». Более подробно вклад М.А. Шестакова в создание первого в Сибири ботанического сада и дальнейшая его судьба рассмотрены в статье «К вопросу о дате основания Ботанического сада при Императорском Томском университете» [19].

В.И. Мерцалов также пытался не дать хода предложениям В.М. Флоринского. В первую очередь это касалось вопроса о постройке служебного флигеля, который был необходим для размещения в нем на хранение книг, переданных в библиотеку Императорского Томского университета [2. 1881. 5 сент.].

С момента поступления в Томск первых пожертвованных книжных коллекций их размещали на Томском биржевом складе. Однако из-за сырости книги стали гнить и покрываться плесенью. В связи с этим обстоятельством встал вопрос о перемещении книжного достояния будущего университета. Председатель Строительного комитета предлагал сначала перенести книги из Биржевого корпуса на Шушляевский склад, перед открытием университета поместить книги в готовую библиотеку, а в служебном флигеле до открытия университета разместить сушильню для леса и столярную мастерскую.

В.М. Флоринский и А.С. Белявский настаивали, в свою очередь, на переносе библиотеки в служебный флигель, как только завершится его возведение, объясняя это хрупкостью ящиков, в которые были упакованы книги, и ценностью самих книг [Там же. 22 окт.], а также большей пожароопасностью Шушляевского склада. В итоге после длительных прений Строительный комитет одобрил идею В.М. Флоринского о переносе книг в служебный флигель [8. 1882. 20 июля].

Конфликт В.М. Флоринского с В.И. Мерцаловым был завершён отставкой последнего по состоянию здоровья. Покинув пост губернатора и председателя Строительного комитета, он уехал из Томска в Петербург, где был назначен управляющим контроля в Министерстве Двора, а с 1902 г. стал сенатором [5. С. 471.].

По словам А.С. Белявского, «перемещение Василия Ивановича [было] необходимо», поскольку Министерство народного просвещения планировало создать Западно-Сибирский учебный округ, попечитель которого должен был возглавить Строительный комитет. Однако в таком случае «нынешнему председателю неудобно уже будет занять низкий пост члена Комитета», тем более человеку, находящемуся в должности томского губернатора [2. 1883. 3 янв.].

Новым председателем Строительного комитета стал бывший камергер Двора Его императорского величества, новый томский губернатор И.И. Красовский [Там же. 21 мар.]. Будучи человеком «вспыльчивым и

чрезвычайно ранимым», он «постоянно обижался на В.М. Флоринского» за то, что тот вел переписку по делам университета в первую очередь с А.С. Белявским, которому передавалось право голоса В.М. Флоринского в периоды его отсутствия в Томске, а не с ним как председателем Строительного комитета [2. 1883. 20 сент.].

Однако в серьезный конфликт это не переросло. Все «обиды» И.И. Красовского ограничивались лишь строгими выговорами [Там же. 29 окт.]. 28 июня 1885 г. Томский губернатор И.И. Красовский скончался. В связи с этим с начала июля 1885 г. Строительный комитет возглавил В.М. Флоринский как попечитель только что созданного Западно-Сибирского учебного округа [8. 1885. 30 июля].

Таким образом, в процессе работы Строительного комитета складывались непростые отношения между его членами, которые нередко выливались в личную неприязнь друг к другу. Безусловно, это влияло на ход строительных работ. Тем не менее к моменту завершения возведения зданий Сибирского университета большинство этих противоречий было нивелировано, во многом благодаря мудрой и дальновидной поли-

тики В.М. Флоринского, который, будучи членом Строительного комитета от Министерства народного просвещения, не только стремился сгладить конфликты внутри комитета, как в случае с М.Ю. Арнольдом, но и старался их предотвратить заранее. При председательстве В.М. Флоринского конфликты в Строительном комитете практически прекратились [20. С. 85–93].

Рассматривая работу Строительного комитета в целом, можно сделать вывод, что его члены являлись «ревнителями» университетской идеи, без энтузиазма и самоотверженности которых невозможно было бы возвести самое крупное в то время сооружение в Сибири, сэкономив при этом свыше 400 тыс. руб. [21. С. 14]. Сибирский университет, построенный в основном в 1885 г., стал первым в азиатской части России высшим учебным заведением.

В 15 января 1998 г. за заслуги в становлении и развитии отечественной науки, образования и культуры указом Президента Российской Федерации Томский государственный университет был включен в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2-е, отд. 1: 1878. СПб., 1880. Т. 53.
2. Национальный музей Республики Татарстан (НМРТ). Ф. В.М. Флоринский. № 117959–409. Письмо А.С. Белявского В.М. Флоринскому из Томска в Казань.
3. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 103 (фонд Комитета по постройке зданий Сибирского университета в г. Томске). Оп. 1. Д. 2.
4. ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 17.
5. Флоринский В.М. Заметки и воспоминания (1875–1880) // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых и др. Томск, 2014. С. 13–230.
6. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2-е, отд. 1: С 19 февраля 1880 г. по 28 февраля 1881 г. СПб., 1884. Т. 55.
7. ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1.
8. Научная библиотека Томского государственного университета. Отдел рукописей и книжных памятников. Журналы Строительного комитета.
9. Томские губернские ведомости : еженедельное издание. Томск.
10. ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 3.
11. ГАТО. Ф. 126 (фонд Управления Западно-Сибирского учебного округа Министерства народного просвещения). Оп. 4. Д. 1765.
12. ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 4.
13. Мерцалов В.И. Мимоходом: моя губернская эпопея // Русская старина. 1917. Июль–сентябрь. С. 38–89.
14. НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959–596. Письмо В.И. Мерцалова А.А. Сабурову из Томска в Петербург (копия).
15. ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 11.
16. НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959–896. Письмо В.М. Флоринского А.С. Белявскому из Казани в Томск.
17. НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959–627. Письмо П.П. Нарановича В.М. Флоринскому из Томска в Казань.
18. НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959–277. Отчет профессора Казанского университета В.М. Флоринского по командировке его в г. Томск летом 1880 г.
19. Дунбинский И.А., Фоминых С.Ф., Некрылов С.А. К вопросу о дате основания Ботанического сада при Императорском Томском университете // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 409. С. 55–61.
20. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. Т. 1. 514 с.
21. Почетные члены и доктора Томского университета (1891–2007) / под ред. Г.В. Майера и С.Ф. Фоминых. Томск, 2007. 129 с.

Dunbinskiy Ilya A. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: dunbunskiy@mail.ru

CONSTRUCTION COMMITTEE FOR THE CONSTRUCTION OF BUILDINGS OF THE SIBERIAN UNIVERSITY IN TOMSK IN THE MEMOIRS AND LETTERS OF CONTEMPORARIES

Keywords: Siberian University; The Construction Committee; M.Yu. Arnold; V.M. Florinsky; V.I. Mertsalov; Tomsk.

The purpose of this article is, firstly, the reconstruction of the internal history of the Construction Committee for the construction of buildings of the Siberian University. Secondly, the study of conflicts that arose between members of the Construction Committee in the process of organizing the construction of the University buildings. The analysis of the development of these conflicts, as well as the ways out of the existing contradictions between the members of the Committee was conducted. The object of the study is the history of the organization and construction of the first University in the Asian part of Russia. The subject of the study is the relationship between the members of the Construction Committee for the construction of buildings of the Siberian University in Tomsk.

To solve this problem, the office documentation of the Construction Committee was analyzed, as well as a wide range of sources of personal origin. The main vectors of relations between the members of the Committee were identified, the causes of contradictions between them, as well as ways to resolve conflicts were studied. The result was converted into a single concept of development of rela-

tions between the members of the Construction Committee. The final part of the study assesses the impact of interpersonal relations on the construction of the Siberian University.

As a source base of the article it is necessary to highlight, firstly, the journals of the Construction Committee, stored in the Department of manuscripts and book monuments of the Scientific Library of TSU, which made it possible to reconstruct the official history of this body. Secondly, for the first time the correspondence of the member of the Construction Committee from the Ministry of Public Education V.M. Florinsky with the clerk of the Construction Committee, architect P.P. Naranovich and Chairman of the Committee V.I. Mertsalov entered into scientific circulation. Thirdly, the memories of V.M. Florinsky and V.I. Mertsalov, stored in the V.M. Florinsky Fund in the National Museum of the Republic of Tatarstan, which allowed to reveal the internal mechanisms of the Construction Committee.

The author of the article concluded that in the course of the work of the Construction Committee, there were complex relations between its members with each other, which often resulted in personal dislike. Certainly, they affected the course of construction work. Nevertheless, by the time of the completion of the erection of the buildings of the Siberian University, most of these contradictions were leveled, in many respects this was due to the wise and far-sighted policies of the organizer of the Siberian University, V.M. Florinsky, who, being a member of the Construction Committee from the Ministry of Public Education, not only strove to smooth out conflicts within the committee, but also tried to prevent them in advance.

REFERENCES

1. Russia. (1878) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [The Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Vol. 53. St. Petersburg: The 2nd Division of His Own Imperial Majesty's Office.
2. Belyavskiy, A.S. (n.d.) *Pis'mo A.S. Belyavskogo V.M. Florinskoyu iz Tomska v Kazan'* [A.S. Belyavsky's letter to V.M. Florinsky from Tomsk to Kazan]. National Museum of the Republic of Tatarstan (NMRT). V.M. Florinsky's Fund. No. 117959–409.
3. The State Archive of Tomsk Region (The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 103. List 1. File 2.
4. The State Archive of Tomsk Region (The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 103. List 1. File 17.
5. Florinsky, V.M. (2014) *Zametki i vospominaniya (1875–1880)* [Notes and Memories (1875–1880)]. In: Fominykh, S.F. et al. (eds) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [The Imperial Tomsk University in the memoirs of contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 13–230.
6. Russia. (1884) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [The Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Vol. 55. St. Petersburg: The 2nd Division of His Own Imperial Majesty's Office.
7. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 103. List 1. File 1.
8. *Zhurnaly Stroitel'nogo komiteta* [Journals of the Building Committee]. The Research Library of Tomsk State University. Department of Manuscripts and Rare Books.
9. *Tomskie gubernskie vedomosti (Tomsk)*.
10. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 103. List 1. File 3.
11. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 126. List 4. File 1765.
12. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 103. List 1. File 4.
13. Mertsalov, V.I. (1917) *Mimokhodom: moya gubernskaya epopeya* [En passant: my provincial epic]. *Russkaya starina*. July – September. pp. 38–89.
14. Mertsalov, V.I. (n.d.) *Pis'mo V.I. Mertsalova A.A. Saburovu iz Tomska v Peterburg (kopiya)* [V.I. Mertsalov's letter to A.A. Saburov from Tomsk to St. Petersburg (copy)]. National Museum of the Republic of Tatarstan (NMRT). V.M. Florinsky's Fund. No. 117959–596.
15. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 103. List 1. File 11.
16. Florinsky, V.M. (n.d.) *Pis'mo V.M. Florinskogo A.A. Belyavskoyu iz Kazani v Tomsk* [V.M. Florinsky's letter to A.S. Belyavsky from Kazan to Tomsk]. National Museum of the Republic of Tatarstan (NMRT). V.M. Florinsky's Fund. No. 117959–896.
17. Naranovich, P.P. (n.d.) *Pis'mo P.P. Naranovicha V.M. Florinskoyu iz Tomska v Kazan'* [P.P. Naranovich's letter to V.M. Florinsky from Tomsk to Kazan]. National Museum of the Republic of Tatarstan (NMRT). V.M. Florinsky's Fund. No. 117959–627.
18. Florinsky, V.M. (1880) *Otchet professora Kazanskogo universiteta V.M. Florinskogo po komandirovke ego v g. Tomsk letom 1880 g.* [The report of the professor of Kazan University V.M. Florinsky on a business trip to Tomsk in the summer of 1880]. National Museum of the Republic of Tatarstan (NMRT). V.M. Florinsky's Fund. No. 117959–277.
19. Dunbinsky, I.A., Fominykh, S.F. & Nekrylov, S.A. (2016) On the foundation date of the Botanical Garden of the Imperial University of Tomsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 409. pp. 55–61. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/409/8
20. Nekrylov, S.A. (2010) *Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870-kh gg. – 1919 g.)* [Tomsk University as the first research centre in the Asian part of Russia (the mid-1870s – 1919)]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
21. Mayer, G.V. & Fominykh, S.F. (eds) *Pochetnye chleny i doktora Tomskogo universiteta (1891–2007)* [Honorary members and doctors of Tomsk University (1891–2007)]. Tomsk: Tomsk State University.

УДК 622.276(091):94(9)
DOI: 10.17223/19988613/60/2

Г.Ю. Колева

**НЕФТЕГАЗОВЫЙ ФАКТОР: ПЛАНЫ ГОСПЛАНА НАЧАЛА 1960-х гг.
И ИНИЦИАТИВЫ «ТЮМЕНЦЕВ» (К 55 ГОДОВЩИНЕ С НАЧАЛА
ДОБЫЧИ НЕФТИ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ И 45-ЛЕТИЮ
ЕЕ ВЫХОДА НА ЛИДИРУЮЩИЕ ПОЗИЦИИ В СТРАНЕ)**

На основе впервые вводимых в научный оборот рассекреченных документов Госплана СССР и СЭВ РГАЭ рассматривается исторический фон принятия решений о начале создания нового добывающего района страны. Значительное внимание уделено влиянию внешнеполитического фактора на поиск путей увеличения добычи нефти. Вовлеченные в оборот документы показали, что инициатива представителей региональной элиты о начале добычи нефти и газа в Тюменской области получила поддержку прежде всего председателя ВСНХ Д.Ф. Устинова, председателя Госплана СССР П.Ф. Ломако. Их имена в этот процесс включены впервые.

Ключевые слова: Госплан СССР; ВСНХ; Совет Министров СССР; СЭВ; страны народной демократии; нефть; экспорт; Тюменская область.

Нефтегазовый фактор в судьбе нашей страны на протяжении XX – начала XXI в. играет исключительно важную роль. Это нашло проявление в глобальной политике, в стратегии развития экономики, финансовой системы. В рамках обозначенного периода прослеживались постоянный рост добычи углеводородов, смена добывающих центров, среди которых исключительную роль стал играть Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район. Его становление началось 55 лет назад, с добычи нефти в Тюменской области весной 1964 г. на трех месторождениях ХМАО (в то время – ХМНО) – Мегионском, Шаимском, Усть-Балыкском. С 1 декабря 1965 г., согласно приказу Главтюменнефтегаза, с пуском нефтепровода Шаим–Тюмень, было объявлено о переходе к промышленной добыче нефти. Уже в 1973 г. Тюменская область вышла на первое место в стране по суточной добыче нефти, а в 1974 г. – по годовой, обогнав подразделение «Татнефть». В 2019 г. отмечается 45-летие этого события. По данным 2018 г. ХМАО поставил стране 236 млн т нефти, или 42% от общего объема нефти, добытой в России. Несмотря на то, что в последние несколько лет добыча в регионе падает, ХМАО остается ведущим нефтедобывающим центром России при ожидаемом увеличении в ближайшем будущем добычи нефти из баженовской свиты, а также из месторождений арктических зон ЯНАО – полуостровов Ямал, Гыдан, шельфа Карского моря.

Добыча нефти на территории Тюменской области осуществляется 55 лет, 45 лет при абсолютном лидерстве, при отсутствии конкурентов в ближайшие десятилетия, способных сместить ее с этого пьедестала. Об истории нефтегазовой сферы Тюменской области написано много [1]. Однако документы ряда описей фондов Госплана СССР, Совета экономической взаимопомощи РГАЭ, с которых снят гриф секретности, открывают более широкий фон обусловленности в начале 1960-х гг. увеличения добычи нефти в стране и сложный путь формирования нефтегазового экспорта. Еще

одно обстоятельство, извлеченное из выявленных документов: массированная атака представителей тюменской региональной элиты в лице А. Протоzanова, И. Шулякова, Ю. Эрвье на руководящие структуры страны с целью изменения экономической судьбы региона и, как оказалось, всей страны.

Согласно документам, вводимым в научный оборот, в самом начале 1960-х гг. нефтегазовые перспективы Тюменской области не являлись очевидными. И даже еще в начале 1963 г., в конце которого – 4 декабря – было принято постановление, определившее задачу организации добычи нефти в Тюменской области в 1964 г., развитие нефтяной отрасли страны было ориентировано на другие нефтедобывающие центры при осознании слабости их ресурсных возможностей. Сложный процесс постепенной переориентации на протяжении 1963 г. на Тюменскую область как возможный новый нефтедобывающий район происходил во многом под влиянием не столько внутренних проблем, сколько внешних, а также в результате огромной работы руководителей Тюменской области, создававших ее новое экономическое настоящее.

В поручении Президиума Совета Министров СССР от 12 января 1963 г. Госплану СССР, Комитету по топливной промышленности в его составе, Госкомитету по газовой промышленности СССР была поставлена задача представления к 1 июля 1963 г. плана мероприятий по развитию нефтяной и газовой промышленности СССР на период до 1970 г. [2. Л. 339]. В условиях плановой экономики это поручение могло быть совершенно рядовым, если бы не ряд обстоятельств. Подготовленный Институтом геологии и разработки горючих ископаемых незадолго до этого для правительства страны доклад «О направлениях использования нефтетоплива в СССР» [3. Л. 205] обозначил новые тенденции в энергетической сфере страны: «высокие темпы развития топливной индустрии при опережающем значении нефти и газа»; значительные изменения в 1954–1963 гг. в балансе добычи и потребления

топлива в СССР [2. Л. 206]. Изменения касались утраты углем преобладающей роли, перехода этой роли к нефти и газу. «Нефть и газ», – отмечалось в докладе, – «имеют более высокую теплотворность, себестоимость добычи нефти ниже добычи угля в 4–5 раз, газа – в 10–12 раз» [3. Л. 207, 208]. После 1956 г. добыча нефти выросла на 136 млн т, газа – на 81 млрд куб. м [Там же. Л. 210], увеличивалось во все возрастающих объемах производство нефтяного топлива на фоне развития авиационного, автомобильного, морского и речного транспорта. Отмечалось в докладе и явление, на которое обращали внимание в аналитике нефтяной сферы еще со времен 1920-х гг. – сравнение показателей добычи нефти и газа СССР и США. Сравнение показало, что при сохраняющемся значительном отставании СССР от США (в 1953 г. добыча нефти в СССР – 52 млн т, в США – 318 млн т) наметилась тенденция ускорения его преодоления [Там же. Л. 212]. Таким образом, внутренние аспекты развития топливно-энергетической сферы соединялись с внешними. В документе Госплана от 19 марта 1963 г. также прогнозировались дальнейшее снижение в ближайшем десятилетии доли угля (на 20%), рост удельного веса нефти в топливе (41%) и доли природного газа в ТЭБ страны (с 7,9 до 22,4%) [4. Л. 20] при сокращении потребления торфа, сланцев, древесины до 2,3% [Там же. Л. 21].

Несмотря на то, что планировалось почти трехкратное увеличение добычи природного газа, большое место в документе отводилось перспективам добычи нефти. Внимание к нефти, как следует из текста документа, обуславливалось тем, «что расчеты наличного уровня добычи» не покрывали «внутренние потребности», и «особенно потребности в экспорте». Внутренний фактор обусловленности роста нефтедобычи и здесь соседствовал с внешним, который связывался с экспортом нефти, диктуемым «непредусмотренными обстоятельствами». Осознавалось, что ресурсные возможности нефтедобычи были недостаточными, «особенно» для покрытия «потребности в экспорте». В документе Госплана без особого акцентирования внимания указывалось на Италию и Кубу и подчеркивалось, что, «по-видимому, значительную часть этих требований придется удовлетворить» [Там же. Л. 25]. Однако это было лишь частью новой внешнеполитической ситуации, связанной с увеличением потребностей в нефти, ее экспорте из СССР при недостаточной ресурсной базе действовавших в тот период нефтедобывающих центров.

Напряженной являлась ситуация в социалистическом блоке Европы. Документы СЭВ 1950-х гг. показали, что страны «социалистического лагеря», входившие в СЭВ, постоянно заявляли о нехватке топливно-энергетических ресурсов, основным из которых выступал каменный уголь [5. Л. 14]. Польша как основной его поставщик для стран «народной демократии» заняла сложную позицию, которую не все страны принимали; противоречия усиливались. Венгрия, ГДР и Чехословакия закупали нефть в Австрии, но все более проявляли заинтересованность в поставках нефти из Советского Союза [6. Л. 153]. Проблема угля и нефти осложнялась отсутствием достаточных ресурсов этих

видов сырья в странах СЭВ, а также установленными со стороны капиталистических стран торговыми запретами на их закупки [Там же. Л. 13, 74]. Многочисленные совещания на протяжении 1956–1957 гг. привели к уступке СССР в вопросе экспорта нефти и принятию решения в 1958 г. о строительстве нефтепроводов для перекачки нефти из СССР в Восточную Европу [7. Л. 5]. И именно на 1963 г. планировался ввод основных участков экспортного нефтепровода, в связи с чем задача увеличения добычи нефти в СССР требовала ускоренного решения. Постановка Президиумом Правительства СССР вопроса о решении проблемы с нефтедобычей в стране именно с привязкой к 1963 г. совершенно не случайна и обуславливалась планировавшимся вводом основных участков нефтепровода «Дружба».

При этом запросы стран – членов СЭВ еще до ввода нефтепровода «Дружба» на дополнительные объемы нефти из СССР возрастали, как и степень давления на руководство нашей страны. Президиум ЦК КПСС в октябре 1962 г. [8. Л. 51] признавал, что «положение с сырьем остается в странах СЭВ очень напряженным», отмечались «недостаток валюты», невозможность закупать сырье в капиталистических странах [Там же]. Ситуация в Европе и социалистическом блоке в 1953–1956 гг., связанная с первыми кризисами (в 1953 г. – в Германии, в 1956 г. – в Венгрии), уже во многом обусловила в СССР переход к курсу «Нефть вместо угля» [Там же. С. 214]. Этот курс как внутривнутриполитический был закреплен в шестом пятилетнем плане развития народного хозяйства, а в последующем – уже как внешнеполитический – в решении Президиума ЦК КПСС «О развитии производства по отдельным отраслям на экспорт» [9. С. 267]. Под влиянием этих обстоятельств XXI съезд партии в 1959 г. установил новые, более высокие плановые задания по добыче углеводородного сырья.

Документ «Справки отдела народнохозяйственного плана по химической, нефтяной и газовой промышленности», с пометкой «Справка, составленная В. Бибишевым» (заместителем начальника отдела народнохозяйственного планирования по химической, нефтяной и газовой промышленности), под грифом «Секретно», от 21 августа 1963 г. содержала обстоятельный анализ тенденций развития мировой и советской топливно-энергетической сферы [10. Л. 1]. В ней указывалось на отставание в подготовке запасов нефти в стране в 1959–1965 гг., что не давало возможности развивать эту отрасль до размеров, принятых в Генеральном плане (1970 г. – 350–390 млн т). Обращалось внимание и на то, что экспорт должен составить 50 млн т сырой нефти, 37 млн т нефтепродуктов. При этом в соцстраны намечалось отправлять 50,7% от общего объема, западным странам – 40,6%, «слабым в экономическом отношении странам» – 7,4%. 12 ноября 1963 г. ВСНХ СССР Совета Министров СССР наметил увеличение добычи нефти с 1962 г. по 1965 г. с 186,2 до 240 млн т, газа – с 75,2 до 126, млрд куб. м [11. Л. 118].

Таким образом, в начале 1960-х гг. в развитии нефтегазовой сферы соединился ряд разных явлений: изменения в топливно-энергетическом балансе СССР

при ослаблении роли угля; возрастание роли нефти и газа, что вполне соответствовало процессам в мировой экономике; стремление Советского Союза догнать и перегнать США по добыче нефти; усиление давления на СССР стран – членов СЭВ в поставках энергоресурсов.

Страны – члены СЭВ, как показывают документы, достаточно согласованно вели политику наступления на советское руководство по вопросам отказа от угольного топлива с заявлениями об увеличении экспорта нефти и начале экспорта газа. В начале 1960-х гг. во всех странах СЭВ, кроме Румынии, как показал анализ Госплана СССР (документ от 26 января 1963 г. «Анализ состояния развития ряда отраслей (угольной, химической, нефтяной)»), уголь был основным видом топливно-энергетических ресурсов. [12. Л. 71]. Но интерес к нефти возрастал. Все большую готовность экспортировать советскую нефть проявляли капиталистические страны, в частности Италия. В условиях недостаточности ресурсов поставки нефти в Италию Госплан связывал с уменьшением экспорта нефти в страны СЭВ [Там же. Л. 75].

Проблема топливно-энергетических ресурсов в работе СЭВ выступала важнейшим элементом всех деловых встреч, переговоров. Среди факторов давления на советское руководство использовались заявления: нет сырья; нет валюты; хотим, но не можем торговать с капиталистическими странами. Председатель Госплана СССР П.Ф. Ломако писал в ЦК КПСС о необходимости расширения поставок сырья в страны народной демократии, причем на одном из первых мест стояла нефть [13. Л. 60]. Страны СЭВ встали на путь упорного подталкивания СССР к функции поставщика сырья для их экономик, и нефть занимала здесь ведущее место. На заседании Президиума ЦК КПСС 8 января 1962 г. Н.С. Хрущев говорил о необходимости переориентировать экономику социалистических стран «на сырье, которое мы производим» [9. С. 540, 541].

Советский Союз вынужден был более тщательно просматривать свои возможности по добыче нефти [9. С. 3]. Структура районов нефтедобычи на начало 1963 г. виделась следующим образом. На первое место ставилось Урало-Поволжье, которое должно было дать в 1970 г. 67,3% союзной нефтедобычи. Планировалось создать «крупные нефтедобывающие центры в Оренбургской области», ее доля на 1970 г. определялась в 13 млн т, и в Пермской области с объемом добычи в 22 млн т [9. С. 22]. На Пермскую область обращалось особое внимание, что отразило решение Президиума Правительства СССР от 16 января 1963 г. «О мерах по усилению геологоразведочных работ на нефть и газ и увеличению добычи нефти в Пермской области в 1963–1965 гг.» [10. Л. 1–11]. Подчеркивалось, что «по прогнозным запасам Пермская область является одним из наиболее перспективных районов СССР». На четвертое место ставилась задача создания нефтедобывающих центров в Сибири и Казахстане. Западная и Восточная Сибирь должна была дать в 1970 г. 12 млн т [Там же. Л. 23]. В то же время ряд документов свидетельствует о том, что имелись разные подходы к выделению перспективных районов СССР, имелись сторонники преимущественного развития Татарстана [2.

Л. 343]. Видимо, противоречивость подходов привела к тому, что заместитель председателя Госплана Н. Тихонов в письме в Совет Министров СССР «О плане мероприятий по развитию нефтяной промышленности СССР до 1970 г.» писал 31 августа 1963 г., что «задача к 1 июня 1963 г. по плану мероприятий по развитию нефтяной промышленности СССР до 1970 г. в основном выполнена», но отмечал, что данные «не могут быть в полной мере обоснованы» и просил перенести окончательное решение вопроса на первое полугодие 1964 г.» [Там же. Л. 6, 339].

Скорее всего, на необходимость увеличения времени на проработку вопросов по развитию нефтедобычи в стране на период до 1970 г. повлияла и ситуация, которую спровоцировали в высшем руководстве страны по вопросу перспектив развития нефтяной промышленности представители руководства Тюменской области. Инициативу руководителей Тюменской области, предпринявших массированную атаку на руководящие органы СССР по вопросу развертывания добычи нефти и газа в области, следует относить к весне 1963 г. В деле «Поручения ЦК КПСС и Совета Министров СССР по нефтяной и газовой промышленности» содержится документ, определяемый как «частное предложение секретаря Тюменского обкома КПСС А.К. Протоzanова». Документ был направлен заместителю председателя Совета Министров СССР, председателю Госплана П.Ф. Ломако, от которого 26 июля 1963 г. адресован в Госплан СССР А.В. Коробову, в Госстрой СССР – И.А. Ганичеву, в Комитет по химической и нефтяной промышленности – Н.К. Байбакову, в Геолком СССР – А.В. Сидоренко, в Комитет по транспортному строительству СССР – Е.Ф. Кожевникову, в Совет Министров РСФСР – К.М. Герасимову. Ставилась задача рассмотреть предложения, о принятых мерах доложить. В обращении речь шла о нефтепроводе Усть-Балык–Омск, ускорении изыскательских работ, разработке проектного задания по трассе нефтепровода, а также о проектно-изыскательских работах и строительстве железной дороги Тюмень–Тобольск–Сургут [14. Л. 64]. Ссылаясь на постановление Совета Министров СССР от 19 мая 1962 г. № 471, А.К. Протоzanов предлагал организовать строительство нефтепровода уже в 1965 г. с завершением в 1966 г., все это с увязкой с добычей в Сургутском районе [Там же. Л. 68]. Однако из обсуждений предложения стало ясно, что вопрос о добыче нефти в Тюменской области стал рассматриваться с учетом выбора отправной точки строительства нефтепровода – от Мегиона или Сургута, и конечной – до Омска или Тайги [Там же. Л. 70–71].

Это «частное предложение» Протоzanова не было единственным. Из других документов Госплана СССР становится понятным, что осуществлялось движение еще одной инициативы тюменцев. Она была представлена письмом первого секретаря Тюменского промышленного обкома партии А.К. Протоzanова, Председателя Тюменского облисполкома И. Шулякова, начальника Тюменского геологического управления Ю. Эрвье первому заместителю председателя Совета Министров СССР Д.Ф. Устинову, который в то же время являлся Председателем ВСНХ СССР. Документ

по входящему номеру № ВС-1880 датирован 4 апреля 1963 г., назван «По вопросу организации и развития нефтедобывающей промышленности Тюменской области». Это послание Д.Ф. Устиновым было переадресовано в Госплан (П.Ф. Ломако), СНХ СССР (В.Э. Дымшицу), Госстрой СССР (И.Т. Новикову), Совет Министров РСФСР (К.М. Герасимову), Комитет по топливной промышленности СССР (Н.В. Мельникову), Госгеолком (А.В. Сидоренко) с требованием «рассмотреть проект и о принятых мерах доложить» [14. Л. 144].

Таким образом, тюменские инициаторы создания нефтяной промышленности выбрали в качестве исходных главных адресатов председателя ВСНХ СССР, одновременно являвшегося заместителем председателя Совета Министров СССР Д.Ф. Устинова, который изначально к их идее отнесся внимательно, и председателя Госплана П.Ф. Ломако. Началось движение тюменской инициативы по главным руководящим структурам страны. Все это происходило именно в то время, когда страна крайне нуждалась в нефти и рассматривала свои ресурсные возможности для выполнения обязательств по экспорту нефти, которые разрастались, как снежный ком.

В письме на имя Д.Ф. Устинова представители Тюменской области обращали внимание на то, что в ряде регионов СССР началась стабилизация добычи, среди них назывались Саратовский, Волгоградский, Краснодарский; указывали на снижение добычи в Пермском, Ставропольском краях, Чечено-Ингушской АССР, признавали наличие приростов добычи в Татарии, Башкирии, Куйбышевской области, но подчеркивали наибольшие перспективы Тюменской области [Там же. Л. 145, 146]. Прогнозные запасы углеводородов в Тюменской области были представлены цифрами в 45 млрд т нефти, газа – в 5 трлн куб. м. Тюменцы формулировали вытекающую из этих данных задачу: «настоятельная необходимость уже в настоящее время организации в этом районе новой нефтегазодобывающей базы страны» [Там же. Л. 148]. Они приводили показатели добычи: 1970 г. – 10 млн т нефти, 14 млрд куб. м газа, 1980 г. – 40 млн т нефти, 45 млрд куб. м газа. Предлагали мероприятия по организации нефтегазодобывающей базы: создание в Тюмени объединения «Тюменнефтегаз», начало строительства железной дороги Тюмень–Тобольск–Сургут, сооружение ТЭЦ в Сургуте, строительство 800 км автомобильных дорог, увеличение объемов поисковых работ, сооружение нефтепроводов Усть-Балык–Омск (800 км), Шаим–Сотник, газопроводов Охтеурье–Кемерово, Охтеурье–Новосибирск. Прилагались проект постановления [Там же. Л. 151–168] и приложения к нему [Там же. Л. 163–172]. Первоначально проект постановления не имел названия.

Председатель ВСНХ СССР Совета Министров СССР Д.Ф. Устинов 11 мая 1963 г. «по внесенному предложению по развитию нефтегазодобывающей промышленности Тюменской области» дал поручение Госплану СССР, СНХ СССР, Госстрою СССР, Совету Министров РСФСР, Газпрому СССР, Геолкому СССР «рассмотреть с привязкой к плану 1964–1965 гг.» и «устное указание» СНХ СССР – «подготовить проект

постановления», а Д.И. Ноткину (Госплан СССР) – «дать заключение по указанному постановлению» [15. Л. 131]. Позиция руководителя здесь определена очень четко: звучала, как распоряжение действовать.

Документ, названный «По вопросу организации и развития нефтегазодобывающей промышленности в Тюменской области и дальнейшему расширению геолого-разведочных работ на нефть и газ на 1964–1970 гг.» [14. Л. 184–289] обозначился 26 июля 1963 г. За это время он прошел многие структуры: Министерство финансов СССР, Госкомитет по энергетике и электрификации – по вопросу «составления схемы энергоснабжения нефтяных и газовых месторождений Тюменской области на период 1970 г.» [Там же. Л. 210], побывал в Госкомитете Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы, где было принято решение о «распространении северных льгот на геологов, работников нефтяной, газовой промышленности, строителей» [Там же. Л. 211], так как «районы ХМАО и ЯНАО приравнены к районам Крайнего Севера».

В условиях подготовки развертывания работ в Западной Сибири 27 сентября 1963 г. руководители комбинатов и трестов по нефтегазовому строительству в стране обратились к секретарю ЦК КПСС П.А. Рудакову, в Совет Министров СССР, к Первому заместителю председателя правительства Д.Ф. Устинову, Председателю Госплана П.Ф. Ломако с предложением передать нефтепромысловое обустройство Государственному производственному комитету по газовой промышленности СССР [15. Л. 8]. Решение о передаче всего нефтегазового строительства Газпрому СССР во главе с А.К. Коротуновым было принято, что в последующем сыграло важную роль в становлении Западно-Сибирского нефтегазодобывающего района.

В отношении Западной Сибири ситуация все более менялась. В начале осени 1963 г. Госплан готовил материалы к заседанию Бюро ВСНХ СССР. В сентябре 1963 г. В.А. Каламкар, возглавлявший (по 1965 г.) СНХ СССР, и председатель Госкомитета химической и нефтяной промышленности при Госплане СССР Н.К. Байбаков внесли на рассмотрение ВСНХ СССР проект постановления Совета Министров СССР «Об организации подготовительных работ по промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений и о дальнейшем развитии геологоразведочных работ в Тюменской области» [Там же. Л. 111]. Отмечалось, что указанный проект постановления подготовлен в связи с предложением секретаря Тюменского промышленного обкома партии А.К. Протозанова и председателя тюменского облисполкома И. Шулякова и выносится на рассмотрение Совета Министров СССР. Заместитель председателя Госплана СССР Д.И. Ноткин утвердительно писал в это время председателю Госплана СССР П.Ф. Ломако, что «этот район (Тюменская область. – Г.К.) по запасам превышает Урало-Волжский нефтяной район» [Там же]. Фамилия Д.Ф. Устинова уже почти не упоминается, но он свое дело сделал: запустил весь этот процесс, решительно поддерживав на самом начальном этапе инициативу тюменцев.

Ряд документов отражает еще имеющиеся сомнения. В пометках на докладной записке отдела народ-

нохозяйственного плана по химической, нефтяной и газовой промышленности руководству Госплана СССР «По вопросу организации работ по промышленному освоению нефтяных и газовых месторождений в Тюменской области» написано: «Исключить показания о добыче нефти в Тюменской области в 1970 г. в объеме 10 млн т., газа – в 14 млрд куб. м... определить вывоз нефти из Сургутского района с 1965 г. в 200 тыс. т... в 1964 г. организация вывоза нефти вряд ли представляется возможной из-за отсутствия емкости и наливных-сливных причалов» [15. Л. 112–113]. Но несмотря на частности отдельных подходов, в руководящих структурах страны укреплялись идеи, что «из числа открытых за последние годы нефтяных и газовых месторождений район западно-сибирской низменности является наиболее богатым по запасам нефти и газа»; «в целях ускорения решения ряда организационных вопросов необходимо осуществить мероприятия по ускорению проектных, строительных и других работ по подготовке и промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений»; «целесообразно принять решение правительства по развитию добычи нефти и газа в этом районе». Очень целенаправленно эти идеи проводил Госплан СССР (председатель Госплана П.Ф. Ломако, Д.И. Ноткин – заместитель председателя).

Параллельно с растущим вниманием к нефтяным перспективам Тюменской области в сферу государственных интересов входил газ этого региона. Глава Газпрома СССР А.К. Коротунов, обращаясь в апреле 1963 г. к Председателю ВСНХ СССР Д.Ф. Устинову и Председателю Госплана СССР П.Ф. Ломако, инициировал вопрос о разработке Тазовского газового месторождения на территории ЯНАО со строительством от него газопровода протяженностью 119 км до г. Норильска с целью обеспечения города и Норильского горно-металлургического завода газом вместо угля [2. Л. 119–120]. Предложение в основном получило одобрение, хотя и было отложено на некоторое время.

В протоколе заседания бюро ВСНХ СССР Совета Министров СССР от 29 октября 1963 г. отражено, что постановление с названием «Об организации подготовительных работ по промышленному освоению нефтяных и газовых месторождений и дальнейшему развитию геологоразведочных работ в Тюменской области» [14. Л. 179] получило полную поддержку и была сформулирована задача «в 3-дневный срок представить уточненный проект в ЦК КПСС» [14. Л. 179]. ЦК КПСС в движении инициативы тюменцев стал замыкающим звеном. Но что-то там усложнилось. Движение документа, судя по всему, приостанавливается, а иначе

зачем нужно было А. Протозанову отправляться на личный прием к главе государства Н.С. Хрущеву 4 декабря 1963 г. Промежуток времени обсуждения документа в высшем партийном органе оказался значительным. Но 4 декабря, во время личного приема А.К. Протозанова Н.С. Хрущевым, проект постановления, ставшего известным как «Постановление от 4 декабря 1963 г.», был подписан. Причины того, что затормозило движение инициативы тюменцев на уровне ЦК КПСС, нами по документам не найдены. В своих воспоминаниях главные герои о данном обстоятельстве умолчали.

А.К. Протозанов отстоял свою идею на этом сложном пути, доведя ее до логического завершения. Его позиция была поддержана многими руководителями страны, особое место в этом ряду, согласно вновь открытым документам, занимает Д.Ф. Устинов – руководитель ВСНХ СССР, первый заместитель председателя Совета Министров СССР. Он первым оказал поддержку тюменцам. Очень весома роль руководителей Госплана П.Ф. Ломако и Д.И. Ноткина. Первый секретарь Тюменского промышленного обкома партии А.К. Протозанов и согласно этим, новым документам, в «пробивании» «другого настоящего» Тюменской области неуклонен и последователен.

Таким образом, решение вопроса о создании нового добывающего района в Западной Сибири (первоначально в Тюменской области) было поставлено вплотную перед руководством страны в 1963 г. представителями тюменской региональной элиты в условиях, когда страна крайне нуждалась в увеличении добычи нефти и газа, но еще ориентировалась в решении этих задач на другие добывающие центры. Возросшая потребность в углеводородных ресурсах для СССР была продиктована внешнеполитическими обстоятельствами. Важную роль в том, что инициатива тюменцев начала движение по разным властным инстанциям, сыграла позиция председателя ВСНХ, заместителя председателя Совета Министров СССР Д.Ф. Устинова. В последующем объемы добычи нефти и газа будут расти очень высокими темпами. Ввод в 1969 г. в Тюменской области нефтяного гиганта – Самотлорского месторождения – позволит обеспечивать потребности страны и наращивать нефтяной экспорт, СССР выйдет по этим показателям в мировые лидеры. Начало эксплуатации газовых месторождений арктической зоны (месторождений Медвежье, Уренгойское, Ямбургское) превратит Тюменскую область в ведущий газодобывающий район страны, СССР в 1984 г. станет мировым газовым лидером, в 1980-е гг. за нашей страной будет закреплён статус ведущего экспортера газа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колева Г.Ю. Создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в практике хозяйственного освоения Западной Сибири (1964–1989 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Том. гос. ун-т. Томск, 2007. 39 с.
2. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372 оц. (Фонд Госплана СССР). Оп. 65. Д. 147.
3. РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 81 с. Д. 696.
4. РГАЭ. Ф. 4372 оц. Оп. 65. Д. 150.
5. РГАЭ. Ф. 561 (Фонд СЭВ). Оп. 1с. Д. 20.
6. РГАЭ. Ф. 561. Оп. 1с. Д. 23.
7. РГАЭ. Ф. 561. Оп. 1с. Д. 29.
8. РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 81 с. Д. 377.

9. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. / гл. ред. А.А. Фурсенко. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2003. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. 1344 с.
10. РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 81с. Д. 335.
11. РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 81с. Д. 233.
12. РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 81с. Д. 334.
13. РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 81с. Д. 377.
14. РГАЭ. Ф. 4372 оч. Оп. 65. Д. 148.
15. РГАЭ. Ф. 4372 оч. Оп. 65. Д. 147.

Koleva Galina Iu. Industrial University of Tyumen (Tyumen, Russia). E-mail: gukoleva@gmail.com

OIL AND GAS FACTOR: PLANS OF THE STATE PLANNING COMMITTEE OF THE EARLY 1960s AND THE INITIATIVES OF “TYUMENIANS” (TO THE 55th ANNIVERSARY OF OIL PRODUCTION IN THE TYUMEN REGION AND THE 45th ANNIVERSARY OF ITS LEADING POSITION IN THE COUNTRY)

Keywords: Gosplan of the USSR; the Supreme Economic Council; the Council of Ministers of the USSR; COMECON; the people's democracies; oil; export; Tyumen Region.

The article is devoted to the 55th anniversary of oil production in the Tyumen region, the 45th anniversary of its leading position in oil production in the country. The purpose of the article is to show the historical background of the conditionality of the decision of the country's leadership to start the creation of a new oil-producing area. The article was written on the basis of the documents of the Russian State Archive of Economics, the funds of the USSR State Planning Committee and the COMECON (Council of Mutual Economic Assistance), from which a few years ago was removed the status of secrecy. Types of the studied documents are: letters, addresses, instructions, reports, memos, action plans, references, minutes of meetings, extracts from protocols, draft resolutions. All documents were for the first time introduced into scientific circulation. In the article, in accordance with the logic of the studied documents, much attention was paid to the foreign policy factor in the search for opportunities to increase oil production in the country. It reveals the difficult situation with the provision of fuel resources in the countries of the socialist bloc of Eastern Europe, the growth of internal contradictions between the countries in connection with the supply of coal from Poland, and the decision of the USSR in this situation to start exporting oil. In 1958 it was decided to start the construction of the export pipeline “Druzhba” and the export of crude oil began. The situation was complicated also by the requests of Cuba on the supply of oil. The resource base for hydrocarbon exports from the USSR at the beginning of the 1960s was insufficient. The planned commissioning of the main sections of the pipeline under construction in 1963 required decisions to increase oil production. Under these conditions, in the spring of 1963 a counter-process began to develop which was followed by an appeal of representatives of the Tyumen regional elite – the first Secretary of the Tyumen Industrial Regional Party Committee A.K. Protozanov, Chairman of the Tyumen Regional Executive Committee I. Shulyakov, Head of the Chief of Department of Geology Yu. Ervye in the highest governing bodies of the country. The main addressees were to the Chairman of the All-Union Council of National Economy of the USSR, the first Deputy Chairman of the Council of Ministers of the USSR D.F. Ustinov, who was sent a proposal for a large-scale program of oil and gas development of the region, and the Chairman of the State Planning Committee of the USSR D.F. Lomako, who received a “private proposal”. D.F. Ustinov, as well as D.F. Lomako began to strongly promote the initiative of “Tyumenians”. The author comes to the conclusion that the offer of “Tyumen” appeared in the conditions of the country's search for ways to increase oil production in the country, which was largely due to the satisfaction of export needs. The figure of D.F. Ustinov stands particularly bright for the newly identified documents during the initial period of the establishment of a new mining district. The documents confirmed the great creative role of the First Secretary of the Tyumen Industrial Regional Party Committee A. Protozanov in this process.

REFERENCES

1. Koleva, G.Yu. (2007) *Sozdanie Zapadno-Sibirskogo neftegazovogo kompleksa v praktike khozyaystvennogo osvoeniya Zapadnoy Sibiri (1964-1989 gg.)* [Formation of the West Siberian oil and gas complex in the economic development of Western Siberia (1964–1989)]. Abstract of History Dr. Diss. Tomsk.
2. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 4372 ots. List 65. File 147.
3. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 4372 ots. List 81c. File 696.
4. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 4372 ots. List 65. File 150.
5. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 561. List 1c. File 20.
6. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 561. List 1s. File 23.
7. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 561. List 1c. File 29.
8. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 4372 sch. List 81c. File 377.
9. Fursenko, A.A. (2003) *Prezidium TsK KPSpp. 1954–1964 gg. Chernovye protokol'nye zapisi zasedaniy. Stenogrammy. Postanovleniya* [Presidium of the CPSU Central Committee. 1954–1964. Draft minutes of meetings. Transcripts. Regulations]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.
10. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 4372 ots. List 81c. File 335.
11. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 4372 ots. List 81c. File 233.
12. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 4372 ots. List 81c. File 334.
13. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 4372 ots. List 81c. File 377.
14. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 4372 ots. List 65. File 148.
15. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 4372 ots. List 65. File 147.

И.А. Коновалов, А.П. Толочко

МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ГОРОДАХ СИБИРИ ПО «УЧРЕЖДЕНИЮ» 1822 г.

На основании «Учреждения для управления сибирских губерний» 1822 г. М.М. Сперанского, а также документов архивного делопроизводства рассматривается городское управление в Сибири до городской реформы 1870 г. Особое внимание уделено структуре, правовым и организационным вопросам деятельности городского управления. Авторы приходят к выводу, что органы городского самоуправления в Сибири, основанные в соответствии с «Учреждением» 1822 г. имели крайне недемократическую систему представительства и были включены в систему государственного управления. Их полномочия имели ограниченный характер, они не могли принимать решения по многим административным и хозяйственным вопросам без санкций со стороны местных органов государственной власти.

Ключевые слова: история Сибири; местное самоуправление; власть; администрация; реформа; губернатор; полиция; город; выборы; полномочия.

В условиях продолжающихся в нашей стране процессов реформирования институтов власти на местах все более актуальными становятся проблемы взаимодействия общества и власти. Наиболее заметно это проявляется в процессах деятельности различного уровня органов местного самоуправления. В связи с этим становится понятным интерес к истории местного самоуправления в дореволюционной Сибири, которое было институтом существовавшей тогда политической системы. Однако, несмотря на возросший исследовательский интерес к истории муниципального управления и появление обобщающих работ [1], остается недостаточно изученным период деятельности сибирского городского управления в 20–60-х гг. XIX в. по «Учреждению для управления сибирских губерний». В предлагаемой статье предпринята попытка обратиться к рассмотрению указанной проблемы и тем самым устранить пробел, существующий в отечественной историографии городского самоуправления в Сибири в дореволюционный период.

Лежащие в основании городского управления в Российской империи в 20-е гг. XIX в. «Устав благочиния или полицейский» 1782 г. и «Жалованная грамота на права выгоды городам Российской империи» 1785 г. Екатерины II были распространены на Сибирь без учета местных региональных особенностей. Малочисленность населения обширных территорий края приводила к тому, что уездными центрами зачастую становились небольшие деревни при наличии незначительного круга лиц, которые были способны исполнять управленческие полномочия. «Жалованная грамота» 1785 г. не учитывала также многоукладный, многонациональный и поликонфессиональный состав сибирского населения, распространяя европейские порядки на города края. Поступательное социально-экономическое развитие региона и рост колонизации из европейских губерний империи вызывали потребность в создании особой, более гибкой структуры местного регионального администрирования. В начале XIX в. верховная власть пришла к пониманию необходимости организа-

ции особой, сибирской системы местного управления. Эти идеи нашли свое отражение в специфической организации региональных органов местного государственного управления и самоуправления на сибирской окраине империи. Ставший в 1819 г. новым генерал-губернатором Сибири М.М. Сперанский, имевший огромный опыт административного управления, прекрасно понимал, что благородные идеи и либеральные планы в региональной управленческой практике либо будут осуществляться, но совсем не в том виде, в каком предполагают законодатели, либо могут совсем не осуществиться. М.М. Сперанский также указывал на то, что разница между европейскими губерниями и Сибирью так велика, что «Учреждения для управления губерний 1775 г.», «Устав благочиния или полицейский» 1782 г. и «Жалованная грамота на права выгоды городам Российской империи» 1785 г. не могут быть пригодны для сибирской окраины страны без серьезных изменений и изъятий.

Приступив к обязанностям сибирского генерал-губернатора, М.М. Сперанский осуществил ревизию местного управления в крае, отстранив от должностей и отдав под суд наиболее одиозных чиновников, в том числе двух губернаторов: иркутского Трескина и тобольского Фон Брина. Однако, по мнению М.М. Сперанского, сибирские органы местного государственного управления и самоуправления не только пассивно, но и активно способствовали злоупотреблениям и коррупции. Главной причиной такого положения он считал отсутствие принципа законности при отправлении государственно-властных полномочий: где он не реализуется и не исполняются законы, там во всем господствует произвол и личная власть. Поэтому на сибирской окраине империи укоренилось правило во всем надеяться на чиновников и, следовательно, в каждом случае прибегать к взяткам и ничего хорошего от закона не ожидать. Основной целью сибирской реформы М.М. Сперанского были систематизация путем кодификации местного регионального законодательства, а также правовая реорганизация местного государствен-

ного управления и самоуправления. В результате нормотворческой деятельности М.М. Сперанским с помощью сотрудников было подготовлено 10 проектов законов и подзаконных актов по ключевым вопросам нормативно-правового регулирования жизнедеятельности края и вопросам регионального администрирования. В проектах предусматривалась реорганизация административного и территориального устройства Сибири, которая должна была стимулировать развитие социально-экономических отношений. Проекты также определяли правовой статус различных категорий коренных народов края и упорядочивали повинности населения.

Реформа М.М. Сперанского определила основы сибирского регионального управления в соответствии с потребностями времени, установила базовые принципы предлагаемых в крае преобразований, прежде всего усиление контроля за деятельностью местных учреждений через передачу надзорных функций органам исполнительной власти. Она обеспечивала единообразие в деятельности и структуре различных местных органов власти с четким разграничением их обязанностей и полномочий. Коронная власть стала учитывать специфику конкретных территорий края. Реформой предусматривалось также создание оперативно действующего и «дешевого» аппарата местного управления, совмещавшего в себе деятельность государственных администраций с включением в реализацию их полномочий родового управления коренных сибирских народов, и местного самоуправления.

Реформа, осуществленная М.М. Сперанским, указывала на необходимость установить на сибирской окраине империи систему особого администрирования, свидетельствовала о начале формирования новых взглядов правительствующей власти на проводимую «сибирскую» политику. Она была новой попыткой подойти к управлению регионом комплексно, что говорило о стремлении разработки правительственной концепции по отношению к Сибири, а также о формировании программы ее административно-хозяйственного и социального развития.

22 июля 1822 г. императором Александром I было подписано подготовленное М.М. Сперанским «Учреждение для управления сибирских губерний», состоящее из трех частей. В «Учреждении» специально указывалось, что оно распространяется на генерал-губернаторства Западной и Восточной Сибири, Иркутскую и Енисейскую, Тобольскую и Томскую губернии, Якутскую и Омскую области, Камчатское, Охотское и Троицко-Савское пограничные управления [2. С. 345].

«Учреждение» корректировало и заменяло собой действующую в Сибири в то время «Жалованную грамоту городам Российской империи» 1785 г. [3. С. 344] с учетом особенностей сибирской окраины империи. «Учреждение для управления сибирских губерний» было разработано М.М. Сперанским на основе концепции государственного характера местного самоуправления, исходившей из того, что муниципальная власть должна действовать в государственных интересах, поскольку органы местного самоуправления имели

в качестве своего источника государственную власть, строились на основании государственных законов, а предметы их деятельности определялись коронной властью и не зависели от городских нужд и потребностей. Таким образом, деятельность органов городского самоуправления и государства должна быть однородной.

Следует отметить, что с момента основания судьбы сибирских городов как формирующихся экономических и административных центров были связаны с трансформациями системы политико-административного управления регионом. Наличие административных органов соответствующего уровня придавало населенным пунктам края новые качества – они становились городами, а их население – горожанами. В XVIII – начале XIX в. количество официальных сибирских городов часто менялось в соответствии с административными и территориальными преобразованиями в регионе.

Административные функции, выполнявшиеся вновь учрежденными уездными и губернскими центрами края, далеко не всегда становились теми стержнями, которые бы способствовали формированию социальных и экономически важных для региона функций. В первой четверти XIX в. сибирские города только становились торговыми и промышленными центрами. Так, в 1825 г. население самого крупного города Западной Сибири – Тобольска – составляло всего 16 882 человек, Томска – 10 198, Тюмени – 7 727 [4. Табл. VIII]. Целый ряд населенных пунктов Сибири в силу немногочисленности своих жителей только формально имел статус города, даже важные военно-административные центры сибирского края в XVIII в. – Енисейск и Тобольск – после 1822 г. утратили значение главных административных центров региона. Центр Енисейской губернии переместился в Красноярск, а центр генерал-губернаторства Западной Сибири постепенно оказался в Омске [5. С. 23]. Все эти обстоятельства, безусловно, учитывал М.М. Сперанский при разработке «Учреждения» 1822 г.

Согласно прилагавшейся к «Учреждению» 1822 г. «Табели разделения Сибири» все города края были поделены на три категории: многолюдные, средние и малолюдные [2. С. 393]. К «многолюдным городам» «Учреждение» относил Тобольск, Томск, Иркутск, Красноярск (административные центры губерний) и Енисейск. К «средним городам» законом были отнесены 11 крупных окружных административных центров (сибирские уезды были переименованы в округа). 28 городских поселений края были отнесены к «малолюдным городам» [Там же]. Причем к «малолюдным городам» был отнесен Омск, который первым генерал-губернатором Западной Сибири П.М. Капцевичем был выбран в качестве своего местопребывания, а в 1839 г. город на Иртыше официально стал главным административным центром генерал-губернаторства [6. Л. 6].

Согласно § 106 ч. III закона полный набор учреждений местного управления был представлен только в «многолюдных городах» Сибири. Он включал в себя городскую полицию, городское хозяйственное управление и городской суд (магистрат).

Городская полиция состояла из городничего (должности полицмейстеров в сибирских городах упраздняя-

лись) и городской управы. На ключевые должности в городском управлении – городничих – в сибирском регионе назначались бывшие армейские и казачьи офицеры. «Учреждение» прямо предписывало, что рекомендации на должности городничих должны даваться Комитетом о призрении раненых штаб- и обер-офицеров, а не дворянскими собраниями, как в центральных губерниях империи. Городничие в Сибири утверждались в должностях не губернаторами, а генерал-губернаторами [2. С. 356].

Городские управы делились на общие и частные. Юрисдикция общих управ распространялась на весь город, они состояли из городничего и частных приставов. Города края, попавшие в число многолюдных, подразделялись на части. Так, в Западной Сибири Тобольск делился на 2, а Томск на 3 части [7. Л. 9]. В каждой части города создавались частные управы, в состав которых входили частные приставы и надзиратели кварталов (так в Сибири стали называть квартальных надзирателей). Должности частных приставов в крае часто замещались офицерами казачьих городских полков, а вакансии надзирателей кварталов занимали унтер-офицеры казачьих городских полков [2. С. 357]. Широкое применение городских казаков, с одной стороны, делало административно-полицейскую службу менее квалифицированной, с другой – серьезно ее удешевляло. В Нерчинске и Барнауле квартальными надзирателями были служащие горнозаводского ведомства [8. Л. 181]. «Учреждение» не предусматривало, даже в «многолюдных городах», должностей квартальных поручиков, которые прежде были предусмотрены в регионе на основании «Устава благочиния или полицейского» 1782 г. [9. С. 461].

Хозяйственное управление в «многолюдных городах» согласно закону возлагалось на городские думы, которые состояли из городских голов и «2, 3 или 4 гласных, по усмотрению Главного управления генерал-губернаторства». «Учреждение» в отличие от «Жалованной грамоты» 1785 г. отменяло выборность городских голов, городских судей и председателей ратуш и вводило их прямое назначение гражданскими губернаторами. Гласные городских дум, члены городских судов и ратуш избирались горожанами, но после своего избрания также должны были утверждаться губернаторами [2. С. 357].

Согласно ст. 167 «Жалованной грамоты» 1785 г. основные функции городских самоуправлений (общегородских и шестигласных дум) были достаточно обширны по своему содержанию. Они состояли: 1) в прокормлении городских жителей; 2) в сохранении в городах тишины и согласия; 3) в предотвращении тяжб с другими городами; 4) в наблюдении благочестия и порядка; 5) в обеспечении городов необходимыми припасами; 6) в охране зданий и сооружений; 7) в увеличении городских доходов; 8) в разрешении возникавших противоречий между гильдиями и ремесленниками [3. С. 344].

«Учреждение» 1822 г. поставило сибирские городские думы (хозяйственные управления) в более зависимое положение от административно-полицейских органов, чем это было предусмотрено в «Жалованной грамоте» 1785 г. Так, кроме прямых назначений и

утверждений на должности в городском управлении полицейские органы напрямую контролировали городские бюджеты. Городские думы были обязаны представлять на рассмотрение городничих сметы городских расходов, которые городничие после рассмотрения направляли на утверждение в главные административно-полицейские органы губерний – губернские правления [2. С. 357].

«Учреждением» предусматривалось создание в «многолюдных городах» сословных городских судов (магистратов). В состав городского суда входили назначавшийся губернатором городской судья и два заседателя (ратмана), которые избирались городскими обществами. Городовые суды являлись судами первой инстанции по делам купеческого и мещанского сословий.

В 11 «средних городах» края местное управление было также представлено городскими полицейскими и хозяйственными управлениями, но в урезанном виде по сравнению с «многолюдными» городами. Городскую полицию в «средних городах» составляли городничие и частные полицейские управы. Общих полицейских управ и частных приставов в них не предусматривалось, поскольку они не подразделялись на части. В состав частных полицейских управ входили городничие и квартальные надзиратели. Хозяйственное управление в «средних городах» осуществляли не городские думы, а особые административно-хозяйственные и судебные органы – городские ратуши. В состав ратуши входили назначаемый губернатором городской судья и избравшиеся от местных обществ (купцов и мещан) заседатели – по два основных и три запасных кандидата [Там же. С. 358].

Согласно § 130 закона местное управление в 28 «малоллюдных городах» сибирского региона было организовано в упрощенном виде. В «малоллюдных городах» не было полицейских и хозяйственных управлений. Местное управление в них возлагалось на городничих, городских старост и словесные суды [Там же].

В сибирских городах основанное на «Учреждении» 1822 г. городское самоуправление продолжало действовать всю первую половину XIX в. Однако оно было практически безвластным, не имело прав самостоятельно решать большинство административно-хозяйственных вопросов и находилось под почти полным контролем местных органов полиции. Работа в органах городского общественного управления в первой половине XIX в. была обременительна и непрестижна для горожан [10. С. 14]. Некоторую заинтересованность в городском общественном управлении проявляла только торгово-промышленного верхушка населения. Остальные горожане стремились избегать участия в его деятельности, не участвовали в выборах, при избрании в городские думы не являлись на службу, нанимали вместо себя других лиц. В Омске после учреждения в 1840 г. городской думы горожане не раз возбуждали ходатайства в Главное управление западносибирского генерал-губернаторства о ее упразднении. Как было отмечено в годовом отчете Главного управления Западной Сибири за 1847 г., многие омичи, имевшие избирательные права, «на выборы не приходили по ограни-

чению понятий и равнодушию о пользах предоставленных им прав» [11. Л. 69].

Законодатель в «Учреждении» 1822 г. считал городское самоуправление, также как и крестьянское и инородческое, частью системы местного государственного управления, стремился к максимальному укреплению общегосударственной власти, в том числе и за счет самоуправления начал. На городские хозяйственные управления был возложен широкий круг обязанностей, однако при этом они не получили почти никаких прав в области решения местных хозяйственных вопросов. Органы и должностные лица городского хозяйственного управления (городские думы, ратуши и городовые старосты), созданные по «Учреждению» 1822 г., оказались в прямом подчинении и под надзором полицейских органов – бюрократически организованных и военизированных учреждений местной государственной власти. Они главным образом выполняли поручения руководителей городских полицейских управ – городничих.

Закон фактически устранил от участия в городском управлении все сословия, кроме купеческого и мещанского. Зависимость городских голов, городских дум, ратуш и городских старост от губернских правлений и городничих по «Учреждению» 1822 г. была настолько велика, что само городское хозяйственное управление теряло всякое значение и интерес для местных купцов и мещан, которые постоянно обращались с просьбами, чтобы их не привлекали к работе в городских сословных органах.

В 1863 г. домовладельцы-дворяне Омска, сославшись на злоупотребления городского головы В.П. Кузнецова и серьезные упущения в городском хозяйстве, ходатайствовали перед генерал-губернатором и Главным управлением Западной Сибири о новой системе выборов в городскую думу, чтобы сделать самоуправление в городе таким же, как в столицах империи и Одессе. Их ходатайство было удовлетворено, и в конце 1864 г. с разрешения правительства в Омскую городскую думу были избраны гласные от домовладельцев всех сословий [12. Л. 6–36]. Впрочем, недовольство организацией муниципальной власти выражали и жители других сибирских городов. В 60–70 гг. XIX в. иркутские и томские обыватели принимали участие в подготовке городской реформы через участие в обсуждении государственной «Программы для составления соображений относительного улучшения городского управления» [13. С. 51].

Органы городского управления рассматривались законодателем как учреждения, представляющие в сибирских городах прежде всего интересы государства. «Учреждение» 1822 г. наглядно показывает, что с момента инкорпорации сибирского региона в государственно-правовое пространство России перманентно происходила институционализация центральной государственной власти в крае, ущемляя самоуправ-

ленческие начала, шел процесс создания административно-бюрократического аппарата на местах. «Учреждение» закрепило систему взаимоотношений между государственной и выборной властью в соответствии с принципом централизма, который предусматривал подчинение выборной власти местным государственным органам. Сибирские органы городского управления в первой половине XIX в. были включены в систему местных государственных учреждений. Их отличие от местных органов коронной власти было только в характере и условиях работы, в форме их организации, подведомственной надзору со стороны местных полицейских учреждений.

«Учреждение для управления сибирских губерний» не решило всех проблем местного управления в Сибири, однако его реализация на практике при всех трудностях и противоречиях в административной политике верховной власти в первой четверти XIX в. была несомненным шагом вперед в развитии государственных и правовых институтов в стране. Созданная М.М. Сперанским и получившая закрепление в законодательстве Российской империи система местного городского управления продолжала оставаться неизменной в большинстве городов края вплоть до полицейской реформы 1867 г. и распространения на сибирскую окраину империи Городового положения 1870 г. [14. С. 29]. В основу новой городской реформы 1870 г. были положены принципы разделения исполнительной и представительной властей, самоуправления городов, имущественного и бессословного ценза. Ее общей предпосылкой стали демократические и либеральные постулаты равенства и свободы, которые получили популярность после отмены крепостного права в стране. На сибирской окраине империи реформа городского общественного управления началась немного позже, чем в центральных губерниях страны, это объяснялось неподготовленностью городов края для распространения в них новых муниципальных отношений, а также низкими темпами градообразования и урбанизации [15. С. 22]. Городская реформа использовала предшествующие этапы становления и развития начал муниципального управления, из «Жалованной грамоты городам Российской империи» 1785 г. в ее концепцию вошли идеи о сочетании представительной и прямой демократии, а также о доминировании городских общин в самоуправлении городов. Законодатель установил, что городское общественное управление представляет собой инициативную и самостоятельную деятельность городских жителей, которые стремятся к удовлетворению своих интересов и нужд [16. С. 23]. Однако новое «Городовое положение», так же как и «Учреждение для управления сибирских губерний», имело в своем основании государственную концепцию самоуправления, суть которой в том, что муниципалитеты должны осуществлять свою деятельность не только в интересах горожан, но и в интересах государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толочко А.П., Коновалов И.А., Меренкова Е.Ю., Чудаков О.В. Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие. Омск, 2003. 195 с.
2. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). СПб., 1830. Собр. 1, Т. 38. 1355 с.

3. ПСЗ РИ. СПб., 1830. Собр. 1, Т. 22. 1174 с.
4. Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Т. 2.
5. Толочко А.П., Коновалов И.А. Городское самоуправление в Омске в дореволюционный период. Омск, 1997. 92 с.
6. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 3223.
7. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (ГБУТО ГА в г. Тобольске). Ф. И-152. Оп. 1. Д. 20.
8. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 228.
9. ПСЗ РИ. СПб., 1830. Собр. 1, Т. 21. 1085 с.
10. Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в. Л., 1984. 255 с.
11. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1736а.
12. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6227.
13. Плотникова М.М. Городское общественное управление в 60-х гг. XIX в.: коммуникация правительства с регионами (на примере Иркутска) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2018. Т. 23. С. 43–55.
14. Коновалов И.А. Полицейская реформа в Сибири во второй половине XIX в. // История государства и права. 2014. № 9. С. 25–29.
15. Коновалов И.А. Реформа городского общественного управления 1870 г. в Сибири // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2017. Т. 20. С. 21–29.
16. Коновалов И.А., Шиманис Б.Б. Структура муниципальных органов Западной Сибири по Городовому положению 1870 г. // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2009. № 2 (19). С. 23–29.

Konovalev Igor A. Omsk State University (Omsk, Russia). E-mail: konov77@mail.ru

Tolochko Anatoly P. Omsk State University (Omsk, Russia). E-mail: ifdoid@gmail.com

LOCAL GOVERNANCE IN THE CITIES OF SIBERIA ACCORDING TO “INSTITUTION” OF 1822

Keywords: history of Siberia; self-government; power; reform; administration; police; governor; cities; elections; authorities.

The paper considered the city governance in pre-reform Siberia on the basis of the “Institution for the governance of the Siberian provinces” of 1822, as well as documents of archival records. Special attention was given to the structure and legal issues of the activities of local government in Siberia in the 19th century. A brief historiographical review on this issue is presented. The article attempts to show the role and place of the general police in the local government of pre-revolutionary Siberia and at the same time to analyze sources affecting various aspects of the subject under study. There was the process of searching the optimum forms of governance that provides an invaluable historical experience. The increasing interest in the history of municipal government is due to small coverage of studies, as well as purely practical needs. Returning to the forgotten traditions of municipal government, it is necessary to take full account of historical experience in order to overcome old misconceptions and stereotypes and prevent the birth of new ones. Theoretical basis of the research were the principles of historicism, objectivity and alternativeness which are assuming an unbiased approach to the analysis of the researched problems, as well as a critical attitude to the sources. The methodology includes the use of local, systemic, problem-chronological and comparative historical methods, as well as the development of a “new imperial history”. The paper systematizes sources on the problem of formation and development of the local governance in Siberia during the imperial period. The author pays special attention to the structure, legal and organizational issues of the city governance. The author concludes that the city self-government authorities in Siberia based on the “Institution for the governance of the Siberian provinces” had an extremely undemocratic system of representation and were included in the local government system. Their powers were limited; they could not make decisions on many administrative and economic issues without sanctions from local government bodies. The difference between the city self-government and the government authorities was only in the form of their organization and structure, the nature and conditions of the activity, which was under the jurisdiction of the local police. This fact proves the validity of the assumption that the reorganization of the system of local city self-government was possible only if the whole political system was reformed.

REFERENCES

1. Tolochko, A.P., Konovalev, I.A., Merenkova, E.Yu. & Chudakov, O.V. (2003) *Gorodskoe samoupravlenie v Zapadnoy Sibiri v dorevolutsionnyy period: stanovlenie i razvitiye* [Municipal self-government in Western Siberia in the pre-revolutionary period: formation and development]. Omsk: Omsk State University.
2. Russia. (1830a) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [The Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Vol. 38. St. Petersburg: The 2nd Division of His Own Imperial Majesty's Office.
3. Russia. (1830b) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [The Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Vol. 38. St. Petersburg: The 2nd Division of His Own Imperial Majesty's Office.
4. Hagemester, Ju.A. (1854) *Statisticheskoe obozrenie Sibiri* [Statistical Review of Siberia]. Vol. 2. St. Petersburg: The 2nd Division of His Own Imperial Majesty's Office.
5. Tolochko, A.P. & Konovalev, I.A. (1997) *Gorodskoe samoupravlenie v Omske v dorevolutsionnyy period* [Municipal self-government in Omsk in the pre-revolutionary period]. Omsk: Omsk State University.
6. The State Historical Archive of Omsk Region (GIAOO). Fund 3. List 1. File 3223.
7. The State Budgetary Institution of the Tyumen Region State Archive in Tobolsk. Fund I-152. List 1. File 20.
8. The State Historical Archive of Omsk Region (GIAOO). Fund 3. List 1. File 228.
9. Russia. (1830c) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [The Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Vol. 21. St. Petersburg: The 2nd Division of His Own Imperial Majesty's Office.
10. Nardova, V.A. (1984) *Gorodskoe samoupravlenie v Rossii v 60-kh – nachale 90-kh godov XIX v.* [Municipal self-government in Russia in the 60s – early 90-ies of the 19th century]. Leningrad: Nauka.
11. The State Historical Archive of Omsk Region (GIAOO). Fund3. List1. File1736a.
12. The State Historical Archive of Omsk Region (GIAOO). Fund 3. List 4. File 6227.
13. Plotnikova, M.M. (2018) City public administration in the 60-s of the 19th century: Communication of the government with regions (by the example of Irkutsk). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Istoriya” – The Bulletin of Irkutsk State University. Series “History”*. 23. pp. 43–55. (In Russian).
14. Konovalev, I.A. (2014) Police reform in Siberia during the second half of the 19th century. *Istoriya gosudarstva i prava*. 9. pp. 25–29. (In Russian).
15. Konovalev, I.A. (2017) Reform of the Municipal Public Administration of 1870 in Siberia. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Istoriya” – The Bulletin of Irkutsk State University. Series “History”*. 20. pp. 21–29. (In Russian).
16. Konovalev, I.A. & Shimanis, B.B. (2009) *Struktura munitsipal'nykh organov Zapadnoy Sibiri po Gorodovomu polozheniyu 1870 g.* [The structure of the municipal authorities in Western Siberia by the Municipal Regulation of 1870]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Pravo – Herald of Omsk University. Series “Law”*. 2(19). pp. 23–29.

УДК 090:36(571.1–22) (091)
DOI: 10.17223/19988613/60/4

И.В. Курышев

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И НРАВСТВЕННЫЙ ОБЛИК ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ В ОЦЕНКЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ (ОКТЯБРЬ 1917 – МАЙ 1918 г.)

На основе анализа региональной периодической печати автор характеризует социальные преобразования в западносибирской деревне с октября 1917 по май 1918 г., показывает их влияние на общественную атмосферу и нравственно-психологическое состояние западносибирской деревни. Он приходит к выводу о том, что в послереволюционной действительности западносибирской деревни причудливо сочетались противоположные течения, характеризуя, с одной стороны, жажду социального переустройства на справедливых началах, а с другой – консервативные, узко прагматичные, деструктивно-анархистские проявления. К весне-лету 1918 г. произошло обострение взаимоотношений между советской властью и крестьянством.

Ключевые слова: Западная Сибирь; крестьянство; периодическая печать; революционные преобразования; поведение; власть.

Исследование поведения и мироощущения крестьянства, эмоциональной атмосферы в эпоху революционных преобразований позволяют сфокусировать внимание на внутренних особенностях протекания революционного процесса в сибирской деревне, источках и проявлениях стихийного большевизма крестьянских масс в революционную эпоху, что придает ему особую актуальность. Как утверждает В.Б. Аксенов, «локальные особенности эмоциональной географии, их связь с местными хозяйственно-экономическими, политическими или культурно-историческими особенностями должны стать предметом отдельного исследования» [1. С. 32]. В данном направлении существенным научным достижением стали исследования томских и новосибирских историков, еще в конце 1980-х гг. убедительно показавших многомерность, противоречивость и сложность происходивших в сибирской деревне революционных преобразований [2]. Исследуя политические настроения крестьянства в период революционных преобразований 1917 г., они объективно и детально охарактеризовали неоднородность социально-политических взглядов и устремлений различных слоев крестьян [Там же. С. 164].

Характеризуя потенциал периодической печати как источника, следует подчеркнуть, что материалы периодических изданий Сибири марта 1917 – мая 1918 г. в немалой степени служат достоверным отражением действительности и нередко являются первоисточником. В периодических изданиях опубликованы разнообразные материалы, отражающие широкий спектр умонастроений, мнений и представлений городских и сельских жителей, по большей части отсутствующих в архивах. Это объясняется тем, что в крупных городах печатались издания различной социально-политической ориентации (в том числе меньшевистские, эсеровские, областнические), которые конкурировали между собой в качестве источника информации, поэтому давали в целом объективную интерпретацию происходивших

событий. Периодическая печать позволяет реконструировать идейно-политические воззрения крестьян по вопросу войны и мира, власти и собственности, земельных отношений, быт и нравы, нравственно-психологическую атмосферу пореволюционной деревни.

В качестве источника по изучению революционной действительности периодическая печать плодотворно стала использоваться только с конца 1980-х гг. Весьма показательным в данном аспекте стало появление таких научных трудов, как «Октябрь в Сибири. Хроника событий (март 1917 – май 1918 гг.)» (Новосибирск, 1987) и 12-томная публикация документальных материалов об общественно-политической жизни «Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Сибири. Март 1917 – ноябрь 1918 гг.» (Томск, 1991–1994).

Н.Ф. Иванцова в начале 1990-х гг., используя в качестве источника в том числе и материалы периодической печати, исследовала особенности борьбы за установление советской власти и советское строительство в западносибирской деревне, определила динамику политических настроений крестьянства в зависимости от преобразований общественной жизни на разных этапах революции [3]. Е.Н. Косых посвятил целый ряд своих научных исследований изучению периодической печати Сибири революционного периода (март 1917 – май 1918 г.), осмыслению места и роли сибирской периодической печати в идейно-политической борьбе партий и классов, эффективности пропагандистского воздействия прессы на население [4–6].

Значительным событием в изучении общественной атмосферы и происходивших политических процессов на переломном этапе в истории Сибири стала подготовленная томскими историками В.П. Зиновьевым, Э.И. Черняком, Н.С. Ларьковым, В.А. Дробченко, О.А. Харусь «Хроника общественно-политической жизни Томской губернии в 1880–1919 гг.» [7–10].

Серьезным осмыслением общественно-политической жизни Томской губернии, и в том числе форм крестьянского самоопределения в ней в марте 1917 – мае 1918 г. отличаются труды В.А. Дробченко, основанные в немалой степени и на анализе широкого массива сибирской периодической печати периода с марта 1917 по ноябрь 1918 г. [11].

Изучению профессиональной деятельности журналистского сообщества Сибири в 1917 г. посвящены статьи Д.Л. Шереметьевой [12. С. 3–16]. Однако необходимы дальнейшие серьезные поиски и исследования, охватывающие многогранные аспекты социальных преобразований и морально-правовых изменений в сибирской деревне в революционный период. В связи с этим целью нашей статьи является изучение влияния социальных преобразований на нравственно-психологическое состояние западносибирской деревни в отражении региональной прессы в период с конца 1917 до весны 1918 г.

В.А. Дробченко, характеризуя общественно-политические позиции сибирского крестьянства (на примере Томской губернии), отмечает, что в период революционных преобразований значительная масса сибирских крестьян, находясь под влиянием патриархальных традиций, оставалась аполитичной. Крестьяне действовали, исходя из своих материальных интересов, при необходимости прикрываясь лозунгами о наступившей свободе. Порыв революционного энтузиазма постепенно утрачивался, заменяясь безразличием к происходящему вокруг у одних, а у других – подозрительным отношением ко всем новшествам [11. С. 331, 334].

Сибирское крестьянство характеризовали политический индифферентизм, низкий уровень политической культуры, что, в свою очередь, служило питательной средой для роста правового нигилизма и экстремизма. Бессилие властей в организации управления и наведения общественного порядка приводило к тому, что крестьяне вынуждены были сами, по собственному усмотрению, решать проблемы правопорядка. В то же время, по мнению В.А. Дробченко, «к октябрю 1917 г. сибирское крестьянство накопило определенный политический и организационный опыт, научилось отстаивать свои интересы, перестало на веру принимать вносимые в его среду идеи, хотя, конечно, уровень политической культуры крестьянства оставался крайне низким» [Там же. С. 335].

Осенью 1917 г. в Западной Сибири наблюдалась радикализация общественно-политических настроений крестьянства, что нашло выражение в его взглядах на решение земельного вопроса, проблем землеустройства, отношения к частной собственности. Причем отмечался подъем протестных настроений, прежде всего бедных, обездоленных слоев крестьянства. Постепенно происходила эскалация насилия. Бертран Рассел справедливо видел истоки большевизма в полной противоречий действительности царской России [13. С. 33]. Действия крестьянской бедноты, по мнению Т.В. Якимовой, диктовались крайней нищетой, полуголодным существованием и сознанием того, что трудящийся на земле имеет законное право на пользо-

вание ею в необходимом для обеспечения всех жизненных надобностей количестве [14. С. 44–45].

Немаловажное значение для формирования социально-политических позиций крестьянства по отношению к советской власти, особенно в густонаселенных районах Западной Сибири, где острее сказывались земельные противоречия, имел вопрос о земле. Большинство крестьян надеялись на справедливое, уравнительное распределение земельных участков, лесных и водных угодий среди сельского трудового населения.

Состоявшийся еще до революционных потрясений октября 1917 г. II съезд крестьянских депутатов Петропавловского уезда (20–22 сентября 1917 г.) принял следующую резолюцию по земельному вопросу, категорически отвергая частную собственность на землю:

«1) Принимая во внимание, что земля со всеми ее недрами и угодьями есть дар природы и в понятиях народа – ничья, а Божья.

2) До сего времени отчуждение земли в частное владение порождало в народе нищету и бесправие, раздробляя трудовое крестьянство на бедных и богатых.

3) Кабальные отношения, существовавшие сотни лет, вымотали все жизненные соки из трудового крестьянства и сделали его повально невежественным...

Поэтому Петропавловский уездный съезд крестьянских депутатов постановляет:

а) Все земли, как то удельные, кабинетские, монастырские, церковные и частновладельческие, должны быть объявлены общенародным достоянием и поступить в общественное пользование без выкупа.

б) Частная собственность на землю во всех ее видах должна быть уничтожена, а вместе с тем должны быть уничтожены купля, продажа, дарение и закладывание земли.

ж) Всякое хищение народного достояния должно быть немедленно пресекаемо» [15. С. 112–113].

III крестьянский съезд Каменского уезда Алтайской губернии, проходивший 15–19 октября 1917 г., также признал необходимым отменить частную собственность на землю и передать ее в общенародное достояние, в ведение органов местного самоуправления [16. С. 63].

Наиболее политически активная часть крестьянства (солдаты-фронтовики, беднота) безоговорочно признала советскую власть. Так, из 12 уездных съездов, состоявшихся в декабре 1917 – январе 1918 г. в Западной Сибири, 10 съездов поддержали советскую власть [17. С. 173]. Часть крестьянства (прежде всего зажиточная) поддерживала эсеров, руководство союза кооператоров, что отразилось, например, в решениях V Курганского уездного крестьянского съезда (27–28 ноября 1917 г.) [18. С. 119–120], съезда крестьянских депутатов Каинского уезда (10–12 декабря 1917 г.) [19. С. 147], постановлениях губернских и уездных земельных комитетов, земских управ, уполномоченных союза кооператоров, выступивших с безоговорочной поддержкой Учредительного собрания и призывом к открытому непризнанию советской власти.

В то же время, например, уже II крестьянский уездный съезд по созыву Курганского совета рабочих и солдатских депутатов, состоявшийся 28–29 декабря

1917 г., выразил только условную поддержку Учредительному собранию с весьма существенной оговоркой: «Поддерживать Учредительное собрание только в том случае, если последнее санкционирует действительную волю трудового народа, выраженную через СНК, утвержденную Центральным исполнительным комитетом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, и в дальнейшем поддерживать постольку, поскольку оно будет выражать волю трудящихся масс» [18. С. 132–133]. Схожие позиции занимали и делегаты IV съезда советов крестьянских депутатов Каменского уезда Алтайской губернии (29 декабря 1917 г. – 8 января 1918 г.), выразившие мнение, что власть на местах должна принадлежать советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [16. С. 78–79].

Адекватной представляется характеристика социально-политической неоднородности сибирского крестьянства в силу его социально-имущественной, хозяйственной дифференциации: «Общее для сибирского крестьянства осенью 1917 г. чувство недоверия Временному правительству, возмущения проводимой им политикой, глубокий антивоенный настрой, желание добиться радикальных изменений в своем положении не могли быть удовлетворены равнозначным для всех слоев крестьянства образом. Если крестьянская беднота решительно выступала за власть Советов, то значительная часть среднего и мелкого крестьянства, отрицая власть Временного правительства, далеко не так уверенно высказывалась за советы, оставляя решающее слово за Учредительным собранием» [2. С. 164].

В частности, сельское собрание поселка Орловский Семилужской волости Томского уезда считало необходимым немедленное прекращение гражданской войны и бесполезной и разорительной войны с немцами. Учредительное Собрание, по его мнению, должно было немедленно выработать новые законы о земле и воле и выбрать правительство по взаимному согласию, без междоусобицы и кровопролития [20. 1918. 14 янв.]. Представители поселка Парамоновского Нижне-Каинской волости Каинского уезда также выразили отрицательное отношение к захвату власти большевиками накануне созыва Учредительного собрания, посчитав единственно верным образование правительства из представителей всех социалистических партий от народных социалистов до большевиков включительно [Там же].

Роспуск Учредительного собрания не оказал решающего влияния на унастроения и поведение бедных и средних слоев крестьянства Западной Сибири в декабре 1917 – январе 1918 г., хотя, например, в Томской губернии эсерами был организован ряд акций в поддержку Учредительного собрания. К его разгону сибирское крестьянство отнеслось довольно сдержанно. Каких-либо массовых акций крестьян в защиту Учредительного собрания в губернии не произошло. Тем не менее под влиянием эсеровской пропаганды ряд волостей высказался за поддержку Учредительного собрания, выразив возмущение по поводу его разгона. Так, земское собрание Каинского уезда полноту власти за советами не признало, исходя из лозунга «Вся власть Учредительному собранию» [Там же.

21 (8) февр.]. Против разгона Учредительного собрания протестовали Итатская и Судженская волости Мариинского и Томского уездов, часть крестьян Кузнецкого уезда [Там же. 5 марта (20 февр.)].

Большевистский орган Западносибирского исполкома советов журнал «Западная Сибирь» в начале 1918 г. сообщал о поддержке на многочисленных волостных и уездных съездах крестьянской беднотой и середняками Советской власти: «Везде подавляющим большинством признается и приветствуется советская власть как защитница трудового крестьянства и деревенской бедноты. В резолюциях о власти выражается готовность всемерно поддерживать советскую власть до вооруженного выступления» [21. С. 38–39].

В то же время, по мнению корреспондента «Земской газеты», делившегося впечатлениями с Томского губернского крестьянского съезда, единодушная поддержка крестьянами советской власти была нередко наигранной, мнимой: «Большинство единодушно голосовало за власть советов, шумными аплодисментами награждало оно краснобаев большевистского толка. Это было в зале заседаний... А в кулуарах? Здесь шли совершенно другие разговоры. Здесь говорилось о том, что “раньше на наших плечах сидел Николай, потом Керенский, а теперь советчики”, что “нам, крестьянам, все равно плохо” и т.д. и т.п. И это говорили те, кто в зале торжественно подымали руку за Советскую власть» [20. 1918. 14 (1) марта].

Существенное влияние на формирование политического сознания западносибирских крестьян оказали крестьянские съезды. По справедливому мнению Э.И. Черняка, они «сыграли большую роль в установлении советской власти в Сибири. Их значение не сводилось только к принятию резолюций в хозяйственно-экономической и организационной областях, обеспечивавших практическую реализацию советской власти. Эти съезды способствовали развитию политического сознания крестьянства, более четкому определению политических позиций, ориентации, симпатий» [22. С. 179]. Так, Ишимский уездный крестьянский съезд, открывшийся 28 (15) февраля 1918 г., единогласно принял предложенную большевиками резолюцию по текущему моменту: «...Октябрьский переворот явился следствием банкротства соглашательской политики с буржуазией и отказа в удовлетворении всех требований широких народных масс ради сохранения привилегий и господства капиталистов и помещиков. Ближайшей задачей рабочего класса и разоренного крестьянства является укрепление центральной власти Советов путем проведения ее решений и обладания власти на местах» [18. С. 153–154].

Меньшевистская газета «Алтайский луч» подчеркивала, что последние крестьянские съезды проходят под влиянием большевизма, объясняя это тем, что «большинство крестьян, зараженное магическими лозунгами советской власти, забывало о данных наказах, присоединяясь к республике советов» [23. 1918. 14 февр.]. Крестьянская беднота выражала искреннюю решимость самоотверженно бороться за советскую власть. Так, по сообщению большевистской газеты, в селе Солоновском Каменского уезда бедняки приняли

пробольшевистскую резолюцию: «Вся власть советам солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, и эти советы мы будем поддерживать до последней капли крови» [24. 1918. 29 янв.].

В.П. Булдаков характеризует направленность действий крестьян в 1917–1918 гг. термином «общинная революция», поясняя его тем, что «общинники, стремясь в ходе “черного передела” захватить как можно больше земли и угодий, невольно оказались в состоянии войны против всех... наконец, города в целом» [25. № 1. С. 51].

Характерно, что один из меньшевистских деятелей, член редколлегии меньшевистской газеты «Алтайский луч» (впоследствии – управляющий Министерством труда Временного Сибирского, Временного Всероссийского, Российского правительств, с 6 мая 1919 г. министр труда Российского правительства) Л.И. Шумиловский с большим разочарованием отнесся к социальным преобразованиям в сибирской деревне. Он отмечал, что в деревне «происходит грандиозный социальный бунт, но не планомерная социальная революция, и если дело закончится там в конце концов революцией, то очень возможно, что ее плодами воспользуется не деревенская беднота, а только наиболее крепкий хозяйственный мужик» [23. 1918. 10 (25) марта].

Несмотря на то, что Декрет о земле, принятый II Всероссийским съездом советов, отменил право частной собственности на землю, провозгласил передачу всех земель с их недрами и лесами в общенародную собственность, в реальной действительности западносибирской деревни сохранялось множество противоречий в решении аграрного вопроса. Причем, социализация земли в тех конкретно-исторических условиях нередко приводила к еще более сложным и запутанным проблемам, способствуя дальнейшему разрастанию социальных конфликтов и разъединению крестьянского социума, экономическому усилению кулачества.

Западносибирские газеты социал-демократического направления писали о разрушении эгалитарных устремлений крестьянства, появлении новых видов неравенства. Крестьяне в малоземельных местностях по традиции составляли приговоры: «Земли посторонним не давать, применять наемный труд, как прежде» [Там же. 16 (3) апр.]. Корреспондент из села Ново-Колпаковское Барнаульского уезда писал о том, что в ходе разверстки земли по едокам за каждым закреплялся надел в размере всего 2 десятины пахотной земли в силу малоземелья сельского общества. При этом сельский комитет разрешал работоспособным семьям запахивать землю «маломощных». Автор корреспонденции констатировал, что в данном случае в скрытой форме применялись аренда земли и наемный труд, причем арендаторами являлись наиболее зажиточные, а наемными – наиболее бедные крестьяне [26. 1918. 26 (13) мая].

Устойчивые интересы прежних владельцев земли и новоявленных претендентов на нее привели к ожесточенному столкновению и противоборству социальных группировок в деревне, что наиболее ярко проявилось в Алтайской губернии, где острее по сравнению с соседними регионами сказались земельные проблемы и противоречия. Сельские и волостные комитеты оказа-

лись не в состоянии примирить враждующие стороны. В некоторых селениях Косихинской волости Барнаульского уезда члены волостного земельного комитета, выезжавшие туда для урегулирования земельных конфликтов, едва не подверглись расправе, когда уговаривали имущих граждан «без греха» поделиться землей с бедняками. В наделении землей безземельных отказывали даже в тех сельских обществах, где имелись излишки в 400–500 десятин [23. 1918. 16 (3) мая].

В западносибирской деревне обострились и противоречия, связанные с лесопользованием. Так, на проходившем с 25 февраля по 3 марта 1918 г. в Барнауле съезде Алтайского отдела Всероссийского Союза лесоводов обращалось внимание на то, что истребление лесов все увеличивается. По сообщениям с мест, население повсюду игнорировало распоряжения земских комитетов, ограничивающие захватные стремления, и обращалось в комитеты лишь тогда, когда это было ему полезно. Ни одним из докладчиков не было отмечено, чтобы население относилось к лесу, как к общенародному достоянию.

С переходом лесов в ведение земельных комитетов население Западной Сибири (в особенности в Алтайской и южной части Томской губернии), проживавшее в лесостепной местности, стало объявлять леса своими угодьями, не признавая ни управы, ни администрации лесничеств, и воспрещало заготовки леса даже для городов и железных дорог. «При пользовании же лесом местного населения, – подчеркивал корреспондент, – наибольшую выгоду для себя извлекают сильные, многолошадные крестьяне и наименьшую те беднейшие крестьяне, которые всего больше ратуют за переход власти к земельным комитетам» [23. 1918. 23 (10) марта].

Самовольные порубки лесов возрастали, администрация лесничеств терроризировалась (газеты приводили факты всевозможных насилий, убийств лесничих), не допускалась к учету и освидетельствованию заготовок. «Лесничего и объездчиков, стремящихся охранять лес, крестьяне считают своими врагами и даже грозятся их убить. За соответствующими разрешениями на порубки к лесничему никто не ездит, так как все крестьяне казенный лес считают своим», – отмечал корреспондент, рассказывая о массовых самовольных порубках леса, в том числе ценного кедрача, в Кузнецком уезде Томской губернии [20. 1918. 12 марта (27 февр.)]. Массовое и широкомасштабное истребление лесных богатств, отсутствие личной безопасности вынуждали лесничих к уклонению от службы, лесную стражу – к массовым увольнениям. Сами же расхитители лесных богатств, многие из которых являлись бывшими фронтовиками, участниками Первой мировой войны, оправдывали свои незаконные действия по самовольной вырубке леса следующим нравственно-психологическим мотивом: «Мы проливали кровь и получили право!» [27. 1918. 23 (10) февр.].

Указанные факты свидетельствуют о том, что в ходе революционных преобразований усиливались собственные инстинкты части западносибирского крестьянства, а возвышенные социалистические идеи подменялись откровенным прагматизмом, порою превращаясь в обычное перераспределение собственности.

Процесс установления советской власти в Западной Сибири принял затяжной, неоднозначный характер. Советская власть формально победила в сибирской деревне к весне 1918 г. Однако, как установила Н.Ф. Иванцова, к маю 1918 г. на территории Западной Сибири сельские Советы действовали лишь в 60–70% волостей и всего в 4–5% сел [3. С. 185, 187]. Так, «Земская газета» отмечала, что в волостях Томского уезда советов нет, крестьянские депутаты высказываются за полноту власти Учредительного собрания, а власть на местах считают принадлежащей земству, которое должно работать в контакте с советом [20. 1918. 21 (8) февр.]. Фактически власть в сельской местности была сосредоточена в руках зажиточной верхушки деревни, управлявшей сельскими сходами и по-прежнему притеснявшей бедноту.

Наиболее сильное революционизирующее воздействие фронтовиков сибирская деревня испытала в первые недели после их возвращения, когда они были в большей степени пропитаны стихийным большевизмом и политически активны. Находя свои хозяйства чаще всего в запущенном состоянии и будучи не в силах восстановить их самостоятельно, фронтовики неизбежно поддавались влиянию наиболее зажиточной части деревни, и весной 1918 г. потеряли свою социальную активность.

Сельский корреспондент из села Усть-Калманка Бийского уезда под псевдонимом Сергей Непутевый, представая в облике типичного крестьянского бунтаря и правдоискателя, размышлял о вечном поиске справедливости, обличая засилье сельских богачей, их тесную связь с представителями местной власти. Осуждая жажду наживы, жадность и корыстолюбие деревенских богачей, С. Непутевый с искренним возмущением писал: «Цену-то возьмет, сколько захочет, и заставит своего же земляка пахаря просить чуть ли не на коленях уступить “хлебца” для того, чтобы наряду с сытыми не пропасть с голоду да хоть немножко вспахать. Ведь не засеять, так ждать нечего будет» [26. 1918. 25 (12) мая]. По его свидетельству, например, получив удостоверение от местного совета крестьянских депутатов, кулак Богомяков, имевший трехпоставную мельницу, взял с хлебозаготовительного пункта на собственные нужды 24 пуда хлеба.

Протестуя против подобных злоупотреблений и сращивания местной власти с кулачеством в силу удовлетворения собственных корыстных интересов, корреспондент с негодованием писал: «Протестовать против выдачи было трудно – в порошок сотрут. Чего, мол, еще рассуждать? Председатель Славгородский приказал и баста! Все идет как по старому, раньше становой с делопроизводителем, а теперь председатель с секретарем... Хочется спросить Богомякова: “Не тошнит ли тебя с этого хлебца: ведь там, куда он предназначался, наверняка есть люди, корчащиеся в голодных судорогах, или крестьяне, охающие над незасеянной полосой”» [Там же].

Многолетнее господство кулаков в сибирской деревне вызывало возмущение, протест со стороны ее бедняцких слоев. Этот протест при советской власти, когда ведущую роль в сельском управлении постепен-

но приобретали вернувшиеся солдаты-фронтовики, воплощавшие синдром «человека с ружьем», часто превращался в радикальные меры по раскулачиванию, реализацию революционного принципа равенства.

Так, корреспондент «Сибирской земской деревни» из деревни Соловецкой Калачинского уезда Тобольской губернии возмущался поведением большевистски настроенных крестьян. Мотивы своего поведения, по его словам, они объясняли симптоматичным пониманием свободы: «...Теперь свобода, – значит: что хотим, то и делаем, и ничего за это нам никогда в жизни не будет, так как “власть советская” большевиков – самая наилучшая из властей и отныне будет существовать без конца, тысячи лет» [28. 1919. 10 марта]. Как сообщал далее корреспондент, после окончания собрания возбужденная толпа направилась к владельцу мельницы Ф. Селиверстову, угрожая сейчас же бросить его в реку Омь, «так как только таким путем предполагали искоренить в жизни всех деревенских кулаков, чтобы затем между всем трудовым народом началось равенство» [Там же]. Однако прагматичные крестьяне предложили подвергнуть мельника штрафу «тысяч в десять», а затем отпустить его. Автор сетовал, что через три дня по причине поломки не только остановилась отобранная у кулака мельница, но и всему населению деревни негде было размолоть муку.

В корреспонденции из села Брюханово Косминской волости Кузнецкого уезда волостной совет, состоявший из местной бедноты, вынес постановление о реквизиции хлеба у богатых крестьян; почти все присутствовавшие на его заседании высказались за то, что «нужно посадить буржуев-мужиков на паек, определив таковой по 1 пуду 10 фунтов в месяц на человека, весь же остальной хлеб надо реквизиовать по 8 рублей за пуд, оставив, конечно, кое-что для посева, но не более 40 пудов» [20. 1918. 12 марта (27 февр.)].

Особую неприязнь, враждебное отношение к кулачеству и выражавшим его интересы членам сельских управ и земельных комитетов питали крестьяне – бывшие фронтовики, находя свои хозяйства в совершенном разорении и испытывая со стороны представителей сельского управления равнодушие и эгоизм. Так, областническая газета «Жизнь Алтая» освещала один из судебных процессов, связанный с убийством крестьянином, бывшим фронтовиком И. Бороздиным, своего односельчанина Н. Сулова, служившего в земельном комитете. «Мы страдали в плену, а вы тут подати драли с наших жен, – говорил опьяневший, больной туберкулезом Бороздин во время ссоры с Н. Суловым, закончившейся убийством последнего. – Погоди, вернутся наши товарищи из плена, расправимся мы тогда со старшинами да со старостами!» [29. 1918. 25 дек.]. Живая, многоликая революционная действительность проявляла себя в жесткой схватке личных интересов, побудительных мотивов любого социального действия.

Ход социальных преобразований в сибирской деревне и их воздействие на массовую психологию крестьянства во многом зависели от нравственно-психологического облика представителей государственной власти на местах. Количество убежденных

революционеров и мучеников революции было весьма невелико, гораздо больше оказалось у власти приспособленцев, карьеристов, «оборотней», которые в суровые дни революции «всплывали случайно на поверхность революционных волн» и жаждали реализовать свои, часто небескорыстные цели. Так, по сообщению печати, в совет с. Бердска Новониколаевского уезда пробрались темные личности, терроризировавшие население: председатель совета – Бахарев, служитель публичного дома в Томске в довоенное время; председатель земельного отдела – А. Большаков, содержатель пивного завода в Бердске, привлекавшийся к ответственности за зверское убийство цыган; секретарь совета – Н. Павловский, мошенник, отбывавший ранее тюремное наказание за вымогательство; комиссар милиции – молодой, неграмотный человек [26. 1918. 22 (9) мая].

Председатель Алтайского губернского продовольственного комитета А.Ф. Басов под угрозой судебного расследования вынужден был направить в Москву телеграмму народному комиссару юстиции, в которой сообщал о всесии в органах советской власти Бийска лиц с уголовным прошлым, провокаторов, занимавшихся подлогами и взяточничеством, бывших полицейских охранников [23. 1918. 17(4) мая].

Западносибирская деревня на всем протяжении революции и гражданской войны страдала от самоуправства как местных властей, так и разного рода авантюристов, самозванцев, с помощью силы оружия глумившихся над мирными крестьянами. Так, корреспондент из деревни Тогучин Томского уезда с негодованием писал о том, что один из местных крестьян совершил целый ряд мошеннических акций в местном кредитном товариществе, похитив в мае 1917 г. не одну тысячу рублей, принадлежавших в основном бедным солдаткам, уничтожив с целью сокрытия преступления бухгалтерские книги. Затем был призван на военную службу. В конце декабря он возвратился со службы из Омска, вооруженный шашкой и револьвером. Приехав в Тогучин, этот самозванец заявил, что он большевик, начальник роты красногвардейцев, что скоро вызовет из Омска эту роту, разобьет ненавистную «потребилровку» и кредитное товарищество, станет отбирать у жителей хлеб и скотину. Население было терроризировано этим. «Куз. ходит по деревне, потрясает оружием и говорит: “Вот уж погодите, узнаете меня”, – отмечал корреспондент. – Мирное население беспомощно бороться с такими явлениями; оно только возмущается тем, что теперь развелось так много разных неведомых и непрошенных комиссаров, и кому не лень, тот и глумится над народом» [20. 1918. 19 (6) февр.].

В некоторых уездах партийные организации пытались избавиться от попутчиков революции, людей с уголовным прошлым, авантюристов и стяжателей. Делегат петропавловских большевиков на Западносибирском съезде РСДРП(б) в мае 1918 г. отмечал, что к ним после установления в уезде власти советов «прикнула часть темных элементов. После нового года была проведена чистка организации. Примазавшиеся элементы были выкинуты» [30. 1918. 26 мая]. Однако

подобные примеры в первой половине 1918 г. были еще относительно редки.

Существенное влияние на социально-политические настроения западносибирского крестьянства оказала продовольственная политика большевиков, сопровождавшаяся введением продовольственной диктатуры и усилением нажима на крестьян, особенно к весне 1918 г. Многочисленные перегибы, злоупотребления, эгоизм и сепаратизм местных органов власти и управления в сочетании с проводимым советским правительством курсом на монополизацию хлебной торговли вызвали в среде западносибирского крестьянства усиливавшееся недовольство и озлобление. Положение усугублялось нарушением товарообмена между городом и деревней. Уже на III сессии Алтайского губернского продовольственного комитета 23 января 1918 г. отмечалось, что если в октябре 1917 г. ежедневная заготовка хлеба доходила до 120–150 пудов, то в январе 1918 г. она сократилась до самых минимальных размеров и далее продолжала сокращаться изо дня в день. Причинами этого кризисного явления были названы: 1) общая экономическая и политическая разруха в стране, которая не дает уверенности в завтрашнем дне; 2) постоянные колебания цен на товары – в сторону повышения; 3) неуместная агитация лиц, не имеющих никакого отношения к продовольствию; 4) отсутствие денежных знаков и товаров; 5) нарушение твердых цен [23. 1918. 17 (4) февр.]. При этом, уклоняясь от сдачи продовольствия, сельские жители прятали хлеб, зарывая его даже в землю [26. 1918. 22 (9) мая].

Пытаясь найти причину обострения конфликта между городом и деревней, крестьяне справедливо считали, что хлебная монополия при слабом проявлении государственной власти привела к росту противоречий между крестьянством и властью, городом и деревней. Сельское собрание села Московского Убинской волости Каинского уезда отмечало имеющиеся в деревне настроения не в пользу горожан и указывало, что «уговаривают не давать им хлеба за то, что они товары поприпрятали при царе да сбывали в Германию» [20. 1918. 14 янв.]. В приговоре от 15 января 1918 г. крестьяне села Старая Барда Алтайской губернии констатировали сложившиеся ненормальные экономические отношения между городом и деревней, выступив против запрета свободной торговли. У них возникло глубокое убеждение в том, что по отношению к крестьянину поступили несправедливо, жестоко обидев его, и поэтому вполне достаточно посеять хлеба только для собственной семьи [31. 1918. 20 янв. (2 февр.)].

Подъем социально-политических настроений, наблюдавшийся в западносибирской деревне в ноябре 1917 – первые месяцы 1918 г., постепенно шел на спад. Так, уже в декабре 1917 г. крестьяне из деревни Кандыково Ново-Николаевского уезда признавались на сельском собрании: «Мы начинаем разочаровываться во всех политических партиях. Мы желаем достигнуть счастья родины мирным путем, а не захватами и бунтами» [32. 1917. 21 дек.]. В январе 1918 г. сельское собрание села Мариинского Убинской волости Каинского уезда обратилось к гражданам с призывом прекратить немед-

ленно беспорядки и гражданскую войну. Кроме того, оно считало необходимым установить твердые цены на товары массового потребления, развернуть самую энергичную борьбу со спекулянтами, самогонщиками и нарушителями распоряжений власти, не останавливаясь перед самыми решительными мерами [20. 1918. 14 янв.]. В последующие месяцы, в частности в марте 1918 г., в сообщениях сельских корреспондентов указывалось на то, что крестьяне хотят твердой власти, испытывают усталость от жизни, ярко выраженные чувства дезориентации, сомнений, страха перед будущим.

Весной 1918 г. в сибирской деревне все отчетливее проявлялась тенденция политической индифферентности и аморфности. В заметке из села Залесово корреспондент сообщал об этих отрицательных чертах крестьянской жизни: «Деревня в настоящее время не видит точки опоры, она ползет по наклонной плоскости и те отрадные явления... пропадают, как одна звездочка в ночной темноте, среди пьянства, разгула и других безобразий. Чувствуется усталость наших крестьян. Они начинают тяготиться свободой, они боятся за свои пожитки, за свои храмы и т.д. Велики суеверия и предрассудки» [23. 1918. 19 (6) апр.]. «Пока шел передел власти в губернском центре, село на некоторое время оказалось предоставлено самому себе. В нем продолжали действовать органы самоуправления, однако доверие к ним неуклонно снижалось, институты власти становились все более аморфными. Еще больший размах приобрело самогонование. Село сохраняло зыбкое спокойствие, которое периодически нарушалось вспышками самосудов», — справедливо отмечает В.А. Дробченко [11. С. 352].

На Барнаульском уездном съезде советов крестьянских депутатов в начале апреля 1918 г. отмечалось, что если на прежних съездах крестьяне стремились к политическому самоопределению, требовали обсуждения текущего момента, то сейчас они заявляют о своей беспартийности, об усталости деревни от политики [23. 1918. 3 апр. (21 марта)]. Призыв помочь рабочим и голодающим произвел слабое впечатление на представителей крестьян. Основным мотивом выступлений крестьянских депутатов являлся вполне прагматичный аргумент: «Хлеб только за товары» [Там же. 6 апр. (24) марта].

Ряд сотрудников продовольственных органов видели в применении реквизиции к тем владельцам хлеба, которые отказывались от добровольной сдачи зерна, единственный путь, чтобы усилить подвоз хлеба и оказать помощь в спасении голодающих центральных губерний. В то же время часть советских деятелей высказали опасение в применении насилия по отношению к крестьянству. Так, большевик Кургузов на III сессии Алтайского губернского продовольственного комитета указывал: «Каждому известно, что мы не имеем средств разрешить разруху. Я никогда не соглашусь с насильственным отчуждением хлеба. На этом пало самодержавие, пало Временное правительство, падем и мы. Мы твердо верим, что крестьяне при товарообмене хлеб повезут добровольно» [23. 1918. 17 (4) февр.].

Общеизвестно, что среднее крестьянство, в целом поддерживая политику большевиков на этапе револю-

ционно-демократических преобразований, не отличалось устойчивыми социальными позициями и настроениями, сочетая в себе противоречивые черты труженика-земледелца и собственника. Принудительное изъятие хлеба вызывало сопротивление крестьянства. На подавление крестьянских выступлений направлялись отряды красной гвардии из близлежащих рабочих поселков. Политика большевиков, сознательно направленная на раскол деревни, приводила к социальным конфликтам между деревенской беднотой и кулаками, приписными и старожилами. По мнению В.А. Дробченко, с весны 1918 г. крестьянское сопротивление советской власти стало принимать массовый характер. Уездные и сельские советы и красная гвардия оказались не способны контролировать ситуацию на местах. К лету 1918 г. значительная часть сибирских крестьян, разочаровавшись в политике большевиков, стала оказывать активное сопротивление советской власти [11. С. 356].

В некоторых сибирских селах ярко проявились анархистские настроения: крестьяне отчаянно защищали свою, народную власть от каких-либо посягательств, ограничений со стороны большевиков, вообще органов власти и управления, оказывали сопротивление отрядам милиции [23. 1918. 20 (7) марта]. В целях борьбы с преступностью, винокурением, например, 9 марта 1918 г. из г. Барнаула в с. Бутырки был командирован отряд милиции. Крестьяне, посчитав отряд красной гвардией, решили прогнать его обратно. Угрожая, они заявили начальнику отряда: «Ни вас, ни Ленина, ни Троцкого мы не выбирали, а потому вы нам не нужны. Все, что вам нужно, просите у тех, кто вас сюда послал». Разъяренные крестьяне угрожали милиционерам жестоким самосудом. По требованию районного съезда крестьяне отобрали у отряда все оружие и только после этого освободили милиционеров. Милицейский отряд, опасаясь крестьянского самосуда, вынужден был обходить соседние села за несколько верст [33. № 1. С. 123].

В селе Ишим Томского уезда разъяренная пьяная толпа во главе с сельским комитетом чуть было не растерзала милиционера, попытавшегося вести борьбу с самогонованием. «Уничтожить это зло и направить жизнь в деревне на правильную точку может только организованная в каждом селении красная гвардия из сознательных крестьян и интеллигенции. Волостная управа надеется на совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, что лишь последний может оказать ей поддержку в скорейшем искоренении этого зла, иначе Россия потонет в мраке невежества» [20. 1918. 17 (4) февр.], — констатировал волостной секретарь Драгунов. В то же время в соседнем Кузнецком уезде, располагавшем штатом в 56 милиционеров, по заверениям печати, шла довольно успешная борьба с самогонщиками [Там же].

Надо сказать, что создание эффективной системы охраны безопасности граждан в условиях революционной ломки являлось чрезвычайно сложной задачей, да и организация милицейской службы была низкой. Один из крестьянских делегатов из села Гутово Кайлинской волости Томского уезда подчеркивал по этому поводу: «Отсутствие суда и закона ставит милицию

в совершенно невыносимое положение. Местами милицию сделали орудием политической борьбы, и в результате местами на службе остаются лишь милиционеры, умеющие держать нос по ветру» [20. 1918. 24 (11) февр.].

Волостной съезд крестьянских депутатов, состоявшийся 20 марта 1918 г. в селе Талицком Барнаульского уезда, усмотрев покушения на завоевания революционной свободы, принял характерное постановление: «Признавая власть советов, съезд в то же время заявляет, что власть эта должна быть чисто народная, чтобы распоряжения, относящиеся быта народа, не исходили сверху, а рассматривались бы сначала самим населением или уполномоченными его, и уже затем утвердились бы высшим советом; все распоряжения, непосредственно исходящие свыше и клонящиеся к ущербу интересов народа, мы оставляем за собой право не исполнять» [23. 1918. 9 апр. (27 марта)].

П.С. Парфенов с точки зрения большевистской идеологии дал следующую характеристику особенностям политических настроений сибирского крестьянства накануне падения советской власти: «По своей малокультурности и несознательности, — писал он, — деревня не была заинтересована политически в советской власти. Для нее было безразлично, что будет завтра, а сегодня новая власть была ей неприемлема, так как требовала от деревни и денег, и хлеба, давая взамен только обещания плугов, кос и мануфактуры» [34. С. 10].

Преобладавшие в деревне весьма немногочисленные беспартийные бедняцко-средняцкие советы оказались политически неустойчивыми и слабыми. Как справедливо отмечает Т.В. Якимова, политические настроения среднего крестьянства эволюционировали «в перемене оттенков его нейтралитета от благожелательного к выжидательному, а затем к враждебному до слияния с позицией кулачества в его бойкоте советской продовольственной политики» [17. С. 177].

На всеобщую деградацию, падение нравственности, царившие и в сельской местности, накладывала отпечаток воспринятая как вседозволенность свобода. По многочисленным сообщениям газет, процветали самогонование и пьянство, довольно широко было распространено хулиганство. Корреспондент из села Шалаболиха Славгородского уезда, например, так описывал социальные последствия самогонования и пьянства: «Затем все стало в народе забываться, потому что идет страшное пьянство. Хлеб тысячами пудов сжигается на самосидку. Весь народ ничего не сознает, что делает, и затем идет какая-то травля друг на друга» [20. 1918. 12 марта (27 февр.)].

Не редкостью для крестьянства являлись проституция и венерические заболевания, переносчиками которых были демобилизованные солдаты [20. 1918. 24 (11) марта].

В западносибирской деревне быстро поднимался общий уровень преступности, участились случаи аффективных действий: злостного хулиганства, насилий, убийств, жестоких самосудов со стороны крестьянства: «Самосуды не прекращаются. Жизнь подешевела до ужаса. Всякого рода революционные трибуналы лишь утверждают произвол, так как они носят ярко

партийный характер... Суда нет, и вместо него у нас царят произвол и самосуд» [Там же. 21 (8) марта]. Так, в селе Барнаульском той же волости в ходе самочинной расправы на глазах жены и детей был живьем зарыт в яму секретарь Дудинского исполнительного комитета Двойнин. Жена его здесь же умерла от разрыва сердца; после их гибели остались малолетние дети, сироты [23. 1918. 12 (27) марта]. В старообрядческом селе Верх-Убинское Змеиногорского уезда только за Масленицу 1918 г. были убиты 7 человек [Там же. 3 апр. (21 марта)].

Выразительная картина уровня правосознания, падения нравов, равнодушия к образованию, школе и резкого ослабления религиозного чувства революционной деревни предстает, например, в одной из корреспонденций из Кузнецкого уезда Томской губернии: «Уплата налогов под влиянием большевиков крестьянами не производится, и наряду с этим отрицается необходимость существования какой-либо центральной власти. Во многих волостях органы власти уже упразднены. Текущие события занимают крестьян очень мало, больше их интересуют личные дела. Солдаты с фронта почти все возвратились. Много свадеб. Потребление самогонки огромное. В печальном состоянии находятся сельские школы. — Учителя бегут, так как крестьяне сплошь и рядом относятся к ним недоброжелательно, а вдобавок сторожа их не слушаются: уборки не производят, печей не топят и т.д. Местами учительницы сами моют полы в школах и производят уборку. Вдобавок учителя и учительницы получают такое ничтожное вознаграждение, что голодают, так как в деревне сплошь и рядом труднее достать съестные продукты, чем в городе. Религия среди крестьянства страшно упала, нередко случаи кощунства, были случаи выбрасывания и даже сжигания икон» [20. 1918. 12 марта (27 февр.)].

В селе Быструхинском Каменского уезда Алтайской губернии крестьяне выгнали в декабре 1917 г., в самые сильные морозы, из квартиры престарелого священника, прослужившего здесь более двадцати лет. Попадья была больна, и священник на коленях тщетно умолял крестьян оставить его в квартире до выздоровления жены. Несмотря на угрозы, вся семья была насильственно выселена на улицу. Жена священника через три дня умерла. При этом молодые крестьянские парни с восхищением рассказывали о происшедшем [35. 1918. 2 окт.].

Подобные проявления девиантного поведения являлись одной из форм «революционного психоза». К тому же священнослужители отождествлялись обывателями революционной поры с представителями власти. По мнению В.Б. Аксенова, «восторг и страх, любовь и ненависть, великодушие и жестокость становились постоянными спутниками революции, определяя ее дуалистическую, противоречивую природу» [1. С. 31].

Таким образом, в пореволюционной действительности сибирской деревни поразительно сочетались самые противоположные течения, характеризуя, с одной стороны, жажду социального переустройства на справедливых началах, а с другой — консервативные, узко прагматичные, а также деструктивно-

анархистские тенденции и проявления, которые в совокупности характеризовали социально-нравственный облик сибирского крестьянина.

Материалы периодической печати позволяют показать развитие социальных настроений, социально-психологическую атмосферу и морально-правовые изменения в поведении крестьянства Западной Сибири в пореволюционный период и накануне Гражданской войны. Рассмотрение социально-психологического облика западносибирского крестьянства на данном этапе позволяет заключить, что в жизни сибирской деревни зачастую происходило углубление социальных конфликтов и противоречий, сопровождавшееся ее разобщением. Первоначальное воплощение идей

уравнительности на практике не всегда и не повсюду соответствовало крестьянским ожиданиям. В действительности происходило существенное обострение взаимоотношений между городом и деревней, властью и крестьянством. Нарушение естественного товарообмена, продовольственная монополия, изъятие хлебных излишков вызвали резкое недовольство со стороны крестьян. Это обстоятельство в сочетании с сепаратизмом, произволом, злоупотреблениями, а иногда и темным, уголовным прошлым местных властей привело к подрыву доверия к советской власти в деревне и способствовало последовавшему вскоре быстрому и легкому ее падению под натиском сил внешней и внутренней контрреволюции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенов В.Б. Революция и насилие в воображении современников: слухи и эмоции «медового месяца» 1917 г. // Российская история. 2017. № 2. С. 17–32.
2. Победа Великого Октября в Сибири / под ред. И.М. Разгона. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1987. Ч. II. 319 с.
3. Иванцова Н.Ф. Западносибирское крестьянство в 1917 – первой половине 1918 гг. М. : Прометей, 1993. 352 с.
4. Косых Е.Н. Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 гг.) : указатель газет и журналов : пособие для студентов. Изд. 2-е. Томск, 1990. 85 с.
5. Косых Е.Н. Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 гг.) : из истории идейно-политической борьбы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. 246 с.
6. Косых Е.Н. Февральская революция 1917 г. и периодическая печать Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416. С. 99–106.
7. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. : в 3 т. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. Т. 1: 1880 – февраль 1917 г. / сост. В.П. Зиновьев, О.А. Харусь. 402 с.
8. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. : в 3 т. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. Т. 2: Март 1917 – май 1918 г., ч. 1: Март–август 1917 / сост. Э.И. Черняк, В.А. Дробченко. 416 с.
9. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. : в 3 т. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. Т. 2: Март 1917 – май 1918 г., ч. 2: Сентябрь 1917 – май 1918 г. / сост. Э.И. Черняк, В.А. Дробченко. 386 с.
10. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. : в 3 т. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. Т. 3: Июнь 1918 – декабрь 1919 г. / сост. Н.С. Ларьков, В.А. Дробченко. 376 с.
11. Дробченко В.А. Общественно-политическая жизнь Томской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 550 с.
12. Шереметьева Д.Л. Революция 1917 года в жизненных траекториях сибирских журналистов // Власть и общество в Сибири в XX веке : сб. науч. ст. / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск : Параллель, Ин-т истории СО РАН, 2015. Вып. 6. С. 3–16.
13. Рассел Б. Практика и теория большевизма. М. : Наука, 1991. 128 с.
14. Якимова Т.В. О формировании политических настроений крестьянства Западной Сибири после победы Февральской буржуазно-демократической революции // Вопросы социалистического строительства в Сибири : сб. ст. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983. С. 41–48.
15. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Акмолинской области (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). / сост. Т.В. Якимова. Томск, 1992. Ч. 1. 173 с.
16. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, национальных и религиозных организаций Алтайской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). / сост. Э.И. Черняк. Томск, 1992. 131 с.
17. Якимова Т.В. Политические настроения и позиции крестьянства Западной Сибири в ходе борьбы за установление Советской власти (октябрь 2017 – май 1918 г.) // Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири (1905–1920 гг.) : сб. ст. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1982. С. 172–186.
18. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Тобольской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.) / сост. Т.В. Якимова. Томск, 1992. 207 с.
19. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций Томской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). / сост. Э.И. Черняк. Томск, 1992. Ч. 1. 150 с.
20. Земская газета (Томск).
21. Западная Сибирь (Омск).
22. Черняк Э.И. Революция в Сибири: съезды, конференции и совещания общественных объединений и организаций : (март 1917 – ноябрь 1918 года). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 238 с.
23. Алтайский луч (Барнаул).
24. Голос трудового народа (Камень-на-Оби).
25. Булдаков В.П. Имперство и российская революционность (критические заметки) // Отечественная история. 1997. № 1. С. 42–60.
26. Свободный луч (Барнаул).
27. Свободная речь (Семипалатинск).
28. Сибирская земская деревня (Тобольск).
29. Жизнь Алтая (Барнаул).
30. Известия Западно-Сибирского и Омского областного исполнительных комитетов Советов (Омск).
31. Алтай (Бийск).
32. Голос свободы (Томск).
33. Горный И. Октябрь в Алтайской деревне // Алтайская деревня : орган Алтайского губернского комитета РКП (Барнаул). 1924. № 1. С. 120–129.
34. Парфенов П.С. (Петр Алтайский) Гражданская война в Сибири : 1918–1920 / Истпарт. Комис. по истории Октябр. революции и РКП(б). 2-е изд. М. : Гос. изд-во, 1925. 168 с.
35. Единство (Петропавловск).

Kuryshch Igor V. Ishim teacher training institute, Tyumen State University (Ishim, Russia). E-mail: istorik_ishim72@mail.ru

ASSESSMENT OF SOCIAL TRANSFORMATION AND MORAL CHARACTER OF THE WEST SIBERIAN VILLAGE IN PERIODICAL PRESS (OCTOBER 1917 – MAY 1918).

Keywords: Western Siberia; peasantry; periodical press; revolutionary undertakings; behavior; power.

The study of the behaviour and sentiments of the peasantry, the emotional atmosphere during the era of the revolutionary changes enables us to focus on the internal characteristics of the revolutionary process in the Siberian village.

The purpose of the article is to study the process and consequences of social transformation, its impact on the moral and psychological state of the Siberian village from October 1917 till May 1918 on the materials of the regional press.

The author extensively used the periodical press as a source for the study, which to a large extent serves as a reliable reflection of real events.

The autumn of 1917 saw the rise of protests among the poor, destitute strata of the West Siberian peasantry. In their resolutions on authority peasants expressed willingness to support the Soviet government. The majority of peasants hoped for a fair, equitable distribution of land, forest and water among the rural population. Despite the Decree on land, many contradictions and difficulties in solving the agrarian issue in West Siberia appeared. Moreover, the socialization of land contributed to the further growth of social conflicts and economic strengthening of the kulaks. The problems of forest management deepened as well.

The facts mentioned in the article indicate that during the revolutionary reforms proprietary instincts of the West Siberian peasants intensified, and the realization of socialist ideas often turned into an ordinary redistribution of property.

Despite the fact that the Soviet government had formally taken control of Siberian villages by the spring of 1918, the power was actually concentrated in the hands of wealthy villagers. Many war veterans were hostile to kulaks, members of village councils and land committees. However, in the spring of 1918 the veterans lost their social activity under the influence of the rich peasants.

The impact of social reforms on the mass psychology of the peasants largely depended on the moral character of local representatives of the state government. In some districts party organizations were trying to get rid of the fellow travellers of the revolution, adventurers and money-grubbers.

Numerous abuses by local administrations, together with the Soviet government's policy of monopolizing the grain trade, caused serious discontent among West Siberian peasants, exacerbated by the violation of trade between the city and the village. In some villages there were evident anarchist sentiments: the peasants stubbornly defended their own people's government from any restrictions from the authorities, offered resistance to the militia.

The general crime rate in West Siberian villages quickly rose from February 1917, the cases of peasants' disobedience became more frequent.

The author came to the conclusion that in the post-revolutionary West Siberian village two opposite trends were oddly combined. On the one hand, there was a thirst for social reorganization on fair principles, on the other hand there were conservative, purely pragmatic, destructive and anarchist manifestations.

In reality the relations between the town and rural population, the authorities and peasantry had seriously aggravated by the spring-summer of 1918.

REFERENCES

1. Aksenov, V.B. (2017) Revolution and violence in contemporaries' imagination: rumors and emotions of the "honeymoon" of 1917. *Rossiyskaya istoriya*. 2. pp. 17–32. (In Russian).
2. Razgon, I.M. (ed.) (1987) *Pobeda Velikogo Oktyabrya v Sibiri* [Victory of the Great October Revolution in Siberia]. Part 3. Tomsk: Tomsk State University.
3. Ivantsova, N.F. (1993) *Zapadnosibirskoe krest'yanstvo v 1917 – pervoy polovine 1918 gg.* [West Siberian peasantry in 1917 – the first half of 1918]. Moscow: Prometei.
4. Kosykh, E.N. (1990) *Periodicheskaya pechat' Sibiri (mart 1917 – may 1918 gg.). Ukazatel' gazet i zhurnalov* [Periodical press of Siberia (March 1917 – May 1918). Index of Newspapers and Magazines]. 2nd ed. Tomsk: Tomsk State University.
5. Kosykh, E.N. (1994) *Periodicheskaya pechat' Sibiri (mart 1917 – may 1918 gg.). Iz istorii ideyno-politicheskoy bor'by* [Periodical press of Siberia (March 1917 – May 1918). From the history of the ideological and political struggle]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Kosykh, E.N. (2017) The February Revolution of 1917 and periodicals of Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 416. pp. 99–106. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/416/15
7. Zinoviev, V.P. & Kharus, O.A. (eds) (2013) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoy gubernii v 1880 – 1919 gg.: v 3 t.* [Social and political life of Tomsk Province in 1880 – 1919: in 3 vols]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
8. Chernyak, E.I. & Drobchenko, V.A. (eds) (2013a) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoy gubernii v 1880 – 1919 gg.: v 3 t.* [Social and political life of Tomsk Province in 1880 – 1919: in 3 vols]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
9. Chernyak, E.I. & Drobchenko, V.A. (eds) (2013b) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoy gubernii v 1880 – 1919 gg.: v 3 t.* [Social and political life of Tomsk Province in 1880 – 1919: in 3 vols]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
10. Larkov, N.S. & Drobchenko, V.A. (2013) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoy gubernii v 1880 – 1919 gg.: v 3 t.* [Social and political life of Tomsk Province in 1880 – 1919: in 3 vols]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
11. Drobchenko, V.A. (2010) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoy gubernii (mart 1917 – noyabr' 1918 g.)* [Social and political life of Tomsk Province (March 1917 – November 1918)]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Sheremetieva, D.L. (2015) Revolutsiya 1917 goda v zhiznennykh traektoriyakh sibirskikh zhurnalistsov [The revolution of 1917 in the life trajectories of Siberian journalists]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke* [Power and Society in Siberia in the 20th century]. Novosibirsk: Parallel', Institute of History SB RAS. pp. 3–16.
13. Russell, B. (1991) *Praktika i teoriya bol'shevizma* [Practice and theory of Bolshevism]. Translated from English. Moscow: Nauka.
14. Yakimova, T.V. (1983) O formirovani politicheskikh nastroyeni krest'yanstva Zapadnoy Sibiri posle pobedy Fevral'skoy burzhuanno-demokraticheskoy revolyutsii [On the formation of political attitudes of the West Siberian peasantry after the victory of the February bourgeois-democratic revolution]. In: Razgon, I.M. (ed.) *Voprosy sotsialisticheskogo stroitel'stva v Sibiri* [Socialist Construction in Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp.41–48.
15. Yakimova, T.V. (1992a) *S"ezdy, konferentsii i soveshchaniya sotsial'no-klassovykh, politicheskikh, religioznykh, natsional'nykh organizatsiy v Akmolinskoy oblasti (mart 1917 – noyabr' 1918 gg.)* [Congresses, conferences and meetings of social class, political, religious, national organizations in Akmola region (March 1917 – November 1918)]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.

16. Chernyak E.I. (1992a) *S"ezdy, konferentsii i soveshchaniya sotsial'no-klassovykh, politicheskikh, natsional'nykh i religioznykh organizatsiy Altayskoy gubernii (mart 1917 – noyabr' 1918 gg.)* [Congresses, conferences and meetings of social class, political, national and religious organizations of Altai Province (March 1917 – November 1918)]. Tomsk: Tomsk State University.
17. Yakimova, T.V. (1982) Politicheskie nastroyeniya i pozitsii krest'yanstva Zapadnoy Sibiri v khode bor'by za ustanovlenie Sovetskoy vlasti (oktyabr' – may 1918 g.) [Political sentiments and positions of the peasantry of Western Siberia in the struggle for the Soviet power (October – May 1918)]. In: *Problemy istorii revolyutsionnogo dvizheniya i bor'by za vlast' Sovetov v Sibiri (1905 – 1920 gg.)* [The History of the Revolutionary Movement and the Struggle for the Soviet Power in Siberia (1905 – 1920)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 172–186.
18. Yakimova, T.V. (1992b) *S"ezdy, konferentsii i soveshchaniya sotsial'no-klassovykh, politicheskikh, religioznykh, natsional'nykh organizatsiy v Akmolinskoy oblasti (mart 1917 – noyabr' 1918 gg.)* [Congresses, conferences and meetings of social class, political, religious, national organizations in Akmola region (March 1917 – November 1918)]. Tomsk: Tomsk State University.
19. Chernyak E.I. (1992b) *S"ezdy, konferentsii i soveshchaniya sotsial'no-klassovykh, politicheskikh, natsional'nykh i religioznykh organizatsiy Altayskoy gubernii (mart 1917 – noyabr' 1918 gg.)* [Congresses, conferences and meetings of social class, political, national and religious organizations of Altai Province (March 1917 – November 1918)]. Part 1. Tomsk: Tomsk State University.
20. *Zemskaya gazeta (Tomsk).*
21. *Zapadnaya Sibir' (Omsk).*
22. Chernyak, E.I. (2001) *Revolutsiya v Sibiri: s"ezdy, konferentsii i soveshchaniya obshchestvennykh ob"edineniy i organizatsiy: (Mart 1917 – noyabr' 1918 goda)* [The revolution in Siberia: congresses, conferences and meetings of public associations and organizations: (March 1917 – November 1918)]. Tomsk: Tomsk State University.
23. *Altayskiy luch (Barnaul).*
24. *Golos trudovogo naroda (Kamen-na-Obi).*
25. Buldakov, V.P. (1997) Imperstvo i rossiyskaya revolyutsionnost' (Kriticheskie zametki) [Imperialism and Russian revolutionism (Critical notes)]. *Otechestvennaya istoriya*. 1. pp. 42–60.
26. *Svobodnyy luch (Barnaul).*
27. *Svobodnaya rech' (Semipalatinsk).*
28. *Sibirskaya zemskaya derevnya (Tobolsk).*
29. *Zhizn' Altaya (Barnaul).*
30. *Izvestiya Zapadno-Sibirskogo i Omskogo oblastnogo ispolnitel'nykh komitetov Sovetov (Omsk).*
31. *Altay (Biysk).*
32. *Golos svobody (Tomsk).*
33. Gornyy, I. (1924) Oktyabr' v Altayskoy derevne [October in the Altai village]. *Altayskaya derevnya. Organ Altayskogo gubernskogo komiteta RKP (Barnaul)*. 1. pp. 120–129.
34. Parfenov, P.S. (1925) *Grazhdanskaya voyna v Sibiri: 1918–1920* [The Civil War in Siberia: 1918–1920]. 2nd ed. Moscow: Gosizdat.
35. *Edinstvo (Petropavlovsk).*

УДК 930.1:271.2
DOI: 10.17223/19988613/60/5

А.А. Мицук

МИССИОНЕР И УЧЕНЫЙ: РЯЗАНСКИЙ ПЕРИОД ПРОТИВОРАСКОЛЬНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ П.С. СМЕРНОВА (1888–1894)

*Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 18-78-00044
«Становление и развитие церковной исторической науки сквозь призму анализа корпоративной культуры
духовных учебных заведений (середина XIX – начало XXI вв.)».*

Рассматриваются деятельность и научное наследие известного расколоведа, доктора богословия П.С. Смирнова. На основе материалов церковной периодики реконструируется «рязанский период» его жизни, когда он состоял миссионером в церковном братстве и преподавателем в духовной семинарии. Выявлены причины становления П.С. Смирнова как миссионера-исследователя, стремящегося преодолеть необоснованную критику староверия, характерную для церковной научной и миссионерской литературы, и усовершенствовать принятую методику обучения семинаристов.

Ключевые слова: П.С. Смирнов; противораскольническая миссионерская практика; церковная историческая наука; история старообрядчества.

Со второй половины XIX в. в Российской империи стремительно развивается противораскольническая миссионерская деятельность, целью которой провозглашалось ослабление старообрядческого движения. Обязанность по подготовке профессиональных кадров возлагалась на духовные академии и семинарии. Однако для реализации задачи был необходим штат высококвалифицированных преподавателей и ученых, способных к разработке основ противораскольнического научного знания. На деле же оказалось, что теоретическая часть новой отрасли знания полностью зависела от уже имеющегося практического миссионерского опыта.

Этот факт дает основание для утверждения, что научное осмысление феномена церковного раскола в отечественной историко-церковной традиции первоначально проходило в кругу действующих миссионеров. Соответственно, именно исследования «расколоведов» – преподавателей кафедр по истории и обличению русского раскола российских духовных академий – позволяют понять, каким образом и почему академическая корпорация расколоведов пополнялась членами миссионерского сообщества. Ответить на поставленные вопросы возможно при анализе научного наследия одного из выдающихся церковных историков, доктора богословия Петра Семеновича Смирнова (1861 – после 1917), чьи труды рекомендовались высшей духовной властью миссионерам, работавшим со староверами.

Настоящая статья представляет научную биографию П.С. Смирнова в начальный период его противораскольнической деятельности в Рязанской епархии (1888–1894). Значимость его изучения определяется тем, что в это время П.С. Смирнов, оставаясь практикующим миссионером, проявляет себя как ученый, стремящийся преодолеть традиционное для право-

славной церкви пренебрежительное отношение к староверию. Исследование проведено на основе методов научной биографии и интеллектуальной истории, сочетание которых дает возможность показать развитие научных идей церковного историка последней трети XIX в. с учетом динамично развивающегося социального контекста.

Полноценных исследований, посвященных П.С. Смирнову, не существует, но в работах трех авторов – Т.А. Богдановой [1], Д.А. Карпука [2], К.А. Кузоро [3] – упоминаются отдельные сведения о его общественной деятельности и даются краткие сведения о его академической карьере в Санкт-Петербургской духовной академии. Привлеченные в настоящей статье материалы церковных журналов «Церковный вестник», «Церковные ведомости» и «Христианское чтение», отражающие результаты научно-исследовательской и миссионерской деятельности П.С. Смирнова в Рязанской епархии, позволяют заполнить пробелы в его биографии.

В «рязанский период» П.С. Смирновым было написано около 50 работ, освещающих различные аспекты истории и догматики старообрядчества и опубликованных на страницах региональной и общероссийской церковной периодики («Рязанские епархиальные ведомости», «Миссионерский сборник», «Вера и разум», «Церковные ведомости»). Помимо этого, важным источником по изучению научных идей и взглядов православного писателя является подготовленное им учебное пособие «История русского раскола старообрядства» (1893) [4], которое в 1895 г. будет переиздано в типографии Санкт-Петербурга [5].

Петр Семенович Смирнов родился 17 ноября 1861 г. в семье священника села Мещерки Егорьевского уезда Рязанской губернии. После окончания местной духовной семинарии он в августе 1883 г. успешно сдал

вступительные испытания и был принят казённо-коштным студентом в Санкт-Петербургскую духовную академию. В июне 1887 г. П.С. Смирнов завершает четырехгодичный цикл обучения в академии со степенью кандидата богословия с правом получения в дальнейшем степени магистра без новых устных испытаний [6. С. 1832].

Такие преференции стали вполне заслуженными – его выпускное сочинение «Полемическая против раскола литература с 1666 по 1766 год, ее достоинства и недостатки» было одной из двух студенческих работ, которые по решению Совета академии награждались премией высокопреосвященного Иосифа, митрополита Литовского, в размере 165 руб. [7. С. 1277]. Однако желание П.С. Смирнова работать в стенах Санкт-Петербургской духовной академии в этот период не осуществилось: приказом синодального обер-прокурора от 16 августа 1888 г. он назначался преподавателем кафедры истории и обличения русского раскола и сектантства и обличительного богословия в родную ему Рязанскую духовную семинарию [6. С. 1832].

Здесь П.С. Смирнов вступает в церковное братство имени святителя Василия, епископа Рязанского, и обязуется в соответствии с 12-м параграфом его устава способствовать «ослаблению и искоренению раскола и ересей» в епархии. Деятельность П.С. Смирнова на этом поприще, как видно из отчета братства за 1889 г., состояла «в руководстве по ведению бесед с заблуждающимися», что, помимо прочего, предполагало работу с отчетами его слушателей – уездных и окружных миссионеров рязанского церковного братства [8. С. 1680–1681]. (Впоследствии эти документы передавались преподавателю семинарии по кафедре русского раскола, на основе отзыва которого решался вопрос о «поощрении в виде благодарности или денежной награды».) Таким образом, П.С. Смирнов регулировал деятельность местных миссионеров и благодаря их отчетам ознакомился с особенностями местных течений староверия.

П.С. Смирнов имел дело с большим количеством отчетов епархиальных и прикомандированных в Рязань миссионеров, что позволило ему разработать собственную методику ведения беседы со старообрядцами. По его мнению, противораскольнический миссионер всеми средствами и при каждом удобном случае должен привлекать «на беседу» начетчиков, представляющих разные старообрядческие деноминации, и руководить процессом обмена мнениями. В этом случае приезжий миссионер объективно мог стать внешним арбитром, которому «принадлежит, так сказать, сглаживающая, уравнивающая роль» [9. С. 612–613].

В сентябре 1889 г. на съезде духовенства в Рязани были заслушаны предложения архиепископа Феофиста (Попова) о важности распространения «в народе книг, брошюр и листов с кратким, но ясным и основательным раскрытием заблуждений старообрядцев и сектантов» и необходимости учреждения специализированного издания «трудов Рязанских миссионеров», в котором бы публиковались рекомендации для миссионеров, тексты их проповедей и их отчеты о результатах «бесед» со староверами и сектантами.

Предложение было принято духовенством, и в Рязанской епархии появился свой орган миссионерский печати.

Эти предложения основывались на опыте издания дополнений к «Рязанским епархиальным ведомостям», уже названным Святейшим Синодом успешным. После ходатайства высокопреосвященного Феофиста (Попова) с 1 января 1891 г. при «Рязанских епархиальных ведомостях» было разрешено публиковать «Миссионерский сборник» в виде особых прибавлений к ведомостям в количестве 6 двухмесячных выпусков в год. Помощником редактора, ответственным за его издание, назначался преподаватель духовной семинарии по истории русского раскола и сектантства и обличительного богословия, кандидат богословия П.С. Смирнов [10. С. 429].

Однако первый выпуск «Миссионерского сборника» оказался неудачным по двум причинам: во-первых, он был неудобен для чтения, поскольку в него вошли заключительные части статей, уже начатых печататься в местных епархиальных ведомостях. Такие статьи лучше было бы или перепечатать для сборника полностью, или вовсе не включать в него. Хотя номер вызвал критику, все же интерес к изданию продолжал расти: «В настоящем же составе сборник не имеет самостоятельного значения, и пользование им будет весьма неудобно, если он будет обращен в отдельную продажу, независимо от епархиальных ведомостей, что было бы желательно ввиду того, что статьи общего характера имеют интерес и значение для миссионеров и других епархий» [Там же. С. 430–431].

Вторая причина была связана с упущениями П.С. Смирнова, в обязанности которого входила не только корректура поступивших материалов, но и оформление подписки на издание «Миссионерского сборника». В результате в первом выпуске сборника отсутствовали сведения о способах распространения издания, стоимости его номеров и, главное, не были представлены официальные документы Святейшего Синода о разрешении издания и его программе. «В корректурном отношении желательно больше исправности» [Там же. С. 431], – дали свое заключение первые читатели «Миссионерского сборника». В дальнейшем редакция исправила свои первые ошибки и увеличила число подписчиков журнала благодаря рассылке миссионерам других епархий европейской части империи, но с 1894 г. тираж издания был уменьшен в связи с уходом П.С. Смирнова на вакантную должность в Санкт-Петербургскую академию и кончиной архиепископа Рязанского Феофиста (Попова).

Немаловажное значение П.С. Смирнов придавал преподаванию в духовной семинарии предмета «история и обличение русского раскола и сектантства». На своих занятиях он проводил анализ источников единоверческих изданий и на их примере показывал схему разбора вероучения староверов. Такой способ изучения догматики и обрядов староверия был присущ многим преподавателям духовных семинарий и академий, где лектор мог обратить внимание на определенные сюжеты из истории и обличения старообрядчества, интересующие его самого.

Стандартные приемы работы с семинаристами П.С. Смирнов сочетал с собственными методическими разработками. Например, проведение урока в форме диспута предполагало определение темы и выбор трех семинаристов, которые обязывались к определенному времени освоить лекционный материал и рекомендованную литературу. Описание такого занятия было опубликовано в «Миссионерском сборнике» в 1891 г.: «Один из назначенных вести собеседование кратко излагает сущность вопроса, учение православной церкви и – главное – возражение раскольников, причем обращается внимание на постановку вопроса. Затем речь предоставляется другому, который не становится на точку зрения раскольника, [а] является как бы размышляющим по поводу тех или других размышлений или обвинений раскольников против церкви; он делает возражения, разъяснения на которые дает уже третий собеседник. Допускаются замечания и со стороны каждого ученика в классе. В случае затруднения разъяснения делаются преподавателем» [10. С. 429–430]. Как видим, рефлексивная часть занятия проводилась не П.С. Смирновым, а самими учащимися, что развивало их умение адаптироваться к нестандартным ситуациям и вопросам в будущих прениях со старообрядцами. Еще более важно, что такая форма освоения материала позволяла будущим миссионерам встать на позиции староверов, осмыслить их аргументы против православной церкви и быстро найти убедительные контраргументы.

П.С. Смирнову было важно знать, какие учебники используют семинаристы для подготовки к занятиям, поэтому он следил за выпуском новой учебной литературы и писал на нее критические обзоры. В этом случае свою задачу он видел в определении степени доверия к таким сочинениям, возможности их включения в состав миссионерских библиотек, в круг чтения епархиальных и окружных миссионеров. Именно такими установками руководствовался П.С. Смирнов, рецензируя «Руководство по обличению русского раскола, известного под именем старообрядства» (1889), подготовленное преподавателем Олонецкой духовной семинарии К.Н. Плотниковым [11. С. 63–64].

Детальное изучение труда К.Н. Плотникова позволило П.С. Смирнову сказать, что это сочинение составлено из фрагментов изданных ранее пособий, частично дополненных автором, без соответствующего оформления ссылок на использованные труды ученых: «Можно было бы указать, в каком сочинении найти ту или другую страницу “руководства”, и даже – откуда взята та или другая строка его», – отметил П.С. Смирнов [Там же. С. 64]. Кроме того, он указал на пренебрежительное отношение к новым научным трудам и переизданиям уже существующих: например, использование К.Н. Плотниковым устаревшей публикации И.Ф. Нильского «Об антихристе против раскольников» (1859) вместо его новейшего исследования по той же теме в журнале «Христианское чтение» (1889) [12. С. 78].

Не согласен П.С. Смирнов и с позицией К.Н. Плотникова о том, что собеседование со старообрядцами следует начинать с вопроса о причинах отделения ста-

роверов от православной церкви. По мнению П.С. Смирнова, вначале необходимо сконцентрироваться не на религиозных различиях между участниками беседы, а акцентировать внимание на объединяющем факте из истории русской православной церкви до богослужебных реформ патриарха Никона. В подтверждение своих слов П.С. Смирнов ссылается на авторитет профессора Н.И. Ивановского, который советует начинать собеседования с вопроса о церкви как главного для старообрядчества, размышляющего о природе после-реформенного православия [Там же].

Несколько лет преподавания в духовной семинарии и неудовлетворительное качество существующих учебных пособий побудили П.С. Смирнова к написанию собственного учебника «История русского раскола старообрядчества» (1893). Впоследствии эта книга была рекомендована Учебным комитетом при Святейшем Синоде как обязательная при изучении церковного раскола в духовных семинариях, а ее автор награжден премией митрополита Макария в размере 1 000 руб. [6. С. 1832]. Сочинение П.С. Смирнова не только пользовалось популярностью в православных духовных семинариях, но и было известно старообрядцам разных толков и согласий. Так, в одной из бесед между старообрядцами поморского и спасовского согласий в Саратовской епархии в 1897 г. было зафиксировано, что возражения «поморца» строились на сведениях «Истории русского раскола старообрядства» П.С. Смирнова [13. С. 254–255].

В послесловии к учебнику П.С. Смирнов говорит о целях его написания – «захватить историю раскола во всех главнейших ее моментах, не опуская при этом и существенных подробностей» и «изложить ее в виде сколько отчетливом, столько же и сжатом». Эта установка реализована с помощью обращения к нескольким ключевым темам, объясняющим, по его мнению, причины церковного раскола. Он начинает с рассмотрения особенностей обрядовой стороны православного христианства, складывавшихся с момента Крещения Руси равноапостольным князем Владимиром под влиянием событий церковной жизни России и православного Востока. Далее историк обращается к начальному этапу старообрядческого движения, оценивает деятельность первых лидеров старообрядчества, показывает истоки разделения на «поповцев» и «беспоповцев» и историю наиболее значимых, с его точки зрения, согласий и толков, чем часто пренебрегали светские историки [3. С. 137–138].

Наибольшую ценность имеет последняя глава сочинения под названием «Отношения церковного и гражданского правительства к расколу», охватывающая временной отрезок с середины XVII в. до 80-х гг. XIX в. Она была высоко оценена Учебным комитетом Святейшего Синода, в отзыве которого говорилось следующее: «Эта глава – положительная новость в нашей научной литературе по русскому расколу, так как все, что до сих пор было писано у нас о мерах против раскола и церковного, и гражданского правительства, было неполно, отрывочно, несистематично, не было доводимо до конца, не было освещено надлежащим светом» [5. С. 3–4].

В учебном пособии содержится характеристика сочинений церковных авторов, посвященных староверию, описывается деятельность противораскольнических братств. Кроме того, П.С. Смирнов анализирует состояние «светской» научной литературы. Ученый считает, что, видя в старообрядчестве лишь «протест против правительства и современного порядка вещей», исследователи «идут по ложному пути». П.С. Смирнов рассматривает старообрядчество как сложное, прежде всего духовное, а уже потом социальное и политическое явление [3. С. 138]. В отличие от своего учителя И.Ф. Нильского, изучавшего церковный раскол исключительно с точки зрения его религиозных оснований, П.С. Смирнов стремился учесть достижения светской исторической школы и показать роль социально-политического фактора в религиозной истории России XVII–XVIII вв.

Не менее интересен еще один аспект этого сочинения – изучение обстоятельств, приведших к повышенному вниманию русского общества к внешней, обрядовой стороне христианства, что, по мнению П.С. Смирнова, стало причиной церковного раскола. Как известно, исправления богослужебных текстов и обрядов патриарх Никон проводил по греческим образцам, чем вызвал мощное сопротивление первых лидеров староверия и их последователей. Изучение П.С. Смирновым истоков этого протеста приводит к размышлению о месте РПЦ в сообществе православных держав, в том числе о характере ее отношений с Вселенской православной церковью. События Флорентийской унии (1439) и захват Константинополя турками-османами под предводительством султана Мехмеда II (1453) способствовали формированию представлений «об исключительном призвании Москвы и о благочестии русских как высшем и совершенном в целом мире». Под воздействием концепции старца Филофея «Москва – третий Рим» идея сохранения христианства сделала русскую церковь «синонимом Церкви вселенской» и заключила «идеал Церкви вселенской в географические пределы Церкви русской» [5. С. 15–19]. Именно в этом П.С. Смирнов видел корни противоречий РПЦ с Константинопольским патриархатом, и, по мнению автора статьи, разрыв евхаристического общения русской поместной церкви со Вселенской церковью в

2018 г. [14] является подтверждением того, что по-прежнему русская церковь осознает себя «первой среди равных» православных церквей и не намерена признавать авторитет константинопольского патриархата, особенно в вопросах церковных расколов.

Позднее П.С. Смирнов, развивая тему «обрядовения» в истории православной России, напишет несколько статей, где выскажет два важных тезиса: во-первых, об обрядах как внешней стороне религиозной жизни человека, во-вторых, об их многообразии и возможности изменения по решению вселенских и поместных соборов [15. С. 11–13]. Это станет для него важным аргументом против староверия, считающего неканонической церковную реформу середины XVII в., и одновременно против тех, кто считает староверов «еретиками». По мнению П.С. Смирнова, их следует называть «раскольниками», поскольку в их вероучении не отрицается христианская догматика [15. С. 15–17]. Таким образом, П.С. Смирнов не просто обличал старообрядцев в несостоятельности их вероучения, а пытался с научных и миссионерских позиций осмыслить феномен церковного раскола.

Казалось бы, образование П.С. Смирнова, полученное в рамках отечественной богословской школы, должно было сформировать его как миссионера, использующего принятые в науке методы борьбы со староверием, но в итоге мы видим совершенно другую ситуацию – в нем «проснулся» ученый. На наш взгляд, факторами, способствующими трансформации П.С. Смирнова из обличителя старообрядчества в одного из вдумчивых и интересных исследователей, стали полученный в Рязани опыт экспертизы региональных миссионерских отчетов и его неудовлетворенность как преподавателя состоянием учебно-методической базы в духовных семинариях Российской империи. Он пытался исправить существующее положение публикациями статей в церковной периодике и подготовкой принципиально нового по характеру и содержанию учебника. Однако он не увидел кардинальных изменений во внутренней миссии, поэтому в дальнейшем его попытки изменить сложившуюся ситуацию окажутся связанными с научной разработкой «расколоведения», но уже кафедре истории и обличения русского раскола в столичной академии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова Т.А. История архива Санкт-Петербургской духовной академии в фондах Российской национальной библиотеки // К 75-летию Дома Плеханова. 1828–2003 : сб. статей и публикаций, материалы конф. СПб. : РНБ, 2003. С. 150–155.
2. Карпук Д.А. Периодические издания Санкт-Петербургской духовной академии (1821–1917). К 190-летию журнала «Христианское чтение» // Христианское чтение. 2011. № 6 (41). С. 41–89.
3. Кузоро К.А. Церковная историография старообрядчества: возникновение и эволюция (вторая половина XVII – начало XX вв.) / под ред. Е.Е. Дутчак. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 182 с.
4. Смирнов П.С. История русского раскола старообрядства. Рязань : Тип. В.О. Тарасова, 1893. 348 с.
5. Смирнов П.С. История русского раскола старообрядства. СПб. : Тип. Глав. упр. уделов, 1895. 275, 34, IV с.
6. Магистерский коллоквиум в нашей академии // Церковный вестник. 1898. № 52. С. 1832–1835.
7. Смирнов П. Профессор Иван Федорович Нильский // Христианское чтение. 1910. № 10. С. 1264–1282.
8. П. С-в. Борьба с расколом в рязанской епархии // Церковные ведомости. 1890. № 50. С. 1680–1681.
9. Смирнов П. Миссионер Св. Синода иеромонах Арсений в Рязанской епархии // Рязанские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1890. № 12. С. 611–614.
10. Миссионерский сборник 1891 г. Январь-февраль. «Прибавления к рязанским епархиальным ведомостям» // Церковные ведомости. Прибавления к церковным ведомостям. 1891. № 13. С. 429–431.
11. Библиографическая заметка // Рязанские епархиальные ведомости. Прибавления к Рязанским епархиальным ведомостям. Отдел литературный. 1890. № 14/15. С. 63–64.

12. Смирнов П. Библиографическая заметка о книге г. Плотникова : (окончание) // Рязанские епархиальные ведомости. Прибавления к Рязанским епархиальным ведомостям. Отдел литературный. 1890. № 17. С. 76–86.
13. Летопись церковной и общественной жизни в России // Церковный вестник. 1900. № 8. С. 254–258.
14. Заявление Священного Синода Русской Православной Церкви в связи с посягательством Константинопольского Патриархата на каноническую территорию Русской Церкви // Патриархия.ru. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/5283708.html> (дата обращения: 25.02.2019).
15. Смирнов П. Часы досуга. Опыт систематического обличения раскола старообрядства // Миссионерский сборник. 1893. № 1. С. 11–21.

Mitsuk Alexey A. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: rixalos@mail.ru

MISSIONARY AND SCIENTIST: RYAZAN PERIOD OF P.S. SMIRNOV'S ANTI-SCHISMATIC ACTIVITY (1888–1894)

Keywords: P.S. Smirnov; anti-schismatic missionary practice; Church historical studies; the history of old-believers.

Since the second half of the XIX century the scientific study of the Old Belief had become the part of higher spiritual school. The main responsibility of this scientific direction had turned to the preparation of special anti-schismatic missionaries. However, for the achievement of the objective, it was necessary to form the staff of highly qualified teachers and scientists, who would be able to develop the foundations of anti-schismatic scientific knowledge. In fact, it turned out that the theoretical part of the new branch of knowledge was completely dependent on the existed practical missionary experience.

According to these facts, we can suppose: the scientific understanding of the phenomenon of church schism in the Russian historical and church tradition initially took place among current missionaries. Accordingly, the studies of “schismatics” – teachers of the departments on the history and denunciation of the Russian schism of the Russian theological academies – have made it possible to understand how and why the academic corporation of schismatics was filled up with members of the missionary community. By analyzing the scientific heritage of one of the eminent church historians, Doctor of Theology – Peter Semenovich Smirnov (1861 – after 1917) we can answer these questions.

This article presents the scientific biography of P.S. Smirnov in the initial period of his anti-schismatic activities in the Ryazan diocese (1888–1894). The significance of his study determined that at that time P.S. Smirnov had been staying the practice missionary, manifested himself as the scientist who sought for the overcome of the legacy of the Orthodox Church's dismissive attitude to the Old Belief. Using the methods of scientific biography and intellectual history, the combination of which makes it possible to show the development of scientific ideas of the church historian of the last third of the XIX century, taking into account the dynamically developing social context, the author had come to the following conclusion. Education of P.S. Smirnov, obtained in the framework of the national theological school, should had made him a missionary. According to national theological school methods, he might use the methods of struggle against Old Belief accepted in science, but in the end, we see a completely different situation – a scientist “woke up” in him. According to author, the factors that contributed to the transformation of P.S. Smirnov from the expositor of the Old Believers in one of the thoughtful and interesting researchers became the experience in regional missionary reports obtained in Ryazan and his dissatisfaction as a teacher with the conditions of the teaching and methodological base in theological seminaries of the Russian Empire. He tried to correct the existed situation by publishing articles in the church periodicals and preparing a fundamentally new textbook on the nature and content. However, the research activities of P.S. Smirnov did not produce a scientific resonance and did not lead to serious changes in missionary practice; therefore, he continued the further development of scholarly studies in the Theological Academy of St. Petersburg.

REFERENCES

1. Bogdanova, T.A. (2003) *Istoriya arkhiva Sankt-Peterburgskoy dukhovnoy akademii v fondakh Rossiyskoy natsional'noy biblioteki* [The history of St. Petersburg Theological Academy Archive in the Fund of the Russian National Library]. In: Filimonova, T.I. (ed.) *K 75-letiyu Doma Plekhanova 1828–2003* [To the 75th anniversary of the Plekhanov House 1828–2003]. St. Petersburg: Russian National Library. pp. 150–158.
2. Karpuk, D.A. (2011) *Periodicheskie izdaniya Sankt-Peterburgskoy dukhovnoy akademii (1821–1917). K 190-letiyu zhurnala “Khristianskoe chtenie”* [Periodicals of the St. Petersburg Theological Academy (1821–1917). To the 190th anniversary of the magazine “Khristianskoe chtenie”]. *Khristianskoe chtenie*. 6. pp. 41–89. (In Russian).
3. Kuzoro, K.A. (2011) *Tserkovnaya istoriografiya staroobryadchestva: vozniknovenie i evolyutsiya (vtoraya polovina XVII – nachalo XX vv.)* [Old-Believer's Church Historiography: Foundation and evolution: (the second half of the 17th – early 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Smirnov, P.S. (1893) *Istoriya russkogo raskola staroobryadstva* [The history of the Russian Old-Belief schism]. Ryazan: Tip. V.O. Tarasova.
5. Smirnov P.S. (1895) *Istoriya russkogo raskola staroobryadstva* [The history of the Russian Old-Belief schism]. St. Petersburg: Tip. Glav. departamenta udelov.
6. Anon. (1898) *Magisterskiy kollokvium v nashey akademii* [Master's colloquium in our academy]. *Tserkovnyy vestnik*. 52. pp. 1832–1835.
7. Smirnov, P.S. (1910) *Professor Ivan Fedorovich Nil'skiy* [Professor Ivan Fedorovich Nil'skiy]. *Khristianskoe chtenie*. 10. pp. 1264–1282.
8. Smirnov, P.S. (1890) *Bor'ba s raskolom v ryazanskoy eparkhii* [The fight against church schism in the Ryazan diocese]. *Tserkovnye vedomosti*. 50. pp. 1680–1681.
9. Smirnov, P.S. (1890) *Missioner Sv. Sinoda ieromonakh Arseniy, v Ryazanskoy eparkhii* [Missionary of the Holy Synod Hieromonk Arseny in the Ryazan diocese]. *Ryazanskie eparkhial'nye vedomosti*. 12. pp. 611–614.
10. Anon. (1891) *Missionerskiy sbornik 1891 g. yanvar'-fevral'. “Pribavleniya k ryazanskim eparkhial'nym vedomostyam”* [Missionary collection of 1891. January-February. “Pribavleniya k ryazanskim eparkhial'nym vedomostyam”]. *Tserkovnye vedomosti. Pribavleniya k tserkovnym vedomostyam*. 13. pp. 429–431.
11. Anon. (1890) *Bibliograficheskaya zametka* [Bibliographic note]. *Ryazanskie eparkhial'nye vedomosti. Pribavleniya k Ryazanskim eparkhial'nym vedomostyam*. 14/15. pp. 63–64.
12. Smirnov, P.S. (1890) *Bibliograficheskaya zametka o knige g. Plotnikova. (Okonchanie)* [Bibliographic note on the book by Plotnikov. (Ending)]. *Ryazanskie eparkhial'nye vedomosti. Pribavleniya k Ryazanskim eparkhial'nym vedomostyam*. 17. pp. 76–86.
13. Anon. (1900) *Letopis' tserkovnoy i obshchestvennoy zhizni v Rossii* [The chronicle of church and public life in Russia]. *Tserkovnyy vestnik*. 8. pp. 254–258.
14. Russian Orthodox Church. (2018) *Zayavlenie Svyashchennogo Sinoda Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v svyazi s posyagatel'stvom Konstantinopol'skogo Patriarkhata na kanonicheskuyu territoriyu Russkoy Tserkvi* [Statement of the Holy Synod of the Russian Orthodox Church in connection with the infringement of the Patriarchate of Constantinople on the canonical territory of the Russian Church]. [Online] Available from: <http://www.patriarchia.ru/db/print/5283708.html> (Accessed: 25th February 2019).
15. Smirnov, P.S. (1893) *Chasy dosuga. Opyt sistematicheskogo oblicheniya raskola staroobryadstva* [Leisure time. The experience of systematically exposing the split of the Old-Believers]. *Missionerskiy sbornik*. 1. pp. 11–21.

УДК 930

DOI: 10.17223/19988613/60/6

А.Д. Попова

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКИХ МИЛИЦИОНЕРОВ В 1940–1950-е гг.

Анализируются особенности повседневной жизни сотрудников милиции в 1940–1950-е гг. Используя различные источники (делопроизводственные материалы, публикации ведомственной печати, мемуары) автор рассматривает разные стороны повседневной жизни советских милиционеров в указанный период: уровень жизни, обеспечение жильем, организация досуга. Делается вывод, что повседневная жизнь милиционеров отражала жизнь всех советских людей в послевоенный период, в то же время отмечается, что организация некоторых сторон повседневной жизни, например досуга, была одной из форм решения ведомственных вопросов.

Ключевые слова: советская милиция; повседневная жизнь; уровень жизни; досуг.

Тема повседневности имеет всеохватывающий характер. Кем бы ни был человек – королем, министром, рабочим или крестьянином – вопросы повседневного существования не могут быть для него неактуальными. В то же время повседневность – это не просто отдельные подробности жизни людей, такие как питание или форма проведения свободного времени. Это одна из форм отражения исторического процесса, так как вопросы повседневной жизни отражают уровень развития технического прогресса, обычаи и традиции общества, систему ценностей и даже ментальные установки. Как отмечает Н.И. Правовская, «в повседневности, ежедневных действиях происходит слияние вечного, временного и событийного, вечное предстает в качестве смыслообразующего фактора каждой конкретной мысли или поступка» [1. С. 119]. Не случайно в современной отечественной исторической науке отмечается активный интерес к истории повседневности [2–7]. Представляется важным исследовать особенности повседневной жизни такой профессиональной группы, как советские милиционеры. На примере милиционеров как группы государственных служащих можно проследить особенности взаимоотношений общества и государства, которые отражаются в том числе и в чертах повседневной жизни. Хронологически исследование охватывает 1940–1950-е гг. Видится, что этот период представляет особый интерес, так как это было время больших испытаний для всего народа и для милиции в частности, в то же время к этому моменту уже оформились механизмы управления советским обществом, и можно проследить роль государства в организации повседневной жизни.

В отечественной научной литературе имеются издания по истории советской милиции, но большинство работ обращает внимание на эволюцию системы органов внутренних дел и профессиональную деятельность – борьбу с преступностью и охрану общественного порядка [8, 9]. Некоторые аспекты повседневной жизни советских милиционеров затронуты в региональных изданиях [10, 11], которые были подготовлены уже в постсоветский период. Отказ от некоторых идеологических штампов и более многогранный подход к исто-

рии органов внутренних дел позволили затронуть более широкий круг вопросов, в частности, издание «200 лет на страже порядка : (очерки истории органов внутренних дел Томской губернии...)» рассмотрело такие аспекты повседневной жизни советской милиции, как материальное снабжение, повышение уровня профессиональной подготовки. В целом проблема повседневной жизни советских милиционеров мало затрагивалась историками.

Источниками для написания статьи послужили делопроизводственные материалы Главного управления милиции МВД СССР, ведомственная печать, т.е. газеты, издаваемые политорганами МВД в областных и краевых центрах. Очень ценными для изучения вопросов повседневности являются мемуары, воспоминания людей, лично прошедших через изучаемые повседневные практики. В распоряжении автора статьи оказались уникальные материалы – мемуары сотрудников милиции А.Т. Сивака и В.М. Берникова, которые нигде не были опубликованы и предоставлены членами семьи А.Т. Сивака и сотрудниками подразделения Кронштадтского ГОВД, где работал В.М. Берников, соответственно.

Одним из важнейших аспектов повседневной жизни является материальное благополучие и удовлетворение насущных потребностей. Любому человеку нужно есть и одеваться. Не случайно Н. Лебина подчеркивает, что «большинство социальных революций ставит перед собой задачу накормить голодных...» [6. С. 15]. Как отмечает А.Н. Жеравина, во многом именно эта сторона повседневной жизни обуславливает все остальные [7. С. 208]. Если говорить об этой стороне повседневной жизни в военные и послевоенные годы, то для советских милиционеров, как и для всех остальных людей, это были очень трудные времена.

Слова «все для фронта – все для победы» – это не просто лозунг, а образ жизни всей страны, который обозначал на практике полунищее существование людей. Все возможные ресурсы – продовольствие, промышленные товары, топливо и медикаменты – в первую очередь отправлялись на нужды действующей армии. Для народа, который оказался перед реальной пер-

спективной самого настоящего уничтожения, другого выхода просто не было. Страна жила по карточкам, которые позволяли покупать строго фиксированное количество продуктов. Сверх карточки продукты можно было приобрести в коммерческих магазинах или на рынке, где цены были значительно выше, но в то же время граждане не могли воспользоваться своими довоенными накоплениями, так как вклады были заморожены. Поэтому многим приходилось продавать на барахолках книги, украшения, носильные вещи.

Среди продавцов можно было встретить и сотрудников милиции. В мемуарах начальника уголовного розыска г. Рязани Тимофея Александровича Сивака упоминается: «Нам четверым выдавали три карточки, по которым мы на сутки получали хлеба 1 кг 400 грамм. На мать карточки не выдавали, так как она не работала, а не работала она потому, что было двое малолетних детей. В то время буханка хлеба на рынке стоила 500–600 рублей» [12. Л. 14]. Чтобы немного улучшить питание многие городские жители старались обзавестись огородом и коровой. Осваивать сельскохозяйственный труд приходилось и работникам милиции. Сивак пишет, что они в семье также решили приобрести корову. Так как денег на такую серьезную покупку у семьи не было, пришлось продать практически все носильные вещи: «Зина с себя даже последнюю юбку продала» [Там же. Л. 15]. Также рязанским милиционерам была выделена земля на окраине города для частных огородов (сейчас на этом месте находится школа № 14), где семьи выращивали помидоры, огурцы и картошку.

И после окончания войны полуголодное существование было по-прежнему обыденным для большинства населения. Ситуация усугубилась неблагоприятными природными условиями: 1946 г. выдался неурожайным. Денежное довольствие сотрудников милиции было довольно скромным. Как пишет сотрудник милиции Кронштадта В.М. Берников, оно составляло 40 руб., в то время как зарплата рабочего была 80–100 руб. (видимо, автор перевел размер зарплаты на курс, который был установлен после денежной реформы 1961 г., номинально и зарплаты, и цены в послевоенные годы были в 10 раз выше). При этом, по его воспоминаниям, хлеб стоил 14 коп. за буханку, нарезной батон 52 коп., десяток яиц 90 коп., мясо 2 руб., молоко 20–28 коп. в зависимости от сезона, зимой дороже [13. Л. 6]. В Сибири, в Томске с учетом местных надбавок оклады были чуть выше: у участкового уполномоченного 615 руб., у оперуполномоченного 790 руб. Только у руководителей на уровне областных управлений милиции оклады выделялись – от 1 200 до 3 200 руб. [10. С. 376]. Таким образом, как отмечает В.М. Берников, «в пятидесятых годах оклады милиции были мизерными, редко какая семья жила от получки до получки на свою зарплату. Очень многие занимали, а получив получку, рассчитывались и вновь занимали». Поэтому и после окончания войны было актуально совмещать службу с работой на индивидуальных участках.

Сочетание двух видов деятельности, совсем разных по своей сути, – милицмейской службы и сельскохозяйственных работ – не считалось ненормальным, а наобо-

рот, позиционировалось как проявление заботы о благополучии советского народа. В ведомственной газете «Радянський вартівий : орган політчастини Управління міліції НКВС по Харківській області» в 1946 г. с гордостью сообщалось, что с началом весны сотрудники милиции выйдут обрабатывать свои индивидуальные участки. Также все вместе будут обрабатывать и участок в 5 га, на котором планируется посадить культуры, предназначенные для фуража лошадей [14]. В.М. Берников упоминает еще об одном способе материальной поддержки – создании касс взаимопомощи: «Чтобы жены не искали деньги по соседям, было решено создать в отделе кассу взаимопомощи. Желающим пользоваться нужно было внести разовый взнос с последующим возвратом при выходе из членов кассы. Так складывалась некая сумма в кассе, которая могла выдаваться до получки под два процента» [13. Л. 16]. Однако стоит заметить, что при всей своей бедности советские милиционеры крайне редко решались улучшить свое благосостояние за счет граждан: взяточничество занимало одно из самых последних мест в перечне нарушений законности, которые допускались в милиции послевоенной поры [15. С. 79].

Советские милиционеры в этот период вместе с остальным народом прочувствовали на себе и еще одну проблему – жилищную. После войны жилищный вопрос был актуальным во многих городах. Жизнь в бараках, коммунальных квартирах, общежитиях с их коммунальными неурядицами была типичной для работников разных сфер и разных рангов.

Для сотрудников милиции жилищный вопрос был более чем актуальным, иногда даже комната в коммуналке была для них роскошью. При переводе на новое место службы не всегда можно было рассчитывать на более или менее благоустроенное жилье. Порой приходилось ночевать в кабинетах. Об этой проблеме не раз говорили на различных совещаниях. Например, на партийном собрании УМ Архангельской области выступающими указывалось, что УМВД мало уделяет внимания улучшению быта работников милиции, начальник АХО УМВД не только не беспокоится о жилье для милиционеров, но и относится к ним пренебрежительно, заявляя, что квартиры даются более ценным работникам, а не милиционерам [16. Оп. 3. Д. 398. Л. 34].

Эта же проблема обсуждалась и на партийном собрании ленинградских милиционеров. Коммунисты органов милиции Ленинграда говорили, что общежития для рядового и сержантского состава милиции в плохом состоянии, и многие сотрудники из-за отсутствия жилплощади живут врозь со своими семьями [Там же. Л. 38].

В столице милиционеры тоже сталкивались с этой проблемой. Как отмечалось в докладе о политикоморальном состоянии и служебной дисциплине личного состава милиции за первое полугодие 1953 г., в Москве около 1 600 сотрудников милиции и членов их семей проживают в совершенно непригодных для жилья помещениях (сараях, подвалах, коридорах). 400 семей совершенно не имеют жилья и ютятся в различных местах без прописки [Там же. Д. 396. Л. 31].

Бороться с бытовыми трудностями приходилось и на работе. После окончания войны многие помещения отделений милиции находились в плохом, а иногда просто в аварийном состоянии. Особенно это касалось населенных пунктов, через которые проходила линия фронта, и боевые действия нанесли существенный урон городу. Быстро привести в порядок все здания или построить их заново не представлялось возможным, не хватало рабочих рук и финансов. Даже в тыловых городах отделение милиции могло размещаться в аварийном здании. Например, Пензенская область не была ареной боевых действий. Однако здание Поимского РО МВД Пензенской области находилось в таком состоянии, словно оно подверглось бомбежке: окна забиты фанерой, лестница на второй этаж рухнула, поэтому сотрудники поднимались в свои кабинеты по веревке [17. С. 102]. Для улучшения физической подготовки милиционеров это может быть и даже хорошо, но как должны были попадать в эти кабинеты граждане?

В Горьком во 2-м отделении условия как для сотрудников, так и для граждан тоже оказались мало комфортными. Даже начальник отделения не имел своего кабинета, а в дежурной комнате разместились бухгалтер и секретарь, в результате чего служебные разговоры были доступны вниманию задержанных [18].

В Вейсейском районе Каунасской области (Литва) сотрудникам милиции приходилось приносить из дома стулья, чтобы было, на чем сидеть, так как мебели просто не хватало [16. Оп. 3. Д. 182. Л. 64]. В Вологде в 3-м отделении приходилось приносить не предметы мебели, а керосин, так как электричества не было. Помещение приходилось освещать керосиновыми лампами, но сам керосин не выделялся [19]. Надо отдать должное сотрудникам милиции: они не просто добросовестно выполняли свой долг, невзирая на бытовые трудности. По мере сил они сами старались привести свои помещения в порядок, в свободное от службы время берясь за инструменты. Так в Алтайском крае в райоделе Знаменского района в 1955 г. паспортный стол был в крайне плохом состоянии. В него зайти можно было только боком, так как дверь не открывалась. Несколько выходных дней все сотрудники отдела и члены их семей провели в своем отделении, приводя паспортный стол в приличный вид, ремонтируя помещение и починяя мебель [16. Оп. 3. Д. 516. Л. 95].

Недостаток финансирования порой приводил к нехватке обмундирования. Форменная одежда, с одной стороны, важный атрибут службы, именно она придает работнику органов правопорядка соответствующий вид, повышает его авторитет в глазах граждан. С другой стороны, вещевое довольствие хоть частично удовлетворяет потребность в обуви и одежде и в некоторой степени смягчает невысокий уровень денежного оклада. Следует отметить, что даже несмотря на трудности военного и послевоенного времени требования к соблюдению правил ношения форменной одежды были довольно строгими. Ведомственная печать постоянно напоминала сотрудникам милиции, что необходимо носить форму строго по уставу, быть опрятными. В газетах не раз «песочили» милиционеров (в первую

очередь доставалось постовым), которые нарушали правила ношения формы, выходили на дежурство в грязной одежде или с не начищенными пуговицами.

Однако соблюдать эти требования и в самом деле было нелегко из-за специфики формы. То, что красиво смотрелось на параде, не всегда было удобно в носке и в повседневной службе. Как пишет В.М. Берников, неудобной была летняя форма: «В жаркое время нужно было надевать белую рубашку и портупею, отчего рубашка становилась полосатой, как зебра. Ни мылом, ни спиртом было невозможно вернуть белизну. Скоро эти белые гимнастерки заменил белый китель без портупеи» [13. Л. 17]. Зимняя форма, по его словам, была еще хуже: тяжелая и неудобная – «упадешь – не встанешь без посторонней помощи».

В то же время были случаи, когда сотрудник не по своей вине мог не соблюсти предъявляемые требования: не удалось получить вовремя новую форму. Ленинградские милиционеры на партийном собрании ставили вопрос не только о нехватке жилья, но и о плохом вещевом снабжении, которое, по их словам, систематически запаздывает. Часто выдается обмундирование не того роста и плохого качества. В июле месяце работники не имели летней формы одежды [16. Оп. 3. Д. 398. Л. 38].

И уж совсем анекдотичный эпизод имел место в Горьком. Сотрудник милиции, получив ткань, не смог в ателье пошить из нее китель, так как ткани выдали мало, «только на жилетку». Выяснилось, что ему недодали 1,5 метра ткани: кладовщик элементарно обмерял сотрудников [20]. Говоря об экономической составляющей повседневной жизни советских милиционеров, можно отметить, что, как и у всего советского народа, обыденностью стало преодоление трудностей в решении самых простых повседневных проблем. Н. Лебина для анализа вопросов повседневной жизни предлагает использовать дихотомию «норма / аномалия» [6. С. 7]. Исходя из этой дихотомии можно заметить смещение понятий «норма / аномалия» для военного и послевоенного времени: нормой становилась не сытость, а полуголодное существование и поиски способов пропитания, не комфортное жилье или помещения для работы, а полужесточайшие условия с попытками их улучшить любыми способами.

Одним из важнейших аспектов повседневной жизни любого человека является досуг. Досуговые практики ярко отражают развитие общества во всех отношениях: уровень развития техники, духовных потребностей, систему ценностей. Как отмечается в научной литературе, «именно в досуговых практиках обыденно повторяемая деятельность приобретает особый знаковый смысл, заменяя ощущение рутинности потребностью в неких коллективно одобряемых действиях» [21. С. 56]. Досуговые практики отдельных социальных групп выступают яркой лакмусовой бумажкой, они показывают внутренний мир этого социума, его потребности и уровень развития. С одной стороны, досуговые практики отражают систему ценностей общества, с другой – являются одной из форм формирования этих ценностей. В этом плане изучение такой стороны повседневной жизни милиционеров, как способы

проведения досуга, имеет особое значение, так как работники милиции всегда позиционировались как наиболее передовая часть общества, куда принимались лучшие. В то же время это была весьма многочисленная группа, объединяющая выходцев из разных социальных слоев. Кроме того, именно для этой профессиональной группы традиционно характерен высокий уровень организации, большая роль руководящих органов. Поэтому досуговые практики милиционеров интересны с точки зрения изучения механизмов формирования системы ценностей в общественном сознании.

Если говорить о досуге советских милиционеров в 1940–1950-е гг., то прежде всего надо отметить, что времени на него оставалось довольно мало. Высокий уровень преступности, порожденный целым букетом причин, заставлял работать сверхурочно, а порой просто забывать про выходные и даже про сон. Особенно тревожными были дни после амнистии 1953 г., когда на волю вышло много уголовников.

Однако свободное время, пусть небольшое, у милиционеров было. Чем занимались в эти часы работники милиции кроме решения бытовых и хозяйственных вопросов? Многие свободные часы посвящали учебе. После войны кадровой вопрос был очень острым. Многие сотрудники милиции ушли на фронт, погибли, сражаясь на передовой или в партизанских отрядах. Их заменили женщины или мужчины, негодные к строевой. После войны надо было срочно пополнять ряды сотрудников милиции демобилизованными. Естественно, провозглашался строгий отбор по здоровью, физическим данным, соответствующим моральным качествам. Однако порой проверять все эти характеристики будущего сотрудника было просто некогда, так как людей не хватало катастрофически. В том числе и не было возможности отбирать более образованных, особенно ввиду не очень высокого жалования и в целом не очень высокой социальной защищенности. Поэтому у большинства советских милиционеров послевоенной поры был очень скромный уровень образования.

В 1953 г. констатировалось, что в милиции работников с начальным образованием 51,1%, с незаконченным средним 39,6%, со средним 8,2%, с высшим и незаконченным высшим 1,1% [16. Оп. 3. Д. 398. Л. 61]. Поэтому руководство советской милиции было вынуждено организовывать учебу личного состава. Многим милиционерам после дежурства или проведения оперативных или следственных действий приходилось идти в вечернюю школу и постигать азы школьных наук. Для побуждения использовали различные методы: поощряли и хвалили отличников, ругали и «песочили» в различных формах двоечников. Очень большое внимание этому вопросу уделяла ведомственная печать, которая в самых разнообразных формах старалась убедить читателя, т.е. сотрудника милиции, что учиться нужно, что от этого зависит эффективность его работы.

Достаточно частыми были заметки с положительным героем – сотрудником, который добросовестно посещает занятия в школе и высказывает самые положительные эмоции от этого процесса, или «антигероем»,

т.е. сотрудником, который отлынивает от учебы. Интересный эпизод был в биографии А.Т. Сивака. Ему тоже пришлось сесть за парту и, несмотря на большую загруженность по работе, он каждый день уделял внимание урокам. Учился старательно, каждый год переходя в следующий класс, что вызывало иронию менее успешных по учебе товарищей. Однако от иронии не осталось следа, когда в 1959 г. в Рязань приехал заместитель министра МВД. Выяснив, что только А.Т. Сивак из 13 человек ежегодно переходит из класса в класс, ему единственному приказал присвоить очередное звание, всем остальным, сидящим в каждом классе по два года, в этом было отказано [11. С. 67]. Это очень стимулировало всех остальных, менее старательных учеников. Всего в 1948 г. различными формами учебы было охвачено 96% офицеров и 93% рядового и сержантского состава милиции [Там же. С. 13].

Низкий образовательный уровень обуславливает и достаточно невзыскательные потребности в плане досуга. Это в совокупности с нехваткой кадров, трудной службой и необустроенностью в бытовых вопросах становилось причиной того, что в органы проникало зло, с которым, вроде бы, эти органы и должны были бороться, – бытовое пьянство, что, в свою очередь, порождало нарушения дисциплины, потерю служебного оружия, злоупотребления. Такое положение не могло не беспокоить руководство милиции. На совещании руководителей ведомственных изданий в 1955 г. признавалось: «В основе распушенности, неисполнительности, злоупотреблений служебным положением и других отрицательных явлений, допускаемых работниками милиции, лежит пьянство. Это зло укоренилось как следствие того, что мы годами не замечали этого вреднейшего порока в быту многих наших работников» [16. Оп. 3. Д. 516. Л. 24]. Естественно, что с пьянством боролись. Любителей прикладываться к бутылке привлекали к дисциплинарной ответственности, ругали на собраниях и на страницах ведомственных газет, сажали на гауптвахту. В.М. Берников упоминает, что одну камеру для задержанных специально использовали для этих целей. Однако надо отдать должное руководству советской милиции: они не ограничились исключительно дисциплинарными мерами. С начала 1950-х гг. проводится большая работа по организации культурного досуга сотрудников милиции, чтобы создать альтернативу посиделкам с бутылкой. Причем процесс шел как снизу, т.е. по инициативе самих милиционеров, так и сверху, по инициативе руководства.

Например, В.М. Берников вспоминает, что организация ссудной кассы позволила улучшить качество досуга. Так как деньги выдавались под небольшой процент, то касса приносила доход. На эти деньги организовывались новогодние елки для детей: покупались игрушки, подарки. В 1952 г. был приобретен телевизор «Авангард», вокруг которого собиралось много сотрудников, некоторые с членами семьи, детьми смотрели телевизионные передачи. Также практиковались и коллективные просмотры фильмов, киноаппаратуру брали на время в кинотеатре, сами фильмы по знакомству привозили с кинобазы. Более

того, милиционеры Кронштадта хорошо знали историю своего города, так как для сотрудников лекторы общества «Знание» часто проводили экскурсии, рассказывали об улицах города, людях, в честь которых они были названы [13. Л. 18].

В официальных документах руководства советской милиции этого периода неоднократно говорится о необходимости проявлять большое внимание организации библиотек, коллективных посещений кинотеатров и театров, различных кружков. Чтобы привить сотрудникам привычку к чтению художественных книг ведомственные милицейские газеты не только обсуждали профессиональные проблемы, но и помещали заметки о выдающихся писателях, а также информацию о новых книгах, которые поступили в гарнизонные библиотеки. При многих управлениях МВД были свои библиотеки. В 1954 г. их книжный фонд в общей сложности насчитывал 1,5 млн книг, на подписку газет и журналов ежегодно тратилось 3 млн руб., на пополнение книжного фонда – 0,8 млн [16. Оп. 3. Д. 635. Л. 55].

С начала 1950-х гг. большое внимание стали уделять организации художественной самодеятельности. Например, в распоряжении политорганам от 11 апреля 1955 г. особо подчеркивалось, что надо активно развивать эту сферу досуга милиционеров: «Она оказала серьезную помощь в воспитании работников милиции, способствовала укреплению политико-морального состояния, дисциплины личного состава, повышению его ответственности за выполнение служебного долга» [Там же. Оп. 3. Д. 517. Л. 36]. Естественно, содержание номеров художественной самодеятельности должно было соответствовать определенной идеологической линии, воспитывать личный состав в духе преданности партии, прославлять советских вождей. Это было логично с учетом того, что советская милиция всегда позиционировалась, с одной стороны, как народная, с другой – как верный проводник линии партии и правительства.

Организацию художественной самодеятельности в милиции можно назвать типичным примером идейного воспитания советского народа. Однако в документах рекомендовалось не просто обращать внимание на идейный уровень исполняемых произведений, но организовывать систематическую учебно-воспитательную работу с участниками кружков и отдельными исполнителями, проводить для них лекции и беседы по вопросам литературы и искусства, актерского мастерства, музыкальной грамоты, установить тесную связь с управлением культуры, чтобы его работники оказывали шефскую помощь милиционерам. Сами конкурсы художественной самодеятельности рекомендовалось широко освещать в многотиражной и стенной печати. В этом плане существование любительского театра, показанного в знаменитом фильме «Берегись автомобиля», в котором половину актеров составляли сотрудники милиции, не является выдумкой сценаристов.

На самодеятельное творчество милиционеров со второй половины 1950-х гг. даже стали выделять деньги. Так, в Кронштадте это дало возможность создать струнный оркестр. Инструменты стали призом за победу в конкурсе на лучшую Ленинскую комнату.

«Нашелся и руководитель струнного оркестра – рабочий Морского завода Лединский Константин. Он играл в оркестре в фойе кинотеатра “Экран” в перерывах между сеансами и учил наших оркестрантов, многие из которых не имели понятия о нотах... На концерт приходили сотрудники, свободные от службы, с женами и детьми. В зале свободных мест не было. Позднее стали привлекать детей» [13. Л. 17].

Также интересный коллектив появился в Кременчугском ГОМ Полтавской области. Хоровой кружок объединил 54 сотрудника и членов их семей. Только за первую половину 1954 г. он выступил 12 раз в различных производственных коллективах, концертам предшествовал доклад о работе милиции [16. Оп. 3. Д. 533. Л. 47].

Ведомственные газеты тех лет не раз поднимали вопрос об организации досуга работников милиции, критиковали руководителей партийных и комсомольских организаций в милиции, которые уделяли мало внимания этому вопросу [22]. В 1954 г. был организован и первый конкурс на лучшее литературное произведение о работниках милиции. Именно благодаря этому конкурсу появился самый известный советский милиционер Дядя Степа. Ряд литературных произведений лег в основу сценариев художественных фильмов, на экраны вышли «Дело Румянцева», «Дело № 306», «Дело пестрых», чуть позже «Улица полна неожиданностей», «Ко мне, Мухтар». Все они использовались в воспитательной работе с сотрудниками милиции. Проводились коллективные просмотры с последующими обсуждениями, где положительные примеры становились образцом для подражания, а негативные повергались осуждению.

Однако милиционерам не просто предлагалось созерцать. На последующих после 1954 г. литературных конкурсах ставилась задача вовлекать в число участников и самих сотрудников милиции, т.е. выявлять тех, кто пробует писать стихи или прозу, и побуждать их представлять свои произведения на конкурс [23. С. 71]. Ведомственные газеты активно пропагандировали занятия различными видами творчества: помещали информацию о проведении конкурсов художественной самодеятельности, фотографии сотрудников во время репетиций. Например, в 1957 г. в № 5 журнал «Советская милиция» поместил яркую фотографию-вклейку, на которой были запечатлены два сержанта, исполнявших музыкальный номер на народных инструментах. В этом же номере были напечатаны слова шуточной песни «Вишневый сад», в которой главным героем является сержант милиции. Он пришел в вишневый сад весной послушать пение скворца, так как «Богат сержант талантами: / певец и гармонист, – / готовит для концерта он / художественный свист».

В следующем номере журнала была опубликована статья С. Масленникова «Как в родном доме». В ней в качестве образцового представлено милицееское общежитие в г. Курске. Публикация не только подчеркивает, что общежитие отличается комфортом, но и что сотрудники, которые живут в нем, с пользой и интересно проводят досуг: вместе ходят в театр, на выставки, занимаются в творческих коллективах. Слова автора дополнены фотографиями, на которых один со-

трудник сфотографирован у мольберта, а другой – во время репетиций любительского театра [24. С. 13].

Еще одним направлением работы стали физкультура и спорт, которые также формируют чувство коллективизма и в то же время сами по себе очень значимы для сотрудников милиции, так как хорошая физическая форма может сыграть решающую роль при выполнении профессиональных обязанностей. В докладной записке заместителя начальника Главного управления милиции МВД СССР по политчасти полковника Тиканова от 14 марта 1953 г. поднимался вопрос о популяризации физкультуры и спорта среди личного состава. В документе подчеркивается, что во многих подразделениях милиции слабо поставлена работа по физической подготовке, недооцениваются такие виды спорта, как стрельба, самбо, гимнастика, лыжи и плавание. Соответственно, перед политорганами, партийными и комсомольскими организациями ставилась задача обращать больше внимания на физкультуру среди сотрудников милиции, оказывать физкультурным коллективам практическую помощь, силами комсомольцев оборудовать простейшие спортивные сооружения и площадки, популяризировать спорт: проводить лекции о советских спортсменах, выпускать стенные газеты, оборудовать выставки и фотовитрины [16. Оп. 3. Д. 394. Л. 22]. С этой целью была разработана методичка, в которой подробно излагались суть и методика проведения лекции на тему: «Физическое воспитание – дело комсомола». В лекции было много примеров успешного выполнения спортсменами боевых заданий в годы Великой Отечественной войны, успешного несения службы сотрудниками милиции в послевоенное время. Для пропаганды здорового образа жизни и занятий спортом опять активно используется ведомственная печать, которая регулярно публикует информацию о проведенных соревнованиях с указанием фамилий победителей, заметки часто дополняются портретами призеров.

В.М. Берников отмечает, что к концу 1950-х гг., когда уже легче было решать кадровые вопросы, любители алкоголя были уволены из органов, а оставшиеся сотрудники стали систематически заниматься спортом. По вторникам с начала рабочего дня до 11 часов утра все сотрудники были обязаны являться на физи-

ческую подготовку. Зимой регулярно проводились соревнования по лыжам. Правда, и тут находились желающие увильнуть. Однажды один сотрудник не пришел к финишу. Остальные снова надели лыжи, поехали его разыскивать, опасаясь, что с их коллегой произошло несчастье – получил травму или стало плохо с сердцем от перенапряжения. Выяснили, что их товарищ и не напрягался: устроившись на пенке, он организовал себе пикник с выпивкой и закуской. Однако это было скорее исключение, чем правило: «Молодежь охотно откликалась на все спортивные и массовые мероприятия» [13. Л. 20]. Так, очень популярным среди сотрудников Кронштадтского отдела милиции стал волейбол, причем в состав команды вошли и члены семей сотрудников. Естественно, проводились и соревнования и по стрельбе. Кроме того, организовывались турниры и по более «спокойным» видам спорта – бильярду и шахматам. Как показывают публикации в ведомственной печати, в других подразделениях тоже старались регулярно проводить спортивные соревнования, в первую очередь по стрельбе, лыжам и бегу.

Таким образом, повседневная жизнь советских милиционеров отражала в целом особенности повседневности всех остальных людей. Детали повседневной жизни работников правопорядка ярко показывают, с одной стороны, обыденную послевоенную жизнь, с другой – историю самих правоохранительных органов. Милиционеры, являясь достаточно многочисленной частью государственного аппарата, не представляли собой элитарной профессиональной группы, каковой являлась, например, высшая партийная элита. Более того, их положение было порой даже тяжелее, чем других категорий советских тружеников. В то же время детали повседневной жизни советской милиции ярко отражают некоторые механизмы управления обществом в 1940–1950-е гг. Организация учебы милиционеров и организация досуга представляют довольно типичный пример советско-партийной работы с массами, использования широкого спектра как стимулирующих, так и контролирующих мероприятий. В целом все это лишний раз подтверждает всеохватывающий характер проблемы повседневности, которая отражает политическое и экономическое развитие общества, а также и в некоторой мере предопределяет его.

ЛИТЕРАТУРА

1. Правовская Н.И. Повседневность в аксиологическом измерении // Вестник Чувашского университета. 2012. № 4. С. 118–112.
2. Зубкова Ю.В. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. М., 1999. 229 с.
3. Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М.–Тамбов, 2004. 303 с.
4. Белова А.Н. Повседневная жизнь учителей. М., 2015. 228 с.
5. Егорова М.В. Повседневная жизнь учащихся и учителей Урала в XIX – начале XX вв. М., 2008. 215 с.
6. Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015. 482 с.
7. Жеравина А.Н. Повседневная жизнь студентов Томского университета на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 281. С. 207–215.
8. Мулукаев Р.С., Малыгин А.Я. Советская милиция: этапы развития. М., 1985. 148 с.
9. Косицын А.П. Советская милиция: история и современность. 1917–1917 гг. М., 1987. 335 с.
10. Ларьков Н.С., Чернова И.В., Войтович А.В. 200 лет на страже порядка (очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX–XX вв.). Томск, 2002. 519 с.
11. Перов И.Ф., Кузнецов М.В. История рязанской милиции. Рязань, 2001. Т. 2. 296 с.
12. Сивак А.Т. Воспоминания. Из личного архива автора.
13. Берников В.М. Воспоминания. Из личного архива автора.
14. Радянський вартуний : орган політчастини Управління міліції НКВС по Харківській області. 1946. 5 квіт.
15. Дорохов В.Ж. Нарушение служебной дисциплины и законности в советской милиции в 1953–1953 гг. // Ученые записки Комсомольского-Амурского государственного технического университета. 2013. Т. 2. № 3 (15). С. 74–80.

16. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9415.
17. Зимин Д.В. Борьба с преступностью и охрана общественного порядка как основные направления деятельности милиции Пензенской области в послевоенные годы: 1945–1953 : дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2004. 197 с.
18. На страже : орган политической части УМ УМВД города Горького и Горьковской области. 1946. 11 сент.
19. Страж революции : орган политической части УМ УНКВД по Вологодской области. 1948. 7 авг.
20. На страже. Орган политической части УМ УМВД города Горького и Горьковской области. 1948. 3 апр.
21. Сурова Е.Э., Бутонова Е.В. Досуговые практики в пространстве повседневности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2014. № 2. С. 53–60.
22. Радянский вартвий : орган політчастини Управління міліції НКВС по Харківській області. 1952. 8 серп.
23. Крючкин М. Больше хороших книг о милиции // Советская милиция. 1957. № 2. С. 71.
24. Масленников С. Как в родном доме // Советская милиция. 1957. № 6. С. 13–14.

Popova Anna D. Ryazan State University named after S.A. Esenin (Ryazan, Russia). E-mail: a.d.popova@mail.ru

EVERYDAY LIFE OF SOVIET POLICEMEN IN 1940–1950s

Keywords: Soviet militia; daily life; standard of living, leisure.

The article analyzes the features of the daily life of police officers in the 1940–1950s. The author used many sources: office-work materials of the Main Police Department (State Archive of the Russian Federation), publications of the departmental press (newspapers of the regional departments of the internal affairs bodies and the *Soviet Militia* magazine), memoirs of the police officers. The author examined the various aspects of the daily life of Soviet policemen: the standard of living, the provision of housing and uniform, and leisure time activities. The article shows that the daily life of policemen reflected the life of all Soviet people in the postwar period. The life of the Soviet people was very poor after the war, they had to count every penny. The police lived poorly too, their wages were small, the workers of the factories were paid more. Police officers were forced to farm and borrow money. The problem of housing was another difficulty in the life of the police. Police officers and their families lived in poor conditions - in basements, corridors, bad hostels. The article shows the leisure of the police as part of everyday life. The author investigated the relationship of leisure with the solution of official problems. In the postwar period, there were few educated police officers. Most of them had only primary education. Militiamen spent their free time studying at a school or a technical school. Amateur and sports occupied an important place in the leisure of Soviet policemen. Police authorities paid great attention to the organization of amateur performances and the promotion of reading books. Police officers spent money to buy books, newspapers for departmental libraries, tools for amateur orchestras. Departmental newspapers promoted amateur art and sports. Competitions in running and shooting were regular. The police authorities used the organization of leisure activities to solve departmental tasks. It believed that sports and amateur activities educates police officers, strengthens the team, distracts from drunkenness. The author concluded that the daily life of the Soviet police was a reflection of the life of the entire Soviet people. The author believes that the militiamen of the postwar period can not be attributed to the elite group. They lived like the whole Soviet people and even worse. Everyday life reflected the problems of the functioning of the police in the years after the war: a low level of education. Leisure leadership was a form of solving departmental problems.

REFERENCES

1. Pravovskaya, N.I. (2012) Everyday life in axiological measurement. *Vestnik Chuvashskogo universiteta – Bulletin of the Chuvash University*. 4. pp. 118–112. (In Russian).
2. Zubkova, Yu.V. (1999) *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'* [Post-war Soviet society: politics and everyday life]. Moscow: Institute of History, RAS.
3. Bezgin, V.B. (2004) *Krest'yanskaya povsednevnost' (traditsii kontsa XIX – nachala XX veka)* [Peasant daily life (traditions of the late 19th – early 20th centuries)]. Moscow-Tambov: Tambov State Technical University.
4. Belova, A.N. (2015) *Povsednevnyaya zhizn' uchiteley* [The daily life of teachers]. Moscow: RAS.
5. Egorova, M.V. (2008) *Povsednevnyaya zhizn' uchashchikhsya i uchiteley Urala v XIX – nachale XX vv.* [The daily life of students and teachers in the Urals in the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.
6. Lebina, N. (2015) *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stil'yu* [Soviet daily life: norms and anomalies. From war communism to big style]. Moscow: NLO.
7. Zheravina, A.N. (2004) *Povsednevnyaya zhizn' studentov Tomskogo universiteta na rubezhe XIX–XX vv.* [Daily life of students of Tomsk University at the turn of the 20th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 281. pp. 207–215.
8. Mulukaev, R.S. & Malygin, A.Ya. (1985) *Sovetskaya militsiya: etapy razvitiya* [Soviet militia: stages of development]. Moscow: [s.n.].
9. Kositsyn, A.P. & Mulukaev, R.S. (1987) *Sovetskaya militsiya: istoriya i sovremennost'. 1917–1987 gg.* [Soviet militia: history and modernity. 1917–1987]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
10. Larkov, N.S., Chernova, I.V. & Voytovich, A.V. (2002) *200 let na strazhe poryadka (oчерки istorii organov vnutrennikh del Tomskoy gubernii, okruga, oblasti v XIX – XX vv.)* [200 years on the guard of order (essays on the history of the internal affairs bodies of Tomsk province, district, region in the 19th – 20th centuries)]. Tomsk: [s.n.].
11. Perov, I.F. & Kuznetsov, M.V. (2001) *Istoriya ryazanskoy militsii* [The history of Ryazan militia]. Vol.2. Ryazan: [s.n.].
12. Sivak, A.T. (n.d.) *Vospominaniya. Iz lichnogo arkhiva avtora* [Memories. From the author's personal archive].
13. Bernikov, V.M. (n.d.) *Vospominaniya. Iz lichnogo arkhiva avtora* [Memories. From the author's personal archive].
14. *Rad'yans'kiy vartoviy*. (1946) 5th April.
15. Dorokhov, V.Zh. (2013) Misconduct and offence of law among soviet militiamen: 1953–1968. *Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Scholarly Notes of Komsomolsk-na-Amure State Technical University*. 3(15). pp. 74–80. (In Russian). DOI: 10.17084/2013.III-2(15).14
16. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund P-9415.
17. Zimin, D.V. (2004) *Bor'ba s prestupnost'yu i okhrana obshchestvennogo poryadka kak osnovnye napravleniya deyatel'nosti militsii Penzenskoy oblasti v poslevoennye gody: 1945–1953* [The fight against crime and the protection of public order as the main militia activities in Penza region in the post-war years: 1945–1953]. History Cand. Diss. Penza.
18. *Na strazhe*. (1946) 11th September.
19. *Strazh revolyutsii*. (1948) 7th August.

-
20. *Na strazhe*. (1948) 3th April.
 21. Surova E.E. & Butonova, E.V. (2014) Leisure practices in the context of everyday experience in the space of everyday life. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6 – Vestnik of St. Petersburg University. Series 6. 2.* pp. 53–60. (In Russian).
 22. *Radyans'kiy vartoviy*. (1952) 8th August.
 23. Kryuchkin, M. (1957) *Bol'she khoroshikh knig o militsii* [More good books about militia]. *Sovetskaya militsiya*. 2. p. 71.
 24. Maslennikov, S. (1957) *Kak v rodnom dome* [Like in my home]. *Sovetskaya militsiya*. 6. pp. 13–14.

УДК 368(470 + 571)
DOI: 10.17223/19988613/60/7

А.Д. Протасов

ЖУРНАЛ «ВОПРОСЫ СТРАХОВАНИЯ» (1922–1937): ВОЗРОЖДЕНИЕ, РЕДАКТОРСКИЙ И АВТОРСКИЙ СОСТАВ И ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ

Рассматриваются слабо исследованный советский период деятельности журнала «Вопросы страхования», возобновление его издания, редакторский и авторский состав, преемственность с дореволюционным печатным органом и роль в организации изучения истории социального страхования. Особое внимание автор обратил на сюжетную линию публикаций по истории страхования рабочих и ее изменение в связи с протекавшими в стране советских процессами. Обосновывается предположение о связи переименования журнала в юбилейном 1938 г. в «Социальное страхование» с репрессиями второй половины 1930-х гг. в отношении сотрудников дореволюционных и советских выпусков.

Ключевые слова: журнал «Вопросы страхования»; страхование рабочих; Комиссия по изучению истории социального страхования (Истсоцстрах); репрессии; советская историография.

О роли большевистского печатного органа «Вопросы страхования» в дореволюционной страховой кампании сказано довольно много, особенно на заре советской власти. Практически во всех публикациях о царском социальном страховании подчеркивалось его значение для рабочего страхового движения. И в то же время, несмотря на столь достопримечательное прошлое, о его существовании в послеоктябрьский период мало что известно. Удалось обнаружить лишь несколько упоминаний об этом. Некоторые вопросы организации и деятельности журнала в советский период рассмотрела историк из Винницы Е.И. Вальчук. Она пришла к заключению, что журнал «Вопросы страхования» стал «центром страховой пропаганды в печати» [1. С. 35]. Об использовании материалов юбилейного номера издания пишет в посвященном дореволюционной страховой кампании сборнике ученый из Казани А.В. Морозов [2. С. 18]. Однако систематического исследования деятельности журнала в советский период предпринято не было. Мы постараемся восполнить этот пробел.

Цель статьи – рассмотреть деятельность журнала за период с 1922 по 1937 г. и его вклад в организацию изучения истории социального страхования рабочих.

Своим возрождением «Вопросы страхования» обязаны заведующему Московским отделением социального обеспечения И.Я. Козлову и начальнику Московского губернского управления социального страхования (Мосгубсоцстрах) А.Г. Калинин. Они пришли к убеждению о необходимости развертывания специального печатного органа для продвижения новой страховой мысли и пропаганды новых страховых законов и практики. Тем более что советский опыт выпуска журнала уже был. Некоторое время он освещал политику партии большевиков и позицию рабочей страховой группы по вопросам социального страхования в 1917 и 1918 гг.

Первая редакция разместилась при Мосгубсоцстрахе, во Дворце Труда, в доме 12 по ул. Солянка. Вслед

за своим заслуженным родоначальником первоочередной задачей она считала налаживание взаимодействия с работниками страхования на местах. При поддержке Центрального и Московского управлений социального страхования несколько номеров увидели свет уже в конце 1922 г. Один из дореволюционных страховиков А.М. Хмяляйнен позже даже попенял, что издание возобновили без участия руководившего тогда соцстрахом Народного комиссариата социального обеспечения [3].

За период с 1922 по 1937 г. вышло из печати 569 номеров. С 1923 по 1929 г. журнал был еженедельным, с 1930 по 1932 г. выходил по декадам, с 1933 по 1934 г. стал ежемесячником, а с 1935 по 1937 г. печатался 2 раза в месяц. Изменения претерпевала и его принадлежность. Если изначально он являлся изданием Центрального и Московского губернского управлений социального страхования, то в 1925 г. стал печатным органом Центрального управления социального страхования (Цусстрах) и Главного управления социального страхования (Главсоцстрах), а в 1933 г. перешел к ВЦСПС.

Одним из первых ответственных редакторов утвердили Б.Г. Данского (псевд. К.А. Комаровского), внесшего значительный вклад в создание и деятельность журнала еще при царском режиме. В довольно короткие сроки удалось привлечь к работе небольшой, но обладавший глубокими познаниями в практике страхования рабочих авторский коллектив. Произошло перерождение из «кустарного» и «примитивного» формата первых номеров в качественное общероссийское издание. О его востребованности свидетельствует тот факт, что уже к февралю 1923 г. тираж увеличился с первоначальных, частично рассылаемых бесплатно 3 тыс. экземпляров до 12 тыс. [4. С. 22]. Редакция активно продвигала журнал в страховые учреждения. Задуманный как помощь больничным кассам в постановке правильной работы, он постепенно превратился в орган, по своей сути руководящий всем советским социальным страхованием.

Требования к корреспонденциям разработал обладавший богатейшим опытом организации еще дореволюционного страхового движения Б.Г. Данский. Они представляют определенный интерес, так как раскрывают некоторые особенности большевистского подхода к работе с массами. Главным из них стало изложение материала простым и понятным для широкого круга читателей языком, избегая длинных предложений. Учитывая, что основная аудитория не всегда обладала специальными познаниями, врачам и статистикам предлагалось использовать как можно меньше таблиц и терминов, при необходимости разъясняя их. Иначе, по мнению автора требований, материал становится интересным лишь узкому кругу профессионалов. Большое значение придавалось объему публикаций. Б.Г. Данский предложил излагать мысли кратко: «Лучше написать несколько коротких, чем одну длинную», – говорит он о статьях [5. С. 5]. Такой подход позволял увеличить количество публикаций номера в условиях ограниченности его объема и способствовал участию как можно более широкого круга корреспондентов. В то же время сжатые очерки и статьи не отнимали много времени для прочтения. Они давали самую суть вопроса и не отталкивали читателя своей громоздкостью, где часто терялся смысл. Из этого видно, что расчет делался на самого неискушенного читателя. Характеризует отношение редакции к проблемам страхования призыв Б.Г. Данского освещать достижения, «для примера и поощрения», но еще активнее вскрывать упущения, «чтобы их быстрее устранить» [Там же. С. 5–6]. Сотрудники высоко оценивали его организаторские способности. Из недостатков руководства страховым органом они выделяют *«оторванность редактора от корреспондентов»* (выделено в тексте. – А.П.), замкнутость состава редколлегии и некоторую «сухость» содержания журнала» [6. С. 24]. Ликвидация этих «узких» мест связана с возложением в 1926 г. редактирования на еще одного старого страховика – Б.Т. Милютину. С этого момента отмечаются изменение традиционного облика печатного издания, появление в нем творческого подхода. По словам сотрудников, *«журнал начал терять облик казенного ведомственного органа»* (выделено в тексте – А.П.) с парадными статьями о страхового начальника» [Там же]. Кроме того, некоторые номера вышли под редакцией М.И. Креховой, К.Г. Хохлова и А.В. Белова, а последние два года он издавался под редакцией Г.З. Литвина-Молотова.

Особое место в журнале отводилось освещению его прошлого в рабочей страховой кампании. С первого же номера редакция всячески подчеркивала преемственность с дореволюционным изданием. Начиная с 1924 г. даже стали указывать двойную нумерацию, где первая цифра обозначала номер в году, а вторая – по порядку с 1-го выпуска от 26 ноября 1913 г. При этом год выхода также отсчитывался от первого тиража при царском режиме. Журнал открывался изображением титульного страницы первого экземпляра с указанием перечня участников. Об этом же свидетельствует и выход юбилейных номеров, полностью или частично состоящих из воспоминаний о деятельности журнала и борьбе за большевистские страховые лозунги и про-

грамму. Такие выпуски «Вопросов страхования» оказались востребованными. Воспоминания о страховом движении начиная с № 46 1923 г. публиковались через каждые пять лет: в № 45 и 46 за 1928 г., № 11 за 1933 г. и даже после переименования журнала в «Социальное страхование» в № 15 за 1938 г. Можно предположить, что на поддержание связи с революционным прошлым было направлено активное использование авторами своих псевдонимов из нелегальной жизни при царском правительстве. К тому же многим читателям их настоящие имена мало о чем говорили.

Публикации исторических материалов в других случаях были приурочены к юбилеям событий, праздничным датам, как, например, в номерах к 20-летию РКП в 1923 г., 10- и 20-летию начала империалистической войны в 1924 и 1934 гг. В ноябрьском номере 1925 г. напечатано два очерка о связи революционных событий 1905 г. и рабочего страхования. В мартовских и ноябрьских выпусках 1927 и 1937 гг. статьями отметили юбилеи Февральской и Октябрьской революций 1917 г. В майских номерах очерки и воспоминания посвящали 1 мая и Дню печати. Всего за период с 1922 по 1937 г. в «Вопросах страхования» удалось обнаружить около 120 публикаций по истории социального страхования и немногим менее 100 общих и индивидуальных фотографий участников страхового движения.

Анализ содержания исторических публикаций позволяет выделить несколько основных направлений, в целом совпадающих с советской историографией проблемы. В первую очередь на фоне критики несоветского страхового законодательства они отражают организацию и работу «Вопросов страхования» при царском режиме. Здесь особо подчеркивается связь журнала с большевистской газетой «Правда» и издательством «Прибой». Много внимания уделяется выборам представителей от рабочих в Страховой совет и развертыванию рабочего страхового движения в больничных кассах предприятий Петрограда, Москвы, Одессы, Тулы и Нижнего Новгорода. Одной из наиболее часто затрагиваемых тем стала борьба с «назначенцами» и меньшевиками-ликвидаторами в страховых учреждениях [7]. Воспоминания и статьи, посвященные страховой кампании в условиях империалистической войны, подчеркивают рост в сложившихся условиях заболеваемости, травматизма и смертности среди рабочих. Главной проблемой авторы называют усиление с началом боевых действий репрессивных мер со стороны государства за политические преступления и правонарушения. Промышленники тогда получили рычаг воздействия на «недовольных» условиями труда. Это, как отмечают страховики, наряду с действиями провокаторов и мобилизацией привело к массовому изъятию активных членов партии из Страхового совета и правлений больничных касс. В то же время политическая составляющая частично ослабила свое влияние в этом секторе лишь временно. По словам Н.И. Подвойского, страховая кампания уже во второй половине 1915 г. «дала возможность не только разоблачать и бить рабочих предателей – рабочие группы в военно-промышленных комитетах, но и дала самый

сильный толчок рабочим массам к определенному выявлению своей воли» [8. С. 45].

Материалы о социальном страховании после февральской революции наполнены негативным отношением к нововведениям Временного правительства и позиции по этому вопросу меньшевиков. Их отказ от немедленного введения всеобъемлющего страхования рабочих получил в среде большевиков названия «соглашательство» и «постепеновщина». Особое недовольство вызывал обладавший авторитетом в среде московских рабочих заведующий отделом социального страхования при Министерстве труда С.М. Шварц (псевдоним С.М. Монозона). В своих воспоминаниях В.А. Радус-Зенькович даже называет его «злым» меньшевиком [9. С. 18]. Новелла Временного правительства о страховании рабочих на случай болезни переняла на себя все претензии большевиков к царским страховым законам.

Публикации в журнале затрагивают практически весь спектр сюжетов советской историографии дооктябрьского страхования рабочих. И все-таки «Вопросы страхования» можно выделить как одного из основоположников некоторых направлений. Так, в юбилейном ноябрьском 46-м номере 1923 г. напечатаны воспоминания Г.И. Осипова о создании в Петрограде амбулаторной лечебницы для членов семей участников больничных касс Выборгской стороны [10]. К рассказу об объединении касс заводов Лесснер, Парвиайнен, Эрикссон, Барановского, Феникс и Айваз для совместной организации врачебной помощи автор неоднократно возвращался в сборниках под редакцией Б.Г. Данского [11; 12. С. 83–86]. В том же 1923 г. можно отметить обращение к этой теме в книге уже находившегося в ссылке доктора Н.А. Вигдорчика [13. С. 119–127]. По возвращении из нее он еще раз в 1927 г. вернется к вопросу об организации медицинских учреждений для оказания помощи родственникам членов больничных касс [14]. До этого случая доктор редко публиковался в «Вопросах страхования» и не затрагивал здесь вопросы истории. Необходимо учитывать, что в те годы на страницах печати в его адрес уже звучала критика за меньшевистские взгляды (см. напр.: [15. С. 123; 16. С. 5]). Возможно, это стало его последней публикацией о страховом движении. Более известен Н.А. Вигдорчик стал как основатель и долготелный бессменный руководитель кафедры профессиональных болезней Ленинградского института усовершенствования врачей.

Одной из форм изучения истории стала организация вечеров воспоминаний. Их главной целью являлась передача дореволюционного опыта молодым страховикам. Именно на такой встрече, посвященной 10-летию юбилею журнала, из уст Н.А. Скрыпника прозвучали слова об авторстве рабочей страховой программы. Он заявил, что изначально она была разработана им совместно с Б.Г. Данским и лишь затем отправлена В.И. Ленину за границу, откуда пришла «с примечаниями и исправлениями» [17. С. 41]. Необходимо отметить, что об участии в ее разработке Н.А. Скрыпник пишет сам. В то же время о вкладе в создание рабочей страховой программы Б.Г. Данского сообщает в 1923 и 1928 гг. участник дореволюционного

издания журнала И. Гладнев (псевдоним С.М. Закса) [19. С. 22; 20. С. 20]. Тема коллективного авторства «ленинской» страховой программы получила развитие после смерти вождя революции в 1924 г. уже в форме вопроса о его роли в страховой кампании. Участники ее обсуждения, например Б.Г. Данский, хоть и с некоторыми оговорками, всячески старались подчеркнуть ведущую роль Владимира Ильича в этом вопросе [18]. В большинстве трудов рассматриваемого периода, и особенно в 1930-е гг., упоминания об участии в разработке страховой программы еще кого-либо, кроме вождя российского пролетариата, не встречаются.

Говоря о рабочей страховой программе, авторы наряду с Лениным пишут о Г.Е. Зиновьеве [21. С. 7]. Особое внимание привлекает упоминание на страницах журнала в 1927 г. факта его участия «Вопросах страхования» уже после вывода из состава Политбюро [22. С. 7; 23. С. 2]. Последняя статья датируется 17 ноября 1927 г., т.е. она увидела свет 3 дня спустя после исключения его из партии. Это позволяет прийти к заключению, что в этот период такой поворот событий еще не расценивался как фатальный для Г.Е. Зиновьева и других, оказавшихся в аналогичной ситуации. Подтверждение этому мы находим в судьбе молодого казанского историка М.К. Корбута. Он неоднократно в своих трудах по истории социального страхования ссылаясь на Г.Е. Зиновьева и во многом повторил его судьбу (подробнее см.: [24]). В то же время органы печати еще не почувствовали необходимость молниеносно реагировать на результаты борьбы в высших эшелонах власти. В более поздний период свидетельства о вкладе в страховое движение уже попавшего в жернова политических репрессий Г.Е. Зиновьева тщательно вымарывались.

Празднование журналом юбилея революций стало примечательным не только этим. В год десятилетия Февраля и Октября увидело свет наибольшее количество публикаций по истории, немногим более 30. Среди них особо можно выделить воспоминания, освещающие такую непопулярную тему, как социальное страхование на территориях Сибири, Украины и Крыма, контролируемых несветскими правительствами [25–27]. Сюда же можно отнести более позднюю статью, где на основе краткого анализа проводятся параллели между страховым законодательством при А.В. Колчаке и А.И. Деникине и позицией «постепеновщины» при них меньшевиков [28]. Несмотря на то, что эти сюжеты должны были подчеркнуть «неполноценность» их страховых законопроектов по сравнению с советскими, такое расширение истории страхования рабочих вряд ли входило в интересы руководства государства. Необходимо отметить, что социальное страхование на территориях, контролируемых белыми, именно в эти годы начинает привлекать внимание исследователей. Но не всем планам суждено было реализоваться (подробнее см.: [29]). Это наводит на мысль, что такие «вольности» в большевистском печатном органе – заслуга меньшевика с 1906 по июнь 1917 г. Б. Т. Милютин.

Переломным в освещении истории на страницах журнала стал 1929 г., когда в нем не напечатали ни одного воспоминания. Все внимание редакции с лета

этого года было приковано к проведению чистки в рядах аппарата органов труда и социального страхования. Изгнанию из рядов Народного комиссариата труда и Цусстраха подвергались классово чуждые и бюрократы, начиная с низовых структур до самого верха. Позже чистка коснулась и некоторых активно участвовавших в ее проведении старых страховиков – корреспондентов «Вопросов страхования». Ярким примером можно считать увольнение в конце лета 1930 г. из консультационного бюро Цусстраха бывшего меньшевика Н.И. Быховского. Возможно, это было связано с тем, что советская власть уже вырастила поколение новых специалистов в сфере социального страхования, и наступило время освободиться от большого количества обосновавшихся в нем своих оппонентов.

Последствия чистки отразились как на количестве исторических публикаций, так и на их содержании. В первую очередь заметно сократились авторский коллектив и сюжетная линия размещаемых в журнале материалов. Это вполне соответствует сложившейся на тот момент внутривластной ситуации в стране. Изучение истории социального страхования не могло стать исключением [30. С. 143–145; 31. С. 52]. Со страниц журнала исчезли воспоминания большинства страховиков. Об истории страхования рабочих доверили писать лишь старому большевику Б.Г. Данскому, Б.Т. Милютину и, как ни удивительно, еще одному бывшему меньшевику, а затем и бундовцу (Всеобщий рабочий еврейский союз) до весны 1920 г. Б. Любимову (псевд. Б.А. Либермана). Из-под его пера вышло несколько статей и рецензий, в которых он беспощадно громил авторов за меньшевистский уклон и «неправильные» теории. А в 1934 г. увидела свет его знаковая книга, где вместе с А.В. Баритом и Б.Т. Милютиным он заклеил за искажение марксистско-ленинского понимания советского социального страхования – воплощения ленинской страховой программы – Н.А. Вигдорчика, Л. В. Забелина, В.И. Гутцайта, В.Я. Яроцкого, З.Р. Теттенборн и Ф.Д. Маркузона [32].

Изменения произошли и в подходах к написанию исторических работ. На передний план выдвигаются руководящая роль в страховом движении В.И. Ленина и И.В. Сталина, их участие в «Вопросах страхования». Особое внимание стало уделяться ленинской страховой программе, лично полученному Б.Г. Данским и Т. Гневичем (псевд. З.Т. Фаберкевича) одобрению на издание специального журнала по вопросам страхования находившегося за границей Владимира Ильича и опубликованной там в 1916 г. его статье «О германском и негерманском шовинизме» [33]. Вклад И.В. Сталина оказался значительно скромнее. В 1916 г. был опубликован единственный известный связывающий его с журналом документ. Это письмо И.В. Сталина из Турханской ссылки в «Вопросы страхования» с приветствием от группы товарищей и приложением денежных средств для издания [34; 35]. К данному источнику редакция возвращалась и в юбилейном 1938 г.

Начиная с 1930 г. публикации все чаще строятся на не всегда имеющих отношение к истории социального страхования цитатах из трудов В.И. Ленина и И.В. Сталина. Происходит процесс, когда догматизм постепен-

но вытесняет историческую составляющую из и без того политизированных статей. Фотографии старых страховиков в юбилейных номерах заменяют портреты вождей российского пролетариата. На этом фоне несколько выделяется статья Б.Т. Милютин о Правилах от 2 июня 1903 г. о вознаграждении пострадавших от несчастных случаев рабочих частных промышленных заведений [36]. Выбранная им проблема не отличалась популярностью среди советских исследователей. Можно предположить, что в сложившихся условиях автор посчитал ее наиболее безопасной ввиду отсутствия в затрагиваемый им период времени ярко выраженного противостояния в сфере страхования большевиков с меньшевиками. Б.Т. Милютин рассмотрел вызвавшие Правила к жизни мотивы и раскрыл некоторые негативные стороны практики их применения. В результате автор пришел к заключению, что их принятие стало лишь небольшой уступкой, имеющей своей целью нейтрализацию рабочего движения [36. С. 31]. По его мнению, Правила не улучшили положения трудящихся и не выполнили свою основную функцию – отвлечь их от революционных выступлений. В таком подходе к анализу явно просматривается аналогия с большевистской критикой страховых законов 1912 г. Заканчивает статью Б.Т. Милютин подтверждающими приведенные им факты словами В.И. Ленина из опубликованной в августе 1903 г. работы «Эпоха реформ». Раскрывая политическое существо закона, вождем революции на долгие годы вперед закладывает отношение ко всему царскому законодательству в сфере труда как к половинчатому, лживому, кажущемуся, обставляемому рядом тщательно замаскированных ловушек для рабочих. Основным мотивом здесь звучит утверждение, что любой прогресс в положении рабочих есть не что иное, как вынужденные уступки в результате упорной борьбы под руководством социал-демократов.

На страницах «Вопросов страхования» обсуждались достижения и проблемы страхового просвещения и пропаганды. До 1930 г. редакция неоднократно обращала внимание на игнорирование профсоюзной печатью проблем социального страхования. Была развернута настоящая кампания по борьбе за страховое просвещение и пропаганду, где не последнюю роль играла история. Помимо распространения знаний организаторы ставили себе задачу поднять сознательность трудящихся и привить им понимание, что социальное страхование является одним из величайших достижений рабочего класса. В ходе кампании создавались кружки, уголки, организовывались лекции и выставки. Особая роль отводилась Центральному музею труда и социального страхования. Для более доступного освещения кампании предполагалось привлечь даже радио и кино [37].

Свой вклад в изучение истории сделали публикуемые на страницах журнала отзывы и рецензии. Всего было рассмотрено около 20 изданий. Оценке подверглись не столько полнота комплекса привлекаемых источников и достоверность фактов, сколько соответствие или нет содержания изданий классовому походу. Особое внимание уделялось тому, насколько автору удалось раскрыть связь введения страхования рабочих

в царской России с борьбой возглавляемого большевиками пролетариата за свое освобождение. Попытки другого подхода к этому вопросу или даже недостаточное сосредоточение на нем внимания считались большим недостатком и критиковались, часто с учетом политического прошлого авторов. Самое активное участие в рецензировании принял уже упоминавшийся ранее Б. Любимов. Тем самым «Вопросы страхования» на доступном для широкого круга читателей уровне устанавливали партийные рамки и задавали тон имеющим отношение к истории страхования рабочих публикациям.

Большое значение редакция придавала освещению подготовки новых кадров на специальных курсах. Это определялось еще и тем, что в числе лекторов первого года обучения мы встречаем хорошо известные по участию в журнале фамилии. Среди них такие специалисты, как В.И. Гутцайт, Б.Т. Милютин, Л.В. Забелин и др. [38. С. 128]. За организацию заочного обучения одним из первых на страницах «Вопросов страхования» выступил, а затем и разработал курс лекций Б. Любимов [39, 40]. При обсуждении учебных программ особое внимание уделялось истории социального страхования, считавшейся одной из основных дисциплин. Конечно же, преподавание проходило в соответствии с установившимся марксистско-ленинским подходом, в рамках которого страховые законы рассматриваются как уступка правящего класса и результат упорной и жестокой борьбы пролетариата за свои права. Об этом еще раз свидетельствует разработанная Московским губернским советом профессиональных союзов и утвержденная Мосгубсоцстрахом программа курсов. Обучение начинается с обращения к истории дореволюционного страхования под общим, говорящим за себя заголовком «Классовая природа и сущность социального страхования» [41].

Наиболее значимой заслугой «Вопросов страхования» можно признать участие в организации и деятельности Комиссии для изучения истории социального страхования (Истсоцстрах). Именно на страницах журнала Н.И. Быховским и Б. Любимовым была озвучена идея о необходимости создания такого научно-исторического учреждения [42]. Хорошо известный в среде участников страховой кампании печатный орган разместил обращение Истсоцстраха с просьбой оказать помощь Комиссии, присылать воспоминания и сохранившиеся материалы. Активное участие в деятельности, а затем и в руководстве Комиссией принял Б. Любимов. Журнал находился в постоянном взаимодействии с Истсоцстрахом, публиковал информацию об организации выставок, планы работ, передавал ему присланные страховиками материалы. В свою очередь, Истсоцстрах помогал страховикам с публикацией воспоминаний в «Вопросах страхования». Со временем даже предполагалось организовать издание в виде приложения к журналу «Бюллетеня Истсоцстраха» [43. Л. 56]. Особо необходимо отметить вклад в создание первого сборника Истсоцстраха. Он увидел свет под редакцией Б.Г. Данского и Б.Т. Милютина и включал некоторые ранее опубликованные в «Вопросах страхования» материалы [44, 45]. Далеко идущим

планам сотрудничества так и не суждено было осуществиться. Летом 1930 г. к тому моменту уже Центристсоцстрах прекратил свое существование в связи с ликвидацией Комиссии по изучению истории профессионального движения ВЦСПС (Истпроф), автономной секцией которого он являлся. Столь стремительное закрытие можно связать с отстранением с поста председателя ВЦСПС и выведением из состава Политбюро стоявшего у истоков создания Истпрофа М.П. Томского. Деятельность Центристсоцстраха также быстро оказалась вычеркнутой из сферы интересов исследователей. Уже в 1933 г. М.И. Котляр, подчеркивая вклад журнала в организацию изучения истории социального страхования при ВЦСПС и Комакадемии, даже не упоминает названия Комиссии [46. С. 24].

Можно предположить, что постепенное сокращение исторических публикаций в журнале связано с репрессиями, которым подверглись в том числе и многие старые страховики. Пострадали как сотрудники «Вопросов страхования», так и участники его детища – Истсоцстраха. Тем более «крамольно» в тот период выглядела традиция размещать в журнале изображение страницы первого номера «Вопросов страхования» за 1913 г. с фамилиями авторов. Среди них мы встречаем ставших во второй половине 1930-х гг. «врагами» Б.Г. Данского, Б. Соловьева (псевд. К.А. Комаровского), Г.И. Зиновьева, И. Гладнева, Ч. Гурского (псевд. С.С. Данилова). С 13-го номера (13 июля) 1936 г. такая традиция была прекращена. Это можно рассматривать как первый шаг к переименованию журнала в юбилейном 1938 г. в «Социальное страхование».

Имена многих репрессированных были слишком тесно связаны с историей журнала и рабочим страховым движением. Так, например, обращение к дореволюционной деятельности «Вопросов страхования» еще при живых участниках событий выглядело бы далеко не полным без упоминания имени «рупора» большевистского страхового движения Б.Г. Данского. В то же время расстрел в 1937 г. еще и редактора советских выпусков журнала Б.Т. Милютина ставил «пятно» на всю его многолетнюю деятельность. Вот как редакция прокомментировала упущения в своей работе: «Коллектив редакции журнала проявил недопустимую политическую слепоту и отсутствие бдительности, не разоблачив пробравшихся в редакцию врагов народа. Презренные троцкистско-бухаринские агенты фашизма пытались подорвать боевую руководящую роль журнала, использовать профсоюзную печать против нашего, единственного в мире социалистического строительства» [47. С. 12].

Это наводит на мысль, что именно «истребление» дореволюционного страхового актива стало причиной «отсутствия внимания» исследователей к проблеме и слабой освещенности советского периода издания журнала. Так, обратившись к Советской исторической энциклопедии, мы увидим, что крайней датой его выхода указан 1918 г. [48]. В свою очередь, это негативно сказалось и на изучении истории социального страхования. Авторам пришлось бы слишком многое объяснять читателю, что вызвало бы определенные неудобства при правящей партии.

Журнал, создававшийся изначально как сугубо профессиональный, стал одним из основоположников изучения истории социального страхования. Он собрал и объединил вокруг себя наиболее активных участников страхового движения, сделал доступными для широкого круга читателей их воспоминания. Здесь был поднят вопрос о выделении истории социального страхования в самостоятельное исследование. Журнал подготовил почву для постановки научной организации изучения проблемы в Истсоцстрахе. На его стра-

ницах, как на киноплёнке, запечатлелись развитие отношения партийного руководства к дореволюционной социальной истории и влияние на него происходивших в стране советских процессов. В то же время он служил маяком, направлявшим авторов по правильному – марксистско-ленинскому – пути изложения истории социального страхования. На современном этапе «Вопросы страхования» являются ценным источником, информационный потенциал которого еще не раскрыт в полной мере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вальчук Е.И. Пропаганда и просвещение в советской системе социального страхования (1922–1933 гг.) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. № 4 (28). С. 34–41.
2. Морозов А.В. Больничные кассы и страхование рабочих в Казанской губернии 1912–1919 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2000. 380 с.
3. И.Т. Вечер воспоминаний // Вопросы страхования. 1927. № 49 (339). С. 24.
4. Барит А. (А. Белов) Возобновление журнала в 1922 г. // Вопросы страхования. 1928. № 45 (387). С. 22–23.
5. Данский Б.Г. Каким должен быть наш журнал // Вопросы страхования. 1924. № 15 (148). С. 4–6.
6. Котляр М. Три периода // Вопросы страхования. 1933. № 11. С. 23–26.
7. Фрейгель В.С. «Назначенцы» // Вопросы страхования. 1927. № 25. С. 7–8.
8. Подвойский Н. Из страховой кампании во время империалистической войны // Вопросы страхования. 1923. № 47. С. 42–45.
9. Радус-Зенькович В. После Февральской революции // Вопросы страхования. 1928. № 46. С. 18–19.
10. Осипов Г. Организация первой амбулатории больничных касс в Петрограде // Вопросы страхования. 1923. № 46. С. 41–42.
11. Осипов Г. Организация первой амбулатории больничных касс в Петербурге // Дореволюционная страховая кампания : [сб. ст.] / под ред. Б.Г. Данского. М., 1925. С. 149–151.
12. Осипов Г.И. Страховая кампания в Петербурге // Материалы по истории социального страхования : сб. Истсоцстраха / под ред. Б.Г. Данского и Б.Т. Милютина; общ. ред. Б.М. Файнгольда. М., 1928. № 1. С. 78–105.
13. Вигдорчик Н.А. Теория и практика социального страхования : в 8 вып. 2-е изд. Л. ; М. : Книга, 1923. Вып. 4: Кассовая медицина. 152 с.
14. Вигдорчик Н. Лечебница «Самопомощь» // Вопросы страхования. 1927. № 26. С. 6.
15. Гладнев И. Либеральные тенденции в литературе по страхованию рабочих // Дореволюционная страховая кампания / отв. ред. Б.Г. Данский. М., 1923. С. 120–124.
16. Падэрин А.Н. Путиловская больничная касса // Вопросы страхования. 1927. № 26. С. 5.
17. Юбилей «Вопросов страхования» // Вопросы страхования. 1923. № 47. С. 40–42.
18. Протасов А.Д. Об участии В.И. Ленина в дореволюционном рабочем страховом движении: дискуссия на страницах журнала «Вопросы страхования» в 1924 г. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 12. С. 274–276.
19. Гладнев И. Из воспоминаний о «Вопросах страхования» // Вопросы страхования. 1923. № 46. С. 22–23.
20. Закс-Гладнев С. «Правда», «Вопросы страхования», страховое движение // Вопросы страхования. 1928. № 45. С. 20–21.
21. Скрипник Н. Ленин и рабочее страховое движение // Вопросы страхования. 1924. № 3/4. С. 6–7.
22. Винокуров А. Дореволюционная большевистская страховая кампания: «Эпоха использования легальных возможностей» // Вопросы страхования. 1927. № 25. С. 6–7.
23. Гладнев И. «Вопросы страхования» после февраля // Вопросы страхования. 1927. № 45/46. С. 2–3.
24. Протасов А.Д., Токамова А.Ю. Михаил Ксавьевич Корбут как исследователь рабочего страхования в дореволюционной России // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 1. С. 94–97.
25. Шингарева Р. Рада–гетманщина–деникинщина : (Киев 1917–1919 гг. – По материалам Губистспарта) // Вопросы страхования. 1927. № 44. С. 40–43.
26. Герцов А. Колчаковщина // Вопросы страхования. 1927. № 44. С. 44–46.
27. Михайлов А. Крым // Вопросы страхования. 1927. № 45/46. С. 3–5.
28. Бем. Меньшевики – враги большевистского соцстрахования // Вопросы страхования. 1932. № 29/30. С. 51–56.
29. Протасов А.Д. Первые отечественные исследования социального страхования рабочих в период Гражданской войны // Известия Смоленского государственного университета. 2015. № 4 (32). С. 254–261.
30. Протасов А.Д. Исследование проблемы дореволюционного страхования рабочих в первые десятилетия советской власти // Документ в оперативной и ретроспективной среде. Региональные исследования. Историк и власть : сб. науч. ст. / под общ. ред. Т.Н. Кондратьевой. Тюмень, 2013. Вып. 3. С. 141–145.
31. Протасов А.Д. Опыт периодизации отечественной историографии дореволюционного страхования рабочих в первые десятилетия советской власти (конец 1917 – середина 1941 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 50–56. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-2-50-56.
32. Любимов Б.А. Против извращения основ советского соцстраха / под общ. ред. и с предисл. А.В. Барита и Б.Т. Милютина. М. : Профиздат, 1934. 133, [2] с.
33. Б.М. Ленин и журнал «Вопросы страхования» // Вопросы страхования. 1936. № 2. С. 4.
34. Исторический документ. Письмо товарища Сталина в редакцию журнала «Вопросы страхования» в 1916 г. // Вопросы страхования. 1936. № 9. С. 1.
35. О письме товарища Сталина // Вопросы страхования. 1936. № 9. С. 2.
36. Милютин Б. Царский закон 1903 г. об обеспечении увечных рабочих // Вопросы страхования. 1936. № 1. С. 31–32.
37. Минц М. Кино и радио, как орудие страхового просвещения // Вопросы страхования. 1925. № 4/5. С. 24.
38. Вальчук Е.И. Подготовка кадров органов социального страхования СССР (1924–1933 гг.) // Актуальные вопросы философии, истории и политологии : материалы Междунар. заоч. науч.-практ. конф. (28 янв. 2013 г.). Новосибирск, 2013. С. 127–131.
39. Любимов Б. Заочные курсы по труду и соцстраху: необходима широкая пропаганда // Вопросы страхования. 1929. № 39. С. 10.
40. Протасов А.Д. История социального страхования в программе обучения на центральных заочных курсах Наркомтруда СССР // Документ в контексте универсальных практик : сб. ст. по материалам 4-й Всерос. науч.-практ. конф. (Тюмень, 23.05.2014) / под общ. ред. Т.Н. Кондратьевой. Тюмень, 2014. С. 148–152.
41. Внимание страховой учебе // Вопросы страхования. 1929. № 3. С. 24–25.
42. Быховский Н. Истстрах // Вопросы страхования. 1924. № 40/41. С. 12–13.
43. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6 935. Оп. 8. Д. 498.

44. Материалы по истории социального страхования : сб. Истсоцстраха / под ред. Б.Г. Данского и Б.Т. Милютин; общ. ред. Б.М. Файнгольда. М. : Вопросы труда, 1928. Сб. 1. 383 с.
45. Протасов А.Д. Судьба и материалы первого сборника Истсоцстраха 1928 г. // Ученые записки: электронный журнал Курского государственного университета. 2015. № 4 (36). С. 40–46.
46. Котляр М. Три периода // Вопросы страхования. 1933. № 11. С. 23–26.
47. 25 лет журнала «Социальное страхование» // Социальное страхование. 1938. № 15. С. 8–13.
48. «Вопросы страхования» // Советская историческая энциклопедия : в 16 т. / гл. ред. Е.М. Жуков. М., 1963. Т. 3. Стб. 702–703.

Protasov Alexander D. Tyumen State University (Tyumen, Russia). E-mail: prad1969@yandex.ru

THE MAGAZINE “VOPROSY STRAHOVANIYA” (“ISSUES OF INSURANCE”) (1922–1937): REVIVAL, EDITORIAL AND AUTHORIAL STAFF, AND CONTRIBUTION INTO THE STUDY OF THE HISTORY OF SOCIAL (EMPLOYEE) INSURANCE

Keywords: “Voprosy strahovaniya” (“Issues of Insurance”) magazine; insurance for workers; Commission for the Studying the History of Social Insurance (Istsostrakh); repression; Soviet historiography.

In the article the author refers to the Soviet period of the issue of the journal “Voprosy strahovaniya” (“Issues of Insurance”) that earlier attracted few attention of researchers. The publication considers reasons for the revival of the publication, the editorial and authorial staff, continuity with the pre-revolutionary Bolshevik press and the contribution to the organization of the study the history of social insurance. The author pays special attention to the development of the plot line of publications on the history of workers’ insurance. It was allotted the reasons and periods of their publication, found the connection between the content of historical articles and essays with the struggle in the highest echelons of power. The author came to the conclusion that the immediate impact on the reduction of printing in the journal of memories was the result of the purge in 1929 of the People’s Commissariat of Labor and the Central Department of Social Insurance. Many of specialists working in them were former Mensheviks, participants of the pre-revolutionary insurance movement and cooperated with the magazine.

Based on the analysis of texts, the author singles out the process of depersonalizing the history of social insurance that began after the purges of the late 1920s and early 1930s. Attention gradually concentrates on directing the working insurance campaign by V.I. Lenin and J.V. Stalin. Quotations from their works increasingly replaced history.

As the study showed, the role of “Voprosy strahovaniya” was not limited to historical publications. The author pays attention to the active promotion of the Bolshevik view of social history by the journal. This was reflected in the organization and holding of memorial evenings, the regular struggle to expand insurance propaganda, participation in the development of programs for special courses and the placement of book reviews. The crowning of the activities of the journal in this direction was the formation in 1926 of a special scientific and historical institution – Commission for the Studying the History of Social Insurance (Istsostrakh). For this, the editors assembled and united the participants of the insurance movement from all over the country. Thus, the magazine created the prerequisites for organizing an in-depth study of the problem.

At the same time, the close attention to it could reveal serious contradictions in the present Bolshevik approach to history. For example, in the issue of the role of Menshevik liquidators in the insurance campaign. The author came to the conclusion that it was mass repressions against participants of the pre-revolutionary insurance movement that caused the “forgetfulness” of the history of workers’ insurance and the renaming of the magazine in 1938 into “Socialnoe strahovanie” (“Social Insurance”).

REFERENCES

1. Valchuk, E.I. (2013) Propaganda i prosveshchenie v sovetskoj sisteme sotsial'nogo strakhovaniya (1922–1933 gg.) [Propaganda and education in the Soviet social insurance system (1922–1933)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*. 4(28). pp. 34–41.
2. Morozov, A.V. (2000) *Bol'nichnye kassy i strakhovanie rabochikh v Kazanskoy gubernii 1912–1919 gg.* [Sickness benefit fund and insurance for workers in Kazan province, 1912–1919]. History Cand. Diss. Kazan.
3. I.T. (1927) Veчер vospominaniy [Evening of memories]. *Voprosy strakhovaniya*. 49(339). pp. 24.
4. Barit, A. (A. Belov) (1928) Vozrozhdenie zhurnala v 1922 g. [The journal renewal in 1922]. *Voprosy strakhovaniya*. 45(387). pp. 22–23.
5. Danskiy, B.G. (1924) Kakim dolzhen byt' nash zhurnal [What should our magazine be like?]. *Voprosy strakhovaniya*. 15(148). pp. 4–6.
6. Kotlyar, M. (1933) Tri perioda [Three periods]. *Voprosy strakhovaniya*. 11. pp. 23–26.
7. Freygel, V.S. (1927) Naznachentsy [Mandarins]. *Voprosy strakhovaniya*. 25. pp. 7–8.
8. Podvoyskiy, N. (1923) Iz strakhovoy kampanii vo vremya imperialisticheskoy voyny [From the insurance campaign during the imperialist war]. *Voprosy strakhovaniya*. 47. pp. 42–45.
9. Radus-Zenkovich, V. (1928) Posle Fevral'skoy revolyutsii [After the February Revolution]. *Voprosy strakhovaniya*. 46. pp. 18–19.
10. Osipov, G. (1923) Organizatsiya pervoy ambulatorii bol'nichnykh kass v Petrograde [Organization of the first ambulatory hospital sickness funds in Petrograd]. *Voprosy strakhovaniya*. 46. pp. 41–42.
11. Osipov, G. (1925) Organizatsiya pervoy ambulatorii bol'nichnykh kass v Peterburge [Organization of the first ambulatory hospital sickness funds in St. Petersburg]. In: Danskiy, B.G. (ed.) *Dorevolutsionnaya strakhovaya kampaniya* [Pre-Revolutionary Insurance Campaign]. Moscow: [s.n.]. pp. 149–151.
12. Osipov, G.I. (1928) Strakhovaya kampaniya v Peterburge [The insurance campaign in St. Petersburg]. *Materialy po istorii sotsial'nogo strakhovaniya*. 1. pp. 78–105.
13. Vigdorichik, N.A. (1923) *Teoriya i praktika sotsial'nogo strakhovaniya* [Theory and practice of social insurance]. Issue 4. 2nd ed. Leningrad; Moscow: Kniga.
14. Vigdorichik, N. (1927) Lechebnitsa “Samopomoshch” [Clinic “Samopomoshch”]. *Voprosy strakhovaniya*. 26. pp. 6.
15. Gladnev, I. (1923) Liberal'nye tendentsii v literature po strakhovaniyu rabochikh [Liberal tendencies in the workers’ insurance literature]. In: Danskiy, B.G. (ed.) *Dorevolutsionnaya strakhovaya kampaniya* [Pre-revolutionary insurance campaign]. Moscow: [s.n.]. pp. 120–124.
16. Paderin, A.N. (1927) Putilovskaya bol'nichnaya kassa [The Putilov health insurance fund]. *Voprosy strakhovaniya*. 26. pp. 5.
17. Anon. (1923) Yubiley “Voprosov strakhovaniya” [The anniversary of “Voprosy strakhovaniya”]. *Voprosy strakhovaniya*. 47. pp. 40–42.
18. Protasov, A.D. (2015) Concerning V.I. Lenin's participation in the prerevolutionary labour insurance movement: Debate in the magazine “Voprosy strakhovaniya” (“Issues of Insurance”) in 1924. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 12. pp. 274–276. (In Russian).
19. Gladnev, I. (1923) Iz vospominaniy o “Voprosakh strakhovaniya” [From the recollection of “Voprosy strakhovaniya”]. *Voprosy strakhovaniya*. 46. pp. 22–23.

20. Zaks-Gladnev, S. (1928) “Pravda”, “Voprosy strakhovaniya”, strakhovoe dvizhenie [“Pravda”, “Voprosy strakhovaniya”, insurance movement]. *Voprosy strakhovaniya*. 45. pp. 20–21.
21. Skrypnik, N. (1924) Lenin i rabochee strakhovoe dvizhenie [Lenin and the labour insurance movement]. *Voprosy strakhovaniya*. 3/4. pp. 6–7.
22. Vinokurov, A. (1927) Dorevol'yutsionnaya bol'shevistskaya strakhovaya kampaniya: “Epokha ispol'zovaniya legal'nykh vozmozhnostey” [Pre-Revolutionary Bolshevik Insurance Campaign: “The Epoch of Using Legal Opportunities”]. *Voprosy strakhovaniya*. 25. pp. 6–7.
23. Gladnev, I. (1927) “Voprosy strakhovaniya” posle fevralya [“Voprosy strakhovaniya” after February]. *Voprosy strakhovaniya*. 45/46. pp. 2–3.
24. Protasov, A.D. & Tokmakova, A.Yu. (2014) Mikhail Ksaveryevich Korbut as researcher of workers' insurance in pre-revolutionary Russia. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian Sciences in Siberia*. 1. pp. 94–97. (In Russian).
25. Shingareva, R. (1927) Rada – getmanshchina – denikinshchina: (Kiev 1917–1919 gg. – Po materialam Gubistsparta) [Rada – The Cossack Hetmanate – The Denikin Military Dictatorship (Kiev, 1917–1919. According to the Gubistspart materials)]. *Voprosy strakhovaniya*. 44. pp. 40–43.
26. Gertsov, A. (1927) Kolchakovshchina [The Kolchak Movement]. *Voprosy strakhovaniya*. 44. pp. 44–46.
27. Mikhaylov, A. (1927) Krym [Crimea]. *Voprosy strakhovaniya*. 45/46. pp. 3–5.
28. Bem. (1932) Men'sheviki – vragi bol'shevistskogo sotsstrakhovaniya [Mensheviks are the enemies of Bolshevik social insurance]. *Voprosy strakhovaniya*. 29/30. pp. 51–56.
29. Protasov, A.D. (2015) Pervye otechestvennyy issledovaniya sotsial'nogo strakhovaniya rabochikh v period Grazhdanskoy voyny [The first Russian research of social employees' insurance during the Civil War]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4(32). pp. 254–261.
30. Protasov, A.D. (2013) Issledovanie problemy dorevol'yutsionnogo strakhovaniya rabochikh v pervye desyatiletiya sovetskoy vlasti [The study of the problem of pre-revolutionary insurance of workers in the first decades of Soviet power]. In: Kondratieva, T.N. (ed.) *Dokument v operativnoy i retrospektivnoy srede. Regional'nye issledovaniya. Istorik i vlast'* [A document in the operational and retrospective environment. Regional studies. Historian and power]. Tyumen: [s.n.]. pp. 141–145.
31. Protasov, A.D. (2016) Periodization of the Russian historiography of pre-revolutionary workers' insurance in the first decades of the Soviet authority (late 1917 – mid 1941). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 2. pp. 50–56. (In Russian). DOI:10.1234/XXXX-XXXX-2016-2-50-56
32. Lyubimov, B.A. (1934) *Protiv izvrashcheniya osnov sovetskogo sotsstrakha* [Against the distortion of the foundations of Soviet social insurance]. Moscow: Profizdat.
33. B.M. (1936) Lenin i zhurnal “Voprosy strakhovaniya” [Lenin and the magazine “Voprosy strakhovaniya”]. *Voprosy strakhovaniya*. 2. pp. 4.
34. Anon. (1936) Istoricheskiy dokument. Pis'mo tovarishcha Stalina v redaktsiyu zhurnala “Voprosy strakhovaniya” v 1916 g. [Historical document. Letter from Comrade Stalin to the editors of the magazine “Voprosy strakhovaniya” in 1916]. *Voprosy strakhovaniya*. 9. pp. 1.
35. Anon. (1936) O pis'me tovarishcha Stalina [On the letter of Comrade Stalin]. *Voprosy strakhovaniya*. 9. pp. 2.
36. Milyutin, B. (1936) Tsarskiy zakon 1903 g. ob obespechenii uvechnykh rabochikh [The Tsarist law of 1903 on the provision of injured workers]. *Voprosy strakhovaniya*. 1. pp. 31–32.
37. Mints, M. (1925) Kino i radio, kak orudie strakhovogo prosveshcheniya [Cinema and radio as a tool of insurance education]. *Voprosy strakhovaniya*. 4/5. pp. 24.
38. Valchuk, E.I. (2013) [Training of personnel of the social insurance bodies in the USSR (1924–1933)]. *Aktual'nye voprosy filosofii, istorii i politologii* [Topical problems of philosophy, history and political science]. Proc. of the International Conference. January 28, 2013. Novosibirsk. pp. 127–131. (In Russian).
39. Lyubimov, B. (1929) Zaochnnye kursy po trudu i sotsstrakhu: Neobkhodima shirokaya propaganda [Correspondence Courses on Labor and Social Security: Broad Propaganda is Necessary]. *Voprosy strakhovaniya*. 39. pp. 10.
40. Protasov, A.D. (2014) Istoriya sotsial'nogo strakhovaniya v programme obucheniya na tsentral'nykh zaochnnykh kursakh Narkomtruda SSSR [The history of social insurance in the program of study at the central correspondence courses of the People's Commissariat of the USSR]. In: Kondratieva, T.N. (ed.) *Dokument v kontekste universal'nykh praktik* [Document in the context of universal practices]. Tyumen: [s.n.]. pp. 148–152.
41. Anon. (n.d.) Vnimanie strakhovoy uchebe [Attention to insurance education]. *Voprosy strakhovaniya*. 3. pp. 24–25.
42. Bykhovsky, N. (1924) Iststrakh [Istrash]. *Voprosy strakhovaniya*. 40/41. pp. 12–13.
43. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-6 935. List 8. File 498.
44. Dansky, B.G. & Milyutin, B.T. (eds) (1928) *Materialy po istorii sotsial'nogo strakhovaniya* [Materials on the history of social insurance]. Moscow: Voprosy truda.
45. Protasov, A.D. (2015) The fate and materials of the first collection of itsotsstrakh of 1928. *Uchenye zapiski – k Scientific Notes*. 4(36). pp. 40–46. (In Russian).
46. Kotlyar, M. (1933) Tri perioda [Three periods]. *Voprosy strakhovaniya*. 11. pp. 23–26.
47. Anon. (1938) 25 let zhurnala “Sotsial'noe strakhovanie” [25 years of “Sotsial'noe strakhovanie” magazine]. *Sotsial'noe strakhovanie*. 15. pp. 8–13.
48. Zhukov, E.M. (ed.) (1963) *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya: V 16 t.* [Soviet Historical Encyclopedia: In 16 vols]. Vol. 3. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. Art. 702–703.

УДК 94

DOI: 10.17223/19988613/60/8

И.С. Сильченко

СТРУКТУРА И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1919–1923 гг.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00121.

Рассматриваются особенности становления органов сыска Екатеринбургской губернии. Автор подробно анализирует внутреннюю структуру, кадровый состав и особенности снабжения уголовного розыска. Среди главных проблем формирования уголовного розыска выделен дефицит опытных кадров, а также недостаточный уровень снабжения личного состава продуктами питания, униформой и вооружением. Работа основана на ранее неопубликованных материалах уральских архивов.

Ключевые слова: милиция; Гражданская война; Екатеринбургская губерния; уголовный розыск.

Революционные события начала XX в. и последовавшая за ними Гражданская война оказали значительное влияние на формирование социально-политических установок. В настоящее время изучение данных событий может не только выявить ранее неизвестные факты, но и определить общие политические и экономические закономерности, которые под определенным углом возможно проецировать и на современное общество.

Смена политической власти, переоценка социальных ориентиров, а также ухудшение экономической ситуации вызвали увеличение числа правонарушений. В отдельных районах уголовная преступность не только являлась опасной для государственного режима, но и ставила под угрозу основные принципы функционирования общества. Важным являлось скорейшее формирование органов, осуществлявших административно-политический контроль. Из ряда таких структур можно выделить уголовный розыск, главными задачами которого являлась борьба с бандитизмом и уголовной преступностью. Процессы формирования уголовного розыска Екатеринбургской губернии не только явились ярким примером создания органов сыска «с нуля» в условиях административного, кадрового и экономического кризиса, но и стали иллюстрацией становления силовых структур параллельно с созданием регионального административно-политического аппарата в 1919 г. и расформированием управленческих органов в 1923 г. В настоящее время аполитичное рассмотрение аспектов деятельности уголовного розыска Екатеринбургской губернии, основанное на возможности выборочного проецирования опыта на современную действительность, позволит выделить не только научную, но и социально-политическую значимость исследования.

Проблематика формирования и деятельности органов уголовного розыска Екатеринбургской губернии к настоящему времени изучена недостаточно. Историография вопроса начала формироваться в 1920-е гг., однако большая часть работ по данной тематике была опубликована в 1970–1990-е гг. Исследования были

посвящены вопросам становления и развития органов охраны правопорядка в целом, без учета региональных особенностей. Среди исторических и юридических работ данного периода [1–5] можно выделить исследование О.И. Логинова «История Уральской милиции» [6]. Автор последовательно характеризует этапы развития органов милиции Урала с момента ее создания и до настоящего времени, опираясь на широкий спектр документов. Несмотря на территориальную привязку к изучаемому нами региону, О.И. Логинов дает лишь обзорную характеристику исторических процессов Екатеринбургской губернии, а сама публикация является в большей степени журналистской работой, нежели историческим исследованием.

Для написания статьи были изучены документы Государственного архива Свердловской области (Ф. Р-9, Р-500, Р-511), в которых содержатся подробные отчеты о деятельности уголовного розыска Екатеринбургской губернии. В Государственном архиве г. Ирбит был исследован Ф. Р-21, содержащий приказы по милиции и уголовному розыску Екатеринбургской губернии.

Большевистская власть, окончательно установленная на территории Екатеринбургской губернии летом 1919 г., имела слабую социальную поддержку. Тяжелое экономическое положение, нехватка продуктов питания, распространение эпидемий, а также большие объемы внутренних миграций населения вызвали необычайный всплеск преступности и дезертирства. Кроме того, на территории губернии действовали группы идейных противников новой власти. В целях укрепления позиций советского руководства и формирования структуры нового общества требовалось скорейшее создание органов охраны правопорядка.

Уголовный розыск на территории Екатеринбургской губернии был сформирован в конце июля 1919 г. как самостоятельное подразделение и на первом этапе практически не взаимодействовал с общей милицией. Начальником уголовного розыска был назначен И.К. Поротов, который в конце октября 1919 г. был заменен Я.С. Уральским. Должность помощника началь-

ника занял А.Ф. Коновалов. Начальник и помощник начальника имели высшее юридическое образование и до 1917 г. занимались частной юридической практикой [7. Л. 34]. Отделение уголовного розыска от милиции негативно сказывалось на качестве работы. В своем отчете Я.С. Уральский писал: «Уголовные преступления в губернии средние, а в Екатеринбурге выше среднего. Проблема, что уголовный розыск работает не в контакте с милицией» [8. Л. 12–15].

28 сентября 1919 г. были изданы «Положения о работе Бюро Уголовного розыска» [7. Л. 6–8]. В соответствии с нормативным документом первостепенной административной задачей уголовного розыска являлся сбор материалов по уездам. Материалы были необходимы для разделения территории губернии на районы, количество которых должно было исходить из общей численности населения, уровня преступности, а также степени отдаленности от центра региона. Документ также закреплял должностные инструкции для заведующего бюро и сотрудников уголовного розыска. Кроме того, нормативная документация определила критерии для приема на службу, обязанности и круг ответственности должностных лиц, состоящих в рядах розыска. На должность агентов уголовного розыска не могли назначаться лица, состоящие под следствием, подвергшиеся лишению или ограничению в правах, осужденные за кражу, мошенничество, присвоение вверенного имущества, покупку краденного. Ограничения действовали и на лиц, прибегающих к наемному труду с целью извлечения прибыли, живущих на нетрудовой доход, служащих или агентов бывших жандармских отделений, чинов бывшей полиции, а также членов бывшего императорского дома. При поступлении на службу каждый сотрудник давал подписку о неразглашении служебной тайны. При выявлении политических преступлений сотрудники уголовного розыска должны были передавать информацию в ЧК и Ревтрибунал, не приступая к самостоятельным следственным действиям [Там же].

Число сотрудников уголовного розыска определялось циркуляром Главмилиции № 1672, опубликованном 26 мая 1919 г. [9. Л. 89]. Согласно документу, все региональные бюро уголовного розыска в зависимости от населенности и социально-политических особенностей территорий были разделены на три категории штатов. Екатеринбургская губерния относилась к штатам второй категории, для которой численность агентов составляла 10% от среднемесячного количества преступлений. Однако реальные цифры отличались от норм, закрепленных в инструкции. Так, к началу декабря 1919 г. на территории губернии числились 2 660 сотрудников уголовного розыска и милиционеров всех должностей [10. Л. 3], что, по оценкам руководства, являлось недостаточным для эффективной деятельности.

5 октября 1919 г. в Екатеринбурге прошел съезд начальников уездных и городских управлений милиции. Наравне с рядом иных вопросов съезд также обсудил необходимость усиления уголовного розыска и формирования его отделений в уездах. Интересно, что до этого времени расследование преступлений в уездах осуществлялось откомандированными из Екате-

ринбурга сотрудниками. Подобная схема являлась неэффективной и приводила к увеличению срока раскрытия преступлений или служила причиной утери вещественных доказательств и следов. Первые отделения уголовного розыска были сформированы в Верхотурском и Ирбитском уездах. Начальником отделения уголовного розыска Ирбитского уезда был назначен агент первого разряда Маркелов, Верхотурского уезда – агент первого разряда Поляков [Там же. Л. 37].

6 апреля 1920 г. губернским исполкомом была опубликована временная инструкция, согласно которой Бюро уголовного розыска официально вошло в структуру милиции на правах отдела. Управление губернского уголовного розыска состояло из начальника губернского розыска и шести помощников. В обязанности помощников входили административная деятельность по руководству районными отделениями и официальное производство дознаний. Отдельно была выделена канцелярия, штат которой составляли восемь человек. Канцелярия была разделена на столы: стол личного состава, хозяйственный стол, стол розыска, стол находок, стол регистрации, стол привода арестованных, стол движения арестованных, статистический стол, стол фотографии и музея. Работа уголовного розыска была недостаточно формализована в сфере проведения розыскных работ. В докладе старшего помощника начальника губрозыска Шилова отмечалось: «В инструкциях уголовного розыска нет указаний, должна ли обязательно при уездных отделениях наравне с губернским уголовным розыском производиться регистрация с обязательным дактилоскопическим снятием, а также не указано о фотографии. Однако это является действенными методами борьбы. Вторым методом борьбы является применение дрессированных собак-ищеек» [9. Л. 90].

10 июня 1920 г. декретом ВЦИК было утверждено новое «Положение о рабоче-крестьянской милиции» [6. С. 11]. В соответствии с ним при Главном управлении милиции утверждался единый руководящий орган уголовного розыска – Центрозыск. Первоначально работа Центрозыска была неорганизована и слаба. Так, с момента учреждения и до конца 1920 г. было опубликовано всего лишь 4–5 руководящих приказов по уголовному розыску [11. С. 11].

В 1920 г. Екатеринбургский губернский уголовный розыск занимался борьбой с кражами, бандитизмом, осуществлял расследования убийств. Несмотря на постоянную работу органов охраны правопорядка, количество преступлений оставалось высоким. Так, с 1 января по 1 мая 1920 г. только в Екатеринбурге и уезде было зарегистрировано 3 грабежа, 370 краж, 25 убийств, 284 случаев кумышковадения, 5 случаев насилия, 5 пожаров с целью поджога и 280 преступлений других видов [12. Л. 4].

Работники уголовного розыска испытывали острый недостаток в продуктах питания, униформе и вооружении. Особые проблемы наблюдались в так необходимом для скрытого ношения короткоствольном оружии. Основную часть вооружения милиции Екатеринбургской губернии составляли устаревшие винтовки ГРА и «Бердана», револьверы «Смит и Вессон», а также

различные гражданские модели. Наравне с недостаточным количеством, моральным устареванием и физическим износом вооружения существенной проблемой являлось отсутствие боеприпасов. В некоторых случаях милиционеры и сотрудники уголовного розыска, снабженные редкими образцами вооружения, самостоятельно занимались поиском боеприпасов [12. Л. 40].

Часто по причине нехватки кадрового состава агентами уголовного розыска становились малограмотные лица, а также граждане, не достигшие 18-летнего возраста. Привлечение кадров, не соответствовавших специфике уголовного розыска, негативно сказывалось на его работе и приводило к уничтожению следов преступлений, а также к неподобающему хранению и учету вещественных доказательств. К тому же подбор сотрудников в некоторых случаях осуществлялся без учета их биографий и морально-этических принципов, что привело к росту внутренней преступности. Так, с конца октября 1919 г. до начала мая 1920 г. было зарегистрировано 246 преступлений, совершенных сотрудниками милиции и уголовного розыска [12. Л. 41].

Подавляющее большинство преступлений было связано с присвоением денежных средств, продуктов питания, товаров первой необходимости. Также из списка преступлений можно выделить взяточничество, которое в 1919–1923 гг. получило широкое распространение. Как правило, взятки сотрудникам органов охраны правопорядка предлагались за действия, способные предотвратить ответственность лиц, причастных к совершению противоправных поступков. 17 января 1922 г. инспектор уголовного розыска 5-го района Екатеринбурга В.А. Калихин и агент 1-го разряда В.А. Маркус были задержаны во время получения взятки в размере 2 млн руб. от граждан Когана и Трейфуса [9. Л. 11]. В январе 1923 г. агенту губернского уголовного розыска А.И. Тохтуеву была дана взятка в размере 3 900 тыс. руб. [Там же].

В фондах Государственного архива Свердловской области сохранились списки сотрудников Губернского уголовного розыска. Данные материалы позволяют на основе просопографических методов исследования выявить общие черты руководящего состава уголовного розыска Екатеринбургской губернии. Так, из 17 сотрудников управления уголовного розыска, районных следователей и агентов первого разряда лишь один имел высшее и два среднее образование. Пять сотрудников служили в Красной Армии, 12 человек – в Российской императорской армии, при этом лишь 58% личного состава являлись членами партии. Анализ дает основание полагать, что уровень образования и организационного опыта не позволял руководящему составу в полной мере организовать стабильную работу уголовного розыска и оперативно расследовать возрастающее число преступлений. Стоит отметить, что в 1921 г. сотрудники Уголовного розыска Екатеринбургской губернии, имевшие высшее образование, составляли 5,8% от общего числа управленческого персонала. В это же время в масштабах всего государства числилось менее 1% работников с высшим образованием [11. С. 10].

Высокие темпы инфляции, увеличение масштабов внутренних миграций и засуха явились причинами

нехватки продуктов питания. Только в 1921 г. голод повлек за собою 91 тыс. жертв, а в 1922 г. голодало больше половины населения Екатеринбургской губернии [13. С. 37]. Борьба с мешочничеством (продовольственными спекуляциями) привела к тому, что жители городов массово уезжали в деревню в поисках продуктов питания. Доведенные до отчаяния люди употребляли в пищу траву, кору деревьев, было зафиксировано несколько случаев людоедства, расследование которых находилось в ведении уголовного розыска. Так, «житель Карабашского завода Кыштымского уезда Власова Ирина, будучи вдовой и имея троих несовершеннолетних детей находилась в крайне бедственном положении. Потеряв 9-летнюю дочь Зою, умершую от истощения, Власова решила на крайнее средство: накормить плачущих от голода детей трупом умершей дочери» [14. Л. 3].

30 июня 1921 г. для осуществления следственных действий на местах в структуру отделений Губернского уголовного розыска были введены ставки следователей, а 27 сентября 1921 г. в соответствии с приказом по милиции республики № 299 были приняты четкие требования к кандидатам для приема на работу в органы милиции и уголовного розыска [15. Л. 36–38]. Правила позволяли каждому гражданину, достигшему 21-летнего возраста, умевшему читать и писать, а также обладавшему избирательным правом в советы, поступить на службу в милицию.

В конце 1921 г. в Екатеринбургской губернии была запущена процедура ревизии всех отделений уголовного розыска, которая закончилась 8 января 1922 г. В ревизионных отчетах были отмечены общие проблемы уездных отделений уголовного розыска [Там же. Л. 58]. Среди основных недостатков указывалось отсутствие карт уездов с нанесенными на них населенными пунктами и важными стратегическими объектами. Также обращалось внимание на неверное ведение журналов входящей и исходящей корреспонденции, личных дел сотрудников и оформление различных ордеров. Арестованные часто задерживались намного дольше сроков, оговоренных в циркулярах Губмилиции, кроме того, было замечено несколько случаев нанесения побоев задержанным.

Состояние уголовного розыска Екатеринбургской губернии за первую половину 1922 г. не претерпело значительных изменений. В докладе о деятельности Екатеринбургского губернского управления уголовного розыска отмечалось: «Личный состав сотрудников с начала 1922 г. состоял из лиц с малым политическим развитием и абсолютным отсутствием опыта по розыску» [16. Л. 73]. В мае 1922 г. во всех структурах губернской милиции была произведена проверка знаний личного состава. Часть сотрудников была уволена, однако происходящее в это время массовое сокращение штата правительственных служащих позволило оперативно восполнить недостаток кадрового состава уголовного розыска. На основании отношения уголовного розыска республики № 3197 в июле 1922 г. была создана комиссия по фильтрации личного состава. Комиссия проверяла соответствие сотрудников общим требованиям, объявленным в приказе по милиции рес-

публики от 27.09.1921 г. По результатам проверки из рядов уголовного розыска были уволены 5 человек [16. Л. 74]. За этот же период на службу были приняты 187 сотрудников, уволены по разным причинам 119 человек [Там же].

В конце 1922 г. произошел переход милиции и уголовного розыска на местное снабжение. С этого момента содержание органов охраны правопорядка осуществлялось не центральными структурами, а вошло в обязанности местных советов. Переход на местные средства позволил эффективнее распределять материальные ресурсы и стал причиной значительного улучшения материального обеспечения милиции и уголовного розыска. К началу 1923 г. органы охраны правопорядка были на 90% обеспечены гимнастерками, на 70% шароварами, на 30% сапогами, на 50% ватными шароварами, на 20% телогрейками [Там же. Л. 5]. Губернская милиция в целом на 100% была обеспечена винтовками, на 80% винтовочными патронами, на 32% револьверами и на 60% шашками [Там же]. В то же время в милиции ощущался острый недостаток верховых лошадей и гужевого транспорта.

15 марта 1923 г. для уголовного розыска Екатеринбургской губернии были введены новые штаты. Губернское управление уголовного розыска делилось на отделы: активный отдел, секретный отдел, регистратура, стол привода, канцелярия и хозяйственный отдел. Во главе губернского управления стоял начальник, у которого имелось два помощника. Активным отделом руководил начальник, в отделе были выделены 6 ставок инспекторов, 10 ставок агентов первого разряда и 12 ставок агентов второго разряда. В обязанности сотрудников отдела входили проведение дознаний и организация поисков преступников. Секретный отдел, состоявший из начальника, старшего делопроизводителя, регистратора, заведующего по регистрации преступлений, двух дактилоскопистов и разработчика карт, занимался составлением отчетов о политическом состоянии вверенных территорий, а также расширением агентурной сети. Общая численность сотрудников управления Губернского уголовного розыска составляла 61 человек, помимо этого был выделен резерв транспорта, состоявший из одного легкого экипажа, одной повозки и четырех лошадей [17. Л. 73].

Подразделения уголовного розыска иных территорий (Ирбитский, Верхотурский, Красноуфимский уезды) были сформированы по «штату № 5», который предусматривал уменьшение количества административных служащих и включал в себя 10 ставок [18. Л. 13].

Начало и середина 1923 г. были связаны с активизацией борьбы уголовного розыска с незаконным изготовлением спиртных напитков методом перегонки забродившего сусла (кумышкварением). В первые годы советской власти кумышкварение приняло угрожающие масштабы. В одном из отчетов начальник Екатеринбургской губернской милиции П.И. Студинов отмечал: «...кумышку, особенно в селах, готовят все и наказывать можно каждого» [19. Л. 16]. Так, «...в селе Поташки Красноуфимского района на заимке варили трое сельчан кумышку, из муки, полученной в комитете. При обыске понятой застал такую картину: двое

были заняты делом, а третий стоял над ними и с молитвенником в руках просил Бога, чтобы кумышка стала крепче» [20. С. 4]. Изготовление и продажа некачественных спиртных напитков не только негативно отражались на количестве преступлений, но и часто являлись причинами летальных случаев. В дополнение к негативным социальным последствиям самогонование приводило к расходу пшеницы и овса. Зачастую крестьяне старались как можно быстрее превратить пшеницу в самогон для того, чтобы отдать меньшее количество запасов продовольственным отрядам.

В апреле 1923 г. всем уездным начальникам милиции было приказано приступить к разработке планов борьбы с кумышкварением на подконтрольных территориях. В помощь сотрудникам уголовного розыска для борьбы с бутлегерством выделялись помощники из числа сотрудников уездных исполкомов. В тех случаях, когда производство спиртных напитков осуществлялось для собственного употребления, граждане штрафовались на 300 руб. золотом. В случаях изготовления кумышки с целью продажи следственные дела задержанных направлялись в ближайшие участки народного суда. Для увеличения процента раскрываемости с начала 1923 г. для милиционеров и сотрудников уголовного розыска была введена система оплаты, предусматривающая зависимость от числа раскрытых дел. Так, штраф, уплачиваемый лицом, уличенным в изготовлении кумышки, делился следующим образом: 50% суммы передавалось в премиальный фонд сотрудников милиции и уголовного розыска, а вторая половина делилась между представителями исполкома и гражданскими лицами, оказавшими содействие в раскрытии преступления [21. Л. 164]. Стоит отметить, что подобные действия не смогли уменьшить количество производимой кумышки, объем производства которой оставался высоким вплоть до окончания действия «сухого закона» в 1925 г.

В 1919 г. уголовный розыск Екатеринбургской губернии не являлся эффективной структурой и не мог повлиять на рост преступности. Работу органов сыска тормозили нехватка инструкционной документации, низкий уровень снабжения, отсутствие четких критериев отбора персонала, а также выделение уголовного розыска из структуры милиции. Конец 1919 и 1920 г. связаны с появлением инструкций для начальников и агентов уголовного розыска, а также с определением зависимости количественных показателей личного состава от уровня преступности в регионе. Данные меры способствовали упорядочению внутренних процессов, однако не смогли улучшить снабжение агентов уголовного розыска продуктами питания, снаряжением и вооружением. В 1920 г. проявился крайний дефицит кадрового состава, который заставил руководство принимать в ряды уголовного розыска лиц с криминальным прошлым и несовершеннолетних соискателей. Данные действия стали причиной роста числа внутренних преступлений среди сотрудников уголовного розыска и милиции.

Для более упорядоченного отбора 27 сентября 1921 г. были введены четкие требования к кандидатам для приема на работу в органы милиции и уголовного ро-

зыска. Их введение способствовало очищению органов сыска от нежелательного элемента и, как следствие, к увеличению эффективности уголовного розыска.

В конце 1922 г. было принято решение о переводе милиции и уголовного розыска на местное снабжение. Если до этого материальное обеспечение губернской милиции осуществлялось за счет отчислений центральных органов охраны правопорядка, то с указанного периода содержание милиции было включено в обязанности местных советских органов. Это позволило не только рационально расходовать материальные средства, но и точно воздействовать на проблемные сферы. К 1923 г. материальное положение и социально-бытовые условия существования сотрудников уголовного розыска значительно улучшились, что положительно сказалось на скорости и качестве выполнения поставленных перед органами охраны правопорядка задач.

К концу 1923 г. на территории Екатеринбургской губернии были завершены процессы, связанные с формированием новой административно-территориальной единицы – Уральской области. Осенью 1923 г. уголов-

ный розыск Екатеринбургской губернии перестал существовать, его личный состав, материальная база легли в основу новой структуры – уголовного розыска Уральской области, а опыт, накопленный за три года, стал основой дальнейшего развития органов борьбы с преступностью.

Уголовный розыск Екатеринбургской губернии стал основной структурой, осуществлявшей расследование и пресечение общеуголовных преступлений. Роль органов сыска в деле стабилизации политической обстановки в регионе и выстраивании организованных социальных отношений являлась значительной. Проблемы, проявлявшиеся на всем пути существования органов охраны правопорядка, были вызваны не только экономическим кризисом в Екатеринбургской губернии, но и прямым следствием отказа от опыта, наработанного в дореволюционной России. Создание уголовного розыска можно считать уникальным примером организации силовых структур «с нуля», а база, сформированная в начальный период, являлась актуальной для органов охраны общественного порядка долгие годы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Довгяло В.К. Становление органов милиции на территории Пермской губернии. Февраль 1917 – март 1921 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2004. 212 с.
2. Мулукаев Р.С. Исторический опыт развития организационных форм участия трудящихся в охране общественного порядка. М., 1986. 206 с.
3. Николаев П.Ф. Подготовка командных кадров милиции в СССР (1917–1929 гг.). Омск, 1969. 107 с.
4. Крылов С.М., Косицын А.П., Биленко С.В. История советской милиции : в 2 т. М., 1977. 346 с.
5. Манькевич А.А. Факторы роста преступности в начальный период НЭПа (на материалах Самарской губернии) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2006. Спец. вып.: «Актуальные проблемы истории и археологии», № 1. С. 71–75.
6. Логинов О.В. История Уральской милиции. Екатеринбург, 2002. 228 с.
7. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 96.
8. ГАСО. Ф. Р-500. Оп. 1. Д. 87.
9. ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 180.
10. ГАСО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 26.
11. Рабоче-крестьянская милиция. 1923. Москва, 15 нояб.
12. ГАСО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 152.
13. ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 179.
14. Государственный архив в г. Ирбит. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2.
15. Статистический сборник Екатеринбургской губернии за 1922 г. Екатеринбург : Изд. Екатеринбург. Стат. бюро, 1922. 226 с.
16. ГАСО. Ф. Р-574. Оп. 1. Д. 94.
17. ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 182.
18. ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 437.
19. ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 12.
20. Уральский рабочий. 1919. 13 дек.
21. ГАСО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 490.

Silchenko Ivan S. Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia). E-mail: sekret-eburg@yandex.ru

STRUCTURE AND FEATURES OF FUNCTIONING OF CRIMINAL INVESTIGATION DEPARTMENT OF YEKATERINBURG PROVINCE IN 1919–1923

Keywords: criminal investigation; Civil war; the fight against crime; Yekaterinburg province.

This article deals with the main features of the formation and activity of criminal investigation during Yekaterinburg province's existence in 1919–1923. Belying on the materials of the Ural archives not previously entered into scientific circulation, the author characterized the periods of existence of Yekaterinburg investigation bodies.

The most important events were identified and analyzed in each period. The work presents detail information on the quantitative and qualitative staff of criminal investigation department identified the general features of the leadership and rank and file. On the basis of the generalized information the author concludes that a significant problem of Yekaterinburg province's investigation bodies was a shortage of specialists who knew detective work well. In this article the author also discusses the features of supplying the criminal investigation's agents by food, uniforms, equipment and weapons. Further, based on detailed statistics, the author concluded, that the second but not less important problem in criminal investigation department's activity was the low level of personnel's provision with basic necessities. The paper also considers the structure of investigation bodies paying special attention to often changes in order to find the optimal management form.

In addition, the author considers the functions of criminal investigation department and represents detailed statistics of crime in Yekaterinburg province. At the end of his work, the author made a conclusion that the Yekaterinburg province's criminal investigation department was not a structure capable to fight with organized criminal in 1919–1921. Later, in 1922–1923 it became possible to improve the activity of criminal investigation with the help of various new measures.

In particular, at the end of 1922 there was a transition of law enforcement agencies of Yekaterinburg province to local supply. From that moment the maintenance of law enforcement agencies was not carried out by the Central structures, but was included in the duties of local Councils. The transition to local funds allowed more efficient allocation of material resources and was the reason for a significant improvement in the material support of the police and the Criminal investigation. By the beginning of 1923 the level of supply of weapons, equipment and food to criminal investigation officers had increased significantly, but there was an acute shortage of horse-drawn transport.

However, at the end of 1923 Yekaterinburg criminal investigation department ceased to exist. Nevertheless, its staff and material base formed the foundation of the new structure of criminal investigation. In addition, experience had been accumulated over 3 years also became the basis for the further development of crime control.

REFERENCES

1. Dovgalo, V.K. (2004) *Stanovlenie organov militsii na territorii Permskoy gubernii. Fevral' 1917 – mart 1921 gg.* [The formation of militia bodies in Perm Province. February 1917 – March 1921]. History Cand. Diss. Perm.
2. Mulukaev, R.S. (1986) *Istoricheskiy opyt razvitiya organizatsionnykh form uchastiya trudyashchikhsya v okhrane obshchestvennogo poriadka* [Historical experience in the development of organizational forms of workers' participation in the protection of public order]. Moscow: [s.n.].
3. Nikolaev, P.F. (1969) *Podgotovka komandnykh kadrov militsii v SSSR (1917 – 1929 gg.)* [Training of the commanding police personnel in the USSR (1917–1929)]. Omsk: [s.n.].
4. Krylov, S.M., Kositsyn, A.P. & Bilenko, S.V. (1977) *Istoriya sovetskoy militsii v 2-kh tomakh* [The history of the Soviet militia in 2 vols]. Moscow: Moscow Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
5. Mankevich, A.A. (2006) *Faktory rosta prestupnosti v nachal'nyy period NEPa (na materialakh Samarskoy gubernii)* [Factors of crime growth in the early NEP (a cases tudy of Samara Province)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Spetsial'nyy vypusk "Aktual'nye problemy istorii i arkhologii"* – *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 1. pp. 71–75.
6. Loginov, O.V. (2002) *Istoriya Ural'skoy militsii* [The history of the Ural militia]. Ekaterinburg: [s.n.].
7. The State Archive of Sverdlovsk Region. Fund R-511. List 1. File 96.
8. The State Archive of Sverdlovsk Region. Fund R-500. List 1. File 87.
9. The State Archive of Sverdlovsk Region. Fund R-511. List 1. File 180.
10. The State Archive of Sverdlovsk Region. Fund R-9. List 1. File 26.
11. *Raboche-krest'yanskaya militsiya*. (1923) 15th November.
12. The State Archive of Sverdlovsk Region. Fund R-9. List 1. File 152.
13. The State Archive of Sverdlovsk Region. Fund R-511. Op .1. File 179.
14. The State Archives of Irbit. Fund R-21. List 1. File 2.
15. The Ekaterinburg Statistical Bureau. (1922) *Statisticheskiy sbornik Ekaterinburgskoy gubernii za 1922 g.* [Statistical collection of Ekaterinburg Province for 1922]. Ekaterinburg: The Ekaterinburg Statistical Bureau.
16. The State Archive of Sverdlovsk Region. Fund R-574. List 1. File 94.
17. The State Archive of Sverdlovsk Region. Fund R-511. List 1. File 182.
18. The State Archive of Sverdlovsk Region. Fund R-511. List 1. File 437.
19. The State Archive of Sverdlovsk Region. Fund R-511. List 1. File 12.
20. *Ural'skiy rabochiy*. (1919) 13th December.
21. The State Archive of Sverdlovsk Region. Fund R-9. List 1. File 490.

Л.Н. Спиридонова, А.Ю. Федотова

**«ОТ МРАКА К СВЕТУ. ОТ БИТВЫ К КНИГЕ. ОТ ГОРЯ К СЧАСТЬЮ»:
ДОСУГ ГОРОДСКИХ ЖИТЕЛЕЙ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1920-е гг.**

На основе ранее не опубликованных архивных материалов анализируются особенности формирования культурной жизни городского населения Среднего Приволжья. Постановка задач культурной политики со стороны органов власти не всегда имела социально-экономическое обеспечение, поэтому часто возлагалась на общественную инициативу, частичную самостоятельность творческих обществ, групп, объединений и коммерциализацию зрелищных мероприятий. Авторами рассматриваются антиномии послевоенных лет и последствий голода, на фоне которых происходило протекание досуга. Исторический контекст и анализ источников позволяют говорить о многоликости культурной жизни в 1920-е гг. Внешние и внутренние её признаки свидетельствуют о том, что всё это вносило специфику в стихийный характер действительности и служило психологической защитой для различных социальных слоев общества.

Ключевые слова: досуг, повседневность, культурная жизнь, Среднее Поволжье, 1920-е гг.

Одним из актуальных направлений развития исторической науки на современном этапе является история повседневности. Особое внимание уделяется советской повседневности, в истории которой есть десятилетие, включающее противоречия двух исторических эпох: 1920-е гг. еще находились в поле «старого», дореволюционного прошлого, от которого советское правительство стремилось отказаться, избавиться, и «нового», нарождающегося будущего, которое окончательно сформировалось в советский образ жизни в 1930-е гг. Вследствие этого период НЭПа можно охарактеризовать как время надежд на светлое будущее, лучшую жизнь и время разочарований, сопровождающееся тяжелым социально-экономическим положением населения, вызванным неурожаем и страшным голодом на обширной территории Советской России. Тяготы и лишения, ежедневная борьба за выживание не могли не сказаться на такой стороне повседневной жизни, как досуг.

Историография проблемы включает в себя значительное число работ, где традиционными были подходы к вопросам досуга и культуры через идеологию государства и реализацию культурной политики. С одной стороны, по мнению авторов 1920-х гг. (В. Сизов, С. Струмилин, С. Тизанов, В. Усольцев, Б. Шнепп), составленные комплексные сборники представляли оценки со статистическими данными о проведенных исследованиях в промышленном, экономическом, культурном секторе за определенный период. С другой стороны, в литературе 1920-х гг. выделялся отмечается интерес к быту и досугу отдельных социальных слоев. Бытовые зарисовки и очерки являлись распространенными жанровыми формами публицистики (А. Залкинд, А. Кузнецов, М. Лебединский, М. Ломакин, В. Чадаев).

В большинстве работ 1930–1950 гг. (Н. Белькович, Г. Карпов, А. Косарев, Л. Фрид) уделялось внимание роли и деятельности советских органов власти в культурном обустройстве и решении проблем Среднего Поволжья.

Пик исследований пришелся на 1950–1980 гг., когда работы касались вопросов культурной революции,

развития национальной специфики в регионе, смычки города и деревни, налаживания системы культурно-массовой работы и пр. В них (Л. Иванов, Н. Ким, И. Климов, З. Гарипова, Х. Хасанов) представлен анализ предшествующих историографических работ в области управления культурой и культурно-просветительской деятельности в рамках выстроенной идеологии и партийно-государственного режима.

В постсоветский период начали появляться исследования на основе современных научных подходов, подтолкнувшие к новому осмыслению культурных процессов в истории, социальной идентификации человека и интерпретации культурных достижений. Большое внимание уделялось истории повседневности, социальным взаимоотношениям, оценкам событий с точки зрения самого человека (Н. Козлова, С. Малышева, А. Морозов, А. Сальникова, И. Гатауллина, Л. Каримова, Ш. Фицпатрик).

Немалый вклад внесли ученые в понимание многослойных основ культуры с точки зрения междисциплинарного подхода (В. Лебедева, В. Скоробогачский, Ш. Плагенборг, А. Яковлев, М. Деканова). Появление комплексных исследований на стыке наук способствовало глубокому пониманию и объяснению причин сохранения классических установок искусства и культуры в 1920-е гг. от разрушения и уничтожения.

Источниковая база статьи включает несколько групп источников. Основную группу составляют документы фондов Государственного исторического архива Чувашской республики (ГИА ЧР), Национального архива Республики Татарстан (НА РТ), Государственного архива Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Некоторые из материалов введены в научный оборот впервые. Например, документы фондов ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 84, 360; ГА РМЭ. Ф. Р. 234. Оп. 1. Д. 3, 3а; НА РТ. Ф. Р-2387. Оп. 1. Д. 1.

Делопроизводственные документы включают отчеты о деятельности театров, кинотеатров, художественных отделов, а также планы обследований и сведения

об экономической и культурной жизни различных групп населения, выбранных по социальному или национальному составу. В них уделялось внимание обследованию социально-культурного уровня жителей города и села, проблемам физического воспитания населения, роли учреждений культуры (театров, клубов, библиотек) в повышении культурно-массового обслуживания. Конкретные данные помогли уяснить текущее положение в сфере культурной жизни в разные периоды 1920-х гг., отразить поиски решений органами власти вопросов культуры и досуга на местах.

Большой фактологический материал хранится в фондах Национального архива Республики Татарстан (фонды Р-2915, Р-3682, Р-732). Задействованные документальные и визуальные источники (подшивки программ, афиши, плакаты (рис. 1)) позволили проанализировать репертуарный план театров и зрелищ-

ных мероприятий в первой половине 1920-х гг. и сравнить с изменениями во второй половине периода.

Отдельную группу источников составляют материалы периодической печати. Публикации, написанные очевидцами и участниками событий, содержат не только важный исторический компонент, но и ответную эмоциональную реакцию на происходящее, что особо ценно для воссоздания духа времени и хроники развития культурной жизни. Среди газет наибольший интерес в рассматриваемый период представляют крупные региональные газеты: «Известия ТатЦИКа», «Красная Татария», «Марийская деревня», «Трудовая газета». К этой же группе источников относятся приложения к периодическим изданиям, выходившим во второй половине 1920-х гг.: «Листок краеведа» за 1925 г., «Листок культработника» за 1927–1928 гг., «Листок спортивных игр» за 1928–1929 гг.

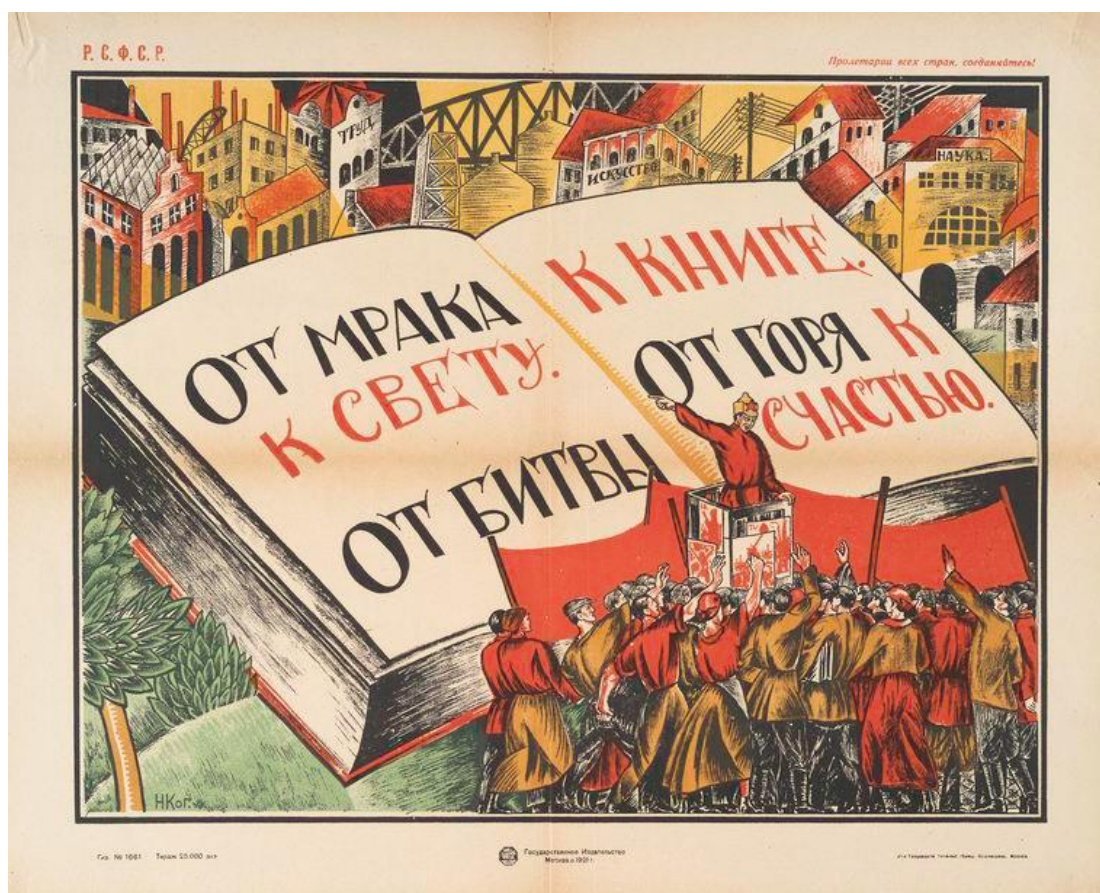

Рис. 1. Плакат «От мрака к свету. От битвы к книге. От горя к счастью» (Н.Н. Когоут, 1921 г.)

Территориальные рамки охватывают Татарскую АССР, Марийскую и Чувашскую автономные области, Мордовский округ. Это объясняется несколькими причинами: между ними сохранялись тесные социально-экономические связи, обусловленные схожестью природно-географического положения, экономического развития, многонациональным составом населения, однотипностью социально-экономических и бытовых проблем, возникших в результате голода в Поволжье и его последствий. В отдельных случаях для более полного раскрытия проблемы допускался выход за территориальные границы данных регионов при сохранении географических рамок Среднего Поволжья.

Социальные трансформации в обществе. Городское население Среднего Поволжья, как и большей части Советской России, в основной своей массе состояло из служащих, рабочих и интеллигенции. По данным переписи 1926 г. в Марийской автономной области городское население составляло чуть более 4%. Для сравнения в ТАССР в этом же году горожан было 17,5%, из них служащих – 6,4%, рабочих – 4,9%, ремесленников и кустарей – 2,0% [1. С. 59]. В 1920-е гг. служащие среди городского населения составляли довольно многочисленную социальную категорию. В 1923 г. в Средневолжском регионе к ним относилось 24,9% от всего городского населения, а в 1926 г. – уже

25,3% [2. С. 31]. Неуклонный рост численности наблюдался и в такой социальной категории, как рабочие [3. С. 233]. Она пополнялась за счет отходников, молодежи, вчерашних крестьян, уезжающих в города в поисках лучшей доли.

Существенные изменения произошли и в среде интеллигенции. В результате революционной экспроприации и широкомасштабной эмиграции представителей бывших высших слоев общества практически не осталось. При их отсутствии роль «буржуазии» пришлось исполнять интеллигенции – наследнице дореволюционной российской элиты [4. С. 179]. К представителям интеллигентных профессий относилось несколько групп, в том числе старший административный, юридический, технический, медицинский и культурно-просветительский персонал [2. С. 115].

В то же время после революции и Гражданской войны ряды интеллигенции значительно пополнились за счет иных социальных категорий, особенно это коснулось старшего административного и юридического персонала зарождающегося нового государства. Как вспоминал очевидец тех событий писатель Михаил Осоргин (1878–1942), «...в новом строе, уничтожившем бывшее чиновничество, всякий, кто мог, становился чиновником, советским служащим...» [5. С. 8]. Нахо-

дясь в ссылке в Казани, он дал следующую характеристику следователю, который вел дела о людоедстве в голодные 1921–1923 гг.: «...человек новой формации, без всякого образования, но успевший усвоить казенный “юридический” язык» [Там же. С. 13].

«Помни о голодающих»: новые требования времени. Начало 1920-х гг. в Среднем Поволжье ознаменовалось неурожаем и голодом, которые оказали существенное влияние на вектор культурной жизни региона (рис. 2). В условиях отсутствия достаточных средств для помощи голодающим одним из механизмов разрешения социальных проблем в годы советской власти являлись агитация и пропаганда, которые играли огромную роль в жизни общества. Широкое распространение получают такие социальные кампании, как «дни», «недели», «месяцы».

Так, в столице ТАССР с 15 сентября по 15 октября 1921 г. прошла «Неделя помощи голодающим». Специально к этой социальной кампании В. Маяковский в рамках «Окна Роста» написал стихи «Сегодня неделя помощи голодающим»:

Стонет Поволжье, о хлебе моля.
В дни вот этой недели
Помоги Поволжью обсеменить поля,
Помоги Поволжью, чтоб голодные ели [6].

Рис. 2. Плакат «Помни о голодающих!» (И.В. Симаков, 1921 г.)

Через месяц, в ноябре 1921 г., там же в рамках «Недели Красного креста» повторно были организованы концерты и спектакли [7. С. 131]. В некоторых городах Чувашской автономной области выступала «Живая газета» в пользу голодающих. Такой вид работы с населением подразумевал живое общение. Как правило, группа самодеятельных артистов из 5–10 человек организовывала свои выступления в наиболее оживленном месте города. Например, в Чебоксарах «Живая газета» была задумана сразу двух типов – по вторникам выпуски показывались на базаре, а по воскресеньям – для служащих в театре и на вечерах [Там же]. Содержательную сторону «Живой газеты» составляли местная и центральная хроника, юморески, заметки по поводу и «почтовый ящик», который предполагал обратную связь в виде вопросов и ответов. В число злободневных тем входила борьба не только с голодом и пережитками прошлого, но и с неграмотностью, алкоголизмом, вульгарностью, азартными играми. Первоочередной задачей живогазетчиков являлись информирование и «окультуривание» населения [8. 1923. № 4].

Весной того же года, в «Неделю беспризорного и больного ребенка» (30 апреля – 6 мая 1923 г.), представленный властями ТАССР план включал концерты, вечера, выступления и спортивные игры с участием самих детей. Однако скудные материальные возможности заменялись беседами с детьми на такие темы, как «Значение 1 мая и революции», «Организация и важность труда», а также о последствиях беспризорности, вреде алкоголя, курения, значении здоровья и пр. Ощущение праздника поддерживалось шествиями с музыкой и плакатами, изготовленными детьми, устройством кинопоказов и спектаклей с детской программой, работой в эти дни чайных, библиотек и читален при детских клубах [9. Д. 160. Л. 26].

Помимо сбора средств для оказания помощи социально уязвимым группам населения, кампании выполняли и пропагандистскую функцию. С подачи и под контролем государства лекции, доклады, статьи в популярной форме должны были раскрыть причины голода как следствия «самодержавно-помещичьего строя», империалистической и Гражданской войн, подчеркнуть роль правительства в борьбе с данным бедствием.

Как правило, социальные кампании сопровождались лотереями и другими, зачастую зрелищно-развлекательными, программами, направленными на привлечение дополнительных материальных средств в пользу голодающих. Такие мероприятия имели и обратную сторону. По воспоминаниям писателя и общественного деятеля Александра Жиркевича (1857–1927), подобные «вечера» вскрывали противоречия повседневности данного исторического периода: «Стены, заборы Симбирска пестрят афишами о концертах, спектаклях, балах с танцами без перерыва, до утра, с призами за костюмы, за красоту, за изящество и т.д., все в пользу голодающих. А голодающие умирают на улице у таких афиш... Мне передавали, что у входа в такие увеселения собираются нищие с горящими от голода, зависти, ненависти глазами, требуя милости у счастливых» [10. С. 76].

Проведение социальных кампаний, посвященных помощи голодающим, не отменяло праздников формирующегося советского календаря, хотя и они в условиях голода негласно вовлекали население на борьбу с ним. Например, в празднование Первой 1923 г. труппы русской и татарской драмы провели ряд благотворительных выступлений и концертов на разных площадках Казани, таких как Красноармейский дворец, Большой театр, дом Крестовникова, цирк, Красноармейский сад. Постановки привлекали внимание к острым вопросам и проходили как сбор пожертвований в пользу красноармейцев, голодающих Татарской Республики, беспризорников, студентов университета, Коммунистического клуба и пр. [11. Д. 278. Л. 108–109].

В то же время в связи с чрезвычайно тяжелым социально-экономическим положением были установлены финансовые ограничения со стороны властей на благоустройство, ремонт зданий, жилищное строительство. Однако отпуск государственных средств на убранство городов и различные праздничные действия производился в полном объеме. С размахом проходили октябрьские торжества 1923 г. в Казани, где были задействованы многие городские площадки: в Клубе Нацмен (национальных меньшинств) – интернациональный вечер, в Коммунистическом клубе – инсценировка II съезда советов, в театре «Олимп» – постановка «Борец за свободу» для детей. [12. Д. 231. Л. 115].

«Внешнее», показное веселье в городах, стремление населения праздновать в самые неподходящие, казалось бы, времена (безработица, голод, неуверенность в завтрашнем дне) объяснялись рядом социально-психологических факторов. Спектр этих факторов довольно широк – от привычного для обывателя религиозного сознания прибегания к магическим ритуалам в форс-мажорных обстоятельствах до рассмотрения праздников как своеобразного «клапана», через который происходил выброс недовольства, страха, неудовлетворенности действительностью. Праздники были и способом самосохранения обывателя в безумии катастрофических будней, средством своеобразной психотерапии, «антидепрессантом» [13. С. 19].

«Веселье – от всех бед спасенье». В 1920-е гг. выделяются две формы организации отдыха, сформировавшиеся впоследствии массовые типовые модели досуга советского гражданина. С одной стороны, утверждалась официальная, идеологически «нагруженная» система культурного времяпрепровождения, с другой – существовала неофициальная, сугубо индивидуальная по представлениям и понятиям или сложившимся стереотипам поведения обывателя система. [14. С. 57]. Распространенными формами досуга горожан в это время считались чтение, посещение кино, театра и спорт.

В период НЭПа чтение становится популярным и в кругу рабочих. В результате бюджетного обследования в конце 1923 г. 32% рабочих Казани имели дома книги [15. С. 91]. Рекламные объявления предлагали заказать по почте или купить всевозможные сборники, песенники, букинистику и пр., хотя нередко рядовой обыватель довольствовался библиотекой или недорогими брошюрами и книгами от 4 до 40 коп. [16. 1927. № 93]. Количество библиотек в крупных городах уве-

лилось, в частности в столице ТАССР их стало 71 [17. С. 37]. При этом в провинциальных городах Чувашской автономной области общее число клубов и народных домов за 1920–1926 гг. выросло незначительно, а библиотек – даже сократилось [8. 1927. № 125].

Другим вариантом приобщения горожан к достижениям отечественной и зарубежной литературы были так называемые «суды» на заданную тему. В 1921–1922 гг. в Казани планировалось провести литературные суды над произведениями А. Франса, Ф. Достоевского, вечера памяти А. Блока, А. Чехова, но многие из них были отменены. В качестве причин назывались отсутствие заинтересованной публики, отсутствие света из-за остановки электростанции, неподготовленность помещений и др. [11. Д. 278. Л.46]. Основной же причиной было то, что население находилось в тисках голода и разрухи.

В первой половине 1920-х гг. были образованы первые государственные театры, которые впоследствии стали называться академическими. В состав Татарского государственного академического театра (1920) вошли актеры дореволюционных татарских трупп и участники самостоятельного коллектива «Анг» («Разум»). В Государственном чувашском театре (1921) состоялось открытие первого сезона; среди постановок были спектакли на чувашском и русском языках. Позже начал свою работу Марийский государственный театр (1926) – это было связано с долгим строительством и сдачей театрального здания в Йошкар-Оле. Открытие постоянных театров привлекло в города новых артистов, выступавших в передвижных труппах или обучавшихся в Москве, Астрахани, Оренбурге, Уфе и других городах. Широкое распространение получает гастрольная деятельность. В культурной жизни средневолжского региона отмечены гастрольные события 1-й, 2-й и 3-й театральных студий МХАТа как настоящие театральные события [18. 1924. № 3, 6, 9; 20].

Все спектакли, входившие в основной репертуар театров, можно было разделить на классические, социально-классовые и зрелищные. Первый вид составляли спектакли по мотивам известных произведений: «Ревизор» и «Женитьба» Н. Гоголя, «Недоросль» Д. Фонвизина, «Идиот» Ф. Достоевского, «Савва» Л. Андреева, «Без вины виноватые» и «Лес» А. Островского, «На дне» М. Горького и пр. Такие постановки входили в репертуар Большого государственного драматического и Заречного театров в Казани, Государственного чувашского театра в Чебоксарах, Первомайского театра в Алатыре, Симбирского большого государственного театра [8. 1923. № 92, 107; 19. 1924. № 129, 134].

Социально-классовые пьесы составляли небольшую группу, но они пользовались спросом не меньше, чем классика. Как звучало из уст очевидца, «публика лезет в театр за чесанием душевных пяток», а здесь в новом театре – жизненная правда [8. 1923. № 114]. К примеру, в Саранске в 1924–1925 гг. выступала передвижная русская труппа Куйбышевской краевой драмы. Ее спектакли не только знакомили мордовских зрителей с классической драматургией, но и предлагали социально заточенные постановки: одноактные пьесы на злободневные темы безымянных авторов «Буржуй и генерал», «Слу-

шайте!» или антирелигиозные пьесы «Коммунисты и религия» Ф. Завалишина, «Знахарка» Ф. Борисова, «Жертва эгоизма» Н. Сабурова [8. 1923. № 18, 177, 178].

Под зрелищными подразумевались спектакли не только с новым содержанием, но и с эффектной формой. Нередко так выступали театры миниатюр с использованием разных технических задумок, эксцентрики, шумовых эффектов. К ним также относились экспериментальные постановки Н. Фореггера, В. Мейерхольда, Пролеткульта. По мнению зрителей, это было искусство-производство со своими новыми принципами, с изучением материала и механизацией постановок [18. 1924. № 100].

Интересным явлением в хронике крупных городов являлись театры рабочей молодёжи (ТРАМ), конструктивно-экспериментальные мастерские современного театра (КЭМСТ) и любительские театры. В соответствии с новыми веяниями в Казани в 1923 г. возник театр «Мастерская театральных зрелищ КЭМСТ». Основными его принципами провозглашены конструктивизм, эксперимент, мастерство, современность, театральность. Первые же спектакли театра «Степан Разин» В. Каменского (рис. 3) и «Мистерия-буфф» В. Маяковского показали правомерность новых творческих подходов. В борьбе за демократического зрителя театр КЭМСТ одержал решительную победу над остальными театрами Казани [20. С. 47].

Среди источников о культурной жизни Казани сохранилась программка театральной студии «Кривой глаз» за 1925 г., которая предлагала вниманию зрителей несколько постановок в течение вечера: показ агитационной пьесы, скетча «За шелковой занавеской», исторической трагикомедии «Ратоплан» и деревенского лубка под названием «На лоне природы». [12. Д. 697. Л. 14–15об.].

К сожалению, не всегда качество выступлений было на высоте. Репертуар включал в себя всевозможные постановки, которые могли привлечь в театр рядового зрителя: от безвкусицы опереточных пьес до исторических драм и классических опер, с одной стороны, и от произведений революционных авторов до экспериментальных постановок – с другой. В рыночных условиях НЭПа, когда театры были переведены на хозрасчет и их существование зависело от посещаемости публики, в местной прессе не раз печатались заметки о несоответствии репертуара духу времени, а в отчетах о театральной работе содержались жалобы, что по этой причине «не представляется возможным обратить театры в орудие агитации и пропаганды и невольно приходится платить дань мелкобуржуазной идеологии» [11. Д. 278. Л. 188–189].

Во второй половине 1920-х гг. в равной мере обыватели стремились как в театр, так и в кино. Не столько зрелищность, сколько доступность мероприятий объясняли их особое место в досуге городского жителя. Начиная с середины 1925 г. объявлялись специальные кинопоказы для льготного посещения отдельных категорий, детские киноутренники, разрабатывались тематические планы. Осенью 1926 г. афиши Казани приглашали на просмотр фильмов первого экрана по общедоступным ценам от 10 до 40 коп. [19. 1926. № 126].

Рис. 3. Афиша постановки «Степан Разин» театра КЭМСТ, 1923 г.

В то же время расходы населения на культурный досуг (экскурсии, музеи, книги, покупку музыкального инструмента) были скудными: в первую очередь приходилось рассчитывать средства на оплату жилья, продукты, предметы первой необходимости. К примеру, в 1927 г. в Марийской автономной области цена за литр керосина составляла 13 коп., за килограмм рафинада – 78 коп., а плата за прокат коньков или услуги лыжной базы – 30 коп. в час для простых граждан и 50 коп. в день для членов профсоюза. [16. 1927. № 68]. А если учесть, что интенсивный труд рабочего составлял 6 дней в неделю более 11 часов, то к выбору досуга подходили прагматично и в столичных городах, и в провинции.

«К новым победам в спорте!» Если в первой половине 1920-х гг. намечались некоторые ростки по развитию физической культуры и спорта, то во второй половине наблюдались заметные сдвиги в распространении и пропаганде физической культуры среди масс. Это был один из способов взаимодействия созданных советов по физической культуре с населением. На первый план органами власти выдвигалась задача воспитания нового советского человека, в связи с чем подчеркивалась работа с подрастающим поколением. Отдельную роль играли в этой работе профсоюзные

комитеты, добровольные общества и объединения. Под их руководством активно проводились различные первенства: города, области, республики [8. 1929. № 84, 177; 16. 1927. № 36; 19. 1928. № 221].

Радикальные меры должны были привести к оздоровлению людей, которые испытывали физические и психологические перегрузки, да к тому же многие из них имели заболевания после военных лет и голода. Вот как описывает эту ситуацию один из авторов газеты «Марийская деревня» Сысоев: «Тысячи людей, страшно перегруженных работой, чуть ли не на сто процентов составляют типичнейший лазарет полутемных людей – туберкулезников, неврастеников, маляриков, с ревматизмом, катарам, с обостренным малокровием» [16. 1926. № 10]. Многие действия на этом фронте предусматривалось провести в двух направлениях: на спортизацию, военизацию населения и на организацию здорового образа жизни, питания, сна человека. Но если решение первой задачи было политически важным и поддерживалось военными органами, то другая задача оставалась на откуп спортивным обществам, здравотделам и профсоюзам.

Увеличение масштабов спортивной работы говорило о том, что физическая культура становилась необходимостью: с одной стороны, как запрос городского

населения, с другой – как реализация культурной политики государства. При этом уже на начальном этапе возникала правомерная критика в отношении не только организации и планировании работы, но и количества участников, отдельных соревнований, спортивных клубов. Автор статьи в газете «Красная Татария» о поставленной физкультурной работе с сожалением замечает: «Умер “Сокол”, “Санитас”, замирает “Флорида”. Единственная спортивная организация в кантонах ТАССР и Казани – “Комсомольский флот”» [19. 1924. № 37].

Анализ сведений из отчетных материалов Республиканского комитета по физической культуре Марийской автономной области говорит о возникновении трудностей в деятельности спортивных учреждений, так как практически никаких средств не отпускалось, работа часто была казенной, инструкторы проводили ее без календарных планов и соответствующего оборудования. Даже во второй половине рассматриваемого периода отмечались существенные пробелы и отсутствие опыта. Так, в дни крупных осенних соревнований 1928 г. в столице ТАССР не были вовлечены союзы железнодорожников, химиков, металлистов, коммунальщиков [Там же. 1928. № 221].

Несмотря на внутреннюю несогласованность между различными уровнями советов по физической культуре, спортивными обществами, кружками, использовались формы и приемы культурно-просветительской работы: день, месячник, неделя, праздник физкультуры и т.д. Они дополнялись многоступенчатыми встречами под названиями «матчи-турниры», «звездные забеги», «олимпиады», которые с интересом воспринимались молодым населением и освещались в местных газетах. На плакатах того времени звучали призывы: «Молодежь – на стадионы», «Ближе к физкультуре!», «Боритесь за новые достижения в спорте!» Начали работать возрастные детские группы по снарядовой гимнастике, боксу, тяжелой атлетике и подвижным играм [Там же. 1924. № 71; 1928. № 241]. Примечательно, что сохранились некоторые из названий детских подвижных игр на свежем воздухе: статуи, удав и зверь; вал на вал; бой петухов; шар-баба; главрыба; покладыш; взятие крепости; насадка; жгут лежит; скачки лягушек; пластуны; тачечники; воробьиный марш; двое слепых; ножной мяч в кругу; борьба за мяч; блуждающий мяч; бег с завязанными глазами; бег в мешках; битье горшков и др.

Однако спорт не имел широкого распространения среди населения. Так, в Казани в 1924 г. спортом занималась 1 000 человек, что составляло менее 1% (исходя из данных городской переписи населения в 1923 г.), в крупных городах Марийской автономной области Йошкар-Оле и Козмодемьянске на 1925 г. – 419 человек. За 1923–1925 гг. в городах Чувашской автономной области – Чебоксарах, Ядрине, Цивильске, Мар-Посаде, Ибреси – спортом было охвачено 1 899 учащихся из разных типов школ [21. Д. 360. Л. 80]. В состав команд на городские первенства преимущественно входили служащие и рабочие, выдвинутые от своих организаций. Например, сообщалось, что в октябрьские праздники 1928 г. в Набережных Челнах проводились соревнования по городкам среди 12 различных учреждений и предприятий [19. 1928. № 231].

А если учесть, что кроме этого постоянно вносились изменения в финансирование спортивных клубов, то становится понятным нестабильный характер в организации спортивной работы. Из годовых отчетов советов по физической культуре по Марийской автономной области следовало, что сокращались областные средства и увеличивались по кантонным бюджетам, а значит кантоны должны были сами изыскивать средства. При этом на 1928–1929 гг. было отпущено на работу по физической культуре в Марийской области 18 713 руб., что в три раза превышало сумму 1925 г., когда в смету было заложено 5 498,90 руб. [16. 1929. № 148; 22. Д. 14. Л. 4].

Невзирая на возникающие сложности, физическая культура занимала полноправное место в досуговом разнообразии горожан. Желание самого человека быть здоровым и использовать силы природы – солнце, воздух, воду – двигало им в организации своего быта и режима отдыха.

Подводя итог, следует отметить, что культурная жизнь городов Средневолжского региона в годы НЭПа предлагала широкий выбор времяпрепровождения. Досуг горожан отражал переходный характер данного исторического периода. С одной стороны, сохранились дореволюционные виды досуга, с другой – нарождались новые по форме или содержанию, носящие уже революционную окраску. При этом свой отпечаток накладывали и социально-экономические трудности – неурожай и голод. В условиях тяжелейшего кризиса начала 1920-х гг. государство старалось привлечь население к делу помощи голодающим. В рамках социальных кампаний в виде «дней», «недель», «месячников» проводились различные спектакли, концерты, вечера, носящие благотворительный характер.

Широкое распространение получает такой вид индивидуального досуга, как чтение, которое начинает выходить за границы домашних библиотек путем создания библиотек общественных. Функцию ликбеза среди городского населения должны были выполнять литературные суды над произведениями отечественных и зарубежных авторов. Особую популярность в условиях невысокого уровня грамотности горожан приобретают театр и театрализованные постановки. Наряду с дореволюционными театрами, чей репертуар тяготел к работам классиков, возникают новые. Отвечая духу времени, их постановки носили либо социально-классовую направленность, либо старались удивить публику зрелищностью, экспериментальным подходом и эффектной формой. Иногда форма превалировала над содержанием, что существенно сказывалось на качестве постановок. Поэтому театр был скорее местом развлечения обывателя, чем «орудием агитации и пропаганды». Более легким для понимания публики и довольно доступным финансово становится в эти годы кино.

Во второй половине 1920-х гг. государство все больше начинает обращать внимание не только на культурное, но и на физическое развитие горожан. Создаются советы по физической культуре. В то же время к популяризации спорта как одного из видов досуга привлекаются профсоюзы и общественные организации. Однако работа в этом направлении была плохо

организована, не имела достаточной финансовой поддержки со стороны государства, вследствие чего спорт не имел широкого распространения среди горожан.

Несмотря на разнообразие и определенную свободу функционирования дореволюционных форм досуга, культурная жизнь городов была пронизана агитацион-

но-пропагандистским духом. Уже в конце 1920-х гг. под его влиянием свобода выбора форм досуга была ограничена официальной, идеологически «нагруженной» системой культурного времяпрепровождения, которая в 1930-е гг. сформировала советские «классические» досуговые практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шнепп Б. Краткий сборник по вопросам советской промышленности, сельского хозяйства и культурного строительства Татарской Республики. Казань : Татиздат, 1929. 54 с.
2. Каримова Л.К. Служащие в структуре городского населения ТАССР в 1920-е годы : социально-демографический анализ. Казань : Изд-во МОиН РТ, 2010. 212 с.
3. Каримова Л.К. Социальная структура населения Казани по переписям 1923 и 1926 гг. // Социальная структура и социальные отношения в Республике Татарстан в первой половине XX века : сб. науч. ст. и сообщ. Казань : Хатер (ТАРИХ), 2003. С. 230–235.
4. Фицпатрик Ш. «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // Американская русистика: веки историографии последних лет. Советский период : антология. Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2001. С. 174–207.
5. Осоргин М. Времена // Новый журнал (Нью-Йорк). 1943. № 4. С. 5–21.
6. Маяковский В. Окна Роста и Главполитпросвета 1919–1922 гг. 1921. Т. 3, сентябрь. № 339. URL: <http://ruslit.traumlibrary.net/book/mayakovsky-pss13-03/mayakovsky-pss13-03.html> (дата обращения: 29.08.2017).
7. Известия Ревкомитета ЧАО (Алатырь) : орган Алатырского райкома ВКП(б) и райисполкома. 1921. № 49.
8. Трудовая газета (Алатырь) : орган Алатырского укома РКП(б) и уисполкома.
9. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. Р-732. Оп. 1.
10. Жиркевич А. Голод в Поволжье // Слово. 1991. № 12. С. 71–77.
11. НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1.
12. НА РТ. Ф. Р-2915. Оп. 1.
13. Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань : Рутен, 2005. 400 с.
14. Гатауллина И.А. Городская повседневность Среднего Поволжья в 1920-е гг. // Известия Алтайского университета. 2008. № 4-3. С. 52–61.
15. История Казани. Казань : Тат. кн. изд-во, 1991. Кн. 2. 381 с.
16. Марийская деревня (Краснококшайск) : орган Мароблисполкома и профсовета.
17. Культурная революция в Татарии (1917–1937). Казань : Тат. кн. изд-во, 1986. 304 с.
18. Известия ТатЦИКа (Казань) : орган Центрального исполнительного комитета ТАССР.
19. Красная Татария (Казань).
20. Благоев Ю.А. Казанский Большой драматический театр имени В.И. Качалова (Казанский русский драматический театр) : краткий исторический очерк. Казань : Казань–Казань, 2012. 128 с.
21. Государственный исторический архив Чувашской республики. Ф. Р-221. Оп. 1.
22. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. Р-234. Оп. 1.

Spiridonova Larisa N. Kazan Federal University (Kazan, Russia). E-mail: sln69@mail.ru

Fedotova Anastasiya Ju. Kazan Federal University (Kazan, Russia). E-mail: stasi7886@mail.ru

“FROM GLOOM TO LIGHTNESS. FROM FIGHT TO THE BOOK. FROM SORROW TO HAPPINESS”: LEISURE OF THE CITY DWELLERS OF THE MIDDLE VOLGA REGION IN THE 1920s.

Keywords: leisure; everyday life; cultural life; the Middle Volga Region; 1920s.

The aim of the article is to look on such widespread leisure activities of the citizens of the Middle Volga Region as reading, visiting theatre and sport in the period of 1920s under the prism of socio-economic and cultural changes and to identify the influence of challenges of the given time on cultural practices of people.

The basic group of historical sources comprise current records of the fonds of State Historical Archive of the Chuvash Republic, National Archive of the Republic of Tatarstan, State Archive of the Mari El Republic. They include reports on the activity of theatres, art departments and also plans of investigations and information on economic and cultural life of different groups of population. Some of the materials are introduced into scientific circulation for the first time. Publications of periodicals (“Izvestiya TatTsIKa”, “Krasnaya Tatariya”, “Mariyskaya derevnya”, “Trudovaya gazeta”), written by the witnesses and participants of the events, reflect emotional reaction of population and help in the reconstruction of the spirit of the 1920s.

In the beginning of the 1920s hard socio-economic position of population caused by the bad harvest and famine of 1921 in the Middle Volga Region had influence on the cultural life of cities. State carried out social campaigns accompanied by different recreational events, the revenues from which were used for famine relief. As a rule, such events were practically inaccessible for starving persons.

In connection with quite a low level of education of citizens spectacular leisure activities gain popularity. In some theatres classical repertoire was still present, others, keeping up with the times, released performances on revolutionary and social-class themes. In this case new experimental forms were used and means of expression which not always contributed to the increase of the quality of performances. Within the scope of the policy of abolition of illiteracy the number of libraries increases, the citizen dwellers were acquainted with the achievements of world and domestic literature through the “judgements” on the given subject.

Hard consequences of wars, bad harvests, epidemics were felt also in the second half of 1920s. This caused necessity to involve citizens with sport. However the work in this direction was on the stage of establishment. In connection with the lack of financing and low level of organization, sport as one of the types of leisure was not widely widespread.

Summarizing the above it is important to note that the leisure of citizens reflected the transitory character of the given historical period. On the one hand, pre-revolutionary types of leisure preserved, on the other hand, new ones in form or in content, having revolutionary connotation arose. Agitation and propaganda accompanied practically all cultural events and was aimed at the formation of a Soviet style of life with leisure practices which became “classical” ones in the following decade.

REFERENCES

1. Shnepp, B. (1929) *Kratkiy sbornik po voprosam sovetskoy promyshlennosti, sel'skogo khozyaystva i kul'turnogo stroitel'stva Tatrespubliki* [A brief collection of Soviet industry, agriculture and cultural construction of the Tatra Republic]. Kazan: Tatizdat.
2. Karimova, L.K. (2010) *Sluzhashchie v strukture gorodskogo naseleniya TASSR v 1920-e gody: sotsial'no-demograficheskiy analiz* [Employees in the structure of the urban population of the TASSR in the 1920s: a socio-demographic analysis]. Kazan: MOiN RT.
3. Karimova, L.K. (2003) *Sotsial'naya struktura naseleniya Kazani po perepisyam 1923 i 1926 gg.* [The social structure of the Kazan population in the censuses of 1923 and 1926]. In: *Sotsial'naya struktura i sotsial'nye otnosheniya v Respublike Tatarstan v pervoy polovine XX veka* [Social structure and social relations in the Republic of Tatarstan in the first half of the 20th century]. Kazan: Khater (TARIKh). pp. 230 – 235.
4. Fitzpatrick, S. (2001) "Pripisyvanie k klassu" kak sistema sotsial'noy identifikatsii ["Attribution to the class" as a system of social identification]. In: David-Fox, M. (ed.) *Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Sovetskiiy period* [American Russian Studies: Milestones in recent historiography. Soviet period]. Samara: Samara State University. pp. 174–207.
5. Osorgin, M. (1943) *Vremena* [Times]. *Novyy zhurnal*. 4. pp. 5–21.
6. Mayakovskiy, V. (1921) *Okna Rosta i Glavpolitprosveta 1919–1922 gg.* [ROSTA Window and the Main Political Examination of 1919–1922]. Vol. 3. [Online] Available from: <http://ruslit.traumlibrary.net/book/mayakovsky-pss13-03/mayakovsky-pss13-03.html>. (Accessed: 29th August 2017).
7. *Izvestiya Revkomiteta ChAO (Alatyr')*. (1921) 49.
8. *Trudovaya gazeta (Alatyr')*.
9. The National Archive of the Republic of Tatarstan. Fund R-732. List 1.
10. Zhirkevich, A. (1991) *Golod v Povolzh'e* [Famine in the Volga region]. *Slovo*. 12. pp. 71–77.
11. The National Archive of the Republic of Tatarstan. Fund R-3682. List 1.
12. The National Archive of the Republic of Tatarstan. Fund R-2915. List 1.
13. Malysheva, S.Yu. (2005) *Sovetskaya prazdnichnaya kul'tura v provintsii: prostranstvo, simvoly, istoricheskie mify (1917–1927)* [Soviet festive culture in the province: space, symbols, historical myths (1917–1927)]. Kazan: Ruten.
14. Gataullina, I.A. (2008) *Gorodskaya povsednevnost' Srednego Povolzh'ya v 1920-e gg.* [The urban daily life of the Middle Volga region in the 1920s]. *Izvestiya Altayskogo universiteta – Izvestiya of Altai State University Journal*. 4-3. pp. 52–61.
15. Anon. (1991) *Istoriya Kazani* [History of Kazan]. Book 2. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo.
16. *Mariyskaya derevnya (Krasnokokshaysk)*.
17. Vakhitov, M.Kh. (1986) *Kul'turnaya revolyutsiya v Tatarii (1917–1937)* [The Cultural Revolution in Tataria (1917 – 1937)]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo.
18. *Izvestiya TatTsIKa*.
19. *Krasnaya Tatarsiya*.
20. Blagov, Yu.A. (2012) *Kazanskiy Bol'shoy dramaticheskiy teatr imeni V.I. Kachalova (Kazanskiy russkiy dramaticheskiy teatr). Kratkiy istoricheskiy ocherk* [The V.I. Kachalov Kazan Bolshoi Drama Theater (Kazan Russian Drama Theater). A brief historical essay]. Kazan: Kazan – Kazan.
21. The State Historical Archive of the Chuvash Republic. Fund R-221. List 1.
22. The State Archive of the Republic of Mari El. Fund R-234. List 1.

УДК 94 (614.4)
DOI: 10.17223/19988613/60/10

В.Я. Темплинг

МЕДИЦИНСКОЕ СООБЩЕСТВО ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX в.: ОТ МОДАЛЬНОСТИ ИДЕИ К МОДАЛЬНОСТИ ВОПЛОЩЕНИЯ

Развитие регионального медицинского сообщества показано в непрерывном динамическом процессе, охватывающем период со второй половины XVIII до начала XX в. Распространенные в современных исследованиях дефиниции понятия «сообщество» – «теоретическое», «воображаемое» и «реальное» – предлагается рассматривать в качестве стадий-модальностей – качественно отличных состояний объекта исследования. В формировании Тобольского медицинского сообщества выделены три стадии-модальности: от модальности идеи (или гипотетической – «теоретическое» сообщество) через этап недовоплощенной рефлексии (модальности потенциальной – сообщество «воображаемое») к модальности воплощения и феноменологической завершенности (модальности действительности – «реальное» сообщество).

Ключевые слова: медицинское сообщество; Сибирь; Тобольская губерния; здравоохранение; история медицины; модальность.

В кластере современных обществоведческих наук понятие «общество» ключевое. Насчитываются десятки его определений, нагруженных специфическими коннотациями. В сибирской историографии с этим термином (в разных лексических связях – неполитические, культурно-просветительские, научные общества) уже прочно связана традиция изучения процессов формирования основ гражданского общества, хронологически ограниченных второй половиной XIX – началом XX века [1, 2]. Однако тесное примыкание термина к понятию «гражданское общество» сужает поле исследования, оставляет за его рамками массу неорганизованных специалистов, чья деятельность была подчинена тем же целям и задачам, что и организованной части профессионалов. Вне сферы внимания остаются и исторические периоды, когда специалисты были, а форм их самоорганизации еще не было. Таким образом, исследовательский дискурс разрывается, становится фрагментарным.

Изучение медицинских обществ Сибири ограничивается периодом второй половины XIX – началом XX в., история предшествующего периода представлена, как правило, биографическими очерками, историей учреждений или простыми упоминаниями о пребывании докторов. После фундаментальных работ 1960–1970-х гг. Б.Н. Палкина и томских исследователей Н.П. Федотова и Г.И. Мендриной сибирская историография, по существу, не имеет в своем арсенале сопоставимых по масштабу публикаций. В последние десятилетия преобладают регионально ориентированные исследования, посвященные вопросам формирования систем здравоохранения в отдельных городах и регионах, истории хирургии, истории медицинских династий, медицинского образования и т.п. [3–6].

Действительно, первые профессиональные общества врачей возникают в России в начале XIX в., в провинции же такие организации формируются только во второй половине столетия. Но эпохе самоорганизации предшествовал длительный этап «наращивания му-

скулов». Ограниченность термина «общество» была уловлена Л.П. Роцевской и Е.Н. Коноваловой при изучении истории исследования Северного Приуралья [7]. Не вдаваясь в терминологические размышления, авторы интуитивно дифференцированно используют понятия «общество» и «сообщество», что позволило им сформировать целостное полотно процесса познания северных территорий России на большом историческом промежутке – с конца XVII по начало XX в. Таким образом, «сообщество», в меньшей степени связанное с институциональностью, более адекватно при описании периодов, когда институциональность еще не приобрела или уже утратила свое ведущее положение в качестве определяющего признака организации общества.

По мнению Р. Поплавского и М. Черепанова, в исследованиях последних десятилетий сформировалась достаточно ясная дефиниция, в соответствии с которой мы можем говорить о трех видах сообществ: «теоретическом», «воображаемом» и «реальном». «Теоретическое» сообщество есть интеллектуальный конструкт, который выступает в качестве инструмента понимания социальной реальности. «Воображаемое» сообщество, в отличие от «теоретического», – конструкт, уже усвоенный носителями (потребителями символической продукции) в качестве объекта социальной самоидентификации. «Реальное» сообщество характеризуется присутствием ряда объективных признаков, таких как общность территории, общность взглядов, представлений, норм и правил; коммуникации и обеспечивающий их язык, общность практик (повторяющихся, устойчивых действий и взаимодействий) [8. С. 153]. Представленные значения «теоретического», «воображаемого» и «реального» объединяются семантическим полем в диапазоне антонимического ряда «действительность / недействительность» и вполне могут быть определены через категорию модальности [9]. В исторической ретроспективе это позволяет рассматривать «теоретическое», «воображаемое» и «реальное» сообщества как диахронные модальности, т.е. определенные каче-

ственные состояния, характерные для разных этапов развития: от модальности идеи (гипотетической) через этап недовозрожденной рефлексии (модальности потенциальной) к модальности воплощения и феноменологической завершенности (модальности действительности). Исходя из этого в формировании медицинского сообщества Тобольской губернии можно выделить три стадии: 1760–1850 гг. – «теоретическое» сообщество; 1860–1880 гг. – «воображаемое» сообщество; 1890–1917 гг. – «реальное» сообщество. В качестве индикаторов выделения стадий и характеристики качественного состояния сообщества в исследовании избраны: численность медицинского персонала и его размещение, коммуникации и динамика диспозиции врача в провинциальном социуме.

Формирование локальных медицинских сообществ в Сибири происходило в разное время и различными путями. Исторически первыми здесь организовались кадры военной и горнозаводской медицины. Военные медицинские специалисты сопровождали войска, были распределены по гарнизонам Сибирских линий. Горнозаводские врачи концентрировались в районах промышленного освоения восточных территорий империи – на Урале и на Алтае. Находясь в едином административном пространстве (военном или заводском), ведомственные врачи были ограничены рамками корпорации, поэтому гражданское население лишь косвенным образом могло получить медицинскую помощь и до 1760-х гг. его медицинское обслуживание носило исключительно случайный характер [10]. Поэтому мы полагаем, что начало постоянному медицинскому обслуживанию гражданского населения Сибири было положено в 1763–1764 гг. организацией института губернского доктората и казенной аптеки. Считать началом появления в Сибири первых дипломированных докторов медицины либо организацию медицинской службы на заводах Алтая или Урала представляется неправомерным [11. С. 204–206]. Именно с 60-х гг. XVIII в. гражданские медицинские специалисты начинают пребывать сначала в некоторых населенных пунктах Сибири, но уже непрерывно [11]. Новой вехой в развитии гражданской медицинской службы стала губернская реформа 1770-х гг., согласно которой в каждом уезде предполагались учреждение должности уездного врача и строительство больниц под патронажем Приказа общественного призрения [12. С. 132–133]. Реализация программы заняла более чем полвека. В Тобольской губернии лишь к середине XIX в. больницы были организованы во всех уездных центрах [13. С. 214–215].

Нехватка медицинских кадров – лейтмотив всех местных административных репрессий, журналистских репортажей, интеллигентских стенаний и научных публикаций XIX–XXI вв. Врачей в Сибири было мало всегда, но в XVIII – первой половине XIX в. их присутствие здесь исчислялось дозой поистине гомеопатической. Установить точное число медицинских специалистов, служивших в последней трети XVIII в. в Сибири в целом и в Тобольской губернии в частности, сложно. Определение административной принадлежности медицинских работников осложняется запутанностью связей внутри структур управления, частыми

их перестройками и сменяемостью специалистов [14. С. 172]. Тем не менее тенденция увеличения численности медицинского персонала в гражданской сфере очевидна. Весной-летом 1764 г. в Тобольск прибыли аптекарь М.Г. Скубовиус, гезель М. Бекман, аптекарский ученик Я. Роян, четыре подлекаря – П. Козловский, Г. Кривецкий, И. Гриневский, К. Шиц, штаб-лекарь И.А. Гибовский, к ним присоединились лекари из Екатеринбурга Э.А. Гофман и И. Панаев. Спустя год приехал доктор Ф. Баад [15. Ч. 1. Кн. 1. Л. 591–592об.; Л. 541–541об.; 16. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 3532. Л. 28]. Весной 1769 г. в Тобольск прибыл и первый городской доктор Я. Кален [15. Ч. 1. Кн. 36. Л. 305об.–306]. Пространство губернии постепенно наполнялось медицинскими специалистами, замещались должности уездных и городских докторов. В конце 1770-х гг. тобольским городским доктором трудился Штикс, затем С. Бердников, в 1780–1790-е гг. в Тюмени и уезде работали подлекари В. Шульгин и И. Мальков [16. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 818. Л. 2; Ф. И-3. Оп. 1. Д. 647. Л. 183–183об.], в Курганском уезде трудился подлекарь И. Барвинский. С 1792 по 1798 г. Тюменский и Туринский уезды обслуживал дипломированный доктор медицины И. Линденберг [10. С. 24–25]. В 1798 г. были произведены назначения штаб-лекаря И. Клевещкого в Ялуторовск, лекаря К. Нордгофа в Березов, штаб-лекаря Ускова в Туринский уезд [15. Ч. 7. Кн. 535. Л. 4; Кн. 541. Л. 79–79об.]. В 1804–1805 гг. были приняты новые штатные расписания для сибирских губерний (Тобольской, Томской и Иркутской). Принцип формирования штатов был прост и неприхотлив – один врач на округ, городские врачи плюс несколько чиновников врачебной управы. В зависимости от количества административных образований в губернии число штатных единиц ограничивалось 35 или 31. Но даже столь незначительное количество мест не заполнялось полностью на протяжении всего столетия [17. С. 31–32]. В самые сложные годы обязанности уездных врачей исполняли лекарские ученики, как, например, это было в 1814 г. в Туринском, Березовском и Курганском уездах. А учрежденная еще в 1803 г. должность сверхштатного доктора для командировок по Тобольской губернии была замещена не без труда только в 1809 г. [10. С. 55–56].

В силу разбросанности медицинских специалистов по огромной территории Сибири на начальном этапе плотность профессиональных контактов была крайне низка. Екатеринбургский «медицинский десант» середины 1760-х гг. насчитывал всего 12 человек, по одному на 1 млн км². Если вычесть из этого числа четырех аптекарских работников, трудившихся при тобольской аптеке, а также губернского доктора и штаб-лекаря, которые тоже находились в Тобольске, на обслуживание всей остальной части сибирского населения оставалось только 6 медицинских работников. Известно, что Э.А. Гофман работал в Якутске, И. Панаев в Нерчинске, К. Штикс, возможно в Березове [15. Ч. 1. Кн. 16. Л. 255–255об.]. Даже в крупных административных центрах, какими являлись губернские столицы, в которых находились региональные органы управления медицинским делом, госпитали, казенные аптеки, воинские команды, тюремные замки, концентрация про-

фессиональных медиков была невысокой. Поэтому между членами сообщества преобладали инструментальные связи, и они были связаны между собой исключительно вертикалью власти, которая имела относительный характер. Например, после отъезда Ф. Баада в центр якутский доктор Э.А. Гофман не считал нужным отправлять отчеты в Тобольск штаб-лекарю И. Гибовскому, который недолгое время исполнял обязанности губернского доктора [15. Ч. 1. Кн. 16. Л. 266, 267].

Круг обязанностей докторов был весьма обширен. Кроме оказания медицинской помощи больным они осуществляли надзор за состоянием общественного здоровья, выезжали в районы эпидемий, разрабатывали наставления, которыми должны были руководствоваться местные власти и население во время эпидемии, проводили медицинские осмотры рекрутов, экспертизу несчастных случаев и смертей, давали заключения о состоянии здоровья и занимались научной деятельностью. На первых порах, при нехватке специалистов, губернский доктор сам вынужден был совершать длительные поездки в места, где обнаруживалась эпидемия [16. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 3532. Л. 28]. Ф. Баада часто вызывал к себе в Омск командир Сибирских линий И. Шпрингер [15. Ч. 1. Кн. 36. Л. 542].

Научная работа в XVIII в. сводилась к изучению региональных природно-климатических условий с упором на описание местных лекарственных ресурсов. Особое внимание уделялось малоизвестным или неизвестным западноевропейской медицине болезням, например такой, как сибирская язва. Одно из первых в России печатных наставлений по лечению этой болезни для населения было опубликовано в Тобольске в 1790 г. штаб-лекарем И.И. Петерсеном. Его преемник по должности оператора Тобольской врачебной управы И.С. Пабст в 1805 г. опубликовал исследование о причинах высокой детской смертности в Сибири [18. С. 21]. Научную деятельность врачей организовывала Медицинская коллегия. Сюда они посылали свои наблюдения над местной фармакопеей, представляли отчеты о неизвестных или примечательных случаях болезней, о проводимых экспериментах. Ход одного такого эксперимента, осуществленного в гарнизонах Сибирской линии военными врачами под руководством доктора медицины К.И. Тиля и штаб-лекаря Я. Фаваса по испытанию лекарственных средств от сибирской язвы в 1760-е гг., зафиксирован в документах Медицинской коллегии [15. Ч. 1. Кн. 32. Л. 237–337]. Но коммуникации такого рода, даже в относительно развитой военной медицине, носили казуальный характер, гражданская медицина такого позволить себе не могла. Ситуация начинает изменяться только к середине XIX в. Это время проходит под знаком освоения медицинской общественностью новых знаний и практик, предоставляемых открытиями естественных наук. Первые операции с применением наркоза были проведены в Томске спустя два года после успешных опытов, осуществленных в Западной Европе, а первый аппарат «для полного усыпления» в Тобольске появился уже в середине 1850-х гг. [18. С. 23, 24].

Вхождение фигуры врача в сибирский социальный пейзаж было нелегким, неравномерным и продолжи-

тельным. Прежде всего потому, что врачи, получившие западное образование, являясь частью административного аппарата, в культурном плане были чужды жителям провинции, в том числе и Сибири, но главное – они не имели серьезных терапевтических преимуществ перед традиционной системой врачевания, которая господствовала в допетровской Руси. В известной Домовой летописи И.Г. Андреев с иронией рассказывает о том, как ему приходилось обращаться к опыту и знаниям «простых лечцов» после безуспешных попыток официальных лекарей хоть как-то повлиять на болезнь [19. С. 34–35, 67–68]. Впрочем, И.Г. Андреев – уже вполне типичный представитель XVIII в. – незнатный провинциальный дворянин, военный инженер-топограф, склонный к наблюдению, анализу и экспериментам, чью жизнь врач сопровождал с детства. Кроме того, Андреев – человек военный, а военная медицина относилась к сфере особого внимания государства. Но в практическом и предприимчивом сознании служилого дворянина уживались и европейская медицина, и вполне привычные народные способы лечения. Он трезво подходил к оценке практик как официальной, так и народной медицины; благожелательно повествуя об искусных врачах, одновременно откровенно иронизирует над теми из них, кто оказался «весьма неспособным» в медицинском искусстве. И.Г. Андреев подробно описывает народные способы лечения, в том числе и «симпатические», но не считает возможным упоминать о тех из них, кои кажутся ему вздорными. Одновременно сибирский дворянин вполне уверен, что осиновое дерево, вкопанное в центре скотного двора или овчарни, положительно сказывается на плодovitости овец.

Очень медленно в сознание сибирских жителей проникала идея строительства и содержания больниц. На организацию больницы в Тюмени, инициированную доктором И. Линденбергом в начале 1790-х гг., ушло почти 20 лет. Открыта она была 1809 г. [16. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1149. Л. 5–6]. Только к середине столетия больничная сеть охватывает все уездные центры губернии [13. С. 217–219].

Иначе складывалась ситуация в деревне. Кроме того, что врач в селе являлся фигурой редчайшей, он был бесконечно далек от крестьян и в культурно-психологическом плане. Приезд врача в деревню сулил крестьянам много хлопот и трат. Поводом для визита в деревню доктора служило массовое заболевание, к которому у крестьян обычно было фатальное отношение: «Бог попустил», – говорили они. Спротивляться такой болезни, с точки зрения крестьян, было бесполезно, оставалось лишь с покорностью ожидать исхода. Именно так объясняли штаб-лекарю И. Барвинскому свое нежелание привить детей от оспы курганские крестьяне в 1788 г. [20. С. 361]. Действия доктора нарушали привычный порядок дел в деревне. Он не только совершал манипуляции над телом больного, но делал наставления, давал предписания, требовал от крестьян режимного поведения, предъявлял претензии к внутреннему устройству крестьянского жилья, способам утилизации отходов крестьянского хозяйства и даже к расположению населенного пункта, с его пода-

чи силами крестьянского общества устраивались кордоны и карантин. Принуждение к «социальной активности» [21. С. 382] требовало ресурсов материальных, временных, человеческих; траты эти с позиции крестьянина выглядели совершенно необоснованными. Впрочем, холерные эпидемии, прокатившиеся по России в первой половине XIX в. и сопровождавшиеся убийствами врачей, наглядно продемонстрировали шаткость их положения [Там же. С. 382–385].

Таким образом, начальный этап существования регионального медицинского сообщества, для которого характерны низкая плотность специалистов, преобладание вертикальных связей внутри сообщества, отсутствие самоорганизации, занимает почти столетие. Переход в иное качественное состояние происходит в 1860-е гг. Началом нового этапа можно считать появление первых добровольных профессиональных ассоциаций с широкими научными и просветительскими целями, которые свидетельствовали об изменении представлений врачей о себе, своей роли в общественной жизни, о стремлении к взаимодействию. Характеризуя провинциальных врачей, глава Енисейского общества В.М. Крутовский говорил, что «интеллигентные труженики отдаленных углов нашего обширного отечества, помимо своей профессиональной деятельности, стоят одиночками, и вся связь с обществом и подобными же товарищами по большей части поддерживается исключительно чисто внешними отношениями, мелочами и дразгами повседневной, обыденной, будничной жизни, а всякие другие интересы, особенно же интересы чистой науки, отступают при этом на задний план». По мнению общественного деятеля, следствием подобной разрозненности была «слабость связей между специалистами, неуважение друг к другу, интриганство, дразги...» В ликвидации негативных сторон провинциальной жизни профессионалов видел В. Крутовский предназначение добровольной ассоциации врачей губернии. Он писал, что «подобные научные общества создают между интеллигентными рабочими провинции связь во имя чистой науки, где нет места мелким страстям, дурным привычкам, где собираются не для карт и сплетен... но для взаимного обмена мыслями, наблюдениями, для выработки планов совместного труда и пр.» [22. С. 44–45]. Одним из первых в Сибири появляется Тобольское физико-медицинское общество. Его Устав был утвержден осенью 1864 г. Созданию добровольной ассоциации предшествовала организация бесплатной лечебницы для приходящих больных. Ведущую роль в рождении этих институций сыграл тобольский губернатор А.М. Деспот-Зенович, что, впрочем, вполне согласовывалось с российскими тенденциями [23. С. 82–83].

Общественные объединения врачей в XIX в. не были узко профессиональными. По уставу Тобольского общества его действительными членами могли быть врачи, фармацевты, ветеринары («и все, занимающиеся естественными науками»). Через институт членосоревнователей и корреспондентов в его деятельности мог принять участие любой желающий. Но Тобольское общество никогда не было многочисленным. Только однажды, в Памятной книжке 1884 г., перечис-

ляется его состав: председатель инспектор Врачебной управы М.Л. Петржевич, члены: А.И. Дмитриев-Мамонов, врачи Матвеев, Лыткин, Линевиц, Циммерман, Дунаев, Максимов, Плотников и провизор частной аптеки в Тобольске Е.В. Дементьев [24. С. 18, прилож.]. В Памятных книжках начала XX в. упоминаются исключительно фамилии председателя и секретаря. Общество, созданное по инициативе губернской администрации, по всей видимости, так и не смогло приобрести автономность. Его председателем всегда являлся инспектор врачебной управы, т.е. человек несвободный, связанный многими обязательствами и корпоративной солидарностью не только со своими коллегами по цеху. Кроме того, у инспектора было так много обязанностей, по должности он являлся членом почти десятка губернских учреждений и комитетов, что сил на организацию активной деятельности общества уже не было. В этом кардинальное отличие тобольского общества. В Тобольске не было когорты военных врачей, как в Омске, университетского медицинского центра, как в Томске, и социально ориентированного, экономически независимого энтузиаста, как В.М. Крутовский в Красноярске. Тем не менее в это время происходит ряд важных изменений, которые свидетельствуют о качественных сдвигах в состоянии регионального медицинского сообщества Тобольской губернии, потенциал которого раскрывался в практической деятельности, в умножении коммуникативных практик.

В количественном плане серьезных изменений в составе тобольского медицинского факультета на этом этапе не происходит – он увеличивается, но совсем незначительно. В 1860 г. на всю территорию Сибири штатами полагалось 86 гражданских врачей [14. С. 127]. По данным Памятных книжек Тобольской губернии, в 1860–1880-х гг. насчитывается от 50 до 60 медицинских работников, включая повивальных бабок. Разброс в сведениях источников о числе медицинского персонала определяется разными подходами в подсчете специалистов, применяемых в источниках. В одних случаях приводятся данные по штатным расписаниям, в других – только о дипломированных врачах без среднего персонала и повивальных бабок и т.п. Врачи концентрировались исключительно в городах, причем почти половина из них находилась в губернском центре. Явление это было повсеместным. В 1880-е гг. в Енисейской губернии с населением в 447 тыс. человек было 29 врачей, из них 10 практиковали в Красноярске. В Тобольске в 1886 г. было 9 гражданских врачей и 2 врача военного ведомства, 2 штатных и 7 вольнопрактикующих повивальных бабок, один оспопрививатель [25. С. 102]. Оказание медицинской помощи сельскому населению по-прежнему носило случайный характер. Явно обнаруживается и гендерная специализация – все женщины (число их колеблется от 16 в 1860-х до 11 в 1880-х гг.) занимают должности исключительно повивальных бабок. В 1860-х гг. медицинская общественность со страниц «Медицинского вестника» еще с некоторым удивлением вопрошала: «Возможны ли врачи-женщины в России?», – но через три десятилетия ситуация уже серьезно изменится.

Во второй половине XIX в. врачи, даже несмотря на свою немногочисленность, уже занимают важное место в социальной структуре сибирского города. Кроме профессиональной деятельности врач был включен в большое число социальных практик. Губернский врачебный инспектор по должности, кроме того, что председательствовал в физико-медицинском обществе, являлся членом губернского статистического комитета, губернского комитета попечительства о народной трезвости, был директором попечительного о тюрьмах комитета, членом ревизионной комиссии местного управления российского общества Красного креста. Директор тобольской фельдшерско-акушерской школы О.В. Грегоржевский одновременно являлся членом местного управления общества Красного креста, преподавал в Мариинской женской школе, входил в правление Ольгинского приюта трудолюбия для детей-сирот переселенцев, исполнял обязанности секретаря-казначея физико-медицинского общества, также был директором Тобольского отделения русского музыкального общества и секретарем общества вспомоществования бедным ученикам Мариинской школы [26. С. 187–268]. В орбиту общественной работы вовлекались и супруги докторов, которые опекали благотворительные общества. Наиболее активная часть докторского корпуса присутствовала при всех значимых для местной медицины событиях. И.И. Березницкий, старший врач больницы приказа общественного призрения, описывая операции на брюшной полости (овариотомии) упоминает о присутствии членов врачебной управы и врачей города – М.Л. Петржевича, М.С. Левантуева, А.В. Матвеева, С.Ф. Дунаева и Летнина. Доктора В.А. Плотноков, С.Ф. Дунаев, К.М. Соболев, К.А. Петкевич, В.Г. Преображенский ассистировали на операциях Л.Ф. Леневицу, сменившему Березницкого на посту врача Приказа. Врачи губернии поддерживали связи с профессиональными сообществами других сибирских городов [18. С. 48–52].

Начало следующего этапа существования регионального медицинского сообщества следует отнести к 1890-м гг. После многолетней переписки сибирских администраций с центральной властью, инициированной А.И. Деспот-Зеновичем еще в 1864 г. [27. Ф. 152. Оп. 33. Д. 155. Л. 1–95], в 1888 г. было принято решение о переустройстве медицинской части в Сибири, но его реализация началась только во второй половине 1890-х гг. Вводилась участковая система. Территории сибирских губерний были разделены на врачебные и фельдшерские участки, в каждом из них учреждался приемный покой или небольшая больница. Значительно возрастает число медицинских работников. В конце XIX – начале XX в. в Тобольской губернии среднесписочный состав врачей насчитывал от 74 до 104 человек. К медицинскому сообществу примыкали 22 владельца аптек, 5 дантистов. Особенно «уплотнилось» профессиональное сообщество в губернской столице: здесь проживали 35 докторов, 2 врача зубных, несколько фармацевтов и 23 ветеринарных специалиста. Существенным становится представительство женщин-врачей. Из 184 упоминаемых в Памятных книжках 1906–1913 гг. врачей – 31 женщина. Все пять зубных

лечебниц (3 в Тюмени и 2 в Тобольске) были организованы женщинами. В орбиту медицинского сообщества начинают вовлекаться и представители местных народов [28]. Динамика численности медицинского персонала губернии в начале XX в. выглядела следующим образом. По данным «Памятных книжек» в 1905 г. здесь трудились 311 специалистов, из них докторов – 67, фельдшеров 98. В 1908 г. – 295 (65 докторов, 167 фельдшеров); в 1909 г. – 349 (66/210); в 1910 – 376 (71/196); в 1911 г. – 390 (76/224) и в 1912 г. их было уже 405 (82 доктора и 249 фельдшеров).

Главным результатом реализации реформы сельской медицины в Сибири было «приближение» врача к населению. Кроме того, что специалистов стало значительно больше, теперь они были прикреплены к определенным местам, где находились постоянно, это существенно облегчало контакты населения с медицинскими работниками. В губернии было создано 86 «точек постоянного доступа» (против 10 в середине XIX в.) – 45 врачебных участков и 41 фельдшерский пункт, в среднем по 9 точек на уезд (от 13 в Тобольском уезде до 5 в Сургутском). Прямым следствием количественных изменений, происходивших на фоне фундаментальных социально-экономических перемен, которые переживали Россия и Сибирь, и ошеломительных научных открытий второй половины XIX в., стало качественное изменение профессиональных коммуникативных практик, сплавивавших специалистов в общество.

Безусловно, главными для местных врачей «точками сборки» были площадки, связанные с исполнением профессиональных обязанностей. Если рабочая повседневность разбрасывала их по местам службы – больницам, приемным покоям, лазаретам, амбулаториям, – то в свободное от службы время профессиональные коммуникации осуществлялись на заседаниях физико-медицинского общества, которые не ограничивались одними словопрениями. Несмотря на отсутствие в открытой печати отчетов о заседаниях тобольского общества, оно все же действовало. Об этом свидетельствуют, например, упоминания о его разрешительных грифах на типографских оттиках медицинских наставлений и отчетов бесплатной лечебницы или о совместных заседаниях с губернским музеем. Один из протоколов заседания общества от 23 января 1911 г. опубликован в материалах Первого съезда сельских врачей Тобольской губернии [29. С. 62–72]. Особый коммуникативный режим устанавливался во время крупных эпидемий – все наличные врачебные силы концентрировались в опасных районах. В исключительных случаях, как это было в 1892 г., создавались специальные холерные отряды, которые формировались в том числе из студентов медицинских факультетов. Сургутский окружной врач В. Клячкин опубликовал статистическое исследование о населении Surgута в трудах Томского физико-медицинского общества (1894). Л.Ф. Леневиц вел активную научную работу, защитил диссертацию, опубликовал монографию, печатался в первой профессиональной медицинской газете Сибири. С деятельностью тобольских врачей были знакомы коллеги в Красноярске. В 1891 г. В.М. Крутовским

был прочитан реферат о работе Леневица «25 чревосечений в Тобольской городской больнице». Его фамилия закреплена в названии операции Геккера–Леневица [18. С. 28–29, 33; 22. С. 70].

Профессиональные коммуникации не ограничивались узким кругом специалистов. Природа профессии требовала общения с большими массами людей, не только пациентов. Переход к профилактической медицине, распространение вакцинаций как основного средства предотвращения эпидемий многократно умножали интенсивность коммуникаций. Новые возможности для коммуникаций давала печать. Первой в Сибири специализированной медицинской газетой стали «Сибирские врачебные ведомости», созданные участниками Общества врачей Енисейской губернии в 1903 г. [22. С. 13]. До ее организации врачи публиковались в местных губернских и епархиальных ведомостях и других изданиях, в изобилии появлявшихся в конце XIX в. [30. С. 125–233]. Помимо этого, врачи выступали в качестве редакторов и издателей периодических изданий, вели активное санитарное просвещение путем чтения лекций, публикации наставлений, активно нарабатывали социальный капитал [28. С. 18–19]. Вихрь революционных преобразований коснулся и медицинских работников. Директор тобольской ветеринаро-фельдшерской школы А.А. Благоволин был одним из ведущих деятелей губернского земства, врач С.М. Арканов организовал ишимское отделение весьма неблагонадежного в глазах администрации «Общества изучения Сибири и улучшения ее быта» [31. С. 375, 548].

Под влиянием политических событий и социально-экономических изменений начала XX в. поднимается уровень организации профессионального медицинского сообщества. Все настойчивей проявляется необходимость автономной консолидации врачей в рамках губерний. Ответом на эту потребность стало проведение губернских съездов. В январе–феврале 1911 г. в Тобольской губернии работал Первый губернский съезд сельских врачей, проведение которого планировалось еще в феврале 1904 г., но из-за начала русско-японской войны и последующих событий его открытие так и не состоялось [29. С. 23]. Появляются специализированные общества, деятельность которых была направлена на борьбу с тяжелыми социальными болезнями, например туберкулезом. В начале века самоорганизуются не только квалифицированные медицинские работники, но и специалисты среднего звена [32]. Явно обнаруживающаяся связь между увеличением численности медицинского персонала губернии и изменением характера профессиональных коммуникаций на протяжении XVIII – начала XX вв. свидетельствует о глубоких изменениях, происходивших как внутри профессионального сообщества, так и в провинциальном сибирском социуме в целом. Развитие и насыщение медицинской сети специалистами приводило не только к интенсификации профессиональных контактов, но и к тому, что менялись представления сибиряков о здоровье, о приемлемых и неприемлемых методах лечения; фигура медицинского работника постепенно теряла черты маргинальности и становилась привычной для провинциального обывателя. По

этому поводу хроникер «Сибирского листка», отмечая значительную долю медицинских работников в числе выборщиков в Государственную Думу (6 из 23), избранных на съездах избирателей Тобольской губернии, писал: «Одни врачи по своей профессии поневоле приходят в соприкосновение и непосредственное общение с массой лиц и более или менее известны публике, пользуются той или иной дозой популярности благодаря своим личным качествам» [31. С. 107].

Показателем возросшего доверия сибирского обывателя медицинским работникам можно считать количество посещений. На начальном этапе объем оказываемой помощи был невелик. Например, в 1823 г. в Тобольской больнице приказа общественного призрения получили пользование 129 человек, в 1831 г. – 280 [13. С. 214–215], причем медленный рост числа пациентов определялся не только малой пропускной способностью больничных заведений и небольшим их числом, но и, как показало обследование МВД середины 1830-х гг., недоверием к ним даже городских жителей [33. С. 640–645]. В начале XX в., при всей условности статистических цифр, сведения о количестве посещений выглядят внушительно. Так, в 1905 г. медицинской статистикой в Тобольской губернии было зафиксировано 446 963 посещения, в 1910 г. – 512 832, в 1911 г. – 575 141, в 1912 г. – 712 702. Также показательны цифры обращений за стационарной медицинской помощью. В 1910 г. такую помощь получили 17 444 пациента, в 1911 г. – 19 840. Об изменении позиции фигуры врача в общественной картине мира и коррекции модели здоровья провинциального общества, безусловно, свидетельствует развитие частной медицинской практики и инициативное приобретение аптек с медикаментами некоторыми сельскими обществами. В 1910 г. в секторе частной практики было зафиксировано 2 998 посещений, а в 1911 г. – 12 609. Таким образом, если еще в первой половине XIX в. городские общества с большим трудом и неохотой находили средства для постройки и содержания городских больниц, а некоторые из них просуществовали недолгое время, то в начале XX в. горожане уже вполне прониклись доверием к официальной медицине и обеспечивали существование нескольких десятков частнопрактикующих врачей.

Однако укоренение врача в сибирском социуме не было равномерным. Если в городах и крупных торгово-промышленных селах, втягивавшихся в товарно-денежные отношения, врач был уже привычен, то на периферии, в селениях, удаленных от городских центров, транспортных артерий, отношение к врачу было по-прежнему настороженным. И.К. Чувашева, сельская учительница, работавшая в начале XX в. в Туринском уезде, описывает несколько случаев сокрытия крестьянами больных или недопуска врача к ним во время эпидемии. Причем крестьяне сопротивлялись не собственно лечению, но видели угрозы именно со стороны врача: «Не уморил бы, супостат», – передает настроения селян учительница. В противовес «чужому» доктору медицинскую помощь со стороны «своей» учительницы, которая уже некоторое время проживала в деревне, эпизодически оказывала врачебную помощь и раньше,

они принимали, а в некоторых случаях это воспринималось ими как прямая ее обязанность [34. С. 79–92]. По наблюдениям современных этнографов, традиционные представления о теле, нормы жизни сохранялись в сибирской деревне вплоть до середины XX в. [35. С. 24].

Таким образом, выстраивание официальной медицины в России было сопряжено в первую очередь с формированием корпуса специалистов. Это были абсолютно новые персонажи, место которым в картине мира российского провинциального общества нашлось не сразу. Тобольское медицинское сообщество, начавшееся с горстки медиков, слабо связанных между собой, в начале своего пути представляло общность с весьма призрачными / гипотетическими перспективами. понадобилось почти сто лет, чтобы, пройдя длительный путь «наращивания мускулов», только ко второй половине XIX в. оно продемонстрировало способность к рефлексии, потребность в самоидентификации и при поддержке администрации приступило к реализации тех потенциальных возможностей, что заложены в специфике профессии и популярной идее служения общественному благу. Переход в модальность действительности регионального медицинского сообщества

происходит в конце XIX в., после введения участковой медицины. Многократно увеличиваются медицинский персонал, число больниц, постоянно действующих амбулаторных и фельдшерских пунктов, учреждаемых в сельской местности, расширяется частная практика. Именно с этого времени система медицинского обслуживания охватывает основную массу гражданского населения, медицинский работник постепенно утрачивает черты маргинальности и превращается не только в обычного персонажа городской и деревенской жизни, но и в социального лидера. Врачи принимают участие в общественно-политической жизни губернии, благотворительной, просветительской деятельности. В начале XX в. самоорганизация медицинских работников достигает высшей точки – начинают собираться профессиональные съезды и совещания регионального уровня, умножаются общественные объединения. На этом этапе региональное медицинское сообщество уже предстает как организм, достаточно крупный и зрелый для того, чтобы самоорганизовываться, формулировать требования, оказывать влияние, организм, связанный множеством коммуникаций, как профессиональных, так и общественных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дегальцева Е.А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.). Барнаул : Изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 2002. 288 с.
2. Попов Д.И. Культурно-просветительные общества в Сибири в конце XIX – начале XX вв. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2006. 512 с.
3. Комарова Т.С. Медицина в Енисейской губернии в годы Русско-японской войны // Российская история. 2013. № 3. С. 100–113.
4. Семенова К.А. Здравоохранение города Томска: время становления. 1860–1919 г. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 158 с.
5. Федорова Г.В. Медицинские династии Западной Сибири в историко-библиографических очерках (конец XIX – начало XX в.). Омск, 1999. 496 с.
6. Темплинг В.Я. Здравоохранение на Крайнем Севере Тобольской губернии (XIX – начало XX в.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31). С. 136–142.
7. Рошевская Л.П., Коновалова Е.Н. Научные сообщества России. Исследования Северного Приуралья в XVII – начале XX в. Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 2012. 298 с.
8. Поплавский Р.О., Черепанов М.С. В поисках «реального» сообщества: оценка численности прихожан мечетей города Тюмени // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 3 (18). С. 153–158.
9. Зайнуллин М.В. Модальность как функционально-семантическая категория. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1986. 123 с.
10. Палкин Б.Н. Очерки истории медицины и здравоохранения Западной Сибири и Казахстана в период присоединения к России (1716–1868). Новосибирск, 1967. 580 с.
11. Темплинг В.Я. Несколько эпизодов из истории изучения медицинского дела и здравоохранения в Тобольской губернии XVIII – начала XX в. // Сибирский город: историческая ретроспектива и современный вектор развития : материалы региональной науч.-практ. конф., посвящ. 430-летию г. Тюмени, Тюмень, 20 мая 2016. Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2016. С. 202–209.
12. Мирский М.Б. Медицина России XVI–XIX веков. М. : РОССПЭН, 1996. 400 с.
13. Гриценко Н.В. Благотворительные заведения Тобольского Приказа общественного призрения // Тобольский хронограф : сб. Екатеринбург : Уральский рабочий, 2004. Вып. 4. С. 204–227.
14. Федотов Н.П., Мендрин Г.И. Очерки истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1975. 260 с.
15. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 344. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 1. Л. 541–541об.; 591–592об.
16. Государственный архив Тюменской области (ГАТюмО). Ф. И-47. Оп. 1. Д. 3532. Л. 28.
17. Темплинг В.Я. Народная медицина русского населения Западной Сибири XIX в. (социокультурный аспект). Тюмень : Мандр и К^а, 2017. 224 с.
18. Власов А.А. Очерки истории хирургии в Сибири. М. : Наука, 1999. 266 с.
19. Андреев И.Г. Домовая летопись Андреева, по роду их, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 году // Тобольский хронограф : сб. Екатеринбург : Уральский рабочий, 2004. Вып. 4. С. 13–112.
20. Нечаева Л.В. Развитие медицинской службы в Сибири XVIII столетия // XI Всероссийская с международным участием науч.-практ. конф., Тобольск, 9–10 ноября 2012. Тюмень, 2012. С. 361–364.
21. Богданов К.А. Врачи, пациенты, читатели: патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. М. : ОГИ, 2005. 504 с.
22. Крутовский В.М. Очерк истории общества врачей Енисейской губернии за 25 лет. 1886–1911. Красноярск : Тип. б. М.И. Абалакова, 1911. 196 с.
23. Брэдли Д. Общественные организации в царской России : наука, патриотизм и гражданское общество. М. : Новый хронограф, 2012. 448 с.
24. Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884.
25. Голодников К. Город Тобольск и окрестности. Тобольск, 1886. 169 с.
26. Памятная книжка Тобольской губернии на 1910 г. Тобольск, 1910. 280 с.
27. Государственный архив Тобольска (ГАТ). Ф. 152. Оп. 33. Д. 155. Л. 1–95.
28. Белобородов В.К. Аккумулятор общественной жизни // Сибирский листок: 1890–1894. Тюмень : Мандрика, 2003. С. 5–32.
29. Труды Первого губернского съезда сельских врачей Тобольской губернии: 20 января – 4 февраля 1911 г. Тобольск, 1913. 12, 86, 126, IV с.
30. Мандрика Ю.Л. Цензура поэтики и поэтика цензуры: коллекция сведений о сибирской частной печати конца XIX – начала XX в. в жанре patchword. Тюмень : Мандр и К^а, 2013. Ч. I. 300 с.
31. Сибирский листок: 1912–1919 / сост. В.К. Белобородов. Тюмень : Мандр и К^а, 2003. 592 с.

32. Устав Тюменского общества взаимопомощи помощников врачей : (утв. 18 сентября 1912 г.). Тюмень, [1912]. 16 с.
33. Варадинов Н. История Министерства внутренних дел // Особое приложение к журналу МВД. 1860. № 7. С. 640–645.
34. Зверева К.Е., Зверев В.А. Деревенская учительница о «темных сторонах» педагогической и медицинской культуры крестьян // «Сибирь – мой край...» : проблемы региональной истории и исторического образования : сб. науч. тр. / под ред. В.А. Зверева. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 1999. С. 79–92.
35. Артемьева О.Н. Человеческое тело в традиционных представлениях русских Среднего Прииртышья в конце XIX – первой половине XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005. 25 с.

Templing Vladimir I. Institute of the Problems of Northern Development, Tyumen Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tyumen, Russia). E-mail: tmpl@mail.ru

MEDICAL COMMUNITY OF TOBOLSK GOVERNORATE IN 18th – EARLY 20th CENTURIES: FROM THE MODALITY OF IDEA TO THE MODALITY OF REALIZATION

Keywords: history of medicine; medical community; Siberia; Tobolsk Governorate; health care, modality.

The article under consideration is meant to represent the process of the development of the regional medical community as being continuous and dynamic, from the formation of the structure, meant to provide service to people, to the establishment of the professional associations that became means of mobility, coordination, publicity and support for the socially-minded people.

To achieve the above mentioned purpose we will deal with the following objectives: 1) to consider the dynamics of the size and distribution of the medical staff in Tobolsk Governorate, 2) to describe the evolution of the professional communicative practices and connections, 3) to explore the disposition of the person of a doctor in the worldview of the provincial community.

The research has been carried out within the methodological frameworks of the modernization theory. It has applied modern sociological definitions of the concept “community” within the semantic field of the antonymous notions “unreal/real”. This approach allows avoiding discontinuity of the research discourse and makes it possible to study the regional professional community as an integral social cultural entity with several qualitatively different stages-modalities of the development.

The research relies on a wide range of published and archival documents. The materials of the Medical board, the regional statistics data, periodicals and the volunteer associations’ documents have been used.

As the result of the research, the author has come to the following conclusions. The formation of the medical community presupposes three stages of modality: starting with the modality of idea (or hypothetic – “theoretical” community) through the stage of underachieved reflexion (the modality of potential – “imaginary” community), up to the modality of realization and phenomenological completion (the modality of reality – “real” community). At the stage of idea (i.e. “theoretical” stage) the community is characterized by a small number of medical staff, absolute predominance of instrumental relations and significant distance between the doctor and the provincial community. At the stage of potential modality (“imaginary” community) the number of medical professionals grows, the network of internal communication expands, the first professional associations emerge, the reproduction of health care specialists begins, and the doctor becomes a common character of the social urban landscape. At the stage of realization (“real” community) the number of medical staff significantly increases, the network of health care facilities develops throughout the Governorate, communication intensifies. Thus, the medical community turns into the functioning collective body, comprised of the most active professional forces that are capable of self-organization, setting up claims, decision-making and taking measures. The system of private medical practitioners develops. Doctors take active part in different social events, they become an integral part of the provincial community. The incorporation of the character of a doctor into the provincial community was not an equable process.

REFERENCES

1. Degaltseva, E.A. (2002) *Obshchestvennye nepoliticheskie organizatsii Zapadnoy Sibiri (1861–1917 gg.)* [Public non-political organizations of Western Siberia (1861–1917)]. Barnaul: Altai State Technical University.
2. Popov, D.I. (2006) *Kul'turno-prosvetitel'nye obshchestva v Sibiri v kontse XIX – nachale XXvv.* [Cultural and educational societies in Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. Omsk: Omsk State University.
3. Komarova, T.S. (2013) *Meditsina v Eniseyskoy gubernii v gody Russko-yaponskoy voyny* [Medicine in the Yenisei province during the Russian-Japanese war]. *Rossiyskaya istoriya*. 3. pp. 100–113.
4. Semenova, K.A. (2010) *Zdravookhraneniye goroda Tomsk: Vreya stanovleniya. 1860–1919 g.* [Healthcare in Tomsk: Time of formation. 1860–1919]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Fedorova, G.V. (1999) *Meditsinskie dinastii Zapadnoy Sibiri v istoriko-bibliograficheskikh ocherkakh (konets XIX – nachalo XX v.)* [Medical dynasties of Western Siberia in historical and bibliographical essays (late 19th – early 20th centuries)]. Omsk: [s.n.].
6. Templing, V.Ya. (2015) *Zdravookhraneniye na Kraynem Severe Tobol'skoy gubernii (XIX – nachalo XX v.)* [Health care in the Far North of Tobolsk province (the 19th – early 20th century)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 4(31). pp. 136–142.
7. Roshchevskaya, L.P. & Konovalova, E.N. (2012) *Nauchnye soobshchestva Rossii. Issledovaniya Severnogo Priural'ya v XVII – nachale XX v.* [Scientific communities of Russia. Studies of the Northern Urals in the 17th – early 20th centuries]. Syktyvkar: SB RAS.
8. Poplavsky, R.O. & Cherepanov, M.S. (2012) *V poiskakh “real'nogo” soobshchestva: Otsenka chislennosti prikhozhan mechetey goroda Tyumeni* [In search of a “real” community: Estimation of the number of parishioners of the mosques in Tyumen]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 3(18). pp. 153–158.
9. Zaynullin, M.V. (1986) *Modal'nost' kak funktsional'no-semanticheskaya kategoriya* [Modality as a functional semantic category]. Saratov: Saratov State University.
10. Palkin, B.N. (1967) *Ocherki istorii meditsiny i zdravookhraneniya Zapadnoy Sibiri i Kazakhstana v period prisoedineniya k Rossii (1716–1868)* [Essays on the history of medicine and public health in Western Siberia and Kazakhstan during the period of their accession to Russia (1716–1868)]. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo.
11. Templing, V.Ya. (2016) [Several episodes from the history of the study of medical affairs and public health in Tobolsk province in the 18th – early 20th centuries]. *Sibirskiy gorod: istoricheskaya retrospektiva i sovremennyy vektor razvitiya* [Siberian city: a historical retrospective and a modern vector of development]. Proc. of the International Conference. Tyumen. May 20, 2016. Tyumen: Tyumen State University. pp. 202–209. (In Russian).
12. Mirsky, M.B. (1996) *Meditsina Rossii XVI–XIX vekov* [Medicine of Russia in the 16th – 19th centuries]. Moscow: ROSSPEN.
13. Gritsenko, N.V. (2004) *Blagotvoritel'nye zavedeniya Tobol'skogo Prikaza obshchestvennogo prizreniya* [Charitable institutions of the Tobolsk Order of Public Charity]. *Tobol'skiy khronograf*. 4. pp. 204–227.
14. Fedotov, N.P. & Mendrina, G.I. (1975) *Ocherki istorii meditsiny i zdravookhraneniya Sibiri* [Essays on the history of medicine and public health in Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.

15. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 344. List 1. Part 1. Book 1. pp. 591–592.
16. The State Archive of the Tyumen Region (GATyumO). Fund I-47. List 1. File 3532.
17. Templing, V.Ya. (2017) *Narodnaya meditsina russkogo naseleniya Zapadnoy Sibiri XIX v. (sotsiokul'turnyy aspekt)* [Traditional medicine of the Russian population of Western Siberia in the 19th century (the sociocultural aspect)]. Tyumen: Mandr i Ka.
18. Vlasov, A.A. (1999) *Ocherki istorii khirurgii v Sibiri* [Essays on the history of surgery in Siberia]. Moscow: Nauka.
19. Andreev, I.G. (2004) Domovaya letopis' Andreeva, po rodu ikh, pisannaya kapitanom Ivanom Andreevym v 1789 godu [The household chronicle of Andreev, by their kind, written by Captain Ivan Andreev in 1789]. *Tobol'skiy khronograf*. 4. pp. 13–112.
20. Nechaeva, L.V. (2012) Razvitiye meditsinskoy sluzhby v Sibiri XVIII stoletii [The development of medical service in Siberia in the 18th century]. *Proc. of the All-Russian Conference*. Tobolsk. November 9–10, 2012. Tyumen. pp. 361–364.
21. Bogdanov, K.A. (2005) *Vrachi, patsienty, chitateli: Patograficheskie teksty russkoy kul'tury XVIII–XIX vekov* [Doctors, patients, readers: Pathographic texts of Russian culture of the 18th – 19th centuries]. Moscow: OGI.
22. Krutovsky, V.M. (1911) *Ocherk istorii obshchestva vrachey Eniseyskoy gubernii za 25 let. 1886–1911* [Essay on the medical society in Yenisei Province for 25 years. 1886–1911]. Krasnoyarsk: M.I. Abalakov.
23. Bradley, D. (2012) *Obshchestvennye organizatsii v tsarskoy Rossii: nauka, patriotizm i grazhdanskoe obshchestvo* [Social organizations in Tsarist Russia: science, patriotism, and civil society]. Moscow: Novyy khronograf.
24. Tobolsk Statistics Committee. (1884) *Pamyatnaya knizhka Tobol'skoy gubernii na 1884 g.* [The Memorial Book of Tobolsk Province in 1884]. Tobolsk: Tobolsk Statistics Committee.
25. Golodnikov, K. (1886) *Gorod Tobol'sk i okrestnosti* [Tobolsk and its surroundings]. Tobolsk: [s.n.].
26. Tobolsk Statistics Committee. (1910) *Pamyatnaya knizhka Tobol'skoy gubernii na 1910 g.* [The Memorial Book of Tobolsk Province in 1910]. Tobolsk: Tobolsk Statistics Committee.
27. The State Archive of Tobolsk (GAT). Fund 152. List33. File 155.
28. Beloborodov, V.K. (2003) Akkumulyator obshchestvennoy zhizni [Accumulator of public life]. In: Beloborodov, V.K. & Mandrika, Yu.L. *Sibirskiy listok: 1890–1894* [Sibirskiy listok: 1890–1894]. Tyumen: Mandrika. pp. 5–32.
29. Anon. (1913) *Trudy Pervogo gubernskogo s"ezda sel'skikh vrachey Tobol'skoy gubernii: 20 yanvarya – 4 fevralya 1911 g.* [Proceedings of the First Provincial Congress of Rural Physicians of the Tobolsk Province: January 20 – February 4, 1911]. Tobolsk: [s.n.].
30. Mandrika, Yu.L. (2013) *Tsenzura poetiki i poetika tsenzury: kolleksiya svedeniy o sibirskoy chastnoy pechati kontsa XIX – nachala XX v. v zhanre patchword* [Censorship of poetics and poetics of censorship: a collection of information about the Siberian private press of the late 19th – early 20th century in the patchword genre]. Tyumen: Mandr i Ka.
31. Beloborodov, V.K. (2003) *Sibirskiy listok: 1912–1919* [“Sibirskiy listok”: 1912–1919]. Tyumen: Mandr i Ka.
32. *The Charter of the Tyumen Society for Mutual Assistance of Medical Assistants: (approved on September 18, 1912)*. Tyumen: [s.n.]. (In Russian).
33. Varadinov, N. (1860) Istoriya Ministerstva vnutrennikh del [History of the Ministry of the Interior]. *Osoboe prilozhenie k zhurnalu MVD*. 7. pp. 640–645
34. Zvereva, K.E. & Zverev, V.A. (1999) Derevenskaya uchitel'nitsa o “temnykh storonakh” pedagogicheskoy i meditsinskoy kul'tury krest'yan [The village teacher about the “dark sides” of the pedagogical and medical culture of the peasants]. In: Zverev, V.A. (ed.) *“Sibir” – moy kray...”: problemy regional'noy istorii i istoricheskogo obrazovaniya* [“Siberia is my land ...”: Problems of regional history and historical education]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 79–92.
35. Artemieva, O.N. (2005) *Chelovecheskoe telo v traditsionnykh predstavleniyakh russkikh Srednego Priirtysh'ya v kontse XIX – pervoy polovine XX v.* [The human body in the traditional ideas of the Russians of the Middle Irtysh in the late 19th – the first half of the 20th century]. Abstract of History Cand. Diss. Omsk.

УДК 94(47) + 94(571.6)
DOI: 10.17223/19988613/60/11

М.В. Ходяков

РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО НАЧАЛА XX ВЕКА ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЖЕЛТОГО ТРУДА В ЭКОНОМИКЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Статья выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00142 «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917)».

В статье, основанной на материалах Российского государственного исторического архива и Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, показан процесс выработки законодательных мер, направленных на защиту дальневосточной экономики от дешевого труда китайцев и корейцев. Приводятся различные точки зрения, существовавшие не только в чиновничьих кабинетах столицы, но и в торгово-промышленных кругах, на вопрос о целесообразности использования иностранных рабочих рук в Приморье и Приамурье.

Ключевые слова: Дальний Восток; российское законодательство; желтый труд.

В начале XX в. российские публицисты, а вместе с ними и государственные деятели активно включились в обсуждение вопросов, связанных с китайским засильем на дальневосточных окраинах страны [1–3]. В общественном мнении постепенно вызревал синдром «желтой опасности», ставший одним из механизмов формирования «образа врага» [4. С. 34–52; 5. С. 23–41].

Проблеме «желтой опасности» посвящено немало трудов. При этом китайские и российские ученые по-разному оценивают процессы, происходившие на дальневосточных окраинах России в начале XX в. Китайские авторы периода охлаждения советско-китайских отношений в основном акцентировали внимание на «варварской, бесстыдной» колонизаторской политике царизма по угнетению китайского населения в Маньчжурии и «геноциде» китайцев на «китайской территории, оккупированной русским империализмом», т.е. на Дальнем Востоке России. В этот период были опубликованы две «Истории вторжения царской России в Китай», содержавшие результаты деятельности шанхайской и пекинской научных школ. Оценки этномиграционных процессов на Дальнем Востоке, которые даются российскими и китайскими специалистами, серьезно разнятся: первые используют термин «китайские переселенцы», вторые – «русские колонизаторы и империалисты» [6–8].

Сегодня китайские ученые в меньшей степени исследуют колониальную политику царизма на Дальнем Востоке и в Северо-Восточном Китае. Однако интерес к данной проблеме сохраняется – российские историки продолжают изучение комплекса вопросов, связанных со спецификой русской колонизации Дальнего Востока на рубеже XIX–XX вв. [9; 10; 11. С. 70–89; 12–14; 15. С. 99–119; 16. С. 880–897; 17. С. 720–733]. Один из них – выработка системы законодательных мер, направленных на защиту экономики Дальнего Востока от наплыва китайских рабочих и использования их труда.

Привлечение китайцев и корейцев в важнейшие отрасли экономики Сибири и Дальнего Востока носи-

ло массовый характер. На этот факт неоднократно указывали российские историки. В частности, В.П. Зинovieв, проследив динамику численности и размещения иностранных рабочих на горных промыслах, подчеркнул, что сравнительные месячные нормы потребления русского и китайского рабочего серьезно отличались: китайский труд обходился практически вдвое дешевле русского. В конечном итоге именно китайские рабочие победили в этой конкурентной борьбе [18, 19].

Т.Н. Сорокина, рассматривая «китайскую тему» в ряде своих исследований и характеризуя ее как одну из ключевых проблем Приамурского генерал-губернаторства в начале XX в. [20], отметила в этой связи высокую информационную ценность материалов Хабаровских съездов приамурских губернаторов. На одном из них, созванном в августе 1903 г. по инициативе приамурского генерал-губернатора Д.И. Суботича, наиболее «жгучим» оказался именно вопрос о китайских рабочих. Мнения выступавших оказались полярными. В конечном итоге съезд пришел к заключению о необходимости постепенного вытеснения из экономики представителей желтой расы: «все мероприятия должны сходить к этой общей цели». При этом, однако, большинством голосов присутствующие высказались против принятия репрессивных мер в отношении китайских рабочих [21, С. 286].

Целесообразность привлечения в экономику края труда китайцев и корейцев по-разному виделась в торгово-промышленных кругах Дальнего Востока и в чиновничьих кабинетах Санкт-Петербурга. В докладной записке городского головы Хабаровска И.И. Еремеева, направленной 18 июня 1907 г. генерал-адъютанту А.И. Пантелееву и затрагивающей вопрос о портофранко для Приамурья, говорилось не только об огромных запасах в регионе золота, железа, каменного угля, нефти, пушных и рыбных промыслов, но и о необходимости поддержки местной промышленности. Последняя же, по мнению И.И. Еремеева, создавалась «лишь руками китайцев и вообще иностранцев...» [22. С. 300].

17 октября 1909 г. И.И. Еремеев направил докладную записку «от торгово-промышленного класса Хабаровска», адресованную министру финансов В.Н. Кокцову. В ней он сформулировал ряд предложений по решению насущных задач края, выделяя необходимость «скорейшего заселения края» русскими людьми, поскольку защита дальневосточных окраин от вторжения неприятеля могла, по его мнению, оказаться «не вполне возможной» [23. Л. 2об.].

Важным шагом на пути усиления экономического влияния России на Дальнем Востоке стала отмена порто-франко, осуществленная в соответствии с высочайше утвержденным одобренным Государственным Советом и Государственной думой законом от 16 января 1909 г. [24. С. 18–20]. Правда, одновременно этот шаг привел к краху некоторых русских, а также китайских предприятий, строивших свои обороты исключительно на ввозе иностранных товаров.

Первые шаги по разработке иммиграционного законодательства в отношении китайцев относятся к середине 1880-х гг., когда началось введение «русских билетов» и обязательного денежного сбора для китайских подданных. Однако увеличение паспортного сбора и последовавший запрет на сдачу в аренду китайцам и корейцам казенных земель (1908) не решили проблему их наплыва на территорию российского Дальнего Востока [25. С. 66–69].

В правительственных кругах все активнее разворачивалась работа по выработке мер, способных ограничить масштабы желтого труда в экономике края. 22 февраля 1909 г. товарищ министра иностранных дел Н.В. Чарыков направил П.А. Столыпину записку «по поводу мероприятий, направленных к ограничению наплыва желтых в Приамурье». В ней предлагалось осуществить действия, которые должны были позволить постепенно вытеснить китайское население с территории Дальнего Востока и заменить его русским. Для этого планировалось сделать акцент на установлении санитарных и гигиенических правил по отношению к помещениям, занимаемым китайцами, а также потребовать неуклонного их исполнения. В данной связи возникала необходимость тщательной регистрации китайского населения в целях правильного взимания городских сборов – больничного и патентного. «Ныне по крайней мере половина китайцев, например, уклоняется от больничного сбора», – констатировал Н.В. Чарыков. «Китаец и на русской земле, – считал дипломат, – остается истым китайцем и в своем жизненном обиходе – одевается, ест, пьет, живет по-китайски, потребляя все китайское; ничего не привнося с своей стороны в Россию, кроме рабочей силы, он уносит с собой в Китай, помимо неприязни к России, вследствие отношения к себе русской администрации и населения, ежегодно много миллионов русских денег» [26. Л. 8об.–9].

Для того, чтобы не допустить подобного положения вещей, в пунктах отправления китайцев в Россию предлагалось вывешивать объявления об условиях их жизни на новом месте. При пересмотре в 1911 г. торгового договора 1881 г. с Китаем ввиду закрытия порто-франко на Дальнем Востоке предметы первой необхо-

димости желтых рабочих (одежда, продукты, табак и т.д.) планировалось облагать высокой пошлиной. Наконец, правительству, по мнению Н.В. Чарыкова, следовало «перенести центр тяжести с переселенческого дела на колонизационное», т.е. главное внимание России в ее дальневосточной политике должно было быть обращено «не на разрежение плотно населенных мест в Центральной России, а на закрепощение окраин путем насаждения там русской государственности...» Одновременно с этим предлагалось решительное применение закона, по которому китайские подданные, как не имеющие права собственности земли в Приамурье, должны были очистить занятые самовольно ими земли...» [26. Л. 9об.].

Высочайше утвержденное 27 октября 1909 г. положение Совета министров «О подготовительных к колонизации района Амурской железной дороги мерах» предусматривало создание Комитета по заселению Дальнего Востока [24. С. 896–897]. Задачей Комитета провозглашалось создание прочного оплота русской государственности в дальневосточных областях. Для общего руководства колонизационными работами на Дальний Восток направлялся особый уполномоченный, назначавшийся с одобрения правительства Главноуправляющим землеустройством и земледелием. Председателем Комитета, действовавшего при Совете министров, император назначил П.А. Столыпина, заместителем – Главноуправляющего землеустройством и земледелием. По мнению П.А. Столыпина, одной из насущных проблем региона в тот момент была борьба «против наплыва в Приамурье рабочих желтой расы» и «привлечение рабочих из Европейской России». Об этом он сообщал в письме от 26 ноября 1909 г. В.Н. Кокцову [23. Л. 10об.]. На заседаниях Комитета вплоть до 1916 г. регулярно рассматривались вопросы о выработке мер борьбы с желтой расой и доставке русских рабочих на Дальний Восток [27. Д. 7, 13, 48].

С целью ускорить рабочую колонизацию Дальнего Востока 21 июня 1910 г. был Высочайше утвержден закон, одобренный Государственным Советом и Государственной думой, о введении в пределах Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальского областного Иркутского генерал-губернаторства «некоторых ограничений» для лиц, состоящих в иностранном подданстве. В пределах указанных территорий закон запрещал передачу казенных земель иностранцам и сдачу их в аренду, а также наем лиц, состоящих в иностранном подданстве, на работы, производимые для надобностей казенного управления. Вместе с тем Совет министров получал право «допускать в указанных местностях наем на срочные, для надобностей казенного управления, работы, лиц, состоящих в иностранном подданстве, в том случае, если окажется невозможным произвести сии работы при помощи лиц русского подданства» [28. С. 825].

Приток русских рабочих на Дальний Восток должен был создать противовес заполняющим окраину рабочим желтой расы, борьба с наплывом которой составляла одну из главнейших задач российского правительства в регионе. С целью ее реализации Комитет по заселению Дальнего Востока в ходе своего

заседания 4 февраля 1911 г. установил бесплатный проезд по линиям казенных железных дорог и по Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) для русских рабочих, мастеров-специалистов и ремесленников, законтрактованных правительственными учреждениями или лицами на работы в Приамурское генерал-губернаторство и в Забайкалье. Те рабочие, которые не имели контрактов, могли следовать к месту назначения по льготному переселенческому тарифу [23. Л. 83].

Совещание по вопросу о доставке русских рабочих на Дальний Восток, проходившее 15 и 16 декабря 1911 г. под руководством сенатора Б.Е. Иваницкого, констатировало, что в первый год после принятия закона от 21 июня 1910 г. и благодаря льготам, введенным Комитетом по заселению Дальнего Востока, удалось вытеснить с рынка труда значительную часть китайцев. Русские рабочие в Приамурье к тому времени составляли 58% всей рабочей силы. Это дало основание Совещанию констатировать, что «...“желтое засилье” не является тем непреодолимым злом, каким оно еще недавно казалось, и что при последовательном и неуклонном проведении намеченной Правительством покровительственной русскому труду политики окажется возможным в непродолжительном времени совершенно устранить китайский труд в казенных предприятиях и низвести до минимума применение его в частных» [29. Л. 127].

В действительности подобные заявления не в полной мере соответствовали повседневной практике использования китайского труда в экономике Дальнего Востока. Если в Амурской области соотношение между русскими и желтыми рабочими признавалось «благоприятным», то в Приморье ситуация была иной. Из представленной Переселенческим управлением справки явствовало, что в 1911 г. по отношению к Приморской области Советом министров было допущено «в изъятие из действия закона 21 июня 1910 г.» пользование желтым трудом со стороны военных казарменных комиссий, Уссурийской железной дороги, Владивостокского порта, таможенных учреждений и т.д. Из 31 566 рабочих, задействованных на казенных сооружениях Приморской области, русских было 17 121, или 54,2%, а «желтых» – 14 472, или 45,8%. Подавляющее большинство из них, 11 769 человек, составляли китайцы. Трудность подбора русских рабочих для различных казенных ведомств не была одинаковой. Так, в Инженерном ведомстве оказалось занято 46,4% желтых рабочих, на Уссурийской железной дороге – 55%, во Владивостокском торговом порту – 60,8%, в Строительных комиссиях Военного министерства – 94,2% [Там же. Л. 127об.].

Таким образом, декларируя законом от 21 июня 1910 г. борьбу с желтым трудом на дальневосточных окраинах, российское правительство оставляло за собой право корректировать «правила игры», допуская «изъятия» из действующего закона [30. С. 171], принимая решения о возможности допуска к выполнению казенных заказов рабочих желтой расы.

1 января 1912 г. истек срок данных Советом министров казенным управлениям отсрочек действия закона от 21 июня 1910 г. Лишь Уссурийская железная

дорога, состоявшая в арендном пользовании КВЖД, и Забайкальская дорога сохраняли за собой право пользования трудом желтых рабочих «...впредь до приискания мер к замене последних русскими рабочими» [29. Л. 128].

Вопросами ограничения наплыва китайцев в пределы Дальнего Востока и Сибири были озабочены не только в Санкт-Петербурге, но и на окраинах империи. Так, известный общественный деятель и предприниматель, член Приморской областной комиссии по рабочему вопросу С.Д. Меркулов в декабре 1910 г. направил Приамурскому генерал-губернатору Н.Л. Гондатти письмо, в котором затронул ряд насущных проблем Дальнего Востока. Рассуждая о необходимости «отстоять экономическую самостоятельность края как русской окраины», С.Д. Меркулов ратовал за то, чтобы «остановить быстрый процесс его “окитаения”», поскольку во всех своих мельчайших потребностях русское население зависело от Маньчжурии и китайцев [22. С. 341].

Заметим, что и сам Приамурский генерал-губернатор был решительным сторонником ограничения желтого труда на Дальнем Востоке. В своем письме от 28 ноября 1911 г., направленном заведующему переселенческим делом в Приморском районе А.А. Татищеву, говоря о государственных интересах в деле колонизации края, он просил, чтобы все подведомственные чины «...попутно с исполнением своих прямых служебных обязанностей оказывали полиции всевозможное содействие по надзору за исполнением китайцами и корейцами установленных для них паспортных правил» [29. Л. 94–94об.]. Спустя несколько дней в письме Н.Л. Гондатти заведующему переселенческим делом в Приморском районе содержались более категоричные требования: «...я категорически запрещаю применение желтого труда не только на работах, производимых переселенческой организацией за счет казны, но и на тех сооружениях и постройках, которые производятся с пособием от казны по смете переселенческого ведомства». Н.Л. Гондатти требовал при постройке школ, волостных правлений и других объектов, возводимых за счет государственных субсидий, чтобы все работы такого рода выполнялись «исключительно русскими людьми» [Там же. Л. 93].

Такое положение дел устраивало далеко не всех представителей торгово-промышленных кругов. Накануне Первой мировой войны некоторые из них указывали на существующий в крае финансово-экономический кризис. В частности, председатель Владивостокского Биржевого комитета 30 января 1913 г. обратился с телеграммой в Совет министров, ходатайствуя о принятии мер для устранения сложившегося положения, которое могло, по его мнению, «привести дальневосточную окраину к экономической катастрофе». Среди причин кризиса называлось «воспреещение применения желтого труда в казенных и некоторых частных предприятиях» [22. С. 358].

Одновременно с этим председатель Владивостокского Биржевого комитета разослал в правительственные и общественные учреждения две записки. Одна из них была посвящена критическому положению эконо-

мики на Дальнем Востоке, а другая – использованию желтого труда в промышленности. В записках говорилось о пагубности правительственных мер, направленных на сокращение желтого труда. Коренная причина застоя авторам записок виделась именно в «покровительстве русскому труду» и невозможности обеспечить край достаточным количеством «хороших русских работников», поскольку «русский рабочий склонен к забастовкам, на месте не сидит и наводняет край празднующимся людом» [22. С. 359–360].

12 февраля 1913 г. Владивостокский Биржевой комитет вновь обратился с телеграммой в правительство с просьбой направить в Приамурье особую комиссию для «выяснения истинного положения дел на месте». Эта позиция встретила решительный протест со стороны созданного с разрешения владивостокских властей многолюдного совещания представителей различных артелей, ремесленников, торговцев, общественных деятелей. Свыше 740 человек высказали свое категорическое несогласие с оценкой экономической ситуации на Дальнем Востоке, данной Биржевым комитетом. При этом было отмечено, что «биржевой комитет до сих пор всегда шел против всякого русского начинания, направленного к пользе края... С его помощью желтые укрепились, и невозможно стало русским людям самим одолеть их: нужна поддержка правительства» [31. С. 158–159].

11 марта 1913 г. Совет министров по ходатайству Владивостокского Биржевого комитета рассмотрел вопрос о выработке мер «к устранению угнетенного положения отечественных торговли и промышленности на Дальнем Востоке». Специально приглашенный на это заседание приамурский генерал-губернатор в ходе обсуждения заметил, что «Владивостокский Биржевой комитет не может считаться компетентным вырази-

лем экономических нужд и потребностей нашей дальневосточной окраины... Представляя собою лишь интересы богатого владивостокского купечества, принадлежащего в значительной своей части... к составу местных крупных коммерсантов-евреев, комитет этот, естественно, склонен опорочивать правительственные меры, принятые в видах поднятия в крае русского труда, и желал бы, конечно, восстановить прежнее, действительно печальное положение этого края, безраздельно захваченного несколькими иностранными, китайскими и еврейскими предприятиями, обогащавшимися при существовании порто-франко торговлею беспошлинными иностранными товарами». В итоге Совет министров определенно высказался, что никаких изъятий из действующих на Дальнем Востоке ограничительных мер в отношении применения желтого труда «допустить быть не может», а тем более общего пересмотра существующих узаконений [Там же. С. 160].

Проект общего иммиграционного закона, не без основания именуемый «проектом Н.Л. Гондатти» [25. С. 67], был подготовлен к весне 1913 г. и предусматривал двукратное увеличение сборов с иностранцев. Однако его принятие натолкнулось на позицию министерства иностранных дел.

С началом Первой мировой войны от амбициозных планов, направленных на избавление Дальнего Востока от желтого труда, российскому правительству пришлось отказаться. Паспортные льготы, установленные Советом министров для китайских рабочих в 1915–1916 гг. [32. С. 7–30], открывали широкие возможности для их массовой миграции по всей территории России.

Автор выражает признательность шанхайскому историку Сунь Ичжи за ценные сведения о китайских историографических традициях второй половины XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левитов И. Желтая Россия. СПб., 1901. 53 с.
2. Меркулов С.Д. «Желтый вопрос в Приамурье»: открытое письмо автору его А.А. Панову. Владивосток : Дальний Восток, 1911. 16 с.
3. Панов А.А. Борьба за рабочий рынок в Приамурье. СПб., 1912. 55 с.
4. Ларин В.Л. Синдром «желтой опасности» в дальневосточной политике России в начале и в конце XX в. // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Владивосток, 1996. С. 34–52.
5. Дятлов В.И. Экзотизация и «образ врага»: синдром «желтой опасности» // Идеи и идеалы. 2014. № 2 (20). Т. 1. С. 23–41.
6. 王魁喜 (Ван Куйси). 论沙俄«黄俄罗斯»计划的破产 (Крах плана «Желтой России») // 吉林师大学报 (Вестник Цзилинского педагогического университета). 1979. № 4. С. 46–55.
7. 沙俄侵华史 (История вторжения царской России в Китай) / под ред. 复旦大学历史系沙俄侵华史编写组 (редакционная группа «Истории вторжения царской России в Китай» при Историческом факультете Фуданьского университета). Шанхай : Шанхай-жень-мин-чу-бань-шэ, 1975. 232 с.
8. 沙俄侵华史第四卷上下册 (История вторжения царской России в Китай. Т. IV : в 2 ч.) / под ред. 中国社会科学院近代研究所 (Институт по изучению новой истории при Китайской академии социальных наук). Пекин : 人民出版社 (Жень-мин-чу-бань-шэ), 1990. 1083 с.
9. Дацышен В.Г. История российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX века. Красноярск : Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2000. 472 с.
10. Дацышен В.Г. Очерки истории российско-китайской границы во второй половине XIX – начале XX века. Кызыл : Респ. тип., 2000. 216 с.
11. Дацышен В.Г. Китайцы-земледельцы в Приморье: эпизод длиной в сто лет // Известия Восточного института. 2005. № 9. С. 70–89.
12. Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток : ДВО РАН, 2002. 228 с.
13. Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб. : Нестор-История, 2008. 668 с.
14. Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск : Наука, 2013. 248 с.
15. Заколотная А.С. Основные направления деятельности Переселенческого Управления на Дальнем Востоке России в годы Первой мировой войны (1914–1916) // Вглядываясь в прошлое: мировые войны XX века в истории Дальнего Востока России / под ред. Л.И. Галлямовой. Владивосток : Ред, 2015. С. 99–119.
16. Ходяков М.В. Желтороссия конца XIX – начала XX века в геополитических планах русской военной элиты // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 4. С. 880–897.
17. Старовойтова Е.О., Янченко Д.Г. Роль китайских переселенцев в экономическом освоении Дальнего Востока России на рубеже XIX–XX вв. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8, № 6. С. 720–733.

18. Зиновьев В.П. Китайские и корейские рабочие на горных промыслах Сибири и Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в. // Вопросы экономической истории России. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. С. 79–100.
19. Зиновьев В.П. Очерки социальной истории индустриальной Сибири. XIX – начало XX в. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 140–162.
20. Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX – начало XX вв.). Омск : Омск. гос. ун-т, 1999. 264 с.
21. Сорокина Т.Н. «Китайская тема» на IV Хабаровском съезде Приамурских губернаторов // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы VIII междунар. науч.-практ. конф. Благовещенск : Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2018. С. 281–287.
22. Для пользы и процветания: из истории внешнеэкономических связей Российского Дальнего Востока со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. 1856–1925 гг. : документы и материалы / сост. Н.А. Троицкая. Владивосток : Дальнаука, 2012. 592 с.
23. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 323. Оп. 1. Д. 718.
24. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е, т. 29: 1909. СПб. : Гос. тип., 1912. № 31369. 1052 с.
25. Сорокина Т.Н. К вопросу о выработке иммиграционного законодательства для дальневосточных областей России в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 281. С. 66–69.
26. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 5. Д. 726.
27. РГИА. Ф. 394. Оп. 1.
28. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е, т. 30: 1910. СПб. : Гос. тип., 1913. № 33858. 1438 с.
29. РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 46.
30. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / отв. сост. Б.Д. Гальперина. М. : РОССПЭН, 2002. 1911 год. 592 с.
31. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / отв. сост. Б.Д. Гальперина. М. : РОССПЭН, 2005. 1913 год. 552 с.
32. Ходяков М.В., Чжао Ч. Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны // Новейшая история России. 2017. № 1 (18). С. 7–30.

Khodjakov Mikhail V. St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia). E-mail: m.khodyakov@spbu.ru

RUSSIAN LEGISLATION OF THE EARLY 20th CENTURY ON THE USE OF YELLOW LABOUR IN THE ECONOMY OF THE FAR EAST

Keywords: The Far East; Russian legislation; “yellow labour”.

At the beginning of the XX century wide circles of the Russian public became actively involved in the discussion of the question of the “yellow dominance” in the Far East. These territories quite recently became part of the Russian Empire, were poorly populated and experienced an acute shortage of workers. Under these conditions, the peasant and working colonization of the region was directed not only at mitigating the land crisis in the central and southern regions of Russia, but also at exploration of new territories. Fixing them for Russia comes to be one of the most important tasks of the government. The purpose of the article is to consider the development of legislative measures aimed at preventing the increase in the number of Chinese people and the growth of “yellow labour” in the Far East. A set of measures with the help of which this task was supposed to be solved is of special interest. Among them there are: registration and establishing strict sanitary and hygienic standards for foreign workers living in the Far East, levy charges on them, like those for hospital and patent, as well as taxes on clothing and food. Based on the documents from the funds of the Russian State Historical Archive and the Russian State Historical Archive of the Far East, the author shows that in the government circles there was a clear conviction about the need to limit “yellow labour” on the outskirts of the country. This position was held by all key figures in the Council of Ministers. However, the position of the trade and industrial circles of the Far East in this issue was not so unambiguous. In particular, the Exchange Committee in Vladivostok opposed restrictive government measures that did not allow full use of cheap Chinese labour in the region's economy. The law of June 21, 1910, however, introduced such restrictions for persons “who are members of foreign nationality”. One of the reasons for the part of the trade and industrial circles of the Far East tried to “correct” government policy, speaking out against the protection of Russian labour, was their desire to keep in their hands a number of industries in the region. Therefore, despite the clear position of the government on the use of yellow labour in the Far East of Russia, the regional administration had to use the opportunity fixed in the Law and to involve representatives of the yellow race in various types of work. After the outbreak of the First World War, the Russian government began to use the “yellow labour” more widely, facilitating the arrival of Chinese workers in Russia and organizing their transportation along the Chinese Eastern Railway to the central regions of Russia.

REFERENCES

1. Levitov, I. (1901) *Zheltaya Rossiya* [Yellow Russia]. St. Petersburg: [s.n.].
2. Merkulov, S.D. (1911) “*Zheltiy vopros v Priamur'e*”: *Otkrytoe pis'mo avtoru ego A.A. Panovu* [“The Yellow Question in Amur Region”: An open letter to its author A.A. Panov]. Vladivostok: Dal'niy Vostok.
3. Panov, A.A. (1912) *Bor'ba za rabochiy rynek v Priamur'e* [The fight for the labour market in Amur region]. St. Petersburg: [s.n.].
4. Larin, V.L. (1996) Sindrom “zheltoy opasnosti” v dal'nevostochnoy politike Rossii v nachale i v kontse XX v. [The syndrome of “yellow peril” in Russia's Far Eastern policy in the early and late 20th century]. In: Ermakova, E.V. (ed.) *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva Dal'nego Vostoka* [Proceedings of the Russian State Historical Archive of the Far East]. Vol. 1. Vladivostok: [s.n.]. pp. 34–52.
5. Dyatlov, V.I. (2014) Exotization and “the enemy image”: the syndrome of “yellow peril” in pre-revolutionary Russia. *Idey i idealy – Ideas and Ideals*. 2(20). Vol. 1. pp. 23–41. (In Russian).
6. Van Kuysi. (1979) 论沙俄“黄俄罗斯”计划的破产 [The collapse of the “Yellow Russia” plan]. In: *吉林师大学报 – Bulletin of Jilin Pedagogical University*. 4. pp. 46–55.
7. 复旦大学历史系沙俄侵华史编写组 (ed.) (1975) *沙俄侵华史* [The history of the invasion of Tsarist Russia in China]. Shanghai: Shanghai-zhen-min-chu-ban-she.
8. 中国社会科学院近代研究所. (ed.) (1990) *沙俄侵华史第四卷上下册* [The history of the invasion of Tsarist Russia in China]. Vol. 4. Beijing: 人民出版社.
9. Datsyshen, V.G. (2000a) *Istoriya rossiysko-kitayskikh otnosheniy v kontse XIX – nachale XX veka* [The history of Russian-Chinese relations in the late 19th – early 20th century]. Krasnoyarsk: V.P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University.
10. Datsyshen, V.G. (2000a) *Ocherki istorii rossiysko-kitayskoy granitsy vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [Essays on the history of the Russian-Chinese border in the second half of the 19th – early 20th century]. Kyzyl: Respublikanskaya tipografiya.
11. Datsyshen, V.G. (2005) Kitaytsy-zemledel'tsy v Primor'e: epizod dlinoy v sto let [Chinese farmers in Primorye: a hundred-year episode]. *Izvestiya Vostochnogo instituta – Oriental Institute Journal*. 9. pp. 70–89.
12. Vashchuk, A.S., Chernolutskaya, E.N., Koroleva, V.A., Dudchenko, G.B. & Gerasimova, L.A. (2002) *Etnomigratsionnye protsessy v Primor'e v XX veke* [Ethnomigration processes in Primorye in the 20th century]. Vladivostok: RAS.

13. Lukoyanov, I.V. (2008) "Ne otstat' ot derzhav..." Rossiya na Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX vv. ["Not to be left behind the powers ..."] Russia in the Far East at the end of the 19th – early 20th centuries]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
14. Remnev, A.V. & Suvorova, N.G. (2013) *Kolonizatsiya Aziatskoy Rossii: imperskie i natsional'nye stsennariy vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [Colonization of Asiatic Russia: imperial and national scenarios of the second half of the 19th – early 20th century]. Omsk: Nauka.
15. Zakolodnaya, A.S. (2015) Osnovnye napravleniya deyatelnosti Pereselentskogo Upravleniya na Dal'nem Vostoke Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1916) [The main activities of the Migration Administration in the Far East of Russia during the First World War (1914–1916)]. In: Galliamova, L.I. (ed.) *Vglyadyvayas' v proshloe: Mirovye voyny XX veka v istorii Dal'nego Vostoka Rossii* [Looking at the past: World Wars of the Twentieth Century in the history of the Russian Far East]. Vladivostok: Reya. pp. 99–119.
16. Khodyakov, M.V. (2018) Zheltorossiya kontsa XIX – nachala XX veka v geopoliticheskikh planakh russkoy voennoy elity ["Yellow Russia" in the late 19th – early 20th centuries in the geopolitical plans of the Russian military elite]. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 8(4). pp. 880–897.
17. Starovoytova, E.O. & Yanchenko, D.G. (2018) Role of Chinese migrants in the economic development of the Russian Far East at the turn of the 19th – 20th centuries. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnosheniy – Questions of National and Federative Relations*. 8(6). pp. 720–733. (In Russian).
18. Zinoviev, V.P. (1996) Kitayskie i koreyskie rabochie na gornyykh promyslakh Sibiri i Dal'nego Vostoka v kontse XIX – nachale XX v. [Chinese and Korean workers in the Siberian and Far East mining fields in the late 19th – early 20th century]. In: *Voprosy ekonomicheskoy istorii Rossii* [Questions of the economic history of Russia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 79–100.
19. Zinoviev, V.P. (2009) *Ocherki sotsial'noy istorii industrial'noy Sibiri. XIX – nachalo XX v.* [Essays on the social history of industrial Siberia. The 19th – early 20th centuries]. Tomsk: Tomsk University. pp. 140–162.
20. Sorokina, T.N. (1999) *Khozyaystvennaya deyatelnost' kitayskikh poddannyykh na Dal'nem Vostoke Rossii i politika administratsii Priamurskogo kraia (konets XIX – nachalo XX vv.)* [The economic activities of Chinese nationals in the Far East of Russia and the policy of the administration of Amur Region (late 19th – early 20th centuries)]. Omsk: Omsk State University.
21. Sorokina, T.N. (2018) ["Chinese theme" at the Fourth Khabarovsk Congress of the Amur River Region governors]. *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva* [Russia and China: History and Prospects for Cooperation]. Proc. of the 8th International Conference. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University. pp. 281–287. (In Russian).
22. Troitskaya, N.A. (2012) *Dlya pol'zy i protsvetaniya: iz istorii vneshneekonomicheskikh svyazey Rossiyskogo Dal'nego Vostoka so stranami Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona. 1856–1925 gg.: Dokumenty i materialy* [For benefit and prosperity: from the history of foreign economic relations of the Russian Far East with the countries of the Asia-Pacific region. 1856–1925: Documents and materials]. Vladivostok: Dal'nauka.
23. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 323. List 1. File 718.
24. Russia. (1912) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 29. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
25. Sorokina, T.N. (2004) K voprosu o vyработке immigratsionnogo zakonodatel'stva dlya dal'nevostochnyykh oblastey Rossii v kontse XIX – nachale XX v. [On developing immigration legislation for the Far Eastern regions of Russia in the late 19th – early 20th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 281. pp. 66–69.
26. The Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). Fund 702. List 5. File 726.
27. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 394. List 1.
28. Russia. (1913) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 30. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
29. The Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). Fund 19. List 1. File. 46.
30. Galperina, B.D. (2002) *Osobyie zhurnaly Soveta ministrov Rossiyskoy imperii. 1909–1917 gg./1911* [Special journals of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1909–1917/1911]. Moscow: ROSSPEN.
31. Galperina, B.D. (2005) *Osobyie zhurnaly Soveta ministrov Rossiyskoy imperii. 1909–1917 gg./ 1913* [Special journals of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1909–1917 / 1913]. Moscow: ROSSPEN.
32. Khodjakov, M.V. & Zhiqing Zhao. (2017) Chinese Labour Migration to Russia during the First World War. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 1(18). pp. 7–30. (In Russian).

УДК 93 (091)
DOI: 10.17223/19988613/60/12

А.С. Шестопалова, В.В. Шевцов

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ОБРАЗА ОФИЦЕРА В СОЗНАНИИ РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В НАЧАЛЕ XX в.

*Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России,
проект № 33.1687.2017/4.6.*

Предпринята попытка выявить институты формирования и трансляции образа офицера в сознании российской общественности в начале XX в. Основное содержание исследования составляет анализ понятия «образ прошлого». Авторами обосновывается мысль о том, что категория «образ» в настоящее время используется в качестве интеллектуального исследовательского конструкта.

Ключевые слова: образ прошлого; офицер российской армии; сознание общественности.

В последнее время среди исследователей возрос интерес к проблемам, связанным с формированием, содержанием и реконструкцией образов прошлого, образов исторической реальности. Во многом это было обусловлено структурными изменениями, произошедшими в сфере гуманитарных наук в конце XX – начале XXI в. Поиск новых методологических ориентиров, выработка новой парадигмы исторического знания привели к тому, что в качестве одного из главных предметов исследований становятся не события прошлого, а его образы, запечатленные в сознании общественности. По замечанию О.Б. Леонтьевой, российские историки обобщающий термин «образ» относят к самым разнообразным феноменам общественного сознания и культуры [1. С. 8]. Среди исследователей особенно вырос интерес к реконструкции представлений общественности о событиях, которые ознаменовали собой переходную эпоху в жизни общества.

В начале XX в. в России происходит быстрый социальный сдвиг. Под его влиянием стремительно падает авторитет офицеров, которые еще недавно были одной из самых статусных социальных групп. Рост социально-политической напряженности и политизация общества способствовали изменению не только положения и статуса русского офицера, но и его образа в сознании российской общественности. На данном отрезке исторического процесса не только постоянно изменялось отношение общества к военным, но и трансформировались представления офицеров об обществе и о своей профессии.

Актуальность настоящей работы обусловлена несколькими положениями. Во-первых, реконструкция образа офицера в сознании российской общественности открывает возможность воссоздать свойственные рассматриваемой эпохе ценностные установки, мировоззренческие ориентиры, представления о героях и антигероях. Во-вторых, обращение к этим сюжетам также позволяет зафиксировать компоненты, отвечающие за формирование идентичности российского общества в период социально-политических потрясений начала XX в. В-третьих, без осмысления данной

проблемы невозможно в полной мере изучить, как складывался диалог между миром военных и миром гражданских лиц.

Изучению истории офицерского корпуса в настоящее время посвящено немало исследований, несмотря на то что длительное время история российского офицерского корпуса находилась вне поля зрения профессиональных историков и рассматривалась с позиций существующих идеологических штампов и установок. Со второй половины 1980-х гг. под влиянием новых веяний в исторической науке увеличился интерес к военно-исторической проблематике. Появился ряд фундаментальных работ, посвященных различным аспектам жизни офицеров царской армии. Стоит отметить работы С.В. Волкова [2], в которых рассмотрен широкий спектр сюжетов, связанных с жизнью императорской армии от ее зарождения до краха. Особое внимание автор уделил системе прохождения службы, вопросам профессиональной подготовки, особенностям быта и материального положения офицеров. И.Н. Гребенкин [3] в своих работах обратился к анализу формирования политических взглядов офицеров в 1905–1907 гг. и в период от Февраля к Октябрю 1917 г. Большое значение имеет монография В.Л. Кожевина [4]. Автор рассмотрел ключевые аспекты истории российского офицерства накануне и в начальный период революции 1917 г. Один из разделов историк посвятил анализу социального пространства офицерства, им были рассмотрены традиции и обычаи военной школы, внутрикорпоративные взаимодействия, взаимоотношения офицерства с другими социальными группами, преимущественно с интеллигенцией, а также взаимоотношения в армейской семье. В.Л. Кожевин обратил внимание на существование феномена гипертрофированного критицизма по отношению к офицерам. В.Н. Суряев свою работу посвятил изучению офицерского корпуса в 1900–1917 гг. [5] Он рассмотрел влияние разных событий на положение и состояние офицеров российской армии, а также взаимоотношения армии и общества. Н.Ю. Бринюк [6], С.А. Поляков [7], В.Ю. Закиров [8] обратилась к изучению морально-

психологического состояния и мировоззренческих установок русских офицеров в начале XX столетия. Авторы проанализировали влияние различных событий на ухудшение морально-психологического состояния российских офицеров накануне и в период революционных потрясений 1917 г., рассмотрели кризисные явления в корпорации офицеров во взаимосвязи с изменениями социальной структуры общества в целом, а также с трансформацией офицерского корпуса в период Первой мировой войны как профессиональной группы.

Несмотря на то, что был накоплен немалый материал по истории различных аспектов жизни и службы российского офицерства, в настоящее время отсутствуют специальные работы, посвященные реконструкции образа офицера в сознании общественности в начале XX в.

Цель настоящей работы заключается в выявлении институтов формирования и трансляции образов офицера в сознании российской общественности в начале XX в. Эта проблема является органической частью более широкого исследования, предполагающего непосредственно реконструкции образа офицера и фиксации этапов его трансформации в общественном сознании. Для достижения поставленной цели необходимо решить несколько методологических проблем.

При реконструкции образа офицера сразу встает вопрос о понятии «образ». В настоящее время изучению данной категории посвятили свои работы не только историки, но и психологи, культурологи, искусствоведы, литераторы, социологи, философы и др. Все это предопределило существование различных подходов к понятию «образ». В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова образ рассматривается как «наглядное представление о ком- или о чем-либо» [9. С. 435]. В философии утвердилось понимание образа как результата и идеальной формы отражения предметов и явлений материального мира в сознании человека. В искусстве сложилось понимание образа как некоего обобщенного художественного отражения действительности. Разнообразие дефиниций в данном случае отнюдь не связано с неразработанностью или недостаточным исследовательским интересом. Скорее, это обусловлено сложностью и многогранностью данной категории.

В настоящей работе под образом прошлого мы будем понимать устойчивую абстрактно-символьную модель исторической реальности, которая представлена в массовом сознании. Данное определение предложила Л.Н. Мазур в работе «Образ прошлого: формирование исторической памяти» [10. С. 251]. В этой статье она также предложила выделить несколько структурных элементов образа, таких как знак / имя, форма / описание, пространство образа [Там же]. Таким образом, перед нами разные по своей сложности и уровню проявления структурные компоненты. О.Б. Леонтьева под образом понимает «вторую реальность», которая существовала в головах людей ушедших эпох [1. С. 9]. Н.Н. Родигина при исследовании образа Сибири подчеркивала, что «образ многогранен, поскольку разные его стороны обращены разным адресатам, и противоречив, поскольку в коллективном сознании уживаются

прямо противоположные представления об одном и том же объекте, актуализируемые в зависимости от обстоятельств» [11. С. 45–46].

В настоящее время, на наш взгляд, уместно говорить об «образе прошлого» как об интеллектуальном исследовательском конструкте, с помощью использования которого вскрываются новые факты при изучении прошлого. Так, образ офицера в сознании российской общественности представляет собой некую абстрактную реальность, которая состоит из разных компонентов.

Представления об офицерах российской армии в общественном сознании, на наш взгляд, находятся в тесной взаимосвязи с обыденными знаниями о событиях прошлого, в том числе и недавнего [12. С. 69]. Обыденные знания об офицерах у общественности формировались на основе личного опыта и социального знания. В той или иной степени, представителям различных социальных групп в повседневной жизни приходилось сталкиваться с офицерами российской армии. И, действительно, не всегда опыт взаимодействия представителей мира военных и мира штатских был положительным. В отечественной публицистике содержится много примеров высокомерного и пренебрежительного отношения офицеров ко всем, кто не в форме [13. С. 207]. Один из главных критиков офицерского корпуса публицист П.М. Пильский указывал, что «незримая стена между гражданскими и военными была настолько велика, что представители последних входили в толпу «обыкновенных людей» лишь в качестве карателей и мстителей для усмирения» [13. С. 213]. Негативный опыт взаимодействия различных социальных групп с офицерами российской армии способствовал формированию их образа как представителей «замкнутой, мертвой касты» со своим набором правил и привилегий.

Значительное влияние на формирование образа офицера оказывало и социальное знание, которое создавалось на основе получения информации из различных источников. В начале XX в. одним из главных источников получения информации являлась периодическая печать. Об этом свидетельствовало увеличение числа периодических изданий, расширение их проблематики, появление специализированных изданий [14. С. 6]. Первоначально обсуждение вопросов армейской жизни велось только на страницах военной прессы. На рубеже XIX–XX вв. в печатных органах Военного министерства – «Военном сборнике», «Разведчике», «Русском инвалиде» – рассматривались, как правило, вопросы, связанные со службой и бытом офицеров.

После русско-японской войны и первой русской революции стали активно подниматься и обсуждаться проблемы, связанные с мировоззрением, ценностными установками, традициями, положением офицеров российской армии, их взаимоотношениями внутри корпорации и с миром штатских, со спецификой военной жизни и быта, не только на страницах военной периодики, но и гражданской. Данный факт позволяет сделать вывод о том, что к началу XX столетия отечественная периодическая печать представляла собой

самостоятельную силу. Она не только своевременно информировала население о событиях современной жизни, выражала общественное мнение различных социальных групп, но и оказывала влияние на формирование общественного настроения. Таким образом, периодическая печать способствовала не только трансляции социального знания о различных компонентах жизни и службы офицеров, но и формированию и закреплению определенных образов за офицерами российской армии в сознании общественности. Материалы периодической печати наряду с устными каналами передачи информации, системой образования, местами памяти начинают играть роль главного механизма трансляции существующих общественных представлений об офицерстве. Задача данного механизма заключалась в распространении различных представлений о деятельности и поведении офицеров.

При обращении к материалам периодической печати всегда надо помнить о специфике данного исторического источника. Как правило, они содержат многочисленные заметки о жизни, службе, быте офицеров. Отличительной чертой гражданской периодики начала XX в. являлось то, что так называемому «офицерскому вопросу» уделялось значительное внимание, а обсуждение того или иного вопроса сопровождалось оценочными суждениями, которые создавали определенный фон для восприятия информации. Газетные или журнальные статьи могли и вовсе не составлять мнения автора в полной мере. Но, к сожалению, зачастую сопоставить их с другими источниками мы не можем, поскольку многие заметки оставались без подписи или под псевдонимом. Тем не менее материалы периодической печати в начале XX столетия стали той площадкой, в рамках которой происходило определенное преобразование информации в образы прошлого.

На страницах отечественной периодики бытовали различные образы офицеров российской армии, разные оценки их поступков, связанные как с профессиональной сферой, так и с повседневностью. Стоит подчеркнуть, что образ офицера не был статичным. Восприятие общественностью офицерского корпуса изменялось под воздействием различных событий. Так, в военное время интерес к офицерам и армии возрастал, в мирное же время шел по нисходящей линии.

В 1904 г., с началом войны на Дальнем Востоке, увеличился интерес российской общественности к событиям на фронте, жизни и службе армии и офицерства. На страницах отечественных периодических изданий публицисты рассуждали о целях военной кампании на Дальнем Востоке, выражали свое отношение к войне, характеризовали деятельность военачальников. В одном из номеров «Вестника Европы» за 1904 г. при описании общественных настроений указывалось, что «известия о ходе военных действий ожидаются с лихорадочным нетерпением. Победа вызывает общий бурный восторг. Поражение – повергает в уныние» [15. С. 472].

Русско-японская война стала своеобразным экзаменом на сплоченность российского общества и армии. Следующие одно за другим поражения в 1904–1905 гг. привели к поиску причин неудач русского

оружия, поиску виновных в провале военной кампании. Многие отечественные публицисты пытались найти причины военных неудач именно в действиях российских офицеров. Так, на страницах «Военного сборника» была опубликована статья публициста Д. Баландина, который считал, что главной причиной поражения в русско-японской войне являлась слабость полководцев. Он утверждал, что «вечные колебания и нерешительность действий командующего армией подорвали веру в твердость его решений» [16. С. 85]. В журнале «Мир божий» публицист Н.П. Азбелев указывал, что за последние 20 лет в среде морского офицерства произошли изменения. Он с горечью отмечал, что у них наблюдается не только равнодушие к своему делу, но как будто даже полное отсутствие интереса к нему [17. С. 40].

Таким образом, поражение на фронте способствовало формированию представлений в общественном сознании об офицерах как о слабых, нерешительных, бездарных военачальниках. В периодике 1904–1905 гг. появляются статьи, содержащие описания случаев некомпетентного поведения отдельных представителей офицерского корпуса. Российская общественность воспринимала эту информацию и экстраполировала ее на всю офицерскую среду.

Одним из главных виновников сдачи Порт-Артура был объявлен генерал-адъютант, комендант военной крепости А.М. Стессель. Про него распространились различные слухи, в том числе о том, что он продал Порт-Артур японцам за 16 млн руб. [18. Л. 1]. Слухи представляли собой один из источников формирования и распространения общественных представлений. По замечанию Б.И. Колоницкого, слухи – в том числе и самые фантастические – представляют собой вполне реальный фактор исторического процесса, они могли организовать важные события, определяя действия современников [19. С. 20].

На примере ситуации с А.М. Стесселем прослеживается интересный сюжет о необходимости поиска виновных в национальной неудаче. Он был обвинен в необоснованной сдаче Порт-Артура японским войскам, за что приговорен к расстрелу; позже наказание было изменено на десятилетнее заключение в Петропавловской крепости. Уже через год, в 1909 г., император Николай II в день своего рождения помиловал А.М. Стесселя. Данный правительственный маневр был осуществлен для умиротворения общественности, для свершения правосудия над виновниками, которых так стремительно пыталось найти российское общество. Об этом напрямую свидетельствуют записи в дневнике Николая II. В дневниковой записи Николая Александровича от 17 февраля 1905 г. сообщалось: «Приехал Стессель – герой Порт-Артура, и завтракал с нами. Много говорили с ним про осаду» [20. С. 5]. В качестве подтверждения также выступает сообщение А.М. Стесселя о том, что в заточении он находилсь в достаточно неплохих условиях [18. Л. 4].

Об освобождении узников было известно за сутки, и уже к моменту освобождения собралось большое количество корреспондентов и фотографов, в том числе и иностранных. Это свидетельствует о том, что это

дело имело общественный резонанс. Данное положение подтверждает и тот факт, метко подмеченный корреспондентом «Петербургского листа», что «к вечеру 5-го мая весть об освобождении уже облетела весь город. Особенно горячо приняли эту весть члены кружка порт-артуровцев» [18. Л. 17]. «Ко времени своего освобождения А.М. Стессель получил более двух десятков поздравительных телеграмм, главным образом от офицеров-артуровцев, в том числе и от подполковника Ясененского и Аноева, поручика Гринцевича. Еще большее количество приветственных и поздравительных телеграмм» [Там же. Л. 3].

Все эти факты свидетельствуют о том, что в общественном сознании, главным образом с помощью периодической печати, были найдены так называемые виновники поражения в русско-японской войне.

При работе с периодической печатью как с одним из главных механизмов трансляции образа офицеров, наряду с использованием традиционных исторических методов, необходимо обращение к дискурс-анализу. Под дискурсом мы понимаем особый способ общения и понимания социального мира [21. С. 18]. Использование дискурс-анализа дало возможность выявить доминирующие концепты, используемые при характеристике офицерского корпуса на страницах отечественной периодики.

Так, со страниц гражданской периодической печати в начале XX в. активно транслировался образ офицерского корпуса как замкнутой касты с особым набором привилегий, «входы» и «выходы» в которую строго охранялись. Среди бытующих характеристик представителей офицерского корпуса можно встретить сравнение с «гидрой милитаризма». С негативной точки зрения публицистами рассматривался концепт чести офицера. По мнению публициста П.М. Пильского, «она носила ложный, уродливый характер и проявлялась в офицерской среде, прежде всего, в гордости за безнаказанность при оскорблении и избиении штатских, в стремлении выслужиться, в дуэлях» [13. С. 221].

Всеобщее обсуждение проблем военного быта, сопровождающееся компрометирующими примерами поведения офицеров на службе и в быту, создало условия социального дискомфорта для офицеров. Современники событий вслед за завершением русско-японской войны говорили о феномене бегства офицеров из армии. Публицист М.О. Меньшиков описывал эту ситуацию следующим образом: «Отодвиньте позор войны и верните почет, сделайте так, чтобы офицер не краснел в обществе и не чувствовал себя неловко даже в своем кругу, – и бегство остановится» [22. С. 33].

Таким образом, мнения общественности об офицерах разделились. Анализ периодических изданий, таких как «Русское богатство», «Русский Вестник», «Русская мысль», «Московские ведомости» и др., показал, что в начале XX в. условно можно выделить три направления взглядов общественности по отношению к представителям офицерского корпуса. К первому относится та часть общества, которая стояла на позициях непримиримой критики офицеров, их мировоззрения, ценностей, действий, взаимоотношений офицеров как в «армейской семье», так и с гражданскими

лицами [23. С. 86]. Во втором направлении, напротив, преобладали тенденции, направленные на активную защиту офицерского корпуса, его традиций и способа формирования [24]. Консолидация защитников офицерского корпуса произошла вскоре после публикации «Поединка» А.И. Куприна в мае 1905 г. В защиту чести офицеров выступили не только военные, но и часть публицистов гражданских периодических изданий. Третье направление характеризовала умеренная критика некоторых аспектов жизни и службы офицерского корпуса. При этом данные критические замечания носили конструктивный характер и способствовали установлению диалога между миром военных и миром штатских. Установление диалога, в свою очередь, могло помочь разрешить одну из главных проблем – систему противоречивых взаимоотношений между армией и обществом. Соглашаясь с некоторыми критическими высказываниями, представители данного направления пытались предложить ряд мер по их устранению [25. С. 691]. О.Б. Леонтьева указывала, что наличие в сознании современников зеркально противоположных образов одних и тех же событий может трактоваться как свидетельство соперничества нескольких представлений о том, вокруг каких ценностей должно объединиться общество [26. С. 426-427]. Сосуществование совершенно противоположных образов офицера российской армии в общественном сознании свидетельствовало о соперничестве взглядов на дальнейшее развитие Российской империи, поскольку армия и офицерский корпус являлись одним из столпов императорской России.

Реконструкция образа офицера ведет не только к воссозданию общественных взглядов об офицерстве, но и к постановке других дискуссионных вопросов. В частности, необходимо определить, каковы причины создания именно такого образа офицера, почему именно в этот период и для каких целей. Появление негативного образа офицера в сознании российской общественности было обусловлено комплексом причин. Многие исследователи и современники отмечали, что в XX столетии изменились традиционная система ценностей и морально-психологический климат в обществе. По замечанию В.Н. Суряева, «все больше и больше людей считали смыслом жизни максимальное обогащение и карьеру... соответственно, такие понятия, как служение Отечеству, патриотизм, долг, героизм, честь в общественном сознании стали терять прежнюю значимость» [5. С. 46]. Не менее важным фактором стало падение престижности военной службы и снижение социального статуса офицеров. Серьезным ударом по авторитету представителей офицерского корпуса стало поражение в русско-японской войне. Общественность Российской империи в офицерстве видела одних из главных виновников национальной неудачи в войне 1904–1905 гг. Свою роль сыграло участие армии в подавлении революционных выступлений 1905–1907 гг., способствовавшее конструированию в сознании общественности представлений об офицерах как единственных защитниках самодержавия и противниках установления демократических прав и свобод. Носители революционной идеологии усматри-

вали в офицерах русской армии главную опору царизма. Также не менее важной причиной трансформации представлений общества об офицерстве стала острая критическая кампания против представителей офицерского корпуса, развернувшаяся на страницах отечественных периодических изданий.

Со страниц отечественной периодики транслировались различные описания действий офицеров как на службе, так и в быту, а образы приобретали разнообразные формы. Поражение в русско-японской войне, участие офицеров в подавлении революции 1905–1907 гг., процессы демократизации – все это характеризовало пространство, в котором формировались и существовали образы офицеров. Данный социальный контекст предопределил появление негативных представлений об офицерах в сознании российской общественности.

Таким образом, существует несколько методологических проблем при реконструкции образа офицера в сознании российской общественности в начале XX в. Во-первых, образ прошлого представляет собой один из самых сложных конструктов, в котором переплетено множество свойств и особенностей пространственно-временной организации со своей эмоциональной окрашенностью. Во-вторых, вековая страница истории нашего государства не позволяет в полной мере воссоздать источники формирования того или иного образа.

И только анализ материалов периодической печати как главного механизма трансляции позволяет реконструировать представления разных социальных групп об офицерах российской армии. Так, материалы периодической печати, с одной стороны, выступают в качестве механизма трансляции образов, а с другой – являются одним из источников формирования тех же образов. Использование дискурс-анализа позволило выявить доминирующие характеристики представителей офицерского корпуса. Образ офицера как своеобразный интеллектуальный конструкт представляет собой совокупность различных оценок и взглядов российской общественности на поведение военачальников на службе и в быту. Многослойность и многогранность образа офицера способствовали тому, что в различных исторических ситуациях актуализировались разные компоненты одного и того же образа в сознании российского общества. Это открывает перед нами перспективы понимания быстрого процесса закрепления за офицерством образа контрреволюционера в представлении общественности в период революционных событий 1917 г. Опыт конструирования негативного образа офицера в начале столетия вновь будет востребован в обществе после свержения самодержавия в 1917 г. Это во многом было обусловлено схожими чертами пространства, в котором создавался и бытовал образ офицера российской армии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьева О.Б. Образы исторической реальности в современной отечественной историографии // Историческая экспертиза. 2015. № 2 (3). С. 4–19.
2. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. 218 с.
3. Гребенкин И.Н. Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918. М.: АИРО-XXI, 2015. 528 с.
4. Кожевин В.Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв. Омск, 2011. 260 с.
5. Сурыев В.Н. Офицеры русской императорской армии. 1900–1917. М.: Русское историческое общество; Русская панорама, 2012. 272 с.
6. Бринок Н.Ю. Офицеры и революция: гражданская позиция российского офицерства в 1917 г. По архивным материалам // Вестник архивиста. 2015. № 1. С. 193–207.
7. Поляков С.А. Роль императорской гвардии в февральской революции 1917 г. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 4 (54). С. 86–90.
8. Закиров В.Ю. Социально-мировоззренческая трансформация офицерского корпуса русской армии в период I мировой и Гражданской войн (1914–1920 гг.) // Гуманитарные проблемы военного дела. 2015. № 4 (5). С. 14–17.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 2008. 921 с.
10. Мазур Л.Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 243–256.
11. Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск: Новосибир. гос. пед. ун-т, 2006. 343 с.
12. Савельева И.М., Полетаев А.В. Обыденные представления о прошлом: теоретические подходы // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М.: Круг, 2008. С. 50–76.
13. Пильский П.М. Армия и общество // Мир божий. 1906. № 8. Ч. 1. С. 207–232.
14. Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века: учеб.-метод. комплект (учебное пособие, хрестоматия). М.: Флинта: Наука, 2004. 368 с.
15. D.W. Письма с дальнего Востока // Вестник Европы. 1904. № 8. С. 472–498.
16. Баландин Д. Дух и инициатива – выше всего // Военный сборник. 1914. № 11. С. 83–91.
17. Н.П.А. По поводу гибели русских тихоокеанских эскадр // Мир божий. 1905. № 7. С. 40–44.
18. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 801. Оп. 122. Д. 51.
19. Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое лит. обозрение, 2010. 664 с.
20. Дневники императора Николая II. М.: Захаров, 2007. Т. 2: 1905–1917. 512 с.
21. Йоргенсен М.В., Филипп Л. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
22. Меньшиков М.О. Остановите бегство // Меньшиков М.О. Письма к русской нации. М., 1999. С. 33–37.
23. Львов В. Жрецы и жертвы // Образование. 1905. № 7. С. 85–107.
24. Гейсман П.А. «Поединок» г. А. Куприна и современные фарисеи с точки зрения критики. СПб., 1905. 29 с.
25. Стародум Н.Я. Журнальное и литературное обозрение // Русский вестник. 1905. № 6. С. 599–726.
26. Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара: Книга, 2011. 448 с.

Shestopalova Anna S. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: chestopalova94@mail.ru

Shevtsov Vyacheslav V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: totleben@yandex.ru

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF RECONSTRUCTING THE IMAGE OF AN OFFICER IN THE MINDS OF THE RUSSIAN PUBLIC AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Keywords: image of the past; an officer of the Russian army; public consciousness.

The purpose of the article is to identify the institutions for the formation and translation of the officer's images in the minds of the Russian public at the beginning of the 20th century. Achievement of the set goal includes the following tasks: to determine the content of the category "image", to identify the sources of the formation of various images of the officer in the early 20th century, to determine the role of the periodical in the design and translation of a particular image, to characterize the area of the image. This work is of a theoretical and methodological character. The methodological base of the presented research is discourse analysis. With that we mean a special way of communication and understanding of the social world. The use of discourse analysis gave an opportunity to recreate the main characteristics and assessments of the activities of representatives of the officer corps at the beginning of the 20th century. The source base of the research consists of the materials of the Russian journalism published on the pages of different periodicals such as: "Russian Herald", "Education", "The World of God", etc.

In the course of the study, the authors came to the conclusion that at present the "image of the past" plays the role of a kind of intellectual construct, which consists of different components. The image of an officer in the minds of the Russian public is a kind of abstract symbolic model of historical reality. Its formation was influenced by personal and social knowledge. It was found that the experience of personal interaction was not always positive. This contributed to the formation of a negative image of an officer in the minds of the Russian public. In general, officers were considered as the main opponents of democratic transformations in society.

The authors believe that the periodical press on the one hand played the role of one of the main mechanisms for the translation of various images of military commanders in the early 20th century, and on the other hand it acted as one of the sources of the formation of public representations about officers. Analysis of the materials of domestic periodicals showed that at the beginning of the 20th century, there were various characteristics and assessments of the behavior of officers in service and in everyday life. Based on this, the authors came to the conclusion that there were different images of the officer in the public views at the beginning of the 20th century.

REFERENCES

1. Leontieva, O.B. (2015) Obrazy istoricheskoy real'nosti v sovremennoy otechestvennoy istoriografii [Images of historical reality in modern Russian historiography]. *Istoricheskaya ekspertiza*. 2(3). pp. 4–19.
2. Volkov, S.V. (1993) *Russkiy ofitser'skiy korpus* [Russian officer corps]. Moscow: Voenizdat.
3. Grebenkin, I.N. (2015) *Dolg i vybor: russkiy ofitser v gody mirovoy voyny i revolyutsii. 1914–1918* [Debt and choice: Russian officer in the years of world war and revolution. 1914–1918]. Moscow: AIRO-XXI.
4. Kozhev, V.L. (2011) *Rossiyskoe ofitserstvo i Fevral'skiy revolyutsionnyy vzryv* [Russian officers and the February revolutionary explosion]. Omsk: Omsk State University.
5. Suryayev, V.N. (2012) *Ofitsery russkoy imperatorskoy armii. 1900–1917* [Officers of the Russian Imperial Army. 1900–1917]. Moscow: Russkoe istoricheskoe obshchestvo, Russkaya panorama.
6. Brinyuk, N.Yu. (2015) Officers and Revolution: Civic Position of Russian Officers in 1917 in Archival Materials. *Vestnik arkhivista*. 1. pp. 193–207. (In Russian).
7. Polyakov, S.A. (2013) Rol' imperatorskoy gvardii v fevral'skoy revolyutsii 1917 g. [The role of the Imperial Guard in the February Revolution of 1917]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4(54). pp. 86–90.
8. Zakirov, V.Yu. (2015) Sotsial'no-mirovozzrencheskaya transformatsiya ofitser'skogo korpusa russkoy armii v period I mirovoy voyny i Grazhdanskoy voyn (1914–1920 gg.) [Socio-ideological transformation of the officer corps of the Russian army during World War I and the Civil War (1914–1920)]. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*. 4(5). pp. 14–17.
9. Ozhegov, S.I. (2008) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk.
10. Mazur, L.N. (2013) The Image of the Past: Historical Memory Formation. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki – Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. 3(117). pp. 243–256. (In Russian).
11. Rodigina, N.N. (2006) "Drugaya Rossiya": obraz Sibiri v russkoy zhurnal'noy presse vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka ["Another Russia": the image of Siberia in the Russian journalist press of the second half of the 19th – early 20th century]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
12. Savelieva, I.M. & Poletaev, A.V. (2008) Obyedennyye predstavleniya o proshlom: teoreticheskie podkhody [Ordinary ideas about the past: theoretical approaches]. In: Repina, L.P. (ed.) *Dialogi so vremenem: pamyat' o proshlom v kontekste istorii* [Dialogues with time: memory of the past in the context of history]. Moscow: Krug". pp. 50–76.
13. Pilsky, P.M. (1906) Armiya i obshchestvo [Army and Society]. *Mir bozhiy*. 8(1). pp. 207–232.
14. Makhonina, S.Ya. (2004) *Istoriya russkoy zhurnalistiki nachala XX veka* [The history of Russian journalism in the early twentieth century]. Moscow: Flinta: Nauka.
15. D.W. (1904) Pis'ma s dal'nego Vostoka [Letters from the Far East]. *Vestnik Evropy*. 8. pp. 472–498.
16. Balandin, D. (1914) Dukh i initsiativa – vyshe vsego [Spirit and initiative – above all]. *Voennyi sbornik*. 11. pp. 83–91.
17. N.P.A. (1905) Po povodu gibeli russkikh tikhookeanskikh eskadr [Regarding the death of the Russian Pacific squadrons]. *Mir bozhiy*. 7. pp. 40–44.
18. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 801. List 122. File 51.
19. Kolonitsky, B.I. (2010) "Tragicheskaya erotika": Obrazy imperatorskoy sem'i v gody Pervoy mirovoy voyny ["Tragic erotica": Images of the imperial family during the First World War]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
20. Nicholas II. (2007) *Dnevnik imperatora Nikolaya II* [Diaries of Emperor Nicholas II]. Vol. 2. Moscow: Zakharov.
21. Jorgensen, M.V. & Phillips, L. (2008) *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse analysis. Theory and method]. Translated from English. Kharkov: Gumanitarnyy tsentr.
22. Menshikov, M.O. (1999) *Pis'ma k russkoy natsii* [Letters to the Russian nation]. Moscow: Moskva. pp. 33–37.
23. Lvov, V. (1905) Zhretsy i zher'tvy [Priests and victims]. *Obrazovanie*. 7. pp. 85–107.
24. Geisman, P.A. (1905) "Poedinok" g. A. Kuprina i sovremennyye farisei s tochki zreniya kritiki ["Duel" by Mr. A. Kuprin and the modern Pharisees from the point of view of criticism]. St. Petersburg: [s.n.].
25. Starodum, N.Ya. (1905) Zhurnal'noe i literaturnoe obozrenie [Journal and Literary Review]. *Russkiy vestnik*. 6. pp. 599–726.
26. Leontieva, O.B. (2011) *Istoricheskaya pamyat' i obrazy proshlogo v rossiyskoy kul'ture XIX – nachala XX vv.* [Historical memory and images of the past in the Russian culture of the 19th – early 20th centuries]. Samara: Kniga.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 94(5)

DOI: 10.17223/19988613/60/13

Л.А. Андропова, Ван Чаолинъ

ПОЗИЦИИ США, КИТАЯ И ИНДИИ ПО ПОВОДУ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ИНДО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Рассмотрена проблема формирования нового Индо-Тихоокеанского региона (ИТР). Выделены этапы конструирования региона в поле публичной политики, взгляды и отношение к концепции нового региона ведущих стран Восточной (Китай) и Южной Азии (Индия), а также внерегионального актора – США. Рассмотрено развитие и институциональное оформление некоторых альтернативных интеграционных проектов. Авторы пришли к выводу, что большинство государств приняло концепцию ИТР, за исключением Китая, реализующего проект «Один пояс, один путь» с более широкими географическими рамками.

Ключевые слова: регион; сотрудничество; Азиатско-Тихоокеанский регион; Индо-Тихоокеанский регион; США; Китай; Индия; АСЕАН; Индонезия; диалог Шангри-Ла.

Уже достаточно долгое время в рамках существующей системы международных отношений в контр-дикции находится несколько концептуальных вариантов новых подсистем, представленных ведущими государствами, которые выступали с инициативами по их созданию. Так, с точки зрения хронологии можно выделить следующие варианты:

- Индо-Тихоокеанский регион, или ИТР (Япония, 2007 и 2017 гг., Синдзо Абэ);
- Новый Шелковый путь (США, 2011 г., Хиллари Клинтон);
- Один пояс, один путь (Китай, 2013 г., Си Цзиньпин);
- Концепция партнерства в Большой Евразии (Россия, 2016 г., В. Путин).

Все они являются в различной степени разработанными, однако демонстрируют трансформацию всей системы через изменение ее составляющих. Так или иначе, данные проекты охватывают крупные географические регионы и призваны описать новую геополитическую и геоэкономическую реальность.

Как отмечают некоторые авторы, в последние несколько лет наблюдается всплеск интереса к евразийской проблематике [1. С. 33–51]. Морские коммуникации и сотрудничество в Мировом океане также являются важнейшей темой современных исследований [2. Р. 5–10; 3; 4]. Существуют и проекты, объединяющие условно «сухопутные» и «морские» государства, относящиеся в настоящее время к различным регионам.

Одной из наиболее обширных по масштабу является китайская инициатива «Один пояс, один путь», которая объединяет сухопутный и морской проекты. Она оказалась актуальной и для стран, не включенных в инициативу, поскольку подтолкнула их к формированию нового экономико-географического проекта Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) [5. С. 2–9].

Одной из первых новых общерегиональных инициатив, которые бы включали в себя страны как Индийского, так и Тихого океана, была как раз концепция ИТР, предложенная японским премьер-министром Синдзо Абэ во время выступления в Индийском парламенте в августе 2007 г. Он обращался к «древней азиатской концепции “двух морей”, которые объединяли Тихий и Индийский океан» [6]. Концепция соединения двух частей и наполнения смыслом региональной составляющей была доработана японскими и индийскими исследователями и экспертами [7]. Более того, часть авторов к создателям самого термина ИТР относит индийского аналитика Г. Хурану (*Gurpeet S. Khurana*) [8, Р. 19; 9]. Впоследствии к коллегам подключились и исследователи из Австралии, которые также внесли существенный вклад в теоретическую разработку концепции региона [10–13]. Кроме японского премьера в 2007–2008 гг. данный термин озвучили в своих выступлениях главы Индонезии и Сингапура [8].

Для Индии разработка подобной проблематики означала отказ от пассивной роли в Индийском океане, а также поиск союзников для обеспечения национальной безопасности. Несмотря на большое количество региональных структур, многосторонних соглашений и проектов с участием Индии (проект межрегионального сотрудничества «Меконг-Ганг», Инициатива стран Бенгальского залива по многоотраслевой технико-экономической кооперации, Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии, Ассоциация стран Индийского океана и т.д.), ее роль в региональных делах оказалась недостаточной, что привело к переосмыслению собственного места в регионе, а впоследствии к формулированию в 2018 г. новой «Стратегии национальной безопасности» [14].

Как отмечают исследователи, к выводам которых можно присоединиться, в дальнейшем оформилась концепция Индо-Тихоокеанского региона, которая заменяла Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) [15. С. 32] и несколько смещала акценты по количеству включаемых стран и территорий.

Отмечалось, что необходимость появления нового региона обусловлена новым пространством для взаимодействия, что связано с геоэкономическим и геополитическим влиянием Китая. Фактически конструирование ИТР является своеобразным ответом на вызовы со стороны КНР, а также попыткой создания новых механизмов по обеспечению безопасности и стратегической стабильности. В данном случае интересы Индии и Японии совпадали, а между странами был установлен формат отношений, который характеризуется как «стратегическое партнерство» [16. С. 42]. Япония была обеспокоена защитой морских линий коммуникаций (*Sea Lines of Communication, SLOCs*). Для индийской стороны важным стал поиск решения проблемы стратегического присутствия Китая в Индийском океане. Так, уже с конца 2000-х гг., т.е. до официального старта инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), китайское правительство начало налаживать контакты со странами Индийского океана, Северной и Восточной Африки, Ближнего Востока. Военно-стратегическое присутствие Китая в Индийском океане в практической плоскости следует рассматривать, начиная с антипиратской миссии в Аденском заливе в декабре 2008 г. [17].

Китайское правительство начало проводить активную внешнюю политику по строительству и расширению имеющихся портов, предоставляя морским государствам Азии и Индийского океана кредиты и займы на развитие инфраструктуры. Китай реализовывал не только геополитические цели, но и геоэкономические, расширяя возможности доступа к зарубежным рынкам для китайских товаров и поддерживая собственную экспортноориентированную экономику. В Индии выступали против долгосрочного присутствия Китая в регионе Индийского океана, считая его зоной «стратегических интересов Индии» [18. Р. 9–36; 19].

Важнейшим событием для стран Индийского океана оказались визиты председателя КНР Си Цзиньпина на Мальдивы и в Шри-Ланку (2014). В частности, при участии государственных и частных компаний были подписаны контракты на строительство и развитие портового хозяйства в Хамбантоте, Коломбо. В данном случае Китай решал задачу обеспечения транзита в «стратегически важном Индийском океане, через который большой процент китайских коммерческих судов идет в Европу» [20]. Оба малых государства были включены в формат «Одного пояса, одного пути», а на их территории при участии Китая развивались транспортные и инфраструктурные проекты, в частности строительство и модернизация уже имеющихся портов.

Однако у малых стран региона практически сразу же после получения кредитов и займов, предоставленных китайской стороной, возникла проблема их своевременного возвращения или выплаты процентов, а также

общей финансовой зависимости от Китая. Так, вновь выбранного в октябре 2018 г. премьер-министром Шри-Ланки Махиндра Раджапакса (*Mahindra Rajapaksa*) обвиняли в фактическом открытии доступа для китайских судов (в том числе военных) к портам государства, что вызвало резкую реакцию со стороны Индии [21]. Данные соглашения в Индии рассматриваются как серьезная угроза национальной безопасности. В частности, специалист по индийско-китайским связям Шриканат Кондраппали (*Shrikanath Kondrappali*), представляющий Университет имени Дж. Неру в Нью-Дели, отмечал, что именно «в таких ситуациях проявляется региональное соперничество двух азиатских гигантов» [21]. В случае с Раджапаксом проявились и другие противоречия, например тот факт, что Китай может вмешиваться и во внутреннюю политику страны через поддержку тех или иных кандидатов на выборах. После своего избрания М. Раджапакс подписал с КНР соглашение о развитии глубоководного порта Хамбантота стоимостью 1,5 млрд долл. США [22]. В итоге по договоренностям о ликвидации долга Шри-Ланка в 2017 г. отдала порт в аренду Китаю на 99 лет [23]. Как и соглашения о предоставлении кредитов, данная политика критиковалась в различных странах, и в частности в Индии, где она была названа «дипломатией долговой ловушки» (*debt-trap diplomacy*). В основном критика была связана с проблемой обеспечения национального суверенитета. С другой стороны, индийское правительство воздерживалось от резких шагов, которые Китай мог оценить как угрозу. Также часть индийской элиты высказывалась за определенную «стратегическую автономию», исключаящую активное противостояние КНР.

Индия выступала против долгосрочного китайского присутствия в Индийском океане, называя его новым вариантом китайской стратегии «Нить жемчуга» (*String of Pearls*). Потенциально она сводилась к возможности создания военно-морских баз на территории стран Индийского океана и стратегического контроля морского пространства от Восточной Африки до Юго-Восточной Азии [24]. С другой стороны, именно активные действия Китая подтолкнули индийское правительство к пониманию собственных национальных интересов.

В Китае заявления индийской стороны вызвали следующую реакцию. В декабре 2014 г., т.е. только через шесть месяцев после того, как правительство Н. Моды пришло к власти в Индии, в китайской «Жэньминь жибао» появилась статья про стратегические коммуникации. В частности, авторы отмечали, что «Моди хочет мирную и стабильную периферию, которая позволит ему сконцентрироваться на внутренних экономических и структурных реформах, а также инфраструктурном строительстве... Индийское правительство и исследователи не одобрили Индо-Тихоокеанскую геостратегию, написанную США и Японией для использования Индии с целью обеспечить баланс сил в регионе и даже сдержать растущее влияние Китая в ИТР и зоне Индийского океана» [25]. Фактически китайские авторы не отказывались от использования термина «*Ин-Тай*» (Индо-Тихоокеанский)

вместо «Я-Тай» (Азиатско-Тихоокеанский), однако напрямую связывали появление и эволюцию термина с новой стратегией США.

В середине 2010-х гг. термин «Индо-Тихоокеанский регион» начинает появляться и в программных документах. Он отражен как минимум в нескольких официальных документах и фиксирует новую геополитическую реальность. Так, он встречается в австралийской «Белой книге по обороне» 2013 г. [26], «Стратегии внешней политики Японии» 2017 г. и «Стратегии национальной безопасности Японии» 2017 г., а также в «Стратегии по обороне США» 2018 г. Кроме того, его использование зафиксировано в большом количестве двусторонних документов [27]. Встречается данный термин и в материалах Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП), заседаний АСЕАН+10, а также Восточноазиатского саммита (ВАС).

Хотя предыдущие форматы сотрудничества и термин «АТР» официально не были выведены из оборота, потребовалось отдельное конструирование для нового региона при участии нескольких стран-лидеров. Так, было необходимо институционализировать сотрудничество Нью-Дели со странами Азии. С другой стороны, в Китае оно воспринималось как продолжение практики «окружения Китая».

Интерес к конструированию нового регионального пространства проявился при администрации Б. Обамы, при нем было сформулировано «стратегическое вовлечение США в дела региона», а также «возвращение в Азию» (Pivot to Asia), объявленное в 2011 г. как полномасштабная стратегия сращивания двух регионов на основе географического и геополитического принципов. Даже несмотря на то, что интерес к Азии как таковой при Д. Трампе качественно изменился, а его самого считают наиболее явным и последовательным противником глобализации, в период его первого визита в страны Азии в ноябре 2017 г. была озвучена стратегия «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» (Free and Open Indo-Pacific, FOIP) [28]. С этого времени в выступлениях официальных лиц США все активнее используются понятие «Индо-Тихоокеанский регион» и как синоним «Индо-Тихоокеанская Азия».

Стратегию и формат взаимодействия поддерживали союзники США в Азии – Япония и Южная Корея [29, 30]. «Индо-Тихоокеанский регион» как понятие отражал геополитическую и стратегическую вовлеченность США в дела региона. Его важным элементом стал вопрос о включении в данную стратегию Китая [28]. Так, проекты ОПОП и ИТР продолжали существовать параллельно с множественными пересечениями и различной вовлеченностью стран в представленные инициативы.

Для США это означало новый вариант планирования, а также обеспечения национальной безопасности. В данной связи характерным стало изменение зоны ответственности Тихоокеанского командования США (PACOM), которое в 2018 г. было переименовано в Индо-Тихоокеанское командование (INDOPACOM). При этом расширение сферы ответственности на Индию и Индийский океан произошло под влиянием внешнепо-

литических причин, так как Индия не принадлежала к общему пространству АТР, чем и вызвано появление нового термина – ИТР.

Увеличение всех видов контактов между США, Японией, Австралией и Индией как основных государств региона, организация и усиление связей – стратегических, экономических и торговых – в итоге привели к оформлению так называемого «Четырехстороннего диалога по безопасности» (Quadrilateral Security Dialogue), который был оформлен в 2007–2008 гг., однако новый импульс получил лишь в 2017 г.

В своем обращении на Диалоге Шангри-Ла в 2018 г. индийский премьер-министр Н. Мори обозначил концептуализацию Индо-Тихоокеанского региона как «протянувшегося от Африки до Америки» [31]. Также вслед за США отмечается активное использование таких понятий, как «вовлеченность», «открытость», «свобода», что встречается в большинстве программных документов всех региональных игроков и международных организаций по сотрудничеству. Кроме того, Н. Мори отметил, что концепция ИТР «не направлена против другой страны» [31]. Однако фактически она является стратегией «стратегического сдерживания» Китая, которому не предложен иной формат диалога.

Существует также и условный «третий путь», который под руководством Индонезии разрабатывают страны АСЕАН. Он включает в себя переосмысление позиций как КНР, так и США, а также является связующим для географической составляющей концепции ИТР. На основе предложенного в январе 2017 г. премьер-министром Японии С. Абэ президенту Индонезии Дж. Видодо «Стратегического предложения по ИТР» [31] Индонезия разработала и представила «Концепцию Индо-Тихоокеанского сотрудничества», которая отличается от стратегии «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» тем, что включает всю Восточную Азию, в том числе Китай. Немного ранее наметилось и развитие сотрудничества АСЕАН и США. Так, на официальном саммите лидеров в Сэнни-лэнде, Калифорния, 15 февраля 2016 г. Б. Обама озвучил идею «Соединения США и АСЕАН» (US-ASEAN Connect) [32], которая нашла выражение в четырех составляющих (соединение бизнеса, энергетики, инноваций и политической практики) [32].

Можно отметить факт принятия большинством стран региона концепции ИТР, который был призван заменить существующий с конца 1980-х гг. АТР. Его конструирование привело к тому, что появились различные точки зрения и составляющие, а акцент был сделан на безопасности, что вступает в противоречие с активной внешней политикой Китая в регионе. Как КНР, так и США предложили варианты крупных региональных проектов, однако если Китай пошел по пути развития экономического и инвестиционного сотрудничества, то для США единственным вариантом реагирования стало формирование ситуационных блоков или переподписание соглашений о сотрудничестве в сфере безопасности и опосредованная этим военная, техническая и экономическая помощь. Формат «свободного и открытого ИТР» был поддержан на уровне Восточноазиатского саммита, проходившего в 13-й раз

в Сингапуре в ноябре 2018 г., на котором присутствовали и представители Китая [33]. В данном случае идет речь о том, что фактически китайская сторона не высказалась против переформатирования региона, а отсутствие итогового документа после последнего саммита АТЭС (30-й саммит 2018 г. в Папуа-Новой Гвинее) может свидетельствовать о кризисе данной организации.

Для российской внешней политики терминология по-прежнему остается конкурентной. Занятие позиции

перехода от использования ИТР вместо АТР в общественном и политическом дискурсе незамедлительно отразится на двустороннем взаимодействии с Китаем, который считает ее откровенно враждебной [8]. Кроме того, Россия заинтересована в развитии альтернативных концепций, в частности «Большой Евразии» и «Северного морского пути», которые смещают акценты в первом случае с морских коммуникаций на сухопутные, во втором – с более милитаризованного Индийского океана в Арктику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бордачев Т.В., Пятачкова А.С. Евразийская повестка сотрудничества. Концепция Большой Евразии в повороте России на Восток // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13, № 3. С. 33–51.
2. Chien N.D. Indo Pacific strategy: Impact on Sea – Economic Fields in the East Sea Region // The Journal of Middle East and North Africa Sciences. 2018. № 4 (12). P. 5–10.
3. BCIM Economic Cooperation. Interplay of Geo-Economic and Geo-Politics / ed. by Gurudas Das and C. Joshua Thomas. New York : Routledge, 2019. 456 p.
4. Naval Powers in the Indian Ocean and the Western Pacific / ed. by Howard M. Hensel and Amit Gupta. London ; New York : Routledge, 2018. 274 c.
5. Гордеева И. Японо-индийские отношения и концепция ИТР // Азия и Африка сегодня. 2018. № 9. С. 2–9.
6. Confluence of the Two Seas : speech by H.E. Mr. Shinzo Abe, Prime Minister of Japan at the Parliament of the Republic of India // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2017. Aug. 22. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/pmv0708/speech-2.html>
7. Geopolitics by Other Means. The Indo-Pacific Reality / ed. by A. Berkofsky, S. Miracola. Milan : Ledizioni LediPublishing, ISPI, 2019.
8. Zhao Qinghai. YinTai gainian jiqi dui Zhongguo de hanyi // Xiandai guoji guanxi. 2013. № 7. P. 19.
9. Куприянов А. Индо-Тихоокеанский регион: терминологический трюк или новые возможности для России? // Эксперт Online. 2018. 12 нояб. URL: <http://expert.ru/2018/11/12/indo-tihookeanskij-region-terminologicheskij-tryuk-ili-novie-vozmozhnosti-dlya-rossii/>
10. Medcalf R. The Era of the Indo-Pacific // The Indian Express. 2012. Oct. 16. URL: <http://www.indianexpress.com/news/the-era-of-the-indo-pacific/1017130/>
11. Medcalf R. A Term Whose Time Has Come: The Indo-Pacific // The Diplomat. 2012. Dec. 4. URL: <http://thediplomat.com/flashpoints-blog/2012/12/04/a-term-whose-time-has-come-the-indo-pacific/>
12. Medcalf R. The Indo-Pacific: What's in a Name? // American Interest. 2013. Oct. 10. URL: <http://www.the-american-interest.com/2013/10/10/the-indo-pacific-whats-in-a-name/>
13. Phillips A. Australia and the challenges of the order-building in the Indian Ocean region // Australian Journal of International Affairs. 2013. April. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10357718.2012.751965>
14. Roy-Chaudhury R., Gokhale N.A. India's National Security Strategy: the Modi Approach // The International Institute for Strategic Studies (IISS). 2018. Apr. 16. URL: <https://www.iiss.org/events/2018/04/india-national-security>
15. Кистанов В.О. Антикитайская стратегия Японии в Индо-Тихоокеанском регионе // Актуальные проблемы современной Японии. 2018. № 32. С. 31–44.
16. Пузыня Н.Н. Стратегическое партнерство Японии и Индии в сфере безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2017. Т. 21. С. 42.
17. Foreign Ministry Spokesperson Liu Jianchao's Regular Press Conference on 18 December 2008 // Permanent Mission of the People's Republic of China to the UN website. 2008. Dec. 19. URL: <http://www.china-un.org/eng/fyrth/t526955.htm>
18. Khurana G. Maritime Security in th Indian Ocean: From Tentative Collaboration to Effective Architecture // Journal of Indian Ocean Rim Studies. 2018. Vol 1, is. 2. P. 9–26.
19. DeSilva-Ransinghe S. India's Strategic Objectives in the Indian Ocean Region // FutureDirections International. Independent Strategic Analysis of Australia's Global Interests : Workshop Report. 2011. Oct. 20. 11 p. URL: <http://futuredirections.org.au/wp-content/uploads/2011/10/Workshop%20Report%20-%20India%27s%20Strategic%20Objectives%20in%20the%20Indian%20Ocean%20Region.pdf>
20. In Sri-Lanka, the New Chinese Silk Road's is a disappointment // France24.com. 2019. March 24. URL: <https://www.france24.com/en/20190324-sri-lak-new-chinese-silk-road-disappointment-economy-debt-italy-france-investment>
21. Miglani S. India scrambles to claw back ground in Sri Lanka after pro-China leader names PM // Reuters. 2018. Oct. 30. URL: <https://www.reuters.com/article/us-sri-lanka-politics-india/india-scrambles-to-claw-back-ground-in-sri-lanka-after-pro-china-leadeer-named-pm-idUSKCN1N409Y>
22. Schultz K. Sri Lanka, Struggling With Debt, Hands a Major Port to China // The New York Times. 2017. Dec. 12. URL: <https://www.nytimes.com/2017/12/12/world/asia/sri-lanka-china-port.html>
23. China and India tussle for influence in the Indian Ocean // The Diplomat. 2018. Jan. 18. URL: <http://country.eiu.com/article.aspx?articleid=746319258&Country=India&topic=Politics>
24. Khurana G.S. China's 'String of Pearls' in the Indian Ocean and Its Security Implications // Strategic Analysis. 2008. Vol. 32, № 1.
25. Aneja A. China invites India for Indo-Pacific partnership // The Hindu. 2014. Dec. 5. URL: <https://www.thehindu.com/news/international/world/china-invites-india-for-indopacific-partnership/article6664706.ece>
26. Defence White Paper 2013 // Australian Government, Department of Defence. URL: <http://www.defence.gov.au/whitepaper/2013/>
27. Documents: Japan's Major Foreign Policy Statements (2017) // Japan Review. Vol. 1, № 2. URL: https://www.jia-jic.jp/en/japanreview/pdf/JapanReview_Vol1_No2_05_Documents.pdf
28. Suryadinata L. Indonesia and Its Stance on the "Indo-Pacific" // ISEAS Perspective. 2018. № 66. Oct. 23. URL: https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/ISEAS_Perspective_2018_66@50.pdf
29. Yoon Sukjoon. A Free and Open Indo-Pacific: The South Korean Perspective // The Diplomat. 2019. March 21. URL: <https://thediplomat.com/2019/03/a-free-and-open-indo-pacific-the-south-korean-perspective/>
30. Priority Policy for Development Cooperation. FY2017. International Cooperation Bureau, MOFA. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000259285.pdf>
31. Prime Minister's Keynote Address at Shangri La Dialogue, 1 June 2018, Ministry of External Affairs, Government of India.
32. U.S. – ASEAN Connect Initiative // U.S. Mission to ASEAN. URL: <https://asean.usmission.gov/our-relationship/policy-history/usaseanconnect/>
33. The 13th East Asia Summit // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2018. Nov. 15. URL: https://www.mofa.go.jp/a_o/rp/page4e_000945.html

Andronova Larisa A. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: laruka@yandex.ru

Wang Chaolin. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: wangchaolin@ngs.ru

THE NEW INDO-PACIFIC REGION: US, CHINA AND INDIA'S FORMULATING THE CONCEPT THROUGH THE MEANS OF FOREIGN POLICY

Keywords: region; cooperation; Asia-Pacific region; Indo-Pacific region; USA; China; India; ASEAN; Indonesia; Shangri-La dialogue. The article is devoted to the main regional (China, India) and global power (USA) visions of the nearest future relations under the newly-established concept of the Indo-Pacific Region (IPR). One of the goals for such a concept was an anti-Chinese alliance supported by small and medium-sized countries of the South Asia and South-East Asia respectively. People's Republic of China is continuing to use the Asia-Pacific concept and respect the current situation in this region through the free-trade area agreements, multilateral dialogues and forums, etc. Chinese leaders do not underline India's role in a process but ambiguous Indo-Pacific Strategy of the US. Current sources for such a research were the main documents and speeches of the Chinese (Xi Jinping, Li Keqiang, Wang Yi), Indian (N. Modi) and U.S. (D. Trump) politicians. Most of the regional and global actors previously announced new concepts for international agenda, such as Indo-Pacific Region (Japanese Prime-minister S.Abe, 2007 and 2017 respectively); New Silk Road (U.S. Secretary of State H.Clinton, 2011); One Belt, One Road (Chinese President Xi Jinping, 2013) and The "Big Eurasia" or "Greater Eurasia" project (Russian President V.Putin, 2016). But since taking his office the U.S. President D.Trump has emphasized the role of the "Free and Open Indo-Pacific" and then changed the U.S. regional navy to the Indo-Pacific Command. Through the number of negotiations with allies in Asia and Australasia he set up a new, more rational relations with Japan, South Korea and Australia. By interconnection with India he started to develop Quadrilateral Security Dialogue (QUAD).

As Chinese Bridge and Road Initiative has already been adopted by many small and medium-sized countries but not India, the future of regional projects both for India and China are in question. Also India takes a lot of attention to the 'Look East' policy. During the last APEC Summit (Papua New Guinea, 2018) leaders unable to agree on communique because of China-U.S. trade dispute. In this case China was a promoter of the globalization but USA – a protectionism in a form of closed regionalism. So the idea of the "Open and Free Indo-Pacific" is an only idea but not a reasonable policy.

Authors use a comparative analysis to show the main difference of the concepts with respect of the state's foreign policy.

As for Russian Federation and its policy in the newly established Indo-Pacific region, is not so clear mostly for policymakers but not to independent researchers.

REFERENCES

1. Bordachev, T.V. & Pyatachkova, A.S. (2018) The Concept of "Greater Eurasia" in the Turn of Russia to the East. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy – International Organizations Research Journal*. 13(3), pp. 33–51. (In Russian).
2. Chien, N.D. (2018) Indo Pacific strategy: Impact on Sea – Economic Fields in the East Sea Region. *The Journal of Middle East and North Africa Sciences*. 4(12), pp. 5–10.
3. Gurudas Das & Joshua Thomas, C. (eds) (2019) *BCIM Economic Cooperation. Interplay of Geo-Economic and Geo-Politics*. New York: Routledge.
4. Hensel, H.M. & Gupta, A. (eds) (2018) *Naval Powers in the Indian Ocean and the Western Pacific*. London, New York: Routledge.
5. Goodeeva, I. (2018) Japan-India Relations and The IPR Concept. *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa Today*. 9. pp. 2–9. (In Russian). DOI: 10.31857/S000523100000685-7
6. Shindzo Abe. (2017) "Confluence of the Two Seas". Speech by H.E. Mr. Shindzo Abe, Prime Minister of Japan at the Parliament of the Republic of India. Ministry of Foreign Affairs of Japan. August 22, 2017. [Online] Available from: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/pmv0708/speech-2.html>.
7. Berkofsky, A. & Miracola, S. (eds) (2019) *Geopolitics by Other Means. The Indo-Pacific Reality*. Milan: Ledizioni LediPublishing, ISPI.
8. Zhao Qinghai. (2013) YinTai gainian jiqi dui Zhongguo de hanyi. *Xiandai guoji guanxi*. 7. p.19.
9. Kupriyanov, A. (2018) Indo-Tikhookeanskiy region: terminologicheskij tryuk ili novye vozmozhnosti dlya Rossii? [The Indo-Pacific region: a terminological trick or new opportunities for Russia?]. *Ekspert Online*. 12th November. [Online] Available from: <http://expert.ru/2018/11/12/indo-tihookeanskij-region-terminologicheskij-tryuk-ili-novie-vozmozhnosti-dlya-rossiii/>.
10. Medcalf, R. (2012) The Era of the Indo-Pacific. *The Indian Express*. 16th October. [Online] Available from: <http://www.indianexpress.com/news/the-era-of-the-indo-pacific/1017130/>.
11. Medcalf, R. (2012) A Term Whose Time Has Come: The Indo-Pacific. *The Diplomat*. 4th December. [Online] Available from: <http://thediplomat.com/flashpoints-blog/2012/12/04/a-term-whose-time-has-come-the-indo-pacific/>.
12. Medcalf, R. (2013) The Indo-Pacific: What's in a Name? *American Interest*. 10th October. [Online] Available from: <http://www.the-american-interest.com/2013/10/10/the-indo-pacific-whats-in-a-name/>.
13. Phillips, A. (2013) Australia and the challenges of the order-building in the Indian Ocean region. *Australian Journal of International Affairs*. April. DOI: 10.1080/10357718.2012.751965
14. Roy-Chaudhury, R. & Gokhale, N.A. (2018) India's National Security Strategy: the Modi Approach. *The International Institute for Strategic Studies (IISS)*. 16th April. [Online] Available from: <https://www.iiiss.org/events/2018/04/india-national-security>.
15. Kistanov, V.O. (2018) Antikitayskaya strategiya Yaponii v Indo-Tikhookeanskom regione [Japan's Anti-Chinese Strategy in the Indo-Pacific Region]. *Aktual'nye problemy sovremennoy Yaponii*. 32. pp. 31–44.
16. Puzynya, N.N. (2017) Strategic Partnership of Japan and India in Security in the Indo-Pacific Region. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie – The Bulletin of Irkutsk State University. Series "Political Science and Religion Studies"*. 21. pp. 42. (In Russian).
17. Liu Jianchao. (2008) *Foreign Ministry Spokesperson Liu Jianchao's Regular Press Conference on 18 December 2008*//Permanent Mission of the People's Republic of China to the UN website, 19 December 2008. [Online] Available from: <http://www.china-un.org/eng/fyrth/t526955.htm>.
18. Khurana, G. (2018) Maritime Security in the Indian Ocean: From Tentative Collaboration to Effective Architecture. *Journal of Indian Ocean Rim Studies*. 1(2). pp. 9–26. DOI: 10.1080/09700160701355485
19. DeSilva-Ransinghe, S. (2011) *India's Strategic Objectives in the Indian Ocean Region*//FutureDirections International. Independent Strategic Analysis of Australia's Global Interests. Workshop Report, October 20, 2011. [Online] Available from: <http://futuredirections.org.au/wp-content/uploads/2011/10/Workshop%20Report%20-%20India%27s%20Strategic%20Objectives%20in%20the%20Indian%20Ocean%20Region.pdf>.
20. France24.com. (2019) In Sri-Lanka, the New Chinese Silk Road's is a disappointment. 24th March. [Online] Available from: <https://www.france24.com/en/20190324-sri-lak-new-chinese-silk-road-disappointment-economy-debt-italy-france-investment>.
21. Miglani, S. (2018) India scrambles to claw back ground in Sri Lanka after pro-China leader names PM. *Reuters*. 30th October. [Online] Available from: <https://www.reuters.com/article/us-sri-lanka-politics-india/india-scrambles-to-claw-back-ground-in-sri-lanka-after-pro-china-leader-named-pm-idUSKCN1N409Y>.

22. Schultz, K. (2017) Sri Lanka, Struggling With Debt, Hands a Major Port to China. *The New York Times*. 12th December. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/2017/12/12/world/asia/sri-lanka-china-port.html>.
23. *The Diplomat*. (2018) China and India tussle for influence in the Indian Ocean. 18th January. [Online] Available from: <http://country.eiu.com/article.aspx?articleid=746319258&Country=India&topic=Politics>.
24. Khurana, G.S. (2008) China's 'String of Pearls' in the Indian Ocean and Its Security Implications. *Strategic Analysis*. 32(1). DOI: 10.1080/09700160801886314
25. Aneja, A. (2014) China invites India for Indo-Pacific partnership. *The Hindu*. 5th December. [Online] Available from: <https://www.thehindu.com/news/international/world/china-invites-india-for-indopacific-partnership/article6664706.ece>.
26. Australian Government, Department of Defence. (2013) *Defence White Paper*. [Online] Available from: <http://www.defence.gov.au/whitepaper/2013/>.
27. Anon. (2017) Documents: Japan's Major Foreign Policy Statements. *Japan Review*. 1(2). [Online] Available from: https://www.jiia-jic.jp/en/japanreview/pdf/JapanReview_Vol1_No2_05_Documents.pdf.
28. Suryadinata, L. (2018) Indonesia and Its Stance on the "Indo-Pacific". *ISEAS Perspective*. 66. [Online] Available from: https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/ISEAS_Perspective_2018_66@50.pdf.
29. Yoon Sukjoon. (2019) A Free and Open Indo-Pacific: The South Korean Perspective. *The Diplomat*. 21st March. [Online] Available from: <https://thediplomat.com/2019/03/a-free-and-open-indo-pacific-the-south-korean-perspective/>.
30. International Cooperation Bureau, MOFA. (2017) *Priority Policy for Development Cooperation. FY2017*. [Online] Available from: <https://www.mofa.go.jp/files/000259285.pdf>.
31. Ministry of External Affairs, Government of India. (2018) *Prime Minister's Keynote Address at Shangri La Dialogue, 1 June 2018*.
32. U.S. Mission to ASEAN. (n.d.) *U.S. – ASEAN Connect Initiative*. [Online] Available from: <https://asean.usmission.gov/our-relationship/policy-history/usaseanconnect/>.
33. Ministry of Foreign Affairs of Japan. (2018) *The 13th East Asia Summit. November 15, 2018*. [Online] Available from: https://www.mofa.go.jp/a_o/tp/page4e_000945.html.

УДК 94(4) + 327
DOI: 10.17223/19988613/60/14

Р.В. Богатенко, С.В. Фоменко

ВОСТОК И ЗАПАД В ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПЛАНАХ ГИТЛЕРА «ПОСТМЮНХЕНСКОГО» ПЕРИОДА

Рассматриваются возможные военно-стратегические планы Гитлера начальной фазы «постмюнхенского» периода: с октября 1938 по январь 1939 г. Источниками анализа послужили опубликованные материалы из числа поступивших в британский Форин Оффис (МИД), архивные материалы заседаний британского Кабинета министров и его комитетов, дипломатические документы из сборников, составленных МИД СССР, переписка бывших царских дипломатов. Не обнаружив, помимо слухов, фактов в пользу западного направления планируемой германской агрессии, авторы фиксируют внимание на свидетельствах в пользу того, что после Мюнхенского совещания 30 сентября 1938 г. Гитлер намеревался начать движение в восточном направлении, не останавливаясь на границе СССР.

Ключевые слова: Гитлер; Комитет по внешней политике Великобритании; Д. Огилви-Форбс; Н. Мейсон-Макфарлейн; Г.А. Астахов; Ю. Бек.

С конца 1980-х гг. часть отечественных авторов – вслед за зарубежными – стала отстаивать тезис, согласно которому сразу же после Мюнхенского сговора (т.е. после подписания 30 сентября 1938 г. англо-германо-франко-итальянского соглашения о передаче запада Чехословакии Третьему рейху) Гитлер взялся за разработку западного варианта будущей войны по подчинению Европы [1]. Несмотря на отсутствие веских доводов в пользу данного тезиса, он в неизменном виде или с небольшими вариациями продолжает воспроизводиться – и прежде всего в современной польской историографии, которая отстаивает взгляд на Польшу 1930-х гг. как на невинную жертву агрессивной внешней политики соседей, павшую в сентябре 1939 г. под одновременными ударами с запада и востока. Возглавлявший одно время Польский институт международных дел С. Дембски пишет, что сначала Гитлер не планировал начать с завоевания Польши, но далее заявляет: Гитлер «готовился прежде всего к конфронтации с Францией. Поэтому в первую очередь он стремился лишить ее потенциальных союзников... Лишь после победы на западе Европы Гитлер намеревался двинуться на Россию». [2. С. 51; 3. С. 226]. И хотя при этом Дембски справедливо признает, что «в этом деле» – движении на Россию – фюрер «не исключал возможности взаимодействия с Варшавой», данное признание не подрывает фундамента концепции автора: в 1939 г. Советскому Союзу Гитлер, мол, не угрожал, СССР мог спокойно согласиться на отводимую ему Западом роль стороннего наблюдателя за развитием событий в Европе, но вместо этого Сталин, мечтавший о европейском господстве, пошел на сговор с Гитлером и вместе с ним приступил к дележу Польши.

Не разделяя эту часть концепции Славомира Дембски, авторитетный отечественный историк М.М. Наринский место Востока и Запада во внешнеполитическом мышлении Гитлера постмюнхенского периода во многом определяет так же, как и польский историк. «После Мюнхенского соглашения, – полагает он, – фюрер

все больше склонялся к войне с западными державами, для подготовки к которой требовалось время. При нанесении первого удара на западе Польше отводилась роль послушного сателлита и надежного тыла Германии» [4. С. 141]. Из такого рода констатации при желании нетрудно вывести по поводу предвоенной политики СССР умозаключения, подобные тем, что выводит и Дембски.

В связи с этим исследователи вновь обращаются к вопросу о месте Запада и Востока в военно-стратегических планах Гитлера постмюнхенского периода, точнее его начальной фазы: с октября 1938 по январь 1939 г. В качестве основных источников используются опубликованные в Великобритании материалы британского МИДа (Форин Оффис) [5], архивные материалы работы британского Кабинета министров и его комитетов [6], дипломатические документы из сборников МИДа СССР [7–10], а также переписка бывших царских дипломатов, объединенных в эмиграции парижским Советом послов [11].

В единственной своей работе – «Майн кампф» – Гитлер, как известно, провозгласил: «Мы, национал-социалисты... хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе. Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены» [12. С. 556]. При этом Гитлер считал, что решению этой задачи должно предшествовать сведение счетов с «безжалостным, смертельным врагом немецкого народа» – с Францией, поскольку та «не желает, чтобы вообще существовала на свете держава, именуемая Германией» и поскольку борьба с ней способна обеспечить «тыл в борьбе за увеличение наших территорий в Европе». Как след-

ствие, «предстоит ещё очень большая и тяжелая борьба с Францией» [12. С. 524, 555].

К осени 1938 г. с момента написания этих строк прошло более 10 лет. За истекшее время ситуация и в самой Германии, и в Европе изменилась. И Гитлер не мог этого не видеть, ведь он, вопреки распространенным стереотипам, обладал «удивительной способностью оценивать обстановку и людей» [13. С. 12]¹. Достаточно указать на радикальное изменение им со временем трактовки вопроса о возможных союзниках Германии.

В «Майн кампф» Гитлер обращал внимание на то, что «лишь с победой ноябрьской революции в Германии Англия могла вполне спокойно вздохнуть и сказать себе, что теперь опасность германской гегемонии в мире исчезла надолго». Поэтому, писал он, «нам приходится искать сближения только с Англией»; «на целый период времени для Германии возможны только два союзника в Европе – Англия и Италия»; «если мы... спросим себя, где же те государства, с которыми мы могли бы вступить в союз, то мы должны будем ответить: таких государств только два – Англия и Италия» и т.п. [12. С. 520, 523, 524, 529].

Десятилетие спустя, заговорив на секретном совещании 5 ноября 1937 г. о необходимости приступить к «решению проблемы пространства для Германии» не позднее 1943–1945 гг. (пока не потеряны преимущества над потенциальными противниками, позволяющие «добиться максимального выигрыша путем минимальных усилий»), Гитлер уже относил Англию – вместе с Францией – к «двум заклятым врагам... для которых мощный германский колосс в самом центре Европы является бельмом на глазу» [8. С. 27, 30].

Тогда, в ноябре 1937 г., начало «решения германского вопроса» трактовалось Гитлером исключительно как «решение чешского и австрийского вопросов» – если надо, то уже в 1938 г. Помимо всего прочего, необходимость «разгрома Чехии и одновременно Австрии» объяснялась им и необходимостью «снять угрозу с фланга при возможном наступлении на запад» [Там же. С. 29, 31, 32]. Но речь шла только о «возможном наступлении на запад», о «случае конфликта с Францией» как главным гарантом Версальской системы [Там же. С. 30]. Вообще же, говорил Гитлер, «в наших политических расчетах следует учитывать следующие факторы силы: Англия, Франция, Россия и соседние мелкие государства» или «Франция, Англия, Италия, Польша и Россия» [Там же. С. 29, 30].

К октябрю 1938 г., с точки зрения фюрера рейха, австрийский и частично чешский вопросы были решены – причем решены хоть и под давлением силы, но без открытого использования ее. Что же касается дальнейших военно-стратегических планов Гитлера периода «после Мюнхена», то они документально нигде не зафиксированы. Достоверно известно лишь одно: через 3 недели после Мюнхенского сговора, 21 октября 1938 г., Гитлер подписал директиву, ставившую перед вермахтом задачу «обеспечить возможность в любое время разгромить оставшуюся часть Чехии, если она, например, начнет проводить политику, враждебную Германии». Последняя часть данной фразы

была, однако, скорее прикрытием для готовящейся неминуемой агрессии против Чехии и Моравии, ибо положение «второй» Чехословацкой республики в качестве неформального протектората рейха Гитлера не устраивало. Ему нужен был настоящий германский протекторат Чехии и Богемии. Помимо цели «быстрой оккупации Чехии и изоляции Словакии» этой же директивой намечались подготовка вермахта к «овладению Мемельской областью» и проведение мероприятий по укреплению обороны германской границы на западе [10. С. 78]². Через месяц, 24 ноября, появилась директива Верховного главнокомандующего вермахта, касающаяся подготовки нападения на находящийся под управлением Лиги Наций Данциг [14. С. 552].

Что же касается дальнейших действий рейха, то здесь ясности нет. В октябре-ноябре 1938 г. статсекретарь германского МИДа фон Вайцеккер говорил германскому послу в СССР графу Шуленбургу: в рамках «риббентроповской или гитлеровской политики, явно нацеленной на войну... пока еще не решили: выступить ли сначала против Англии, обеспечивая нейтралитет Польши, или сперва на востоке ликвидировать германо-польские и украинские вопросы, а также мемельскую проблему» (цит. по: [15. С. 62]).

Чуть ли не дословно такого же рода вывод делал и временный поверенный в делах Британии в Германии Д. Огилви-Форбс. 6 декабря 1938 г. он сообщал министру иностранных дел Галифаксу: «Сегодня в Германии царит общая убежденность, что г-н Гитлер приступает к третьему этапу своей программы, а именно к расширению (рейха) за пределы территорий, населенных немцами. Но как это должно быть достигнуто – это предмет многих споров. Одно только можно сказать наверняка: нацистские цели – грандиозных масштабов, и нет предела их конечным амбициям». Относительно того, в каком направлении будут простирались эти амбиции, дипломат высказывался так: «Как в нацистских, так и в ненацистских кругах, по-видимому, существует консенсус мнений по поводу того, что следующей целью, достижимой уже в 1939 г., является учреждение – при польском сотрудничестве или без него – независимой российской Украины под немецкой опекой». Однако, писал Огилви-Форбс, «есть люди, которые считают: г-н Гитлер не пойдет на риск войны с русскими, пока не будет совершенно уверен, что западную германскую границу не атакуют во время его продвижения на восток, а поэтому его первой задачей станет ликвидация – до завершения британского перевооружения – Франции и Англии. К этой цели, – продолжал дипломат, – можно подойти двумя способами: начать войну выступлением как против Франции, так и против Англии, используя в качестве предлога итальянские претензии к Франции, либо убедить Францию, что она не будет атакована, и сосредоточиться пока что только на Англии» [16. Р. 387]. Но в целом, заключал временный поверенный, из достоверного источника ему известно, что «г-н Гитлер еще не решил; другими словами, тигр в своем логове выжидает, какой к весне выбрать путь» [Ibid. Р. 388].

6 декабря в Париже было подписано франко-германское соглашение о ненападении, аналогичное

англо-германской декларации о ненападении от 30 сентября 1938 г. Это должно было обнадежить Запад, т.е. Британию и Францию. Но 9 декабря 1938 г. в соответствии с англо-германским морским соглашением от 18 июня 1935 г. последовало заявление правительства Гитлера о намерении сравнять тоннаж своих подводных лодок с тоннажем британского подводного флота³. Согласно германской ноте, переданной главе Форин Оффиса 13 декабря, «правительство Германии осознало необходимость повышенного внимания к защите своих морских путей на случай военных осложнений. Поэтому оно чувствует себя вынужденным в полной мере использовать возможности, вытекающие из соглашений, заключенных с правительством Его Величества в Соединенном Королевстве в 1935 и 1937 гг.». При этом в ноте специально подчеркивалось, что речь идет об увеличении общего тоннажа подводных лодок Германии до уровня, равного суммарному тоннажу подводных лодок не просто Великобритании, а всех членов Британского Содружества [18. Р. 422].

Уже на следующий день Галифакс предложил немецкому послу Дирксену двусторонние переговоры по взволновавшему англичан вопросу: «Что касается подводных лодок, – писал министр послу, – то имею честь напомнить, что статья 2 (f) Соглашения 1935 г. предусматривает не только уведомление со стороны правительства Германии о своем намерении осуществить какое-либо право, но и дружеское обсуждение прежде, чем это право будет реализовано. Поскольку я ожидаю, что правительство Его Величества подвергнет сомнению причины принятого Германией решения, я имею честь предложить провести совещание – с тем, чтобы обсудить проблему более подробно» [19. Р. 433].

30 декабря в Берлине состоятся предложенные Галифаксом переговоры, но на них германская сторона займет жесткую позицию. В условиях, когда немцы явно не желали успеха переговоров, а главное, в условиях нарастания темпов милитаризации Германии руководство Великобритании с еще большей настойчивостью искало ответа на вопрос: с кем же в первую очередь рейх собирается воевать?

15 декабря 1938 г. в Лондон вернулся бывший первый секретарь британского посольства в рейхе Ивон Киркпатрик, получивший новую должность в Форин Оффисе. Ссылаясь на надежный источник информации – на «своего немецкого друга, бывшего высокопоставленного чиновника, связанного с немецкими генералами и с членами гитлеровского окружения», Киркпатрик сразу же сообщил постоянному заместителю министра иностранных дел страны Александру Кадогану, что «Гитлер, все еще разъяренный Чемберленом и Великобританией в целом⁴, распорядился в течение ближайших трех недель составить планы, дающие ему возможность воздушного нападения на Лондон в марте 1939 г.» [20. Р. 130]. Кадоган немедленно передал эту информацию Галифаксу, а тот – в этот же день, в 19.00 – главе правительства Н. Чемберлену.

Результатом явилось заседание утром 16 декабря Комитета имперской обороны. Галифакс сообщил Комитету, что разработка «подобного плана соответствует разведывательным сообщениям, согласно которым

Гитлер неуравновешен... Но я надеюсь, – сказал министр, – что данное сообщение необоснованно, хотя меры предосторожности были бы важны и срочны» (цит. по: [21. Р. 65]).

Вслед за своим министром Чемберлен также подчеркнул, что «доказательства надвигающейся атаки Германию должны восприниматься всерьез». Он, премьер, «получал сообщения о такой возможности (атаки) и из других источников, но, правда, не сообщения о каком-либо определенном плане». Премьер-министр также добавил: прибывший в Лондон Я. Шахт, занимавшийся организацией эмиграции немецких евреев, сказал ему накануне «в необычайно откровенном разговоре», что «Гитлер планирует какую-то агрессию на Востоке в следующем месяце или около того» (цит. по: [Ibid. Р. 65]). По предположению Чемберлена бывший министр экономики рейха Шахт фактически сообщил ему: интересы Гитлера лежат на Востоке, но в случае любого британского вмешательства в события этого региона будет осуществлено внезапное нападение на Лондон. Это, по мнению премьера, означало: Гитлер будет искать предлог для обострения отношений с Британией, и этим предлогом могут стать попытки сорвать его агрессивные планы на Востоке. Чемберлен, однако, «не видел необходимости вмешиваться в какой-либо конфликт на Востоке, а поэтому неожиданное нападение (на Англию) считал маловероятным» (цит. по: [Ibid. Р. 66]).

Такого рода обобщения опирались на информацию не только британских дипломатов и разведчиков.

Летом 1938 г. два французских посла информировали свой МИД, «что Гитлер уделяет сейчас особенное внимание вопросу об СССР. Он хотел бы “урегулировать” отношения с Советским Союзом на такой примерно базе: СССР разделяется на ряд более или менее независимых частей, лишь слабо связанных между собой... Украина должна составлять одну из таких полусамостоятельных частей и попасть под фактический протекторат Германии» [11. С. 529].

С октября 1938 г. Гитлер открыто начал разыгрывать свою «украинскую карту». Под его давлением неделю спустя после подписания Мюнхенского соглашения, 8 октября 1938 г., Подкарпатская Русь (Закарпатье) получила в рамках «новой» Чехо-Словакии автономию (как и Словакия). Но уже 25 октября (опять-таки с санкции фюрера) в «республике Карпатская Русь» был произведен государственный переворот: премьер-министр автономии русин А. Бродия был арестован, его место занял «украинствующий» А. Волошин, а область была переименована в *Закарпатскую Украину* [22. С. 298]. Первый Венский арбитраж, который с молчаливого согласия Англии и Франции осуществили 2 ноября Германия и Италия, санкционировал польский захват бывшего чехословацкого округа Тешин, поглощение Венгрией юга Словакии и части Закарпатья, а также рекомендовал признать возникшее «марионеточное государство “Закарпатская Украина”» [15. С. 62].

Рождение автономии «Закарпатская Украина» породило в Европе устойчивое представление: Гитлер намерен превратить ее в «украинский Пьемонт», а поэтому вот-вот двинет свои войска против СССР. Пред-

ставление это подкреплялось шумной кампанией, развернутой германской и эмигрантской украинской печатью в пользу присоединения к «Закарпатской Украине» Украинской Советской Социалистической Республики. Активизировавшийся наряду с ярыми украинскими националистами бывший глава «Украинской державы» гетман Скоропадский заговорил в конце 1938 г. в Берлине *«о будущей Украине, совершенно самостоятельной и независимой»* [11. С. 167].

14 декабря 1938 г. два корреспондента – британский и американский – обратили внимание Поверенного в делах СССР в Германии Г.А. Астахова на то, что «тема об Украине является сейчас одной из самых модных в Берлине» и что никогда ранее «эта проблема не обсуждалась в Берлине так оживленно, как сейчас»: о ее актуальности «активно говорят как низовые чернорубашечники, так и высокопоставленные официальные лица». Решение же «проблемы», по словам журналистов, «мыслится в плане создания *“единой” Украины из всех частей, включая советскую*» [10. С. 144].

Примерно на это же самое обратил внимание Астахов 15 декабря и французский посол в Германии Р. Кулондр, говоривший об «исключительной активизации здесь (в Берлине) вопроса *об Украине*». Этот вопрос являлся, по словам посла, ссылавшегося «на свои беседы с коллегами», «основным, обсуждающимся в немецких кругах, и в частности в армии». Кулондру также казалось, «что сейчас немцы заняты усиленной обработкой поляков, которых пытаются склонить в этом вопросе на свою сторону» [Там же. С. 145].

В своем донесении в Париж в этот же день, 15 декабря, Р. Кулондр писал: «Стремление третьего рейха к экспансии на востоке мне кажется столь же очевидным, как и его отказ, по крайней мере в настоящее время, от всяких завоеваний на Западе: одно вытекает из другого... все мои собеседники, за исключением Гитлера, говорили мне в самых различных формах, однако нарочито избегая каких-либо уточнений, о необходимости для Германии экспансии в Восточной Европе. Для г. Риббентропа это “поиск новых зон влияния на Востоке и Юго-Востоке”; для маршала Геринга – “проникновение на Юго-Восток, главным образом экономического характера”... мало-помалу из того, что пока еще носит неясные, расплывчатые формы, начинают проступать контуры великого немецкого предприятия. Стать хозяином в Центральной Европе, подчинив себе Чехословакию и Венгрию, затем создать Великую Украину под немецкой гегемонией...» [Там же. С. 147].

«Что касается Украины, – продолжал Кулондр, – то вот уже примерно в течение десяти дней весь национал-социалистический аппарат говорит о ней. Исследовательский центр Розенберга, ведомство д-ра Геббельса, организация “Ост-Европа ... тщательно изучают этот вопрос. Пути и средства, кажется, не разработаны, но сама цель, кажется, представляется уже установленной – создать Великую Украину, которая стала бы житницей Германии... в военных кругах уже поговаривают о походе до Кавказа и Баку».

Как и в разговоре с Астаховым, посол, правда, выражал сомнение в маловероятности того, «чтобы Гит-

лер попытался осуществить эти планы относительно Украины путем прямого военного вмешательства». В окружении Гитлера, сообщал он, «подумывают о такой операции, которая повторила бы в более широких масштабах операцию в Судетах: проведение в Польше, Румынии и СССР пропаганды за предоставление независимости Украине, в подходящий момент дипломатическая поддержка и акция со стороны местных добровольческих отрядов. И центром движения станет Закарпатская Украина» [Там же. С. 148].

Месяц спустя в Москву поступит информация одного «германского журналиста»⁵, полученная от генсека Германского общества по изучению Восточной Европы В. Маркерта. Согласно ей, в ноябре-декабре 1938 г. Гитлер «находился почти исключительно под влиянием Риббентропа и Розенберга»⁶, которые оба выступали за войну против Советского Союза, используя постановку украинского вопроса. К тем кругам, которые, исходя из политических и военных соображений, скептически оценивали вероятный исход военного столкновения между Германией и Советским Союзом, [в Берлине] почти не прислушивались». И эти же два месяца, по свидетельству Маркерта, рассматривались влиятельными органами рейха в качестве «момента для окончательного выяснения германо-польских отношений и для разъяснения польскому правительству, что Польша должна в будущем во всех отношениях уважать положение Германии как великой державы и соответственно с этим подчиняться концепциям германской внешней политики». Эта «энергичная германская позиция в отношении Польши, – подчеркивал Маркерт, – отражала стремление влиятельных германских органов при всех обстоятельствах ускорить столкновение с Москвой и в этих целях обеспечить в лице Польши союзника против Советского Союза» [7. С. 161–163].

С этой информацией перекликаются данные, поступающие и в Форин Оффис. Особый интерес здесь представляет меморандум британского военного атташе в Германии полковника Мейсон-Макфарлейна, поскольку у ряда стран в то время военные атташе чуть ли не официально возглавляли разведывательную сеть своих стран в соответствующем государстве. В своем меморандуме от 26 декабря 1938 г., полученном Галифаксом в виде телеграммы временного британского поверенного, Мейсон-Макфарлейн привлекал внимание к интенсивной подготовке рейха к неминуемому в скором времени военным действиям, диктуемым, по мнению атташе, финансово-экономическими трудностями Германии и мнением, что их в состоянии сгладить быстрая и удачная «иностранный кампания».

Атташе поэтому полагал, что германский удар на Запад в настоящее время более вероятен, чем в начале этого, т.е. 1938 г., и что «при определенных обстоятельствах у него [Гитлера] может возникнуть соблазн воспользоваться временно выгодной ситуацией – как в воздухе, так и в раскладе держав – и попытаться нанести действительно тяжелый и неожиданный удар на Западе против нас» [23. Р. 549]. По сообщению Мейсон-Макфарлейна, в германской прессе «Англия в настоящий момент является публичным врагом номер

один...», и до него даже «доходили слухи, что возможные действия против Англии уже находятся в стадии подготовки – слухи, исходящие в том числе и из заслуживающих внимания источников» [23. Р. 549]. Но одновременно от «источника, который заслуживает самого серьезного внимания», писал военный атташе, «посольство недавно получило информацию, что он [Гитлер] намерен начать постепенную мобилизацию в феврале, чтобы быть готовым к военным действиям в начале лета на востоке» [Ibid. Р. 546].

В подтверждение возможного движения Гитлера именно на Восток Мейсон-Макфарлейн приводил информацию своего литовского коллеги о том, что «немцы принуждают поляков к совместным военным действиям против Белоруссии этой весной. Если, однако, Польша откажется сотрудничать, немцы намерены в ближайшее время предпринять военные действия также и против поляков» [Ibid. Р. 548]. Военный атташе Британии напоминал и о том, что «некоторое время назад на Украине было много слухов о предполагаемой немецкой акции против нее в следующем году и циркулировали сообщения о подготовке экономического проникновения на Украину и ее эксплуатации. Наша недавняя информация о начале постепенной мобилизации в феврале, – подытоживал Мейсон-Макфарлейн, – делает оккупацию Украины одной из военных целей» [Ibid.]. Считая это логичным шагом со стороны Гитлера, соглашаясь, что нападение Гитлера на Восток более вероятно, чем военная кампания против Запада, атташе, правда, добавлял: «...никаких конкретных сведений о том, что фактически начинаются военные приготовления против Украины, до меня пока не доходило» [Ibid.].

Особенно примечательно окончание меморандума, согласно которому, «можно быть почти наверняка уверенным, что уже в следующем году со стороны Германии будут рассмотрены и подготовлены военные действия», хотя до сих пор «нет никаких определенных военных доказательств, указывающих на область или сферу охвата того, что может быть атаковано» [Ibid. Р. 549]. И все же, по мнению Мейсон-Макфарлейна, более вероятна ограниченная акция весной на Востоке. Гитлер, на его взгляд, был «справедливо убежден, что если не будет никакого вмешательства со стороны Запада, он достаточно силен для того, чтобы – при ограниченности своей цели на Украине – иметь дело с Польшей и чтобы сломить любой отпор, возможный со стороны России». Конечно же, озабоченный судьбой своей страны, Мейсон-Макфарлейн не мог не добавить: «Несмотря на все проявления обратного, было бы неразумно предполагать, что ожидаемое “отвлечение” г-на Гитлера в 1939 г. неизбежно должно быть восточным». Но заканчивался меморандум весьма примечательной фразой: «Обсуждая данный вопрос с моим голландским коллегой – советником голландской миссии, мы оценили соотношение шансов действий [Гитлера] на Востоке и действий на Западе как примерно 10 к 1» [Ibid. Р. 550].

Временный поверенный в делах Британии в Германии поддерживал мнение военного атташе, что особое внимание фюрер рейха уделял именно Востоку. «Существует только одно направление, на котором г-н Гитлер

с относительной легкостью мог бы получить многие ресурсы, отсутствующие в Германии, – писал Д. Огилви-Форбс. – Это Восток и, следовательно, сельскохозяйственные и минеральные ресурсы Украины и румынская территория. Именно в этом направлении Германия, скорее всего, и ринется» [24. Р. 562].

Родившийся 7 января 1939 г. в стенах военного ведомства Великобритании меморандум прямо исходил из того, что следующей целью Гитлера станет Украина. Правда, в самое ближайшее время такой поворот событий исключался – и из-за закономерного ответа России, и из-за риска вмешательства Запада в неизбежно возникшую затяжную войну. Экономическое и военное положение Германии в настоящее время не такое, говорилось в меморандуме, чтобы «идти на риск войны без уверенности в ее быстром окончании и без опоры исключительно на собственные ресурсы» (цит. по: [21. Р. 76]).

Неуверенность в отношении предполагаемых планов Гитлера порождала, правда, телеграмма советника британского посольства в Москве Джорджа Верекера, полученная Форин Оффисом 14 января. Советник считал, что агрессия Гитлера в отношении Украины сейчас маловероятна, потому что «она должна включать либо распространение националистического движения (на УССР), либо завоевательную войну, либо то и другое вместе. Но поскольку советский политический контроль над украинским населением полный, – писал Верекер, – не может быть и речи о реализации первого курса. Для завоевания [Украины] потребуется также принудительное или добровольное сотрудничество [с рейхом] Польши или Румынии. Но первая этого не будет делать из-за возможных последствий для своего украинского населения или перспективы еще одной границы с Германией» [25. Р. 575–576]. Верекер обращал внимание и на еще один важный момент: «Украина экономически и стратегически жизненно важна для Советского Союза. Нападение на нее, несомненно, было бы встречено тотальной войной, а Красная Армия, несмотря на недавние чистки, способна к обороне» [Ibid. Р. 577].

Мнение Верекера, опровергавшее вывод, что Украина – наиболее вероятная цель военной операции, которую следует ожидать от Германии буквально в ближайшие недели, базировалось в основном на элементарной логике. Но с позицией Верекера в Лондоне неожиданно согласились постоянный заместитель министра иностранных дел А. Кадоган, главный дипломатический советник при главе МИДа Р. Ванситтарт, помощник заместителя министра иностранных дел О. Сарджент, заведующий отделом (департаментом) Центральной Европы Форин Оффиса У. Стрэнг [21. Р. 83]. Лоуренс Кольер – глава Северного отдела МИДа, курировавшего также Советский Союз и Польшу – говорил, например, что Украина не может быть оторвана от СССР без крупномасштабного конфликта и что поляки тоже будут сражаться против вторжения Германии на их территорию с пятью миллионами проживающими там украинцами [Ibid. Р. 82–83].

Полученная Форин Оффисом 14 января телеграмма британского посла в Бельгии Роберта Клайва усиливала

мнение, что Гитлер не может сейчас решиться на поход против СССР. Оказывается, начальник Генерального штаба Бельгии сообщил британскому послу: из очень надежного источника известно, что «немецкий генеральный штаб недавно изучал план захвата голландских портов и береговой линии, хотя этот план и не предполагает нарушения бельгийского нейтралитета» [21. Р. 82–83]. И в этот же день личный секретарь британского министра иностранных дел О. Харви представил Галифаксу в Женеве голландского корреспондента, работающего в Берлине, который уверял, что Гитлер займет Голландию уже весной [Ibid. Р. 83].

В итоге утром 17 января появился доклад Кадогана, согласно которому в ближайшем будущем следует ожидать нападения Гитлера на Запад [20. Р. 139–40]. О возможности западного варианта гитлеровских действий сообщил начальству запиской в этот же день, 17 января, и Уильям Стрэнг. (Поэтому вернувшийся из Женевы во второй половине дня Галифакс немедленно был ознакомлен с данными материалами.)

Стрэнг сообщал о состоявшихся в Берхтесгадене 5 января переговорах Гитлера с польским министром иностранных дел Ю. Беком⁷. Как явствует из записки дипломата, в британском МИДе не знали точно, о чем говорили и договорились ли участники этой встречи, поскольку Бек уклонялся от вопросов британского посла в Польше Г. Кеннарда «и, несомненно, многое скрывал» [26. Р. 589]. Но накопившиеся мнения и свидетельства относительно встречи Гитлера и Бека Стрэнг суммировал так: «Все отчеты, которые мы получили, сходятся в том, что встреча была дружественной и в целом обнадеживающей для Польши» [Ibid.]. Судя по всему, «было достигнуто согласие, что Данциг должен быть освобожден от покровительства Лиги Наций и что Верховный комиссар [Лиги Наций] должен покинуть этот город». Согласно одному сообщению, Бек согласился также на строительство «автобана» через Кори́дор [Ibid]⁸.

Но одновременно, писал Стрэнг, «у нас есть доказательства из секретного, но надежного источника, согласно которым г-н Гитлер пытался убедить Ю. Бека, что немецкая и итальянская политика теперь направлена скорее на Запад и на колониальные проблемы, и есть также таинственная история, просочившаяся из польских источников, что они [Бек и Гитлер] обсудили будущее Швейцарии». Кроме того, по сообщению первого секретаря посольства Франции в Польше от 16 января, среди варшавян циркулирует слух: Гитлер поведал Беку, что он разворачивает свою политику на Запад, а также сообщил, что планирует кое-что против Британской империи, вследствие чего Польша может ожидать от него кое-каких дивидендов» [Ibid. Р. 590].

На состоявшемся 23 января заседании правительственного Комитета по внешней политике свои сообщения по поводу возможной гитлеровской агрессии в ближайшем будущем высказали сам Галифакс, Ванситтарт, Кадоган, Стрэнг, Киркпатрик и личный секретарь главы дипломатической службы Джебб. Но поскольку доклады, представленные членам Комитета (почти все, конечно же, с опорой на «секретные источники»), содержали практически все возможные

планы Гитлера, присутствовавшие министры и эксперты-аналитики, по свидетельству Галифакса, сошлись лишь на том, что «Гитлер рассматривает вариант нанесения удара уже в начале этого года, и опасный период начнется в конце февраля» [21. Р. 84].

Поэтому на новом заседании Комитета по внешней политике 26 января были достаточно четко обозначены события, способные привести к вступлению Англии в европейскую войну. Комитет полагал, что «возможная в апреле война с участием Великобритании будет, скорее всего, результатом прямого нападения Германии на Францию или на Великобританию» – нападения, которое последует вслед за началом итало-французского конфликта на почве территориальных споров либо событий в Испании. «Но если Германия не придет на помощь Италии, – говорилось в заключении Комитета, – итальянское нападение на Францию не обязательно приведет к этому. Еще одной, третьей, возможностью будет война, связанная с нападением Германии на какого-либо своего соседа в Восточной или Юго-Восточной Европе. Однако у этого события, – подчеркнул Комитет, – очень мало шансов вовлечь Великобританию в войну...» [27].

Складывается впечатление, что защищать от Гитлера в то время Британия твердо намеревалась только одну страну Европы – Голландию, важность которой с точки зрения национальной обороны Англии другой комитет – Комитет имперской обороны – суммирует так: «Стратегическое значение для Британской империи Голландии и ее колоний настолько велико, что немецкая атака на Голландию должна, на наш взгляд, рассматриваться как нападение на наши собственные интересы. В Европе доминирование над Голландией стало бы первым шагом Германии к получению большого начального преимущества в последующей атаке на нашу страну. За рубежом уничтожение голландской власти в Ост-Индии ослабит нашу позицию на всем Востоке» [28]. 25 января Кабинет министров специально рассматривал вопрос: что делать, если слухи об угрозе Голландии реализуются. Чемберлен заявил министрам: нападение Германии на Голландию сделает вмешательство Британии политически неизбежным. В то же время он твердо возразил против необходимости публично пообещать Голландии сохранение ее целостности или публично предупредить Германию от нападения на эту страну [29].

Судя по всему, министерство иностранных дел и военное ведомство Британии оказались переполнены самыми разнообразными слухами и сообщениями. «Наши источники информации, – говорил Кадоган 2 февраля, – в последнее время стали настолько плодовитыми (и ужасающими), что я начинаю относиться ко всем им с подозрением» (цит. по: [21. Р. 103]). Как выяснил 8 февраля Стрэнг из разговора с заместителем начальника военной разведки Бомон-Несбиттом, не было никаких конкретных данных, указывающих на скорые военные действия Германии на Западе, Востоке или Юге, и пока не было никаких планов ее агрессии против Голландии [Ibid.]. И это свидетельство одного из руководителей британских разведслужб очень примечательно.

Судя по всему, в конце 1938 – начале 1939 г. Гитлер был нацелен лишь на те территориальные приобретения, которые он мог заполучить без применения силы. А таковых было еще немало, поскольку 19 ноября 1937 г. устами лорда Галифакса британское правительство выдало фюреру карт-бланш на осуществление тех «изменений европейского порядка, которые, вероятно, рано или поздно произойдут. К этим вопросам, – поведал Галифакс Гитлеру, – относятся: Данциг, Австрия и Чехословакия. Англия заинтересована лишь в том, чтобы эти изменения были произведены путем мирной эволюции...» [8. С. 42].

Версию, согласно которой после Мюнхенского соглашения очередной свой удар Гитлер стал готовить против Запада, подтвердить очень трудно. Находившийся в Риме 28 октября 1938 г. министр иностранных дел Германии Й. фон Риббентроп, правда, говорил итальянскому коллеге графу Чиано: «...с сентября месяца мы можем смотреть в лицо войне с западными демократиями». Поскольку на Востоке «Россия слаба и будет оставаться таковой много лет, всю нашу энергию можно направить против западных демократий» [30. Р. 242, 244]. Решающее слово в вопросах внешней политики рейха принадлежало, однако, не Риббентропу, а Гитлеру, который именно в силу казавшейся неимоверной слабости СССР через какое-то время после поглощения остатка Чехословакии, Данцига и Мемеля мог двинуть свои войска на советскую территорию. Заслуживает внимания и такое уточнение Риббентропа: «Фюрер убежден, что мы должны неизбежно ввязаться в войну с западными демократиями в течение ближайших лет – возможно, трех или четырех» [Ibid. Р. 242]. Возникает вопрос: а чем Гитлер собирался заниматься эти 3–4 года? Ответ на этот вопрос фактически даст после войны глава гитлеровской службы внешней разведки Вальтер Шелленберг, убежденный в том, что «временный альянс» рейха с СССР «подтолкнул Гитлера к военным действиям на Западе, прежде чем обратиться против России» [31. С. 38].

Данных в пользу того, что после поглощения рейхом запада Чехословакии Гитлер намеревался начать движение в восточном направлении, не останавливаясь на границе СССР, немало. Особенно ярко об этом свидетельствовало начавшееся в октябре 1938 г. и продолжавшееся до 26 марта 1939 г. «ухаживание» руководства рейха за польскими политиками. В ходе этого «ухаживания» неизменно поднимался один и тот же вопрос – о «политике, которая должна проводиться Польшей и Германией в отношении России, и в этой связи также вопрос о Великой Украине» [9. С. 12–13].

Длительное время нацисты обещали украинским националистам помощь в создании «Великой Украины» из разного рода территорий, на которых проживали украинцы, включая и те, что были захвачены Польшей в 1920 г. Но стремясь угодить Ю. Беку, в беседах с ним – Гитлер 5 января 1939 г., а Риббентроп 6 января – всячески демонстрировали свою «негативную позицию по вопросу о Великой Украине». В разговоре с Беком они также старательно избегали ими же изобретенного понятия «Закарпатская Украина» [Там же. С. 13]. «Директивы для беседы Риббентропа с Беком»,

рожденные в недрах германского МИДа, предписывали говорить: «Опасение Польши, что Германия намерена превратить Прикарпатскую Русь в зародыш великоукраинского государства, не имеет под собой основания» [10. С. 164]. Более того, не исключено, что, отказываясь за спиной украинских националистов от создания обещанной им «Великой Украины», Гитлер был готов на время передать решение «украинского вопроса» в руки Польши. Риббентроп заверял Бека: «...мы заинтересованы в советской части Украины лишь постольку, поскольку повсюду, где только можно, мы стараемся причинить русским вред...» Мы, обещал Риббентроп, «будем исходить из того, чтобы рассматривать украинский вопрос как привилегию Польши» – при условии, конечно, если «Польша займет еще более отчетливую антирусскую позицию, так как иначе у нас вряд ли могут быть общие интересы» [9. С. 13–14].

Свое предложение «общего урегулирования спорных проблем» нацистское руководство повторило Польше и 25 января 1939 г., когда Риббентроп по приглашению Бека посетил Варшаву. Там гитлеровский министр, по его словам, условился с Беком о том, что «если Лига Наций прекратит выполнение своих функций в отношении Данцига прежде, чем между Германией и Польшей будет заключен договор, включающий и Данциг, мы установим с ним [Беком] контакт, чтобы найти решение, позволяющее выйти из этой ситуации». И конечно же, Риббентроп «еще раз говорил с Беком о политике Польши и Германии по отношению к Советскому Союзу и в этой связи также по вопросу о Великой Украине»: он «снова предложил сотрудничество между Польшей и Германией в этой области» [Там же. С. 17].

Гитлер явно делал ставку на превращение Польши в своего союзника, чего он вряд ли стал бы добиваться в целях совместных действий против Англии, а тем более против Франции, с которой Польша формально все еще оставалась в союзных отношениях. В случае войны с Западом рейху достаточно было польского нейтралитета, обеспечиваемого польско-германской Декларацией 1934 г. о неприменении силы.

Не исключено, однако, что на рубеже 1938–1939 гг. Гитлер мог задуматься над вариантом своего участия в конфликте с Западом – участия в случае начала франко-итальянского столкновения, которое многим тогда, на заключительной стадии гражданской войны в Испании, казалось весьма вероятным.

30 ноября 1938 г. итальянская Палата депутатов проскандировала: «Тунис», «Джибути», «Корсика», «Ницца», – из-за чего в знак протеста против происходящего французский посол, присутствующий на заседании, был вынужден даже покинуть зал [7. С. 665]. После того как в итальянских городах состоялись соответствующие массовые демонстрации, французский премьер Даладье 16 декабря заявил: «Франция не уступит Италии ни акра своей территории». А дуче отреагировал на это 17 декабря денонсацией франко-итальянского договора 1935 г.⁹ Не менее важным стал и еще один факт: успех итало-франкистского наступления в Каталонии, начавшегося 23 декабря 1938 г.,

«побудил французское правительство открыть границы [с Испанией] – теперь республиканцы смогли получить оружие и боеприпасы», поступившие из СССР, но блокированные ранее в Бордо. Франко всерьез стал опасаться вступления в войну Франции. Но итальянский министр иностранных дел Чиано «информировал Лондон и Берлин, что в случае таких действий Франции Италия будет воевать с Францией на испанской территории. Угроза возымела эффект, и Франция прекратила помощь» испанской республике [32. С. 245]. 3 февраля 1939 г. Даладье направит к франкистам «сенатора Леона Берара, чтобы подготовить назначение маршала Петена чрезвычайным послом при “генералиссимусе” и каудильо Франсиско Франко» [33. С. 231].

На фоне капитуляции Франции в испанском вопросе умерил свои аппетиты и Муссолини. Уже 8 января 1939 г. Чиано так зафиксировал в дневнике основные положения своей беседы с дуче: «Требования к Франции. Мы не требуем Ниццы и Савойи, ибо они находятся по другую сторону Альп» [10. С. 177]. Поскольку обострившийся было итало-французский конфликт угас, необходимость в гитлеровской помощи Муссолини отпала. (Правда, цитируемые выше сотрудники дипломатического и военного ведомств Британии – Огилви-Форбс и Мейсон-Макфарлейн – даже мысли не допускали, что Гитлер мог отклониться от своих собственных планов ради помощи Италии в возможной войне с Францией.)

В свете всего сказанного в случае польского согласия на его условия вопрос о своих дальнейших внешнеполитических шагах после окончательного поглощения Чехо-Словакии и возвращения рейху Данцига с Мемелем Гитлер мог решать только как совместный с Польшей «поход на восток». Крупный британский ученый еще 60 лет назад написал: «Если Гитлер действительно намеревался достичь Украины, он должен был идти через Польшу. Осенью 1938 г. это ни в коей степени не являлось политической фантазией... совместная кампания на Украине считалась неизбежной» [34. Р. 194, 196]. Современный германский историк имеет доступ к огромному количеству немецких источников. Но и он, констатирующий резко возросшую с 1935 г. опасность «германо-польско-японского окружения Советского Союза», не сомневается, что в 1938–1939 гг. «Гитлер планировал соглашение с Польшей об Украине» [35. С. 80, 83].

Идея «большого восточного похода» рейха – против СССР – полностью соответствовала стратегии

фюрера 1933–1939 гг., благодаря которой он добивался своих целей в Европе, не доводя дело до военного конфликта с индустриально мощными государствами. Гитлер прекрасно знал: его агрессии против СССР Запад противодействовать не будет, а значит «большая» война Германии в данном случае не грозит. Не случайно ведь британский Комитет по внешней политике заявил 26 января 1939 г., что «война, связанная с нападением Германии на какого-либо своего соседа в Восточной или Юго-Восточной Европе», – это событие, имеющее «очень мало шансов вовлечь Великобританию в войну» [27]. О возможности же упорного сопротивления его армиям со стороны населения самого СССР Гитлер просто не задумывался, чему во многом способствовала и та часть российской эмиграции, что не сомневалась: при первом же известии о вторжении неприятеля советские люди отшатнутся от «ненавистного», «кровавого», «империалистического» сталинского режима.

Подхватив утверждение, что после Мюнхена Гитлер сразу же взялся за разработку западного варианта экспансии в Европе, авторы авторитетного отечественного издания писали: разговоры о планируемой агрессии рейха на Востоке велись по инициативе германской дипломатии, стремившейся усыпить бдительность Запада. Не поняв этого, «часть влиятельных кругов Англии и Франции... всерьез восприняла распространявшиеся нацистской пропагандой осенью-зимой 1938/1939 г. ложные слухи о том, что очередной целью Германии будет создание под ее протекторатом “Великой Украины”» [36. С. 46, 49]. Но, на наш взгляд, еще более веские основания имеет прямо противоположный вывод: слухи конца 1938 – начала 1939 г. по поводу гитлеровских планов войны против Запада могли быть прикрытием для готовящегося похода на Восток: сначала против мелких государств, а затем и против СССР. Главное же, эти слухи являлись мощным средством устрашения Запада. Не исключено, что Гитлер специально запугивал тогдашних лидеров Британии и Франции возможностью войны против их стран. И это запугивание позволит ему добиться от Запада в первой половине 1939 г. новых уступок в виде раздела между Германией и Британией европейского рынка угля, рождения плана создания с участием рейха кондоминиума европейских держав для совместного «освоения» Африки и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По свидетельству современников, политическое чутье стало все чаще изменять фюреру лишь после того, как стал захлебываться победоносный поход его армии по территории СССР.

² После Первой мировой войны Мемель, как и Данциг, был выделен из состава Германии в самостоятельный город-государство, управляемый комиссаром Лиги наций, но в 1923 г. был захвачен Литвой, которая последовала примеру Польши, аннексировавшей у нее Виленшину.

³ Одним из пунктов этого соглашения Германия брала на себя обязательство, что тоннаж ее подводных лодок не будет превышать 45% от общего тоннажа подводных лодок членов Британского содружества, «но только если не возникнет ситуация, которая приведет к необходимости, по мнению правительства Германии, воспользоваться своим правом на долю, превышающую 45%» [17. Р. 169].

⁴ Киркпатрик не уточнял причины этой «ярози фюрера», но считает: ее порождало то, что в Мюнхене Гитлеру пришлось удовлетвориться только частью чехословацкой территории.

⁵ Не исключено, что этим журналистом мог быть советский разведчик Рудольф Херрнштадт.

⁶ Здесь явное преувеличение степени влияния на Гитлера других нацистских иерархов.

⁷ Поскольку польско-германские переговоры вплоть до конца марта 1939 г. оставались секретными, в Форин Оффисе тогда не знали, что в ходе январского визита в Германию Бек встретился еще и с Й. Риббентропом.

⁸ Первое сообщение соответствовало истине, что же касается второго, то готовность разрешить рейху строительство экстерриториальных дорог через Польский коридор выражал Ю. Бек, но не все польское руководство.

⁹ Этим соглашением Лавала–Муссолини французы уступили Италии часть своих африканских колоний, 20% акций одной железной дороги в Эфиопии и т.п. [7. С. 658].

ЛИТЕРАТУРА

1. Фоменко С.В. По поводу военно-стратегических планов Гитлера октября–декабря 1938 г. // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность : сб. ст. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та. 2018. Вып. 3. С. 101–114.
2. Дембски С. Польша, Советский Союз, кризис Версальской системы и проблема причин начала Второй мировой войны // «Завтра может быть уже поздно...» : Вестник МГИМО-Университета. Спец. выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М. : МГИМО (У) МИД России, 2009. С. 48–71.
3. Дембский С. Происхождение второй мировой войны // Белые пятна – черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М. : Аспект-пресс, 2017. С.165–201.
4. Наринский М.М. Происхождение второй мировой войны // Белые пятна – черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М. : Аспект-пресс, 2017. С.127–164.
5. Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Third Series. London : Her Majesty Stationery Office, 1950. Vol. III: September 14, 1938 – January 20, 1939 (DBFP). 677 p.
6. The National Archives of the United Kingdom. The Cabinet Papers. 1915–1986 (CAB).
7. СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г. – 1939 г.) : документы и материалы. М. : Политиздат, 1971. 736 с.
8. Документы и материалы кануна второй мировой войны : в 2 т. М. : Политиздат, 1981. Т. 1: Ноябрь 1937 г. – декабрь 1938 г. 302 с.
9. Документы и материалы кануна второй мировой войны : в 2 т. М. : Политиздат, 1981. Т. 2: Январь–август 1939 г. 415 с.
10. Год кризиса, 1938–1939 :Документы и материалы : в 2 т. М. : Политиздат, 1990. Т. 1: 29 сентября 1938 г. – 31 мая 1939 г. 555 с.
11. Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов: 1934–1940 : сб. документов : 2 кн. М. : ГЕЯ, 1998. Кн. 2: 1938–1940. 623 с.
12. Гитлер А. Моя борьба [1925] : пер. с нем. [Б.м.] : Т-ОКО, 1992. 597 с.
13. Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха [1960]. М. : Эксмо, 2003. 928 с.
14. Из приговора Международного военного трибунала // Кейтель В. Размышления перед казнью / пер. с нем., предисл., примеч., прилож. Г.Я. Рудого. М. : Вече, 2012. С. 544–570.
15. Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938–1939 : пер. с нем. / вступ. сл. В.М. Фалина; предисл. Л.А. Безыменского. М. : Прогресс, 1991. 480 с.
16. Sir G. Ogilvie-Forbes (Berlin) to Viscount Halifax 6 December 1938 // DBFP. P. 386–388.
17. Maiolo J. The Royal Navy and Nazi Germany: A Study in Appeasement and the Origins of the Second World War. New York : St. Martin's Press, 1998. 259 p.
18. The German Ambassador to Viscount Halifax 10 December 1938 // DBFP. P. 422–423.
19. Viscount Halifax to the German Ambassador 14 December 1938 // DBFP. P. 433–434.
20. Dilks, David (ed.). The Diaries of Sir Alexander Cadogan, O.M. 1938–1945. London : Cassell, 1971. 881 p.
21. Gillard D. Appeasement in Crisis: From Munich to Prague, October 1938 – March 1939. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2007. 240 p.
22. Краткая история Чехословакии. С древнейших времен до наших дней. М. : Наука, 1988. 576 с.
23. Sir G. Ogilvie-Forbes (Berlin) to Viscount Halifax 29 December 1938 // DBFP. P. 544–551.
24. Sir G. Ogilvie-Forbes (Berlin) to Viscount Halifax 3 January 1939 // DBFP. P. 561–564.
25. Mr. Vertker (Moscow) to Viscount Halifax 10 January 1939 // DBFP. P. 575–579.
26. Minute by Mr. Strang 17 January 1939 // DBFP. P. 589–590.
27. Committee of Imperial Defence: Joint Planning Committee: memo. 331 app. 1, 26 January 1939 // CAB 55/14.
28. CAB 24/282/3.
29. CAB 23/97/2.
30. Ciano's diplomatic papers / ed. by M. Muggeridge; transl. by S. Hood. London : Odhams Press Limited. Long Acre, 1948. 490 p.
31. Шелленберг В. Лабирифт : мемуары гитлеровского разведчика [1956] : пер. с англ. М. : Дом Бируни, 1991. 400 с.
32. Престон П. Франко : биография [1993] / пер. с англ. Ю.В. Бехтина. М. : Центрполиграф, 1999. 702 с.
33. Сория Ж. Война и революция в Испании. 1936–1939 : в 2 т. [1977] : пер. с фр. / предисл. Э. Генри. М. : Прогресс, 1987. Т. 2. 328 с.
34. Taylor A.J.P. The origins of the Second World War [1961]. New York : Simon and Schuster Paperbacks, 2005. 296 p.
35. Аманн Р. Пакт между Гитлером и Сталиным. Оценка интерпретаций советской внешней политики, включая новые вопросы и новые исследования // Вторая мировая война. Взгляд из Германии. М., 2006. С. 75–87.
36. Кульков Е.Н., Ржешевский О.А. Истоки нового мирового конфликта // Мировые войны XX века : в 4 кн. 2-е изд. М. : Наука, 2005. Кн. 3: Вторая мировая война : исторический очерк. С. 16–67.

Bogatenko Roman V. F.M. Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia). E-mail: bog.roman@mail.ru

Fomenko Svetlana V. F.M. Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia). E-mail: fomenk@gmail.com

EAST AND WEST IN HITLER'S MILITARY STRATEGIC PLANS OF "POST-MUNICH" PERIOD

Keywords: Hitler; British Foreign Policy Committee; D. Ogilvy-Forbes; N. Mason-MacFarlane; G.A. Astakhov; Y. Beck.

The authors once again revert to the question of the place of the East and the West in Hitler's military strategic plans for the post-Munich period – more precisely, its initial phase, October 1938 – January 1939. The main sources are: published materials of the British Foreign Office; archival materials of meetings of the British Cabinet of Ministers and its committees, diplomatic documents from collections of the Ministry of Foreign Affairs of the USSR, as well as correspondence of former Russian tsarist diplomats.

Hitler's military strategic plans for the period "after Munich" have not been officially recorded anywhere. It is only known that on October 21, 1938, a directive appeared, setting the Wehrmacht with the task of defeating the remainder of Czechoslovakia, capturing the Memel region and strengthening the western German border. November 24 was followed by an order to prepare for an attack on Danzig, which was under the control of the League of Nations. After the solution of these problems, with a high probability Hitler could move troops into the territory of the USSR, which always remained his more "sworn" enemy, rather than the West.

Already in the summer of 1938, two French ambassadors informed their Foreign Ministry that "Hitler is now paying particular attention to the USSR issue", planning to "divide it into a number of more or less independent parts ... Ukraine should be one of such semi-independent parts...". Under pressure from Hitler on October 8, 1938, Podkarpatskaya Rus (Zakarpate) and Slovakia were granted autonomy in the "new" Czechoslovakia. But on October 25, a coup d'état took place in the Republic of Karpatskaya Rus, the prime minister – rusyn Brodia – was replaced by the "Ukrainian" Voloshin, and the region became known as the Zakarpatska Ukraine (Transcarpathian Ukraine). The birth of autonomy "Zakarpatska Ukraine" gave rise to a stable idea in Europe: Hitler intends to turn it into a "Ukrainian Piedmont".

The fact that Hitler intended to start the movement not in the western, but in the eastern direction, without stopping at the border of the USSR, was confirmed by his persistent “courting” of Polish politicians that continued from October 1938 to March 26, 1939. In the course of this “courtship”, the question of “policy to be pursued by Poland and Germany towards Russia” has consistently been raised. Hitler clearly made a bid to turn Poland into his ally, which he would hardly have done for the purpose of joint actions against England, and especially against France, with which Poland formally still remained in co-operation relations. In the event of war with the West Reich had enough Polish neutrality provided by the Polish-German Declaration of 1934 on the non-use of force.

The authors do not consider the reasons why, contrary to the expectations of many, the western not the eastern version of Hitler’s aggression will be realized in the autumn of 1939.

REFERENCES

1. Fomenko, S.V. (2018) Po povodu voenno-strategicheskikh planov Gitlera oktyabrya – dekabrya 1938 g. [Regarding Hitler’s military strategic plans for October – December 1938]. In: Drebushevskaya, G.A. (ed.) *Sotsial'nye instituty v istorii: retrospektiya i real'nost'* [Social Institutions in History: Retrospection and Reality]. Omsk: Omsk State University. pp. 101–114.
2. Dembski, S. (2009) Pol'sha, Sovetskiy Soyuz, krizis Versal'skoy sistemy i problema prichin nachala Vtoroy mirovoy voyny [Poland, the Soviet Union, the crisis of the Versailles system and the problem of the causes of the outbreak of the Second World War]. In: chechevishnikov, A.L. (ed.) *“Zavtra mozhet byt' uzhe pozdno...”*: Vestnik MGIMO-Universiteta. Spetsial'nyy vypusk k 70-letiyu nachala Vtoroy mirovoy voyny [“It may be too late tomorrow ...”: “Bulletin of MGIMO-University”. Special edition for the 70th anniversary of the beginning of the Second World War]. Moscow: MGIMO (U) MID Rossii. pp.48–71.
3. Dembski, S. (2017) Proiskhozhdenie vtoroy mirovoy voyny [The Origin of the Second World War]. In: Malgin, A.V. (ed.) *Belye pyatna – chernye pyatna. Slozhnye voprosy v rossiysko-pol'skikh otnosheniyakh* [White spots – black spots. Difficult issues in Russian-Polish relations]. Moscow: Aspekt-press. pp. 165–201.
4. Narinsky, M.M. (2017) Proiskhozhdenie vtoroy mirovoy voyny [The Origin of the Second World War]. In: Malgin, A.V. (ed.) *Belye pyatna – chernye pyatna. Slozhnye voprosy v rossiysko-pol'skikh otnosheniyakh* [White spots – black spots. Difficult issues in Russian-Polish relations]. pp. 127–164.
5. British Foreign Office. (1950) *Documents on British Foreign Policy. 1919–1939*. Third Series. Vol. III. September 14, 1938 – January 20, 1939. London: Her Majesty Stationery Office.
6. The National Archives of the United Kingdom. The Cabinet Papers. 1915–1986 (CAB).
7. Gromyko, A.A. (ed.) (1971) *SSSR v bor'be za mir nakanune vtoroy mirovoy voyny (sentyabr' 1938 g. – 1939 g.)* [The USSR in the struggle for peace on the eve of the Second World War (September 1938–1939)]. Moscow: Politizdat.
8. The USSR Ministry of Foreign Affairs. (1981a) *Dokumenty i materialy kanuna vtoroy mirovoy voyny* [Documents and materials on the eve of the Second World War]. Vol. 1. Moscow: Politizdat.
9. The USSR Ministry of Foreign Affairs. (1981b) *Dokumenty i materialy kanuna vtoroy mirovoy voyny* [Documents and materials on the eve of the Second World War]. Vol. 2. Moscow: Politizdat.
10. Ilichev, L.F. (ed.) (1990) *God krizisa, 1938–1939. Dokumenty i materialy. V 2 t.* [The Year of Crisis, 1938–1939. Documents and materials. In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Politizdat.
11. Primakov, E.M. (ed.) (1998) *Chemu svideteli my byli... Perepiska byvshikh tsarskikh diplomatov: 1934–1940. Sbornik dokumentov v dvukh knigakh* [What we witnessed ... Correspondence of former royal diplomats: 1934–1940. Collection of documents in two books]. Book 2. Moscow: Geya.
12. Hitler, A. (1992) *Moya bor'ba [1925]* [My struggle [1925]]. Translated from German. [s.l.]: T-OKO.
13. Shearer, W. (2003) *Vzlet i padenie Tre't'ego reykh [1960]* [The rise and fall of the Third Reich [1960]]. Moscow: Eksmo.
14. Keitel, W. (2012) *Razmyshleniya pered kazn'yu* [Reflections before execution]. Translated from German by G.Ya. Rudi. Moscow: Veche. pp. 544–570.
15. Fleischhauer, I. (1991) *Pakt. Gitler, Stalin i initsiativa germanskoy diplomatii 1938–1939* [Pact. Hitler, Stalin and the initiative of German diplomacy, 1938–1939]. Translated from German. Moscow: Progress.
16. Ogilvie-Forbes, G. (1938a) *Sir G. Ogilvie-Forbes (Berlin) to Viscount Halifax 6 December 1938*. DBFP. pp. 386–388.
17. Maiolo, J. (1998) *The Royal Navy and Nazi Germany: A Study in Appeasement and the Origins of the Second World War*. New York: St. Martin’s Press.
18. DBFP. (1938a) *The German Ambassador to Viscount Halifax 10 December 1938*. pp. 422–423.
19. DBFP. (1938b) *Viscount Halifax to the German Ambassador 14 December 1938*. pp. 433–434.
20. Dilks, D. (ed.) (1971) *The Diaries of Sir Alexander Cadogan, O.M. 1938–1945*. London: Cassell.
21. Gillard, D. (2007) *Appeasement in Crisis: From Munich to Prague, October 1938 – March 1939*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
22. Klevansky, A.Kh., Marina, V.V. & Pop, I.I. (eds) *Kratkaya istoriya Chekhoslovakii. S drevneyshikh vremen do nashikh dney* [A brief history of Czechoslovakia. From ancient times to the present day]. Moscow: Nauka.
23. Ogilvie-Forbes, G. (1938b) *Sir G. Ogilvie-Forbes (Berlin) to Viscount Halifax 29 December 1938*. DBFP. pp. 544–551.
24. Ogilvie-Forbes, G. (1939) *Sir G. Ogilvie-Forbes (Berlin) to Viscount Halifax 3 January 1939*. DBFP. pp. 561–564.
25. DBFP. (1939a) *Mr. Vertker (Moscow) to Viscount Halifax 10 January 1939*. pp. 575–579.
26. DBFP. (1939b) *Minute by Mr. Strang 17 January 1939*. pp. 589–590.
27. Committee of Imperial Defence. (1939) *Joint Planning Committee: memo. 331 app. 1, 26 January 1939*. CAB 55/14.
28. CAB 24/282/3.
29. CAB 23/97/2.
30. Muggerridge, M. (ed.) (1948) *Ciano's diplomatic papers*. London: Odhams Press Limited. Long Acre.
31. Shellenberg, W. (1991) *Labirint. Memuary gitlerovskogo razvedchika [1956]* [Labyrinth. Memoirs of Hitler's intelligence [1956]]. Translated from English. Moscow: Dom Biruni.
32. Preston, P. (1999) *Franco. Biografiya [1993]* [Franco. Biography [1993]]. Translated from English by Yu.V. Bekhtin. Moscow: ZAO Izd-vo Tsentrpoligraf.
33. Soria, J. (1987) *Voyna i revolyutsiya v Ispanii. 1936–1939: V 2 t.* [War and revolution in Spain. 1936–1939: In 2 vols]. Vol. 2. Translated from French. Moscow: Progress.
34. Taylor, A.J.P. (2005) *The origins of the Second World War [1961]*. New York: Simon and Schuster Paperbacks.
35. Amann, R. (2006) *Pakt mezhdru Gitlerom i Stalinym. Otsenka interpretatsiy sovetskoy vneshney politiki, vkluychaya novye voprosy i novye issledovaniya* [The Pact between Hitler and Stalin. Evaluation of interpretations of Soviet foreign policy, including new issues and new research]. In: Hemberger, H. et al. *Vtoraya mirovaya voyna. Vzgl'yad iz Germanii*. [World War II. German Perspective] Moscow: Eksmo. pp. 75–87.
36. Kulkov, E.N. & Rzheshesky, O.A. (2005) *Istoki novogo mirovogo konflikta [The origins of the new world conflict]*. In: Shatsillo, V.K. (ed.) *Mirovye voyny XX veka: v 4 kn.* [World Wars of the Twentieth Century: In 4 Books]. Book 3. 2nd ed. Moscow: Nauka. pp. 16–67.

УДК 94(4)“1945/...”
DOI: 10.17223/19988613/60/15

М.А. Гетман

ИЗМЕНЕНИЯ В ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА (1970–2009)

Рассматривается трансформация наднациональной политики памяти Евросоюза в контексте формирования европейской идентичности. Анализируются внешние и внутренние причины изменения политики памяти и исторических нарративов, лежащих в ее основе. В фокусе – деятельность Европейского парламента как ключевого актора в данной сфере. Выделено несколько этапов политики памяти, каждый из которых ознаменовал новое изменение исторического нарратива, в соответствии с ответом на политические вызовы настоящего.

Ключевые слова: политика памяти; европейская идентичность; наднациональная политика памяти; исторический нарратив; Европейский союз.

Введение

Завершение биполярной конфронтации в конце прошлого столетия вызвало ряд системных трансформаций, которые затронули большое количество сообществ. В связи с этим актуализировалась проблема поиска новых форм коллективных идентичностей в регионах постсоветского пространства, странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Поскольку коллективные идентичности базируются на определенных интерпретациях прошлого, в контексте изменений социально-политического порядка необходимо переосмысление собственной национальной истории. Другими словами, исторический опыт определяет выбор траектории развития данного сообщества, и также – базовые политические ценности, разделяемые всеми, кто считает себя частью этого сообщества. Общая история и память являются инструментами формирования идентичности.

Коллективная идентичность считалась прерогативой национальных государств: способом легитимации и мобилизации граждан внутри ограниченного территориальными и культурными рамками национального сообщества. Однако в конце XX в. становится актуальным вопрос формирования иного типа идентичности – наднационального – поскольку одним из важнейших акторов на международной арене становится Европейский союз (ЕС), в начале 1990-х гг. переживший внутреннюю трансформацию: переход от экономической интеграции к построению политического сообщества с широкими наднациональными компетенциями. Для нового этапа европейской интеграции одной из задач становится формирование у граждан ЕС европейской наднациональной идентичности, которая могла бы обеспечить долгосрочную поддержку проекта интеграции европейцами.

Использование истории и памяти как инструментов конструирования идентичности укладывается в понятие «политика памяти». Под политикой памяти современный российский политолог О.Ю. Малинова понимает «деятельность государства и других акторов, направленную на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование под-

держивающих их культурной инфраструктуры, образовательной политики, законодательного регулирования» [1. С. 33]. Польский исследователь П. Варзынский отмечает, что память, которая в обществе представлена в виде нарратива о пережитых событиях, является политическим ресурсом, поскольку нарративы могут влиять на действия граждан, ценности, идентичность и представления о будущем. Соответственно, политические акторы конкурируют за возможность определять доминирующий исторический нарратив [2. Р. 296]. В обществе могут сталкиваться различные взгляды на историю, различные нарративы, однако интересы специфических социальных групп, называемых Ж. Дужисом «создателями памяти» (*memory makers*) и обладающих ресурсами для широкого общественного признания определенной версии исторических событий, в итоге определяют, что помнит сообщество и как именно помнит [3. Р. 555].

Таким образом, политика памяти – это деятельность политических акторов (институтов, социальных групп) по интерпретации значимых для сообщества исторических событий, цель которой – консенсус относительно понимания в публичном пространстве исторического опыта. Консенсус поддерживает идентичность и коллективное убеждение в правильности существующего социально-политического порядка. Ценностные ориентиры и лояльность базируются на определенном историческом нарративе, который воспроизводят на различных общественных уровнях акторы власти.

В рамках данной статьи я хочу обратиться к вопросу изменения европейской политики памяти, осуществляемой наднациональными акторами в контексте формирования европейской идентичности. Анализируя документы, принятые наднациональными институтами, я прослежу этапы этих изменений. Объектом анализа здесь выступает исторический нарратив, который конструируют институты ЕС. Также я рассмотрю внешние и внутренние факторы, способствующие трансформации исторического нарратива и содержания политики памяти Европейского союза. Моя гипотеза – наднациональная политика памяти Евросоюза является производной от политических изменений, которые

происходили и продолжают происходить как в масштабах всего континента, так и во внутренней политике стран, входящих в ЕС. Данное положение объясняет, почему исторический нарратив не может являться статичной категорией, но, напротив, подвергается активному переосмыслению со стороны акторов власти.

Исследователи, занимающиеся вопросами политики памяти ЕС, сходятся во мнении, что самая значительная перемена произошла после расширения Европейского Союза в 2004 г., когда к сообществу присоединились те страны, которые сами пережили этап внутренней трансформации. Восточное расширение сделало актуальной проблему формирования нарратива, учитывающего исторический опыт граждан из новых стран ЕС [4. Р. 1183]. Однако это не значит, что до расширения в 2004 г. политика памяти ЕС не подвергалась каким-либо изменениям. В литературе не встречается конкретная «дата рождения» политики памяти, но в целом отмечается, что уже с 1950-х гг. наднациональные политические элиты пытаются создать «транснациональную память» [5. Р. 331] с целью придать европейскому проекту, полностью направленному в будущее, историческое измерение и способствовать возникновению европейской идентичности на базе общих ценностей [6. Р. 344].

Первая серьезная трансформация была связана с распадом социалистического блока в 1989 г., падением «железного занавеса», объединением Германии и завершением эпохи биполярности [7. Р. 6]. Она ознаменовала переход от политики памяти, основанной на общем культурном наследии и в целом положительных образах Европы, к политике памяти, центральным элементом которой становится память о преступлениях, совершенных на континенте в годы Второй мировой войны. Признание за Холокостом статуса «самого главного преступления XX века» в 1990-е гг. способствовало утверждению политического консенсуса, который разделялся всеми входящими в ЕС странами: недопустимость национализма и ксенофобии, признание прав человека высшей политической ценностью, достигнутой объединенной Европой. Страны, присоединившиеся к ЕС в 2004 г., поставили под сомнение статус Холокоста как *единственного* преступления против человечности, предложив добавить в этот нарратив на равных преступления коммунистических режимов, которые прежде не включались в историческое повествование, формировавшееся акторами из Западной Европы.

Для изучения наднациональной политики памяти я обращаюсь к официальным документам, в текстах которых отразились перемены в видении конкретного содержания, целей и задач наднациональной политики памяти. Акторами политики памяти являются основные институты ЕС – Европейский парламент (ЕП), Европейский совет и Европейская комиссия (ЕК). Однако в статье я сосредоточу внимание на документах, выпущенных Европейским парламентом. Этот наднациональный институт, являясь единственным формируемым напрямую гражданами ЕС представительным органом, обладает большей репрезентативностью по сравнению с другими основными институтами Евро-

союза и, соответственно, большей легитимностью. Так, опрос, проведенный службой «Евробарометр» показал, что Европарламент является самым известным институтом ЕС (92% респондентов слышали о нем) и также тем институтом, которому европейцы наиболее склонны доверять (48% из числа опрошенных) по сравнению с прочими наднациональными структурами [8. Р. 84, 87].

Одно из важнейших направлений деятельности парламента – защита фундаментальных прав и свобод человека и поддержка демократии на уровне ЕС [9]. Согласно результатам социологического опроса, основными ценностями Европейского союза граждане называют права человека, уважение к жизни и достоинству людей и мир [10]. Эти ценности формируют европейскую идентичность, объединяя всех жителей ЕС. Как будет показано в тексте статьи на примере резолюций, наднациональная политика памяти, формируемая по большей части парламентом, основной своей целью ставит защиту прав человека в Европе. Исторический нарратив рассказывает европейцам о том, как Европа после этапа «катастроф» и преступлений против человечности в первой половине XX в. превратилась в сообщество, базовой ценностью которого являются права человека. Отстаивая такой взгляд, ЕП получает право выступать легитимным источником в плане оценки исторических событий и трактовок прошлого. Документы, подготовленные Европейской комиссией не продуцируют независимого от ЕП или Евросовета видения политики памяти: фиксируя в резолюции или декларации общее видение проблемы и формулируя содержание политики памяти, Европарламент затем делает запрос к комиссии с целью разработать какой-либо конкретный инструмент, способный реализовать на практике предложения парламента. Таким образом, Европейские парламент и Совет принимают решения (резолюции и декларации), комиссия же отчитывается в практической реализации программ (отчеты и тексты рамочных программ). ЕК принимает решения о финансировании определенных мероприятий в соответствии с решениями Парламента и Совета, например программы «Европа для граждан» [11]. Эта программа запущена Европейской комиссией в 2006 г. с целью повышения осведомленности граждан о работе институтов ЕС, поощрения демократических инициатив, в целом привлечения граждан к участию в политике на европейском уровне. Одним из трех направлений в рамках этой программы является «Европейская память».

Политика памяти (и, как более широкое понятие, – «коллективная память») – предмет активного осмысления в гуманитарных науках. Исследователи изучают национальные кейсы политики памяти, выявляя закономерности, универсальное и особенное в каждом из случаев. Долгое время в центре внимания оставалась политика памяти в Германии, затем – политика памяти в России, в Восточноевропейских странах. В качестве методов используется анализ официальных исторических нарративов, политических дискурсов, тем, которые получают внимание в общественных дебатах, практик коммемораций и символов, за которыми стоят

определенные интерпретации национального прошлого. О.Ю. Малинова предлагает рассматривать политику памяти в контексте символической политики, которую она определяет как борьбу за интерпретацию смыслов в публичном пространстве с целью получения политических дивидендов. Исследователь анализирует практики формирования «удобного к использованию прошлого», к которому политические элиты обращаются в качестве аргумента, когда речь заходит о принятии каких-либо инициатив [12. Р. 86].

Наднациональная европейская политика памяти рассматривается как один из способов конструирования европейской идентичности и как возможность дополнительной легитимности для сообщества [4. Р. 1183]. В целом среди исследователей есть согласие по поводу перспектив и ограничений наднациональной мемориальной политики [13]. Среди вызовов называют конкуренцию двух базовых нарративов европейской истории [14. Р. 184], сопротивление отдельных стран возможной европеизации национального нарратива [15], политический конфликт внутри Европейского парламента, поскольку за разными видениями европейской истории стоят разные политические силы [16. Р. 495]. Среди перспектив обозначают создание сходных практик вспоминания [17. Р. 45], примирительный потенциал политики памяти, в рамках которой возможен диалог разных политических и социальных акторов [18. С. 170; 19. Р. 610]. Впрочем, не все исследователи согласны с подобным взглядом. Например, А.И. Миллер считает, что память, скорее, несет больше конфликтов, в особенности в связи с восточным расширением ЕС [20. С. 118]. Другие исследователи полагают, что европейцы в принципе не смогут выработать согласованный взгляд на свое прошлое [21. Р. 105]. Однако я считаю подобную позицию несколько необоснованной: несмотря на сложность самой задачи создания общей памяти в масштабах всего континента, наднациональные институты движутся в сторону все большего консенсуса и отходят от сугубо национальных интерпретаций истории. В этом плане показательным является создание по инициативе Европарламента музея «Дом европейской истории», который открылся в Брюсселе весной 2017 г. Это — амбициозный проект, однако его амбиции заключаются не в масштабе выставочной экспозиции, но в самой идее отказа от исключительно национальной перспективы рассмотрения исторических событий и попытке выстроить нарратив общеевропейской истории [22].

В настоящий момент ЕС не представил какого-либо программного документа или стратегии, согласно которой осуществляется вся политика памяти, однако есть достаточно четко сформулированное направление этой политики. Оно зафиксировано в Стокгольмской программе «Открытая и безопасная Европа, служащая своим гражданам и защищающая их», принятой Европейским советом в 2009 г.: «Европейский союз — это пространство общих ценностей, которые несовместимы с преступлениями геноцида, преступлениями против человечности и военными преступлениями, включая также и преступления, совершенные тоталитарными режимами. Каждое государство, входящее в ЕС, имеет

собственный подход к данной проблеме, но в интересах примирения память об этих злодеяниях должна быть коллективной памятью, которую разделяем и поддерживаем, где, возможно, все мы. Союз должен выступать в роли координатора» [23. Р. 8]. В этой цитате заключена главная цель мемориальной политики ЕС: сохранить память о преступлениях ради осознанного отношения к тем достижениям в области прав и свобод человека, которые защищает Европейский союз как наднациональная организация демократических стран. Кроме того, политика памяти Евросоюза нацелена на выработку общего *понимания* европейской истории. В этом документе находим и ту позицию, которую ЕС отводит сам себе: координатор. Каким образом ЕС пришел к подобному пониманию? Проследим трансформации наднациональной политики памяти с учетом причин изменений.

Память о лучшем в европейской истории (1970–1980-е гг.)

В первые послевоенные десятилетия в западноевропейских обществах формируются национальные исторические нарративы, согласно которым в годы войны страна была или жертвой нацизма, или, несмотря на оккупационный режим, имела влиятельное движение Сопротивления [24. Р. 111]. Подобные нарративы определяли способы коммемораций Второй мировой войны, нормы публичных воспоминаний об этих событиях и также формировали идентичность нации. На уровне европейского сообщества, однако, память о Второй мировой войне не играла сколь-нибудь существенной роли в контексте формирования наднациональной европейской идентичности. Исторические предпосылки европейского единства находились в рамках дискурса об историческом и культурном наследии Европы. Первоначально политика памяти ЕС делала акцент на позитивных сторонах европейской истории, преследуя цель сформировать образ прогрессивной Европы, устремленной в будущее, государства которой сближаются ради благополучия своих граждан, чье единство определено культурой. При таком подходе события Второй мировой войны не рассматривались как структурообразующий элемент идентичности. По образному выражению итальянской исследовательницы О. Каллигаро, память о событиях Второй мировой войны была в тот период неким «ящиком Пандоры», открывать который не осмеливался ни один политический актор на европейской арене [5. Р. 338].

Европейское сообщество выстраивало свою идентичность, скорее, оставаясь в логике биполярного миропорядка, отталкиваясь от противопоставления ценностей Европы как ценностей «свободного мира» ценностям тоталитарного восточного блока. В декларации о европейской идентичности 1973 г. Вторая мировая война, оккупация и Холокост вообще не упоминаются [25. Р. 118]. В документе говорится об общем культурном наследии европейцев, сходном образе жизни, политических ценностях как базовых элементах европейской идентичности, среди которых представительная демократия, верховенство закона и ува-

жение прав человека. Однако в декларации не указано, какие исторические обстоятельства сделали эти ценности определяющими для Европы. Декларация не ссылается на опыт прошлого, за исключением одной оговорки: «...европейские страны когда-то сделали выбор в пользу разобщенности и защищали ошибочные интересы. Однако они преодолели свою вражду и пришли к мнению, что единство – залог сохранения их общей европейской цивилизации» [25. Р. 118]. Исторический нарратив того периода можно интерпретировать следующим образом: национализм европейских стран, который определял политику и взаимодействие между государствами в течение почти всего XIX и первой половины XX в., был трагической ошибкой европейской истории. Несмотря на то, что националистические настроения охватили как правителей, так и массы, европейское единство имело более глубокие корни, нежели европейский национализм. Цивилизационная и культурная общность Европы существовала «всегда», и создание Европейского сообщества в рамках такого нарратива было результатом закономерного исторического развития.

Основная цель наднациональной политики в сфере истории в этот период – создание общественного консенсуса и лояльности к европейской интеграции в странах Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и подготовка условий для более масштабной экономической и политической интеграции [26. Р. 85]. Следует отметить, что критика национализма в контексте формирования исторического нарратива и акцент на позитивных достижениях единой европейской цивилизации соотносились с ситуацией настоящего: евроскептические настроения в странах сообщества, экономические трудности, которые угрожали единому рынку. История же могла подтвердить не просто правильность выбранного направления, но также недопустимость отката назад, т.е. к дезинтеграции и политике национальных интересов.

Период с 1970-х до 1989 г. можно обозначить как этап становления и функционирования «положительной» политики памяти с ее фокусом на культурное наследие. Это не значит, что события Второй мировой войны и Холокост были забыты на официальном европейском уровне; но память о войне и варварстве использовалась как рамка, на фоне которой позитивные достижения Европейского сообщества выглядели еще ярче. Негативный опыт не воспринимался как часть европейской идентичности, но, напротив, описывался в качестве абсолютной противоположности того, чем «Европа» является сегодня. Политические элиты ЕС создавали дистанцию между памятью о трагедиях войны и причастностью этого опыта к интеграционному проекту.

Как история становится «хорошо выученным» уроком (1989–2004)

В 1989 г. произошло несколько событий, которые определили ход европейской истории: 9 ноября падение Берлинской стены ознаменовало завершение периода биполярной конфронтации в Европе и объединение

Германии, а в странах Восточной и Центральной Европы в результате «бархатных революций» последовательно пали коммунистические режимы. Для наднационального Европейского экономического сообщества это значило поиск своей роли в новых условиях, когда противопоставление, на котором строилась идентичность «свободной» Западной Европы, утратило свою актуальность: значимый «другой» (коммунистическая Восточная Европа) прекратил свое существование. На смену ему пришла Европа, полная решимости стать демократической и желавшая также присоединиться к наднациональному сообществу.

События 1989 г. вызвали в европейских странах явление, получившее впоследствии название «бум памяти». Трансформации, случившиеся на континенте в период 1989–1991 гг., привели к общественным дискуссиям, главной темой которых была официальная память о Второй мировой войне, которая не всегда соответствовала исторической действительности. В отношении к истории войны существовала следующая позиция: «подведение черты» (под прошлым). В Германии прошла денацификация, главные военные преступники наказаны, а для успеха интеграции не стоит лишний раз говорить о событиях «тех лет». Однако данный официальный подход снимал ответственность за соучастие простых людей в преступлениях периода немецкой оккупации [27. Р. 85]. И если статус-кво (разделение Европы на Восток и Запад) изменился и история дала новый виток, значит «черта» под прошлым была подведена преждевременно. Нарратив «все мы [страны Западной Европы] были жертвами нацистов» [27. Р. 86] пересматривается в ходе общественных обсуждений.

Так, в 1995 г. президент Франции Жак Ширак официально признал Францию ответственной за соучастие в Холокосте и виновной в гибели французских евреев [28. С. 102]. В Германии в том же году проходит масштабная выставка, посвященная преступлениям вермахта, своей целью ставившая разрушить миф о «хорошем вермахте», который якобы, в отличие от частей СС, не был виновен в геноциде и военных преступлениях [29. С. 423].

Следует иметь в виду эти национальные контексты, связанные с изменением трактовки событий Второй мировой войны. На первый план выходит осознание того, что самое главное событие войны, которое и должно формировать память о ней, – это Холокост. Безусловно, дискуссии в странах Европейского союза повлияли на европейскую политику памяти, однако институты ЕС также переосмысливали прошлое. В этом плане показательны две резолюции Европейского парламента. Одна из них – «О защите нацистских концентрационных лагерей как исторических памятников на европейском и международном уровне» (1993), вторая – «Установление дня памяти жертв Холокоста» (1995), изданная в годовщину 50-летнего окончания Второй мировой войны.

Активность ЕП в этой сфере объясняется международным контекстом того времени: впервые с 1945 г. на континент вернулся вооруженный конфликт, сопровождавшийся к тому же этническими чистками и

выпешками национальной и религиозной нетерпимости. Речь идет о войне на Балканах 1992–1995 гг. как следствии распада Югославии. Чтобы делегитимизировать радикальные взгляды и зафиксировать свою позицию по отношению к проявлениям национализма, ЕП обращается к Холокосту как к убедительному историческому аргументу, примеру уникального по своим масштабам и последствиям преступления против человечности [30]. Происходящее на Балканах Европарламент квалифицировал в терминах нарушения прав человека. Война в Югославии к тому же угрожала самому главному достижению европейской интеграции – миру на европейском континенте. Пусть конфликт и не происходил в политических границах Евросоюза, символически наднациональные акторы помещали Балканы в зону своей ответственности. Тому свидетельствует следующий тезис: «Евросоюз готов защищать мир и демократию как внутри сообщества, так и за его пределами» [31]. Полагаю, здесь также отразилось стремление ЕС найти свою роль в контексте пост-биполярного мира: Европейское сообщество претендовало на ведущую позицию в западном мире, и активность в сфере защиты прав человека могла укрепить положение ЕС.

Исторический нарратив трансформируется под влиянием изменений национальных историй и под влиянием позиции наднациональных акторов. ЕС принимает на себя ответственность за преступления, а память о них становится моральным долгом и залогом сохранения демократии и обеспечения соблюдения прав человека. Тогда именно Холокост становится «точкой отсчета» для европейской идентичности, «мифом основания» европейской интеграции [16. Р. 489; 32]. В 2000 г. Европейский союз сыграл одну из ключевых ролей в институционализации памяти о Холокосте уже на международном уровне: по решению шведского премьер-министра Й. Перссона создана «Международная организация по увековечиванию памяти Холокоста», в состав которой сразу же вошли несколько крупных европейских стран (Германия, Франция, Италия). Задачей новой структуры являлось сохранение памяти об этой трагедии в международном масштабе. Исследователи в этой связи даже писали о формировании «глобальной памяти», где центральным звеном является Холокост [33. Р. 88].

С точки зрения политических ценностей в Европе окончательно складывается консенсус: любой актор власти, претендующий на участие в публичной политике, не должен подвергать сомнению значение Холокоста и также не может высказывать публично радикальных антисемитских и националистических взглядов. Подобные националистические нарративы не являются легитимными. В этом смысле память о Холокосте не может вызывать разногласий у различных политических сил в ЕС.

Таким образом, в период с 1989 по 2004 г. формируется и утверждается самокритичная парадигма европейской истории. Холокост как уникальный пример «исторического зла» становится предупреждением и способом предотвратить даже сами предпосылки нетерпимости. Нарратив, конструируемый наднациональ-

ными акторами, выглядит следующим образом: национализм и радикальные взгляды привели к трагедии геноцида, преступлению, совершенному государством против своих граждан и также граждан других стран. Европейское сообщество стало ответом на масштабное насилие и преступления против человечности. Гарантии соблюдения прав человека, защита достоинства и соблюдение прав меньшинств – это достижения ЕС. Память о трагедии Холокоста объединяет европейцев. Меняется фокус восприятия европейской истории: не культурные предпосылки, а общая трагедия и решимость не допустить ее повторения стали триггерами интеграции.

Восток и Запад в поисках общего знаменателя: политика памяти после расширения Европейского союза в 2004 г.

В странах Центральной и Восточной Европы с 1989 г. проводилась декоммунизация как часть демократического транзита. Суть декоммунизации в полном отказе от всех общественных и политических практик периода социализма. Одной из форм этого процесса становится изменение национальных исторических нарративов в государствах ЦВЕ, выраженное в пересмотре значения событий, которые последовали после 1945 г. Прежде нарративы о Второй мировой войне определялись официальной историографией: освобождение от фашизма в страны Восточной Европы принесла Советская Армия, и в благодарность за это народы ЦВЕ, в контексте начавшегося блокового противостояния, после ряда «демократических» революций выбрали «правильную» сторону. Иначе говоря, присоединились к социалистическому блоку. Иные трактовки войны находились вне официального дискурса.

Декоммунизация общественной жизни и «возвращение» национальной памяти в странах ЦВЕ существенным образом повлияли на наднациональную политику памяти. После 2004 г. европейские акторы проводят декоммунизацию уже на уровне всего сообщества. Большую роль здесь сыграла активность политиков из стран ЦВЕ, которые стали депутатами Европарламента, например таких, как Сандра Калниете (Латвия), Туне Келамм (Эстония) [34. Р. 348].

Второе изменение политики памяти – иная трактовка значения даты «8 мая 1945». В западноевропейском нарративе за этой датой был закреплен однозначный смысл: завершение ужасов войны и геноцида, начало новой эпохи мира и процветания. Для народов Восточной Европы «8 мая 1945» значило замену одного тоталитаризма (нацистского) другим (сталинским). Для ЦВЕ большое символическое значение имело признание со стороны наднациональных институтов этой позиции: «8 мая 1945» принесло освобождение *не всему* континенту.

Евросоюз поддерживал память о Холокосте как определяющую для всей системы европейских политических ценностей. Но с точки зрения Восточной Европы сталинизм и коммунизм были точно таким же преступлением, как и Холокост, имевшим не меньшее значение для ценностей Европы. Поэтому когда ис-

следователи говорят о дихотомии, или конкуренции памятей Востока и Запада, правильнее было бы понимать это не собственно как «соревнование» между памятью жертв, а как проблему определения: какое историческое событие более значимо для складывания европейской идентичности? Вопрос памяти остается также вопросом распределения властных и финансовых ресурсов, поскольку Европейская комиссия поддерживает проекты в сфере памяти в рамках программы «Европа для граждан». Некоммерческие просветительские проекты, подготовленные неправительственными акторами, могут получить грант на реализацию, если их содержание поддерживает развитие «толерантности, взаимопонимания, межкультурного диалога и примирения» [11]. Но когда эксперты Комиссии будут выбирать между проектом коммеморации сталинских преступлений и проектом коммеморации Холокоста, при прочих равных условиях у кого больше шансов на финансовую поддержку для реализации?

Некоторые критикуют акторов из Восточной Европы за попытки «прикрыться» национальными жертвенными нарративами, в то время как проработка собственного прошлого и память о соучастии местного населения в геноциде евреев в период оккупации (Польша, Венгрия) или открытый коллаборационизм в годы войны (Латвия, Литва, Эстония) остаются «в тени» [35. Р. 357]. С другой стороны, продвижение своей памяти является способом добиться равного статуса в европейской политике [36. Р. 656].

Для институтов ЕС важной задачей становится приведение памяти «к общему знаменателю». Как я покажу на примере двух резолюций и декларации Европарламента, ответом на данный вызов стало формирование «антитоталитарной» парадигмы европейской истории.

В принятой 12 мая 2005 г. резолюции «Будущее Европы 60 лет спустя после Второй мировой войны», по сути, предлагается иная интерпретация результатов войны. Авторы текста отмечают, что 8 мая 1945 г. мир и свобода воцарились только в западной части Европы, ведь «для некоторых народов окончание Второй мировой войны означало возобновление тирании, навязанной сталинским Советским Союзом» [37]. Главная мысль этого документа: по-настоящему война в Европе завершилась только в 1989 г., когда рухнул «железный занавес», а полностью последствия войны были преодолены только 1 мая 2004 г., когда к Евро-союзу присоединились страны бывшего восточного блока. Резолюция уделяет много внимания историческому опыту Восточной Европы, ее трагедии и пути к европейскому единству, однако это все еще оценка опыта «другого» с точки зрения Западной Европы, которая находится на положении «старшего партнера». В резолюции трагедия Холокоста, которая является отправной точкой для конструирования идентичности и памяти, упоминается один раз и вне какого-либо контекста с политическими ценностями Европы [37]. Фокус смещен даже не в сторону страданий, пережитых в коммунистических странах, но в сторону Европейского союза как модели мира и его достижений. Следует подчеркнуть, что резолюция – пробный шаг в попытке найти компромисс между различными силами,

выстраивая «подлинно общую европейскую память»; акцент на роли ЕС, скорее всего, является рациональной и сбалансированной тактикой, тем самым «общим знаменателем» двух парадигм памяти.

В 2008 г. Европарламент принимает декларацию о провозглашении 23 августа Европейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма. Это сделано в преддверии 70-летней годовщины подписания пакта Молотова–Риббентропа, или же советско-германского пакта о ненападении, секретные протоколы которого касались раздела сфер влияния в Европе между двумя диктаторами. Документ стал вехой на пути формирования антитоталитарной парадигмы, в рамках которой и нацизм, и сталинизм сводятся к одной категории – преступления против человечности [38]. Тем самым авторы текста попытались снять напряжение между двумя историческими нарративами.

В апреле 2009 г. Европейский парламент издает резолюцию «Европейская совесть и тоталитаризм», которая закрепляет концептуальные рамки наднациональной политики памяти и является квинтэссенцией предыдущих документов в этой области. Авторы резолюции признают, что для стран Западной Европы ключевым историческим опытом стал нацизм, а народы Восточной и Центральной Европы столкнулись как со сталинизмом, так и с нацизмом [39]. В тексте, впрочем, оговаривается, что при всей жестокости авторитарных и тоталитарных режимов в Европе XX в. «уникальность Холокоста не должна подвергаться сомнению» [Ibid.]. Резолюция содержит следующий вывод: «Европа не будет едина до тех пор, пока не выработает общий взгляд на свою историю и не признает нацизм, сталинизм, фашистские и коммунистические режимы в качестве общего наследия». Показательно это внутреннее разграничение антидемократических режимов: так, с целью включения в исторический нарратив действительно всех проблемных точек истории акторы ЕС делают видимыми в публичном пространстве франкистский режим в Испании, очерчивают хронологическую границу между сталинизмом в Восточной Европе и диктатурой коммунистических партий более позднего периода. Европейский парламент формирует своего рода максимум политики памяти ЕС: «...с точки зрения жертв, не имеет значения, какая идеология лежала в основе политического режима и с какой целью людей угнетали» [Ibid.]. Тем самым ЕС отвечает на критику по поводу приравнивания преступлений нацизма и сталинизма; якобы это невозможно по причине разницы идеологических целей, лежащих в основе политических практик. У Европейского союза – особая ответственность за сохранение демократии (на основе памяти), причем «как внутри ЕС, так и за его пределами». Европейская интеграция является ответом на трагедии прошлого, и ее основное историческое достижение – в сохранении мира и демократии на основе уважения к правам человека.

Таким образом, институты ЕС попытались найти «общий знаменатель» двух нарративов памяти, предложив вписать их на равных правах под зонтичную конструкцию антитоталитарной парадигмы, фокус которой – на историческом опыте в качестве предупреждения и важности сохранения демократии и прав

граждан. Европейский союз получает «дополнительную легитимность», подтвержденную самой историей.

Заключение

История в виде определенного нарратива (т.е. последовательного рассказа о событиях) обосновывает коллективную идентичность, определяет ценностные ориентиры сообщества и вектор(ы) его развития. Политика памяти является способом направить коллективные представления о прошлом (и будущем) в нужное, с точки зрения акторов власти, русло.

Институты ЕС своей задачей ставят выход за рамки национальных историй и конструирование общеевропейского исторического, наднационального по своей сути нарратива. Политика памяти Евросоюза прошла в своем развитии несколько этапов, и каждый из них характеризовался определенным изменением нарратива. Как я показала в своем исследовании, политика памяти и лежащие в ее основе нарративы меняются не просто по усмотрению какого-либо института ЕС, но только в контексте ответа на определенный вызов, в качестве реакции на социально-политические трансформации. Ключевым наднациональным актором, ответственным за содержание политики памяти, является Европейский парламент – репрезентативный орган Европейского союза, поэтому в статье я обратилась к его деятельности, проведя анализ позиций ЕП, зафиксированных в официальных документах.

Две самые глубокие по своим масштабам трансформации наднациональной политики памяти про-

изошли после 1989 и 2004 гг. и явились ответом на внешние и внутренние вызовы, связанные, во-первых, с распадом прежней структуры международных отношений, который актуализировал проблему поиска идентичностей в переживших трансформации сообществах, в число которых входила и Западная Европа, во-вторых, с интеграцией в уже сформированное политическое пространство новых стран, в свою очередь, проводивших ряд системных реформ.

Акторы власти меняют нарратив, когда прежняя картина прошлого утрачивает актуальность в качестве средства обоснования коллективной идентичности. Активная политика памяти закрепляет новые формы прочтения истории, становясь, таким образом, инструментом, с помощью которого возможно объяснить произошедшие перемены.

На современном этапе Европейский союз предлагает антитоталитарную парадигму европейской истории, в рамках которой два тоталитаризма XX в. (и два исторических опыта) интерпретируются в одинаковой категории «преступления против человечности». Тем самым наднациональные акторы стремятся закрепить «примирительный» консенсус, где примирение достигается за счет фокуса на достижениях ЕС в области прав человека. Такое понимание европейской истории XX в. по большей части возникает из современных политических задач, тем не менее оно способно стать своего рода «общим знаменателем» для коллективных памяти граждан Западной и Восточной Европы, которые понимают защиту прав человека как самую главную ценность объединенной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти : сб. науч. тр. / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.–СПб. : Нестор-История, 2018. С. 27–54.
2. Wawrzynsky P. The Government's Remembrance Policy. Five Theoretical Hypothesis // Polish Political Science Yearbook. 2017. Vol. 46 (1). P. 294–312.
3. Dujisin Z. Post-Communists Europe: On the Path to a Regional Regime of Remembrance? // Thinking Through Transition. Liberal Democracy, Authoritarian Pasts, and Intellectual History in East Central Europe after 1989 / ed. by M. Kopecek and P. Wcislik. Budapest : Central European University Press, 2015. P. 553–587.
4. Littoz-Monnet A. The EU Politics of Remembrance: Can Europeans Remember Together? // West European Politics. 2012. Vol. 35, № 5. P. 1182–1202.
5. Calligaro O. Legitimation Through Remembrance? The Changing Regimes of Historicity of European Integration // Journal of Contemporary European Studies. 2015. Vol. 23, № 3. P. 330–343.
6. Neumayer L. Integrating the Central European Past into a Common Narrative: The Mobilizations Around the “Crimes of Communism” in the European Parliament // Journal of Contemporary European Studies. 2015. Vol. 23, № 3. P. 344–363.
7. Währens A. Shared Memories? Politics of Memory and Holocaust Remembrance in the European Parliament 1989–2009 // DIIS Working Paper. 2011. Vol. 06. 24 p.
8. Standard Eurobarometer 90. Autumn 2018 : Report. Public Opinion in the European Union. European Union, 2018. 214 p.
9. About Parliament. Democracy and Human rights // European Parliament. URL: <http://www.europarl.europa.eu/about-parliament/en/democracy-and-human-rights> (accessed: 21.05.2019).
10. Standard Eurobarometer 77. Spring 2012 : Report. The values of Europeans. European Commission. Public Opinion. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/index_en.htm (accessed: 21.05.2019).
11. Europe for Citizens. Education, Audiovisual and Culture Executive Agency // European Commission. URL: https://eacea.ec.europa.eu/europe-for-citizens_en (accessed: 21.05.2019).
12. Malinova O. Constructing the “Usable Past”: the Evolution of the Official Historical Narrative in Post-Soviet Russia // Cultural and Political Imaginaries in Putin's Russia. Eurasian Studies Library. 2019. Vol. II. P. 85–105.
13. Sierp A. Drawing Lessons from the Past: Mapping Change in Central and South-Eastern Europe // East European Politics and Societies and Cultures. 2016. Vol. 30, № 1. P. 3–9.
14. Lagrou P. Memories of totalitarianism. Asymmetry of memory, East & West and the Holocaust // Memory and Responsibility. The legacy of Jan Karski / E. Smolar (dir.). Warsaw : Semper Scientific Publishers, 2015. P. 182–192.
15. Neumayer L. Advocating for the cause of the “victims of Communism” in the European political space: memory entrepreneurs in interstitial fields // Nationalities Papers. 2017. Vol. 45, № 6. P. 992–1012.
16. Littoz-Monnet A. Explaining Policy Conflict across Institutional Venues: European Union-Level Struggles over the Memory of the Holocaust // Journal of Common Market Studies. 2013. Vol. 51, № 3. P. 489–504.
17. Prutsch J. Markus. European Remembrance Policy // Observing Memories. 2018. Is. 2. P. 42–48.
18. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое лит. обозрение, 2014. 328 с.
19. Rigney A. Transforming Memory and European Project // New Literary History. 2012. Vol. 43. P. 607–628.

20. Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // *Полития*. 2016. № 1 (80). С. 111–121.
21. Bult J. Why a Common European Culture of Remembrance Shall not Emerge // *Lithuanian Foreign Policy Review*. 2010. № 24. P. 100–106.
22. Mission & vision // House of European history. URL: <https://historia-europa.ep.eu/en/mission-vision> (accessed: 22.05.2019).
23. The Stockholm Programme – An Open and Secure Europe Serving and Protecting Citizens // *Official Journal of the European Union*. 2010. 4 May. 38 p.
24. Droit E. The Gulag and the Holocaust in Opposition: Official Memories and Memory Cultures in Enlarged Europe // *Vingtieme Siecle. Revue d'histoire*. 2007. № 94 (2). P. 101–120.
25. Document on The European Identity published by the Nine Foreign Ministers on 14 December 1973, in Copenhagen. Bulletin of the European Communities. December 1973, No 12. Luxembourg : Office for official publications of the European Communities. «Declaration on European Identity», URL: http://www.cvce.eu/obj/declaration_on_european_identity_copenhagen_14_december_1973-en-02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32.html (accessed: 21.03.2019).
26. Calligaro O. Negotiating Europe. The EU promotion of Europeanness since the 1950s. Palgrave Macmillan, 2013. 252 p.
27. Judt T. The Past is Another Country: Myth and Memory in Postwar Europe // *Daedalus*. 1992. Vol. 121, № 4. P. 83–118.
28. Шерпер Ю. Германия и Франция: проработка прошлого // *Pro et contra*. 2009. № 3-4 (46). С. 89–109.
29. Кауганов Е.И. Выставка «Преступления Вермахта» 1995–1999 и ее вклад в немецкую культуру памяти о нацистском прошлом // *Журнал исследований социальной политики*. 2015. № 3 (13). С. 421–436.
30. Resolution on European and international protection for Nazi concentration camps as historical monuments // *Official Journal of the European Communities* C 72. 1993. Vol. 36, 15 March. P. 118–119.
31. Resolution on a day to commemorate the Holocaust // *Official Journal of the European Communities* C 166. 1995. Vol. 38, 3 July. P. 132.
32. Leggewie C. Seven circles of European Memory. Eurozine, December 2010. URL: <https://www.eurozine.com/seven-circles-of-european-memory/> (accessed: 22.03.2019).
33. Levy D., Schnaider N. Memory Unbound. The Holocaust and the Formation of Cosmopolitan Memory // *European Journal of Social Theory*. 2002. № 5 (1). P. 87–106.
34. Neumayer L. Integrating the Central European Past into a Common Narrative: The Mobilizations Around the “Crimes of Communism” in the European Parliament // *Journal of Contemporary European Studies*. 2015. Vol. 23, № 3. P. 344–363.
35. Radonic L. “Europeanization of the Holocaust” and Victim Hierarchies in Post-Communist Memorial Museums // *Entangled Memories. Remembering the Holocaust in a Global Age* / ed. by M. Henderson and J. Lange. Heidelberg : Universitätsverlag Winter GmbH, 2017. P. 353–387. (American Studies – A Monograph Series, Vol. 275).
36. Mälksoo M. The Memory Politics of Becoming European: The East European Subalterns and the Collective Memory of Europe // *European Journal of International Relations*. 2009. Vol. 15 (4). P. 653–680.
37. The future of Europe sixty years after the Second World War. European Parliament resolution on the sixtieth anniversary of the end of the Second World War in Europe on 8 May 1945 / Thursday, 12 May 2005 – Strasbourg. European Parliament.
38. European Day of Remembrance for Victims of Stalinism and Nazism. Declaration of the European Parliament on the proclamation of 23 August as European Day of Remembrance for Victims of Stalinism and Nazism // *Official Journal of the European Union*. C. 8. E/57. 2010. 14 Jan.
39. European conscience and totalitarianism. European Parliament resolution of 2 April 2009 on European conscience and totalitarianism / Thursday, 2 April 2009 – Brussels. European Parliament.

Getman Margarita A. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: margarita.getman2015@yandex.ru

TRANSFORMATIONS ON EUROPEAN UNION REMEMBRANCE POLICY (1970–2009)

Keywords: remembrance policy; European identity; supranational memory politics; historical narrative; European Union.

This article examines how the supranational remembrance policy provided by European Union (EU) institutions as a part of European identity formation has changed since 1970's till 2009. The object of study is historical narrative constructed by actors of power. Purpose of this research is to underline external and internal conditions behind any European remembrance policy transformation.

Key promoter of memory policy is European Parliament (EP), the only European institution which is formed by citizens voting. I focused on official documents (resolution) proposed by EP to understand choosing directions of memory politics and transformation of historical narrative.

As I suppose, remembrance policy changed under impact of external and internal factors, and I distinguish three stages of supranational memory policy. First one – from mid-1970 until 1989. Here actors create positive image of Europe through “European heritage” and success of economic integration process.

After the end of Cold war Europe need to find its new role and identity. Official narratives of war began to revise in all European states. Since 1990s Holocaust remembrance and this tragedy itself is foundation historical event for European identity and for understanding of political values such as human rights and tolerance. Main factor for signification of Holocaust memory is Bosnian war (1992-1995).

Since East Enlargement (2004) new states contribute to European historical narrative with their experience of Stalinism and communism. After 2005 (with EP Resolution on 60 Anniversary of WWII), one could observe massive turn in supranational remembrance policy: from paradigm where crime of Holocaust interpret as “unique evil” to paradigm “Nazism and Stalinism as both equally crimes against humanity”. Such anti- totalitarian narrative could bring consensus to shared understanding of modern European history. European Parliament issued two resolutions (2008, 2009) to fasten Eastern memory on communism crime as significance to Europe. But problem is interpretation of European identity: which historical event (Holocaust or Stalinism) contribute more to creation of nowadays Europe and its values?

Author concludes that focus on EU's achievement in human rights defense is a way to create supranational historical narrative: European history interpret as a path from nationalism and anti-democratic regimes crimes to the space of freedom and rights of European citizens.

REFERENCES

1. Malinova, O.Yu. (2018) Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoy politiki [The policy of memory as an area of symbolic policy]. In: Miller, A.I. & Efremenko, D.V. (eds) *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological issues of studying the policy of memory]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 27–54.
2. Wawrzynsky, P. (2017) The Government's Remembrance Policy. Five Theoretical Hypothesis. *Polish Political Science Yearbook*. 46(1). pp. 294–312. DOI: 10.15804/ppsy2017119
3. Dujisin, Z. (2015) Post-Communists Europe: On the Path to a Regional Regime of Remembrance? In: Kopecek, M. & Wcislik, P. (eds) *Thinking Through Transition. Liberal Democracy, Authoritarian Pasts, and Intellectual History in East Central Europe after 1989*. Budapest: Central European University Press. pp. 553–587.

4. Littoz-Monnet, A. (2012) The EU Politics of Remembrance: Can Europeans Remember Together? *West European Politics*. 35(5). pp. 1182–1202. DOI: 10.1080/01402382.2012.706416
5. Calligaro, O. (2015) Legitimation Through Remembrance? The Changing Regimes of Historicity of European Integration. *Journal of Contemporary European Studies*. 23(3). pp. 330–343. DOI: 10.1080/14782804.2015.1054794
6. Neumayer, L. (2015) Integrating the Central European Past into a Common Narrative: The Mobilizations Around the “Crimes of Communism” in the European Parliament. *Journal of Contemporary European Studies*. 23(3). pp. 344–363. DOI: 10.1080/14782804.2014.1001825
7. Wæhrens, A. (2011) Shared Memories? Politics of Memory and Holocaust Remembrance in the European Parliament 1989–2009. *DIIS Working Paper*. 6.
8. The European Union. (2018) *Standard Eurobarometer 90. Autumn 2018/ Report*. Public Opinion in the European Union. European Union.
9. The European Parliament. (n.d.) *About Parliament. Democracy and Human Rights*. [Online] Available from: <http://www.europarl.europa.eu/about-parliament/en/democracy-and-human-rights>. (Accessed: 21st May 2019).
10. The European Union. (2012) *Standard Eurobarometer 77. Spring 2012/ Report. The values of Europeans*. European Commission. Public Opinion. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/public_opinion/index_en.htm. (Accessed: 21st May 2019).
11. The European Commission. (n.d.) *Europe for Citizens/Education, Audiovisual and Culture Executive Agency*. [Online] Available from: https://eacea.ec.europa.eu/europe-for-citizens_en. (Accessed: 21st May 2019).
12. Malinova, O. (2019) Constructing the “Usable Past”: the Evolution of the Official Historical Narrative in Post-Soviet Russia. *Cultural and Political Imaginaries in Putin's Russia. Eurasian Studies Library*. 2. pp. 85–105. DOI: 10.1163/9789004366671_006
13. Sierp, A. (2016) Drawing Lessons from the Past: Mapping Change in Central and South-Eastern Europe. *East European Politics and Societies and Cultures*. 30(1). pp. 3–9. DOI: 10.1177/0888325415605890
14. Lagrou, P. (2015) Memories of totalitarianism. Asymmetry of memory, East & West and the Holocaust. In: Smolar, E. (ed.) *Memory and Responsibility. The legacy of Jan Karski*. Warsaw: Semper Scientific Publishers. pp. 182–192.
15. Neumayer, L. (2017) Advocating for the cause of the “victims of Communism” in the European political space: memory entrepreneurs in interstitial fields. *Nationalities Papers*. 45(6). pp. 992–1012. DOI: 10.1080/00905992.2017.1364230
16. Littoz-Monnet, A. (2013) Explaining Policy Conflict across Institutional Venues: European Union-Level Struggles over the Memory of the Holocaust. *Journal of Common Market Studies*. 51(3). pp. 489–504. DOI: 10.1111/j.1468-5965.2012.02317.x
17. Prutsch, J.M. (2018) European Remembrance Policy. *Observing Memories*. 2. pp. 42–48.
18. Assman, A. (2014) *Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The long shadow of the past. Memorial culture and historical politics]. Translated from German by B. Khlebnikov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
19. Rigney, A. (2012) Transforming Memory and European Project. *New Literary History*. 43. pp. 607–628.
20. Miller, A.I. (2016) Politics of memory in post-communist Europe and its impact on European culture of memory. *Politiya – Politeia*. 1(80). pp. 111–121. (In Russian).
21. Bult, J. (2010) Why a Common European Culture of Remembrance Shall not Emerge. *Lithuanian Foreign Policy Review*. 24. pp. 100–106.
22. The House of European History. (n.d.) *Mission & vision*. [Online] Available from: <https://historia-europa.eu/en/mission-vision>. (Accessed: 22nd May 2019)
23. The European Union. (2010) The Stockholm Programme – An Open and Secure Europe Serving and Protecting Citizens. *Official Journal of the European Union*. pp. 115.
24. Droit, E. (2007) The Gulag and the Holocaust in Opposition: Official Memories and Memory Cultures in Enlarged Europe. *Vingtieme Siecle. Revue d'histoire*. 94(2). pp. 101–120. DOI: 10.3917/ving.094.0101
25. The European Communities. (1973) Document on The European Identity published by the Nine Foreign Ministers on 14 December 1973, in Copenhagen. *Bulletin of the European Communities*. December 1973, No 12. Luxembourg: Office for official publications of the European Communities. [Online] Available from: http://www.cvce.eu/obj/declaration_on_european_identity_copenhagen_14_december_1973-en-02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32.html p.118-122. (Accessed: 21st March 2019)
26. Calligaro, O. (2013) *Negotiating Europe. The EU promotion of Europeaness since the 1950s*. Palgrave Macmillan.
27. Judt, T. (1992) The Past is Another Country: Myth and Memory in Postwar Europe. *Daedalus*. 121(4). pp. 83–118. DOI: 10.1017/CBO9780511491580.008
28. Sherrer, Yu. (2009) Germaniya i Frantsiya: prarabotka proshlogo [Germany and France: the study of the past]. *Pro et contra*. 3–4(46). pp. 89–109.
29. Kaganov, E.L. (2015) Vystavka “Prestupleniya Vermakhta” 1995–1999 i ee vklad v nemetskuyu kul'turu pamyati o natsistskom proshlom [The Wehrmacht Crimes Exhibition 1995–1999 and its contribution to the German culture of the memory of the Nazi past]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki – The Journal of Social Policy Studies*. 3(13). pp. 421–436.
30. The European Communities. (1993) Resolution on European and international protection for Nazi concentration camps as historical monuments. *Official Journal of the European Communities*. 36. pp. 118–119.
31. The European Communities. (1995) Resolution on a day to commemorate the Holocaust. *Official Journal of the European Communities*. 38. pp. 132.
32. Leggewie, C. (2010) *Seven circles of European Memory*. Eurozine, December 2010. [Online] Available from: <https://www.eurozine.com/seven-circles-of-european-memory/>. (Accessed: 22nd March 2019)
33. Levy, D. & Schnaider, N. (2002) Memory Unbound. The Holocaust and the Formation of Cosmopolitan Memory. *European Journal of Social Theory*. 5(1). pp. 87–106. DOI: 10.1177/1368431002005001002
34. Neumayer, L. (2015) Integrating the Central European Past into a Common Narrative: The Mobilizations Around the “Crimes of Communism” in the European Parliament. *Journal of Contemporary European Studies*. 23(3). pp. 344–363. DOI: 10.1080/14782804.2014.1001825
35. Radonic, L. (2017) “Europeanization of the Holocaust” and Victim Hierarchies in Post-Communist Memorial Museums. In: Henderson, M. & Lange, J. (eds) *Entangled Memories. Remembering the Holocaust in a Global Age*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter GmbH. pp. 353–387.
36. Mälksoo, M. (2009) The Memory Politics of Becoming European: The East European Subalterns and the Collective Memory of Europe. *European Journal of International Relations*. 15(4). pp. 653–680. DOI: 10.1177/1354066109345049
37. The European Parliament. (2005) *The future of Europe sixty years after the Second World War. European Parliament resolution on the sixtieth anniversary of the end of the Second World War in Europe on 8 May 1945*. Strasbourg: European Parliament.
38. The European Union. (2010) European Day of Remembrance for Victims of Stalinism and Nazism. Declaration of the European Parliament on the proclamation of 23 August as European Day of Remembrance for Victims of Stalinism and Nazism. *Official Journal of the European Union*. E/57 14.1.2010.
39. The European Parliament. (2009) *European conscience and totalitarianism. European Parliament resolution of 2 April 2009 on European conscience and totalitarianism*. Thursday, 2 April 2009. Brussels: European Parliament.

Н.А. Лукинский, Е.В. Савкович

РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ КНР И США ПРИ АДМИНИСТРАЦИИ Д. ТРАМПА С ПОЗИЦИИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

Дается краткая характеристика внешнеполитического курса администрации Д. Трампа. Выделяются основные причины проведения нынешней политики США в отношении КНР. Приводятся и кратко описываются наиболее важные выступления представителей администрации США, касающиеся отношений США и Китая. Основываясь на приведенных источниках, выделяются и характеризуются главные инструменты, используемые КНР для ведения «нечестной» экономической деятельности. Анализируются статистические результаты опросов, проведенных среди разных слоев населения Соединенных Штатов и касающихся вопроса отношений между двумя странами.

Ключевые слова: Китай; США; Д. Трамп; политика; международные отношения; экономика; Кимерика.

Политика США в отношении Китайской Народной Республики существенно изменилась после начала первого президентского срока Дональда Трампа в 2017 г. Политика Б. Обамы, которая сочетала в себе в разное время как партнерство с КНР, так и впоследствии военное сдерживание страны, сменилась ярко выраженной протекционистской политикой новой администрации под лозунгом «Америка прежде всего» (*America First*). После того как данный лозунг прозвучал в инаугурационной речи, «Америка прежде всего» фактически стала доктриной внешней политики США при новой республиканской администрации. При этом, согласно принятой Д. Трампом 18 декабря 2017 г. Стратегии национальной безопасности, смена курса не означала, что Америка станет замкнутой и будет действовать в одиночку; напротив, новый президент США поставил целью борьбу за национальные интересы страны при взаимодействии со своими союзниками и партнерами [1. С. 95].

Принципиальные отличия политики Трампа и Обамы на базовом уровне исходят от разности их личностей – Д. Трамп, в отличие от его предшественника, является успешным американским бизнесменом «старой закалки», вследствие чего для него характерно расценивать каждый международный договор как сделку, а для человека с предпринимательским складом ума важно заключать наиболее выгодные для себя сделки. Такой простой, но практичный подход нашел отражение в предвыборных выступлениях нынешнего президента США. Помимо стремления к наибольшей выгоде, Д. Трамп также неоднократно обращал внимание избирателей на падение темпов роста экономики, уменьшение количества рабочих мест, перевод производственных мощностей государства за рубеж: «Я избираюсь в президенты, чтобы вернуть долг своей стране, которая была так благосклонна ко мне... Когда я вижу разрушающиеся мосты и дороги, полузаброшенные аэропорты или фабрики, которые перевозят в Мексику или другие страны, я знаю, что все эти проблемы можно решить...» [2]. Несмотря на излишнюю резкость и грубость многих выражений, идеи Трампа были оценены положительно большим количеством американских граждан.

Что касается конкретно внешней политики и экономики, в данном аспекте Д. Трамп также рассматривает каждый отдельно взятый диалог с иностранным государством как сделку, итог которой всегда обязан быть максимально выгодным для США [3. С. 7].

Рассматривая американо-китайские отношения, необходимо отметить, что симбиоз этих двух крупнейших экономик мира стал одним из наиболее важных факторов международной политики и привел к появлению отдельного термина для обозначения тесной связи двух стран – «Кимерика» (сочетание названий двух государств – Китай и Америка). Взаимодействие этих стран уже долгое время является ключевым и определяющим для всего мира. Тем не менее их взаимодействие включает не только партнерство, но и серьезную конкуренцию как в экономическом, так и в геополитическом плане.

Что касается экономической угрозы, то Дональд Трамп убежден, что рост Китая происходит в значительной мере за счет нанесения ущерба американским производственным интересам вследствие «неэквивалентности в товарообмене, который превышает полтриллиона долларов США». [4. С. 63]. Именно стремление сделать отношения с Китаем более справедливыми стало одним из главных лейтмотивов политики администрации Трампа.

Позиция нынешнего президента США по Китаю четко прослеживается в выступлениях представителей его администрации. Так, в июле 2018 г. Соединенные Штаты обвинили власти Китая в проведении политики «экономической агрессии», которая угрожает всему миру. Данное утверждение содержалось в опубликованном 65-страничном докладе Белого дома «Как экономическая агрессия Китая угрожает технологиям и интеллектуальной собственности Соединенных Штатов и всего мира». Автором документа выступил глава Национального совета по торговле при Белом доме Питер Наварро [5]. В своем заявлении он вновь напомнил о стремлении США создать свободную, честную и сбалансированную систему международной торговли, чему препятствует деятельность Китая: «В мире, где торговля свободная, справедливая, взаимная и сбалан-

сированная, мы бы установили нулевые тарифы. Мы бы не устанавливали барьеры, препятствующие торговле... Однако мы живем не в таком мире. Поэтому ежегодно США фактически отправляет полтриллиона долларов за рубеж в форме торгового дефицита. Подобное не должно происходить» [6]. Далее П. Наварро приводит результаты собственных исследований, касающихся инструментов, которые используются КНР в их «нечестной экономической деятельности». Он перечисляет следующие их виды:

1. Неблагоприятные процессы административной поддержки и лицензирования: «...китайцы будут использовать возможность получить вашу лицензию или ваше административное одобрение в качестве инструмента для извлечения каких-то уступок, обычно по технологии. И это очень мощный инструмент. Это очень трудно обнаружить... как несправедливую торговую практику, но это системно в китайской экономике, если попытаться изучить этот вопрос глубже» [Ibid.].

2. «Вымогательство» на основе антимонопольного законодательства. П. Наварро вновь подчеркивает тот факт, что в большинстве случаев несправедливой торговой деятельности со стороны Китая главным интересом китайской стороны становится трансфер технологий: «Этот закон был применен против Qualcomm, и была извлечена очень большая сумма денег, но также и некоторые обещания, опять же, связанные с передачей технологий. Речь всегда идет о передаче технологий. И результатом расследования 301 стало понимание того, что, когда Китай ставит целью заполучить нашу технологию и нашу интеллектуальную собственность, они крадут ее, принуждают к передаче, уклоняются от экспортного контроля, который у нас есть, и покупают ее. И когда вы каждый год испытываете дефицит в 1/3 триллиона долларов с Китаем, они накапливают много денег, чтобы делать это» [Ibid.].

3. Навязчивый и обременительный процесс тестирования продуктов: «У вас есть медицинское устройство, или автомобиль, или какой-то продукт, который вы хотите продать на китайский рынок. Так что говорят китайцы? “Ну, нам необходимо вскрыть данный продукт. Что в нём?” – Значит, они могут заглянуть внутрь вашего продукта...» [Ibid.]. Это также является эффективным способом получения информации, похищения технологий и интеллектуальной собственности американцев.

4. Вхождение представителей КПК в состав корпоративного управления. Увеличение числа представителей Коммунистической партии Китая в советах директоров крупных компаний приводит к тому, что курс их деятельности так или иначе направляется в сторону выполнения стратегических целей КНР [Ibid.].

5. Требование суверенного иммунитета китайских компаний на территории США: «Они хотят получить доступ к нашему рынку и вести здесь бизнес. Но они также хотят заявить, что их государственные предприятия не подчиняются нашим законам». Впоследствии компании, получающие подобный суверенитет в других странах, становятся причастными к экономическому шпионажу и похищению интеллектуальной собственности [Ibid.].

Перечисленные инструменты, используемые китайской стороной, подкрепляются непрозрачностью и неоднозначностью китайской системы одобрения иностранных инвестиций, в которой большое значение имеют личная коммуникация с чиновниками, а также неформальное административное давление на зарубежные компании с целью захвата технологий. [7. Р. 22]. В июле 2018 г. Американская торговая палата в Шанхае (AmCham Shanghai) предоставила отчет, в котором говорилось, что иностранные компании сохраняют обеспокоенность существующим режимом передачи технологий в КНР. Так, 21% компаний испытывали давление по вопросу передачи технологий в обмен на доступ к китайскому рынку. Подобное давление наблюдается прежде всего в высокотехнологичных сферах (44% и 41% компаний в аэрокосмической и химической отраслях соответственно испытали «заметное» давление с китайской стороны по передаче технологий) [ibid.]. В сентябре 2018 г. Американский деловой совет также опубликовал опрос членов организации, согласно которому были определены следующие главные признаки протекционистской политики в Китае: 58% опрошенных назвали «процессы лицензирования и одобрения», 34% – «создание барьеров для иностранных инвестиций», 27% – «административное давление в пользу китайских компаний» [Ibid.].

Одним из наиболее резких выпадов администрации Д. Трампа в сторону КНР стала речь вице-президента США М. Пенса 4 октября 2018 г. Вице-президент напомнил, насколько велика была роль США в развитии КНР и вновь обратил внимание на нечестные, по мнению администрации США, методы, используемые китайской стороной: «В настоящее время Пекин требует, чтобы многие американские компании передавали свои торговые секреты в качестве платы за возможность ведения бизнеса в Китае. Он также координирует и спонсирует приобретение американских фирм, чтобы получить право собственности на их творения. Хуже всего то, что китайские агентства безопасности организовали кражу американских технологий, в том числе передовых военных проектов» [8]. Помимо нечестных методов ведения торговли, М. Пенс также неоднократно указал на «двуличность» и агрессивность проводимой Китаем политики: «Китайские корабли регулярно патрулируют территорию вокруг островов Сенкаку, которые находятся под контролем Японии. И в то время, как лидер Китая стоял в Розовом саду в Белом доме в 2015 г. и говорил, что его страна... “не намерена милитаризировать” Южно-Китайское море, сегодня Пекин развернул передовые противокорабельные и противовоздушные ракетные комплексы на архипелаге военных баз, построенных на искусственных островах» [Ibid.]. По словам вице-президента, агрессивная экономика Китая «ободрила и растущие вооруженные силы», в то время как «Америка надеялась, что экономическая либерализация приведет к укреплению связей Китая с нашей страной и всем миром» [Ibid.]. Более того, по мнению американской стороны, Китай не только принимает решения, не соответствующие видению США, а прямо поддерживает

открытых противников Соединенных Штатов, в том числе используя свою тактику «долговой дипломатии». В качестве конкретных примеров приводятся Шри-Ланка и Венесуэла, которые, попав в «долговую ловушку» Китая, вынуждены фактически напрямую подчиняться требованиям китайского правительства.

Что касается видения населения США, оно в целом совпадает с мнением официальных представителей администрации США. Используя статистические данные, проводимые агентством Pew Research Center (внепартийный экспертно-аналитический центр, предоставляющий общественности информацию по широкому кругу вопросов, определяющих развитие США и всего мира в целом), можно проследить следующую динамику развития причин обеспокоенности по поводу Китая.

1. Опрос, проведенный в сентябре 2012 г. [9], показал, что следующие причины обеспокоенности являлись наиболее распространенными:

- 78% – большой размер государственного долга США, удерживаемого КНР;
- 71% – потеря американских рабочих мест в пользу КНР;
- 61% – торговый дефицит США и КНР;
- 50% – кибер-атаки со стороны КНР;
- 50% – влияние КНР на глобальную окружающую среду;
- 49% – растущая военная угроза со стороны КНР;
- 48% – политика КНР в сфере прав человека;
- 27% – столкновения КНР и Тайваня.

Таким образом, американское общество (стоит отметить, что для проведения данных опросов приглашаются представители различных групп – чиновники, военные в отставке, предприниматели, ученые, представители СМИ) в 2012 г., несмотря на в целом позитивную оценку отношений США и Китая (65% респондентов расценили отношения двух стран как «хорошие»), видело в Китае соперника, причем в первую очередь в экономическом плане, в то время как военная угроза отошла на второй план.

2. Опросы, проведенные в 2015 и 2017 гг., показали следующую динамику обеспокоенности граждан США:

- большой размер государственного долга США, удерживаемого КНР – 67%/60% опрошенных (2015/2017 гг. соответственно);
- потеря американских рабочих мест в пользу КНР – 60%/53% опрошенных (2015/2017 гг. соответственно);
- торговый дефицит США и КНР – 60%/53% опрошенных (2015/2017 гг. соответственно);
- кибер-атаки со стороны КНР – 54%/55% опрошенных (2015/2017 гг. соответственно).

При этом 44% опрошенных заявили, что имеют в целом позитивное отношение к КНР [10]. Из приведенных результатов опросов можно сделать вывод о том, что американское общество все еще расценивало Китай как соперника, прежде всего в экономическом плане, однако обеспокоенность по большинству пунктов значительно снизилась. Исключением стала только угроза кибербезопасности США со стороны КНР (данный параметр вырос на 5% по сравнению с 2012 г.).

3. Наконец, опрос, проведенный в ноябре 2018 г., [11] показал следующие результаты (проценты пока-

зывают долю опрошенных, назвавших ту или иную проблему *очень серьезной*):

- 62% – большой размер государственного долга США, удерживаемого КНР;
- 58% – кибер-атаки со стороны КНР;
- 51% – влияние КНР на глобальную окружающую среду;
- 51% – потеря американских рабочих мест в пользу КНР;
- 48% – торговый дефицит США и КНР.

Более того, только около 38% опрошенных заявили, что имеют в целом позитивное отношение к КНР [Ibid.]. Данный опрос продемонстрировал, что население США все еще обеспокоено экономической угрозой со стороны Китая, однако наиболее значительным ростом отличилась такая причина тревоги, как кибер-угроза (с 50% в 2012 г. до 55% в 2017 г. и 58% в 2018 г.).

Исходя из результатов данных опросов, можно сделать вывод о том, что позиция населения США в целом совпадает с позицией администрации президента. В первую очередь американская сторона обеспокоена политикой Китая в экономической сфере. Также в число вызывающих наибольшую тревогу попадает и угроза кибербезопасности Соединенных Штатов. Американцы выделяют и другие причины, однако они не являются определяющими.

Подводя итог, следует вновь отметить, что опасения рядовых граждан и официальных представителей администрации президента по поводу КНР совпадают. В число основных причин обеспокоенности входит прежде всего экономическая угроза, что включает в себя проблему как торгового дефицита, так и удерживаемого государственного долга, а также сокращение количества рабочих мест в США. В проблему экономической угрозы входят и «нечестные» торговые практики, используемые китайской стороной, такие как похищение американских технологий, шпионаж, административное давление на американские компании, ведущие бизнес в КНР, и прочие, перечисленные ранее. В своих официальных документах и выступлениях представители американской администрации неоднократно указывали на эти проблемы и заявляли о необходимости принять соответствующие меры. Одной из таких мер стала разворачиваемая на данный момент «торговая война» между США и КНР, начавшаяся с подачи президента Д. Трампа.

К настоящему моменту стороны уже сделали достаточно большое количество шагов к эскалации конфликта, прежде всего в экономической сфере, а договоренностей по итогам переговорного процесса достигнуто не было. Президент США Д. Трамп отмечал, что американо-китайские отношения остаются «очень сложными» [12]. Так как базового соглашения не было достигнуто, в начале мая 2019 г. американская администрация объявила о том, что США повышают тарифы на 25% китайских товаров. Однако при зеркальном ответе китайских контрагентов не только потребители в США столкнутся с увеличением стоимости китайской продукции на внутреннем рынке, но и экспортеры будут вынуждены повысить цены и снизить конкурентоспособность своих товаров. О повышении тарифов

на американский импорт практически сразу же заявило и китайское Министерство коммерции [12].

Тем не менее, несмотря на достаточно резкие заявления американской стороны, на данный момент не представляется реальным вариант с полным разрывом отношений. Две страны в настоящее время слишком взаимозависимы, однако существующий ныне конфликт является принципиальным для обеих сторон, и в обозримом будущем он будет продолжаться. С другой стороны, и Китай, и США вынуждены искать варианты для развития торгово-экономических связей и компенсации потери рынков. Для американской админи-

страции вопрос лежит не только в экономической, но и в политической плоскости – так, давление на КНР вполне укладывается в доктрину «Америка прежде всего» и является возможностью для республиканской администрации показать активную внешнюю политику с отстаиванием национальных интересов, а лично для Д. Трампа – возможностью переизбраться на второй срок. Для Китая, который долгое время «мирно развивался», вариант конфликтного поведения вполне допустим, однако в данном случае именно Китай олицетворяет собой глобализацию, а также свободу торговли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буденный А.А. Стратегия национальной безопасности Трампа // Вестник науки и образования. 2018. № 1 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-trampa> (дата обращения: 02.05.2019).
2. Full transcript: Donald Trump NYC speech on stakes of the election. URL: <https://www.politico.com/story/2016/06/transcript-trump-speech-on-the-stakes-of-the-election-224654>
3. Hu Weixing. Trump's China Policy and Its Implications for the "Cold Peace" across the Taiwan Strait // China Review. 2018. Vol. 18, № 3. P. 61–88. URL: <https://www.jstor.org/stable/26484533> (accessed: 02.05.2019).
4. Воробьев В.Я. Будущее американо-китайских отношений при администрации Дональда Трампа // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. № 6 (50). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/buduschee-amerikano-kitayskih-otnosheniy-pri-administratsii-donald-trampa> (дата обращения: 02.05.2019).
5. США обвинили Китай в проведении политики экономической агрессии, угрожающей мир // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5306402> (дата обращения: 03.05.2019).
6. FULL TRANSCRIPT: White House National Trade Council Director Peter Navarro on Chinese Economic Aggression // Hudson Institute. URL: <https://www.hudson.org/research/14437-full-transcript-white-house-national-trade-council-director-peter-navarro-on-chinese-economic-aggression> (accessed: 03.05.2019).
7. Update concerning China's acts, policies and practices related to technology transfer, intellectual property, and innovation. URL: <https://ustr.gov/sites/default/files/enforcement/301Investigations/301%20Report%20Update.pdf> (accessed: 03.05.2019).
8. Remarks by Vice President Pence on the Administration's Policy Toward China. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-vice-president-pence-administrations-policy-toward-china/> (accessed: 04.05.2019).
9. Chapter 1. How Americans View China // Pew research center. URL: <https://www.pewglobal.org/2012/09/18/chapter-1-how-americans-view-china/> (accessed: 04.05.2019).
10. Americans' Views of China Improve as Economic Concerns Ease // Pew research center. URL: <https://www.pewglobal.org/2017/04/04/americans-views-of-china-improve-as-economic-concerns-ease/> (accessed: 05.05.2019).
11. Americans leery of China as Trump prepares to meet Xi at G20 // Pew research center. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/11/30/americans-leery-of-china-as-trump-prepares-to-meet-xi-at-g20/> (accessed: 06.05.2019).
12. Trade War: Trump says US-China relations remain 'very strong' // BBC News. 2019. May 10. URL: <https://www.bbc.com/news/business-48210313> (accessed: 10.05.2019).

Lukinski Nikolai A. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: nikolai.lukinsky2015@yandex.ru

Savkovich Yevgeni V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: savkovic@sibmail.com

THE DEVELOPMENT OF RELATIONS BETWEEN CHINA AND THE UNITED STATES UNDER THE ADMINISTRATION OF D. TRUMP FROM THE POSITION OF THE UNITED STATES

Keywords: China; USA; D. Trump; politics; international relations; economics; Chimerica.

The policy of the United States of America regarding the People's Republic of China has changed most drastically since the beginning of Donald Trump's presidential term in 2017. His foreign policy course, the slogan of which is "America first" has taken on a rather rigid and principled character with respect to China. According to the National Security Strategy, the main goal of America is to achieve its own national interests in cooperation with its partners. Regarding the economy, Trump, being a successful businessman for a long time, sets the task to conclude the most profitable deals for his country. The economic relations with China, according to the ideas of the current US President and his Administration, are dishonest and unequal. Trump is convinced that China's growth is mostly due to damage to American manufacturing interests on account of "nonequivalence in trade that exceeds half a trillion US dollars." It was particularly the desire to make relations with China fairer that became one of the main leitmotifs of Trump's administration policy. At the same time, it is important to highlight the fact that the two states are in close connection with each other and are actually interdependent, as a result of which a special term "Chimerica" (the combination of the names of two states - China and America) has occurred. This means that the conflict does not threaten a complete rupture of relations, but it will have serious consequences for both parties. The purpose of this work is to study and characterize the position of the United States of America in relation to the People's Republic of China during the presidential term of Donald Trump. To achieve the goal, an analysis of speeches by official representatives of the Presidential Administration, as well as published documents has been made. As a result of studying these materials, it was possible to identify and describe the main methods of "dishonest economic activity" of China. Moreover, to understand the general picture, it is necessary to analyze not only the position of the authorities, but also the attitude of ordinary US citizens to China. Surveys conducted in the United States by Pew Research ascertained the main reasons for the concern of the American population regarding the PRC. These include primarily the economic threat and the increasing threat of cybersecurity. The analysis of the results of surveys conducted in different years (2012, 2015, 2017, 2018) helped to establish the dynamics of changes in attitudes towards China.

REFERENCES

1. Budenny, A.A. (2018) Strategiya natsional'noy bezopasnosti Trampa [Trump's National Security Strategy]. *Vestnik nauki i obrazovaniya*. 1(37). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-trampa>. (Accessed: 2nd May 2019).
2. Trump, D. (2016) *Full transcript: Donald Trump NYC speech on stakes of the election*. [Online] Available from: <https://www.politico.com/story/2016/06/transcript-trump-speech-on-the-stakes-of-the-election-224654>.
3. Hu, W. (2018) Trump's China Policy and Its Implications for the "Cold Peace" across the Taiwan Strait. *China Review*. 18(3). pp. 61–88. [Online] Available from: <https://www.jstor.org/stable/26484533>. (Accessed: 2nd May 2019).
4. Vorobiev, V.Ya. (2016) The Future of US-Chinese Relations under the Administration of Donald Trump. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo – Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 6(50). (In Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2016-9-6-60-75
5. TASS. (2018) *SShA obvinili Kitay v provedenii politiki ekonomicheskoy agressii, ugrozhayushchey mir* [The United States accused China of pursuing a policy of economic aggression threatening the world]. [Online] Available from: <https://tass.ru/ekonomika/5306402>. (Accessed: 3rd May 2019).
6. Navarro, P. (n.d.) *White House National Trade Council Director Peter Navarro on Chinese Economic Aggression*. [Online] Available from: <https://www.hudson.org/research/14437-full-transcript-white-house-national-trade-council-director-peter-navarro-on-chinese-economic-aggression>. (Accessed: 3rd May 2019).
7. The Executive Office of the US President. (2018) *Update concerning China's acts, policies and practices related to technology transfer, intellectual property, and innovation*. [Online] Available from: <https://ustr.gov/sites/default/files/enforcement/301Investigations/301%20Report%20Update.pdf>. (Accessed: 3rd May 2019).
8. Pence, M. (2018) *Remarks by Vice President Pence on the Administration's Policy Toward China*. [Online] Available from: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-vice-president-pence-administrations-policy-toward-china>. (Accessed: 4th May 2019).
9. Pew Research Center. (2012) *Chapter 1. How Americans View China*. [Online] Available from: <https://www.pewglobal.org/2012/09/18/chapter-1-how-americans-view-china/>. (Accessed: 4th May 2019).
10. Pew Research Center. (2017) *Americans' Views of China Improve as Economic Concerns Ease*. [Online] Available from: <https://www.pewglobal.org/2017/04/04/americans-views-of-china-improve-as-economic-concerns-ease/>. (Accessed: 5th May 2019).
11. Pew Research Center. (2018) *Americans leery of China as Trump prepares to meet Xi at G20*. [Online] Available from: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/11/30/americans-leery-of-china-as-trump-prepares-to-meet-xi-at-g20/>. (Accessed: 6th May 2019).
12. BBC News. (2019) *Trade War: Trump says US-China relations remain 'very strong'*. 10th May. [Online] Available from: <https://www.bbc.com/news/business-48210313>. (Accessed: 10th May 2019).

УДК 32:93/94; 327(4/9)
DOI: 10.17223/19988613/60/17

Е.М. Савичева, К.А. Каур

СИРИЙСКАЯ МИГРАЦИЯ В ЛИВАН: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

Статья посвящена изучению сирийской миграции в Ливан. Этот процесс, помимо существенного изменения жизни самого мигранта, оказывает комплексное и разностороннее влияние на развитие принимающего общества, а также на ситуацию в регионе в целом. В результате проведенного исследования был сделан вывод о том, что проблема беженцев является одной из ключевых на Ближнем Востоке. Эффективное управление миграционными процессами позволит создать необходимые условия для соблюдения прав и свобод человека, снятия социальной и политической напряженности.

Ключевые слова: Ближний Восток; Ливан; Сирия; конфликт; миграция; беженцы.

«Арабская весна» – масштабные протестные движения в странах Ближнего Востока и Северной Африки – открыла период внутривосточной турбулентности и социальных кризисов и имела для региона далеко идущие последствия. Волнения привели к смене ряда политических режимов, причем тех, которые, казалось, обладали наибольшей степенью устойчивости (в Тунисе, Ливии, Египте, Йемене), вызвали внутривосточную и региональную нестабильность, переросшую в некоторых странах в гражданскую войну [1].

На Арабском Востоке сложилась крайне взрывоопасная ситуация, характеризующаяся высоким уровнем динамики и в то же время неопределенности и порою непредсказуемости. Конфликтный потенциал Ближнего Востока крайне высок: здесь происходит интернационализация практически любого конфликта, постоянно растут военные расходы государств региона, подпитывающие все новые витки гонки вооружений, активизировались исламистские движения, в том числе фундаменталистские, усилилось вмешательство внешнеполитических игроков, способное как ускорять наметившиеся перемены, так и создавать новые – внутриарабские и международные противоречия.

Все эти факторы свидетельствуют о хронической нестабильности в регионе в целом и в отдельных странах, об отсутствии механизмов и гарантий поддержания здесь мира и стабильности, что приводит к масштабной миграции населения с территорий, охваченных военными действиями. В наибольшей степени от этих событий пострадала Сирия, охваченная длительным, более чем семилетним гражданским конфликтом. Как следствие этих процессов, она вошла, по данным ООН, в число стран, дающих наибольшее число мигрантов. Так, в 2015 г. на нее пришлось 24% от общемирового числа беженцев, за нею следовали охваченные внутренним противоборством Афганистан и Ирак (таблица) [2].

Доля отдельных стран в общемировом числе беженцев, %

Страны	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Сирия	9	16	24
Афганистан	6	7	16
Ирак	7	9	12
Остальные регионы	78	68	39

В 2016 г. Сирия оставалась в лидерах по числу мигрантов, хотя в абсолютном значении показатель существенно снизился. В начале 2017 г. увеличилось число сирийцев, зарегистрированных в Турции (2,9 млн чел. против 2,5 млн в 2016 г. [3]. В 2016 г., согласно статистике международной неправительственной организации Amnesty International, в соседнем Ливане насчитывалось около 1,1 млн беженцев из Сирии, примерно каждый пятый [4] или каждый четвертый, проживающий в стране, по другим источникам [5].

Согласно данным Countrymeters, содержащим статистику текущего состояния населения любого государства, миграционный прирост населения в Ливане в 2016 г. составил 298 013 чел., в 2017 г. – 315 721 чел., а в текущем 2018 г. население страны увеличивается на 916 чел. в день за счет мигрантов. Эксперты полагают, что если уровень иммиграции останется на таком же уровне, то количество въезжающих в страну людей с целью долгосрочного пребывания превысит число покидающих страну [6].

Поток иммигрантов в Ливан постоянно рос в течение последних лет, причем Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ) в среднем регистрировало по 47 000 беженцев в месяц [7]. Сирийские беженцы из высших и средних социальных слоев селятся обычно в столице страны Бейруте и его пригородах, тогда как большинство городских и сельских бедных переселенцев оседают в городах и деревнях у сирийско-ливанской границы.

Поток бегущих от войны сирийцев, в рядах которых растворились и исламистские боевики, хлынул в Ливан через северную и восточную границы. С 2012 г. в восточном и северном Ливане стали появляться лагеря сирийских беженцев, которые порой оказывались вне зоны контроля со стороны ливанских властей. [8]. Пожалуй, главным очагом напряженности оказался город Арсаль с прилегающими деревнями, расположенный вблизи ливано-сирийской границы. Жители этих населенных пунктов с тревогой обнаружили, что оказались практически в меньшинстве – так, на 40 тыс. коренных жителей Арсалья пришлось приблизительно 120 тыс. сирийцев [9].

Здесь до лета 2017 г. достаточно сильны были позиции радикальной исламистской группировки «Джабхат ан-Нусра» («Фронт победы»), возникшей на территории САР в 2011 г. и связанной с террористической сетью «Аль-Каида» (запрещена в РФ). В августе прошлого года ливанская армия попыталась поставить под контроль ситуацию в Арсале, что вылилось в столкновения с исламистскими радикалами, в рядах которых насчитывалось до 700 человек. Обе стороны понесли потери, были жертвы и среди местного населения (42 человека убиты, 400 ранены) [10]. Но главный результат состоял в том, что боевики покинули этот район и перебрались в сирийский Идлиб.

В северной части Ливана беженцы устремились в районы преимущественно с суннитским населением, где к ним отнеслись достаточно лояльно и благосклонно. Близкая ситуация сложилась и в западных, также преимущественно суннитских, районах мухафазы (провинции) Бекаа. Другие ливанские конфессии – мусульмане-шииты, друзы и христиане – оказались не столь радушно настроены по отношению к сирийским беженцам.

Поток сирийцев в Ливан привел к экономической, политической, социальной и религиозной напряженности в стране. Среди местных жителей, терявших свой и без того незначительный рынок труда, выросла безработица. Без энтузиазма ливанцы встретили и увеличение нагрузки на социальные объекты – школы и больницы, сети электро- и водоснабжения, в целом на слабую инфраструктуру страны [11].

Совершенные выходцами из мигрантской среды террористические акты – взрывы в южных пригородах Бейрута и Хермеля – добавили отчужденности в отношении мигрантов, большинство которых влечет жалкое существование, а следовательно, являются питательной почвой для радикализма и экстремизма.

В конце июня 2016 г., после террористических актов в городе Эль-Каа, который находится на границе с Сирией, в Ливане был введен комендантский час в лагерях для беженцев для поддержания общественной безопасности [12]. Многие жители «страны кедров» опасаются, что гражданская война в соседней стране может оказать крайне негативное воздействие на Ливан и вызвать в нем очередное гражданское противостояние. Таким образом, кризис беженцев породил крайне опасную ситуацию в стране, которая грозит нарушить хрупкий конфессиональный мир в Ливане и вновь разделить общество на противоборствующие лагеря.

Ливанские власти, учитывая растущие угрозы внутривосточной стабильности в связи с присутствием столь большого количества мигрантов, принимали необходимые меры, нацеленные на то, чтобы остановить поток беженцев в страну. Они объявили об ограничении въезда сирийцев, за исключением тех лиц, которые остро нуждаются в неотложной помощи, а также детей, ставших сиротами, одиноких женщин, спасавшихся от войны со своими детьми. Ужесточался контроль на границе, в частности не допускались к въезду палестинцы, в свое время осевшие в САР, более строгими стали требования для проживания в Ли-

ване для тех людей, кто уже находится в стране [13]. За прошедший период, согласно информации Красного Креста, Ливан отказал почти 60% желающих пересечь сирийско-ливанскую границу [14].

Помимо этого, в начале 2015 г. Главным управлением общей безопасности Ливана были введены новые правила, касающиеся въезда и выезда сирийцев из страны. Так, сирийским беженцам запрещалось повторно въезжать в Ливан, если они возвращались на родину [15]. Также предусматривались разные сроки пребывания мигрантов в стране, требовалась различная подтверждающая документация в зависимости от цели пребывания (туризм, посещение школы, получение медицинской помощи и т.д.). Чтобы продлить свое пребывание в Ливане, беженцам необходимо было заплатить 200 долларов за каждого члена семьи старше 15 лет. Такая плата за продление срока проживания была отменена в феврале 2017 г. [7]. В мае 2015 г. Ливанское правительство обратилось с просьбой к УВКБ приостановить регистрацию сирийских беженцев в стране в целом.

Ливанские власти до сих пор отказывают в официальном разрешении создавать на своей территории лагеря для беженцев, что связано с далеко не обоснованными опасениями, что такие лагеря-анклавы могут превратиться в постоянные поселения, в которых будут созданы благоприятные условия для оппозиционной и повстанческой деятельности. Как отмечают эксперты, зачастую экстерриториальность лагерей увеличивает риск их превращения в опорные пункты для экстремистских и террористических сил [16. С. 343]. Это, в частности, подтверждают события в многочисленных палестинских лагерях беженцев, которые Бейрут размещал на своей территории с 1948 г., т.е. со времен первой арабо-израильской войны.

Слабость позиции ливанского государства в данном вопросе проявляется и в том, что оно фактически не в состоянии обеспечить такое положение вещей, при котором население созданных лагерей не становилось бы жертвой оппозиционных группировок сирийцев-суннитов [17]. Кроме того, с точки зрения международного сообщества, отсутствие официальных лагерей создает немало проблем для обеспечения защиты беженцев и координирования предоставления им помощи по всей стране. Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев предоставляет материальную помощь и продовольствие беженцам, которые зарегистрировались. Как и в других странах, многие сирийские беженцы приняли решение не регистрироваться в УВКБ из-за боязни, что правительство передаст их имена и место жительства властям Сирии.

Проведенные в Ливане социологические опросы показывают, что 40% опрошенных не доверяют сирийцам. Трое из пяти, независимо от религиозных убеждений, не хотят видеть сирийцев близкими соседями. Однако наиболее показательным является низкий уровень интеграции сирийцев в ливанское общество: например, 82% ливанцев не хотели бы вступить в брак с сирийцем. Палестинские беженцы в Ливане уже давно считаются гражданами второго сорта. Теперь си-

рийские беженцы становятся новой категорией из этого ряда.

Проблема пребывания сирийских мигрантов в Ливане осложняла двусторонние отношения и ранее. Более того, тема нелегальной трудовой миграции стала одной из самых щепетильных в ливано-сирийских отношениях [18].

Когда Сирия и Ливан в середине 1940-х гг. получили независимость, граница между двумя странами была открыта для сирийских трудовых мигрантов со стороны обоих государств. Налоги, разрешения на работу, визы и вид на жительство были дешевыми, легко доступными для любого сирийца, пытающегося получить работу на территории Ливана. При этом количество людей, прибывших и покинувших страну, не регистрировалось, по крайней мере в 1990-х и 2000-х гг., даже в рамках общей безопасности [19].

С середины 1960-х по 2005 г. произошла значительная миграция в страну низкоквалифицированных сирийских рабочих в результате различных факторов. В 1960-е гг. экономический бум в Ливане привел к массовому наплыву сирийских рабочих. Во время гражданской войны в Ливане (1975–1989) многие местные жители эмигрировали, что привело к нехватке рабочей силы. Более того, нахождение на ливанской земле сирийских вооруженных формирований, введенных сюда в июне 1976 г., в начале гражданской войны, и их контроль над ливанской границей облегчили сирийским рабочим въезд и выезд из страны [20].

До начала сирийского военно-политического кризиса сирийские трудовые мигранты обычно зарабатывали намного меньше, чем ливанцы, из-за сравнительно дешевой стоимости жизни в Сирии. Незарегистрированные беженцы не имеют права на материальную помощь и поэтому постоянно ищут любую работу, соглашаясь на самую низкооплачиваемую. В свою очередь, ливанцы теряют рабочие места из-за более дешевого сирийского труда и получают доход значительно ниже, что не позволяет им поддерживать свой обычный уровень жизни.

По информации ливанской газеты «Ан-Нахар», число въехавших в страну сирийцев в 1993–1995 гг. превышало показатель ушедших на более чем 1,4 млн человек [21]. В условиях трехкратного превышения уровня жизни в Ливане такое положение дел было не удивительным, равно как и то, что львиная доля сирийских мигрантов представляла собой неквалифицированную рабочую силу (92%), занятую в строительстве, сельском хозяйстве, сфере обслуживания. Сирийцы строили дома и дороги, выращивали овощи, ремонтировали автомобили, а также работали уборщиками, вахтерами, носильщиками, мусорщиками, розничными торговцами [22]. Такой приток рабочей силы из Сирии имел неоднозначные последствия: с одной стороны, сирийцы вносили неоценимый вклад в восстановление экономики Ливана, разрушенной в ходе длительной гражданской войны, с другой – представляли собой значительную социальную нагрузку, хотя и были фактически бесправными.

Несмотря на демонстрацию официальным Дамаском силы и устойчивости режима, сирийцы не восприни-

мали Ливан как безопасную зону. Усиленная конкуренция за скудные ресурсы и рабочие места, религиозный дисбаланс между суннитами и шиитами, а также угрозы и реальная действительность насилия повлияли на их социальный опыт. Сирийское военное присутствие в Ливане в течение 29 лет (с 1976 по 2005 г.) и сопутствующие нарушения прав человека привели к тому, что у многих ливанцев сложились предрассудки против сирийцев. В частности, в период после окончания гражданской войны усилилось недовольство со стороны ливанцев контролем над страной со стороны сирийского режима.

Поляризация, наблюдаемая между суннитами и шиитами в Ливане с 2005 г., напрямую связана с убийством бывшего премьер-министра Ливана Рафика Харири, что произошло уже на заключительной стадии многолетнего контроля Сирии над Ливаном. Дамасское руководство попало под мощное международное давление, и сирийские войска вынуждены были весной 2005 г. покинуть Ливан (во исполнение резолюции № 1559 Совета Безопасности ООН) [23]. Тогда сирийские рабочие испытали всю тяжесть своего положения в связи с всплеском антисирийских настроений в стране.

В 2012–2013 гг., согласно официальным данным Департамента сирийских рабочих в Министерстве труда Ливана, в стране были официально зарегистрированы всего лишь 650 сирийцев [24]. Однако в действительности в Ливане работают сотни тысяч сирийцев, и их число с каждым годом растет. Сегодня отсутствуют официальные данные относительно точного числа сирийских рабочих в Ливане. Возможно, как мы уже отмечали, многие не хотят регистрироваться из-за страха перед сирийскими властями.

Вместе с тем некоторые сирийские беженцы открывают свои собственные малые предприятия в стране, такие как продуктовые магазины, пекарни, мастерские по ремонту различных изделий. Новый источник дешевой рабочей силы в лице сирийцев резко повлиял на уровень безработицы. Так, министр труда Ливанской Республики приводил такую статистику: 36% ливанской молодежи являются безработными, 47% выпускников университетов не находят подходящей работы на рынке труда, где предоставляется примерно 4 тыс. вакансий ежегодно (что ничтожно мало по сравнению с 32 тыс. окончивших университеты), около 170 тыс. ливанцев живут за чертой бедности [25].

Данные опросов показывают, что подавляющее большинство респондентов из Ливана (98%) считают, что сирийцы занимают рабочие места ливанцев и снижают их заработную плату, а 63% полагают, что сирийцы получают финансовую поддержку несправедливо. Более половины опрошенных хотели бы запретить въезд сирийцев в страну. Более 2/3 считают, что ООН должна создать лагеря для сирийцев, а международное сообщество – нести экономические издержки на содержание беженцев. Общая точка зрения, распространенная среди населения республики, – границу с Сирией следует лучше контролировать.

Таким образом, как показывает ситуация с сирийскими мигрантами в Ливане, проблема вынужденных

переселенцев несет в себе большой конфликтный потенциал, так как связана с возможностью нарушения этно-конфессионального баланса в стране, а это, в свою очередь, может стать серьезным дестабилизирующим фактором для социально-политической и экономической ситуации. Значительный демографический дисбаланс может повлечь за собой множество негативных последствий.

В настоящее время Ливан сталкивается со многими проблемами, такими как религиозная разобщенность

по отношению к иммигрантам. Например, шииты, христиане и друзы проявили большую твердость в отношении мигрантов. Последние считают, что лучшие условия для их пребывания представляет суннитская среда, и «мигрируют» в районы проживания суннитов. В целом же решение проблемы вынужденных мигрантов, их положение в стране проживания зависят от многих факторов внешней и внутренней политической конъюнктуры, в том числе и от того, как будут разрешаться конфликты и кризисы на Ближнем Востоке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савичева Е.М. К вопросу о геополитической ситуации на Ближнем Востоке: взаимодействие региональных и глобальных тенденций // Вестник РУДН. Сер. Международные отношения. 2014. № 3.
2. International Migration Outlook 2016. Paris : OECD Publishing. URL: http://dx.doi.org/10.1787/migr_outlook-2016-en
3. International Migration Outlook 2017. 41st ed. URL: http://moodle2.units.it/pluginfile.php/152637/mod_resource/content/1/OECD_Outlook_2017.pdf
4. Amnesty International. Syria's refugee crisis in numbers, 2016. URL: <http://www.amnesty.org/en/latest/news/2016/02/syrias-refugee-crisis-in-numbers/>
5. Lebanon Crisis Response – Plan (LCRP) 2017–2020 // Government of Lebanon and United Nations. 2017. January. URL: <http://www.3rpsyriacrisis.org/wp-content/uploads/2017/01/LebanonCrisis-Response-Plan-2017-2020.pdf>
6. Население Ливана, 2017 // Countrymeters. URL: <http://countrymeters.info/ru/Lebanon>
7. UNHCR. Refugees from Syria: Lebanon. 2015. March.
8. Thorleifsson K. The limits of hospitality: coping strategies among displaced Syrians in Lebanon // Third World Quarterly. 2016. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/01436597.2016.1138843>
9. Аль-Джумхурийя. 2017. 05 апр.
10. Salhani J. Lebanon's Refugee Dilemma. 2015. Jan. 16. URL: <http://carnegieendowment.org/sada/?fa=57735>
11. Reuters. 2014. 07 Aug.
12. Аль-Джумхурийя. 2017. 05 апр.
13. Refugee Law and Policy: Lebanon. Entry of Syrians. URL: <http://www.loc.gov/law/help/refugee-law/lebanon.php>
14. Kullab S. Syrian refugees flee to Lebanon. URL: <http://www.reliefweb.int/report/lebanon/lebanese-law-forces-syrian-refugees-underground>
15. UNHCR. New entry and renewal procedures for Syrians in Lebanon. URL: www.refugees-lebanon.org/en/news/35/qa-on-newentry--renewal-procedures-for-syrians-in-lebanon
16. Скопич О.А. Вынужденная миграция на Ближнем и Среднем Востоке и ее конфликтогенность. Основные тенденции // Ближний Восток и современность. М., 2007. Вып. 33.
17. Newby V. Collective Historical Memory and its Effects on the Syrian Refugee Crisis in Lebanon. 2013. June 11. URL: <https://protectiongateway.com/category/the-hub-economic-insecurity-2/page/13/>
18. Савичева Е.М. Ливан: место в истории, роль в политике, ситуация в стране. М., 2009.
19. Chalcraft J. Syrian Workers in Lebanon and the Role of the State: Political Economy and Popular Aspirations. The open border. URL: <http://books.openedition.org/ifpo/4777>
20. Chalcraft J. The invisible cage. Syrian Migrant Workers in Lebanon. Stanford, CA : Stanford University Press, 2008.
21. Ан-Нахар. Бейрут. 1994. 14 окт.
22. Gambill G.C. Syrian Workers in Lebanon: The Other Occupation. The Syrian Labor Force in Lebanon. URL: http://www.meforum.org/meib/articles/0102_11.htm
23. Резолюция 1559 (2004), принятая Советом Безопасности на его 5028-м заседании 2 сентября 2004 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902134306>
24. Legal Status of Individuals Fleeing Syria. Syria Needs Analysis Project. 2013. June. URL: http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/legal_status_of_individuals_fleeing_syria.pdf
25. Arabiya English (Beirut). 2016. 08 July.

Savicheva Elena M. Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia). E-mail: savicheva@mail.ru

Kaur Ksenia A. Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia). E-mail: kaur2008.94@mail.ru

SYRIAN MIGRATION TO LEBANON: PECULIARITIES AND PROBLEMS

Keywords: Middle East; Lebanon; Syria; conflict; migration; refugees.

The Lebanese Republic is a state that combines both the role of a donor-country of refugees and at the same time a recipient country that provides shelter for forced migrants. Immigration to Lebanon, including migration from neighboring Syria, has increased significantly in recent years due to political and ethno-religious conflicts and armed clashes in the Middle East. The relevance of this issue is determined by the fact that this process, in addition to a significant change in the life of a migrant, has a complex and diverse influence on the development of the host society, as well as on the situation in the region as a whole.

The purpose of this study is to reveal features of Syrian migration to Lebanon, determine the internal and external factors that influence on it and trace the impact of this process on the Lebanese society. Based on the documentary sources (documents of the UN, the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD), the documents of the Lebanese government, official statistics), as well as the materials of the Arab media, the authors show that migration is a complex multifaceted phenomenon associated with various aspects of a society activities. It often causes social, economic, ethnic and religious conflicts between migrants and the local population. The authors note that Syrian migration to Lebanon raises concern to both - the leadership of this small Arab country and ordinary Lebanese, as it has a negative impact on the political and socio-economic situation in the country, exacerbating such problems as labor market tension, unemployment, security, the growth of crime, etc. Alertness towards forced migrants leads to a negative perception of Syrian refugees by the Lebanese society, and sometimes even to conflicts between them.

The authors used the works by Russian and foreign experts dealing with migration issue in the Middle East, as well as with the specific socio-economic and political situation in Lebanon. The statistics showing dynamics of the Syrian refugees from the beginning of the

“Arab Spring” till nowadays is presented. As a result of the research they concluded that the refugee problem is one of the key problems in the region. It has an impact on the development of the host society and on the socio-economic and demographic changes in the society from which the migration flows. It raises the need for local authorities to solve the problems related to resettlement and accommodation of refugees, their integration into the society, and also requires the co-ordination of the social institutions activities, the ability of the state to guarantee the implementation of laws and ensure the security of both - its own and foreign citizens. Effective management of migration processes will create the necessary conditions for observance of human rights and freedoms, the removal of social and political tensions.

REFERENCES

1. Savicheva, E.M. (2014) On Geopolitical Situation in the Middle East: Interaction between Regional and Global Trends. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* – Vestnik RUDN. International Relations. 3. pp. 14–21. (In Russian).
2. *International Migration Outlook*. (2016) Paris: OECD Publishing. [Online] Available from: http://dx.doi.org/10.1787/migr_outlook-2016-en.
3. *International Migration Outlook*. (2017) 41st edition. pp. 15, 26. [Online] Available from: http://moodle2.units.it/pluginfile.php/152637/mod_resource/content/1/OECD_Outlook_2017.pdf.
4. Amnesty International. (2016) *Syria's refugee crisis in numbers*. [Online] Available from: <http://www.amnesty.org/en/latest/news/2016/02/syrias-refugee-crisis-in-numbers/>.
5. Government of Lebanon and United Nations. (2017) *Lebanon Crisis Response-Plan (LCRP). 2017–2020*. [Online] Available from: <http://www.3rpsyriacrisis.org/wp-content/uploads/2017/01/LebanonCrisis-Response-Plan-2017-2020.pdf>.
6. Countrymeters. (2017) *Naselenie Libana, 2017* [The population of Lebanon, 2017]. [Online] Available from: <http://countrymeters.info/ru/Lebanon>.
7. UNHCR. (2015) *Refugees from Syria: Lebanon*. March 2015. p. 3.
8. Thorleifsson, K. (2016) The limits of hospitality: coping strategies among displaced Syrians in Lebanon. *Third World Quarterly*. DOI: 10.1080/01436597.2016.1138843
9. Al-Jumhuriya. (2017) 5th April.
10. Salhani, J. (2015) *Lebanon's Refugee Dilemma*. 16th January. [Online] Available from: <http://carnegieendowment.org/sada/?fa=57735>.
11. Reuters. (2014) 7th August.
12. Al-Jumhuriya. (2017) 5th April.
13. The Law Library of Congress. (n.d.) *Refugee Law and Policy: Lebanon. Entry of Syrians*. [Online] Available from: <http://www.loc.gov/law/help/refugee-law/lebanon.php>.
14. Kullab, S. (2015) *Syrian refugees flee to Lebanon*. [Online] Available from: <http://www.reliefweb.int/report/lebanon/lebanese-law-forces-syrian-refugees-underground>.
15. UNHCR. (2015) *New entry and renewal procedures for Syrians in Lebanon*. [Online] Available from: www.refugees-lebanon.org/en/news/35/qa-on-newentry--renewal-procedures-for-syrians-in-lebanon UNHCR.
16. Skopich, O.A. (2007) Vynuzhdennaya migratsiya na Blizhnem i Srednem Vostoke i ee konfliktogennost'. Osnovnye tendentsii [Forced migration in the Near and Middle East and its conflict potential. Major trends]. *Blizhniy Vostok i sovremennost'*. 33.
17. Newby, V. (2013) *Collective Historical Memory and its Effects on the Syrian Refugee Crisis in Lebanon*. Blog, June 11, 2013. [Online] Available from: <https://protectiongateway.com/category/the-hub-economic-insecurity-2/page/13/>.
18. Savicheva, E.M. (2009) *Livan: mesto v istorii, rol' v politike, situatsiya v strane* [Lebanon: a place in history, a role in politics, a situation in the country]. Moscow: RUDN.
19. Chalcraft, J. (2008) *Syrian Workers in Lebanon and the Role of the State: Political Economy and Popular Aspirations. The open border*. [Online] Available from: <http://books.openedition.org/ifpo/4777>.
20. Chalcraft, J. (2008) *The invisible cage. Syrian Migrant Workers in Lebanon*. Stanford, CA: Stanford University Press.
21. An-Nahar. (1994) 14th October.
22. Gambill, G.C. (2001) *Syrian Workers in Lebanon: The Other Occupation. The Syrian Labor Force in Lebanon*. [Online] Available from: http://www.meforum.org/meib/articles/0102_11.htm.
23. The Security Council. (2004) *Rezolyutsiya 1559 (2004), prinyataya Sovetom Bezopasnosti na ego 5028-m zasedanii 2 sentyabrya 2004 goda* [Resolution 1559 (2004), adopted by the Security Council at its 5028th meeting, on September 2, 2004]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/902134306>.
24. The Syria Needs Analysis Project. (2016) *Legal Status of Individuals Fleeing Syria*. June 2013. [Online] Available from: http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/legal_status_of_individuals_fleeing_syria.pdf.
25. *Arabiya English (Beirut)*. (2016) 8th July.

Чжоу Тяньхэ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЙ С КИТАЙСКИМ КАПИТАЛОМ В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1990-е гг. В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

Функционирование дальневосточной экономики в 1990-е гг. в значительной мере было связано с оживлением инвестиционного процесса, без чего были невозможны переход к экономическому росту и выход из кризиса. Целью статьи является исследование особенностей создания и деятельности предприятий с китайским капиталом на территории Амурской области в сложных социально-экономических условиях на Дальнем Востоке России в 1990-е гг. Автором рассмотрены основные тенденции и проблемы привлечения и использования иностранных инвестиций; освещена экономическая обстановка в Амурской области 1990-х гг.; проанализирована специфика создания и функционирования предприятий с китайским капиталом в новых экономических условиях.

Ключевые слова: предприятия с китайским капиталом; Амурская область; Дальний Восток России; Китай; экономический кризис.

Рубеж 1980–1990-х гг. во внешней политике характеризуется нормализацией отношений России и Китая. В обеих странах это был период реформ; связанные с ними внутривластные цели в значительной степени определили и позиции держав во внешней политике.

Несмотря на напряженные отношения между странами, торгово-экономические связи между СССР и КНР уже в начале 1980-х гг. стали улучшаться. Товарооборот между ними с 176,8 млн руб. в 1981 г. увеличился до 1,8 млрд руб. в 1986 г. В 1985 г. СССР занимал шестое место во внешней торговле Китая, являясь вместе с Японией, Гонконгом, США, ФРГ и Сингапуром важным торговым партнером КНР [1. С. 114]. 1989 г. (год визита М.С. Горбачева в КНР) принято считать началом урегулирования отношений между Китаем и СССР. Встреча Дэн Сяопина и Горбачева дала толчок развитию связей двух стран на принципиально новом уровне. В ходе визита были достигнуты важные соглашения, в том числе о расширении двусторонней торговли, научно-технического сотрудничества, а также о сокращении сил на протяженной советско-китайской границе, значительную часть которой составляла граница Дальнего Востока России с Северо-Восточным Китаем. Об улучшении отношений свидетельствует и рост советско-китайской приграничной торговли: в 1988 г. она увеличилась в объеме в 5,7 раз по сравнению с предыдущим годом и достигла 196 млн швейцарских франков (около 123 млн долл. США). В целом в 1988–1990-е гг. объем приграничной торговли провинции Хэйлунцзян с советским Дальним Востоком оценивался в 1,5 млрд швейцарских франков, или в 27,2% общего объема торговли провинции [2. С. 4].

Трансформация экономических отношений происходила на фоне резких изменений в общественно-политической ситуации в Советском Союзе. Сложная внутривластная обстановка, ухудшавшееся положение дел в народном хозяйстве обусловили снижение темпов экономического роста. Страна претерпевала

продовольственный кризис, в свободной продаже отсутствовали мясо, колбасы, фрукты и другие продукты. Показательны данные Амурстата за 1987 г.: во всех отраслях народного хозяйства Амурской области были выявлены факты неэффективной работы предприятий. Так, план по снижению себестоимости промышленной продукции за 1987 г. не был выполнен. Завышение плановой себестоимости допустили предприятия лесопромышленного комплекса. Не был выполнен план прибыли предприятиями, работающими в условиях самофинансирования и самоокупаемости, в том числе Благовещенской швейной (0,7 млн руб.), Райчихинской обувной (1,9 млн руб.), хлопкопрядильной (0,5 млн руб.) фабриками. Это было связано в основном с высокой себестоимостью, а также значительными суммами штрафов, пени и неустоек за недопоставку продукции, уплаченных предприятиями. «Не обеспечили запланированных темпов производства продукции 127 предприятий, в том числе предприятия машиностроительного и лесопромышленного комплексов. Проведенный на 1 октября 1987 г. учет неходовых и залежалых товаров в торговле области показал, что при недостатке товарных ресурсов в торговле продолжают накапливаться товары, не пользующиеся спросом населения по качеству и ассортименту. Учетом выявлено таких товаров на 7,2 млн руб., из них 74% составили товары легкой и текстильной промышленности» [3. Л. 56–59, 85].

Для дотационного региона, каковым оставался перестроенный Дальний Восток, эта ситуация выглядит типичной. В период реформ правительство Горбачева пыталось переломить ситуацию: регион был объявлен приоритетным, в сентябре 1987 г. ЦК КПСС и Советом Министров СССР была принята «Долговременная государственная программа экономического и социального развития Дальневосточного экономического района и Забайкалья на период до 2000 г.». Пытаясь найти выход из кризиса, руководство страны было вынуждено более активно использовать экономиче-

ские стимулы. 14 августа 1986 г. Совмин СССР своим постановлением разрешил организацию кооперативов по сбору и переработке вторичного сырья при местных советах. По другому постановлению, принятому 19 августа того же года, 20 министерств и около 60 предприятий получили право самостоятельно выходить на внешний рынок. В январе 1987 г. было принято постановление о создании и деятельности на территории СССР совместных предприятий. Как отмечает Л.А. Моисеева, уже в 1989 г. в регионе сложилась политика ограничения капитальных вложений: «Министерства и ведомства, которые оставались реальными распределителями ресурсов, ссылаясь на переход к рыночным отношениям и провозглашенную “хозрасчетную самостоятельность” предприятий, фактически устранились от выполнения программы» [4. С. 81].

В условиях стагнирующей экономики оставалось немного способов выйти из кризисной ситуации – интенсивное развитие внешнеэкономических связей было одним из них. Сложившаяся ситуация представляла обоюдovouгодной, но если российской стороне в этом виделся выход из кризиса, то китайской – новые перспективы в контексте долгосрочного экономического плана: «И Хэйхэ, и Амурская область – в экономическом плане отсталие регионы, технологии и денежные потоки сюда поступают слабо. Усиление сотрудничества может привести к какому-либо положительному результату в их экономическом развитии. В целом исторический опыт сотрудничества, накопленный с 90-х гг., свидетельствует, что для Хэйхэ, да и для всей провинции Хэйлуцзян, это – уникальный исторический шанс» [5. С. 14].

В 1989 г. расположенные на территории области предприятия и организации экспортировали продукцию во внешнеторговых ценах на 100 млн руб., на свободно конвертируемую валюту – на 1,8 млн руб. И хотя договорные обязательства по экспортным поставкам по всем видам товаров не выполнялись, развитие внешнеэкономических связей было признано значимым резервом повышения экономического потенциала области: поставки в 1989 г. в целом по области были выполнены на 81%. «Не обеспечено выполнение обязательства по управлению охотничье-промыслового хозяйства (49,7%), территориально-производственным лесозаготовительным объединением “Амурлеспром” (70,6%), территориально-производственным кооперативно-государственным объединением “Амурагропромсоюз” (91%), производственным объединением “Тындалес” (95%). По линии прибрежной и приграничной торговли договорные обязательства выполнены на 81%. Объем недопоставленной продукции составил 344,1 тыс. руб. ... В 1989 г. эффективность экспорта составила 60–80%. Значительное влияние на объем экспортных поставок оказало снижение темпов роста промышленного производства. Серьезными недостатками страдает структура экспорта. В общем его объеме 97% приходится на сырьевые ресурсы» [6. Л. 4].

Так или иначе, для Дальнего Востока с его уникальным геополитическим положением расширение внешнеэкономических связей стало особым фактором развития. Возрастала значимость приграничной тор-

говли. С 1988 г. советско-китайская приграничная торговля вступила в этап быстрого развития и трансформации, превратившись из приграничной в межрегиональную (децентрализованную) торговлю [1. С. 114]. Одним из перспективных направлений экономического сотрудничества с зарубежными фирмами было, по мнению региональных властей, привлечение иностранных инвестиций и развитие на этой базе совместных и иностранных предприятий, которые начали создаваться с 1989 г. После нормализации отношений в 1989 г. между СССР и КНР стали активно развиваться экономические связи. Начиная с 1990 г. по количественным показателям объемов торговли и инвестициям наблюдались постоянный рост и расширение сотрудничества. Уровень товарооборота составил 5,4 млрд долл., доля СССР в товарообороте КНР – 4,7% [7. С. 136]. Все это происходило на фоне фактического перехода страны к рыночной экономике.

В 1991 г., после распада СССР, Российская Федерация объявила себя правопреемником Советского Союза, и в истории отношений КНР и России начался новый этап. Одним из важнейших направлений политики двух стран стала предпринимательская деятельность, в том числе торговля. Российская экономика с ее падением объемов промышленного производства, нарастанием инфляции, нарушением финансовой сбалансированности, падением курса рубля, переходом к натуральному обмену и тому подобным вынуждена была перейти на новые, рыночные, рельсы. Кроме того, в этот период правительство практически отказалось от централизованного снабжения дальневосточного региона продовольствием и материальными ресурсами. Так глубокий экономический кризис, в котором находилась страна, стал толчком для действий инициативных слоев населения приграничных регионов.

Начинается активный выход дальневосточных предпринимателей на внешний рынок. Правовой предпосылкой этого процесса стало постановление правительства Российской Федерации «О регистрации предприятий с иностранными инвестициями» от 28 ноября 1991 г.: оно предоставило администрациям регионов право осуществлять непосредственную государственную регистрацию совместных предприятий с иностранным капиталом. Однако у российских компаний отсутствовал как опыт организации предприятий по законам рынка, так и средства для значительных инвестиций. Поэтому создание предприятий с иностранным капиталом для российских регионов было выгодно не только экономически, но и для получения недостающих знаний, интеллектуальных ресурсов.

Сотрудничество КНР и СССР в Амурской области началось в 1989 г. с создания нескольких совместных предприятий, таких как совместное предприятие (СП) «Дружба» (экспорт, импорт, услуги гостиниц, ресторанов), и общественной организации «Центр международного обмена» (работа за рубежом, обучение за рубежом). По данным Амурского областного управления статистики, в 1991 г. в Амурской области было зарегистрировано 7 совместных предприятий, из них советско-китайских – 4 (АМХЭ, «Дружба», «Фанза», «Амуртофу») [8. Л. 75]. Данные за 1993 г. свидетель-

ствуют о существовании уже 65 советско-китайских предприятий, зарегистрированных с 1989 по 1993 г. Их совокупный уставный фонд составил около 24 млн руб. [9. С. 65]. Доля участия китайского капитала составляла 60% лишь в двух предприятиях – СП «Эйша-Ченс» и СП «Хэйпин». В 15 предприятиях было зарегистрировано 50% китайского капитала, в остальных – менее 50%. По оценке китайских специалистов, динамика торговых отношений во второй половине 1980-х – первой половине 1990-х гг. такова: в 1986 г. товарооборот перевалил рубеж в 2 млрд долл., в 1989 г. превысил 3 млрд долл. В 1992 г. достигнут рубеж в 5,86 млрд долл., что составило 8% общего товарооборота России и 3,6% товарооборота КНР, за первые десять месяцев 1993 г. товарооборот России и КНР достиг 4 млрд долл. Таким образом, Китай стал вторым по величине торговым партнером России после Германии [10. С. 18].

Активно шло создание совместных предприятий. К 1 июля 1993 г. в России было зарегистрировано 9 125 СП, из них наибольшее количество – с американским капиталом – 1 433, с германским – 1 141, английским – 557, итальянским – 511, австрийским – 475, польским – 438, финским – 429. КНР занимал 8-е место – 347 совместных предприятий с китайским капиталом. Китайские инвесторы в основном создавали предприятия сферы услуг, и размеры их инвестиций были небольшими. В лидерах оказались инвесторы провинции Хэйлунцзян, из 347 совместных предприятий с участием их капитала были созданы 167 [Там же. С. 19].

Типичным примером международного сотрудничества начала 1990-х гг. было совместное советско-китайское предприятие «АМИТ», созданное в 1990 г., генеральным директором которого в 1990 г. стал С.И. Колотий, в 1991 г. – А.А. Агарков. АМИТ занимался международной перевозкой грузов из КНР и обратно на автомобилях КамАЗ, при этом грузы доставлялись не только на Дальний Восток. При предприятии в 1991 г. открылся магазин для реализации населению товаров народного потребления. Работникам предприятия регулярно выплачивались премии, материальная помощь, а также повышались оклады «в связи с повышением розничных цен» [11. Л. 1–8].

Деятельность совместных предприятий в большей мере была направлена на перепродажу товаров, а не на развитие собственного производства. По данным Амурстата, «доля производства промышленной продукции совместных и иностранных предприятий в объеме промышленного производства области составила только 0,3%» [12. С. 8]. По состоянию на 1 января 1997 г. в области было зарегистрировано 167 совместных и иностранных предприятий, из которых 70% создано при участии инвесторов из Китая (в 1996 г. действовало только 59 предприятий, что на 13% больше, чем в 1995 г.). Из числа действующих совместных и иностранных предприятий 73% приходилось на предприятия торговли и общественного питания, 15% – промышленности. Динамика зарегистрированных совместных и иностранных предприятий была такова: в 1991 г. – 4, в 1992 г. – 30, в 1993 г. – 69, в 1994 г. – 82, в 1995 г. – 110, в 1996 г. – 126, в 1997 г. – 145 предприятий [8. Л. 121; 12. С. 32; 13. Л. 123].

В целом в общем объеме внешнеторгового оборота РФ доля Китая составила в 1994 г. – 44%, 1995 г. – 39%, 1996 г. – 60%, 1997 г. – 57%. Из России в Китай экспортировалась техника – автомобили грузовые и легковые, бульдозеры, скреперы, тележки, моторные яхты и другие плавательные средства, транспортные средства, деррик-краны, двигатели судовые, части для машин; изделия из металла – гвозди, кнопки, скобы, уголки фасонные, раковины из нержавеющей стали, клапаны, вентили, а также стекло литое, рельсы, шпалы, прокат, тара – баки емкостью более 300 л, емкости для сжатого газа, в меньшей степени – товары широкого потребления – одежда, обувь. Из КНР импортировались товары широкого потребления (текстиль, одежда и обувь), мебель, оборудование и материалы для ремонтно-строительных работ, бытовая и электронная техника: телевизоры, микрофоны, продукты питания. До середины 1990-х гг. росло количество предприятий с инвестициями из КНР на территории Амурской области (динамика регистрации таких предприятий представлена в таблице).

Динамика регистрации предприятий с инвестициями из КНР на территории Амурской области

Годы	Предприятия	
	Зарегистрировано	Ликвидировано
1989	1	–
1990	2	–
1991	5	–
1992	25	–
1993	37	1
1994	30	10
1995	19	7
1996	17	2
1997	12	9
1998	1	22
1999	8	12
2000	11	12
Итого	168	75

Сост. по: Амурская область и провинция Хэйлунцзян: показатели развития. Благовещенск, 2001. С. 16.

С 1995 г. начала вырисовываться картина «замороженных» совместных предприятий. Некоторые создавались на непродолжительное время – для проведения одной или нескольких сделок. Отмечалось увеличение налоговых преступлений на канале внешнеэкономических связей, где наиболее распространенными видами нарушений были сокрытие выручки при выполнении контрактов с иностранными партнерами, ведение двойной документации, одностороннее выполнение взятых на себя обязательств, а также валютные нарушения. Отрицательно сказывалось на поступлении налогов в бюджет увеличение количества компаний со 100% китайских инвестиций, которые создавались для совершения разовых крупных сделок по вывозу с территории РФ сои, лома черных и цветных металлов. Доля таких предприятий в Амурской области постоянно росла. По данным областной налоговой инспекции, отчетность представляли 40% указанных фирм, показывали минимальную прибыль – 14%, остальные были убыточны.

Большинство создаваемых предприятий со стопроцентным китайским капиталом изначально было ориентировано на экспорт из Амурской области лома

цветных и черных металлов, сои, зерновых культур, часть таких предприятий создавалась для совершения одной или нескольких сделок. Манипуляции с количеством, качеством и, как следствие, стоимостью вывозимых стратегически важных сырьевых ресурсов (лом отходов, а также изделий из цветных и черных металлов, деловая древесина и др.) позволяла экспортерам образовывать до 30–40% неучтенной валютной выручки. Предприниматели вывозили ресурсы, используя подложные документы, включая и лжерегистрацию индивидуального предпринимателя для проведения экспортно-импортных операций по разовому контракту.

На этом фоне инвестиционная привлекательность Приамурья выглядела неоднозначной. Китайских бизнесменов, скорее, интересовали финансовые схемы, позволяющие получить экономическую выгоду в кратчайшие сроки [14. С. 64]. К 1 октября 1995 г. в Амурской области было зарегистрировано 135 предприятий с иностранными инвестициями, среди них 70% – предприятия с участием китайского капитала, при этом к началу 1996 г. из всех зарегистрированных предприятий с иностранными инвестициями фактически функционировали только чуть более 40, и их деятельность была связана прежде всего с торговлей и общепитом (торговые точки, китайские кафе). Экономическая ситуация середины 1990-х гг. была такова, что предприятия работали даже себе в убыток. На семинарах и встречах, посвященных деятельности совместных предприятий, постоянно отмечались одни и те же причины, влияющие на создание любого производства в России: слишком высокие налоги, отсутствие каких-либо гарантий и льгот для бизнеса. Таким образом, импорт любых товаров из Китая был более выгоден, чем их производство в России.

В целом деятельность предприятий с китайским капиталом стала неотъемлемой частью экономической жизни многих предприятий, организаций и структур Амурской области. За счет установления прямых связей между предприятиями и организациями-партнерами область смогла смягчить проблемы снабжения населения потребительскими товарами. Совместные предприятия, действовавшие на Дальнем Востоке, являлись важным звеном формирования рыночных отношений, фактически они были «пионерами» свободной экономики, опередив кооперативы, малые частные предприятия. Совместные предприятия способствовали разрушению государственной монополии в сфере экономики и внешней торговли. Они внесли определенный вклад в привлечение управленческого опыта из-за рубежа.

Однако соотнося это положение дел с соответствующей ситуацией в Китае, становится очевидно, что позиции стран были очень неравными. В экономике КНР привлечение иностранных инвестиций сыграло куда более значительную роль: механизм привлечения иностранного капитала охватывал практически весь арсенал современного международного инвестиционного производственного сотрудничества: и компенсационные соглашения, и совместную разработку нефтяных ресурсов на континентальном шельфе, и инвестирование за рубежом, и подрядное строительство, и экспорт рабочей силы, и иностранный туризм [15. С. 33]. По оценкам китайских экономистов, благодаря привлечению инвестиций и содействию других стран в Китае удалось создать совершенно новые отрасли, такие как производство компьютеров и цветных телевизоров, реконструировать авиационную промышленность, черную металлургию, транспорт, энергетику [16. С. 26–28].

Для российской экономики усиление финансовых связей скорее носило вынужденный характер, нежели свидетельствовало о формировании нового типа открытой экономики (тем более – о создании долгосрочной экономической программы). Отдельные позитивные начинания по развитию двусторонних связей не получили полномасштабного воплощения. Прежде всего, не было четких принципов приграничной политики российского государства [17. С. 110]. Очевидно, что в процессе совместного предпринимательства в первую очередь возникает вопрос регулирования его деятельности. Однако в сфере регулирования приграничного взаимодействия российскому руководству в 1990-е гг. были свойственны резкие колебания.

Необходимо отметить, что совместные предприятия, действовавшие в Амурской области, стали важным звеном рыночных отношений, они способствовали разрушению государственной монополии в сфере экономики и внешней торговли. Однако в целом экономический опыт Дальнего Востока России 1990-х гг. противоречив. На первый взгляд, дальневосточный регион имел набор преимуществ, которые теоретически должны были благоприятствовать притоку иностранных капиталов: географическое положение, ресурсная база, взаимная заинтересованность двух стран. Фактически же, став для Китая выгодным объектом капитализации, российский Дальний Восток оказался в слабой позиции неуверенного игрока, упустив возможности экономического роста в стратегической перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романова Г.Н. Формирование внешнеэкономических связей Китая в 80-е годы XX века // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2011. № 3. С. 113–124.
2. Ван Янь. История сотрудничества между Китаем и Россией. Пекин : Китайское знание, 2010. 421 с.
3. Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф. Р 480. Оп. 16. Д. 56.
4. Моисеева Л.А. История формирования предпринимательства на Дальнем Востоке России в 1985–2000 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 2004. 536 с.
5. Чжан Минъюань, Чжан Юйлуи. 黑河与阿穆尔州地区合作研究报告 Хэйхэ юй Амурсьчжоу дицюй хэцзо яньцзю баогао (Доклад об исследовании регионального сотрудничества между Амурской областью и Хэйхэ) // Хэйхэ сюэкань. 2011. № 1. С.10–15.
6. ГААО. Ф. Р 480. Оп. 17. Д. 25.
7. Потапов М.А. Внешнеэкономическая политика Китая: проблемы и противоречия. М. : Буква, 1998. 595 с.
8. ГААО. Ф. Р 480. Оп. 17. Д. 727.

9. ГААО. Ф. 480. Оп. 17. Д. 1748.
10. Сюй Цзинсюэ. 中俄贸易和东北亚区域合作 Чжун Э маоин хэ Дунбэйя цюйюй хэцзо (Российско-китайская торговля и сотрудничество в Северо-Восточной Азии) // Дунъюу Чжунъя яньцзю. 1994. № 1. С. 18–25.
11. ГААО. Ф. Р 2363. Оп. 1. Д. 1.
12. Внешнеэкономические связи Амурской области : учеб. пособие. Благовещенск : Госкомстат, 1998. 45 с.
13. ГААО. Ф. Р 480. Оп. 17. Д. 1202.
14. Якименко Т.Н. 影响阿穆尔州吸引外资的若干问题 Иньсян Амуэрчжоу сиинь вайцзы дэ жогань вэньти (Некоторые вопросы влияния привлечения иностранных инвестиций для Амурской области) // Хэйхэ сюэкань. 1996. № 1. С. 64–65.
15. Романова Г.Н. Реформирование внешнеэкономических связей Китая: торговля, инвестиции (80-е гг. XX в. – начало XXI в.) // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2017. № 2. С. 25–38.
16. Романова Г.Н. Подходы руководства КНР к реформированию экономической системы // Китай на пути модернизации и реформ : тез. докл. VI Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». М., 1999. Ч. 1. С. 26–28.
17. Лаврентьев А.В. Проблемы регионального развития Дальнего Востока России и попытки их централизованного преодоления: опыт 90-х годов XX века // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2010. № 1. С. 110–117.

Zhou Tianhe. Blagoveshchensk State Pedagogical University (Blagoveshchensk, Russia). E-mail: nmqhwss@mail.ru

THE ACTIVITY OF THE ENTERPRISES WITH CHINESE CAPITAL IN THE AMUR REGION IN THE 1990s IN THE CONTEXT OF THE SOCIO-ECONOMIC SITUATION IN THE RUSSIAN FAR EAST

Keywords: enterprises with Chinese capital; Amur region; Russian Far East; China; economic crisis.

In the early 1990s, the transformation of the Russian economy from the state centralized model to the market model had required new forms of interaction with foreign partners. In this matter, the experience of Russian-Chinese cooperation was particularly interesting and gave us the opportunity to describe the economic positions of the two countries, their interests, strategies that have developed within the framework of the unique socio-economic situation. The new system of relations was a challenge for the Russian economy, which was experiencing a crisis at that time. All these facts determined the relevance of this study.

The purpose of the article is to reveal the complex problems of formation and activity of enterprises with Chinese capital in the Amur region in the 1990s.

The sources of the article are the materials from the funds of regional archives. In the article the problem-chronological approach was used, which allowed to consider the features of the socio-economic situation in the Far East of the Russian Federation in the 1990s, to identify the prerequisites for the creation of enterprises with Chinese capital and the features of the Chinese entrepreneurs activity.

After analyzing the socio-economic circumstances prevailing during this studied historical period, the author has discovered that the substance of relations between the USSR and China was rapidly changed. It was happened on the background of sharp changes in the socio-political situation in the Soviet Union. The difficult domestic political situation had led to a slowdown in economic growth. One of the ways out of the crisis situation was the intensive development of foreign economic relations. For the Far East, with its unique geopolitical position, the development of foreign economic relations was a special factor in development. Cross-border trade had increased significantly: since the early 1990s, it had developed and transformed very quickly, transforming from cross-border trade to regional model. Attraction of foreign investments and development of joint and foreign enterprises on this basis was considered as a promising economic solution. At that time, Far East entrepreneurs were actively seeking to enter the foreign market, acquiring a completely new economic experience, obtaining previously lacking knowledge and intellectual resources.

The activity of joint ventures was directed to resell the goods more than to develop of its own production, and the shadow sector of this activity was rather big. In this situation, Chinese businessmen were rather interested in financial schemes that allowed them to obtain economic benefits in the shortest possible time.

In the course of the study, the author came to the conclusion that enterprises with Chinese capital were the integral part of the economic life of the Amur region. However, in spite of the undoubted advantages - a favorable geographical position, resource base, mutual interest of the Russian Federation and China in cooperation - the Russian Far East had not fully realized its economic potential. In the region, its advantages were not used, but were offered "in exchange" for economic survival.

REFERENCES

1. Romanova, G.N. (2011) Formirovanie vneshneekonomicheskikh svyazey Kitaya v 80-e gody XX veka [Formation of foreign economic relations of China in the 1980s]. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke – Customs Policy of Russia in the Far East*. 3. pp. 113–124.
2. Wang Yan. (2010) *Istoriya sotrudnichestva mezhdu Kitaem i Rossiei* [The history of cooperation between China and Russia]. Beijing: Kitayskoe znanie.
3. The State Archive of Amur Region (GAO). Fund R. 480. List 16. File 56.
4. Moiseeva, L.A. (2004) *Istoriya formirovaniya predprinimatel'stva na Dal'nem Vostoke Rossii v 1985-2000 gg.* [The history of the formation of entrepreneurship in the Far East of Russia in 1985–2000]. History Dr. Diss. Vladivostok.
5. Zhang Mingyuan & Zhang Yulong. (2011) 黑河与阿穆尔州地区合作研究报告 [Report on the study of regional cooperation between Amur region and Heihe]. *Kheykhe syuekan'*. 1. pp.10–15.
6. The State Archive of Amur Region (GAO). Fund R 480. List 17. File 25.
7. Potapov, M.A. (1998) *Vneshneekonomicheskaya politika Kitaya: problemy i protivorechiya* [China's foreign economic policy: problems and contradictions]. Moscow: Bukva.
8. The State Archive of Amur Region (GAO). Fund R 480. List 17. File 727.
9. The State Archive of Amur Region (GAO). Fund 480. List 17. File 1748.
10. Xu Jingxue. (1994) 中俄贸易和东北亚区域合作 [Russian-Chinese trade and cooperation in Northeast Asia]. *Dun"ou Chzhun"ya yan'tszyu*. 1. pp. 18–25.
11. The State Archive of Amur Region (GAO). Fund R 2363. List 1. File 1.
12. The State Statistics Committee. (1998) *Vneshneekonomicheskie svyazi Amurskoy oblasti* [Foreign economic relations of the Amur region]. Blagoveshchensk: Goskomstat.
13. The State Archive of Amur Region (GAO). Fund R 480. List 17. File 1202.
14. Yakimenko, T.N. (1996) 影响阿穆尔州吸引外资的若干问题 [Some Issues of the Impact of Attracting Foreign Investments for Amur Region]. *Kheykhe syuekan'*. 1. pp. 64–65.

15. Romanova, G.N. (2017) Reform of China's Foreign Economic Relations: Trade, Investments (in the 1980-s – early 21st century). *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke – Customs Policy of Russia in the Far East*. 2. pp. 25–38. (In Russian).
16. Romanova, G.N. (1999) Podkhody rukovodstva KNR k reformirovaniyu ekonomicheskoy sistemy [The approaches of the PRC leadership to the reform of the economic system]. In: Titarenko, M.L. (ed.) *Kitay na puti modernizatsii i reform* [China on the way of modernization and reform]. Moscow: RAS. pp. 26–28.
17. Lavrentiev, A.V. (2010) Problemy regional'nogo razvitiya Dal'nego Vostoka Rossii i popytki ikh tsentralizovannogo preodoleniya: opyt 90-kh godov XX veka [Problems of regional development of the Russian Far East and attempts to overcome them centrally: the experience of the 1990s]. *Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*. 1. pp. 110–117.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

УДК 93/94 (093)
DOI: 10.17223/19988613/60/19

М.А. Гизбулаев

АРАБСКИЙ ИСТОЧНИК О СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА: КИТАБ АЛ-БУЛДАН ИБН АЛ-ФАКИХА

Впервые в российской историографии приводятся сведения по истории Дагестана в VII–X вв. на основе перевода, комментирования и сравнительного анализа выдержек из сочинения Ибн ал-Факиха *Китаб ал-булдан* («Книга стран»), относящихся к истории народов Восточного Кавказа. Проведено сопоставление сведений о Дагестане сочинения Ибн ал-Факиха *Китаб ал-булдан* и сочинения Ибн Хордадбега *Китаб ал-масалик ва-л-мамалик*, чтобы выяснить, едино ли происхождение материала у обоих авторов.

Ключевые слова: Ибн ал-Факих; историческая география; *Китаб ал-булдан*; арабская историография; Восточный Кавказ; Дагестан; сравнительный анализ; Ибн Хордадбег; *Китаб ал-масалик ва-л-мамалик*.

Для народов Восточного Кавказа сочинения на арабском языке являются источниками знаний в области социально-культурной и политико-экономической истории. Фрагментарность извлечений из арабских источников и скудость источниковой базы не дают возможности исследователям обстоятельно изучить средневековую историю народов Дагестана. Цель статьи – освещение сведений по истории Дагестана в VII–X вв. на основе перевода, комментирования и сравнительного анализа выдержек из сочинения Ибн ал-Факиха, относящихся к истории народов Восточного Кавказа.

Географические сочинения были вызваны к жизни завоеваниями и необходимостью административного устройства Халифата, так как централизованная система управления, стягивавшая все нити управления в Дамаск, а затем в Багдад, требовала хороших путей сообщения и точных сведений о них, с перечислением маршрутов, почтовых станций, с указанием расстояний и условий передвижения.

Развитию описательной арабской географии способствовала также торговля, пользовавшаяся с одинаковой легкостью и сухопутными, и морскими маршрутами, которая не только объединяла отдельные области Халифата, но и выходила далеко за его пределы, вовлекая в орбиту своего влияния и центр Африки, и северо-восток Европы, и юго-восток Азии. В своем труде «Арабская географическая литература» И.Ю. Крачковский уделил большое внимание зачаткам географических знаний мусульман в более ранний период. Очень подробно описано развитие арабской географической литературы [1. С. 15–63].

Один из ранних географических трудов энциклопедического характера, в котором содержатся сведения о Восточном Кавказе (Дагестане) – это сочинение Ибн ал-Факиха.

Абу ‘Абдулла Ахмад б. Мухаммад б. Исхак б. Ибрахим ал-Ахбари, а по *нисбе* (происхождению) ал-Хамадани, прозванный Ибн ал-Факих, составил книгу *Китаб ал-булдан* («Книга стран») около 290/903 г., и о некоторых аспектах из его жизни и деятельности известно из его сочинений и биографического словаря Ибн Надима [2. С. 157]. По-видимому, он был уроженцем города Хамадана в Персии и сыном знатока преданий и правовой литературы, на что указывает его прозвище – Ибн ал-Факих, т.е. «сын законоведа». Он получил известность в Багдаде в период правления Аббасидского халифа Му‘таида (892–902). Время жизни и деятельности Ибн ал-Факиха установлено только приблизительно (869–942 или 952), по тем данным, которые можно извлечь из его сочинения *Китаб ал-булдан* или *Китаб ахбар ал-булдан* («Книга рассказов о странах»), которое дошло до нас в сокращенной редакции, составленной приблизительно через сто лет, около 413/1022 г. неким ‘Али ал-Шайзари [3. С. 156]. В этой редакции оно и было издано М. де Гье в серии «*Bibliotheca geographorum arabicorum*», составив пятый том указанного издания [4]. Сообщается также, что помимо *Китаб ал-булдан*, Ибн ал-Факиху принадлежало еще два сочинения, которые до нас не дошли: *Китаб ал-‘Аджаиб* и *Китаб зикр ал-шу‘ара ал-Махдийун*, последнее сочинение посвящено жизни и деятельности арабских поэтов [5].

Сочинение Ибн ал-Факиха, насколько можно судить по компендиуму, не является строго географическим трудом, но имеет своей целью дать занимательный материал для чтения по географии, т.е. служит своего рода географической хрестоматией. Этот труд – большой энциклопедический справочник по Халифату вообще, со значительным количеством стихов, легенд, курьезных рассказов и т.д. Очень большое внимание

он обращает на такие темы, как завоевание мусульманами разных областей мира, размер поземельных налогов (*харадж*) Халифата, возникновение городов. Особенно подробно описаны Багдад и родина автора Хамадан. В начале сочинения Ибн ал-Факих рассказывает о достоинстве и значении городов, их истории, приводит некоторые связанные с ними известия, повествующие о преимуществах одних городов перед другими. Среди известных исторических личностей, о которых приводятся подробные сведения в его труде, – прежде всего Пророк Мухаммад (10/632) и его сподвижники ‘Умар ибн ал-Хаттаб (23/644) и ‘Али ибн Аби Талиб (41/661), омейядский наместник Ирака Хаджадж ибн Йусуф (95/714), аббасидские халифы Абу Джафар ‘Абдуллах ибн Мухаммад ал-Мансур (158/775), Харун ар-Рашид (193/809) и Абу ал-Аббас ‘Абдуллах ибн Харун ал-Мамун (218/833).

Рассматривая вопрос об источниках *Китаб ал-булдан*, необходимо отметить, что Ибн ал-Факих использовал труды своих предшественников и современников, на которых он ссылается, таких как ал-Джахиз, ал-Балазури, ал-Йа’куби, Ибн Хордадбех и др. Часть сведений, которые сообщает Ибн ал-Факих, основана на устной традиции, и мы встречаем некоторые имена источников этих сведений, например Абу Аббас ал-Туси. Следует подчеркнуть, что писателем, оказавшим, несомненно, большое влияние на географическую работу Ибн ал-Факиха, был ал-Абу Усман ал-Джахиз (ум. 869). Другой мусульманский ученый историк-географ ал-Мукаддаси относится к сочинению нашего автора сдержанно: «Я видел книгу, которую составил Ибн ал-Факих ал-Хамадани в пяти томах. Он пошел по другому пути [чем Абу Зайд ал-Балхи] и упоминает только большие города. Он включил в книгу разные отрасли наук». ал-Мукаддаси не одобряет присутствие в книге большого количества незначительных деталей [3. С. 156]. Кроме ал-Мукаддаси произведение Ибн ал-Факиха было широко использовано более поздними авторами: Ахмадом Туси, Йакутом ал-Хамави и др.

В начале XX в. в библиотеке мечети имама Али ар-Риза в Мешхеде была найдена рукопись объемом 212 страниц большого формата. Весной 1923 г. А.З. Валиди имел возможность просмотреть рукопись и вскоре опубликовал ее описание [6. С. 237–248]. Как оказалось, Мешхедская рукопись представляла собой ранее неизвестную редакцию книги Ибн ал-Факиха, значительно отличавшуюся от редакции ал-Шайзари, изданной М. де Гье. Однако и она, по-видимому, также является сокращением оригинала, поскольку в ней отсутствуют две пространные главы об Азербайджане и Армении, имеющиеся в издании М. де Гье. Вместе с тем это более полная редакция, в ней содержатся дополнительно 11 глав, отсутствующих в сокращенной редакции ал-Шайзари.

На сегодняшний день неосуществленными остались планы подготовки и издания сводного текста Ибн ал-Факиха на основе издания М. де Гье и Мешхедской рукописи. Отрывок, охватывающий рассказ Тамима ибн Бахра ал-Мутава’и, был опубликован с английским переводом и комментариями В.Ф. Минор-

ским [7. С. 279–283]. Кроме того, глава сочинения Ибн ал-Факиха, посвященная тюркам, под заглавием «Рассказ о гуззах и “дождевом камне”», подготовлена к изданию С.Л. Волиным по мешхедской рукописи с переводом и привлечением сокращенного текста М. де Гье. Практически все ранее неизвестные главы мешхедской рукописи, содержащей сведения об областях, расположенных к югу от Сахары, а также к востоку от Ирака, – Иране, Хорасане, Мавераннахре и тюркских владениях, усилиями А.С. Жамкочяна [8–10] и О.В. Цкитишвили [11–12], Л.Е. Куббеля и В.В. Матвеева [13], Ф.М. Асадова [14] были изданы и переведены.

Сочинение *Китаб ал-булдан* отличается последовательностью систематизации материала. Для подтверждения достаточно просто перечислить заглавия и темы в тексте: «О сотворении земли, моря, чудеса в них»; «Отличие между Китаем и Индией»; «Слово о Мекке и Ка’бе»; «Город Таиф»; «Слово о Медине и мечети Пророка»; «Отличие между Тихамой и Недждом»; «Слово о Йемене»; «Слово о Бахрейне»... «Слово о Египте и Ниле»; «Страны к югу (Нубия, Абиссиния, Беджа); «Слово о Магрибе»; «Слово о Шаме, Иерусалиме, Дамаске, Месопотамии»; «Слово о Румах (византийцы)»; «Слово об Ираке, Куфе и замке Хаварнак» (с рядом исторических замечаний и цитат), а также главы Басре, Багдаде и т.д.

Известно, что данные, приведенные в сочинении Ибн ал-Факиха о Дагестане, есть и в труде Ибн Хордадбеха. В связи с этим в статье выполнено сопоставление сведений сочинения Ибн ал-Факиха *Китаб ал-булдан* и сочинения Ибн Хордадбеха *Китаб ал-масалик ва-л-мамалик* – избранных отрывков, сообщающих о Дагестане. Это сопоставление выполнялось с целью установить происхождение сведений о Восточном Кавказе в первом из двух сочинений. При этом следует отметить, что сведения о Дагестане из сочинения Ибн ал-Факиха еще не были переведены и опубликованы в трудах российских востоковедов.

В сочинении Ибн ал-Факиха при описании событий, происходивших в середине VII в., упомянут один из первых мусульманских военачальников, совершивших поход на Кавказ, – сподвижник Пророка Салман ибн Раби’а, которому приписывают завоевание ряда городов и политических образований в Дагестане: «...Ширван, Маскат [Мушкюр], Шабиран [центр одноименной исторической области, развалины которого находятся в 25 км к юго-востоку от г. Кубы], город Баб [Дербент], и [земли] других владельцев гор были завоеваны Салманом. И встретил его в бою хахан [правитель хазар] со своей конницей на реке Баланджар [Возможно, это река Улучай, протекающая по территории Дахадаевского, Кайтагского и Дербентского районов Республики Дагестан], где Салман, да помилует его Аллах, и 4 000 мусульман [вместе с ним] погибли...» [15. С. 590].

В сочинении Халифы ибн Хаййата также упоминаются Ширван, Маскат, Шабиран, город Баб, но он расписывает подробно весь маршрут сподвижника Пророка на Восточном Кавказе с указанием даты поражения мусульманских войск и гибели Салмана. Сначала Салман был утвержден халифом ‘Умаром в

звании судьи в Куфе, после чего он не раз участвовал в военных походах на Кавказе, но был убит в одном из сражений с хазарами в г. Баланджар около 650 г. [16. С. 22–27]. Однако, судя по сообщениям ат-Табари, вместо Салмана был убит его брат 'Абдурахман б. Раби'а в 32/653 г.

Далее Ибн ал-Факих со слов Ахмада б. Вадиха ал-Исбахани, который провел значительное время своей жизни на Восточном Кавказе, в Армении, пишет: «...число политических образований *мамалик*, расположенных в ней [на территории Восточного Кавказа] равно 113 государствам. Среди них государство Сахиб ас-Сарир [был по масштабам Кавказа крупным владением, объединявшим целый ряд дагестано-нахских народов, с политическим центром в Хунзахе], расположенный между [землями] Алан и Баб ал-Аббабом. Оттуда тянутся два [почтовых] пути: один в страну хазар, а другой в страну Арминийа [это не современная Армения, а область, включавшая в рассматриваемый период часть территорий Армении, Грузии, восточного Азербайджана и южного Дагестана]. В этой стране [ас-Сарир] 18 000 сел, [для сравнения] в государстве Арран [на севере достигло до области Ширван, на северо-западе Шеки и Кахетии в восточной Грузии, на юге ограничивалось Арменией и Азербайджаном, на юго-востоке – прикаспийской Муганью] находится 4 000 сел. [Из всех государств на территории Восточного Кавказа] правитель Сарира имеет самое большое количество сел [населенных пунктов]» [15. С. 586].

Ибн ал-Факих отметил, что в горах Кавказа множество защищенных укреплений (*хусун*) таких как «Баб Сул (в тексте Баб ул^б ول^б) [(арм. Чор, Чога), в настоящее время отождествляется с Топрах-кала, развалины которого сохранились близ Дербента], Баб Алан (باب اللان) [Дарьяльское ущелье], Баб Шабиран, Баб Лазики (بيلانقة) [местность, населенная лазами, занимающей значительную территорию от устья р. Чорох до Черноморского побережья современных западной Грузии и Турции], Баб Барика (باب بارقة), Баб Самсахи (باب سمسخي) [теперь развалины крепости Дзамисцихе на правом берегу р. Куры против Сурама, лежала на р. Кура от Ахалциха до Сурама], Баб Сахиб Сарир (باب صاحب السرير), Баб Филан-шах (باب فيلان شاه) [сведения о локализации Филана противоречивы], Баб Карунан (باب كارونان), Баб Табарсаран-шах (باب طبرسرانشاه) [историческая область в юго-восточной части Дагестана, территория по долине р. Рубас], Баб Лайзан-шах (в тексте Баб Иран-шах) [совр. пос. Лагич в Азербайджане]» [15. С. 586]; тот же список и у Ибн Хордабеха [17. Т. 1. С. 124]. Всего таких фортификационных сооружений, построенных Сасанидами, в горах Кавказа было 360. Из них «...сто замков [расположены в горных ущельях] до Баб Алан [Дарьяльского ущелья], еще десять замков контролируются мусульманами до земель Табаристана, а все остальные замки находятся на землях Филан, Сахиб ас-Сарир до Баб Алан» [15. С. 583].

У ал-Йа'куби этих данных нет. Интересные для нашего исследования сведения об экспедиции во главе Салламом ат-Тарджуман (по данным Ибн Хордабеха, Саллам владел тридцатью языками) через Дагестан в

сторону земель Гог и Магог встречаются у Ибн ал-Факиха: «Рассказал Саллам ат-Тарджуман: что ал-Васик [Абу Джафар Харун ал-Васик ибн Мутасим – аббасидский халиф, который правил с 842 по 847 гг.], после того как увидел во сне, что стена, воздвигнутая Зулькарнайном [Зулькарнайн в переводе с арабского означает «обладающий двумя рогами» – праведник, имя которого упоминается в Коране [18]] между [нами] и Йаджудж и Маджудж [Гог и Могог] открылась, обратился ко мне и сказал: "Осмотри ее воочию и доставь мне сведения о ней!.. И отправились мы [в путь] из г. Самарры (в тексте سرمن رأى Сурра-ман-ра) с письмом ал-Васика к Исхаку ибн Исмаилу [правитель Тифлиса, который был женат на дочери царя Сарира; был разбит войсками халифатского полководца Буги и казнен в 853 г.], правителю Арминийи находящемуся в Тифлисе, чтобы он оказал нам необходимую помощь [для дальнейшего маршрута]. И написал о нас Исхак [письмо] к правителю Сарир, а правитель Сарира написал о нас царю Алан, а он написал о нас Филан-шаху, а тот написал о нас правителю Хазар...» [15. С. 583].

Эти сведения относятся к 846 г. Очень легко уловить происхождение сведений о Дагестане в *Китаб ал-булдан*. Ибн ал-Факих использовал сведения Ибн Хордабеха [17. Т. 1. С. 163].

Важное упоминание о Дагестане есть в главе «Арминийа», где автор, перечисляя граничащие с Арминийей политические образования, указывает на Сарир, Лакз [современная территория южного Дагестана и северо-западного Азербайджана, занимаемая лезгинями, агулами, цахурами, рутулами, отчасти также аварцами] и Баб ал-Аббаб: «...граница Арминийи простирается от [города] Барза'и [столица Аррана, стала центром халифатской администрации на Кавказе], который был основан Кубадам Старшим [Кавад I – царь царей (шахиншах) Ирана из династии Сасанидов, правил в 488–496 и 499–531 гг.], до Баб ал-Аббаба, а оттуда до границ Рума [Грузии], Кавказского хребта, [земель] владетелей ас-Сарира и ал-Лакза» [15. С. 583].

Далее в следующей главе наш автор пишет, что: «за пределами [территории] Баб ал-Аббаба находятся [земли] правителя *малик* Сувар [объединение кочевников, изгнанных из Западной Сибири, которые обосновались вдоль Каспийского моря и Кавказских гор до Дербента] и [правителя] Лакз, правителя Алан, правителя Филан, правителя Маскат, Сахиб ас-Сарир, а также [правителя] города Семендер» [Там же. С. 593].

Ибн Хордабеха точно так же приводит эти данные [17. Т. 1. С. 124]. Термин *малик* означает «царь», но в первые века Ислама он применялся преимущественно к немусульманским правителям [18. С. 68]. Ат-Табари также употребляет термин *малики гор*, подразумевая всех дагестанских правителей, а когда речь идет о правителе Сарира, то применяется термин *сахиб*.

«На [берегу] Хазарского [Каспийского] моря расположен Баб аб-Аббаб [город и земли, прилегающие к нему], которого называют там *Кабк* [ввиду того, что территория Баба тянется вдоль хребта Кавказских гор]. Там существует семьдесят языков, носители которых не понимают [друг друга] без переводчика» [15. С. 82]. Ни у Ибн Хордабеха, ни у ал-Йа'куби этих данных нет.

Далее следует небольшое описание Каспийского моря: «...Третье море – Хорасанское, Хазарское. [Оно называется так] по причине близости к нему Хазар. Оно простирается до Мукана, Табаристана, Хорезма, Баб ал-Абваба. От моря Джурджана [Гурган – область в Иране на юго-восточном побережье Каспийского моря] до залива Хазар [хазарской столицы Итиль / Астрахань] – десять дней пути. Когда же ветер благоприятствует [путникам] – то восемь дней морем и два дня по суше. Это море называется Хорасанским кругом. Диаметр его сто *фарсахов*, а длина окружности тысяча пятьсот *фарсахов*» [15. С. 63].

Мы сравнили сведения, приведенные Ибн ал-Факихом в *фарсах*ах, с реальными расстояниями на местности. По сведениям Ибн ал-Факиха ширина Каспийского моря составляет до 554,9 км (100 *фарсахов*), а его длина равна 1 662 км (1 500 *фарсахов*), тогда как по данным Росгидромета на местности ширина моря

доходит до 435 км, а протяженность его по меридиану равна 1 200 км [20].

Таким образом, для изучения средневековой истории Восточного Кавказа сведения арабских авторов представляют особую ценность, в частности сочинения *Китаб ал-булдан* заслуживают дальнейшего углубленного изучения. Сведения о Дагестане, приведенные Ибн ал-Факихом, в большей степени схожи со сведениями Ибн Хордадбеха. Сочинение Ибн ал-Факиха начинает ряд подобных же географических хрестоматий и в большей или меньшей степени было использовано в сочинениях позднейших авторов, таких как, например, Йакут ал-Хамави. Изложение историко-географических данных о Дагестане у Ибн ал-Факиха сжато, с явным интересом к описательной географии. Сочинения *Китаб ал-булдан* Ибн Факиха имеют важное значение для изучения истории и географии Восточного Кавказа VII–X вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М. –Л., 1957. Т. 4: Арабская географическая литература. 965 с.
2. *Kitab al-fihrist: ta'rif-i Muḥammad Ibn Ishāq Nadīm. Kitābkhānīh-i Ibn Sīnā*, 1965. 668 p.
3. Крачковский И.Ю. История арабской географической литературы. Каир, 1963 (на араб. яз.).
4. de Goeje M.J. Compendium libri Kitab al-buldan auctore Ibn-Fakih al-Hamadani. Luduni Batavorum, 1885 (BGA.V). 365 p.
5. Khalidov A.B. Ebn Al-Faqih // *Encyclopedia Iranica*. 1997. Dec. 15 (accessed: 18.03.2017).
6. Валидов А.З. Мешхедская рукопись Ибну-ль-Факиха // *Известия Российской Академии Наук*. VI серия. 1924. Т. 18, 1-11. С. 237–248.
7. Minorsky V. Tamim ibn Bahr's Journey to the Uyghurs // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1948. Vol. 12. P. 279–283.
8. Жамкоян А.С. Харадж Хорасана по материалам мешхедской рукописи Ибн ал-Факиха «Ахбар ал-Булдан» // *Историко-филологический журнал АН Армянской ССР*. 1971. № 3 (54). С. 174–182.
9. Жамкоян А.С. Неизвестная глава об ас-Сававе в «Ахбар ал-Булдан» Ибн ал-Факиха // *Вестник Ереванского университета*. 1971. № 3 (15). С. 141–153.
10. Жамкоян А.С. Город Самарра по материалам мешхедской рукописи // *Историко-филологический журнал АН Армянской ССР*. 1973. № 2 (61). С. 275–294.
11. Цкитишвили О.В. К истории города Багдада, материал к истории возникновения и развитие феодального города на Ближнем Востоке. Тбилиси, 1968. 198 с.
12. Цкитишвили О.В. Город Васит по Мешхедской рукописи Ибн-ал-Факиха // *Очерки по истории городов Ближнего Востока* : сб. ст. / под ред. проф. Габашвили. Тбилиси, 1970. Вып. 2. С. 272–287.
13. Куббель Л.Е., Матвеев В.В. Древние и средневековые источники по этнографии и истории Африки южнее Сахары. М. –Л. : АН СССР, 1960. Т. 1: Арабские источники VII–X вв. 736 с.
14. Асадова Ф.М. Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку, 1993. 204 с.
15. Ибн ал-Факих. *Китаб ал-Булдан*. Бейрут, 1996. 649 с.
16. Гизбулаев М.А. *Та'рих* Халифы ибн Хаййата как источник по истории Дагестана VII–VIII вв. // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета*. Сер. 13. 2016. Вып. 4. С. 22–27.
17. Ибн Хордадбех. *Китаб ал-масалик ва-л-мамалик*. Лейден, 1889. 265 с.
18. Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь. Ансар, 2007. 400 с. (Золотой фонд исламской мысли).
19. Шихсаидов А.Р. Очерки истории, источниковедения, археографии средневекового Дагестана. Махачкала, 2008. 560 с.
20. Гидрометеорология и гидрохимия морей : справочник. СПб. : Гидрометеоздат, 1996. Т. 06: Каспийское море, вып. 2: Гидрохимические условия и океанологические основы формирования биологической продуктивности. 324 с.

Gizbulaev Magomed A. Institute of History, Archaeology and Ethnography Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Makhachkala, Russia). E-mail: awariyav@gmail.com

ARABIC SOURCE FOR THE MEDIEVAL HISTORY OF EAST CAUCASUS: *KITAB AL-BULDAN* BY IBN AL-FAQIH

Keywords: Ibn al-Faqih; historical geography; *Kitab al-Buldan*; Arabic historiography; East Caucasus; Dagestan; comparative analysis; Ibn Khordadbeh; *Kitab al-masalik wa-l-mamalik*.

The central objective of this paper is to find out the different aspects of Dagestani polities in 7th -10th centuries: the territorial, the ethnic, and the political, thus to enhance and further develop our understanding of the historical geography of Eastern Caucasus. Here in the Middle Ages were located *Sarir, Lakz, Filan, Shandan, Masqat, Khayzan, Bab al-Abvab, Khazaria*, etc. This paper represents the first attempt at a thorough study of the excerpts from Arabic geographical source *Kitab al-Buldan* by Ibn al-Faqih on medieval history of Eastern Caucasus through translation, commentary and comparative analysis. This work gives a brief description of different polities: indicating trade routes, distances between towns etc. sort of the administrative directory, and thus considered as the geographical descriptive work, which contains brief information on Dagestan. The paper discusses the main aspects of life and scholarly activities of Ibn al-Faqih, who was an expert in Islamic history and Arabic geography. He mainly outlines the history of Muslims; describes the administrative structure and tax system in the Caliphate; gives detailed the list of routes and distance between polities existed in Eastern Caucasus. In the given research paper the author conducted comparison of the information on Dagestan within the works of Ibn al-Faqih's *Kitab al-Buldan* and Ibn Khordadbeh's *Kitab al-masalik wa-l-mamalik* in order to find out whether the origin of the material is the same for both authors. More broadly, a major emphasis of the study is placed on interpretation of the place names cited by both Arab medieval authors, and comparison and critical analysis of the accounts widely used by non-Arabic-speaking authors on Dagestani medieval toponymy. The author's main argument is that the value of corpus of Arabic sources is that it contains important historical

information for the studying of medieval Eastern Caucasus (Dagestan) social, political and economic history. The results of the research will greatly enrich researchers' understanding of the peculiarities of the early medieval historical geography of Dagestan. Until now, no significant attention has been given to the study of historical geography of Dagestan in Arabic source *Kitab al-Buldan* of Ibn al-Faqih.

REFERENCES

1. Krachkovsky, I.Yu. (1957) *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Vol. 4. Moscow; Leningrad: [s.n.].
2. Muḥammad Ibn Ishāq Nadīm. (1965) *Kitab al-fihrist*. Kitābkhānīh-i Ibn Sīnā.
3. Krachkovsky, I.Yu. (1963) *Istoriya arabskoy geograficheskoy literatury* [History of Arabic literature]. Cairo: [s.n.].
4. Goeje, M. J. de. (1885) *Compendium libri Kitab al-boldan auctore Ibn-Fakih al-Hamadani*. Luduni Batavorum, (BGA,V).
5. Khalidov, A.B. (1997) Ebn Al-Faqih. *Encyclopedia Iranica*. December 15.
6. Validov, A.Z. (1924) Meshkhedsкая rukopis' Ibnu-l'-Fakikha [Mashhad manuscript of Ibn al-Faqih]. *Izvestiya Rossiyskoy Akademii Nauk*. 18(1-11). pp. 237–248.
7. Minorsky, V.F. (1948) Tamīm ibn Bahr's Journey to the Uyghurs. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 12. pp. 279–283. DOI: 10.1017/S0041977X00080228
8. Zhamkochyan, A.S. (1971) Kharadz Khorasana po materialam meshkhedskey rukopisi Ibn al-Fakikha "Akhbar al-Buldan" [Mashhad manuscript "Akhbar al-Buldan" by Ibn al-Faqih on the Kharajh of Khorasan]. *Istoriko-filologicheskij zhurnal AN Arm. SSR*. 3(54). pp.174–182.
9. Zhamkochyan, A.S. (1971) Neizvestnaya glava ob as-Savade v "Akhbar al-Buldan" Ibn al-Fakikha [An unknown chapter on as-Savad on "Akhbar al-Buldan" by Ibn al-Faqih]. *Vestnik Erevanskogo universiteta*. 3(15). pp. 141–153.
10. Zhamkochyan, A.S. (1973) Gorod Samarra po materialam meshkhedskey rukopisi [The city of Samarra in the materials of Mashhad manuscript]. *Istoriko-filologicheskij zhurnal AN Arm. SSR*. 2(61). pp. 275–294.
11. Tskitishvili, O.V. (1968) *K istorii goroda Bagdada, material k istorii vozniknoveniya i razvitiye feodal'nogo goroda na Blizhnem Vostoke* [On the history of Baghdad, material on the evolution and development of feudal town in the Middle East]. Tbilisi: [s.n.].
12. Tskitishvili, O.V. (1970) Gorod Vasis po Meshkhedskey rukopisi Ibn-al-Fakikha [The city of Vasis in Mashhad munusript by Ibn al-Faqih]. In: Gabashvili, V.N. (ed.) *Ocherki po istorii gorodov Blizhnego Vostoka* [Essays on the History of the Middle East Cities]. Vol. 2. Tbilisi.
13. Kubbel, L.E. & Matveev, V.V. (1960) *Drevnie i srednekovye istochniki po etnografii i istorii Afriki yuzhnee Sahary* [Ancient an medieval sources on ethnography and history of Africa to the south from Sahara]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR AS.
14. Asadova, F.M. (1993) *Arabskie istochniki o tyurkakh v rannee srednekov'e* [Arabic sources on the Turks in the early Middle Age]. Baku: Elm.
15. Ibn-Faqih al-Hamadani.(1996) *Kitab al-Buldan*. Beirut: [s.n.].
16. Gizbulaev, M.A. (2016) Ta'rikh Khalify ibn Khayyata kak istochnik po istorii Dagestana VII–VIII vv. [Ta'rikh by Khalifa ibn Khayyat as a source for Dagestan history in the 7th – 8th century]. *Vestnik SPbGU – Vestnik of Saint Petersburg University*. 13(4). pp. 22–27.
17. Ibn Khordadbekh. (1889) *Kitab al-masalik va-l-mamalik*. Vol. 1. Leiden: [s.n.].
18. Ali-zade, A. (2007) *Islamskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Islamic Encyclopedia]. Moscow: Ansar.
19. Shikhsaidov, A.R. (2008) *Ocherki istorii, istochnikovedeniya, arkheografii srednekovogo Dagestana* [History, Source Study, Archaeography of Medieval Dagestan]. Makhachkala: RAS.
20. Maksimova, M.P., Terziev, F.S. & Yablonskaya, E.A. (eds) (1996) *Gidrometeorologiya i gidrokhimiya morey* [Hydrometeorology and hydrochemistry of the seas]. St. Petersburg: Gidrometeoizdat.

Е.Е. Дутчак

**СТАРООБРЯДЧЕСКОЕ ИСТОРИОПИСАНИЕ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XX ВЕКА:
ЦЕЛЬ И МЕТОДЫ**

На материалах рукописного сборника историко-догматического и полемического характера рассматриваются подходы старообрядческого историка к представлению и оценке достоверности исторического материала. Позднее старообрядческое историописание анализируется в контексте процессов модификации конфессиональной культуры и влияния светской исторической мысли и интерпретируется как способ конструирования коммеморативных стратегий, необходимых таежной скитской общине для сохранения внутригруппового единства и коммуникаций с мирским окружением.

Ключевые слова: Сибирь; старообрядческий таежный скит; старообрядческая историография.

Становление староверия как оппозиционной конфессии шло параллельно с осмыслением истории христианской церкви. С помощью включения в такие построения размышлений о судьбах русского православия «до» и «после» реформ патриарха Никона решался широкий спектр задач: от разработки догматики до регламентации повседневности. Вместе с тем развитие старообрядческой историографии никогда не было изолированным, и на протяжении второй половины XVII–XX в. она испытывала разнообразное политическое, интеллектуальное и культурное влияние. И если утрата эсхатологического видения исторического процесса для нее исключалась в принципе, то формы изложения могли существенно варьировать [1–4]. Эти наблюдения актуализируют идеи программной статьи Н.Н. Покровского, в которой говорилось о важности детализированного описания не только этапов старообрядческой исторической мысли в целом, но и целевых установок ее локальных вариантов [5].

Обращение к этим вопросам стало возможным благодаря знакомству с рукописным сборником, составленным и хранящимся сейчас в одном из старообрядческих таежных скитов Томской области¹. Сложный характер повествования, получившегося в результате соединения догматических и полемических текстов с рассуждениями о мировой, российской и местной старообрядческой истории, делает его уникальным источником для определения подходов к представлению исторического материала и способов оценки его достоверности, выработанных на пересечении религиозной и светской традиций историописания.

Рукопись представляет собой конволют из 555 листов размером 4° (204 мм × 165 мм), имеет устоявшееся для старообрядческих компиляций название «Цветник» и маргиналию – «Сию книгу собственноручно написал Федосей Минович, умер в 1987 г. Белобородовская тайга» (л. 555об.). Запись была сделана одним из скитников в присутствии автора статьи, но последующее изучение кодекса выявило присутствие в нем текстов, созданных разными людьми и в разное время. Только его самую объемную часть (л. 1–31, 82–129, 254–544) можно с уверенностью отнести к 1960–1980-м гг., тогда

как остальные разделы появились не позднее 1940-х гг. Об этом свидетельствовали сходство почерков на л. 34–81, 131–253, 545–555 с корпусом скитских рукописей второй четверти XX в.² и маркировочные знаки бумаги – штемпель фабрики И.Е. Яткеса (1908) и изображения серпа и молота на фирменном знаке национализированной в 1918 г. Каменской фабрики купцов Кувшиновых [6. С. 104, 110. № 85, 86, 215].

Отсюда следовало, что скитник с монашеским именем Федосей Минович, объединивший собственные тексты с более ранними записями, имел в распоряжении часть архива нелегальной общины староверов-странников³, существующей с 1830-х гг. в томско-чулымской (местный топоним – «белобородовской») тайге [7. С. 8; 8–10]. Анализ содержания конволюта позволил уточнить хронологический охват привлеченных материалов – 1890–1940-е гг.

Это период, когда в окрепшем при поддержке сибирского и поволжского купечества таежном монастыре сформировалась полемическая школа и вошли в обиход цитирование трудов светских и церковных историков и письменная фиксация свидетельств авторитетных единоверцев. Все же до конца 1940-х гг. исторические экскурсы в сочинениях скитских авторов скорее подчинялись задачам обличения «чужих» и поучения «своих», чем отражали понимание самостоятельной ценности знания о прошлом [11].

Ситуация изменилась во второй половине XX в. Во-первых, ушло из жизни поколение скитских идеологов, воспитанных в русле интеллектуальной традиции староверия, владеющих приемами составления вероучительных трактатов и умеющих совмещать эсхатологические оценки происходящего с коррекцией системы религиозных запретов. Во-вторых, в 1947–1949 гг. в непосредственной близости от таежного монастыря началось строительство Сибирского химического комбината. Нежелательное соседство дало повод для тотальной проверки территории, в ходе которой большинство скитников были выброшены в «никонианский мир»: взрослые получили тюремные сроки, подростки отправлены к родственникам. Их возвращение уже людьми зрелого возраста с усвоенными

новыми привычками и знаниями ставило под угрозу целостность общины, уже лишенной известных за ее пределами руководителей. Найденные этим поколением скитников способы нивелирования собственного «светского багажа» в парадигме memory studies можно квалифицировать как использование стабилизирующего потенциала разных типов групповой памяти [12]. Коммуникативный проявил себя в биографическом нарративе, превратившем детский опыт таежных насельников в «хранилище» паттернов: «Братец мне говорил: “Держись, сестрица, учения Ляксандра Ивановича”, вот я и стараюсь делать так, как мы жили при нем» [13. Л. 25]; культурный – оформился в потребность упорядочить индивидуальные воспоминания и создать письменный свод значимых имен, событий и фактов.

«Пересборка» вероучения и была проведена историком-самоучкой Федосеем Миновичем. Его судьба типична для сибирского пустынножительства – помогая семье свояченицы, он постепенно включился в ритм жизни и круг чтения таежного монастыря, освоил письмо церковно-славянской кириллицей и переплетное дело. После выхода на пенсию в конце 1950-х гг. он переселился в скит, принял крещение-постриг и до своей кончины в 1987 г. оставался собирателем, хранителем и копиистом общинного архива. К слову сказать, подборки текстов «старика Миныча» выглядят одинаково и узнаваемы по переплету, обтянутому шерстяной тканью сиреневого цвета, с кожаным корешком и искусно выполненной медной застежкой⁴.

К составлению своего последнего Цветника он приступил на рубеже 1970–1980-х гг. Предыстория его появления такова. В 1979 г. уполномоченный по делам религии⁵ Г.Н. Добрынин начинает разработку тоже, видимо, главного проекта своей жизни – плана по уничтожению таежного монастыря – «гнезда религиозного мракобесия, позорящего область и район» [14. Д. 222. Л. 79–82, 100; Д. 295. Л. 1–2; Д. 449. Л. 148–149; Д. 451. Л. 35–36, 105].

Вводимый «строгий милицейский надзор», как ни парадоксально, не стал для скитской общины главной опасностью. Прямые меры, такие как перепись и установление имен постоянных и временных жителей, принудительное привлечение трудоспособных в народное хозяйство, переселение престарелых по месту прописки, слом освободившихся келий и пр., хотя и вызвали эсхатологические настроения, но не расценивались как нечто экстраординарное. Ожидание «гонений на христиан» – это элемент поведенческой стратегии староверов-странников, и таежный монастырь давно выработал систему оповещения и сокрытия (кодовые фразы охотников, чьими знаниями местности пользовались власти, устройство временных землянок и тайников для лыж и пр.).

Несопоставимо большие риски несли в себе программа по дискредитации вероучения и образа жизни таежных насельников в глазах жителей окрестных деревень, помогавших таежному скиту. Например, организация кинолекториев с циклом занятий «религия и современность» и лишение «мирян-благотетелей» роли посредника между скитниками и заготконторами по сбору дикоросов [14. Д. 368. Л. 17–18; Д. 436. Л. 227].

Следствием стало разрушение отношений с сельской округой: на закате советской эпохи деревенская молодежь все чаще воспринимает скитские иконы и книги как источник дополнительного дохода, а одинокие пожилые скитники расплачиваются за мирскую помощь брагой.

В этих условиях – роста апокалипсических страхов и коррозии этико-религиозных принципов взаимодействий скитов и окрестных деревень – Федосей Минович берет за труд, который объяснил бы единоверцам, монахам и мирянам, кто они такие и в чем заключается их миссия.

Представление исторического материала. На первый взгляд, он пользуется тем же приемом, что большинство староверов-историков XVIII – первой половины XX в.: минимизирует свое присутствие на страницах конволюта, отказывается от иерархической композиции и деления сочинений на «главные» и «дополняющие», очерчивает круг авторов, чьи мнения и оценки должны быть приняты а priori. В результате ему удается воспроизвести полифоническую структуру старообрядческого сборника, известную со времен Выгореции.

Однако в Цветнике есть по меньшей мере две детали, выдающие в нем эпоху и «лабораторию» неопитасоставителя, который осваивает принципы организации компилятивного христианского сочинения *в отсуствии* наставника-собеседника. Это построение текста по аналитико-синтетической модели⁶ и приметы литературной стратегии *factio* – писательства «ради удовлетворения творческих потребностей человеческого воображения» [17. С. 4].

Мыслительная привычка рассматривать создание целого как процесс механического присоединения очередного элемента отразилось в 11 (!) оглавлениях-«каталогах», предваряющих последующее деление каждой из частей на «главы», «разделы», «статьи», «вопросы» и «свидетельства». Ощущение дробного, распадающегося текста усиливают прерывающаяся нумерация листов, стилистический контраст цитат светского и церковного происхождения, чередование развернутых повествований с записями типа «Ефрема Сирина, сл. 105», «Щапов, с. 305, указ 1714 г.».

Эти «текстуальные осколки» соединены в первом, открывающем Цветник, оглавлении-«каталоге»⁷. Он довольно громоздкий, и в его 43 позициях есть как традиционные для старообрядческих сочинений словесные обороты, отсылающие к христианской дидактике («О разумении Божественного Писания») и событийной истории («Петр I – глава церкви»), так и формулировки, которыми отражены самостоятельный поиск и переписка важных для составителя сведений («О Висковатом»). В сгруппированном виде они все же дают представление о догматических положениях, нуждающихся в подтверждении историческим материалом:

- воплощения Антихриста и церковно-государственные реформы в России (№ 1–11);
- каноничность совершения обряда без священника (№ 12–14);
- древние книги и иконы (№ 15–21);
- христианские ереси и контакты с еретиками (№ 22–25);

– крещение и причащение – истинные и ложные (№ 26–29);

– троичность Бога и храмовые иконостасы (№ 30–32);

– «мудрования» староверов (№ 33–41);

– «последнее время», падение Иерусалима и неизбежность принятия монашеских обетов (№ 42–43).

В этом списке следует особо отметить таблицу «Описание имен писателей и толкователей книг, находящихся в греческой и русской истории» (№ 21, л. 332–337), составление которой может быть оценено как способ освоения историком-самоучкой христианского текстуального наследия. За основу он берет алфавитно-хронологический принцип и дает информацию о 77 канонизированных авторах, датах поминовения их по церковному календарю, количестве написанных каждым книг и монархах-современниках. Видимо, дидактические задачи заставили включить в таблицу под буквой «С» упоминания о семи вселенских соборах, принявших Символ веры и осудивших первые ереси (I и II Никейские, I–III Константинопольские, Эфесский и Халкидонский).

Получившийся в результате справочник удобен, однако точность его сведений сомнительна: неверно переведены в славянский буквенный счет даты, искажены некоторые имена. Например, византийский император Константин IV Погонат («Бородатый»), считающийся инициатором созыва III Константинопольского собора, вполне предсказуемо превращается в «Константина Поганого». Несмотря на невольные или сознательные ошибки, таблица показывает не только перечень значимых для скитского историка раннехристианских и древнерусских писателей. Она позволяет обратить внимание на объемы цитирований их сочинений в других разделах конволюта и сопоставить эти данные с размерами цитат из сочинений местных старообрядческих писателей и трудов профессиональных историков.

В контексте идеи Р. Козеллека о трех типах текстов, характеризующих разные темпоральные структуры⁸, размеры этих цитат – от фразы до копирования целиком – открывают важную особенность поздней старообрядческой историографии. Так, творения отцов церкви с очевидным невременным значением даны скитским историком предельно кратко или, еще чаще, «зашифрованы» библиографической маргиналией, выдержки из работ синодальных и светских историков – в более или менее развернутом виде, зато полемические послания единоверцев воспроизведены полностью, с максимально возможной атрибуцией входящих в их состав документов. Например, за посланием бийского мещанина Д.М. Пыхтунова с предложением «испытать в беседе» учение об иконах старовера-поморца Г.Е. Токарева, следует указание на дату составления «10 октября 7420 г.»⁹ и уверение, что копия сделана с «пыхтуновской собственной руки» (л. 521об.).

Включение в состав Цветника того, что на профессиональном языке называется «историческим источником», является обычной практикой старообрядческих историков. Уже во второй половине XVII в. идеологи конфессии, разрабатывая систему защиты «древнего благочестия», делали тематические выписки,

систематизировали имеющиеся документы, вели записи устных преданий и воспоминаний [5. С. 7–8]. В дальнейшем пополнение индивидуальных и общинных архивов стало нормой и привело к появлению особых рукописных сводов – сборников подготовительных материалов [19].

Однако кодекс Федосея Миновича – не заготовка, а заверченный труд. К такому заключению приводят беседы с хорошо знавшими его единоверцами, наследниками кельи, книг и черновиков инока. Авторитет Цветника остается неизменно высоким во многом потому, что использованные им приемы экспертизы исторической информации («испытание пишущих и написанного») считаются общиной образцовыми.

Оценка достоверности исторического материала.

Сведения о прошлом привлекаются Федосеем Миновичем для решения задач двух уровней – обоснование догматики и показ случившегося когда-то «правильного» и «неправильного». Причем в первом случае составитель кодекса считает необходимым представить «испытание» авторов, во втором – текстов.

Такой синкретичный подход, в котором объединены установки религиозного историописания со светским пониманием его задач, как показано Н.С. Гурьяновой, был изначально присущ старообрядческой историографии [1. С. 24–34]. «Выговский» метод работы с «историческими свидетельствами», построенный на образцах риторического искусства конца XVII–XVIII в., вряд ли мог быть воспринят в полном объеме сибирским крестьянским пустынножительством, но его базовые принципы все же находят отголосок в аналитических практиках скитского историка последней трети XX в. Например, происхождение канонических сочинений им рассматривается в духе христианского историзма, стремящегося прежде всего дать оценку людям, причастным к созданию и кодификации церковной нормы. Приемы критики источников при работе со всеми прочими текстами (вероятными в широком смысле и специализированными историческими) подчинены другой цели – отсеять подлинные факты и документы от сознательно фальсифицированных и случайно искаженных.

Использование методов анализа, восходящих к историческим культурам Средневековья и Нового времени [20. С. 157–173], не только отражает мировоззренческие особенности современных защитников «старины», но и говорит о практическом смысле исторических изысканий для старообрядческой общины, вынужденной перестраивать привычную систему внутренних и внешних коммуникаций.

Так, постановка вопроса об авторах канонических сочинений – тех, кто учредил те или иные нормы, должна была продемонстрировать соответствие верования староверов-странников фундаментальным положениям православной веры. Возведение авторитетного имени (неважно, индивидуального или коллективного, соборного) в ранг культурного маркера выразилось в дифференциации «оригиналов» (правил святых отцов) и «руководств по времени» (их канонических изменений). Способ доказательства легитимности последних представлен в комментариях к «Правилам Иппонского

собора». Этот, как установлено М.В. Корогодиной, псевдоканонический памятник был создан в начале XIX в. староверами Русского Севера для обоснования права мирян и монахов в отсутствие рукоположенного священства самим крестить, венчать и исповедовать [21]. Видимо, отказ ряда старообрядческих деноминаций признавать его подлинность сделал необходимым дать примечание «Ничто из положенного на Иппонском соборе не требует исправления» и отсылку к решению Карфагенского собора 411 г. по Кормчей и ее адаптированному синодальному изданию 1839 г. – «Книге правил святых апостол, святых соборов вселенских и поместных и святых отец» (л. 203–203об.).

На уровне событийной, фактической истории скитскому историку важно показать, что «испытание текстов» проведено им со всей тщательностью, с учетом времени появления сочинений и точности передачи исходных смыслов. В числе записей 1930–1940-х гг., введенных в конволют, есть анонимное полемическое сочинение в защиту православных икон с явным «методическим акцентом» (л. 232–253об.). В нем в ходе грамматического разбора фрагмента «Огласительных слов» Кирилла Иерусалимского доказывается, что «книга гражданской печати» [22], без изменения передающая мысль церковного автора, заслуживает большего доверия, чем искаживший ее сборник поучений «Альфа и Омега», издаваемый в 1780-е гг. старообрядческими типографиями Вильно и Супрасля [23. С. 123, № 228; С. 137, № 336].

Привлечение «никонианских» изданий в состав доказательной базы – факт, заслуживающий внимания, особенно на фоне ограничений, принятых томско-чулымскими странниками по отношению к продукции старообрядческих типографий. На рубеже XIX–XX вв. они отказались от хранения таких книг в кельях, и столетие спустя недоверчивое отношение к ним сохраняется. Например, инокия Ирина отдала Следованную псалтырь, переизданную в 1781 г. в Почаеве [23. С. 134, № 313], со словами: «Забери, может, тебе она для занятий со студентами пригодится, мне молиться по ней нельзя – она слишком новая». Столь неординарное отношение к источникам информации позволяет рассматривать томско-чулымский вариант исторического нарратива как результат сочетания принципов светского и религиозного историописания.

С одной стороны, скитским конволютом зафиксирована перестройка системы интеллектуальных авторитетов, начавшаяся в староверии по меньшей мере во второй половине XIX в. Наряду с трудами раннехристианских, древнерусских и старообрядческих писателей теперь полноправное место в ней занимают словари и справочники как носители объективного экспертного знания. Об использовании такого рода книжной продукции еще предшественниками Федосея Миновича говорит включение в Цветник фрагмента текста 1920–1930-х гг. с пересказом статьи «Монета» из «Полного церковно-славянского словаря» протоиерея Г. Дьяченко [24. С. 1047] с указанием на его местонахождение – «Сей словарь у Алексея Заева в Томской тайге» (л. 75).

С другой стороны, обращение с исследовательской информацией остается в рамках конфессиональной

культуры мышления. Так, труды дореволюционных историков раскола П.С. Смирнова, А.П. Шапова, Н.И. Ивановского, И.К. Пятницкого используются составителем Цветника для подтверждения устных свидетельств единоверцев и призваны придать вес формулировкам «люди видели», «признавали», «считали». Заметим также, что цитаты в этом случае не являются «прямыми», а даются в изложении старообрядческих писателей конца XIX – первой половины XX в. (На полях кодекса есть указания на Цветники Василия Гавриловича, Александра Ивановича и Василия Васильевича [11. С. 169–177].)

Еще одним примером того, что историчность мышления и внешние атрибуты исторического исследования, не делают суждения и методы скитского историка похожими на научное познание прошлого, является экклезиологический характер заголовков, предваряющих сочинения «своих» и «чужих» авторов. Для скитского историка тексты оппонентов всегда «мудрования» (здесь: ухищрения) в отличие от «разумений», исполненных разумом и знаниями, суждений единоверцев.

Сохранение в томско-чулымском конволюте оценочных категорий показывает полное соответствие логике конфессионального исторического нарратива. Вместе с тем его явные отличия от хронологически выстроенного рассказа о христианской церкви «последних времен» допускают возможность предварительных выводов относительно вектора развития старообрядческой историографии эпохи modernity.

Во-первых, ее томско-чулымский вариант показывает, каким образом в условиях интеллектуального разрыва с традицией может быть реализована основная цель старообрядческой историографии – доказательство идейной межпоколенной связи хранителей «древнего благочестия». При отсутствии практики составления «родословий» и агиографических сводов [3, 25] способами конструирования конфессиональной генеалогии становятся либо краткие послетекстовые комментарии, как в случае с «Правилами Иппонского собора», либо расширенные, развивающие сюжетную линию заголовки, например «Разумения Андрея Никитиевича. О Троичной иконе по Авраамову явлению. Пишу с его сочинения. Присовокупляю к сей выписи сочинения Токарева к листу 49 и 50» (л. 529).

Во-вторых, ее характеризует сужение географии и масштабов повествования. В томско-чулымском Цветнике это выражается не только в стремлении дать описание событий мирового и национального уровней в трактовке местных богословов и полемистов, но и в пристальном внимании к «неправильным понятиям» живущих рядом староверов. Причем переписка и включение последних в состав конволюта определены исключительно религиозными мотивами – раскрыть эсхатологический смысл появления «мудрований» в непосредственной близости от таежного монастыря и его мирских ктиторов. Это становится основой для формирования уверенности скитской общины в своей избранности и мессианском предназначении; не случайно активно позиционируемая ею сегодня формула

спасения – «мир будет стоять до тех пор, пока жив хоть один странник, пусть даже самый немощный» – возникла как раз в последней трети XX в.

И наконец, томско-чулымский конволют отразил складывание особого типа старообрядческого историка и писателя, отличающегося от «апостольства» или «мастерства» – метафор-образов, предложенных А.М. Панченко [26. С. 191–193] и на материалах старообрядческой литературы интерпретированных Н.В. Поньрко и О.А. Журавель [27; 28. С. 14–85]. Писатель, подобный Федосею Миновичу, – не «апостол», проповедующий истину, потому что ощущает себя слишком мирским и грешным, но и не «мастер», потому что еще слишком неучен. Скорее его, самостоятельно осваивающего историю христианской церкви, вслед за единоверцами («Миныч был грамотный старичок, все время что-то переписывал» [13. Л. 10]) можно назвать «скриптором»¹⁰, для которого переписывание

есть одновременно средство самовыражения и инструмент преодоления уже вполне ощутимых разрывов с традицией.

Это наблюдение дает основание для предположения о том, что старообрядческая историография – ровесница российской «светской» исторической науки – имеет шанс сохранить самобытность при двух условиях: если она «удержит» выработанные предшествующими поколениями правила контаминации религиозных и светских текстов и сможет подчинить их задаче получения важных с точки зрения христианской эсхатологии реминисценций и аллюзий. В ситуации растущего влияния процессов культурной диффузии именно такие навыки способны обеспечить трансляцию базовых представлений староверия о иерархии «старых» и «новых», «правильных» и «испорченных» книг и создать адекватные современным реалиям коммеморативные стратегии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Скитское поселение локализовано в томско-чулымском таежном массиве (правобережье р. Оби) приблизительно в 100 км от г. Томска – университетского центра одного из сибирских регионов России.

² См. цифровые копии рукописей B-27169, B-26123, B-26103 на сайтах: EAP834 «Living or leaving tradition: textual heritage of the Taiga Old Believers' skit» // The Endangered Archives Programme. URL: <http://eap.bl.uk/database/results.a4d?projID=EAP834>; Скитская библиотека // Научная библиотека Томского государственного университета. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Collection/vital:4153> (дата обращения 10.01.2019).

³ Странническое согласие – течение в староверии, принявшее догматы о наступлении в результате церковно-государственных реформ середины XVII – первой четверти XVIII в. «царства Антихриста» и необходимости «странствования» в поисках места, пригодного для спасения души и «истинной веры».

⁴ См. цифровую копию рукописи B-26418 на сайтах: EAP834 «Living or leaving tradition: textual heritage of the Taiga Old Believers' skit» // The Endangered Archives Programme. URL: <http://eap.bl.uk/database/results.a4d?projID=EAP834>; Скитская библиотека // Научная библиотека Томского государственного университета. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Collection/vital:4153> (дата обращения: 10.01.2019).

⁵ Полное название должностной позиции – уполномоченный по делам религий при Совете министров СССР по Томской области.

⁶ Аналитико-синтетический метод, восходящий к идеям К.Д. Ушинского, широко использовался в советской школе при обучении грамоте и решении задач по формированию личности [15, 16].

⁷ Наименования разделов даны с сохранением авторской орфографии: «1) Назначены вопросы к собеседованию со статейными с Васильем Николаевичем; 2) О пагубном числе 666 и 1666; 3) О скончании 7-го царства и начатии антихристового царства; 4) О помрачении антихристового царства; 5) Выпись об Антихристе; 6) О печатях при числе имени его 666-м; 7) О купле и продавании; 8) О знамении Антихриста и збытии вещей; 9) Об образе Антихриста Антиохе; 10) Петр глава церкви; 11) О пришествии пророков Еноха и Илии; 12) Выписка о браках; 13) Правила Иппонского собора; 14) О священстве обетования; 15) Выпись об отчем образе; 16) Тоже еще об отчем образе; 17) О святых иконах, эта выпись Гурьяна Фроловича; 18) О книгах; 19) О разумении Божественного писания; 20) О иконах; 21) Описание имен писателей и толкователей книг, находящихся в греческой и русской истории; 22) О трапезе и очищении брашна; 23) Как не смешаться с еретики, ни в молитвах, ни в ядении, ни в питии; 24) На каком основании христиане питаются еще не от сущих христиан; 25) Како мучении во время мучения не принимали пищу от нечестивых; 26) Ответы старцу Геннадию; 27) О таинстве святого причащения; 28) О еретическом причащении; 29) О крещении; 30) Понятие сванских [?] об отчем образе; 31) Разумение Андрея Никитиевича о троичной иконе по Аврамову велению; 32) О Висковатом; 33) Проповедь Антониева братства в Кольванской тайге; 34) Понятие проведи Никифора Оси[повича], скаски с Иксы; 35) Андрея Григорьевича Хромова мудрование; 36) Мудрование Стефана Давыдовича; 37) Семена Ефтефеевича мудрование; 38) Устегнея Григорьевича мудрование; 39) Ивана Григорьевича Оплугайского мудрование; 40) Сему же согласно и Акиндина Никифорович; 41) Кирилла Фроловича отца М. Кирилловича мудрование; 42) О скорбях при последнем времени; 43) О браках».

⁸ Типы текстов по классификации Р. Козеллека: 1) написанные на «злбу дня» и потому в дальнейшем предназначенные забвению; 2) развивающиеся и «умеющие» подстраиваться к изменяющейся реальности; 3) претендующие на вневременную истину, которая должна пребывать в неизменной форме [18. С. 31–33].

⁹ В переводе на современное летоисчисление – 1912 год.

¹⁰ О «скрипторе» как типе личности и скриптомании как форме жизнедеятельности см.: [29. С. 295–301].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурьянова Н.С. История и человек в сочинения старообрядцев XVIII вв. Новосибирск : Наука, 1996. 232 с.
2. Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: проблемы творчества и общественного сознания. М. : Памятники исторической мысли, 2002. 471 с.
3. Мангилев П.И. «Родословие поморской веры на Урале и в Сибири» (Исследование. Текст. Комментарии) // Проблемы истории России. Екатеринбург : Волот, 2005. Вып. 6. С. 328–413.
4. Никаноров И.Н. Сборник «Отеческие завещания» и эпистолярное наследие федосеевцев // Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI–XXI в. Новосибирск : Ин-т истории, 2017. С. 214–220.
5. Покровский Н.Н. Пути изучения истории старообрядчества российскими исследователями // Археографический ежегодник за 1998 год. М. : Наука, 1999. С. 3–20.
6. Клепиков С.А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М. : Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1959. 236 с.

7. Викулов М.С. Краткое описание жизни скитников Чулымской тайги / публ. И. Беневоленского // Томские епархиальные ведомости. 1900. № 24, 15 дек. С. 8–11.
8. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1324–1326.
9. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 4. Д. 763.
10. ГАТО. Ф. 3. Оп. 54. Д. 261.
11. Дутчак Е.Е. Литературная история таежного скита: от жанра поучения к культуре самоописания // Старообрядческая культура и современный мир. Киев : Нац. акад. наук Украины, 2018. Вып. 8. С. 161–188.
12. Солдатов А.А. Старообрядческая традиция через призму теории памяти // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 405. С. 129–136.
13. Красный Яр: полевой дневник 2016 г. // Архив археографической экспедиции ТГУ. Тетр. 6.
14. ГАТО. Ф. р1786. Оп. 1.
15. От Азбуки Ивана Федорова до современного букваря. М. : Просвещение, 1974. 238 с.
16. Васильевская Н.Ю. Основные направления развития советской букваристики // Вестник Московского государственного университета печати им. Ивана Федорова. 2011. № 3. С. 8–13.
17. Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa*. Литература и язык. М. : Знак, 2003. 703 с.
18. Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета. М. : Новое лит. обозрение, 2010. С. 22–33.
19. Гурьянова Н.С. Старообрядческие сборники как «архивы» ценных материалов для ведения полемики // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2012. Т. 11. С. 139–144.
20. Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М. : Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
21. Корогодина М.В. «Правила Иппонского собора» и старообрядческие подделки начала XIX в. // Современные проблемы археографии. СПб. : БАН, 2016. Вып. 2. С. 476–486.
22. Кирилл, архиепископ Иерусалимский. Поучения огласительные и тайноводственные. М., 1822.
23. Кириллические издания старообрядческих типографий конца XVIII – первой половины XIX века : каталог / сост. А.В. Вознесенский Л. : Изд-во Ленинград ун-та, 1991.
24. Полный церковно-славянский словарь (с внесением в него важных древнерусских слов и выражений) / мост. протоиерей Г. Дьяченко. М., 1899.
25. Урало-сибирский патерик: тексты и комментарии : в 3-х т. М. : Языки славянской культуры, 2014–2016.
26. Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. Л. : Наука, Ленинград. отд-ние, 1973. 281 с.
27. Понырко Н.В. Эстетические позиции писателей выговской литературной школы // Книжные центры Древней Руси: XVII век. СПб. : Наука, 1994. С. 109–112.
28. Журавель О.Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII – начала XXI в.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2012. 442 с.
29. Эпштейн М. От знания – к творчеству: как гуманитарные науки могут изменять мир. СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 480 с.

Dutchak Elena E. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: dee010@mail.ru

OLD BELIEVER HISTORIOGRAPHY OF THE LAST 3rd PART OF THE 20th CENTURY: PURPOSE AND METHODS

Keywords: Siberia; Old Believers' taiga skete (monastic-type community); Old Believer historiography.

The article discusses the approaches to the presentation and assessment of the reliability of historical material used by the monk Fedosey, a custodian of the archive of the taiga old believer's monastery, when compiling the hand-written collected *sammelband*. Along with his own historical writings, the code includes dogmatic and polemical treatises of the leaders of the Skete community of the 1920s and 1940s, letters from Siberian Old Believers, extracts of different years from the works of historians and encyclopedias, etc.

The circumstances of the appeal of the monk Fedosey to the history of the Christian church were reconstructed on the basis of clerical documentation and interview materials from residents of the taiga hermitage. The need to revise the provisions of the dogma and test them with historical evidence and facts provoked the actions of local authorities in the 1970s – 1980s, aimed at breaking the ties of the taiga monastery with the rural district.

The study found that the late Old Believer historiography preserves the eschatological vision of the historical process, actively uses ecclesiastical vocabulary to evaluate historical information and sees its purpose in constructing confessional genealogy and proof of ideological continuity between different generations of adherents of “ancient piety”. At the same time, the characteristics of secular scientific ideas about the correct methods of historical research that it learns are the construction of a text based on an analytical-synthetic model, the desire to indicate the origin of the sources of information used and the criteria for checking the information contained.

The author concludes that among the features of the Old Believer historiography of the period of modernity, it is necessary to attribute, firstly, the narrowing of the scale and geography of historical narration, and secondly, the equating of local Old Believers to the early Christian and ancient Russian writers. Reorientation to local events has a practical meaning, it helps the Old Believer communities to consider themselves as a part of the world history of the Christian church and create commemorative strategies that are adequate to contemporary realities.

REFERENCES

1. Guryanova, N.S. (1996) *Istoriya i chelovek v sochineniya staroobryadtsev XVIII vv.* [History and man in the works of the Old Believers in the 18th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
2. Pokrovsky, N.N. & Zolnikova, N.D. (2002) *Starovery-chasovennye na vostoке Rossii v XVIII–XX vv.: Problemy tvorchestva i obshchestvennogo soznaniya* [Old Believers-chapels in the east of Russia in the 18th – 20th centuries: Problems of creativity and public consciousness]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.
3. Mangilev, P.I. (2005) Rodoslovie pomorskoй very na Urale i v Sibiri (Issledovanie. Tekst. Kommentarii) [The genealogy of the Pomorian faith in the Urals and in Siberia (Research. Text. Comments)]. *Problemy istorii Rossii*. 6. pp. 328–413.
4. Nikanorov, I.N. (2017) Sbornik “Otecheskie zaveshchaniya” i epistolyarnoe nasledie fedoseytsy [Collection “Fathers' Testaments” and the Epistolary Heritage of the Fedoseyans]. In: Elert, A.Kh. (ed.) *Problemy sokhraneniya otechestvennoy dukhovnoy kul'tury v pamyatnikakh pis'mennosti XVI–XXI v.* [Problems of Preserving the Russian Spiritual Culture in the Writings of the 16th – 21st Centuries]. Novosibirsk: Institut istorii. pp. 214–220.
5. Pokrovsky, N.N. (1999) Puti izucheniya istorii staroobryadchestva rossiyskimi issledovatelyami [Ways of studying the history of the Old Believers by Russian researchers]. In: *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1998 god* [Archeographic Yearbook for 1998]. Moscow: Nauka. pp. 3–20.
6. Klepikov, S.A. (1959) *Filigrani i shtempeli na bumage russkogo i inostrannogo proizvodstva XVII–XX vv.* [Filigree and stamps on paper of Russian and foreign production of the 17th – 20th centuries]. Moscow: Vsesoyuznaya knizhnaya palata.

7. Vikulov, M.S. (1900) Kratkoe opisanie zhizni skitnikov Chulymskoy taygi [Brief description of the life of hermits in the Chulym taiga]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 15th December. pp. 8–11.
8. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 1431. List 1. File 1324–1326.
9. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 4. File 763.
10. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 54. File 261.
11. Dutchak, E.E. (2018) Literaturnaya istoriya taezhnogo skita: ot zhanra poucheniya k kul'ture samoopisaniya [Literary history of taiga monastery: from the genre of instruction to the culture of self-description]. In: Taranets, S.V. (ed.) *Staroobryadcheskaya kul'tura i sovremennyy mir* [Old Believers Culture and the Modern World]. Kyiv: National Academy of Sciences of Ukraine. pp. 161–188.
12. Soldatov, A.A. (2016) The Old-Believer tradition in terms of memory studies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 405. pp. 129–136. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/405/17
13. The Archives of the TSU archaeological expedition. (2016) *Krasnyy Yar: polevoy dnevnik 2016 g.* [Krasny Yar: Field Journal 2016]. Book 6.
14. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund r1786. List 1.
15. Bogdanov, V.P. & Karpyuk, G.V. (1974) *Ot Azbuki Ivana Fedorova do sovremennogo bukvara* [From Ivan Fedorov's Azbuka to the modern primer]. Moscow: Prosveshchenie.
16. Vasilevskaya, N.Yu. (2011) Osnovnye napravleniya razvitiya sovetskoy bukvaristiki [The main directions of development of the Soviet alphabet literature]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta pechati im. Ivana Fedorova – Vestnik MGUP*. 3. pp. 8–13.
17. Picchio, R. (2003) *Slavia Orthodoxa. Literatura i yazyk* [Slavia Orthodoxa. Literature and language]. Translated from Italian, English and French. Moscow: Znak.
18. Kozellek, R. (2010) K voprosu o temporal'nykh strukturakh v istoricheskom razvitiy ponyatiy [On the temporal structures in the historical development of concepts]. In: Boedeker, H.E. (ed.) *Istoriya ponyatiy, istoriya diskursa, istoriya mentaliteta* [History of Concepts, History of Discourse, History of Mentality]. Translated from German. Moscow: NLO. pp. 22–33.
19. Guryanova, N.S. (2012) Old Believers' collections as an “archive” of important materials for the polemics. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 11. pp. 139–144. (In Russian).
20. Guenée, B. (2002) *Istoriya i istoricheskaya kul'tura srednevekovogo Zapada* [History and historical culture of the medieval West]. Translated from French. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
21. Korogodina, M.V. (2016) “Pravila Ipponskogo sobora” i staroobryadcheskie poddelki nachala XIX v. [“The rules of the Cathedral of Ippon” and the Old Believers forgery in the early 19th century]. In: Belyaeva, I.M. (ed.) *Sovremennye problemy arkheografii* [Modern Problems of Archeography]. Vol. 2. St. Petersburg: BAN. pp. 476–486
22. Cyril, Archbishop of Jerusalem. (1822) *Poucheniya oglasitel'nye i taynovodstvennyye* [Open and secret lections]. Moscow: [s.n.].
23. Voznesensky, A.V. (1991) *Kirillicheskie izdaniya staroobryadcheskikh tipografiy kontsa XVIII – pervoy poloviny XIX veka* [Cyrillic editions of the Old Believers' printing houses in the late 18th – the first half of the 19th century]. Leningrad: Leningrad State University.
24. Dyachenko, G. (ed.) (1899) *Polnyy tserkovno-slavyanskiy slovar' (s vneseniem v nego vazhnykh drevnerusskikh slov i vyrazheniy)* [Complete Church Slavonic Dictionary (with the introduction of important Old Russian words and expressions)]. Moscow: [s.n.].
25. Pokrovsky, N.N. (ed.) (2014–2016) *Uralo-sibirskiy paterik: teksty i kommentarii: v 3-kh t.* [Ural-Siberian Paterik: texts and comments: in 3 vols]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
26. Panchenko, A.M. (1973) *Russkaya stikhotvornaya kul'tura XVII veka* [Russian poetic culture of the 17th century]. Leningrad: Nauka.
27. Ponyrko, N.V. (1994) Esteticheskie pozitsii pisateley vygovskoy literaturnoy shkoly [Aesthetic position of the writers of the Vyhovsky literary school]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Knizhnye tsentry Drevney Rusi: XVII vek* [Book Centres of Old Russia: the 17th century]. St. Petersburg: Nauka. pp. 109–112.
28. Zhuravel, O.D. (2012) *Literaturnoe tvorchestvo staroobryadtsev XVIII – nachala XXI v.: temy, problemy, poetika* [Literary creativity of the Old Believers of the 18th – early 21st century: themes, problems, poetics]. Novosibirsk: SB RAS.
29. Epstein, M. (2016) *Ot znaniya – k tvorchestvu: kak gumanitarnye nauki mogut izmenyat' mir* [From knowledge to creativity: how Humanities can change the world]. St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.

И.А. Кокарева, О.В. Хазанов, А.С. Черепанов

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ИСТОРИЗМ: ИЗРАИЛЬ-ЯАКОВ В РАБОТАХ ПИНХАСА ПОЛОНСКОГО И МИХАЭЛЯ ЛАЙТМАНА

Выявляются особенности проявления еврейского культурного национализма в современных комментариях к древнему хранилищу коллективной памяти еврейского народа – Торе. Израиль-Яаков, на фигуре которого акцентируется основное внимание в исследовании, является одним из библейских патриархов, почитаемых не только в иудаизме, но и в христианстве. То, какую роль он сыграл в становлении и поддержании еврейского национального самосознания, а также то, каким образом его судьба соотносится с судьбой всего народа на протяжении веков, рассматривают современные иудейские философы – Пинхас Полонский и Михаэль Лайтман. Их идеи, используя в качестве теоретической базы идеи Мориса Хальбвакса, Джона Хатчинсона и Яна Ассмана, анализируют авторы данной статьи.

Ключевые слова: национализм; культурная память; Пинхас Полонский; Михаэль Лайтман; иудаизм; кабала.

Идея о том, что помимо индивидуальной биологической памяти существует еще и коллективная, уже не является новаторской. Основная особенность последней в том, что ее носители – не просто общество в глобальном понимании этого слова, а отдельные коллективы. В этом плане каждый человек, в свою очередь, испытывает воздействие со стороны социальной общности, членом которой он является. Это уже не просто прямая передача личных воспоминаний. Это восприятие прошлого, даже того, свидетелем которого человек не был, как чего-то близкого в рамках того сообщества, причастность к которому он явно ощущает. Память противоположна истории. История может быть всеобщей, это универсальное научное знание. Память же заключена в рамки конкретного образа, группы, пространства [1. С. 27–29].

Понятие коллективной памяти ввел социолог Морис Хальбваск в 20-е гг. прошлого века, и с тех пор его теория получила распространение в гуманитарных науках, расширив исследовательское поле. Так, данная теория повлияла на подходы к пониманию одной из актуальных и дискуссионных тем – вопроса возникновения наций и характера национализма.

Джон Хатчинсон, британский теоретик национализма, придает большое значение культурным компонентам националистических идей или, иначе говоря, культурному национализму. Их он считает более важными, чем политические установки. В исследовании национализма Хатчинсон обращает особое внимание на важность коллективной памяти в процессе образования наций и культурных символов, связующих элементов в определении коллективной идентичности [2. С. 324–326].

Уточним, что под национализмом в данной статье мы подразумеваем идеологию, в основе которой лежит верховенство национальных ценностей и интересов в общественной и политической жизни, а не крайние правые взгляды о главенстве и мировом превосходстве собственной нации над всеми остальными.

Коллективные воспоминания нуждаются в особом отношении, закреплении, репрезентации, чтобы оставаться не только незабытыми, но и актуальными. Исследователь Ян Ассман развил теорию культурной памяти, которая зачастую закреплена в материальных носителях. При этом представления о прошлом передаются не только в том виде, в котором были получены от свидетелей. Культурная память, скорее, является сконструированным продуктом, результатом деятельности художников, писателей, мыслителей. В этом плане важно не то, что вспоминают и насколько соответствуют воспоминания былой действительности, а то, каким образом оформляются представления о прошлом [3. С. 54–55].

Одной из форм закрепления культурной памяти являются священные религиозные книги, а одним из способов передачи и сохранения таких воспоминаний выступают постоянные комментарии текстов. По сути, интерпретации дают памяти новую жизнь, благодаря им она продолжается в последующих поколениях, а также вписывается в актуальную для интерпретатора общественную и культурную реальность.

Одним из известных письменных памятников коллективной памяти национального и религиозного сообщества является Тора. В условиях утраты национального государства еврейский народ, опираясь на свою религиозную традицию, на протяжении тысячелетий смог сохранить чувство единства нации. Благодаря трепетному отношению к своей памяти, в том числе и к сакральной истории, изложенной в текстах Писания, евреи не растворились в культурах других стран, где были вынуждены жить больше тысячи лет с момента изгнания в начале нашей эры до момента образования государства Израиль в 40-х гг. прошлого столетия [4. С. 10–12].

Ниже рассматриваются две модели проявления культурной памяти, которые опираются на интерпретацию текста Торы, но приходят к диаметрально противоположным выводам.

После распада СССР еврейская диаспора в России претерпела значительные изменения. Ее представители избрали для себя разные способы существования: одни эмигрировали на историческую родину, другие остались в нашей стране, третьи, живя в Израиле, стали поддерживать тесную связь с Россией. Одними из представителей последней группы являются Пинхас Полонский [5] и Михаэль Лайтман. Оба выходцы из Советского Союза, ныне живут в Государстве Израиль и занимаются изучением и популяризацией духовной еврейской культуры.

Труд П. Полонского «Библейская динамика» представляет собой новое осмысление известных библейских сюжетов, и в этом осмыслении заметны идеи еврейского культурного национализма. Интерпретируя библейский сюжет о жизни праотца Якова-Израиля, от сыновей которого произошли 12 колен [6. С. 334–337], Полонский определяет его как важного носителя национальной памяти, легитимизирующего Государство Израиль.

В плане культурной национальной памяти данная работа Полонского – это интерпретация и актуализация священного хранилища. Причем последнее проявляется уже в самом названии книги. Динамичные процессы современности могут казаться очень далекими от архаичного уклада ветхозаветной эпохи, однако Пинхас Полонский считает наоборот. Динамика характерна, по его мнению, даже неизменным, сакральным в сознании верующего человека библейским персонажам. Комментируя таким образом знакомые сюжеты, философ соединяет закристаллизованное далекое прошлое с живым и подвижным настоящим, тем самым усиливая межпоколенную вневременную связь, которая закладывается в основу любой коллективной памяти и которую так ценят сторонники национализма.

Прожив большую часть жизни в галуте, т.е. за пределами исторической родины, Полонский проявляет себя в «Библейской динамике» и как националист, сторонник восстановления Израиля, и в то же время как еврей диаспоры, обосновывающий значение периода жизни в изгнании. Судьбу Якова-Израиля он анализирует через противопоставление изгнания и национального государства.

Полонский рассматривает по отдельности две сущности одного и того же праотца. Яков в данном случае – человек галута, а Израиль – гражданин своей родной страны. Причем начинается это противопоставление уже на уровне интерпретации значения имен. Яков происходит от слова «экев», что означает «непрямой, кривой». Это, по мнению Полонского, указывает на извилистость еврейского народа в изгнании. Прямым (Израилем) же можно стать только по возвращении в Эрец-Исраэль, как заповедовал Бог [7. С. 401–402].

Израилем Яков становится лишь после возвращения на родину. И им он снова прекращает быть, переехав в Египет с сыновьями. Даже отцовское благословение Яков произносит, будучи Израилем, вернувшись домой с целью сохранения межпоколенной национальной связи, т.е. для смерти и захоронения в пещере, где лежат останки его предков, которая в итоге стала важным

местом памяти еврейского народа. Благословляя фараона, он произносит речь, в которой говорит о чувстве собственной ущербности, и это Полонский объясняет тем, что вне Израильского государства еврей не может чувствовать себя полноценным, несмотря ни на что.

Государство Израиль образовалось более 70 лет назад, оно признано мировым сообществом, хоть и конфликты с палестинским населением о статусе отдельных частей земли до сих пор не прекращаются [8]. Комментарий Полонского привносит свою систему аргументов в пользу необходимости евреям жить именно на той территории, которую они официально занимают сейчас.

При этом в диаспоре Пинхас Полонский не видит катастрофы или большой проблемы. Период галута, по его мнению, был необходим для формирования народа. В этом философ видит отличительную еврейскую особенность: «...все народы формируются у себя, на своей территории, но евреи именно в изгнании» [7. С. 446]. Причина в том, что для Бога важен зрелый народ, готовый к построению государства.

Говоря о том, что для Бога важен «взрослый» и самостоятельный народ, Полонский приводит типологию трех типов отношений между Богом и человеком (народом):

- отношение господина и раба, когда человек выполняет приказы Бога;
- отношение отца и сына, при котором Бог (отец) подсказывает народу (сыну) как жить;
- отношение мужа и жены, при котором Бог и народ являются равными партнерами.

Если для первого типа отношений ключевой чертой народа / человека являются трепет перед Всевышним и отсутствие самостоятельности, то для двух других – разная степень самостоятельности и ответственности народа / человека за свое состояние в настоящем времени и своем дальнейшем развитии. В ситуации отношения отца и сына народ отвечает лишь за себя, а Бог – за все мироздание. В этом случае они не являются равноправными партнерами: народ всегда выступает ведомым. Лишь при отношении мужа и жены народ / человек имеет равную степень ответственности за общий дом и общее дело. Однако третий уровень предполагает высокую степень осознанности народом / человеком своей миссии, что, в свою очередь, достигается в процессе преодоления им различных испытаний и кризисов. В этом плане галут предстает в качестве периода взросления народа и развития в нем большей степени осознанности и ответственности [9].

Такой взгляд на галут наталкивает на мысль, что Полонский своей работой пытается обратиться к евреям, продолжающим жить за пределами Израиля. Несколько десятков лет назад он сам был на их месте и прекрасно понимает, с какими трудностями приходится сталкиваться, стараясь сохранять в таких условиях свою национальную идентичность.

Он акцентирует внимание на важности ее сохранения, опираясь на библейский сюжет, в котором описывается праотец Яков, требующий от своего арамейского тестя Лавана пятнистый скот [6. С. 150–151]. Действия Якова трактуются Полонским как средства,

помогающие еврейской специфичности вырваться из чуждого окружения (арамейского общества) и обрести в дальнейшем богатство и процветание для будущего государства [7. С. 484–485].

Философ проводит через всю работу идею о том, что библейские персонажи, в том числе и Яков-Израиль, не являются статичными. Праотец меняется, переосмысливает свое прошлое, оттачивает новые черты характера на протяжении всего повествования. Именно это Пинхас Полонский имеет в виду, говоря о библейской динамике.

Переход из одной сущности в другую – это не только личностный путь конкретного библейского персонажа – Якова-Израиля, это, в рамках интерпретации Полонского, процесс формирования и поддержания еврейского национального самосознания, которое также динамично. Причем данный процесс Полонский не заключает в строгие временные рамки. Он был во времена праотцов, был в период изгнания, он продолжается и сейчас. Философ обращается к своему народу из диаспоры с идеями об их коллективной уникальности и о том, что, живя за пределами Израиля, можно принести не меньше пользы своей родной стране, чем приносят непосредственно израильтяне.

Михаэль Лайтман, как и Пинхас Полонский, апеллирует в своих суждениях к сюжетам Священного Писания, однако он иначе интерпретирует и актуализирует библейский текст. Воспринимая Тору как каббалистический трактат, который скорее содержит рассказ о духовных мирах и духовной работе, нежели об исторических реалиях [10. С. 16–17], мыслитель интерпретирует его сюжеты в каббалистическом ключе.

Как и Полонский, Лайтман выделяет два способа существования еврейского народа и проявления его идентичности, однако в своих работах он использует противопоставление не по схеме «Яков–Израиль», а «Израиль / каббалисты», с одной стороны, и «евреи / иудеи» – с другой.

Опираясь на подход рабби Йегуды Ашлага и ссылаясь на библейский текст, Лайтман указывает, что слово «евреи» используется для обозначения еврейского народа чужестранцами и имеет пренебрежительную коннотацию (например, еврей-раб в Египте) [11. С. 401]. При этом сам древнееврейский народ воспринимается Лайтманом как группа последователей каббалы [10. С. 14–16], одним из названий которой является «Израиль» (или «Бней Исраэль»).

При этом слово «Израиль» имеет важное смысловое значение. Согласно Лайтману, это особая стадия духовного развития, которую с помощью каббалистической методики может достичь как отдельный человек, так и еврейский народ в целом.

В описании судьбы еврейского народа для Лайтмана также характерно противопоставление изгнания и национального государства, но если Полонский связывает процветание и полноценное развитие евреев с их пребыванием на исторической родине, то Лайтман видит такое развитие в следовании каббалистической методике. При этом, лишь будучи каббалистами, по мнению мыслителя, евреи обретают право жить в Эрец-Исраэль [12].

В этой связи представление о «прямом» и «кривом» пути еврейского народа приобретает в трактовке Лайтмана иное содержание. «Прямой» путь – это жизнь согласно каббале, и примером такого пути, по мнению Лайтмана, является древнееврейская история Первого Храма, когда народ создал сильное национальное государство [10. С. 61]. «Кривой» путь характерен для народа в период отхода евреев от каббалы в сторону нарушения или внешнего исполнения религиозных заповедей. Заметим, что в логике мыслителя иудаизм воспринимается как производная форма каббалы, отсюда противопоставление «Израиль / каббалисты – иудеи». Историческим примером «кривого» пути является период Вавилонского плена и галута. Однако, находясь в изгнании, евреи, согласно Лайтману, в состоянии восстановить свое единство и национальную самостоятельность, если они возвращаются к каббале, и история восстановления Второго Храма является подтверждением этого [Там же. С. 63–64].

Современная ситуация, когда евреи возвращаются на историческую родину, также интерпретируется Лайтманом в связи с каббалой. Рассуждая о будущем евреев, он идет в своем противопоставлении «Израиль / каббалисты – иудеи / евреи» дальше, кардинально переосмысливая вопрос национальной идентичности.

Согласно мыслителю, все человечество можно разделить на две большие группы по принципу концентрических кругов (внутренний круг и внешний круг). В основе деления – соответствие поступков людей Божественному Замыслу и законам Всевышнего. Чем точнее исполнение людьми божественных предписаний и реализация возложенной на них задачи, тем они ближе к Богу, а в делении народов они соответствуют внутреннему кругу. К внутреннему кругу Лайтман относит народ Израиль, а к внешнему – все остальные народы мира. При этом обе социальные группы также состоят из внутренних и внешних кругов.

Внутренний круг народов мира включает в себя так называемых «праведников народа мира», которые, в частности, испытывают симпатию к Израилю и помогают ему. Внешний круг народов мира – это «разрушители мира», и им свойственна антипатия к Израилю.

Внутренний круг Израиля составляют религиозные евреи, а внешний круг – светские евреи. Внутренняя часть светских евреев – это те, кто уважают еврейскую традицию, а внешняя – те, кто презирают ее. Внутренняя часть религиозных евреев – это те, кто понимает внутренний смысл Торы, т.е., в трактовке Лайтмана, каббалисты. Внешняя часть религиозных евреев – это те, кто лишь исполняют заповеди и все предписания иудаизма, не понимая глубинного смысла.

Согласно Лайтману, внутренняя и внешняя части взаимосвязаны. Усиление одной части приводит к ослаблению другой. Так, усиление внешней части приводит к отходу от следования замыслу Творца, ухудшению отношений в обществе, росту антисемитизма, еврейским гонениям и т.п. В этой логике существует тесная связь между отходом Израиля от каббалы и галутом: перестав заниматься каббалой, Израиль превратился в обычный народ (евреев) и был рассеян среди народов мира. Внешний круг (народы мира)

усилился над внутренним (Израилем). В этом смысле галут является периодом упадка, так как он является проявлением усиления внешнего круга [13. С. 99–114].

Однако галут в рассуждениях Лайтмана не описывается исключительно в отрицательном ключе. Как и в рамках размышлений Полонского, это необходимый период в еврейской истории. Однако в отличие от Полонского, связывающего галутный период с периодом взросления народа, Лайтман видит в нем важный этап в развитии всего человечества при одновременной деградации самого еврейского народа. Он пишет: «Сказано в Торе, что Израиль выходит в изгнание, чтобы присоединить к себе души не евреев. В этом заключается наше многовековое блуждание по миру. Мы должны были связаться со всеми народами, передать им зачатки наших знаний и снова собраться в Израиле, чтобы объединиться между собой или доброй связью, или под большим давлением снаружи, о чем сказано у Пророков в книге о Машиахе» [14].

Преодолеть галут, по мнению Лайтмана, необходимо через усиление внутреннего круга человечества, а это, согласно мыслителю, возможно лишь на базе каббалы. Он пишет, что в силу искажения самого еврейского народа (светские евреи не интересуются своей религиозной традицией, а религиозные евреи исполняют лишь галаху, а каббалу игнорируют) усиление внутренней части Израиля необходимо осуществить путем широкого распространения каббалистической методики среди народов мира [13. С. 99–100, 107–109, 115–116, 124]. Ключевую роль в этом процессе он отводит своей каббалистической группе «Бней Барух» [15]. В логике Лайтмана еврейский народ должен быть подвергнут внутреннему (граждане Государства Израиль занимаются каббалой в группе Лайтмана) и внешнему воздействию (народы мира начинают интересоваться и изучать каббалу по методике Лайтмана).

В связи со сказанным любопытна ремарка Михаэля Лайтмана по поводу группы «Бней Барух» и своей методики каббалы. Он пишет, что, помимо внешнего разделения на «Израиль» и остальные народы мира, существует внутренне разделение свойств внутри каждого человека. Любого человека, у которого появилась тяга к духовному постижению (и интерес к каббале как единственной в логике Лайтмана верной методике), можно отнести к «Израилю» [16]. Следовательно, не только еврейский народ представляет собой двуединую сущность, но и все человечество.

Во время одного из своих уроков Лайтман наполнил данную идею конкретным содержанием. Он заявил: «Таким образом, сегодня к категории “Израэль” отно-

сятся три вида людей: внутри – Бней Барух (ББ); вокруг них – наши товарищи со всего мира (заметим, что среди последователей Лайтмана есть и не евреи. – *Авт.*); а снаружи – те, кто называется “евреи” и подразделяются на две части: религиозную и светскую» [17].

В приведенной цитате мы видим, что Лайтман не только разделяет еврейский народ на группы, в разной степени соответствующие «истинному» званию «Израиля», но и включает в понятие «Израиль» представителей других народов. Таким образом, для Лайтмана характерны не столько националистические идеи, сколько идея верховенства группы последователей каббалы, чья история искусственно создается мыслителем на базе еврейской истории.

Помимо этого, мы видим, что иначе, чем у Полонского, звучит послание Лайтмана к евреям диаспоры и Государства Израиль. По сути, все они, и более того – все человечество, должны обратиться к каббале, которая в логике его изложения является определяющей категорией идентичности еврейского народа (точнее – «Израиля») и условие развития всего человечества.

Таким образом на примере Лайтмана и Полонского мы видим два принципиально отличных способа проявления и функционирования культурной памяти. Оба мыслителя обращаются в своих националистических взглядах к феномену памяти. Оба пытаются определить категорию идентичности еврейского народа и закрепить связь евреев диаспоры с евреями Государства Израиль. Полонский опирается на существующую религиозную традицию и действует в рамках общей коллективной памяти народа. Националистические идеи Полонского акцентируют внимание на важности сохранения при любых условиях уникальной культуры своей нации, а также на том, что хоть национальное государство важно, но для него сам народ должен быть готовым. Все его комментарии проникнуты памятью и религиозным историзмом. Он соотносит своих современников с библейскими персонажами, а своей интерпретацией заново переживает и собственный личный опыт жизни в галуте, тем самым создавая особое коммуникационное поле, в котором еврейский народ всех веков и тысячелетий объединяется воедино, что, собственно говоря, и составляет коллективную культурную память.

Лайтман формирует новую модель коллективной памяти, что приводит его к кардинальному пересмотру вопроса национальной идентичности и провозглашению новых ценностей и идеалов. При этом еврейская каббала предстает в качестве важного фактора поддержания национальной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хальбвасс М. Социальные рамки памяти. М. : Новое издательство, 2007. 348 с.
2. Смит Э.-Д. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма. М. : Праксис, 2004. 464 с.
3. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
4. Йерушалми Й.-Х. Захор. Еврейская история и еврейская память. М. : Мосты культуры, 2004. 166 с.
5. Пинхас Полонский: «Я не хожу к раввинам за указаниями о том, как мне жить» // Москва–Ерушалим. Мосты культуры. 2018. № 47. С. 8–12.
6. Тора. М. : Книжники, 2017. 896 с.
7. Полонский П. Библийская динамика. М. : Столичная пресса, 2016. Т. 1. 720 с.
8. Колесников Р.А. Статус Иерусалима: позиция РФ и США // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 2. С. 62–70.
9. Полонский П. Иудаизм в современном мире : аудиокурс. М. : Маханаим, 2010. 1 CD-ROM.

10. Лайтман М. Каббала для начинающих. М. : АСТ ; Астрель, 2010. Т. 2. 352 с.
11. Лайтман М. Духовное возрождение. [Иерусалим] : Изд. группа kabbalah.info, 2008. 453 с.
12. Лайтман М., Ласло Э. Вавилонская башня – последний ярус. URL: <http://www.kabbalah.info/rus/content/view/frame/46877?rus/content/view/full/46877&main> (дата обращения: 18.06.2019).
13. Лайтман М. Время действовать. Иерусалим : Изд группа kabbalah.info, 2006. 192 с. URL: http://files.kabbalahmedia.info/download/mekorot/rus_o_ml-sefer-vremya-deistvovat.pdf (дата обращения: 20.06.2015).
14. Лайтман М. Миссия выполнима. URL: <http://www.laitman.ru/spreading-of-kabbalah/163431.html> (дата обращения: 28.07.2015).
15. Лайтман М. Все народы в одном бесконечном круге. URL: <http://www.laitman.ru/spreading-of-kabbalah/137217.html> (дата обращения: 28.07.2015).
16. Лайтман М. Израэль в душе. URL: <http://www.laitman.ru/israel-and-nations-of-world/12372.html> (дата обращения: 10.08.2015).
17. Лайтман М. От внутреннего к внешнему. URL: <http://www.laitman.ru/israel-and-nations-of-world/86080.html> (дата обращения: 28.07.2015).

Kokareva Irina A. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: irignata1534@mail.ru

Khazanov Oleg V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: klol1@yandex.ru

Cherepanov Aleksandr S. Tomsk State University (Tomsk, Russia); Krasnoyarsk Regional Museum (Krasnoyarsk, Russia). E-mail: alexcherr@mail.ru

NATIONALISTIC IDEAS AND RELIGIOUS HISTORICISM: ISRAEL-YAAKOV IN THE WORKS OF PINCHAS POLONSKY AND MICHAEL LIGHTMAN

Keywords: nationalism; culture memory; Pinchas Polonsky; Michael Lightman; Judaism; kabbalah.

In our dynamic, modern world the role of traditional religions leaves on a background. Archaic era in which they were formed, so far that some people consider updating of its moral ideals and rules difficult. Religious figures of the present try to show and prove that ancient moral installations did not become outdated and that bible characters are closer to us, than it seems.

In this article one of the aspects affected by the modern Judaic theologians - Pinchas Polonsky and Michael Lightman in their comments on the Torah is analyzed. The authors wish to reveal how in this interpretation of antiquated plots the Jewish cultural nationalism of the philosophers is shown.

The main source of a research is the Torah, to be exact its first book - Bereshit. Besides, work of Pinchas Polonsky, his interview to the journal "Moscow-Erushalim acts as a source. Bridges of culture" and also some works by M. Lightman.

Identification of features of demonstration of the nationalist ideas in comments on sacred texts, is carried from positions of cultural memory. We not only consider perception of the past by Pinchas Polonsky and Michael Lightman through Maurice Halbwachs's theory about existence of collective reminiscences and also Jan Assman who considered how collective memory exists in material objects and becomes cultural. We address to question of a research of cultural nationalism which main feature is the idea about importance of collective memory in the process of unification of the nation

The authors consider how Jewish national consciousness and aspiration to construction and preservation of the national state is capable to be shown in interpretation of one of the main storages of national and religious memory of Jews. After destruction of the Second temple Jews were forced to live in exile more than one thousand years. Pinchas Polonsky lived long time outside Israel too and this experience reflected in comments to the Torah. He perceives Israel-Yaakova as close compatriot as an image of all Jewish nation which managed to pass from the belittled condition of diaspora into the sure and strong national state.

It was revealed that Lightman and Polonsky, despite belonging to the same national group, manifest and actualize cultural memory in different ways. For both philosophers, nationalistic ideas are leading, and the diaspora is contrasted with the Jews of Israel. However, if Polonsky relies on the existing religious tradition and acts within the framework of the common collective memory of the people, Lightman forms a new model of collective memory, which leads him to a cardinal review of the issue of national identity and the proclamation of new values and ideals. At the same time, the Jewish Kabbalah is an important factor in maintaining national identity.

REFERENCES

1. Halbwachs, M. (2007) *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social memory framework]. Translated from French by S.N. Zenkin. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
2. Smith, E.-D. (2004) *Natsionalizm i modernizm: kriticheskiy obzor sovremennykh teoriy natsiy i natsionalizma* [Nationalism and modernism. A critical survey of recent theories of nations and nationalism]. Translated from English by A.V. Smirnov, Yu.V. Filippov, E.S. Zagashvili, I. Okuneva. Moscow: Praksis.
3. Assman, J. (2004) *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory. Letter, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Translated from German by M.M. Sokolskaya. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
4. Yerushalmi, Y.-Kh. (2004) *Zakhor. Evreyskaya istoriya i evreyskaya pamyat'* [Zahor Jewish history and Jewish memory]. Moscow: Mosty kul'tury.
5. Polonsky, P. (2018) Ya ne khozhu k ravvinam za ukazaniyami o tom, kak mne zhit' [I do not go to the rabbis for instructions on how I should live]. *Moskva-Erushalim. Mosty kul'tury*. 47. pp. 8–12.
6. *Torah*. (2017) Moscow: Knizhniki.
7. Polonsky, P. (2016) *Bibleyskaya dinamika* [Biblical dynamics]. Vol.1. Moscow: Stolichnaya pressa.
8. Kolesnikov, R.A. (2018) A status of Jerusalem: the position of the Russian Federation and the United States]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta – The Bryansk State University Herald*. 2. pp. 62–70. (In Russian). DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-02-62-70
9. Polonsky, P. (2010) *Iudaizm v sovremennom mire* [Judaism in the modern world]. Audio course Moscow: Makhanaim. 1 CD-ROM.
10. Lightman, M. (2010) *Kabbala dlya nachinayushchikh* [Kabbalah for beginners]. Vol. 2. Moscow: AST, Astrel'.
11. Lightman, M. (2008) *Dukhovnoye vozrozhdenie* [Spiritual Revival]. Kabbalah.info.
12. Lightman, M. & Laszlo, E. (n.d.) *Vavilonskaya bashnya – posledniy yarus* [The Tower of Babel – the last tier]. [Online] Available from: <http://www.kabbalah.info/rus/content/view/frame/46877?rus/content/view/full/46877&main>. (Accessed: 18th June 2019).
13. Lightman, M. (2006) *Vremya deystvovat'. Ierusalim* [Time to act. Jerusalem]. [Online] Available from: http://files.kabbalahmedia.info/download/mekorot/rus_o_ml-sefer-vremya-deistvovat.pdf. (Accessed: 20th June 2015).
14. Lightman, M. (n.d.) *Missiya vpolnima* [Mission complete]. [Online] Available from: <http://www.laitman.ru/spreading-of-kabbalah/163431.html>. (Accessed: 28th July 2015).
15. Lightman, M. (n.d.) *Vse narody v odnom beskonечnom krugе* [All nations in one infinite circle]. [Online] Available from: <http://www.laitman.ru/spreading-of-kabbalah/137217.html>. (Accessed: 28th July 2015).
16. Lightman, M. (n.d.) *Israel' v dushe* [Israel at heart]. [Online] Available from: <http://www.laitman.ru/israel-and-nations-of-world/12372.html>. (Accessed: 10th August 2015).
17. Lightman, M. (n.d.) *От внутреннего к внешнему* [From internal to external]. [Online] Available from: <http://www.laitman.ru/israel-and-nations-of-world/86080.html>. (Accessed: 28th July 2015).

УДК 94(47 + 57)
DOI: 10.17223/19988613/60/22

Г.Н. Мокшин

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РУССКОГО НАРОДНИЧЕСТВА
НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ИСТОРИЯ РОССИИ». 2008–2017 гг.**

Статья посвящена анализу публикаций на страницах «Вестника Российского университета дружбы народов. Серия: История России» за последние десять лет и установлению связи их проблематики с общими тенденциями развития отечественного народниковедения. Прежде всего речь идет о разработке общей парадигмы народничества как идеологии самобытной модернизации России в рамках научной школы профессора В.Ф. Антонова.

Ключевые слова: историография; народничество; интеллигенция; реформаторский демократизм; свобода личности.

Отечественным исследователям русского народничества хорошо известна сложившаяся на кафедре истории России Российского университета дружбы народов (РУДН) научная школа профессора В.Ф. Антонова, 100-летие которого будет отмечаться в следующем году. Представители научной школы (доктора исторических наук Р.А. Арсланов, В.В. Блохин, В.В. Зверев, В.А. Исаков, Н.А. Тюкачев и др.) внесли существенный вклад в становление современного народниковедения [1]. Во многом благодаря их усилиям издаваемый с 2002 г. в Российском университете дружбы народов профильный журнал превратился в один из ведущих центров изучения истории и историографии русского народничества.

Несмотря на очевидные успехи современного поколения народниковедов, связанные с утверждением к середине 2000-х гг. нового подхода к интерпретации явления русского народничества [2], проблема концептуализации его истории по-прежнему сохраняет свою актуальность. Большинство историков по понятным причинам заняты изучением отдельных течений народничества и их представителей, оставляя авторам обобщающих исследований вопросы общей типологии и периодизации истории народничества, а также разработку нового понятийного аппарата. Только, к сожалению, такие исследования можно пересчитать по пальцам.

Одна из особенностей новейшего периода изучения народничества – повышенный интерес исследователей к историографии проблемы. В «Вестнике Российского университета дружбы народов. Серия: История России» за прошедшее десятилетие опубликован ряд статей, посвященных проблемам изучения революционного и легально-реформаторского народничества и их последователей в начале XX в.

Дореволюционная консервативная историография революционного народничества анализируется в статье Н.А. Тюкачева (Брянск) – одного из ведущих современных историографов левого крыла народничества 1860–1880-х гг. [3]. Долгое время считалось, что труды консерваторов не имеют значения из-за своей крайней

тенденциозности. Тюкачев оспаривает эту точку зрения, доказывая, что дать объективное толкование народнического движения возможно только при внимательном непредвзятом изучении всех его трактовок и концепций. Ведь и среди «охранителей» были люди, хорошо знающие радикальную русскую интеллигенцию, как, например, бывший народоволец Лев Тихомиров. Кроме того, труды работников охранных структур содержат огромный фактический материал по истории русского освободительного движения [4. С. 87].

В целом мы согласны с выводами Н.А. Тюкачева. Только стоит заметить, что упомянутые выше материалы предназначались для дискредитации революционеров и не всегда их можно рассматривать в качестве «ценных источников». Например, следствие по делу Дм. Каракозова установило, что он, будучи больным туберкулезом, употреблял наркотики. Понятно, какие далеко идущие выводы можно сделать из этого факта. Но приближит ли это нас к пониманию природы русского терроризма?

Историография правого (реформаторского) народничества – еще одна актуальная тема современного народниковедения. До конца 1980-х гг. «мирные» народники находилось в тени революционного народничества, так как олицетворяли процесс его перерождения в либеральных мелкобуржуазных «реакционеров». Изучению историографического феномена «либеральное народничество» от его возникновения и до наших дней посвящены две статьи В.В. Зверева.

По мнению Зверева, деление народников на «славянофилов» и «либералов» (западников) зародилось еще в конце 1870-х гг. Но теоретическое обоснование концепта «либеральные народники» дали русские марксисты в рамках так называемого классового подхода. Подробно проанализировав концепции народничества Г.В. Плеханова и В.И. Ленина, автор приходит к выводу, что они носили «оценочный» (не исследовательский) характер, так как были подчинены логике политического противостояния марксистов с народниками. Правда, в начале XX в. в трудах А.Н. Потресова и Ю.О. Мартова народничество уже трактовалось как

феномен группового самосознания интеллигенции. Но и у них, как у всех марксистов, отсутствовал анализ мировоззренческих установок народничества, что, по убеждению автора, является ключом к пониманию сущности этого феномена пореформенной общественной жизни России [5. С. 66, 68–69].

Историографию советской эпохи Зверев анализирует сквозь призму накопления знаний о типологии течений правонароднической мысли в трудах Б.П. Козьмина, Е.Е. Колосова, В.Г. Хороса, В.И. Харламова, Б.П. Балугина и др. К началу 1980-х гг. это приведет исследователей к пониманию того, что факты противоречат господствовавшей тогда ленинской концепции народничества как идеологии, отражавшей интересы и настроения крестьянства. Сам автор в монографии «Реформаторское народничество и проблема модернизации России» (1997) будет доказывать, что народники как представители радикальной отечественной интеллигенции выражали собственное (субъективное) видение происходящих в стране модернизационных процессов и пытались оказать на них влияние [6. С. 22, 24].

В конечном итоге Зверев, в пику историкам-марксистам, формулирует тезис о противоположности доктрин либерализма и народничества. «Либерализм, – пишет исследователь, – ориентирован на свободу личности, народничество на первое место ставит коллектив личностей. Либерализм главным условием развития социума считает конкуренцию и столкновение интересов в различных областях жизни, народничество – обеспечение достойных условий существования всем членам общества» [7. С. 17].

Данный подход, безусловно, способствует утверждению нового понимания народничества как идеологии некапиталистической (антибуржуазной) модернизации страны. Однако тезис о полной несовместимости народничества и либерализма, на наш взгляд, звучит слишком категорично. Разве противоположность идеалов не исключает общих тактических задач – борьбы за расширение политических прав и свобод? Сам же автор отмечает гибкость (пластичность) народничества, которое в борьбе за общественное влияние сумело ассимилировать различные, в том числе противоположные, идеи и методы.

История становления современной историографии правого народничества стала предметом изучения Г.Н. Мокшина (Воронеж). За точку отсчета автор берет труды московского историка В.И. Харламова, который еще в конце 70-х гг. XX в. разработал первую научно обоснованную периодизацию «либерального народничества». Вопреки сложившейся традиции, она начиналась не с 1881 г., а с рубежа 1850/1860-х гг. – от А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского [8. С. 47]. Кстати, обоснование тезиса о том, что основоположники народничества считали более предпочтительным мирный путь общественных преобразований России, принадлежит В.Ф. Антонову.

В статье анализируются попытки Харламова рассмотреть процесс становления и эволюции идеологии позднего народничества исходя из особенностей мировосприятия его идеологов, поскольку, по справедливому утверждению историка, внутренние факторы раз-

вития народнической мысли довели над внешними. Еще одна заслуга Харламова – разработка истории так называемого «культурнического народничества», расширяющая представления исследователей о типологии течений классического русского народничества. Правда, развитие идеологии культурно-народнического направления Харламов связывал с деятельностью публицистов «Недели» И.И. Каблицы и Я.В. Абрамова (отсюда ее второе название – «неделизм»). Поэтому эволюция этого течения ограничивалась второй половиной 1880-х гг. [Там же. С. 48].

Историографии неонародничества, точнее, его правого крыла – партии народных социалистов, посвящена статья М.Н. Мосейкиной. Автор отмечает значительный интерес к идеологии трудовой народно-социалистической партии со стороны современных исследователей (Н.Д. Ерофеев, А.В. Сыпченко, О.Л. Протасова и др.). В советской историографии преобладала точка зрения, что партия энесов возникла в результате отделения от эсеров и ее главное отличие – умеренность в вопросе тактики общественных преобразований. Новое поколение народниковедов, по сути, опровергает этот подход. Энесы – идейные наследники левого крыла легально-реформаторского народничества, возглавляемого Н.К. Михайловским (наверное, не случайно их главный теоретик – А.В. Пешехонов – похоронен рядом с ним). В статье Мосейкиной рассматриваются выявленные исследователями теоретические положения программы энесов (этатизм, национализация, критическое отношение к марксизму и др.), позволяющие по-новому оценить вклад народных социалистов в развитие идеологии неонародничества [9].

В 2014–2015 гг. в журнале опубликованы две статьи молодой исследовательницы Н.А. Жуковой о западногерманской историографии М.А. Бакунина – одного из самых ярких идеологов анархизма. По замечанию Н.М. Пирумовой, зарубежное бакуниноведение превосходит отечественное, поскольку значительная часть революционной деятельности главного русского анархиста была связана с Европой [10. С. 12]. Поэтому интерес к немецкой историографии данной темы вполне оправдан.

Автор отслеживает процесс становления и развития западногерманской историографии анархизма М.А. Бакунина от начала до 80-х гг. XX в. Установлено, что до революции 1918 г. он интересовал авторов прежде всего как революционер, после – как критик марксизма за его централизм и склонность к идее диктатуры. Не случайно большинство авторов (П. Вебер, Я. Каттепозль, Ф. Витткоп и др.) принадлежат к либеральному течению. Интересно, что наряду с критикой анархизма многие немецкие исследователи отмечают гуманизм М.А. Бакунина и его соратника П.А. Кропоткина, что, по мнению Жуковой, является одной из главных причин популярности анархических идей в Германии [11; 12. С. 54].

Большинство наших авторов обратились к историографии народничества, будучи зрелыми исследователями, хорошо знакомыми не только с литературой, но и с «первоисточниками». И так уж сложилось, что сфера их научных интересов связана с историей пра-

вого (неревolutionонного) крыла народничества, активно и плодотворно разрабатываемой новым поколением народниковедов с середины 1990-х до начала 2010-х гг. Именно на этот период приходится наибольшее количество докторских диссертаций по данной проблематике [13–15].

Отличительная особенность правого народничества – отсутствие у него партийных организаций, подобных тем, что были у революционных народников, и, соответственно, программ совместной деятельности. Это обстоятельство повлияло на преобладание в изучении его идеологии и практики так называемого персонафицированного подхода. В «Вестнике Российского университета дружбы народов. Серия: История России» в рассматриваемый период были опубликованы отдельные статьи о Н.К. Михайловском и В.Г. Короленко (В.В. Блохина), Н.Ф. Даниельсоне и Г.П. Сазонове (В.В. Зверева). И еще в трех статьях (Г.Н. Мокшина, А.М. Пашкова, Р.А. Арсланова и А.Л. Климашина) освещались взгляды и деятельность некоторых видных народников-культурников 1880–1890-х гг.

Самым крупным теоретиком легально-реформаторского народничества по праву считается Н.К. Михайловский. В 2010 г. В.В. Блохин – один из лучших знатоков идейного наследия «властителя дум» нескольких поколений демократической интеллигенции – опубликовал обстоятельное исследование, посвященное проблеме становления его мировоззрения. Большинство предшественников Блохина настаивали на том, что взгляды Михайловского (как и всех народников) страдали эклектизмом. Автор, напротив, доказывает его целостный характер. Он подробно анализирует влияние на формирование мировоззрения Михайловского идей Д.И. Писарева, Н.Д. Ножина, Г.З. Елисеева и выявляет его отличительные черты: рационализм, сциентизм, социальный реформизм, политизм, социализм и, наконец, веру в «идейное предводительство интеллигенции над народом» [16. С. 104]. Только странно, что в этом обстоятельном перечне не нашлось места главной доминанте самосознания народнической интеллигенции – демократизму. Впрочем, по мнению автора, Михайловский был единственным из народников, кто не верил в созидательные возможности народа [Там же. С. 105].

В другой своей статье В.В. Блохин рассматривает биографию и взгляды одного из соратников Н.К. Михайловского, известного народнического писателя В.Г. Короленко. Он также считал высшей ценностью борьбу за права человека и был далек от идеализации народа. Но, в отличие от Михайловского, Короленко верил в то, что русский народ обязательно рано или поздно станет сознательным творцом своей исторической судьбы [17. С. 35].

В.В. Зверев в статье об известном народническом экономисте Н.Ф. Даниельсоне исследует особенности его восприятия марксизма (в свете позитивизма) и устанавливает причины, по которым народнические позиции переводчика «Капитала» и друга К. Маркса и Ф. Энгельса остались непоколебимыми [18]. Еще одна статья исследователя народничества посвящена Г.П. Сазонову – одному из идеологов «малых дел» 1890-х гг.

В начале XX в., будучи попечителем Петропавловской больницы Санкт-Петербурга, он наконец получил возможность практического применения популярной народнической теории. Проанализировав отчет Сазонова о его работе, Зверев на этом конкретном примере пришел к неутешительному для народников-культурников выводу, что предлагаемая ими программа мер могла улучшить ситуацию с народным здравоохранением, но не изменить. Для этого, по мнению историка, требовалась новая государственная политика, и прежде всего постановка вопроса о бесплатном медицинском обслуживании населения [19. С. 37].

Теоретическая и практическая деятельность главных теоретиков культурничества И.И. Каблицы, Я.В. Абрамова и С.Н. Кривенко анализировалась в статье Г.Н. Мокшина. В отличие от В.В. Зверева, он доказывает особую роль культурнических идей в эволюции народничества 1880–1890-х гг. Именно теоретики «малых дел», по его мнению, сумели раздвинуть узкие рамки интеллигентности, заданные идеологами революционного народничества, создав положительный образ нового типа интеллигента – «культурного» или «социального» работника (врача, учителя, технолога, агронома, статистика). Тем самым они способствовали превращению вчерашних бунтарей и революционных пропагандистов в созидательную общественную силу [20. С. 23–24].

Краеведческая деятельность ссыльного народника-расколоведа А.С. Пругавина и исследователя Русского Севера С.А. Приклонского в 70–80-е гг. XIX в. рассмотрена в статье историка из Петрозаводска А.М. Пашкова. Автор находит у этих народников ряд общих черт, прежде всего это оппозиционный характер их научных изысканий. Данное обстоятельство позволило Пашкову отметить их весомый вклад не только в развитие краеведения в Архангельской и Олонецкой губерниях, но и в становление местной интеллигенции [21. С. 117–120].

Взгляды народников 1890-х гг. на положение русских крестьян-переселенцев в Среднюю Азию затрагиваются в статье Р.А. Арсланова и А.Л. Климашина. На примере публикаций народника-экономиста К.Р. Качоровского и ведущего статистика Туркестанского края И.И. Гейера исследователи выделяют особенности народнического подхода к решению проблемы адаптации русских мигрантов (необходимость укрепления среди них общинных порядков и культурная помощь со стороны местной русской интеллигенции) [22. С. 351–353].

Изучение политических биографий и взглядов ведущих теоретиков правого народничества, безусловно, способствует выявлению общих тенденций в развитии его идеологии и практики. Но вопрос о разработке общей типологии течений и периодизации истории данного направления русского народничества пока остается открытым. Рассмотрим основные разногласия в этой области между исследователями на примере статей Р.А. Арсланова, В.В. Блохина, В.В. Зверева и Г.Н. Мокшина.

Все упомянутые исследователи согласны с тем, что правое народничество нельзя называть «либеральным», так как это искажает смысл его доктрины обществен-

ных преобразований, направленной на построение социально однородного общества. (Конечная цель всех народников и главный мотив их деятельности – торжество «социальной справедливости», а «свобода» – одно из условий ее достижения.) Однако на полной противоположности «либерализма» и «народничества» настаивает только В.В. Зверев. Его коллеги Р.А. Арсланов и В.В. Блохин, напротив, доказывают возможность их синтеза. Об этом, в частности, свидетельствует разработка тем же Н.К. Михайловским доктрины «либерального социализма» – результат напряженных поисков им путей скорейшей демократизации страны [23. С. 29].

На наш взгляд, ключ к разрешению этих разногласий – в признании существования в правом народничестве двух противоположных флангов: правого, *консервативного*, делающего ставку на социальные преобразования по формуле «для народа и через народ», и левого, *либерального*, который ставит на первое место борьбу за политические свободы «для народа, но без народа» (т.е. посредством интеллигенции). На возможности существования «консервативного народничества» (И.И. Каблиця и К^о) больше всех настаивает В.В. Зверев [24], «либерального» (Н.К. Михайловского) – В.В. Блохин [25. С. 131]. Разумеется, речь идет не о доктрине, а о тактике ее осуществления.

Еще одним камнем преткновения является периодизация истории легально-реформаторского народничества. Эта проблема рассмотрена в одной из статей Г.Н. Мокшина в контексте истории так называемого «культурного» (умеренно правого) народничества. Современные историки обычно используют периодизацию правого народничества, предложенную В.И. Харламовым. Она включает четыре этапа: зарождение, становление, эволюцию и кризис, которым соответствуют 60-е, 70-е, 80-е и 90-е гг. XIX в. [20. С. 21].

Собственно, проблема заключается не в уточнении дат, а в различной интерпретации сути «культурной работы» и ее места в эволюции идеологии позднего народничества. Например, В.В. Зверев вслед за В.И. Харламовым доказывает, что увлечение «культурничеством» и теорией «малых дел» вело народников к отказу от социалистических идеалов и примирению с действительностью, что в середине 1890-х гг. спровоцировало кризис и раскол народнического движения [5. С. 57]. Г.Н. Мокшин с такой оценкой культурничества категорически не согласен и настаивает на том, что у народников был шанс реформировать народничество в духе теории «органической культурной работы» С.Н. Кривенко. Однако возможность объединить «культурников» и «политиков» во имя общей цели была упущена из-за неуступчивости Н.К. Михайловского [20. С. 24–25].

Очевидно, что исследователи истории правого народничества находятся внутри народнического дискурса, включая автора этих строк, что мешает им выработать консолидированную позицию. С другой стороны, наличие противоположных подходов позволяет рассматривать данную проблематику с разных сторон, что способствует более объективному ее освещению.

Идея синтеза либерализма и народничества как условия выработки национальной модели модерниза-

ции страны, высказанная Р.А. Арслановым и В.В. Блохиным в спорах о феномене «либерального народничества», получила развитие в исследовательском проекте кафедры истории России РУДН «Эволюция реформаторской демократической мысли России во второй половине XIX – начале XX вв.: модели развития, историография и методы исследования» (грант РГНФ) [26]. Цель проекта заключалась в том, чтобы, опираясь на анализ особенностей отечественного либерализма (антибуржуазность, признание необходимости сохранения крестьянской общины, отстаивание идеи сильного социального государства и др.), обосновать его идеологическую совместимость с демократизмом, а также выявить круг общественных деятелей, занимавшихся теоретической и практической разработкой общей программы действий [26. С. 96–97]. В основном речь идет о публицистах «Русской мысли», «Вестника Европы» и «Русского богатства» двух последних десятилетий XIX – начала XX в. (К.Д. Кавелин, В.А. Гольцев, К.К. Арсеньев, А.Д. Градовский, Н.К. Михайловский, В.Г. Короленко, А.В. Пешехонов, В.А. Мякотин и др.).

Эвристическая значимость либерально-демократического синтеза: поиск механизма, позволяющего предложить национальный проект «демократизации без революции» или «реформаторской демократии». По точному замечанию Р.А. Арсланова, к началу 1880-х гг. определенная часть народников разочаровывается не только в идее насилия как движущей силы прогресса, но в народе как носителе начал демократии и социализма, и осознает, что главным субъектом модернизации страны является либерально-демократическая интеллигенция, действующая на легальной почве. С другой стороны, многие русские либералы после воцарения Александра III утрачивают веру в реформаторский потенциал самодержавия и признают необходимость адаптации своих западных идеалов к реалиям русской жизни для обретения более прочной социальной базы. Все это предопределило их сближение в 80-е гг. XIX в. [27. С. 10, 16; 28. С. 52].

Описывая взаимоотношения народников и либералов, Р.А. Арсланов не скрывает наличия между ними непримиримых разногласий, прежде всего по вопросу об особом пути развития России. Именно на этой основе он выделяет две модели реформаторского демократизма: либерально-демократическую – *западный путь к свободе* через создание «социального государства», и реформаторски-народническую – *самостоятельный путь к социальной справедливости* в союзе с народом [29. С. 55]. Но были и важные точки соприкосновения, вокруг которых кристаллизовались основные компоненты идеологии реформаторского демократизма. Это особое отношение к народу (признание ответственности интеллигенции за его «бедственное» положение), совместная деятельность в земстве как базовом институте национальной демократической системы и лучшей школе подготовки населения страны к политической свободе и демократии и, наконец, убеждение в необходимости мирной эволюции страны путем постепенного преодоления социальных издержек Великих реформ [27. С. 9, 10].

Главное условие дальнейшего развития реформ – преодоление раскола между властью, обществом и народом. Эту миссию представители реформаторско-демократического направления отводили так называемой «передовой» русской интеллигенции. В совместной статье Р.А. Арсланова и В.В. Блохина анализируется позиция по этому вопросу либералов К.Д. Кавелина и А.Д. Градовского на рубеже 1870–1880-х гг. и последователей Н.К. Михайловского начала XX в. – А.В. Пешехонова и В.А. Мякотина. Несмотря на то, что их концепции интеллигенции возникли в разные исторические периоды, авторы статьи находят в саморефлексии либералов и неонародников ряд общих черт. Это признание внесословной природы русской интеллигенции и, соответственно, наличие у нее общенародной задачи продолжения легальной борьбы с существующим в стране политическим режимом во имя свободы и демократии [23. С. 33].

Практическое развитие идеи либерально-демократического синтеза в годы первой русской революции рассматривается в статье М.Н. Мосейкиной на примере Партии демократических реформ (М.М. Ковалевский, И.И. Иванюков, К.К. Арсеньев и др.). Автор оценивает ее деятельность как первую попытку создания в стране либеральной партии «почвенного» типа, допускающей сохранение монархии при условии ее «решающего» участия в разрешении социальных проблем общества [30. С. 37]. Здесь уместно было бы вспомнить, что концепцию «народной монархии» отстаивали не только либеральные демократы, но и некоторые бывшие народники вроде Л.А. Тихомирова. Однако из-за взаимного недоверия между властью и обществом, посеянного царевубийством 1 марта 1881 г., эта и многие другие инициативы представителей реформаторской демократии оказались нежизнеспособными.

Подводя итог обзору публикаций в «Вестнике Российского университета дружбы народов. Серия: История России», мы можем констатировать, что перед нами, пожалуй, единственное периодическое издание, в котором продолжается традиция изучения истории «классического» русского народничества. Общее ко-

личество выявленных нами авторов и публикаций относительно невелико. Но сила данного авторского коллектива не в числе, а в наличии у него устойчивого ядра из трех ведущих отечественных историков реформаторско-демократической мысли – Р.А. Арсланова, В.В. Блохина и В.В. Зверева. Во многом именно их усилиями в современном народниковедении утвердился и продолжает развиваться новый, более объективный подход к пониманию явления народничества как типу сознания, идеологии и движения в среде русской демократической интеллигенции, отстаивавшей доктрину самобытной модернизации страны.

Еще одна важная заслуга авторов рассмотренных публикаций – смещение акцента в изучении народничества с революционного на легально-реформаторское крыло, благодаря чему народники начинают восприниматься не как «лишние люди» и «отщепенцы», а как созидательная общественная сила, нацеленная на преодоление социокультурного раскола между образованным обществом и народом.

Среди конкретных проблем, поставленных на страницах журнала за последние десять лет, прежде всего следует выделить анализ специфики реформаторского демократизма народников и его влияния на другие модели общественного переустройства России (т.е. на либералов, марксистов и др.). В серии статей на эту тему авторы последовательно и доказательно проводят мысль, что в 80–90-е гг. XIX в. народничество постепенно освобождается от идеализации народа и эволюционирует по пути признания невозможности построения в стране подлинно демократического общества без предварительного обеспечения свободы личности. И это действительно важнейший показатель зрелости народнической мысли.

Общность исследовательских задач и подходов к их решению позволяет утверждать, что вокруг журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» уже давно сложился серьезный научный коллектив, не только отражающий, но и во многом определяющий новые направления в изучении русского народничества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василий Федорович Антонов. Памяти учителя : воспоминания и статьи / под ред. В.М. Козьменко. М. : РУДН, 2015. 236 с.
2. Мокшин Г.Н. Народничество как идеология самобытной модернизации России // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология. 2015. № 4. С. 77–80.
3. Тюкачев Н.А. Отечественная историография революционного народнического движения 1869–1880-х гг. Брянск : Курсив, 2010. 304 с.
4. Тюкачев Н.А. Народничество в освещении российских «охранителей» самодержавия // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2010. № 1. С. 74–89.
5. Зверев В.В. Реформаторское народничество в отечественной дореволюционной историографии // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2008. № 4. С. 55–71.
6. Зверев В.В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. М. : Уникум-Центр, 1997. 366 с.
7. Зверев В.В. Драматическая история историографического феномена: как «мирные народники» превратились в «мелкобуржуазных реакционеров» // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2009. № 3. С. 5–22.
8. Мокшин Г.Н. В.И. Харламов и становление современной историографии правого народничества // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2015. № 1. С. 43–57.
9. Мосейкина М.Н. Трудовая народно-социалистическая партия в современной отечественной историографии // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2009. № 1. С. 47–60.
10. Пирумова Н.М. Социальная доктрина М.А. Бакунина. М. : Наука, 1990. 320 с.
11. Жукова Н.А. М.А. Бакунин и его идеи в немецкой анархической печати первой трети XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2015. № 1. С. 9–20.
12. Жукова Н.А. Теория русского анархизма в западногерманской историографии конца 1960–1980-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2014. № 2. С. 45–57.

13. Зверев В.В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997. 36 с.
14. Блохин В.В. Становление доктрины «либерального социализма» Н.К. Михайловского : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006. 41 с.
15. Мокшин Г.Н. Идеинная эволюция легального народничества во второй половине XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2010. 42 с.
16. Блохин В.В. Идеолог реформаторского народничества Николай Михайловский: проблема формирования мировоззрения // Гуманитарные науки и образование. 2010. № 2. С. 100–105.
17. Блохин В.В. «...Все-таки впереди огни»: реформаторский демократизм В.Г. Короленко // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2010. № 4. С. 25–37.
18. Зверев В.В. Марксистские идеи в интерпретации переводчика «Капитала» на русский язык // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2014. № 3. С. 14–24.
19. Зверев В.В. Отголоски «теории малых дел» в начале XX в. (на примере попечительной деятельности Г.П. Сазонова) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2016. № 3. С. 29–38.
20. Мокшин Г.Н. Основные этапы истории «культурного» народничества // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2016. № 2. С. 19–28.
21. Пашков А.М. Политическая ссылка и развитие краеведения на Русском Севере в XIX – начале XX в.: опыт переосмысления // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2011. № 2. С. 112–126.
22. Арсланов Р.А., Климашин А.Л. Периодические издания России рубежа XIX–XX вв. о социальной адаптации русских переселенцев в Средней Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2017. № 3. С. 347–363.
23. Арсланов Р.А., Блохин В.В. Интеллигенция в воззрениях российских либералов и реформаторов-демократов конца XIX – начала XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2014. № 2. С. 22–36.
24. Зверев В.В. Могло ли народничество быть консервативным? (к постановке проблемы) // Задавая вопросы прошлому... М. : Гуманитарий, 2006. С. 58–71.
25. Блохин В.В. Очерки истории народнической мысли второй половины XIX века. М. : Современная экономика и право, 2009. 212 с.
26. Арсланов Р.А. О гранте РГНФ «Эволюция реформаторской демократической мысли России во второй половине XIX – начале XX вв.: модели развития, историография и методы исследования» // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2009. № 2. С. 95–99.
27. Арсланов Р.А. Становление и эволюция реформаторского демократизма в России конца XIX – начала XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2011. № 2. С. 5–22.
28. Арсланов Р.А. Становление модели реформаторского демократизма в творчестве русских мыслителей второй половины XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2008. № 4. С. 39–54.
29. Арсланов Р.А. Реформаторский демократизм в концепции В.А. Гольцева // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2010. № 1. С. 42–59.
30. Мосейкина М.Н. К вопросу об альтернативных моделях модернизации России: Партия демократических реформ начала XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2011. № 1. С. 27–39.

Mokshin Gennady N. Voronezh State University (Voronezh, Russia). E-mail: mok410@mail.ru

CURRENT PROBLEMS OF STUDYING HISTORY OF RUSSIAN POPULISM IN "RUDN JOURNAL OF RUSSIAN HISTORY" IN 2008-2017

Keywords: historiography; populism; intelligentsia; reform democracy; personal freedom.

The researchers of Russian populism know V.F. Antonov's school very well. Its representatives (doctors of historical sciences R.A. Arslanov, V.V. Blokhin, V.V. Zverev, V.A. Isakov, N.A. Tyukachev, etc.) made a significant contribution to the establishment of the modern populism studies. Thanks to their efforts, the journal, which has been published since 2002 at the Department of Russian History of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), has become one of the leading centres for studying history and historiography of Russian populism.

The purpose of the article is to highlight the contribution of RUDN University historians and their colleagues from Bryansk, Voronezh and Petrozavodsk to the research of the topical problems of the modern populism studies. The author has analyzed twenty articles published in the "RUDN Journal of Russian History" in 2008-2017. In addition, there are considered the generalizing works on the history of Russian populism, which characterize the present state of its historiography.

All the publications are divided according to three topics: domestic and foreign historiography of populism; history of the right wing of populism and the ideological evolution of late populism.

The articles of N.A. Tyukachev, V.V. Zverev, G.N. Mokshin, N.A. Zhukova and M.N. Moseykina are devoted to populism historiography. There is emphasized the modern authors' special interest in the pre-revolutionary studies of populism, which previously received little attention, as well as interest in the phenomenon of Marxist historiography - the so-called "liberal populism".

The ideology and practice of the right (non-revolutionary) populism was considered in the articles of V.V. Zverev, V.V. Blokhin, G.N. Mokshin, A.M. Pashkov, R.A. Arslanov and A.L. Klimashin. Most authors are focused on the controversy between the populists-politicians and the populists-culturalists over the tactics of transforming the country, as the disagreements on this issue are the key to the typology of the trends and the periodization of the history of the right populism.

Another important topic studied in the journal is the analysis of the specifics of the populists' reform democracy and its influence on other models of the social reorganization of Russia (liberals, Marxists, etc.). In the articles on this topic written by R.A. Arslanov, V.V. Blokhin and M.N. Moseykina, there is highlighted the idea that in the 1880-1890s populism was gradually being freed from the idealization of the people and was evolving along the path of recognizing the impossibility of building a genuinely democratic society in the country without ensuring personal freedom.

In conclusion, there is given an overall assessment of the efforts of the authors of the "RUDN Journal of Russian History" to develop a new approach to the understanding of Russian populism as the ideology of Russia's original modernization. Particular attention is paid to shifting the emphasis in the study of populism from the revolutionary wing to the legally reformatory wing, thanks to which populists were perceived not as "superfluous people" and "renegades", but as a creative social force aimed at overcoming the socio-cultural split between the educated society and the people.

Another important topic studied in the journal is the analysis of the specifics of the populists' reform democracy and its influence on other models of the social reorganization of Russia (liberals, Marxists, etc.). In the articles on this topic written by R.A. Arslanov, V.V. Blokhin and M.N. Moseykina, there is highlighted the idea that in the 1880-1890s populism was gradually being freed from the

idealization of the people and was evolving along the path of recognizing the impossibility of building a genuinely democratic society in the country without ensuring personal freedom.

In conclusion, there is given an overall assessment of the efforts of the authors of the "RUDN Journal of Russian History" to develop a new approach to the understanding of Russian populism as the ideology of Russia's original modernization. Particular attention is paid to shifting the emphasis in the study of populism from the revolutionary wing to the legally reformatory wing, thanks to which populists were perceived not as "superfluous people" and "renegades", but as a creative social force aimed at overcoming the socio-cultural split between the educated society and the people.

REFERENCES

1. Kozmenko, V.M. (ed.) (2015) *Vasily Fedorovich Antonov. Pamyati uchitelya: vospominaniya i stat'i* [Vasily Fedorovich Antonov. In memory of the teacher: memories and articles]. Moscow: RUDN.
2. Mokshin, G.N. (2015) Populism as an ideology of Russia modernization. *Vestnik VGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*. 4. pp. 77–80. (In Russian).
3. Tyukachev, N.A. (2010) *Otechestvennaya istoriografiya revolyutsionnogo narodnicheskogo dvizheniya 1869–1880-kh gg.* [Russian historiography of the revolutionary Narodnik movement of the 1869–1880s]. Bryansk: Kursiv.
4. Tyukachev, N.A. (2010) Russian radical preservers of monarchy about populism. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii – RUDN Journal of Russian History*. 1. pp. 74–89. (In Russian).
5. Zverev, V.V. (2008) The image of reformatory populism (narodnichestvo) in the works of Russian pre-revolutionary historians. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii – RUDN Journal of Russian History*. 4. pp. 55–71. (In Russian).
6. Zverev, V.V. (1997) *Reformatorskoe narodnichestvo i problema modernizatsii Rossii. Ot sorokovykh k devyanostym godam XIX v.* [Reformer Populism and the Problem of Modernization of Russia. From the Forties to the Nineties of the Nineteenth Century]. Moscow: Unikum-Centr.
7. Zverev, V.V. (2009) The image of reformatory populism (narodnichestvo) in Russian historiography from the 1920s to the early 21st century. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii – RUDN Journal of Russian History*. 3. pp. 5–22. (In Russian).
8. Mokshin, G.N. (2015) V.I. Kharlamov and the formation of modern historiography of right-wing populism. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii – RUDN Journal of Russian History*. 1. pp. 43–57. (In Russian).
9. Moseykina, M.N. (2009) Ideology and Practice of Labour Populist-Socialistic Party in a Modern Russian Historiography. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii – RUDN Journal of Russian History*. 1. pp. 47–60. (In Russian).
10. Pirmova, N.M. (1990) *Sotsial'naya doktrina M.A. Bakunina* [Social Doctrine of M.A. Bakunin]. Moscow: Nauka.
11. Zhukova, N.A. (2015) Mikhail Bakunin and his ideas in the German anarchist press in the first third of 20th century. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii – RUDN Journal of Russian History*. 1. pp. 9–20. (In Russian).
12. Zhukova, N.A. (2014) Theory of Russian anarchism in the West German historiography in the late 1960s–1980s. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii – RUDN Journal of Russian History*. 2. pp. 45–57. (In Russian).
13. Zverev, V.V. (1997) *Reformatorskoe narodnichestvo i problema modernizatsii Rossii. Ot sorokovykh k devyanostym godam XIX v.* [Reformer Populism and the Problem of Russian Modernization. From the forties to the nineties of the nineteenth century]. Abstract of the History Dr. Diss. Moscow.
14. Blokhin, V.V. (2006) *Stanovlenie doktriny "liberal'nogo sotsializma" N.K. Mikhaylovskogo* [Formation of N.K. Mikhailovsky' liberal socialism doctrine]. Abstract of the History Dr. Diss. Moscow.
15. Mokshin, G.N. (2010) *Ideynaya evolyutsiya legal'nogo narodnichestva vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* [The ideological evolution of legal populism in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Abstract of the History Dr. Diss. Saratov.
16. Blokhin, V.V. (2010) Ideolog reformatorskogo narodnichestva Nikolay Mikhaylovskiy: problema formirovaniya mirovozzreniya [Nikolai Mikhailovsky as an ideologist of reformatory populism: problems of the world outlook formation]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie*. 2. pp. 100–105.
17. Blokhin, V.V. (2010) And still there are lights in front of us: the reformatory democratism of V. Korolenko. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii – RUDN Journal of Russian History*. 4. pp. 25–37. (In Russian).
18. Zverev, V.V. (2014) Marxist ideas in interpretation of "Capital"'s translator into Russian. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii – RUDN Journal of Russian History*. 3. pp. 14–24. (In Russian).
19. Zverev, V.V. (2016) Echo of the "modest causes theory" in early 20th century (the case of G.P. Sazonov's trusteeship). *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii – RUDN Journal of Russian History*. 1. pp. 29–38. (In Russian).
20. Mokshin, G.N. (2016) Main stages of history of "cultural" populism. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii – RUDN Journal of Russian History*. 2. pp. 19–28. (In Russian).
21. Pashkov, A.M. (2011) Political exile and Development of Local Studies in Northern Russia in 19th – early 20th Centuries: Experience of Rethinking. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii – RUDN Journal of Russian History*. 2. pp. 112–126. (In Russian).
22. Arslanov, R.A. & Klimashin, A.L. (2017) Russian Periodicals at the turn of the 19th – 20th centuries on Russian migrants' sociocultural adaptation in Central Asia. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii – RUDN Journal of Russian History*. 3. pp. 347–363. (In Russian).
23. Arslanov, R.A. & Blokhin, V.V. (2014) Intelligentsia in views of Russian liberals and reformers-democratic of late 19th – early 20th centuries. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii – RUDN Journal of Russian History*. 2. pp. 22–36. (In Russian).
24. Zverev, V.V. (2006) Moglo li narodnichestvo byt' konservativnym? (k postanovke problemy) [Could Populism be conservative? (to the statement of the problem)]. In: Zakharov, V.N. (ed.) *Zadavaya voprosy proshlomu...* [Asking questions to the past...]. Moscow: Gumanitarii. pp. 58–71.
25. Blokhin, V.V. (2009) *Ocherki istorii narodnicheskoy mysli vtoroy poloviny XIX veka* [Essays on the history of Narodnik thought of the second half of the 19th century]. Moscow: Sovremennaya ekonomika i pravo.
26. Arslanov, R.A. (2009) About Grant of the RHSF "Evolution of the reformatory democratic thought of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries: development models, the historiography and research methods". *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii – RUDN Journal of Russian History*. 1. pp. 95–99. (In Russian).
27. Arslanov, R.A. (2011) Formation and evolution of reformatory democratism in Russia late 19th –early 20th centuries. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii – RUDN Journal of Russian History*. 2. pp. 5–22. (In Russian).
28. Arslanov, R.A. (2008) Reformation-democratic model's forming in works of Russian thinkers of the second part of 19th century. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii – RUDN Journal of Russian History*. 4. pp. 39–54. (In Russian).
29. Arslanov, R.A. (2010) Reformatory democratism in the concept of V. Goltsev. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii – RUDN Journal of Russian History*. 1. pp. 42–59. (In Russian).
30. Moseykina, M.N. (2011) The problem of alternative models of Russian modernization: Russian Democratic Reforms Party's ideology in early 20th century. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii – RUDN Journal of Russian History*. 1. pp. 27–39.

УДК 930.23

DOI: 10.17223/19988613/60/23

K.B. Umbrashko, N.E. Bulankina

IVAN IV THE TERRIBLE: HISTORIOGRAPHICAL AND LITERARY MYTH IN HISTORICAL AND CULTURAL STANDARD

The article deals with one of the most specific issues of Russia's history, identified in the Historical and Cultural Standard of Liberal Education, in terms of Subject Concepts, approved by the State, i.e. «The Role of Ivan the Terrible, in Russia's history: reforms and their cost/consequences». The authors analyze the texts of historiographical and literary origin for identification of some of the crucial issues of the Ivan's IV Reforms as topical ones, which still provoke further investigation in modern educational and scientific environment, in the aspect of new educational values.

Keywords: historiography; literary myth; Ivan IV; Russian reforms; Subject Concepts; Historical and Cultural Standard (HCS).

Introduction

The topicality of one of the most famous and, at the same time, controversial historical figures of Russia's history, the first officially crowned ruler, Tsar Ivan IV Vasilyevich the Terrible (Grozny) (1533–1584), is connected with different aspects, and is still under investigation in our times. First, the topicality may be explained, both in a narrow sense (Ivan's IV Reforms, in fact, Central government – the Tsar – the reign of Ivan the Terrible), and in a broad one (their consequences in the Time of Troubles and for Russian reforms of other eras), because of its great past in Russian history after his reign. Second, as is the case, the topical issues of the problem under discussion are considered to be an integral part of the Concept of a new educational complex on Russian history, where one can find out texts of various studies and controversial opinions on the above problem, since the years of the XVIII century [1]. Third, to tell the truth, the topical issues are still under discussion, still considered to be controversial, mostly, among historians and educators of our time. Fourth, these Concepts are based mostly on the ratio of oprichnina, and some other reforms of Ivan IV (i.e. reforms of the «Elected Rada»). Fifth, in recent decades, the topicality of Ivan's reforms has arisen again in Russian historiographical studies. And not only there, because of many factors, among which, the image of the notorious Tsar, Ivan IV the Terrible is presented in different spheres of Russian culture, theater, cinematography, literature, paintings, and elsewhere. Almost everywhere, and in different situations, Ivan the Terrible, is depicted far from being a positive character / hero of his time! [2–4].

By the same token, of particular interest, it has become one of the topical issues in Russian society, when there in the educational space, the problem of Subject Concepts in Liberal Education, both in History and in Literature, has also arisen in the list of 'difficult questions' of Russia's History, and when the Concept of a new Educational Complex on Russia's history, the holistic Concept itself, started to be approved by the State. As is the case, according to Russian historians and publicists, there existed several Concepts where the authors have a try to explain the pecu-

liarities of both the character and the reign/management of Ivan IV. Into the bargain, there is, this factfile as still controversial, and not of a helping hand for secondary teachers of the Humanities, particularly, for History and Literature teachers, who have to give grounds for students' objective thinking, while working with students of different ages [2–4].

Thus, the mentioned topical questions, in a way, cover the problematic space for the authors' research, and as is the case, *the aim of the study* is seen in the trial to problematize the solution of one of the difficult issues of Russia's history, identified in the Concept of a new educational and methodical complex on Russia's history (the Concept), developed and approved both by the Ministry of Education and the Ministry of Science of Russian Federation, in collaboration with the Russian Historical Society. The state document caused a wide interest and hot discussions on the part of the historical and pedagogical community. After its publication in 2013 [1, 5–7] there appeared some manuals and articles dedicated to the importance and guide-lines of the Concept in the educational space of Russian schools [5].

Methodology and programme of the research

As is the case, the value sphere of an individual, as practical activities show, has become of special interest / importance due to the fact, that the world system of values of the past centuries, based on stability and ratio of socio-economic formation, has survived its time: the gap with the cultural traditions turns onto ideological disorientation of people / members of the society, the destruction of the value sphere of their mentality. And there, in the situation like that, the information and educational environment started to be changed; the role of the effectiveness of pedagogical education, the significance of system training and retraining / upgrading of specialists in the space of *recurrent education* associated with the periods of «teaching» and «non-learning», is increasing [8]. These and some other questions also made up the problem essence for the article *in the aspect of axiological approach*. One of the most important tasks of the research is to study the processes of educational value-developing professional environment, providing the support and sustainable development of inno-

uations in education in the aspect of the concept of an individual language of a modern teacher of the Humanities. The programme of the research covers several stages – the study of historiographical sources, state documents of educational essence, and literary resources of the 19–20th centuries.

In the framework of the above theses and stages of the research programme, if we do try to observe the subject of the reform of the XVI century and their role in Russia's history, then, in Russian historiography, we'll come across and find out the analysis and discussion of the following reforms of Ivan IV:

– Written (*prikaznaya*) reform.

The creation of central government – *orders* (until the midsixties – 1660s they were called *huts*). Petition Hut, the Ambassadorial Order (Departments / Ministry of Foreign Affairs), Local Order (distribution of estates), the Discharge Order (Armed Forces Headquarters), Criminal Order (Department for struggle with criminal elements), Provincial Order (Department for installation of order in Moscow).

– Reform of the Central administration. The essence lies in the limitation for local works / actions.

– Military reform which determined what amount of land should permit for an armed warrior to go out on a horse; if the estate or estates of the feudal lords were large enough, the warrior should take along his armed slaves.

– Tax reform determines the cancellation of feeding.

– Judicial reform. In 1550 a new code of laws was adopted. The adoption of a new version of the «Tsar's Sudebnick» was associated with the adoption of a new status for Ivan IV – the first officially crowned ruler.

– Church reform. Domestic political reforms have led to major military and foreign policy successes.

– Oprichnina as a reform was established from 1565 to 1572 in the Moscow government.

Thus, in Russian historical science, these and some other reforms have been actively discussed since the XVIII century. Historians and publicists have proposed at least three concepts in which the peculiarities of the character and reign of the first Russian Tzar are under investigation. At the heart of all these concepts there is the ratio of oprichnina and other reforms of Ivan IV (reforms of the «Elected Rada») [9–11].

1. *The Concept of «Two Ivans».*

This historiographical concept began to take shape in the late XVI – early XVII century. More distinctly it was described in the XVIII century in the historical work of M.M. Shcherbatov [11]. But it gained popularity after the publication of N. M. Karamzin's «History of the Russian state» in the early XIX century.

«The great historian» pointed out the following concept about the beginning of the oprichnina reform eloquently, «We start to describe the terrible change in the heart of the Tsar and in the destiny of the Tsardom». And further on: «Is it likely that the beloved sovereign, adored, could have fallen into the abyss of the horrors of tyranny from such a height of all his good works, happiness, and glory? But the evidence of the good and the evil is equally convincing, irrefutable; it remains only to imagine and notice this amazing phenomenon in its gradual changes. History is not able to solve the question of moral freedom of man; but assuming it in its judgment about the works

and temperaments of characters, history explains them both, first, by natural properties of people, and second, by circumstances or impressions of the things that influence the soul. Ivan was born with ardent passions, with a strong imagination, with a mind even more acute than firm or thorough. His poor upbringing, having spoiled his natural inclinations, left him room for correction in one Faith: for the most daring libertines of Tsars did not dare then to touch this Holy feeling. Friends of the Fatherland and the good works in the circumstances of emergency were able to touch it and influence upon it by saving horrors and striking his heart; they outwitted the young man from the nets of the bliss, and with the help of the pious, meek Anastasia, carried out him on the path of the virtue. The unfortunate consequences of Ivan's disease upset this great union, weakened the power of friendship, made up a change».

And then «Moscow froze in fear. Blood poured; in prisons, in monasteries the victims groaned; but... the tyranny yet matured: the present was terrifying the future! There is no correction for the tormentor, always more and more suspicious, more and more ferocious; blood-drinking does not quench, but increases the thirst for blood: it becomes one of the most terrible passions, inexplicable for the mind, because it is madness/paranoia, in light of the execution for people and for the tyrant himself. – It is a curious thing to see how this Tsar, until the end of his life being hard venerated by the Christian Law, wanted to accept his Divine teaching along with his unprecedented ferocity: that to justify the judges in the form of justice, claiming that all the martyrs were traitors, sorcerers, the enemies of Christ and of Russia; being humble before God and people, he called himself a vile murderer of the innocent, ordered to pray for them in Holy temples, but was comforted with the hope that his sincere repentance would become for him a salvation, and after getting rid of earthly greatness, in the peaceful space of the Monastery of Saint Kyril Belozerskii, someday he will live a peaceful life of a Monk!» [9. P. 1–5; 12–13].

Purposefully, we gave a lengthy extract from the «History of the Russian State» to make clear the idea why in 1862 the official authorities of the Russian Empire refused to place the image of the figure of Ivan IV on the monument of «Millennium of Russia», which was opened in the Kremlin of Novgorod the Great.

There appeared the development of the above ideas in the Kljuchevsky's work named «The Course of Russia's history», brightly and vividly emotional expressed. He wrote: «The oprichnics were put into not instead of the boyars, but against the boyars; their mission could be of not rulers, but only executioners of the earth. This was the political futility of the oprichnina: caused by the collision, the reason of which was the order, not man, it was directed against individuals, but for order. As is the case, we can say that the oprichnina did not answer the question of priority. It could have been instilled in the mind of the Tsar by a wrong understanding of the status of both the boyars and his own position / status / mission. The idea was largely the product of the Tsar's over timid and scared imagination. Ivan directed it against the terrible sedition, as if it was in the boyars' environment threatening to the existence of all members of the tsar's family, and, thus, whether

the danger was real and so terrible. By the same token, along with the oprichnina, the political power of the boyars was undermined by the conditions directly or indirectly created by the Moscow's gathering of Rus» [10. P. 172–173].

If we step aside from the great speech of historians, you can see that according to the historiographical concept of «Two Ivans» the reign of Ivan the Terrible can be divided into two periods. The first half of his reign concerns prudent activities of the Tsar, Ivan IV, the wise management of foreign and domestic policy, thanks to the reforms of the Elected Rada. The second half of it may be qualified as the folly and even madness / paranoia of the Tsar, the rejection of the reforms of the Elected Rada, holding the oprichnina reforms, unjustified mass torture and executions, the defeat of Novgorod, the Great.

As is the case, one can find out the second concept which discovers the correlation/ratio of the oprichnina and Ivan's other reforms.

2. *The Concept of «accelerated centralization».*

This concept is most thoroughly described in S.M. Solovyov's «History of Russia since ancient times».

The historian wrote: «The Nature, the method of Ivan's actions historically are explained by the struggle between the old and the new, by the events that took place in the infancy of the Tsar, during his illness and afterwards; but can they be morally justified by this struggle, by these events?» And further on: «Some people would like to justify and connect his cruel actions and deeds with the severe moral state of the time; indeed, the moral state of the society in the times of Ivan IV seems to us not at all attractive; we have seen that the struggle between the old and the new has been going on for a long time and it has adopted a character that could not contribute to the softening of the morals long before, could not lead to a careful treatment of life and honor of man; indeed, the rigidity of the morals is expressed in written monuments of that time: among the measures and devices for the establishment of attire, the cessation of abuse, one can find out cruel means as the only ones which can stop the evil...» [11. P. 688–689].

The meaning of this concept is that the oprichnina is a logical continuation of the previous reforms of Ivan IV. This Russian state is not a random game of fate, but the end of a long process of a struggle between the tribal / feudal landholders and central government (the Tsar), i.e. state relations in Russia and the victory of the state system along with the approval of the Russian centralized state.

According to S.M. Soloviev ideas in his dissertation «The History of relations between the Russian princes of the Rurik house», the period «from Ivan III to the suppression of the Rurik dynasty will present the final triumph of state relations over the tribal ones, for the celebration they pay by terrible, bloody struggle with the dying order of things» [12].

This concept, the second Concept of oprichnina, was especially popular among Soviet historians of the twentieth century. It is quite understandable. I.V. Stalin considered Ivan IV to be a great hero of Russia's history. Historians picked up the thesis of the leader and teacher of all the times and developed it in their scientific texts.

3. *«The End of the World» Concept.*

The third concept of the reforms of Ivan IV in the Russian historical science is associated with the reign of Ivan IV

as a whole, and the oprichnina reform, in particular. For example, the developed by I.N. Danilevsky's concept of the reign of Ivan IV can be called «The End of the World». According to the concept, «all Ivan's the Terrible actions are motivated by his considerations on faith and common sense. From other cruel tsars, he was different in terms of what and how he tried to explain his right deeds in personal messages where he contradicted with those who were out of his power» [13]. Ivan IV, the first officially crowned «Tsar of all the Russians», thought of himself as Chosen by God and prepared the entrusted to him by God people – the people of the Muscovite state, Muscovy for the Second Coming, which the theologians of the XVI century was scheduled for 7077 year from the Creation. It is the year of 1569 from the birth of the Christ. The date fits in the chronology of the Oprichnina reform: the years of 1565–1572 from the birth of the Christ, or years of 7073–7080 from the Creation. Mass torture and executions of the Muscovites was an attempt to cleanse the souls of the body suffered men, and to prepare them for the Last Judgment.

By the same token, in the framework of the research programme, we address the readers' attention to the literary myth about Ivan the Terrible to unfold the information-educational space of literary sources, that can depict the picture of Russia's history since the XVIII century till nowadays, to some extent. There we can see that the myth and the discussion of it does not end in our times in the literary works of an epic nature (M.Yu. Lermontov), and drama (N.K. Tolstoy, V.I. Kostylev), historical novels by ed. Radzinsky (2011), O. N. Fomina (2014), A.A. Bushkova (2012) and some other authors of our time who also attempted to investigate the life of the first ruler of «all the Russians», who has himself formally called *Tsar*.

From literary sources we do know, that Vasily III's son, Ivan IV, the first officially proclaimed Russian Tsar, took the throne in 1533 at the age of 3, with his mother as regent. After 13 years of court intrigues he had himself crowned «Tsar of all the Russians». The word «tsar», from the Latin *caesar*, had previously been used only for a Great Khan or for the Emperor of Constantinople [3, 4, 14, 15].

Ivan IV's marriage to Anastasia, who was from the boyar Romanov family, was a happy one – unlike the five ones who followed her death in 1560, which was a turning point in Ivan's IV happy life with Anastasia. Believing her to have been poisoned, he instituted a reign of terror that earned him the sobriquet, nick-name «The Terrible» (*Grozny*), literally «formidable» and nearly destroyed all his earlier good works. In a fit of rage he even killed his eldest son and heir, Ivan [4, 15].

His subsequent career was indeed terrible, though he was admired for upholding Russian interests and tradition. During his active reign (1547–1584) Russia defeated the Tatar khanates of Kazan and Astrakhan, thus acquiring the whole Volga region and a chunk of the Caspian Sea coast and opening the way to Siberia. His campaign against the Crimean Tatars, however, nearly ended with the loss of Moscow.

Ivan's interest in the West and his obsession with reaching the Baltic Sea foreshadowed Peter the Great, but he failed to break through and only antagonized the Lithuanians, Poles and Swedes, setting the stage for the Time of Troubles.

His growing interest led to a cruel attack on Novgorod, finally snuffing out that city's golden age. These facts are depicted in the trilogy / novel by Valentin I. Kostylev, named «Ivan the Terrible», that cover three parts, «Moscow on the move» (1942), «Sea» (1945), and «The Neva Frontline» (1947). The novelist [2, 14] speaks of the Tsar as a wise, far-sighted, not only looking forward to the future of Russia, but also the future [14. P. 215–216].

In some literary works the Tsar is depicted as a great man who expanded the limits of Romanov family, Russia, a man who laid the foundations of the state system, who created a real state of the loose mass of semi-independent feudal estates. The person who carried out the most serious reforms in many areas of life – reforms which, again without exaggeration, just also turned old obsolete Russia into the present state. Most often, however, he was portrayed as a repulsive executioner, shedding blood left and right – just for fun and fun for the sake of his natural sadism, for the love of executions and torture. The figure of Ivan the Terrible is too majestic and complex to approach it with primitive judgments and abstract, drooling intellectual humanism, which has never brought to good in our history [3, 4].

Let us refer to M.Y. Lermontov's «Song about Tsar Ivan Vasilyevich, young guardsman and merchant Kalashnikov» [15] where the poet depicts Ivan the Terrible as a person, both cruel, and merciful, giving and laughing, even having a smile on his face, a person who does care about his guardsmen / servants' life and health. We read: The red sun does not shine in the sky, the blue clouds do not admire them: then at the table in a Golden crown, grozny (terrible) Tsar Ivan Vasilyevich sits... And laughing, Ivan said: «Well, my faithful servant! Take the necklace of pearls. Before the marriage send the precious gifts to your Alyena Dmitrievna: As you love – celebrate the wedding, – do not be angry... Smiling, the Tsar commanded to bring some sweet wine from overseas to his guardsmen. And all drank Glory to the Tsar»! And all of a sudden, when the Tsar sees that one of the brave fighters does not, we read, «...a violent fellow lowered his head to his broad chest, here *the Tsar frowned his black eyebrows*, And brought upon him the keen eyes *like a hawk*, looked down from heaven, upon the young, *the gray-winged dove*,... Here on the ground, the Tsar turned with a stick like an iron struck ...Here said the Tsar a groznoe / terrible word» [Ibid.].

Thus, as we see Ivan the Terrible is perhaps one of the most ambiguous and odious personalities in Russia's history. A talented statesman, a wise reformer, and a bloody tyrant, a man who plunged his people into chaos of monstrous repression. What was he, Ivan the Terrible, the founder of the Moscow Tsardom, the sovereign, who had a great and very ambiguous influence on the course of historical events? What role did he play in the formation and decline of a grand power [3, 4]?

The stream of his thoughts and desires were unpredictable. He combined a cruel tyrant and a naive child, and his entourage was called the servants of the devil. He gave orders for executions, and then spent long nights in penitential prayer, he wore a monastic robe and changed seven wives... the Day of his death were predicted by Lapland

witches... the Great sovereign of a great country – who is he really [Ibid.]?

Discussion of the results

Now let's address our attention to the Concept of a new educational and methodical complex on Russia's history (hereinafter – the Concept), developed by the Ministry of Education, the Ministry of Science, and the Russian historical society. After its publication in 2013 [1, 6, 7] there appeared several manuals and articles explaining the importance and timeliness of the Concept [5. 16–18], where problem questions and discussions concerned the substantive aspect of the Concept, the «internal» characteristics of the document, the elements of «internal criticism» in the terminology of source studies. In particular, a lot of controversy is found out in the Historical and Cultural Standard. The authors define it as a section of the Concept where subjective assessments of historical epochs, events, parties and personalia dominate over the statement of facts. Actually, it is a working program for teaching Russia's history from ancient times to the present day with a conceptual apparatus, a chronological table and a list of the most important historical events and personalia.

But we come to the conclusion about the criteria and principles of selection of «historical events and personalia», which are not quite obvious and vivid. First, who determined their «value» and «importance» for history? Second, whether what does seem valuable and important today, tomorrow, will be of little value or unimportance? And was it valuable and important yesterday? The above questions for the «historian» are often inconvenient for the «contemporaries», but they are inevitable and predictably provocative questions. Most of the discussion points are neutralised by the explanatory note of the Concept of the new educational and methodical complex on national history but not all of them. *The first part of the Concept covers theoretical and methodological approaches to the teaching of history in general school at the present stage of development of pedagogy, psychology, methodology, historiography, philosophy.* Actually, this is the «Concept» of teaching history. The authors of the Concept propose a certain convention, a kind of a treaty that fixes the level of today's ideas about the historical process. In addition, such a «contract» gives balanced assessments, which are shared by the majority of the historical, scientific and pedagogical community [10. P. 4]. The Historical and Cultural Standard is *the second part of the Concept*. The third one is a list of «difficult questions» on Russia's history. This is the smallest part of the Concept, which is of an applied nature. The authors correctly point out that the new Concept is aimed at improving the quality of historical education, and educational aspect of the history of citizenship and patriotism. The competence approach is the main requirement for the Federal state educational standard for primary, general and secondary (complete) education that is the basis for history as integrative and significant part of Russia's culture.

Returning to the historiographical assessments of Ivan IV, one should bear in mind the fact that this «difficult question» of Russia's history is formulated as «The role of

Ivan IV the Terrible, in Russian history: reforms and their price». In the Standard the fact is put forward into section II of «Russia in the XVI–XVII centuries from the Tsar of all the Russians». Now, we'll quote the explanatory note: «The inconsistency of this period of history was reflected in the years of the first Russian Tsar, Ivan the Terrible, when the Tsarist reign was of a despotic character. The strengthening of the monarchy and state centralization of the country contributed to the creation of a system of departments of the centralized management of orders, depending on the power of the Tsar. However, the monarchy co-existed with the caste institutions while periodically, since the middle of XVI century, convened the district councils and elected local authorities». Further on: «the complexity of solving domestic political problems was aggravated by the difficult geopolitical situation in which the Russian state existed in the XVI century. Having a success in the Eastern direction (the annexation of the Middle and Lower Volga region, Western Siberia), throughout this period the country was forced to keep most of its troops on the southern borders. At the same time, the country faced the combined opposition of its Western neighbors». At long last: «...the social and economic crisis generated by the long and unsuccessful Livonian war for the Baltic Sea became the reason for the beginning of enslavement of peasantry» [7. P. 23–24].

As for the work programme for teaching history it covers different aspects of «Russia in the XVI century, from the facts of Ivan's IV personality and his reforms of mid XVI century to Russia at the end of XVI century with the problem of oprichnina, its reasons and nature, oprichnina terror and the defeat of Novgorod and Pskov, Moscow executions of 1570, results and consequences of oprichnina. The price of Ivan's reforms» [Ibid. P. 25–26]. And there we see that, by the same token, the Concept contrasts oprichnina with all other reforms carried out in the reign of Ivan IV. It seems that its authors adhere to the briefly described concepts that explain the peculiarities of the rule of the first Russian Tsar, i.e. namely, the concept of «Two Ivans». But in the light of the Concept the latter fits in both the second concept («accelerated centralization»), and the third one («End of the World»). However, we should not forget that, first, in modern Russian historical science there are other historiographical concepts of the reign of Ivan IV in general sense, and its basic reform in particular. Second, it undoubtedly takes into account literary and artistic myths of Ivan IV the Terrible [19].

Conclusion

At the turning point of the 1990s–2000s, a socially significant conceptual innovation was a significant expansion of the concept of «education». Today, education is understood as everything that is aimed at changing attitudes and behaviors, as well as actions of people through the formation and development of new skills, abilities, algorithms for continuous personal development and self-improvement. Over the past twenty-five years in Novosibirsk region there has fundamentally changed the status of the social institute of the system of training and retraining of teachers in the modern socio-cultural space. The changes also affected the approach to the formation, development and implementation of additional professional educational programs. Personality-activity, communicative-discursive and reflective approaches have become the basic methodology of the system for cultural self-realization of a modern teacher. Along with educational services in the system of traditional «formal education», followed by a system of monitoring of educational results and obtaining a special document, a certificate of second higher education or a document on professional development or retraining, there are many ongoing changes in the organizational order within the «non-formal education», prevailing in the global humanitarian universe [20].

The adoption of Subject Concepts, educational programs and standards by the State is becoming a new milestone in the history of Russian education. The aim of further research is to actualize the problem of solving one of the difficult issues in Russia's history, identified in the Concept of a new educational and methodical complex on Russian history, developed in the Ministry of Education of the Russian Federation together with the Russian historical society, which caused a wide resonance of the historical and pedagogical community. The presentation of the authors' materials on the prospects of effective mastery of humanitarian knowledge, in particular, in the historical context, which concerns «difficult questions» of Russia's history also served for some conclusions of critical origin about the need for further research in the sphere of professional growth of teachers of the Humanities. It concerned, firstly, the aspect of cultural self-determination of the individual in the space of upgrading history teachers. The purpose of such research is further development of the subject component of professional training and the formation of a system of professional skills of teachers in the aspect of modern educational values.

REFERENCES

1. Russian Historical Society. (n.d.) *Kontseptsiya novogo uchebno-metodicheskogo kompleksa po otechestvennoy istorii* [The concept of a new educational and methodical complex on national history]. [Online] Available from: <http://rushistory.org/proekty/kontseptsiya-novogo-uchebno-metodicheskogo-kompleksa-po-otchestvennoj-istorii.html>. (Accessed: 4th June 2019).
2. Kostylev, V.I. (1992) *Ivan Groznyy* [Ivan the Terrible]. Vol. 2(2). Moscow: Pressa.
3. Tolstoy, A.N. (1960) *Sobranie sochineniy v desyati tomakh* [Collected Works in 10 vols]. Vol. 10. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 589–746.
4. Tolstoy, A.K. (1981) *Sobranie sochineniy v dvukh tomakh* [Collected Works in Two Volumes]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 6–134.
5. Vyazemsky, E.E. & Strelova, O.Yu. (2015) *Pedagogicheskie podkhody k realizatsii kontseptsii edinogo uchebnika po istorii* [Pedagogical approaches to the implementation of the concept of a single history textbook]. Moscow: Prosveshchenie.
6. Geftter, M. (2013) *Kontseptsiya novogo uchebno-metodicheskogo kompleksa po otechestvennoy istorii* [The concept of a new educational and methodical complex on national history]. [Online] Available from: <http://geftter.ru/archive/10162>. (Accessed: 4th June 2019).
7. Kommersant.ru. (2013) *Kontseptsiya novogo uchebno-metodicheskogo kompleksa po otechestvennoy istorii* [The concept of a new educational and methodical complex on national history]. [Online] Available from: <http://www.kommersant.ru/docs/2013/standart.pdf>. (Accessed: 4th June 2019).

8. Kallen, D. & Bengtsson, J. (1973) *Recurrent Education: Strategy for Lifelong Learning*. Organisation for Economic Cooperation and Development. Paris: Center for Education Research and Innovation.
9. Karamzin, N.M. (1989) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1842–1844 gg. v trekh knigakh s prilozheniem* [History of the Russian state. Reprint reproduction of the 1842–1844 edition in three books with the application]. Vol. 9–12. Moscow: Kniga.
10. Klyuchevsky, V.O. (1987) *Sochineniya: v 9 t.* [Works in 9 vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
11. Soloviev, S.M. (1989) *Sochineniya: v 18 kn.* [Works in 18 books]. Book 3. Moscow: Mysl'.
12. Soloviev, S.M. (n.d.) *Istoriya otnosheniy mezhdu russkimi knyaz'yami Ryurikova doma* [The history of relations between the Russian princes of Rurik's home]. [Online] Available from: http://dugward.ru/library/solovyevev_s_m/solovyevev_s_m_istoria_otnosheniy.html. (Accessed: 4th June 2019).
13. Danilevsky, I.N. (n.d.) *Lektsiya 22 – Ivan Groznyy* [Lecture 22 – Ivan the Terrible]. [Online] Available from: <https://statehistory.ru/1207/Lektsiya-22---Ivan-Groznyy--lektor---I-N--Danilevskiy->. (Accessed: 4th June 2019).
14. Kostylev, V.I. (1992) *Ivan Groznyy* [Ivan the Terrible]. Vol. 2(1). Moscow: Pressa.
15. Lermontov, M.Yu. (1975) *Stikhotvoreniya. Poemy* [Poems]. Moscow: Ekonomika.
16. Umbrashko, K.B. & Fedina, N.G. (2017) *“Trudnye voprosy” otechestvennoy istorii i varianty ikh resheniy* [“Difficult issues” of national history and options for their solutions]. Novosibirsk: NIPKiPRO.
17. Oleynikov, I.V., Umbrashko, K.B. & Fedina, N.G. (2018) *“Trudnye voprosy” istorii Rossii pervoy poloviny XX veka* [“Difficult issues” of the history of Russia in the first half of the 20th century]. Novosibirsk: NIPKiPRO.
18. Oleynikov, I.V., Solovieva, E.A., Umbrashko, K.B. & Fedina, N.G. (2018) *Reshenie “trudnykh voprosov” istoriko-kul'turnogo standarta kak mekhanizm modernizatsii soderzhaniya predmeta v ramkakh realizatsii kontseptsii novogo UMK po otechestvennoy istorii* [Decision of “difficult issues” of the historical and cultural standard as a mechanism for modernizing the content of a subject in the framework of implementing the concept of the UMC on Russian History]. Novosibirsk: NIPKiPRO.
19. Shcherbatov, M.M. (1770–1791) *Istoriya Rossiyskaya ot drevneyshikh vremen: v 7 t.* [History of Russia from Ancient Times: In 7 vols]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
20. Bulankina, N.E. & Umbrashko, K.B. (2018) Regional history in the formation and development of the personality of students. *Sibirskiy uchitel'*. 1(116). pp. 69–74.

Umbrashko Konstantin B. Novosibirsk Institute of Professional Skills Improvement & Vocational Retraining of Education Workers (Novosibirsk, Russia). E-mail: hitstorian09@mail.ru

Bulankina Nadezhda E. Novosibirsk Institute of Professional Skills Improvement & Vocational Retraining of Education Workers (Novosibirsk, Russia). E-mail: NEBN@yandex.ru

К.Б. Умбрашко, Н.Е. Буланкина

ИВАН IV ГРОЗНЫЙ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ МИФ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ СТАНДАРТЕ

Ключевые слова: историография; литературный миф; Иван IV; российские реформы; предметные концепции; Историко-культурный стандарт (ИКС).

Целью данного исследования является историографическая и литературоведческая актуализация одного из «трудных вопросов» русской истории, обозначенных в Историко-культурном стандарте (ИКС), который является частью Концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. Этот вопрос звучит так: «Роль Ивана IV Грозного в Российской истории: реформы и их цена». Источниковая база, на которую опирается данное авторское исследование, представлена историографическими и литературно-художественными источниками. Это сочинения М.М. Щербатова («История Российская от древнейших времен»), Н.М. Карамзина («История государства Российского»), С.М. Соловьева («История России с древнейших времен»), «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома», В.О. Ключевского («Курс русской истории», «Афоризмы и мысли об истории»), М.Ю. Лермонтова, А.К. Толстого, А.Н. Толстого, В.И. Костылева. Кроме того, использованы учебные и методические источники. В ходе исследования были выделены следующие позиционные линии. В последние десятилетия в отечественной историографии особенно популярной стала тема реформ эпохи Ивана IV как в узком смысле (реформирование в период правления самого Ивана IV), так и в широком смысле (связь реформ Ивана IV с российскими реформами других эпох). В отечественной исторической науке реформы Ивана IV активно обсуждались с XVIII в. Историки и публицисты предложили несколько концепций, объясняющих особенности характера и правления первого русского царя. В их основе лежит соотношение оценки опричнины и других реформ Ивана IV (реформы «Избранной Рады»): «два Ивана», «ускоренная централизация», «Конец Света». Эти концепции должны были повлиять на текст ИКС. В данной статье авторы приходят к выводу, что ИКС противопоставляет опричнину всем остальным реформам, проводимым в эпоху Ивана IV. Авторы Историко-культурного стандарта в объяснении особенностей правления первого русского царя и его реформаторской деятельности придерживаются в основном концепции «двух Иванов». Но в его логику вписываются и концепция «ускоренной централизации», и концепция «Конец Света». В современной отечественной исторической науке существуют и иные историографические концепции правления Ивана IV в целом, его опричной реформы и реформ «Избранной Рады» в частности. Кроме того, ИКС, несомненно, учитывает литературно-художественные мифы об Иване IV Грозном.

ЛИТЕРАТУРА

1. Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. URL: <http://rushistory.org/proekty/kontseptsiya-novogo-uchebno-metodicheskogo-kompleksa-po-otechestvennoy-istorii.html> (дата обращения: 04.06.2019).
2. Костылев В.И. Иван Грозный : роман : в 2 т. М. : Пресса, 1992. Т. 2, кн. 2. 640 с.
3. Толстой А.Н. Собрание сочинений : в 10 т. М. : Худож. лит., 1960. Т. 10: Пьесы. Иван Грозный. 790 с.
4. Толстой А.К. Собрание сочинений : в 2 т. М. : Худож. лит., 1981. Т. 2: Драматические произведения. Смерть Иоанна Грозного : трагедия в пяти действиях. Статьи. 790 с.
5. Вяземский Е.Е., Стрелова О.Ю. Педагогические подходы к реализации концепции единого учебника по истории : пособие для учителей общеобразовательных организаций. М. : Просвещение, 2015. 78 с.
6. Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. URL: <http://geftr.ru/archive/10162> (дата обращения: 04.06.2019).
7. Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. URL: <http://www.kommersant.ru/docs/2013/standart.pdf> (дата обращения: 04.06.2019).
8. Kallen D., Bengtsson J. *Recurrent Education: Strategy for Lifelong Learning*. Organisation for Economic Cooperation and Development. Paris : Center for Education Research and Innovation, 1973. 88 p.

9. Карамзин Н.М. История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 гг. : в 3 кн. с прилож. М. : Книга, 1989. Кн. III, т. 9–12.
10. Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. / послесл. и коммент. сост. В.А. Александров, В.Г. Зими́на. М. : Мысль, 1987. Т. 2: Курс русской истории, ч. 2. 447 с.
11. Соловьев С.М. Сочинения : в 18 кн. / отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М. : Мысль, 1989. Кн. III: История России с древнейших времен, т. 5–6 783 с.
12. Соловьев С.М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. URL: http://dugward.ru/library/solovyev_s_m/solovyev_s_m_istoria_otnosheniy.html (дата обращения: 04.06.2019).
13. Данилевский И.Н. Лекция 22: Иван Грозный. URL: <https://statehistory.ru/1207/Lektsiya-22---Ivan-Groznyy--lektor---I-N--Danilevskiy> (дата обращения: 04.06.2019).
14. Костылев В.И. Иван Грозный : роман : в 2 т. М. : Пресса, 1992. Т. 2, кн. 1. М. : Пресса, 1992. 640 с.
15. Лермонтов М.Ю. Стихотворения. Поэмы. М. : Экономика, 1975. 335 с.
16. Умбрашко К.Б., Федина Н.Г. «Трудные вопросы» отечественной истории и варианты их решений : учеб.-метод. пособие. Новосибирск : Изд-во НИПКиПРО, 2017. 108 с.
17. Олейников И.В., Умбрашко К.Б., Федина Н.Г. «Трудные вопросы» истории России первой половины XX века / под ред. А.В. Запороженко : учеб.-метод. пособие. Новосибирск : Изд-во НИПКиПРО, 2018. 184 с.
18. Олейников И.В., Соловьева Е.А., Умбрашко К.Б., Федина Н.Г. Решение «трудных вопросов» Историко-культурного стандарта как механизм модернизации содержания предмета в рамках реализации Концепции нового УМК по отечественной истории : учеб. пособие. Новосибирск : Изд-во НИПКиПРО, 2018. 156 с.
19. Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен : в 7 т. СПб. : При Императорской Академии наук, 1770–1791.
20. Bulankina N.E., Umbrashko K.B. Regional history in the formation and development of the personality of students [Региональная история в становлении и развитии личности обучающихся] // Сибирский учитель : науч.-метод. журнал. 2018. № 1 (116). С. 69–74.

УДК 930/94(47).08
DOI: 10.17223/19988613/60/24

А.Н. Худолеев

ОЦЕНКИ НАУЧНОЙ КОНЦЕПЦИИ Д.И. ИЛОВАЙСКОГО В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ

Рассматриваются оценки научной теории Д.И. Иловайского в отечественной дореволюционной исторической периодике. Выделяется несколько ключевых моментов в подходах к историческим взглядам Д.И. Иловайского в указанный период. Анализируются объективность и аргументированность позиций авторов. Делаются выводы о признании исторической концепции Д.И. Иловайского научным сообществом, несмотря на критику отдельных ее положений, и о значении данного историка в деле развития отечественной исторической мысли.

Ключевые слова: Дмитрий Иванович Иловайский; историческая мысль; антинорманизм; дореволюционная историография.

Д.И. Иловайский является знаковой фигурой для отечественной исторической мысли, оставившей в ней глубокий след. Будучи убежденным противником норманнской теории, Дмитрий Иванович на протяжении всей своей научной деятельности доказывал ее антинаучность и несостоятельность. Яркая, образная, острая полемическая манера московского историка вызывала неоднозначное отношение к нему. Ни одна из крупных работ Д.И. Иловайского не осталась без внимания коллег по ремеслу: как сторонников, так и противников его точки зрения. Рецензии на выходившие труды Д.И. Иловайского неоднократно публиковались в ведущих дореволюционных исторических журналах – «Русском архиве», «Русской старине», «Историческом вестнике», «Киевской старине».

Старшим из них был «Русский архив», образованный в 1863 г. при публичной Чертковской библиотеке. С этим изданием Д.И. Иловайский долгие годы тесно и плодотворно сотрудничал. В начале 1870-х гг. состоялся краткий, но во многом символический обмен мнениями между Д.И. Иловайским и столпом норманизма М.П. Погодиным. Поводом стала небольшая заметка М.П. Погодина, напечатанная в «Русском архиве», в которой один из корифеев отечественной исторической науки XIX в. сетовал, что нынешнее поколение историков легко и не всегда оправданно отказывается от устоявшихся традиций. В особенности это касается русской древности. Михаил Петрович считал, что не стоит в данном вопросе заниматься «сизифовым трудом», так как «все наши древние до управления, до гражданского устройства относящиеся слова, суть норманнские, в чем я вижу и одно из крепких доказательств норманнского происхождения ворягов-руси...» [1. С. 439].

Замечание М.П. Погодина не было оставлено Д.И. Иловайским без внимания, тем более что в заметке указывалась его фамилия. Дмитрий Иванович не ограничился только лишь риторическим вопросом: «Неужели скандинавская теория Байеров и Шлецеров так дорога нашему сердцу, что мы не можем относиться спокойно к ее отрицанию?» [2. С. 440]. Он выдвинул ряд положений, суть которых сводилась к следующему:

1) русь и варяги – два разных народа; 2) русь – туземное, славянское племя; 3) русь исконно обитала в южной России; 4) русь была известна у античных писателей под именем роксалан; 5) призвание Рюрика с братьями – это легенда [3. С. 0432]. Последний пункт был для Д.И. Иловайского особенно принципиальным, поскольку «никакая бродячая шайка – все равно домашняя или пришедшая из-за моря – не могла объединить (да еще притом в короткое время) и крепко сплотить в одно политическое тело многочисленные племена, расселившиеся на равнинах Восточной Европы, дать им единство не только политическое, но и национальное. Это не в порядке вещей» [4. С. 664–665].

М.П. Погодин ответил Д.И. Иловайскому. Правда, в журнале М.Н. Каткова «Русский вестник», который не являлся историческим. Тем не менее, думается, небезынтересно будет ознакомиться с его контраргументами. М.П. Погодин последовательно разбирал каждый из пунктов, приведенных Д.И. Иловайским. Михаил Петрович считал, что варяги и русь являлись родственными племенами; следовательно, русь не могла быть славянским племенем; русь – народ северный и на юге никогда не живший. Первые три тезиса Д.И. Иловайского М.П. Погодин опровергал с помощью выдержек из «Повести временных лет» [5. С. 8, 10, 16, 149, 336]. Однако для Д.И. Иловайского такие доказательства не могли быть серьезными, потому что он относился к «Повести...» как к сказанию, полному мифов, выдумок и домыслов. Тезис Д.И. Иловайского о роксалах М.П. Погодин особо разбирать не стал, заметив, что «об этом рассуждать, ей Богу, и стыдно и совестно» [6. С. 427]. По мнению Михаила Петровича, рассуждая о роксалах, Д.И. Иловайский всего лишь возрождает забытую концепцию хазарского происхождения Руси И.Ф.Г. фон Эверса, давно разбитую как им самим [7], так и чешским славистом П.И. Шафариком [8]. Относительно пятого пункта М.П. Погодин назвал мнение Д.И. Иловайского бездоказательным и попросил представить аргументы в пользу отрицания призвания варягов. К сожалению, М.П. Погодин скончался в декабре 1875 г., незадолго до выхода в свет обширного исследования Д.И. Иловайского «Рассуждения о начале

Руси. Вместо введения в русскую историю», где доказательств было предостаточно. В заключение Михаил Петрович призвал Д.И. Иловайского и будущее поколение историков оставить набившую оскомину тему «варяжских задов» и заняться «чем-нибудь пополезнее» [6. С. 428].

Позицию Д.И. Иловайского по норманнскому вопросу полностью поддерживало руководство «Русского архива» в лице основателя, издателя и редактора журнала П.И. Бартенева и его сына, выпускника историко-филологического факультета Московского университета Ю.П. Бартенева. На наш взгляд, во многом это обуславливалось схожестью их политического кредо. Как и Д.И. Иловайский, отец и сын Бартеневы были убежденными монархистами, членами монархической организации «Союз русских людей». Безапелляционная национал-патриотическая парадигма «Истории России» импонировала им. Ю.П. Бартенев (печатался под псевдонимом «Ю.Б.») подчеркивал, что Д.И. Иловайский успешно противостоит либеральной историографии, несмотря на критику или замалчивание его трудов. Рецензент отметил также любовь Д.И. Иловайского к обширным и информативным примечаниям, в которых содержатся не только указания на первоисточники и новейшие исследования, но и критика их значения. Примечания настолько тщательно проработаны, что «иные из них могли бы обратиться в отдельные самостоятельные исторические исследования» [9. С. 528]. С сыном был солидарен и П.И. Бартенев (печатался под псевдонимом «П.Б.»), констатирующий, что «по этим указаниям желающий может писать отдельные исследования о лицах и событиях», например в царствование Алексея Михайловича» [10. С. 481].

Еще одним историческим изданием, с которым Д.И. Иловайский долгие годы тесно сотрудничал, был журнал М.И. Семецкого «Русская старина». В его состав входил специальный библиографический раздел, где публиковались рецензии на новинки русской исторической литературы. Продолжительное время библиографический раздел вел профессор, декан историко-филологического факультета Императорского университета Св. Владимира, председатель Киевского общества летописца Нестора, автор фундаментального труда «Опыт русской историографии» В.С. Иконников (печатался под псевдонимом «В.И.»). В.С. Иконников не оставлял без внимания труды Д.И. Иловайского, в особенности выпуски «Истории России». Антинорманская позиция автора ему нравилась. Владимир Степанович поддержал точку зрения Д.И. Иловайского, что легенда о призвании варягов появилась не ранее XI–XII вв. «под влиянием позднейших сношений с ними (при Владимире, Ярославе и др.) и родственных связей русских князей норманнскими государями» [11. Об. 9 вып.]. По мнению рецензента, удачное сочетание простоты изложения, художественности образов и научно-исследовательского стержня обеспечивают популярность работам Д.И. Иловайского среди читающей аудитории. В.С. Иконников был солидарен с Дмитрием Ивановичем в оценке «татищевских известий» (речь идет об имевшейся у В.Н. Татищева копии Иоакимовской летописи, затем утерянной, вызвавшей

неоднозначное отношение среди историков разных поколений как Василию Никитичу, так и к его труду [12]), считая их объективными [13. Об. 7 вып.]. Как и отец и сын Бартеневы, В.С. Иконников отметил фундаментальный характер примечаний, которые, «кроме ссылок и указаний на литературу, представляют и исследование некоторых частных вопросов» [14. Об. 1 вып.].

Вместе с тем, отзываясь на третий том «Истории России», В.С. Иконников высказал и ряд замечаний. На его взгляд, «почтенный автор» переоценил силу Московского государства времени Ивана IV, считая, что тогда был реальный шанс легко захватить не только Ливонию, но и Крым, неверно трактовал обширную переписку Ивана IV простой страстью к сочинительству и графоманству, тогда как некоторые из посланий царя стоят вровень с лучшими западноевропейскими образцами, однобоко описал историю смерти в Угличе царевича Дмитрия, не привлекая найденные и обнаруженные в последнее время материалы, особенно известия современников событий [15. Об. 1 вып.].

Труды Д.И. Иловайского вызвали интерес со стороны Н.И. Костомарова. Несмотря на перенесенную в 1875 г. тяжелую болезнь (сыпной тиф) и частичную потерю зрения, Николай Иванович внимательно отнесся к исследованиям более молодого коллеги и союзника по антинорманскому лагерю. Поддерживая Д.И. Иловайского, Н.И. Костомаров как бы вновь возвращался к перипетиям достопамятной дискуссии с М.П. Погодиным 19 марта 1860 г. [16]. Он отметил несомненную правоту Д.И. Иловайского в вопросах мифичности существования Рюрика, легендарности сказаний о киевском князе Олеге и крещении в Византии княгини Ольги, благодаря чему «становится яснее и правильнее великое событие крещения Руси, которое в прежних “историях” затемнялось принятием на веру сказок, занесенных в нашу первоначальную летопись» [17. С. 162–163]. К мнению московского историка Николай Иванович добавил несколько своих соображений. Летописные известия о присутствии варягов на Руси ранее правления Владимира Святого он считал путанными народными преданиями в силу отсутствия письменных доказательств данного факта. Относительно легенды о призвании Рюрика Н.И. Костомаров не соглашался с Д.И. Иловайским, считавшим, что она появилась из-за поисков князей своей родословной. На его взгляд, в легенде ключевую роль играл образ призванного князя, а «призвание князей было в большом распространении на Руси с конца XI в. и особенно в Новгороде; оно могло свидетельствовать скорее об умалении княжеской власти, зависевшей от народа, чем о ее высоте, и едва ли высокомерие какого бы ни было князя могло повести к измышлению этой сказки» [Там же. С. 164].

В отличие от «Русского архива» и «Русской старины», журнал А.С. Суворина и С.Н. Шубинского «Исторический вестник» Д.И. Иловайский своим вниманием не жаловал, рассматривая его более как литературный, чем научный. За весь период существования издания (с 1880 по 1917 г.) Дмитрий Иванович опубликовал в нем только две статьи. Тем не менее рецензии на его

работы печатались в «Историческом вестнике» регулярно. В частности, один из отзывов написал К.Н. Бестужев-Рюмин. По мнению Константина Николаевича, труды Д.И. Иловайского помогают восполнить «недостаток художественного, общедоступного изложения русской истории, согласно требованиям современной исторической науки» [18. С. 399]. Работая над магистерской диссертацией по истории Рязанского княжества, Д.И. Иловайский пешком прошел всю Рязанскую губернию для того, чтобы своими глазами увидеть описываемую территорию и памятники старины. Не отошел он от этой традиции и при подготовке материалов ко второй части первого тома «Истории России». Дмитрий Иванович осмотрел многие архитектурные памятники Владимиро-Суздальского княжества, считая древнерусскую культуру знаковыми образами прошлого. В результате «еще никогда в общих сочинениях русское искусство не занимало такого почтенного места» [Там же. С. 400]. К.Н. Бестужев-Рюмин неслучайно отметил данный момент, поскольку сам активно проповедовал историко-культурный подход. Рецензент попенял Д.И. Иловайскому только за то, что тот, будучи уверенным в правдивости «известий Татищева», некритически их воспроизводил.

Значительное внимание научным взглядам Д.И. Иловайского уделил историк и писатель Е.П. Карнович (печатался под псевдонимом «К.Н.В.»). Кроме несомненной заслуги в новаторской разработке вопроса о варягах, Е.П. Карнович отмечал также литературный талант Д.И. Иловайского, изложение которого, «не страдая ни сухостью, ни растянутостью, отличается, напротив, достаточной живостью...» [19. С. 455]. Далее рецензент перешел к замечаниям, которые в целом сводились к следующим пунктам: 1) термин «Малороссия» нельзя применять к XIV в., так как он появился не ранее XVII в.; 2) великорусский народ не тяготел к Москве, государственному единству и дисциплине. Наоборот, по мнению Е.П. Карновича, данные принципы вводились насильственным путем по образу монголо-татар, а Москва – главный «проводник татарщины и в государственную и в народную нашу жизнь» [Там же. С. 460]; 3) вопреки утверждению Д.И. Иловайского, он не является пионером в деле изучения истории литовской Руси в контексте русской истории. Еще в 1838 г. это попытался сделать предшественник Дмитрия Ивановича в монополии на школьные учебники Н.Г. Устрялов [20].

Наряду с известными специалистами редакция «Исторического вестника» считала уместным привлекать к рецензированию научных трудов студентов. Так, третий том «Истории России» оценил студент историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета В.Ф. Боцяновский (печатался под псевдонимом «В.Б.»). Он строго и критично отнесся к работе доктора русской истории. На взгляд В.Ф. Боцяновского, очередной труд Д.И. Иловайского хотя и «обработан автором так тщательно, написан так живо, что в этом отношении нельзя желать ничего лучшего», однако отстал от требований современной науки и не может служить примером достижения научных знаний [21. С. 252]. Данное мнение подкреплялось рядом претензий:

1) Д.И. Иловайский необоснованно назвал период правления Ивана IV «татарщиной»; 2) в оценке Б.Ф. Годунова московский историк повторяет Н.М. Карамзина, не привносит в оценку этой личности ничего нового, только несколько сглаживает остроту и резкость обвинений; 3) говоря об истоках смутного времени, Дмитрий Иванович проигнорировал исследование С.Ф. Платонова [22]. Необращение внимания на публикацию магистерской диссертации молодого С.Ф. Платонова особенно задело В.Ф. Боцяновского, было воспринято как оскорбление представителя петербургской исторической школы, потому что «г. Иловайский» посмел пройти мимо фундаментального труда «г. Платонова, как будто бы его даже не существовало» [Там же. С. 253].

Не остался в стороне от оценок научной концепции Д.И. Иловайского и специфичный историко-этнографический журнал «Киевская старина». Украинские историки сочувственно относились к антинорманской теории Дмитрия Ивановича и в целом ее поддерживали. Не случайно еще в 1865 г. Д.И. Иловайского звали на кафедру русской истории Киевского университета св. Владимира [23. С. 102]. На страницах «Киевской старины» было опубликовано несколько рецензий, как правило, носивших положительный характер. Так, доктор богословия, профессор Киевской духовной академии Н.И. Петров (печатался под псевдонимом «Н.П.») отмечал правоту Д.И. Иловайского в его споре с норманистами о названиях днепровских порогов, которые встречаются в трактате византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей». Н.И. Петров встал на сторону Дмитрия Ивановича в объяснении этих названий славянским, а не скандинавским языком, сетуя только на то, что московский ученый для подтверждения своей позиции «не хочет воспользоваться и археологическими доказательствами исконного существования русских славян на нынешнем юге России» [24. С. 557].

Будущий профессор Киевского университета, а в момент написания рецензии его приват-доцент П.В. Голубовский поддержал точку зрения Д.И. Иловайского о несостоятельности летописного повествования о призвании варягов, поскольку «...если об этом говорит лишь летопись и надо еще доказать, что ее известия не легендарные, то историк не имеет права утверждать, что призвание есть действительный факт» [25. С. 346]. П.В. Голубовский считал, что продуктивным в полемике между норманистами и антинорманистами было бы решение вопроса о том, как образовалась легенда о призвании варягов и почему в нее попали скандинавские имена. Кроме того, П.В. Голубовский согласился с мнением Д.И. Иловайского о неверности теории образования русского государства, предложенной В.О. Ключевским, о гадательном характере точки зрения переселения славян с Карпат к Днепру и несостоятельности концепции происхождения боярства, предложенной преподавателем истории Императорского Александровского лицея Е.А. Беловым [26].

В свою очередь, выпускник исторического отделения Киевского университета, а затем начальник канцелярии генерал-губернатора Юго-Западного края Н.В. Молчановский (печатался под псевдонимом

«Н.М.») отметил большую начитанность Д.И. Иловайского, его трудолюбие, способность к глубокому анализу, ясность изложения. По его мнению, в полемике с оппонентами Д.И. Иловайский «ставит пункт разногласия резко, не щадит противников, но всегда готов согласиться с разумными возражениями; тон его полемики резок, но без грубости, упорен, но без упрямства, и, за редкими исключениями, приличен и направлен на существо дела, а не на побочные и личные обстоятельства» [27. С. 109].

Подводя итог оценкам научной концепции Д.И. Иловайского в дореволюционных отечественных исторических журналах, можно сделать следующие выводы.

Основными темами при рассмотрении работ ученого были его убежденный антинорманизм, фундаментальность исследований, литературный талант, своевременность появления многотомной «Истории России». Критические замечания, как правило, носили частный, дискуссионный характер, за исключением принципиальной позиции по норманнскому вопросу М.П. Погодина. Труды Д.И. Иловайского постоянно находились в центре внимания научной общественности. Следствием интереса являлись отзывы в исторической периодике, изучение которых позволяет внести лепту в проблему осмысления значения и роли Д.И. Иловайского в отечественной исторической науке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Погодин М.П. Подарок из Скандинавии (письмо к издателю) // Русский архив. 1872. Т. 18, вып. 1–4. С. 438–440.
2. Замечание Д.И. Иловайского // Русский архив. 1872. Т. 18, вып. 1–4. С. 440.
3. Иловайский Д.И. Ответ Погодину // Русский архив. 1873. Т. 21, вып. 1–6. С. 0431–0432.
4. Иловайский Д.И. К вопросу о летописи и начале Руси // Русский архив. 1873. Т. 21, вып. 1–6. С. 654–666.
5. Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб. : Наука, 1996. 668 с.
6. Погодин М.П. На замечание г. Иловайского // Русский вестник. 1873. Т. 104. С. 424–428.
7. Погодин М.П. О происхождении Руси. Историко-критические рассуждения. М. : Университетская типография, 1825. 176 с.
8. Шафарик П.Й. Славянские древности. 2-е изд., испр. М. : Университетская типография, 1847. Т. 1, кн. 2. 436 с.
9. Ю.Б. История России. Сочинение Д.И. Иловайского. Том IV, выпуск 2. Эпоха Михаила Федоровича Романова. М., 1899 // Русский архив. 1899. Т. 98, вып. 1–4. С. 368, 528.
10. П.Б. История России. Сочинение Д.И. Иловайского. Том V. Алексей Михайлович и его ближайшие преемники. М., 1905 // Русский архив. 1905. Т. 118, вып. 5–8. С. 481, 607.
11. В.И. История России. Сочинение Д.И. Иловайского. Ч. I. Киевский период. М., 1876 // Русская старина. 1876. Т. 17, вып. 9–12. Об. 9 вып.
12. Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М. : Новое литературное обозрение ; Киев : Критика, 2005. 544 с.
13. В.И. История России. Сочинение Д.И. Иловайского. Ч. II. Владимирский период. М., 1880 // Русская старина. 1880. Т. 28, вып. 5–8. Об. 6 вып.; Об. 7 вып.
14. В.И. История России. Сочинение Д.И. Иловайского. Т. II. Московско-литовский период или собиратели Руси. М., 1884 // Русская старина. 1885. Т. 45, вып. 1–3. Об. 1 вып.
15. Иконников В.И. История России. Сочинение Д.И. Иловайского. Т. III. Московско-царский период. Первая половина или XVI в. М., 1890 // Русская старина. 1891. Т. 69, вып. 1–3. Об. 1 вып.
16. Диспут Погодина с Костомаровым о происхождении Руси // Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1903. Кн. 17. С. 272–295.
17. Костомаров Н.И. История России. Сочинение Д.И. Иловайского. Ч. I. Киевский период. М., 1876. Разыскания о начале Руси. Сочинение Д.И. Иловайского. М., 1876 // Русская старина. 1877. Т. 18, вып. 1–4. С. 159–170.
18. Бестужев-Рюмин К.Н. История России. Сочинение Д.И. Иловайского. Ч. 2. Владимирский период. М., 1880 // Исторический вестник. 1880. Т. 3. С. 399–401.
19. К.Н.В. История России. Сочинение Д.И. Иловайского. Том II. М., 1884 // Исторический вестник. 1885. Т. 20. С. 455–463.
20. Устрялов Н.Г. Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское? : сочинение Н. Устрялова, читанное на торжественном акте, в Главном педагогическом институте, 30 дек. 1838 г. СПб. : тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1839. 42 с.
21. В.Б. История России. Сочинение Д.И. Иловайского. Том III. Московско-царский период. Первая половина или XVI век. М., 1890 // Исторический вестник. 1891. Т. 43. С. 251–255.
22. Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник. СПб. : тип. В.С. Балашева, 1888. 372 с.
23. Языков Д.Д. Учено-литературная деятельность Д.И. Иловайского (по поводу юбилея) // Исторический вестник. 1884. Т. 15. С. 100–106.
24. Н.П. Разыскания о начале Руси. Д.И. Иловайского, издание второе, исправленное и дополненное, с присоединением вопроса о гуннах. М., 1882 // Киевская старина. 1882. № 9. С. 556–558.
25. Голубовский П.В. Дополнительная полемика по вопросам варяго-русскому и гунно-болгарскому. Д.И. Иловайского. М., 1886 // Киевская старина. 1886. № 6. С. 345–347.
26. Белов Е.А. Об историческом значении русского боярства до конца XVII века // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 243. С. 68–127; 233–305.
27. Н.М. Исторические сочинения Д.И. Иловайского. Часть вторая. 1859–1897 М., 1897 // Киевская старина. 1897. № 6. С. 108–111.

Khudoleev Aleksey N. Novokuznetsk Institute (branch) of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russia). E-mail: khudoleev73@mail.ru

THE ESTIMATES OF THE SCIENTIFIC CONCEPT OF D.I. ILOVAISKY IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIAN HISTORICAL JOURNALS

Keywords: Dmitry Ivanovich Ilovaisky; historical thought; antinormanism; pre-revolutionary historiography.

Dmitry Ivanovich Ilovaisky was a famous scholar, historian and educationalist of Pre-Revolutionary Russia. A bright and profound polemist, a talented scholar, an anti-Normanist, a committed royalist, an author of many textbooks in Russian and world history for high schools. Surely, such an extraordinary person attracted attention of other historians. D.I. Ilovaisky's scientific outlooks were often evaluated and discussed. This was particularly evident in the reviews of his historical works, especially of the issues of "The History of

Russia" published in the second half of the XIX – early XX centuries. The aim of the present paper is to analyze the assessments given to the historical outlooks of D.I. Ilovaisky in Pre-Revolutionary Russian historical periodicals, and show D.I. Ilovaisky's contribution to the Russian historical thought of the second half of the XIX - early XX centuries. The author studied the reviews of D.I. Ilovaisky's works written by such prominent scholars as M.P. Pogodin, V.I. Ikonnikov, N.I. Kostomarov, K.N. Bestuzhev-Ryumin, P.V. Golubovsky, E.V. Karnovich and others. The reviews were published in all the leading historical periodicals of those days ("The Russian Archive", "The Russian Antiquity", "The Historical Journal", "The Kievan Antiquity"). Quite symbolic was a brief dispute between the two scholars of the opposite views – a Normanist M.P. Pogodin and an anti-Normanist D.I. Ilovaisky. The dispute revealed the historical implacability of these diametrically opposed points of view. The reviewers repeatedly pointed one particular feature of D.I. Ilovaisky's works and of "The History of Russia" in particular, that is the abundance of notes consisting of links to literature cited, and of fundamental historiographic analysis. Another interesting feature of D.I. Ilovaisky's methodology pointed out in the reviews is the desire to see with his own eyes the historic area and the monuments of the past described. This, according to D.I. Ilovaisky, helped better understanding of the material and the studied period of Russian history. The author makes a conclusion that main attention was paid to D.I. Ilovaisky's anti-Normanist views, his views on various events in Russian history, representativeness of his reference sources, argumentativeness and fundamentality of conclusions made. The reviews were mainly positive, with some private criticism. On the whole, these reviews clearly outline the role and place of D.I. Ilovaisky in Russian historical studies of the second half of the XIX – early XX centuries.

REFERENCES

1. Pogodin, M.P. (1872) Podarok iz Skandinavii (Pis'mo k izdatel'nyu) [Gift from Scandinavia (Letter to the publisher)]. *Russkiy arkhiv*. 1-4. pp. 438–440.
2. Ilovayskiy, D.I. (1872) Zamechanie D.I. Ilovayskogo [D.I. Ilovaisky's remark]. *Russkiy arkhiv*. 1-4. p. 440.
3. Ilovayskiy, D.I. (1873a) Otvet Pogodinu [The reply to Pogodin]. *Russkiy arkhiv*. 1-6. pp. 0431–0432.
4. Ilovayskiy, D.I. (1873b) K voprosu o letopisi i nachale Rusi [On the chronicle and the origin of Russia]. *Russkiy arkhiv*. 1-6. pp. 654–666.
5. Adrianova-Peretts, V.P. (ed.) (1996) *Povest' vremennykh let po Lavrent'evskoy letopisi 1377 g.* [Tale of Bygone Years in the Laurentian Chronicle of 1377]. 2nd ed. St. Petersburg: Nauka.
6. Pogodin, M.P. (1873) Na zamechanie g. Ilovayskogo [On the remark of Ilovaisky]. *Russkiy vestnik*. 104. pp. 424–428.
7. Pogodin, M.P. (1825) *O proiskhozhdenii Rusi. Istoriko-kriticheskie rassuzhdeniya* [About the origin of Russia. Historical-critical reflections]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
8. Shafarik, P.I. (1847) *Slavyanskije drevnosti* [The Slavic Antiquities]. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
9. Yu.B. (1899) Istoriya Rossii. Sochinenie D.I. Ilovayskogo [The history of Russia. The work by D.I. Ilovaisky]. *Russkiy arkhiv*. 1-4. pp. 368, 528.
10. P.B. (1905) Istoriya Rossii. Sochinenie D.I. Ilovayskogo [The history of Russia. The work by D.I. Ilovaisky]. *Russkiy arkhiv*. 5-8. pp. 481, 607.
11. V.I. (1876) Istoriya Rossii. Sochinenie D.I. Ilovayskogo [The history of Russia. The work by D.I. Ilovaisky]. *Russkaya starina*. 9-12.
12. Tolochko, A.P. (2005) "Istoriya Rossiyskaya" Vasilija Tatishcheva: istochniki i izvestiya ["History of Russia" by Vasily Tatishchev: sources and news]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; Kyiv: Kritika.
13. V.I. (1880) Istoriya Rossii. Sochinenie D.I. Ilovayskogo [The history of Russia. The work by D.I. Ilovaisky]. *Russkaya starina*. 5-8.
14. V.I. (1884) Istoriya Rossii. Sochinenie D.I. Ilovayskogo [The history of Russia. The work by D.I. Ilovaisky]. *Russkaya starina*. 1-3.
15. Ikonnikov, V.I. (1891) Istoriya Rossii. Sochinenie D.I. Ilovayskogo [The history of Russia. The work by D.I. Ilovaisky]. *Russkaya starina*. 1-3.
16. Barsukov, N.P. (1903) *Zhizn' i trudy M.P. Pogodina* [The life and works of M.P. Pogodin]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich. pp. 272–295.
17. Kostomarov, N.I. (1877) Istoriya Rossii. Sochinenie D.I. Ilovayskogo [The history of Russia. The work by D.I. Ilovaisky]. *Russkaya starina*. 1-4. pp. 159–170.
18. Bestuzhev-Ryumin, K.N. (1880) Istoriya Rossii. Sochinenie D.I. Ilovayskogo [The history of Russia. The work by D.I. Ilovaisky]. *Istoricheskiy vestnik*. 3. pp. 399–401.
19. K.N.V. (1885) Istoriya Rossii. Sochinenie D.I. Ilovayskogo [The history of Russia. The work by D.I. Ilovaisky]. *Istoricheskiy vestnik*. 20. pp. 455–463.
20. Ustryalov, N.G. (1839) *Issledovanie voprosa, kakoe mesto v russkoy istorii dolzhno zanimat' Velikoe knyazhestvo Litovskoe? Sochinenie N. Ustryalova, chitannoe na torzhestvennom akte, v Glavnom pedagogicheskom institute, 30 dek. 1838 g.* [The research on the role of the Grand Duchy of Lithuania in Russian history]. St. Petersburg: Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag.
21. V.B. (1891) Istoriya Rossii. Sochinenie D.I. Ilovayskogo [The history of Russia. The work by D.I. Ilovaisky]. *Istoricheskiy vestnik*. 43. pp. 251–255.
22. Platonov, S.F. (1888) *Drevnerusskie skazaniya i povesti o smutnom vremeni XVII veka, kak istoricheskiy istochnik* [The Old Russian legends and stories about the Troubled times of the 17th century as a historical source]. St. Petersburg: V.S. Balashev.
23. Yazykov, D.D. (1884) Ucheno-literaturnaya deyatel'nost' D.I. Ilovayskogo (Po povodu yubileya) [D.I. Ilovaisky's research and literary activity (on the anniversary)]. *Istoricheskiy vestnik*. 15. pp. 100–106.
24. N.P. (1882) Razyskaniya o nachale Rusi. D. Ilovayskogo [The search on the origin of Russia by D. Ilovaisky]. *Kievskaya starina*. 9. pp. 556–558.
25. Golubovsky, P.V. (1886) Dopolnitel'naya polemika po voprosam varyago-russkomu i gunno-bolgarskomu. D. Ilovayskogo [The additional debate on the issues of Varangian-Russian and the Hun-Bulgarian. D. Ilovaisky]. *Kievskaya starina*. 6. pp. 345–347.
26. Belov, E.A. (1886) Ob istoricheskom znachenii russkogo boyarstva do kontsa XVII veka [On the historical significance of the Russian boyars until the end of the 17th century]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 243. pp. 68–127; 233–305.
27. N.M. (1897) Istoricheskie sochineniya D.I. Ilovayskogo [The historical works by D.I. Ilovaisky]. *Kievskaya starina*. 6. pp. 108–111.

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

УДК 902.652; 904
DOI: 10.17223/19988613/60/25

Я. Мураками, В.И. Соенов, С.В. Трифанова, А.В. Эбель, Е.С. Богданов, А.И. Соловьев

ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ НА АЛТАЕ В 2017 ГОДУ

Работа публикуется в рамках научно-исследовательского проекта «Хозяйственная и социальная адаптация человека к природно-климатическим условиям Алтайских гор во второй половине голоцена» (№ 33.1971.2017/4.6) проектной части госзадания Министерства образования и науки Российской Федерации.

Вводятся в научный оборот первые результаты исследований памятников черной металлургии в трех районах Республики Алтай в 2017 г., а также новых радиоуглеродных AMS-дат по образцам древесного угля из объектов. Полученные даты корректируют представление о времени появления в регионе железоделательного производства на постоянной основе и позволяют выдвинуть гипотезу, что тюрки Ашина стали искусными литейщиками в Алтайских горах, позаимствовав уже имеющиеся у местного телеского населения навыки горнорудного и металлургического производств.

Ключевые слова: Алтай; черная металлургия; железоплавильные печи; радиоуглеродные даты; гунно-сарматское и раннетюркское время.

Введение

До недавнего времени памятники черной металлургии, выявленные на территории Российского Алтая, исследователи относили преимущественно к тюркскому времени и рассматривали в пределах второй половины I – начала II тыс. н.э. [1. С. 4, 52; 2. С. 54]. Надо сказать, что в изучении алтайского металлургического производства в целом сложилась парадоксальная ситуация. Она заключается в том, что, с одной стороны, на основании исследования вещевого комплекса из археологических памятников и сведений из китайских, византийских, арабских и других произведений сложилось представление о развитом железоделательном и кузнечном производствах тюрков. Это мнение автоматически экстраполируется медиевистами на территорию Российского Алтая и переходит из одной исторической работы в другую без анализа сведений и их верификации археологическими источниками региона. С другой стороны, чрезвычайно редки конкретные исследования, посвященные как металлургии, так и металлообработке железа на Алтае. На сегодняшний день из специальных исследований мы имеем только детальные разведки и раскопки Н.М. Зинякова на трех десятках памятников, вылившиеся в книгу и серию статей [1, 3–6], посвященных описанию объектов, реконструкции технологии получения железа, а также основным операциям и приемам, находившимся на вооружении алтайских кузнецов-металлургов. Это добротное научное исследование, проведенное во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг., даже сегодня не потеряло своей актуальности. Однако после выхода итоговой монографии Н.М. Зинякова прошло 30 лет, и никаких новых специальных исследований в этом направлении предпринято не было, между тем за эти

три десятилетия мировые научные технологии продвинулись далеко вперед, появились новые технические возможности по изучению, реконструкции металлургии и металлообработки железа с привлечением современных методов.

Кроме работ указанного исследователя можно отметить всего несколько публикаций, где зафиксированы результаты полевого обследования памятников черной металлургии в Российском Алтае, а также введены в оборот данные о некоторых анализах и сделаны выводы о хронологической принадлежности объектов, технологии обработки железа и т.д. Например, С.В. Киселев обследовал в Курайской котловине остатки железоделательного производства, определил способ добычи металла и основные технические приемы кузнечной обработки железа [7. С. 515–522]. В.Д. Кубарев и Ф.Б. Бакшт в Юго-Восточном Алтае зафиксировали места с выходами сыродутных шлаков и сделали спектральные анализы на некоторые химические элементы [8. С. 85, 87, 89; 9. С. 94–98]. В.А. Могильников обследовал и описал сыродутные домницы на правом берегу Чуи, около устья руч. Куйактанар [2. С. 52–55]. А.В. Эбель осмотрел практически все известные алтайские памятники черной металлургии и выявил новые объекты, а также установил ряд мест добычи железной руды в южной части Чуйской котловины [10. С. 105–109]. Геологи Я.М. Гутак и Г.Г. Русанов обследовали плавильные печи около устья руч. Куйактанар. По пробам шлака, отобранным в отвалах раскопа Н.М. Зинякова, они определили, что железо было выплавлено из Fe_2O_3 – спекулярита (гематита чешуйчатой разновидности). По образцу древесного угля, включенного в шлак, геологам удалось получить первую радиоуглеродную дату для алтайских железоплавильных печей СОАН-5040, которая оказалась выходящей за пределы тюркского

времени, относясь к более раннему периоду, т.е. гунно-сарматскому времени (1775 ± 35) [11. С. 18–20]. (Калибровка данной радиоуглеродной даты, осуществленная нами программой OxCal v4.3.2, установила интервал времени 134–344 cal.AD при вероятности 95,4%.)

В контексте вышеизложенной ситуации для дальнейшего изучения истории черной металлургии на Алтае, несомненно, имеет важное значение введение в научный оборот первых результатов наших исследований в 2017 г. В настоящей работе содержатся краткие сведения о полевых работах по обследованию ряда памятников и отбору проб, а также публикуются и интерпретируются новые радиоуглеродные AMS-даты по образцам древесного угля, полученные в Институте ускорительного анализа (г. Кавасаки, Япония).

Описание и результаты

В сентябре 2017 г. совместная российско-японская экспедиция в составе сотрудников Научно-исследовательского центра истории и культуры тюркских народов Горно-Алтайского государственного университета,

Института археологии и этнографии СО РАН и Исследовательского центра культуры древнего железа Восточной Азии университета Эхиме (Research Center of Ancient East Asian Iron Culture, Ehime University) осуществляла изучение памятников черной металлургии на территории Онгудайского, Кош-Агачского и Улаганского районов Республики Алтай.

В ходе работ осуществлялись визуальный поиск и идентификация мест с остатками железоделательного производства, после чего составлялось краткое описание объектов, производились фотофиксация и отбор образцов шлака, определялись их координаты GPS-приемником Garmin. Методика отбора образцов для радиоуглеродного анализа выбрана с таким расчетом, чтобы быть уверенными в их принадлежности к конкретному процессу выплавки: отбирались куски шлака с включениями угля. Это гарантирует наиболее точное определение времени плавки, нежели отдельные куски угля, которые встречаются на участках с памятниками довольно часто.

Всего ходе работ было обследовано девять мест с остатками железоделательного производства (рис. 1), перечень которых дается ниже в порядке обследования.

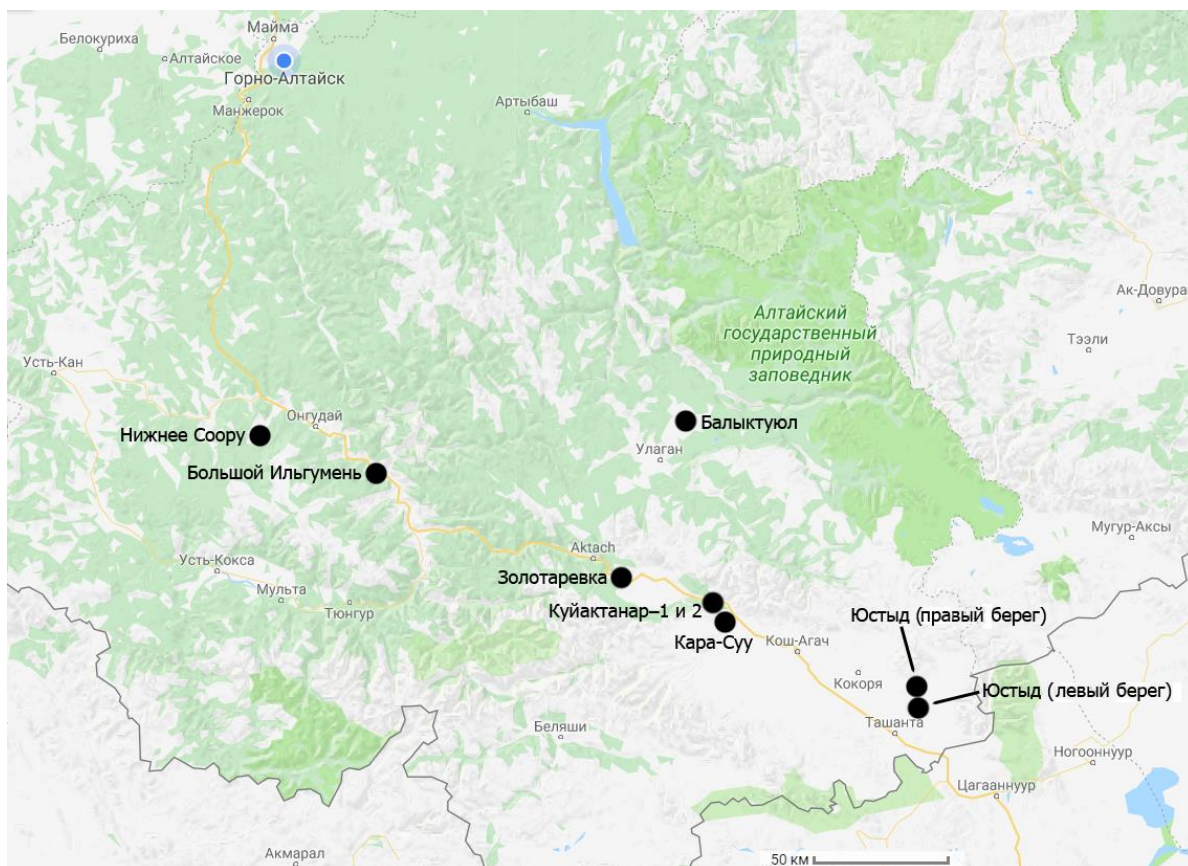

Рис. 1. Расположение обследованных алтайских памятников черной металлургии

1. *Местонахождение шлаков Нижнее Соору.* Поиск велся по сведениям местного жителя Даниила Мамыева. Расположено в окрестностях с. Кулады Онгудайского района, на правом берегу руч. Нижнее Соору – правого притока р. Каракол, на склоне горы. На участке зафиксировано значительное количество шлаков от плавки железа рядом с разновременными каменными курганами и выкладками.

2. *Печи Большой Ильгумень.* Найдены А.В. Эбелем по сведениям местных жителей. Находятся в Онгудайском районе, под перевалом Чике-Таман, на второй правобережной террасе речки Большой Ильгумень. Представляют собой разрушенные при строительстве опоры ЛЭП-110 остатки железоплавильных сооружений. На склоне террасы зафиксированы шлаки, а также камни, являвшиеся деталями печей.

3. *Печи Золотаревка*. Найдены А.В. Эбелем по сведениям местных жителей. Расположены ниже устья р. Тадила в Кош-Агачском районе, на склоне горы, у полотна Чуйского тракта. Наблюдаются остатки печей на склоне со скальными выходами, скопления шлаков на косогоре и осыпах.

4. *Печи Куйактанар–1*. Открыты Б.Х. Кадиковым, исследовались В.А. Могильниковым и Н.М. Зиняковым. Находятся в Кош-Агачском районе, на откосе правого берега р. Чуя, выше устья руч. Куйактанар. В обрыве сохранилась часть раскопанной печи с каменной обкладкой.

5. *Печи Куйактанар–2*. Исследовались Н.М. Зиняковым. Расположены в Кош-Агачском районе, в лесу на правом берегу руч. Куйактанар. Раскоп зарос деревьями, но отвалы со шлаками еще прослеживаются четко.

6. *Печи Юстыд (левый берег)*. Открыты В.Д. Кубаревым, раскапывались Н.М. Зиняковым. Расположены в Кош-Агачском районе, на краю второй левобережной террасы р. Юстыд. Нами осуществлен отбор образцов шлака и угля, а также собраны небольшие фрагменты неорнаментированной керамики.

7. *Печи Юстыд (правый берег)*. Открыты В.Д. Кубаревым. Находятся в Кош-Агачском районе, на за-

падном берегу пересохшего озера, напротив объекта «Юстыдские керамические печи». На современной поверхности заметны остатки конструкций и мелкие фрагменты шлаков.

8. *Местонахождение шлаков Кара-Суу*. Обнаружено по сведениям местного жителя Рашида Матыева. Расположено у с. Чаган-Узун в Кош-Агачском районе, на правом берегу руч. Кара-Суу – левого притока р. Талду-Дюргун.

9. *Печи Балыктуюл*. Исследовались Н.М. Зиняковым. Находятся на южной окраине с. Балыктуюл Улаганского района, на левобережной террасе р. Балыктуюл. В осыпи склона собраны фрагменты небольших глиняных конусовидных сопел и мелкие неорнаментированные фрагменты керамических сосудов.

В ноябре–декабре 2017 г. в лаборатории Института ускорительного анализа (Institute of Accelerator Analysis Limited, Kawasaki, Japan) по шести из отобранных образцов древесного угля получены AMS-даты, которые приведены в табл. 1. Калибровка радиоуглеродных дат программой OxCal v4.3.2 дала следующие результаты при вероятности 68,2%: Балыктуюл – 395–425 cal.AD, 394–421 cal.AD; Юстыд – 540–585 cal.AD, 434–564 cal.AD; Куйактанар–2 – 434–560 cal.AD; Золотаревка – 404–530 cal.AD (рис. 2–7).

Радиоуглеродные даты по образцам древесного угля из памятников Алтая

測定番号	試料名	採取場所	試料形態	処理方法	$\delta^{13}\text{C}$ (‰) (AMS)	$\delta^{13}\text{C}$ 補正あり	
						Libby Age (yrBP)	pMC (%)
IAAA-171072	Balyktuyul 製鉄炉No.1	ゴルノ・アルタイ共和国 バリユクトウユル遺跡 製鉄炉No.1採集	木炭	AAA	-26.66 ± 0.32	1,630 ± 20	81.62 ± 0.20
IAAA-171073	Balyktuyul 製鉄炉No.3	ゴルノ・アルタイ共和国 バリユクトウユル遺跡 製鉄炉No.3採集	木炭	AAA	-25.24 ± 0.26	1,640 ± 20	81.54 ± 0.20
IAAA-171074	Yustid No.1	ゴルノ・アルタイ共和国 ユスティド1遺跡 鉄滓附着木炭	木炭 (鉄滓附着)	AAA	-25.28 ± 0.32	1,510 ± 20	82.82 ± 0.21
IAAA-171075	Yustid No.2	ゴルノ・アルタイ共和国 ユスティドNo.2遺跡 鉄滓附着木炭	木炭 (鉄滓附着)	AAA	-27.06 ± 0.29	1,540 ± 20	82.59 ± 0.21
IAAA-171076	Kuyaktanar No.2	ゴルノ・アルタイ共和国 クヤクタナルNo.2遺跡 鉄滓附着木炭	木炭 (鉄滓附着)	AAA	-26.87 ± 0.31	1,540 ± 20	82.56 ± 0.21
IAAA-171077	Zolotorevka	ゴルノ・アルタイ共和国 ザロトリョフカ遺跡 鉄滓附着木炭	木炭 (鉄滓附着)	AAA	-25.22 ± 0.28	1,610 ± 20	81.83 ± 0.22

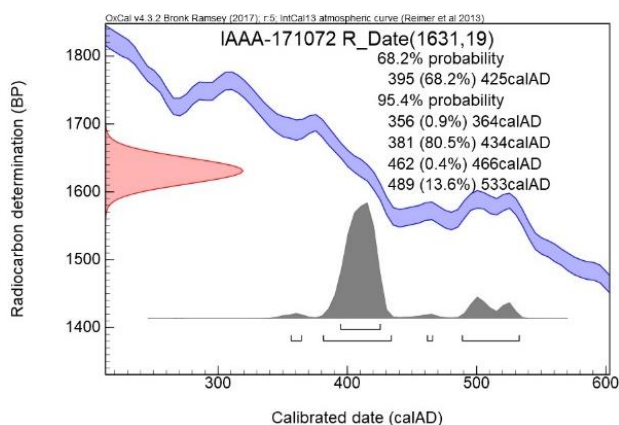

Рис. 2. Результаты калибровки даты IAAA-171072. Балыктуюл

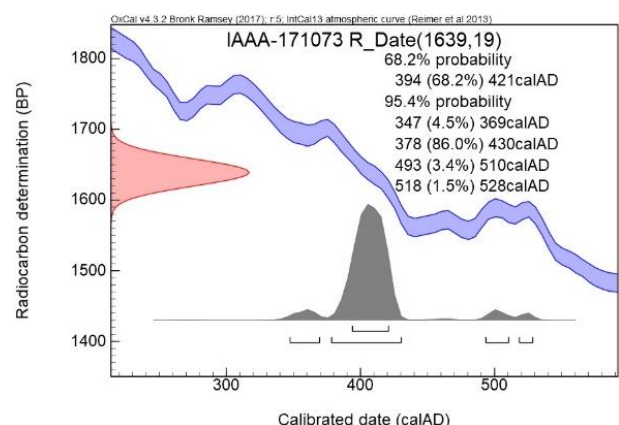

Рис. 3. Результаты калибровки даты IAAA-171073. Балыктуюл

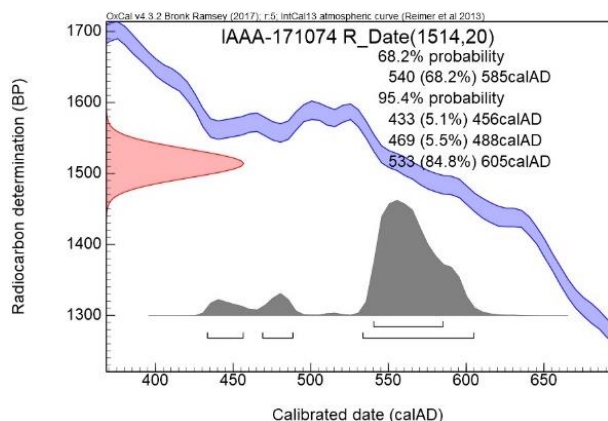

Рис. 4. Результаты калибровки даты IAAA-171074. Юстыд

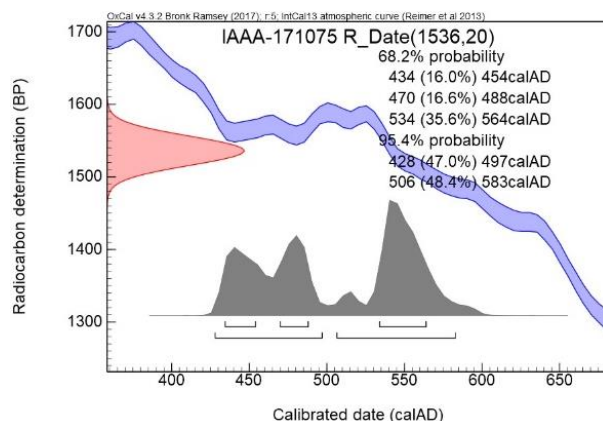

Рис. 5. Результаты калибровки даты IAAA-171075. Юстыд

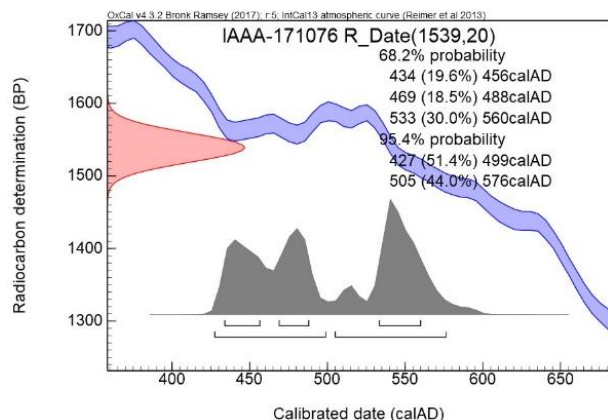

Рис. 6. Результаты калибровки даты IAAA-171076. Куйактанар-2

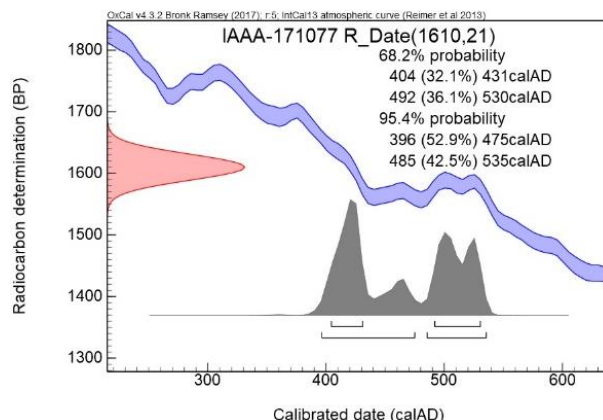

Рис. 7. Результаты калибровки даты IAAA-171077. Золотаревка

Таким образом, полученные даты свидетельствуют о том, что указанные объекты функционировали в промежутке времени от конца IV – до второй половины VI вв. н.э. включительно.

Обсуждение

Начало использования железа, приведшего человечество к одной из великих технологических революций, относится к древнейшим временам. Впервые люди познакомились с этим металлом еще в каменном веке, но это было метеоритное железо. Оно не получило тогда широкого применения из-за того, что редко встречалось в природе и первобытные люди еще не умели обрабатывать металлы. Использование метеоритного железа стало возможным тогда, когда человек уже освоил технологию производства металлических изделий из меди и его сплавов, т.е. в период энеолита – ранней бронзы [12. Р. 47–53].

Судя по имеющимся археологическим данным, древние обитатели Алтая начали применять метеоритное железо, как и население других регионов, в период ранней бронзы. Изделия из него обнаружены в памятниках алтайского варианта афанасьевской культуры, датированного сегодня AMS-способом радиоуглеродного метода XXXIII–XXVI вв. до н.э. [13. Р. 70]. Из метеоритного железа были изготовлены: браслет, найденный в Усть-Куломском могильнике [14. Рис. 57, 4]; железная пластинка из могильника Урускин Лог-1 [15. С. 38], пронизи и пряжки-застежки (?) из могильника Кор-

Кобы [16. С. 22. Рис. V, 4; 17. С. 40]. Зафиксированных примеров использования рудного железа населением Алтая в эпоху бронзы нет, хотя его уже начали добывать и плавить в III тыс. до н.э. независимо друг от друга в разных регионах Евразии: в Египте, на Ближнем Востоке, в Китае.

На Алтае железный век начался только с I тыс. до н.э., когда повсеместно, как в целом в Европе и большей части Азии, распространяется производство предметов вооружения, деталей снаряжения коня и орудий труда из железа. Причем еще в бийкенское время (конец IX – первая половина VI в. до н.э.) почти все алтайские металлические вещи представлены бронзовыми изделиями [18. С. 63–86], и только в пазырыкское время (вторая половина VI–III в. до н.э.) железные предметы представлены уже достаточно широко [19–24; и др.]. Но вопрос о производстве железа на Алтае даже в пазырыкский период остается открытым, пока не будут обнаружены и исследованы соответствующие памятники черной металлургии. В связи с этим мы пока не исключаем, что первоначально железные предметы могли поставляться пазырыкцам из-за пределов региона.

Остатки железоделательного производства сунуского и сянбийского периодов, т.е. II в. до н.э. – первой половины III в. н.э. пока на Алтае не удалось идентифицировать, хотя в сопредельных регионах сыродутные печи этой поры известны хорошо: в Туве, Хакасии и Монголии раскопан целый ряд объектов, датированных I в. до н.э. – II в. н.э. [25. С. 126; 26. С. 61–100; 27. С. 21–24; 28. С. 95–106; 29. С. 107–116 и др.].

Исходя из наших наблюдений и приведенных выше результатов радиоуглеродного датирования, среди обследованных памятников наиболее ранними являются печи Балыктюля, которые датируются в рамках 394–425 гг. н.э., что соответствует периоду жужанского господства в Центральной Азии. В ту пору на Алтае развитие местной булан-кобинской археологической культуры гунно-сарматского времени переходит к позднему этапу, который завершается с приходом тюрков Ашина на Алтай и формированием «тюркской археологической культуры» в конце V – начале VI в. н.э. Во время раскопок на Балыктюле в 1977 г. Н.М. Зиняковым датированных вещей не обнаружено, но по небольшому объему сыродутных печей, архаичности конструкции и процесса плавки он совершенно справедливо предположил раннюю дату памятника [4. С. 231]. Вероятно, поэтому исследователь не стал включать печи Балыктюля в свою итоговую монографию, посвященную тюркской, т.е. раннесредневековой, черной металлургии [1]. Всего у с. Балыктюль Н.М. Зиняковым обнаружено четыре сыродутные печи. Раскопанные шахты печей, сооруженные из глины, имели форму усеченного конуса. Нижний диаметр составлял 0,5–0,7 м, верхний диаметр у колошника – 0,35–0,55 м. Высота сыродутных печей была 0,7–1 м, толщина стенок – 1,5–2 см. Для увеличения прочности стенки засыпались землей. Искусственное дутье велось через конусообразные сопла. Длина воздуходушных сопел составлял 9–17 см, диаметр дутьевого канала – 2–3 см. В ходе сыродутного процесса железный шлак из печей не выпускался, а постепенно перемещаясь, заполнял всю нижнюю часть шахты. Поэтому печи такой конструкции пригодны лишь для одной плавки. В ходе расчистки печей исследователем замечена интересная деталь, характеризующая процесс выплавки железа древними металлургами: в качестве топлива использовался не древесный уголь, а дрова, остатки которых зафиксированы в нижней части некоторых печей, где процесс горения был невозможен из-за отсутствия кислорода [4. С. 231].

Остальные датированные печи (Куйактанар–2, Юстыд, Золотаревка) относятся к чуть более позднему времени, но даты довольно компактны в пределах V–VI вв. На наш взгляд, это обстоятельство подтверждает неслучайность печей, исследованных в Балыктюле, а также демонстрирует наличие железоделательного производства на территории Российского Алтая на постоянной основе не позднее рубежа IV–V вв. н.э.

Производство железа в регионе имеет тенденцию к развитию с V в. н.э., на что указывают зафиксированный рост количества плавильных печей, расширение их географии и увеличение размеров сооружений. В отличие от ранних печей Балыктюля, объекты на Куйактанаре, Юстыде, Тюргуне, Бугузуне и других местностях, по заключению автора их раскопок Н.М. Зинякова, «...представляют собой однотипные сооружения, возведенные в ямах глубиной 120–150 см. Общие их размеры в среднем варьируют в пределах: длина – 105–150 см, ширина – 35–65 см, высота (реконструируемая) – до 200 см. В плане описанные печи овальной формы. При изготовлении стенок печей широко ис-

пользованы камень и каменные плиты...» [1. С. 31–49]. Интересно то, что часть домниц (Куйактанар, Юстыд), употреблялась повторно или же служила длительно. Об этом свидетельствуют следы подновления их глиняной футировки, замеченные при раскопках.

Считается, что тюрки на Алтае славились как металлурги и платили дань жужанам изделиями из металла. «...Тюрки из поколения в поколение жили на южной стороне Алтая (?) и добывали железо для жужаньского хана...» [30. С. 75]. Сохранились даже примечательные и заносчивые слова, обращенные правителем жужан к тюркскому владельцу Тумыню, который «полагаясь на свою силу и многочисленность», просил в жены его дочь: «Ты – мой плавильщик. Как же осмеливаешься делать такое предложение?» [Там же. С. 75; 31. С. 228]. Мы не знаем, на чем специализировались тюрки Ашина до переселения в 460 г. на Монгольский Алтай, но они стали искусными литейщиками, возможно, именно в Алтайских горах, позаимствовав навыки горнорудного и металлургического производств у местного телесского населения, поскольку оно имело уже развитые умения и знания для поиска руд и плавки металлов.

После победы над алтайскими теле, тюрки включили их в свой состав. Но теле, несмотря на поражение, составляли основу тюркского каганата и представляли большую военную силу, и тюркские каганы, как сказано в Танской летописи, «их силами геройствовали в пустынях севера» [32. С. 233]. Конечно, летописные сведения относятся в большей степени к территории современного Монгольского Алтая, и отмеченный в тексте крупный центр производства и обработки железа находился, скорее всего, в современной монгольской части гор. Но население Российского Алтая являлось составной частью большого телесского социума и, более того, именно в этом месте, а не в Монгольском Алтае начала формироваться культура раннесредневековых тюрков [33. С. 174–180]. Это подтверждается тем, что в Российском Алтае обнаружены наиболее ранние памятники тюркской археологической культуры.

Заключение

На сегодняшний день из специальных работ по металлургии и металлообработке железа на Алтае мы имеем только небольшую серию публикаций, посвященных описанию объектов, реконструкции технологии получения железа, а также основным операциям и приемам, находившимся на вооружении кузнецов-металлургов. Однако сейчас имеются новые технические возможности по изучению и датировке памятников черной металлургии, которые ранее исследователями относились преимущественно к тюркскому времени и рассматривались в пределах второй половины I – начала II тыс. н.э. Для дальнейшего изучения истории черной металлургии на Алтае важное значение имеет введение в научный оборот первых результатов наших исследований. В настоящей работе содержатся краткие сведения о полевых работах 2017 г. совместной российско-японской экспедиции по обследованию ряда памятников и отбору проб, а также публикуются но-

вые радиоуглеродные AMS-даты по образцам древесного угля. Всего в ходе работ нами обследовано девять мест с остатками железоделательного производства в трех районах Республики Алтай. Полученные радиоуглеродные даты корректируют представления о времени появления в регионе железоделательного произ-

водства на постоянной основе не позднее рубежа IV–V вв. н.э. и позволяют выдвинуть гипотезу, что тюрки Ашина стали искусными литейщиками в Алтайских горах, позаимствовав уже имеющиеся у местного телесского населения навыки горнорудного и металлургического производств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиняков Н.М. История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. Томск : Том. гос. ун-т, 1988. 276 с.
2. Могильников В.А. Остатки железоделательного производства на берегу р. Чуи // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993. С. 52–55.
3. Елин В.Н., Зиняков Н.М. Разведочные работы в Горном Алтае // Археологические открытия 1976 года. М. : Наука, 1977. С. 202–203.
4. Зиняков Н.М. Исследование памятников черной металлургии в Горном Алтае // Археологические открытия 1977 года. М. : Наука, 1978. С. 231–232.
5. Зиняков Н.М. Исследование горно-металлургического центра в Горном Алтае // Археологические открытия 1978 года. М. : Наука, 1979. С. 225–226.
6. Зиняков Н.М. Некоторые особенности металлургии железа в юго-восточном Алтае эпохи раннего средневековья // Проблемы западно-сибирской археологии. Новосибирск : Наука, 1981. С. 120–123.
7. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М. : АН СССР, 1951. 644 с.
8. Кубарев В.Д. Археологические памятники Кош-Агачского района // Археологический поиск (Северная Азия). Новосибирск : Наука, 1980. С. 85–89.
9. Кубарев В.Д., Бакшт Ф.Б. Археологические памятники междуречья Барбургазы и Юстыда // Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер. общественных наук. 1976. Вып. 1. С. 94–98.
10. Эбель А.В. Памятники древней и средневековой металлургии в южной части Чуйской котловины // Межкультурный диалог на евразийском пространстве Горно-Алтайск : ГАГУ, 2013. С. 105–109. (Серия «Древности Сибири и Центральной Азии». № 6 (18)).
11. Гутак Я.М., Русанов Г.Г. О возрасте железоплавильных печей урочищ Куяхтанар (Горный Алтай) // Вестник Сибирского государственного индустриального университета. 2013. № 2 (4). С. 18–20.
12. Jambon A. Bronze Age iron: Meteoritic or not? A chemical strategy // Journal of Archaeological Science. 2017. Vol. 88. P. 47–53. DOI: 10.1016/j.jas.2017.09.008.
13. Svyatko S.V., Polyakov A.V., Soenov V.I., Stepanova N.F., Reimer P.J., Ogle N., Tyurina E.A., Grushin S.P., Rykun M.P. Stable isotope palaeodietary analysis of the Early Bronze Age Afanasyevo Culture in the Altai Mountains, Southern Siberia // Journal of Archaeological Science : Reports. 2017. Vol. 14. P. 65–75. DOI: 10.1016/j.jasrep.2017.05.023.
14. Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Барнаул : АзБука, 2006. Ч. 1. 234 с.
15. Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул : АзБука, 2014. 380 с.
16. Ларин О.В. Материалы эпохи раннего металла из Горного Алтая // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993. С. 19–25.
17. Каширин А. Исследование в долине Кызык-Телань // Археологические исследования в Сибири. Барнаул : Алт. гос. ун-т, 1989. С. 39–40.
18. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Барнаул : Алт. гос. ун-т, 1997. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. 232 с.
19. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.–Л. : АН СССР, 1953. 402 с.
20. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.–Л. : АН СССР, 1960. 350 с.
21. Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск : Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1989. 216 с.
22. Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Барнаул : Алт. гос. ун-т, 2003. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. 234 с.
23. Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Барнаул : Алт. гос. ун-т, 2004. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. 292 с.
24. Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул : Алт. гос. ун-т, 2007. 282 с.
25. Сунчугашев Я.И. Горное дело и выплавка металлов в древней Туве. М. : Наука, 1969. 140 с.
26. Сунчугашев Я.И. Памятники горного дела и металлургии древней Хакасии. Абакан : Хакас. кн. изд-во, 1993. 112 с.
27. Мураками Я. Наша совместная деятельность в Республике Хакасия и ее значение для исследования истории производства железа на Евразийском континенте // Древняя металлургия Саяно-Алтая и Восточной Азии. Абакан–Эхимэ : Ehime University Press, 2015. С. 21–24.
28. Амзараков П.Б. Предварительные итоги исследования памятника древней металлургии железа таштыкской эпохи «Толчая» // Древняя металлургия Саяно-Алтая и Восточной Азии. Абакан–Эхимэ : Ehime University Press, 2015. С. 95–106.
29. Ишцэрэн Л. Железоплавильни хунну на территории Монголии // Древняя металлургия Саяно-Алтая и Восточной Азии. Абакан–Эхимэ : Ehime University Press, 2015. С. 107–116.
30. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л. : Изд. ученого комитета Монгольской Народной Республики, 1926. Т. 2. 898 с.
31. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.–Л. : АН СССР, 1950. Т. 1. 382 с.
32. Потапов Л.П. Этноним тюрки и алтайцы // Тюркологический сборник. М. : Наука, 1966. С. 233–240.
33. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Алтай как регион формирования тюркского этноса // Учение Л.Н. Гумилева и современность. СПб. : НИИ Химии СПбГУ, 2002. С. 174–180.

Murakami Yasuyuki. Ehime University (Matsuyama, Japan). E-mail: murakami00321@yahoo.co.jp

Soenov Vasilii I. Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russia). E-mail: soyonov@mail.ru

Trifanova Synaru V. Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russia). E-mail: trifanovasv@mail.ru

Ebel Alexander V. Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russia). E-mail: avebel@mail.ru

Bogdanov Evgeniy S. Institute of Archaeology and Ethnography (Novosibirsk, Russia). E-mail: fil71@mail.ru

Solovyev Alexander I. Institute of Archaeology and Ethnography (Novosibirsk, Russia). E-mail: easolovievy@mail.ru

THE EXPLORATION OF THE FERROUS METALLURGY SITES IN ALTAI IN 2017

Keywords: Altai; ferrous metallurgy; iron melting furnaces; radiocarbon dates; Hun-Sarmatian and Early-Turkic time.

The article presents the first results of the joint Russian-Japanese expedition to study the monuments of ferrous metallurgy on the territory of three districts of the Republic of Altai – Ongudai, Kosh-Agach and Ulagan in the autumn of 2017. We searched and identified places with remnants of iron-making production. We examined the furnaces and sampling of the charcoal for radiocarbon analysis following the discovery. A total, nine sites with remnants of iron-making production were surveyed: Nizhnee Sooru, Bolshoy Ilgumen, Zolotarevka, Kuyaktanar-1 and Kuyaktanar-2, Yustyd (left and right bank), Kara-Suu, Balyktyule. On the sites, where it was possible, we have taken the pieces of the slag with inclusions of the coal, it guarantees the most accurate determination of the melting time, since their belonging to a particular smelting process is beyond doubt. Analysis of the selected samples allowed to obtain the six AMS-dates in the laboratory of the Institute of Accelerator Analysis Limited (Japan). The calibrated dates indicate that the surveyed Altaic sites of ferrous metallurgy functioned in the period from the end of the 5th to the second half of the 6th centuries AD inclusively. The Balyktyule furnaces according to their design and the features of the iron smelting are the earliest and date from the period of the 394–425 AD, it corresponds to the period of the Rouran domination in Central Asia. The early dates of the Balyktyule furnaces testify to the presence of iron production among the local Teles population (the Bulan-Coba archaeological culture) on the territory of the Russian Altai on an ongoing basis at the late stage of the Hun-Sarmatian period preceding the Early Turkic period. Others furnaces reviewed belong to a slightly later time, but their dates are also quite compact within the end of the Hun-Sarmatian time and the beginning of the Early Turkic period. According to the written sources, after the resettlement to the Altai mountains the Turks of Ashin became known as the metallurgists, who paid tribute to the Rourans with metal products. The radiocarbon dates adjust representations about time of occurrence of the iron-making production in the region on an ongoing basis no later than the turn of the 4th – 5th centuries AD. The radiocarbon dates allow us to put forward a hypothesis that the Turks have become skilled casters in the Altai Mountains, having borrowed the skills of mining and metallurgical production already available from the local Teles population. Thus, the results of our research are important for further study of the history of ferrous metallurgy in the Altai.

REFERENCES

- Zinyakov, N.M. (1988) *Istoriya chernoy metallurgii i kuznechnogo remesla drevnego Altaya* [The history of ferrous metallurgy and blacksmiths of ancient Altai]. Tomsk: Tomsk State University.
- Mogilnikov, V.A. (1993) *Ostatki zhelezodelatel'nogo proizvodstva na beregu r. Chui* [Remains of iron production on the banks of the Chuy]. In: Satlaev, F. (ed.) *Materialy po istorii i etnografii Gornogo Altaya* [Materials on the history and ethnography of Gorny Altai]. Gorno-Altaysk: [s.n.]. pp. 52–55.
- Elin, V.N. & Zinyakov, N.M. (1977) *Razvedochnye raboty v Gornom Altaye* [Exploration in the Altai Mountains]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Arkheologicheskie otkrytiya 1976 goda* [Archaeological Discoveries of 1976]. Moscow: Nauka. pp. 202–203.
- Zinyakov, N.M. (1978) *Issledovanie pamyatnikov chernoy metallurgii v Gornom Altaye* [Study of the monuments of ferrous metallurgy in the Altai Mountains]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Arkheologicheskie otkrytiya 1977 goda* [Archaeological Discoveries of 1977]. Moscow: Nauka. pp. 231–232.
- Zinyakov, N.M. (1979) *Issledovanie gorno-metallurgicheskogo tsentra v Gornom Altaye* [Study of the mining and smelting centre in the Altai Mountains]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Arkheologicheskie otkrytiya 1978 goda* [Archaeological Discoveries of 1978]. Moscow: Nauka. pp. 225–226.
- Zinyakov, N.M. (1981) *Nekotorye osobennosti metallurgii zheleza v yugo-vostochnom Altaye epokhi rannego srednevekov'ya* [Some features of iron metallurgy in the southeastern Altai of the early Middle Ages]. In: Troitskaya, T.N. (ed.) *Problemy zapadno-sibirskoy arkheologii* [Problems of West-Siberian archeology]. Novosibirsk: Nauka. pp. 120–123.
- Kiselev, S.V. (1951) *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri* [The ancient history of southern Siberia]. Moscow: USSR AS.
- Kubarev, V.D. (1980) *Arkheologicheskie pamyatniki Kosh-Agachskogo rayona* [Archaeological sites of Kosh-Agach district]. In: Medvedev, V.E. (ed.) *Arkheologicheskii poisk (Severnaya Aziya)* [Archaeological search (North Asia)]. Novosibirsk: Nauka. pp. 85–89.
- Kubarev, V.D. & Baksht, F.B. (1976) *Arkheologicheskie pamyatniki mezhdurech'ya Barburgazy i Yustyda* [Archaeological monuments between the rivers Barburgazy and Yustyd]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya AN SSSR. Seriya obshchestvennykh nauk*. 1. pp. 94–98.
- Ebel, A.V. (2013) *Pamyatniki drevney i srednevekovoy metallurgii v yuzhnoy chasti Chuyskoy kotloviny* [Monuments of ancient and medieval metallurgy in the southern part of the Chui depression]. *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noy Azii*. 6(18). pp. 105–109.
- Gutak, Ya.M. & Rusanov, G.G. (2013) *O vozraste zhelezoplavil'nykh pechey urochishch Kuyakhtanar (Gornyy Altay)* [On the age of iron-smelting furnaces at Kuyakhtanar tracts (Mountainous Altai)]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo industrial'nogo universiteta – Bulletin of the Siberian State Industrial University*. 2(4). pp. 18–20.
- Jambon, A. (2017) Bronze Age iron: Meteoritic or not? A chemical strategy. *Journal of Archaeological Science*. 88. pp. 47–53. DOI: 10.1016/j.jas.2017.09.008
- Svyatko, S.V., Polyakov, A.V., Soenov, V.I., Stepanova, N.F., Reimer, P.J., Ogle, N., Tyurina, E.A., Grushin, S.P. & Rykun, M.P. (2017) Stable isotope palaeodietary analysis of the Early Bronze Age Afanasyevo Culture in the Altai Mountains, Southern Siberia. *Journal of Archaeological Science*. 14. pp. 65–75. DOI: 10.1016/j.jasrep.2017.05.023
- Pogozheva, A.P., Rykun, M.P., Stepanova, N.F. & Tur, S.S. (2006) *Epokha eneolita i bronzy Gornogo Altaya* [Eneolithic and Bronze Age of Gorny Altai]. Part 1. Barnaul: AzBuka.
- Vadetskaya, E.B., Polyakov, A.V. & Stepanova, N.F. (2014) *Svod pamyatnikov afanas'evskoy kul'tury* [The code of monuments of the Afanasyev culture]. Barnaul: AzBuka.
- Larin, O.V. (1993) *Materialy epokhi rannego metalla iz Gornogo Altaya* [Materials of the era of early metal from Gorny Altai]. In: Satlaev, F.A. (ed.) *Materialy po istorii i etnografii Gornogo Altaya* [on the history and ethnography of Gorny Altai]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskaya tipografiya. pp. 19–25.
- Kashirin, A. (1989) *Issledovanie v doline Kyz'yk-Telan'* [Research in the Kyz'yk-Telan' valley]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Arkheologicheskie issledovaniya v Sibiri* [Archaeological research in Siberia]. Barnaul: Altai State University. pp. 39–40.
- Kiryushin, Yu.F. & Tishkin, A.A. (1997) *Skifskaya epokha Gornogo Altaya* [Scythian Era of Altai]. Part I. Barnaul: Altai State University.
- Rudenko, S.I. (1953) *Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya* [Culture of the population of Gorny Altai in the Scythian time]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
- Rudenko, S.I. (1960) *Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v skifskoe vremya* [Culture of the population of Central Altai in the Scythian time]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
- Surazakov, A.S. (1989) *Gornyy Altay i ego severnye predgor'ya v epokhu rannego zheleza. Problemy khronologii i kul'turnogo razgranicheniya* [Gorny Altai and its northern foothills in the era of early iron. Problems of chronology and cultural distinction]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskoe otdelenie Altayskogo knizhnogo izd-va.
- Kiryushin, Yu.F., Stepanova, N.F. & Tishkin, A.A. (2003) *Skifskaya epokha Gornogo Altaya* [Scythian Era of Altai]. Part 2. Barnaul: Altai State University.
- Kiryushin, Yu.F. & Stepanova, N.F. (2004) *Skifskaya epokha Gornogo Altaya* [Scythian Era of Altai]. Part 3. Barnaul: Altai State University.
- Kubarev, V.D. & Shulga, P.I. (2007) *Pazyrykskaya kul'tura (kurgany Chui i Ursula)* [The Pazyryk culture (mounds Chui and Ursula)]. Barnaul: Altai State University.

25. Sunchugashev, Ya.I. (1969) *Gornoe delo i vyplavka metallov v drevney Tuve* [Mining and metal smelting in ancient Tuva]. Moscow: Nauka.
26. Sunchugashev, Ya.I. (1993) *Pamyatniki gornogo dela i metallurgii drevney Khakasii* [Monuments of mining and metallurgy of ancient Khakassia]. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo.
27. Murakami, Ya. (2015) *Nasha sovместnaya deyatel'nost' v Respublike Khakasiya i ee znachenie dlya issledovaniya istorii proizvodstva zheleza na Evraziyskom kontinente* [Our joint activities in the Republic of Khakassia and its importance for the study of the history of iron production on the Eurasian continent]. In: Tuguzhekova, V.N. et al. *Drevnyaya metallurgiya Sayano-Altaya i Vostochnoy Azii* [Ancient Metallurgy of Sayano-Altai and East Asia]. Abakan–Ekhime: Ehime University Press. pp. 21–24.
28. Amzarakov, P.B. (2015) *Predvaritel'nye itogi issledovaniya pamyatnika drevney metallurgii zheleza tashtyyskoy epokhi "Tolcheya"* [Preliminary results of the study of the monument of ancient metallurgy of iron of the Tashtyk era "Tolcheya"]. In: Tuguzhekova, V.N. et al. *Drevnyaya metallurgiya Sayano-Altaya i Vostochnoy Azii* [Ancient Metallurgy of Sayano-Altai and East Asia]. Abakan–Ekhime: Ehime University Press. pp. 95–106.
29. Ishtseren, L. (2015) *Zhelezopavil'ni khunnu na territorii Mongolii* [Hunnu iron-melting furnaces in Mongolia]. In: Tuguzhekova, V.N. et al. *Drevnyaya metallurgiya Sayano-Altaya i Vostochnoy Azii* [Ancient Metallurgy of Sayano-Altai and East Asia]. Abakan–Ekhime: Ehime University Press. pp. 107–116.
30. Grumm-Grzhimaylo, G.E. (1926) *Zapadnaya Mongoliya i Uryankhayskiy kray* [Western Mongolia and Uryankhay Territory]. Vol. 2. Leningrad: Izdanie uchenogo komiteta Mongol'skoy Narodnoy Respubliki.
31. Bichurin, N.Ya. (1950) *Sobranie svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena* [Information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR AS.
32. Potapov, L.P. (1966) *Etnonim tele i altaytsy* [Ethnonym Tele and the Altai people]. In: Klyashtorny, S.G. (ed.) *Tyurkologicheskiy sbornik* [Turkic Collection]. Moscow: Nauka. pp. 233–240.
33. Gorbunov, V.V. & Tishkin, A.A. (2002) *Altay kak region formirovaniya tyurkskogo etnosa* [Altai as a region of the Turkic ethnos formation]. In: Verbitskaya, L.A. & Chistobaev, A.I. (eds) *Uchenie L.N. Gumileva i sovremennost'* [L.N. Gumilev's doctrine and modernity]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 174–180.

УДК 902/904; 903.1
DOI: 10.17223/19988613/60/26

А.Ю. Федорченко

ТРАСОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОМПЛЕКСОВ ПОЗДНЕГО ПЛЕЙСТОЦЕНА И РАННЕГО ГОЛОЦЕНА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

*Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2019-0009.
Трасологический анализ проведен при поддержке гранта РФФИ № 18-39-20003.*

Рассмотрены основные итоги и достижения экспериментально-трасологического изучения ранних археологических комплексов крайнего Северо-Востока Азии. В истории трасологических исследований региона выделено два хронологических периода, которые отличаются характером источников и применяемой методикой. На первом этапе (1960–1980) осуществлены начальные работы по функциональному анализу каменных и костяных артефактов Камчатки, Чукотки и Колымы, выполненные С.А. Семеновым и Н.А. Кононенко. Второй этап (1990–2010) связан с активизацией трасологических и технологических изысканий в археологии региона и их включением в контекст более разноплановых, комплексных исследований каменных и костяных индустрий Северо-Восточной Азии.

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия; верхний палеолит; мезолит; экспериментально-трасологический анализ; трасология.

Введение

Проблема инициального заселения арктических и субарктических районов Северо-Восточной Азии является одной из наиболее интересных в отечественной археологии. До недавнего времени в археологической науке существовали критические суждения о сравнительно позднем заселении этой территории [1. С. 7]. В результате открытий последних лет получены надежные свидетельства освоения человеком изучаемого макрорегиона в начале верхнего палеолита [2, 3]. Сегодня на основе синтеза естественнонаучных и археологических данных осуществляется изучение способов адаптации древнейшего населения изучаемого макрорегиона к экстремальным природно-климатическим условиям Северо-Восточной Азии [4–6]. Важную роль в реконструкции особенностей хозяйственной жизни палеолитических и мезолитических популяций этой территории играют результаты трасологического анализа каменных и костяных индустрий [7–10].

В основе экспериментально-трасологического исследования лежит комплексный анализ одного из наиболее специфических видов археологических источников – следов износа и обработки, представляющих собой совокупность искусственно созданных или преобразованных человеком видов изменений естественной или искусственной поверхности артефакта. Методика трасологического анализа объединяет две взаимосвязанные научные процедуры: изучение поверхностей изделий с целью выявления и анализа следов износа / обработки и физическое моделирование процессов производства / использования реплик артефактов для получения эталонных образцов. Цель трасологии заключается в реконструкции функций, назначения и способов изготовления древних изделий [11].

Опыт использования трасологического метода при изучении каменного века крайнего Северо-Востока Азии – Индигиро-Колымской области, Северного Приохотья, Камчатки и Чукотки, – имеет более чем полувековую историю. Обращение к истокам становления трасологического направления исследований помогает оценить объективность результатов, полученных в предыдущие годы, а также выявить их вклад в развитие научных представлений о древнейшей исторической действительности региона. Анализ прошлого опыта и существующих аналитических наработок позволяет значительно упростить адаптацию трасологической методики к новым, ранее не изученным археологическим коллекциям и категориям артефактов. Несмотря на солидную историю существования трасологических изысканий в российской археологии, интерес к ним стал проявляться лишь в последние два десятилетия. Отдельные сюжеты, связанные с историей формирования и развития археологической трасологии в России, получили развитие в монографиях [12–16] и статьях [17–20]. История становления трасологических исследований в археологии Северо-Восточной Азии остается на этом фоне слабо изученной вплоть до настоящего времени.

Цель данной работы состояла в анализе научных проблем, идей и результатов, достигнутых за всю историю экспериментально-трасологического изучения палеолитических и мезолитических комплексов крайнего Северо-Востока Азии. Для этого осуществлено изучение письменных материалов из архивов ИА РАН и СВКНИИ ДВО РАН. Введены в научный оборот новые, прежде не опубликованные сведения о результатах функциональных исследований коллекции культурного слоя VI стоянки Ушки-I (Камчатка). Анализ архивных источников и печатных работ дополнен

кратким обзором результатов самостоятельных трасологических изысканий автора, выполняемых сегодня на материалах опорных верхнепалеолитических памятников Камчатки и Верхней Колымы.

Весь период трасологических исследований в археологии палеолита и мезолита Северо-Восточной Азии разделен на два этапа, различаемых по характеру проанализированных археологических источников и подходам к анализу следов.

Этап I: 1960–1980 гг. Становление экспериментально-трасологических изысканий в практике археологических исследований региона

Археологические материалы Северо-Восточной Азии впервые становятся объектом трасологического исследования в 1950-е гг. [21. С. 194–200]. Богатый опыт, накопленный основоположником трасологической методики С.А. Семеновым при работе с коллекциями артефактов со стоянок Русской равнины, Украины, Крыма, Кавказа и Сибири [21, 22], был успешно применен при изучении небольших выборок древних изделий с территорий Чукотки, Камчатки и Якутии. Первые функциональные исследования этих изделий осуществлялись в ЛОИА АН СССР. В рассматриваемый период методика изучения следов отличалась относительной универсальностью. Центральное внимание уделялось выявлению видов разрушения рабочей поверхности и определению кинематики орудия [21. С. 8–13]. Поскольку критерии выделения типов подобных деформаций носили сравнительно общий характер, их можно было с успехом применять к орудиям из различных пород камня. Эта особенность методики С.А. Семенова способствовала ее использованию при анализе материалов широкого географического и хронологического диапазона [14. С. 8].

В 1960-е гг. проведен анализ серии каменных украшений и 26 халцедоновых сколов из погребения палеолитического культурного слоя VII стоянки Ушки-I (Камчатка). При изучении бусин и подвесок С.А. Семеновым выявлены следы сверления и шлифовки, признаки крепления возле отверстий и износа на одной из сторон этих изделий. Морфология следов указывала на пришивание бусин к одежде. Среди халцедоновых сколов были выделены сверла малого диаметра [22. С. 61; 23]. Результаты исследования позволили сделать вывод о высоком уровне развития техники обработки камня у древнейших обитателей Камчатки, наметить перспективу этнической интерпретации ранней ушковской культуры [24. С. 112; 25. С. 23].

В 1970-е гг. были предприняты первые попытки трасологического изучения костяных изделий из палеолитических комплексов Северо-Восточной Азии. В результате анализа материалов из местонахождения Бочанут с Нижней Колымы С.А. Семеновым были выделены фрагменты костей бизона, лошади, носорога и овцебыка со следами утилизации в виде забитости и заполировки. Полученные данные позволили сопоставить материалы Бочанута с памятником Олд Кроу в Северной Канаде, где были найдены подобные артефакты плейстоценового возраста [26. С. 93]. Сходные

результаты были получены и при анализе обработанной кости мамонта из культурного горизонта «С» стоянки Усть-Миль II [Там же. С. 36]. Итоги этих изысканий перекликались с идеями о существовании в позднем плейстоцене Северо-Восточной Азии древних традиций обработки кости, которые высказывались В.К. Арсеньевым и М.М. Ермолаевым еще в первой половине XX в. [1. С. 18–19].

В 1970–1980-е гг. методика микро- и макроанализа следов получает широкое распространение в российской и зарубежной археологии. Этому способствовали выход английского издания монографии С.А. Семенова «Первобытная техника» в 1964 г. [27] и организация Экспериментально-трасологической лаборатории в ЛОИА АН СССР в 1973 г. В указанный период в практике археологических исследований формируется восприятие следов в качестве особого типа источников познания прошлого. При описании каменных и костяных изделий во многих работах этого времени приводится характеристика визуально определяемых признаков изношенности. В научный язык региональной археологии входят наименования новых типов орудий, выделенных на основе функциональных исследований («пилка», «скобель», «фрезчик», «провертка»). Сведения о следах износа начинают использоваться при определении назначения каменных орудий [28. С. 40–41]. В указанный период проходят защиты диссертаций стажеров Экспериментально-трасологической лаборатории Н.А. Кононенко [29] и П.В. Волкова [30], написанных на основе изучения материалов юга Дальнего Востока.

Возобновление трасологических исследований археологических материалов региона происходит в 1989 г., после прибытия в Магадан Н.А. Кононенко (ИИАЭН ДВ ДВО АН СССР). Наиболее масштабные и представительные результаты получены при изучении коллекции культурного слоя VI стоянки Ушки-I. Выборку для анализа составили клиновидные микронуклеусы и их преформы, технические сколы и микропластины, скребла, скребки, рубила, бифасы, отщепы и другие типы изделий.

На части изученных микронуклеусов (85 экз.) зафиксированы следы износа от вторичного употребления [31]. Пять ядрищ использовались в качестве пилок (рис. 1, 2, 4). Рабочим лезвием у них являлся киль, подправленный сколами при оформлении нуклеуса. Четыре изделия использовались для обработки шкур: рабочей кромкой служил дугообразный край площадки или киль изделий (см. рис. 1, 1, 2, 5). Интересные выводы получены при изучении девяти бифасиальных преформ клиновидных нуклеусов изклада в коридоре углубленного жилища № 9 [32. С. 22–23]. Трасологический анализ позволил связать функцию пяти заготовок с первичной обработкой шкур, еще четыре изделия использовались в качестве ножей по мясу (см. рис. 1, 13, 14). Одна преформа микронуклеуса из раскопок 1965 г. служила мясным ножом (см. рис. 1, 12) [31. С. 173–175]. Следы износа были выявлены среди микропластин и технических снятий. Из 63 изученных лыжевидных сколов 25 использовались без дополнительного оформления в качестве резцов (см. рис. 1, 7), по одному экземпляру – как строгальный нож и скребок.

Две микропластины служили вкладышами скребков, девять – ножей (см. рис. 1, 6), одна – пилки, четыре кра-

евых технических скола – проколками, один фрагмент клиновидного ядрища служил скребком (см. рис. 1, 10).

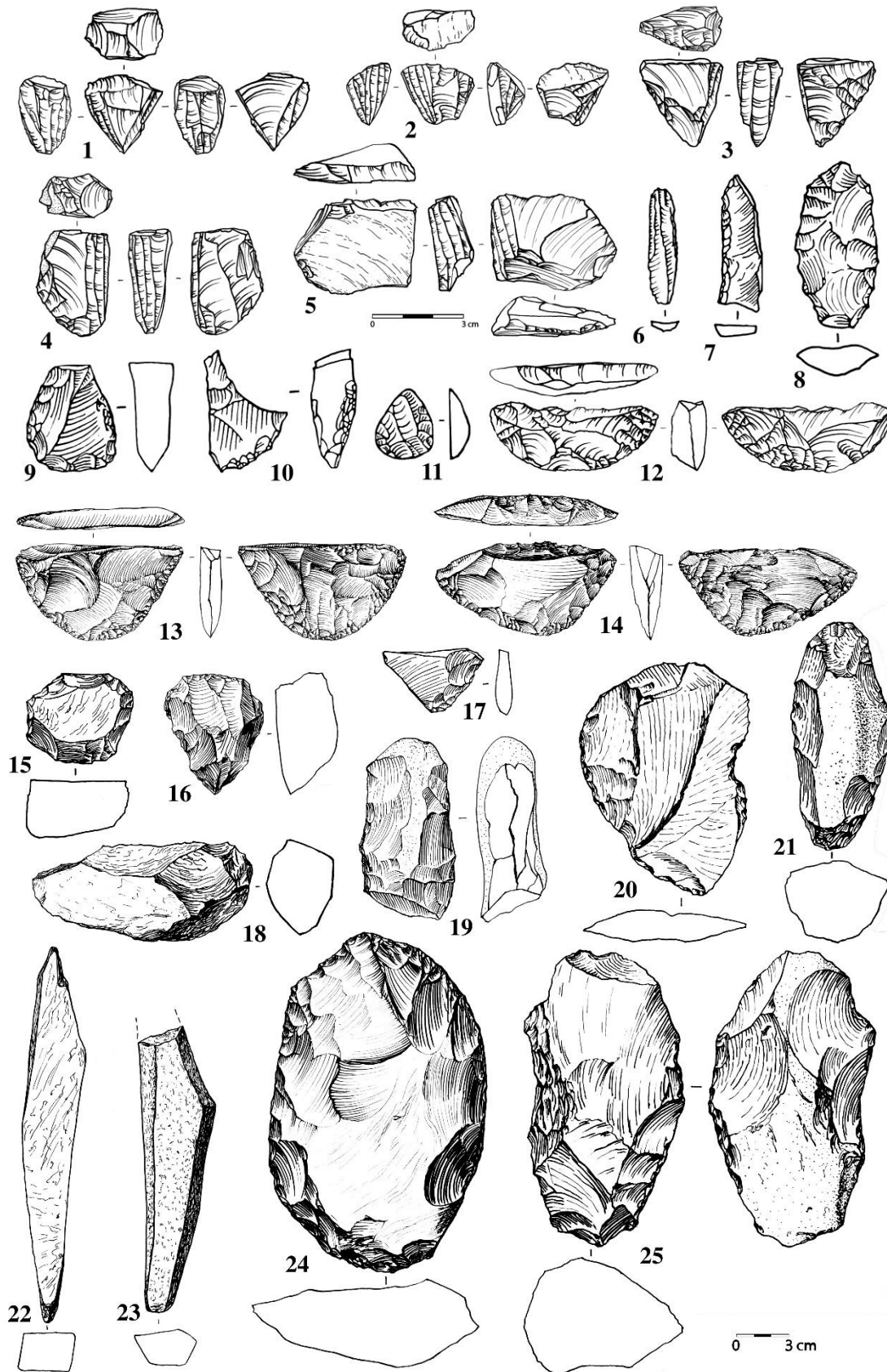

Рис. 1. Коллекция каменных орудий поздней ушковской культуры, исследованной Н.А. Кононенко в 1989 году: 1–4 – клиновидные микро-
нуклеусы; 6 – микропластина; 7 – лыжвидный скол; 8, 20 – бифасы; 9, 11 – скребки; 10 – технический скол; 12–14 – преформы клиновидных
микронуклеусов; 15, 16 – скребла; 17 – скол с ретушью – пилка; 18, 24, 25 – рубящие орудия; 19 – отбойник; 21–23 – орудия для копания грунта

Трасологический анализ трех массивных скребел позволил идентифицировать их в качестве скорняжных инструментов. Первое изделие обладало следами интенсивной сработанности – «яркой заполировкой, ориентированной с брюшка на спинку». Износ рабочего края второго орудия слабо выражен в виде легкой заполировки и сглаженности кромок, что могло указывать на его неоднократную подправку (см. рис. 1, 15) [33. С. 9]. Кромка лезвия третьего скребла была сильно повреждена ступенчатой микровыкрошенностью и имела заполировку лишь на отдельных микроучастках, приуроченных к выступающим краям фасеток. По мнению Н.А. Кононенко, «такой характер износа дает основание предполагать, что обрабатывалась достаточно жесткая толстокожая шкура, мездрение которой приводило к довольно интенсивному выкрашиванию» [Там же. С. 10]. Еще одно изделие высокой формы [34. С. 18] интерпретировалось как многофункциональное орудие – скребло, рубило и абразив (см. рис. 1, 16). В коллекции обсуждаемого комплекса также идентифицировались один отбойник со следами забитости (см. рис. 1, 19) и три рубящих орудия, которые имели по два рабочих края и признаки интенсивной сработанности (см. рис. 1, 18, 24, 25).

Среди изученных скребков одно изделие применялось для обработки шкур (см. рис. 1, 11), другое – как долото по дереву (см. рис. 1, 9). Инструментом для работы по шкуре служил небольшой листовидный бифас (см. рис. 1, 8). В качестве мясных ножей использовались изделие с частичной двусторонней обработкой (см. рис. 1, 20) и нож с краевым оформлением лезвия. Рабочий край первого орудия сохранил нитевидный блеск вдоль кромки на обеих плоскостях и микрофасетки выкрошенности, перекрытые заполировкой. Серия орудий была выделена при исследовании отщепов с ретушью из раскопок 1988 г.: семь скребков, две пилки, нож для разделки мяса, скобель. Один скол с ретушью интерпретирован в качестве комбинированного инструмента (нож и скребок), другой – пилки по мягкому камню (см. рис. 1, 17). Рабочий край последнего изделия обладал следами бессистемной выкрошенности, перекрытыми и частично стертыми легкой пришлифовкой, более выраженной на одной плоскости [33. С. 8–12].

Важным результатом исследования Н.А. Кононенко стала идентификация в коллекции поздней ушковской культуры орудий нового функционального типа – инструментов для копания грунта. Существование подобных изделий в изучаемой индустрии подразумевалось ввиду наличия в культурном слое VI памятника Ушки-I десяти углубленных на 30–50 см жилищных конструкций и двух грунтовых погребений, вырытых от уровня пола жилищ еще на 100 и 20 см соответственно. Тем не менее вплоть до недавнего времени облик и даже материал, из которого изготавливались, землекопные орудия, оставались загадкой. Два исследованных изделия из раскопок 1982 г. оказались изготовлены из длинных массивных сколов песчанистого сланца (см. рис. 1, 22, 23). Морфологически они соответствовали «скобелеобразным орудиям» из полуземлянки стоянки Ушки-IV [28]. Следы износа от копания

грунта «в виде общего истирания и завальцованности кромки» располагались на одном или двух противоположных концах изделий. Третье орудие – двойной чоппер из продолговатой гальки кремнево-породы – также обладало двумя рабочими краями (см. рис. 1, 21). На его кромках прослеживались «...сильно стертые, локально зашлифованные участки, которые образовались в результате абразивного воздействия грунта, достаточно плотного и твердого, с включением, возможно, щебенки, мелких камней. При попадании лезвия орудия на такие включения происходило скалывание поверхности рабочего края, уничтожавшее ранее образовавшиеся следы износа». Все три инструмента использовались без дополнительных рукоятей [35].

По ряду объективных причин большинство результатов исследования Н.А. Кононенко не нашло отражения в печати. В единственной публикации представлены итоги изучения клиновидных микронуклеусов, преформ и сколов культурного слоя VI [38]. Выводы о назначении других артефактов этой коллекции долгое время оставались малоизвестными и труднодоступными для науки. Часть наблюдений о следах износа нашла отражение в полевом отчете о раскопках стоянки Ушки-I в 1988 г. [33]. Рукописные материалы, чертежи и таблицы Н.А. Кононенко и Н.Н. Дикова со сведениями по трасологии изделий поздней ушковской культуры были обнаружены и проанализированы нами в процессе работы с археологическими фондами СВКНИИ ДВО РАН в 2014 г. Приступив к изучению материалов Ушковских стоянок 20 лет спустя, мы неоднократно убеждались в научной значимости исследования Н.А. Кононенко и актуальности сделанных ею выводов.

В 1989 г. Н.А. Кононенко проводился анализ коллекции артефактов из предположительно палеолитических памятников долины р. Кымьнанонвываам и руч. Верблюд (Чукотский п-ов). Среди кремневых и халцедоновых отщепов и осколков были определены рубящие орудия, скребла, скребки, ножи, пилки, скобели и одно комбинированное орудие – пилка-скобель [36. С. 17, 200–203]. Гипотеза об архаичности этих местонахождений была воспринята критически [37, 38]. Этому способствовали отсутствие четкой стратиграфической привязки и низкое качество материала большинства находок, расположение памятников вблизи источников сырья и вероятное воздействие на артефакты водной эрозии. Особенности экспонирования обсуждаемых находок могли напрямую повлиять на образование на их поверхностях следов естественного происхождения – заглаженности, зашлифованности, царапин и выкрошенности [36. С. 36, 143–144].

В этом же году функциональному анализу подвергается коллекция каменных изделий раннего голоценовой стоянки Среднее озеро V (Западная Чукотка). Анализ следов износа позволил Н.Н. Кононенко выделить комплекс орудий на микропластинах и реберчатых сколах: четыре резца, два концевых микроскребка, три проколки, два ножа, микродолото, пилку и выемчатый инструмент [39]. В результате исследования серии пластин, пластинчатых отщепов и технических сколов стоянки-мастерской Путурак (Чукотский п-ов)

выявлены скребки, скребки и ножи для обработки мяса [36. С. 42, 46]. Полученные сведения позволили пересмотреть первоначальную функциональную интерпретацию этих памятников.

Особую роль в изучении отжимной техники скола, широко распространенной в комплексах позднего палеолита и мезолита региона, сыграло трасологическое исследование микропластин из погребения Амга (Центральная Якутия) [40]. Микроскопический анализ площадок этих изделий позволил С.А. Семенову зафиксировать следы воздействия отжимом «при помощи костяного или рогового инструмента» [22. С. 50–51]. Актуализации проблем, связанных с реконструкцией микропластинчатых технологий, способствовало обнаружение на клиновидных ядрищах поздней ушковской культуры следов крепления [31. С. 170–171]. Изучение технологий микропластинчатого расщепления дюктайской палеолитической культуры на основе широкой серии экспериментов осуществлено Д. Фленни-кемом. Исследователем реконструированы особенности утилизации клиновидных нуклеусов с применением техники ручного отжима, приведены наблюдения в пользу существования в позднем палеолите региона предварительной термической обработки каменного сырья [41].

Трасологические исследования 1960–1980-х гг. сыграли важную роль в понимании древнейшего прошлого крайнего Северо-Востока Азии. Впервые целенаправленному изучению подвергся новый тип археологических источников – следы использования и обработки на каменных и костяных артефактах. Безусловно, за последние десятилетия методика трасологического анализа претерпела значительные изменения. В рассматриваемый период исследование признаков изготовления и утилизации осуществлялось при помощи бинокулярного микроскопа с относительно небольшим увеличением, что не позволяло анализировать такой диагностичный тип следов, как микрозаполировка. Из-за объема палеолитических коллекций и отсутствия штатных специалистов по трасологии в научных центрах региона проводимые функциональные исследования имели эпизодический и нерегулярный характер. Тем не менее результаты реализованных изысканий позволили получить новые сведения о производственной и хозяйственной деятельности древнейших обитателей обсуждаемой территории, значительно расширили представление о функциях отдельных категорий артефактов, продемонстрировали перспективы новых исследований в этих направлениях.

Второй этап: 1990–2010 гг. Дальнейшее развитие трасологического направления исследований в археологии крайнего Северо-Востока Азии

В 1990–2010 гг. особое место в археологии Северо-Восточной Азии приобрел трасологический и технологический анализ материалов самых северных местонахождений региона: мезолитической стоянки Жохово (Новосибирские о-ва), палеолитических памятников Яна и Берелех (Яно-Инди-Гирская низменность).

Первый опыт трасологического изучения материалов Жохово относится к началу 1990-х гг. В результате

анализа коллекции из раскопок 1989–1990 гг. Е.Ю. Гирей (ИИМК РАН) выделены нож и скребло для обработки шкур, выполненные из крупных бивневых отщепов. Дальнейшие исследования материалов Жоховской стоянки были возобновлены в 2000–2003 гг. Новые работы позволили реконструировать способы подготовки и использования вкладышевых составных орудий в эпоху раннего голоцена. В качестве вкладышей в жоховской индустрии использовались в основном прямые, стандартные по ширине и толщине медиальные сегменты пластинок, полученных ручным отжимом. Подобные микролиты закреплялись в пазовые оправы при помощи жидкого клея и использовались при разделке мяса и обработке шкур, дерева, рога, кости и бивня, в качестве метательных наконечников и сверл [4. С. 79–81; 8. С. 102]. Впервые в археологии Северо-Восточной Азии были выделены резцы на микропластинах с пришлифованным лезвием, которые применялись для изготовления пазов в кости, роге и бивне [8. С. 98–100]. Прием пришлифовки также использовался в жоховской индустрии для обработки лезвий рубящих орудий [4. С. 83].

В 2001–2003 гг. Е.Ю. Гирей и Г.А. Хлопачевым (МАЭ РАН) реализовывалась программа экспериментов по обработке дерева, камня, рога, кости и бивня мамонта с целью создания коллекции эталонов для анализа артефактов Жоховской стоянки. Г.А. Хлопачевым осуществлено технологическое изучение изделий из бивня со стоянок Берелех и Жохово [42]. Результаты совместных работ исследователей обобщены в монографии [43]. На основе изучения значительного массива археологических данных и собственных экспериментально-трасологических изысканий авторами реконструированы особенности технологий обработки бивня и рога, распространенных в верхнем палеолите Восточной Европы и Восточной Сибири.

Важные сведения были получены в результате технологических и трасологических исследований небольшой выборки орудий из кости и бивня Янской стоянки. Для стержней с уплощенными концами из бивня мамонта и рога шерстистого носорога установлены следы выпрямления и эффекта «памяти формы» [2]. В функциональном плане эти орудия рассматривались в качестве удлинителей боевой части древков копий и дротиков – ранних прототипов изделий типа foreshaft из памятников верхнепалеолитической традиции Кловис в Северной Америке. Из-за возможности быстрой замены сломанных наконечников использование подобных стержней предоставляло существенное преимущество при охоте на крупных млекопитающих [5. С. 111–117].

В 1990–2000-х гг. происходит интенсификация исследований на Чукотке. Трасологический анализ каменных орудий позволил получить дополнительные сведения о хозяйственной жизни древнего населения Чукотки в эпоху раннего голоцена. Изучение каменного острия со стоянки Озеро Красное позволило Н.А. Кононенко установить его использование для обработки кости [44]. Л.Г. Чайкиной (ИИМК РАН) проводилось трасологическое исследование серии каменных артефактов со стоянки Найван (раскоп № 2), среди кото-

рых оказались выделены скребок для мездрения шкур, ножи для разделки рыбы, скребок для обработки рога / кости, нож для резания мяса, резчик / строгальный нож для дерева и др. [45. С. 359].

Второй этап экспериментально-трасологических исследований характеризовался значительно возросшей плановностью и методологической проработанностью. В данный период особенно рельефно проявился интерес исследователей к комплексному анализу новых, слабо изученных ранее категорий древних артефактов. Это потребовало разработки новых подходов и методик микро- и макроанализа, проведения широких серий экспериментов, привлечения современных средств фотофиксации и компьютерной обработки графической информации. Археологические памятники Северо-Восточной Азии послужили источниковой основой для создания и апробации специализированной методики трасологического анализа древних петроглифов, применяемой сегодня на материалах Урала, Сибири и Дальнего Востока [46]. Региональные материалы играли заметную роль в разработке новых методик изучения технологий обработки бивня мамонта, рога северного оленя и моржового клыка в каменном веке [43, 47]. Существенной научной значимостью обладают результаты комплексных исследований резцов, проведенных Е.Ю. Гирей [8], работы И.В. Макарова по функциональному изучению рубящих орудий носителей приморских культур крайнего Северо-Востока Азии [48], изыскания К. Такаса относительно реконструкции технологий кожевенного производства в каменном веке Камчатки [49]. Изучение опыта трасологических изысканий в региональной археологии свидетельствует о наличии диспропорции в выборе объектов для анализа. Среди коллекций, изученных при помощи трасологического метода в 1990–2010-е гг., преобладали материалы памятников позднего голоцена.

Современное состояние экспериментально-трасологических исследований палеолитических комплексов крайнего Северо-Востока Азии

Новый этап в развитии археологической трасологии отличается дальнейшей интеграцией современных цифровых технологий в процесс исследования. Распространение технологий создания микро- и макрофотографий с фокусировкой по всей площади одного кадра, созданных из множества частично резких снимков, позволило получать изображение следов, которые ранее нельзя было увидеть в окуляр микроскопа. Развитие методик сверхточной фиксации и копирования следов посредством фотограмметрии, трехмерного сканирования и микротомографии предоставило качественно новую базу для наблюдения, анализа и визуализации следов использования и обработки.

На современном этапе развития трасологического направления исследований продолжается изучение археологических комплексов арктической зоны Северо-Восточной Азии. Е.Ю. Гирей анализируются материалы самой северной археологической стоянки каменного века в Евразии – Жохово. В результате изучения деревянных полозьев нарт выявлен выразительный ком-

плекс следов микро- и макроизноса от контакта со снегом. Анализ серии кирковидных изделий из бивня позволил установить использование этих изделий для фиксации жердей жилищ при установке на снегу в условиях походного лагеря. Результаты проведенного исследования наглядно свидетельствовали о функционировании мезолитической Жоховской стоянки в зимнее время [9]. При изучении выборки артефактов из местонахождений п-ова Кыттык в Западной Чукотке Е.Ю. Гирей реконструированы приемы изготовления изделий из бивня, определены форма и тип инструментов их обработки [50. С. 112–115].

Исследования последних лет выявили в Индигиро-Колымской области серию новых памятников с выразительными находками костяных и бивневых артефактов, костей плейстоценовых животных со следами охоты, разделки и расщепления [6]. Научным коллективом под руководством В.В. Питулько осуществлены работы по реконструкции технологий обработки бивня мамонта [51] и изготовления персональных украшений Янской стоянки [52–54]. Особую роль в установлении древнейших этапов заселения Арктики сыграло открытие местонахождений Бунге-Толль и Сопочная Карга, на которых обнаружены остеологические материалы возрастом 47 000 – 45 000 ^{14}C л.н. с достоверными признаками воздействия палеолитического человека. Форма орудий, оставивших эти следы, реконструировалась при помощи компьютерной томографии [3]. Прямое датирование костей плейстоценовой лошади и карибу со следами разделки каменными орудиями из местонахождения Блюфиш Кейв (Юкон, Канада) продемонстрировало возможность освоения территорий Восточной Берингии уже 19 600 – 18 500 ^{14}C л.н. [55].

Автором данной статьи осуществляются экспериментально-трасологические и технологические исследования каменной индустрии многослойной стоянки Ушки-I – ключевого палеолитического памятника Камчатского п-ова. В процессе анализа коллекции культурного слоя VI была выявлена серия из 200 изделий с резцовыми сколами. Трасологическое исследование этих артефактов позволило установить их использование в качестве вкладышей строгальных ножей и скобелей по твердым органическим материалам (рис. 2, 2) [10]. Функциональное изучение скребков поздней ушковской культуры продемонстрировало их использование для обработки свежих шкур (см. рис. 2, 1), строгания и скобления рога / кости и дерева [56]. В результате технолого-трасологического анализа реконструированы способы производства и использования каменных украшений Ушковских стоянок [57].

Предметом отдельного исследования стала коллекция нижнего культурного горизонта стоянки Хета – опорного верхнепалеолитического местонахождения Верхней Колымы. В процессе анализа материалов этого памятника нами выделено четыре функционально связанных группы орудий. Инструментами для скобления и строгания кости / рога служили два технических скола оформления площадки клиновидных микронуклеусов, скол с фронта нуклеуса, четыре резца (см. рис. 2, 3) и один скребок. Один скребок и две проколки образуют комплекс изделий со следами

обработки шкур животных. Серия артефактов использовалась для резания мяса – две пластины и одно бифасиально обработанное орудие (см. рис. 2, 4). Трасологический анализ 11 наконечников стрел позволил проследить признаки макро- и микроизноса от использования в качестве орудий охоты – следы креп-

ления и комплекс деформаций от попадания в кость животного. Для каменных украшений изучаемой индустрии реконструированы основные этапы изготовления и их дальнейшего употребления для одиночного подвешивания и в качестве составных элементов ожерелий / амулетов.

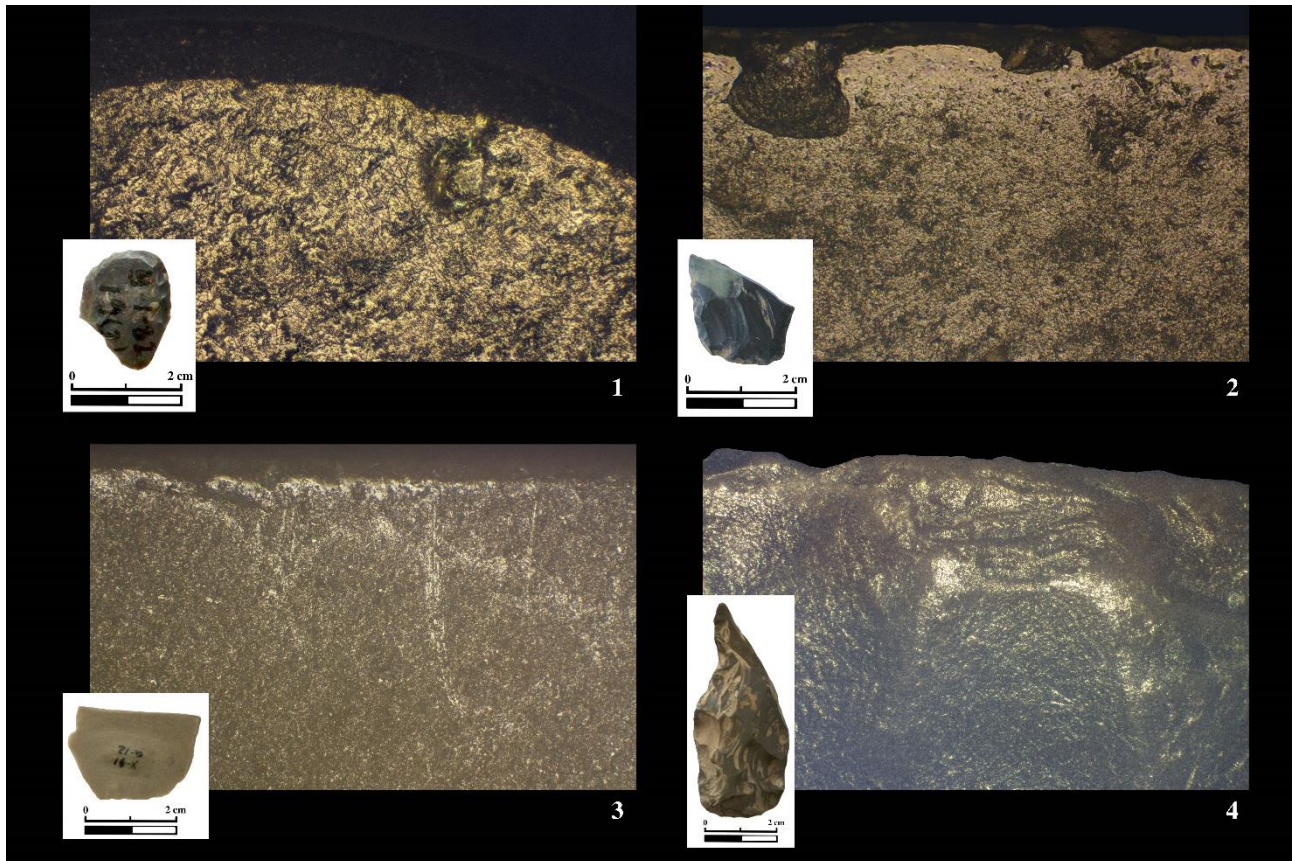

Рис. 2. Следы износа на каменных орудиях из палеолитических комплексов крайнего Северо-Востока Азии. Увеличение $\times 100$. Встроенное, проходящее через оптическую систему микроскопа Olympus BHM освещение. Обработка в программе Helicon Focus: 1 – следы скобления свежей шкуры на лезвии концевого скребка, стоянка Ушки-I, культурный слой VI; 2 – следы работы по твердому органическому материалу на диагональном резце, вид со стороны резцовой плоскости, стоянка Ушки-I, культурный слой VI; 3 – следы строгания кости на угловом резце, стоянка Хета, нижний культурный горизонт; 4 – следы резания мяса на лезвии бифаса, стоянка Хета, нижний культурный горизонт

Сведения, полученные на современном этапе трасологических исследований палеолитических и мезолитических комплексов Северо-Восточной Азии, представляют исключительную ценность при выявлении и сопоставлении культурных стереотипов в производственной деятельности древнего населения региона, способствуют переосмыслению проблем генезиса археологических культур региона и установлению характера древнейших миграций.

Автор выражает глубокую признательность за разностороннюю помощь в процессе подготовки статьи и обсуждения основных результатов исследования Н.А. Кононенко (Университет Сиднея, Австралия); ст. науч. сотр. Экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН, канд. ист. наук Е.Ю. Гире, вед. науч. сотр. МОКМ И.Е. Воробью, вед. науч. сотр. Лаборатории истории и экономики СВКНИИ ДВО РАН, канд. ист. наук А.И. Лебединцеву и канд. ист. наук С.Б. Слободину.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кашин В.А. Палеолит Северо-Восточной Азии: история и итоги исследований 1940–1980 гг. Новосибирск : Наука, 2003. 235 с.
2. Pitulko V.V., Nikolsky P.A., Giryа E.Yu., Basilyan A.E., Tumskoy V.E., Kulakov S.A., Astakhov S.N., Pavlova E.Yu., Anisimov M.A. The Yana RHS Site: Humans in the Arctic Before the Last Glacial Maximum // *Science*. 2004. Vol. 303. P. 52–56.
3. Pitulko V.V., Tikhonov A.N., Pavlova E.Yu., Nikolsky P.A., Kuper, K.E., Polozov R.N. Early human presence in the Arctic: Evidence from 45,000-year-old mammoth remains // *Science*. 2016. Vol. 351. P. 260–263. DOI: 10.1126/science.aad0554.
4. Гиря Е.Ю., Питулько В.В. Предварительные результаты и перспективы новых исследований стоянки на о. Жохова: технологический аспект // *Естественная история российской восточной Арктики в плейстоцене и голоцене*. М. : ГЕОС, 2003. С. 74–84.
5. Питулько В.В., Павлова Е.Ю. Геоархеология и радиоуглеродная хронология каменного века Северо-Восточной Азии. СПб. : Наука, 2010. 264 с.
6. Sikora M., Pitulko V.V., Sousa V.C., Allentoft M.E., Vinner L., Rasmussen S., Margaryan A., de Barros Damgaard P., de la Fuente C., Renaud G., Yang M.A., Fu Q., Dupanloup I., Giampoudakis K., Nogués-Bravo D., Rahbek C., Kroonen G., Peyro M., McColl H., Vasilyev S.V., Veselovskaya E., Gerasimova M., Pavlova E.Y., Chasnyk V.G., Nikolskiy P.A., Gromov A.V., Khartanovich V.I., Moiseyev V., Grebenyuk P.S., Fedorchenko A.Yu.,

- Lebedintsev A.I., Slobodin S.B., Malyarchuk B.A., Martiniano R., Meldgaard M., Arppe L., Palo J.U., Sundell T., Mannermaa K., Putkonen M., Alexandersen V., Primeau C., Baimukhanov N., Malhi R.S., Sjögren K.-G., Kristiansen K., Wessman A., Sajantila A., Lahr M.M., Durbin R., Nielsen R., Meltzer D.J., Laurent Excoffier L., Willerslev E. The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene // *Nature*. 2019. № 570. P. 182–188. DOI: 10.1038/s41586-019-1279-z.
7. Алексашенко Н.А. Трасология в археологии и этнографии Севера Западной Сибири // Северный археологический конгресс : доклады. Екатеринбург, 2002. С. 6–17.
8. Гиря Е.Ю. Изучение материальной культуры древнего населения Севера в контексте современных экспериментально-трасологических исследований // III Северный археологический конгресс : доклады. Екатеринбург, 2010. С. 92–108.
9. Гиря Е.Ю. Анализ некоторых результатов экспериментально-трасологических исследований Жоховской стоянки // IV Северный археологический конгресс : доклады. Екатеринбург, 2015. С. 28–36.
10. Федорченко А.Ю. Изделия с резцовыми сколами VI палеолитического слоя стоянки Ушки-I (Камчатка) // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2016. № 1. С. 223–241.
11. Гиря Е.Ю. Следы как вид археологического источника (конспект неопубликованных лекций) // Следы в истории. СПб. : ИИМК РАН, 2015. С. 232–268.
12. Коробкова Г.Ф. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. М. : Наука, 1987. 321 с.
13. Коробкова Г.Ф., Щелинский В.Е. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. СПб. : ИИМК РАН, 1996. Ч. 1. 80 с.
14. Волков П.В. Трасология в археологии Северной Азии. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 1999. 92 с.
15. Васильев С.А. Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых. СПб. : ИИМК РАН, 2008. 179 с.
16. Волков П.В. Эксперимент в археологии. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2010. 324 с.
17. Коробкова Г.Ф. Вклад С.А. Семенова в создание и развитие экспериментально-трасологического метода // Современные экспериментально-трасологические и технико-технологические разработки в археологии. СПб., 1999. С. 3–6.
18. Васильев С.А. С.А. Семенов как теоретик археологии // Археологические вести. 2006. Вып. 13. С. 363–368.
19. Васильев С.А., Желтова М.Н. Сектор / Отдел палеолита ЛОИИМК АН СССР – ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН и его предшественники в РАИМК – ГАИМК // Записки ИИМК РАН. 2008. № 3. С. 16–50.
20. Щелинский В.Е. Экспериментально-трасологическая лаборатория ИИМК РАН: предыстория, становления и развитие, нынешнее состояние // Записки ИИМК РАН. 2011. № 6. С. 7–34.
21. Семенов С.А. Первобытная техника. М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1957. 240 с.
22. Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л. : Наука, 1968. 362 с.
23. Диков Н.Н. Открытие палеолита на Камчатке и проблема первоначального заселения Америки // История и культура народов Севера Дальнего Востока. М. : Наука, 1967. С. 16–31.
24. Диков Н.Н. Древние костры Камчатки и Чукотки. Магадан : Магадан. кн. изд-во, 1969. 256 с.
25. Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Новосибирск : Наука, 1974. 454 с.
26. Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск : Наука, 1977. 264 с.
27. Semenov S.A. Prehistoric technology. An experimental study of the oldest tools and artefacts from traces on manufacture and wear. London : Cory, Adams & Mackay, 1964.
28. Диков Н.Н. Палеолитическое жилище на Камчатской стоянке Ушки-IV // Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск : Наука, 1970. С. 34–42.
29. Кононенко Н.А. Технология каменных орудий и хозяйство племен Приморья рубежа III–II тыс. до н.э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982. 16 с.
30. Волков П.В. Хозяйственная деятельность носителей гоматухинской культуры : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1989. 16 с.
31. Диков Н.Н., Кононенко Н.А. Результаты трасологического исследования клиновидных нуклеусов из шестого слоя стоянок Ушки I–V на Камчатке // Древние памятники Севера Дальнего Востока. Магадан : СВКНИИ ДВО АН СССР, 1990. С. 170–175.
32. Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф. 1. Р. 1. № 9243.
33. Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф. 1. Р. 1. № 14547.
34. Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф. 1. Р. 1. № 9820.
35. Федорченко А.Ю. Скребок орудия VI культурного слоя Ушковских стоянок (Центральная Камчатка): краткие итоги функциональных исследований // Россия и АТР. 2016. № 1. С. 187–203.
36. Диков Н.Н. Азия на стыке с Америкой в древности (Каменный век Чукотского п-ова). СПб. : Наука, 1993. 304 с.
37. Воробей И.Е. О находках палеолита на Омолоне // Исследования по археологии Севера Дальнего Востока. Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1999. С. 4–15.
38. Слободин С.Б. Перспективы археологических исследований ранних комплексов на Северо-Востоке Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 4. С. 49–60.
39. Кирьяк М.А. Комплекс каменных изделий со стоянки Среднее озеро V (Верховье р. Олой) // Археологические исследования на Севере Дальнего Востока. Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1996. С. 51–66.
40. Волков П.В., Гиря Е.Ю. Опыт исследования техники скола // Проблемы технологии древних производств. Новосибирск, 1990. С. 38–56.
41. Flenniken J.J. The Paleolithic Dyuiktai Pressure Blade Technique of Siberia // *Arctic Anthropology*. 1987. № 24 (2). P. 117–132.
42. Хлопачев Г.А. Истоки традиции обработки бивня мамонта на Жоховской стоянке // Естественная история российской восточной Арктики в плейстоцене и голоцене. М. : ГЕОС, 2003. С. 71–73.
43. Хлопачев Г.А., Гиря Е.Ю. Секреты древних костерезов Восточной Европы и Сибири: приемы обработки бивня мамонта и рога северного оленя в каменном веке. СПб. : Наука, 2010. 144 с.
44. Орехов А.А. Позднеплейстоценовые – раннеголоценовые комплексы оз. Красное (Восточная Чукотка) // Замятинский сборник. СПб., 2014. Вып. 3. С. 419–429.
45. Гусев С.В. Раннеголоценовая стоянка Найван в Беринговом проливе (Чукотский п-ов) // II Диковские чтения. Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2002. С. 356–363.
46. Гиря Е.Ю., Дэвлет Е.Г. Некоторые результаты разработки методики изучения техники выполнения петроглифов пикетажем // Уральский исторический вестник. 2010. № 1. С. 107–108.
47. Макаров И.В., Прут А.А., Мольс Н.В. Обработка кости на поселении Уненен (предварительные результаты) // Дальний Восток России в древности и средневековье: проблемы, поиски, решения. Владивосток, 2011. С. 64–73.
48. Макаров И.В. Рубящие орудия Токаревской культуры Северо-Западного побережья Охотского моря // Неолит и палеометалл Севера Дальнего Востока. Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2006. С. 128–141.
49. Takase K. End-scrapers of the Old Koryak Culture: a Case Study in the Kamchatka and Taigons Peninsulas // *Journal of the Graduate School of Letters, Hokkaido University*. 2012. Vol. 7. P. 31–53.
50. Вартанян С.Л., Гиря Е.Ю., Данилов Г.К., Слободин С.Б. Археологические местонахождения на Раучуа-Чаунской низменности, Западная Чукотка // VII Диковские чтения. Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2012. С. 112–115.
51. Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Никольский П.А. Обработка бивня мамонта в верхнем палеолите Арктической Сибири (по материалам Янской стоянки) // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2015. № 1. С. 223–283.

52. Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Иванова В.В. Искусство верхнего палеолита Арктической Сибири: личные украшения из раскопок Янской стоянки // Уральский исторический вестник. 2014. № 2 (43). С. 6–17.
53. Питулько В.В., Никольский П.А. Личные украшения (подвески) из раскопок Янской стоянки: массовые и единичные типы изделий // Замятинский сборник. СПб., 2014. Вып. 3. С. 408–418.
54. Питулько В.В., Павлова Е.Ю. Искусство Янской стоянки: диадемы и браслеты из бивня мамонта (предварительный анализ коллекции) // Археология Арктики. Екатеринбург, 2014. Вып. 2. С. 141–161.
55. Bourgeon L., Burke A., Higham T. Earliest Human Presence in North America Dated to the Last Glacial Maximum: New Radiocarbon Dates from Bluefish Caves, Canada // PLoS ONE. 2017. № 12 (1). DOI: 10.1371/journal.pone.0169486.
56. Федорченко А.Ю. Экспериментально-трасологическое исследование скребков поздней ушковской культуры (Центральная Камчатка) // КСИА. 2016. Вып. 243. С. 16–32.
57. Федорченко А.Ю. Каменные украшения VII культурного слоя Ушковских стоянок (Центральная Камчатка): технологический анализ // Вестник СВНЦ ДВО РАН. 2015. № 1. С. 100–114.

Fedorchenko Alexander Yu. Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IAET SB RAS) (Novosibirsk, Russia). E-mail: winteralex2008@gmail.com

TRACEOLOGICAL STUDIES OF THE LATE PLEISTOCENE AND EARLY HOLOCENE ASSEMBLAGES FROM NORTHEASTERN ASIA. HISTORY AND STATUS

Keywords: Northeastern Asia; Upper Palaeolithic; Mesolithic; experimental traceological analysis; traceology.

The article presents an overview of the main results of experimental and traceological studies of the Late Paleolithic and Mesolithic assemblages from the extreme Northeast Asia. The research was based on materials from archival and published written sources. All fifty-year history of regional traceological studies we divided for two chronological stages, which differ in the nature of the sources and the methodology used. The first stage covers the chronological interval from the 1960s to the 1980s. In this period S.A. Semenov and N.A. Kononenko carried out the first functional studies of stone and bone artifacts from Kamchatka, Chukotka and the Kolyma. In the 1960–1970s the founder of the experimental traceological method S.A. Semenov conducted a functional and technological study of stone ornaments and tools from burial of the Ushki-I site, cultural layer VII (Kamchatka), and collection of bone artifacts from the Bochanut (Lower Kolyma) and Ust-Mil II (Aldan river) sites. In 1989, N.A. Kononenko did a large-scale study of archaeological collections from the Paleolithic and Mesolithic sites of Kamchatka and Chukotka (Ushki-I, Kymynonovyvaam, Puturak, Sredneye Ozero V). The most extensive and representative results were obtained when studying the stone artifact collection from Ushki I site, cultural layer VI. The subject of the analysis were wedge-shaped microcores and their preforms, core preparation flakes and microblades, end-scrapers, side-scrapers, choppers, bifacies, flakes and other types of artifacts. The researcher identified new functional types of tools, obtained information about the discrepancy of some stone artifacts typological definitions with their real function and purpose, described the peculiarities of the tools repair process in the industry of Late Ushki culture. At the second stage (1990–2010), there is an intensification of experimental and traceological studies of archaeological collections from regional archaeological sites. During this period, the functional and technological analysis of the Final Pleistocene and Early Holocene assemblages of Arctic Siberia and Chukotka was carried out by E.Yu. Girya, G.A. Khlopachev, L.G. Chaikina and I.V. Makarov. Investigations of archaeological collection from Zhokhov Mesolithic site carried out by E.Yu. Girya played a pivotal role in the history of the regional traceological studies. The researcher clarified and expanded the scientific concepts about the methods of preparation and use of insert tools, revealed the burins on microblades with a ground edge, specified the main categories of stone tools technologies. E.Yu. Girya did experimental and traceological research of Zhokhovs artifacts made of organic materials – wooden sledges, tools from tusk, antler and bone. The study of archaeological industries from the Arctic zone of Northeast Asia – the Zhokhov and Yana sites, – continues at the present stage of the development of traceological direction research. A series of studies is devoted to the analysis of Pleistocene animal's bones artifacts with traces of hunting, cutting and splitting, which are obtained from paleontological and archaeological sites. The author of this article carried out a functional and technological study of the Final Pleistocene assemblages from the Ushki-I (Kamchatka) and Kheta (Upper Kolyma) sites.

REFERENCES

1. Kashin, V.A. (2003) *Paleolit Severo-Vostochnoy Azii: istoriya i itogi issledovaniy 1940–1980 gg.* [The Paleolithic of Northeast Asia: History and the Results of Research. 1940–1980]. Novosibirsk: Nauka.
2. Pitulko, V.V., Nikolsky, P.A., Girya, E.Yu., Basilyan, A.E., Tumskey, V.E., Kulakov, S.A., Astakhov, S.N., Pavlova, E.Yu. & Anisimov, M.A. (2004) The Yana RHS Site: Humans in the Arctic Before the Last Glacial Maximum. *Science*. 303. pp. 52–56.
3. Pitulko, V.V., Tikhonov, A.N., Pavlova, E.Yu., Nikolsky, P.A., Kuper, K.E. & Polozov, R.N. (2016) Early human presence in the Arctic: Evidence from 45,000-year-old mammoth remains. *Science*. 351. pp. 260–263. DOI: 10.1126/science.aad0554
4. Girya, E.Yu. & Pitulko, V.V. (2003) Predvaritel'nye rezul'taty i perspektivy novykh issledovaniy stoyanki na o. Zhokhova: tekhnologicheskyy aspekt [Preliminary results and prospects of new investigations of the Zhokhovo site: Technological and traceological aspect]. In: Pitulko, V.V. (ed.) *Estestvennaya istoriya rossiyskoy vostochnoy Arktiki v pleystotsene i golotsene* [Natural history of the Russian Eastern Arctic in Pleistocene and Holocene]. Moscow: GEOS. pp. 74–84.
5. Pitulko, V.V. & Pavlova, E.Yu. (2010) *Geoarkheologiya i radiouglerodnaya khronologiya kamennogo veka Severo-Vostochnoy Azii* [Stone Age geoarchaeology and radiocarbon chronology of North-Eastern Asia]. St. Petersburg: Nauka.
6. Sikora, M., Pitulko, V.V., Sousa, V.C., Allentoft, M.E. et al. (2019) The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene. *Nature*. 570. pp. 182–188. DOI: 10.1038/s41586-019-1279-z
7. Aleksashenko, N.A. (2002) Trasologiya v arkheologii i etnografii Severa Zapadnoy Sibiri [Traceology in archaeology and ethnography of the North of Western Siberia]. In: Golovnev, A.V. (ed.) *Severnnyy arkheologicheskyy kongress* [Northern Archaeological Congress]. Ekaterinburg: [s.n.]. pp. 6–17.
8. Girya, E.Yu. (2010) Izucheniye material'noy kul'tury drevnego naseleniya Severa v kontekste sovremennykh eksperimental'no-trasologicheskikh issledovaniy [Investigation of the material culture of the North ancient population in the context of modern experimental traceological studies]. In: Golovnev, A.V. (ed.) *III Severnyy arkheologicheskyy kongress* [The Third Northern Archaeological Congress]. Ekaterinburg: [s.n.]. pp. 92–108.
9. Girya, E.Yu. (2015) Analiz nekotorykh rezul'tatov eksperimental'no-trasologicheskikh issledovaniy Zhokhovskoy stoyanki [Analysis of some results of experimental trace evidence study of the Zhokhov site]. In: Chairkina, N.M. (ed.) *IV Severnyy arkheologicheskyy kongress* [The Fourth Northern Archaeological Congress]. Ekaterinburg: [s.n.]. pp. 28–36.
10. Fedorchenko, A.Yu. (2016) Izdeliya s reztsovyymi skolami VI paleoliticheskogo sloya stoyanki Ushki-I (Kamchatka) [Pieces with Burin Spalls from Cultural Layer VI of Ushki-I (Kamchatka)]. *Stratum plus*. 1. pp. 223–241.
11. Girya, E.Yu. (2015) Sledy kak vid arkheologicheskogo istochnika (konspekt neopublikovannykh lektsiy) [Traces as type of archaeological sources (abstract of unpublished lectures)]. In: Lozovskaya, O.V., Lozovskiy, V.M. & Girya, E.Yu. (eds) *Sledy v istorii* [Traces in the History]. St. Petersburg: RAS. pp. 232–268.

12. Korobkova, G.F. (1987) *Khozyaystvennye komplekсы rannikh zemledel'chesko-skotovodcheskikh obshchestv yuga SSSR* [Economic complexes of the early agricultural and stock-raising societies of the USSR South]. Moscow: Nauka.
13. Korobkova, G.F. & Shchelinsky, V.E. (1996). *Metodika mikro-makroanaliza drevnikh orudiy truda* [The method of micro-macroanalysis of ancient tools]. Part 1. St. Petersburg: RAS.
14. Volkov, P.V. (1999) *Trasologicheskie issledovaniya v arkheologii Severnoy Azii* [Trace evidence studies in archaeology of Northern Asia]. Novosibirsk: SB RAS.
15. Vasilyev, S.A. (2008) *Drevneyshee proshloe chelovechestva: poisk rossiyskikh uchenykh* [Russian Scholars on Human Prehistory]. St Petersburg: RAS.
16. Volkov, P.V. (2010) *Eksperiment v arkheologii* [Experiment in archaeology]. Novosibirsk: SB RAS.
17. Korobkova, G.F. (1999) Vklad S.A. Semenova v sozdanie i razvitie eksperimental'no-trasologicheskogo metoda [S.A. Semenov's contribution to the creation and development of the experimental traceological method]. In: Korobkova, G.F. (Ed.) *Sovremennye eksperimental'no-trasologicheskie i tekhniko-tehnologicheskie razrabotki v arkheologii* [Modern experimental traceological and technological developments in archaeology]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 3–6.
18. Vasiliev, S.A. (2006) S.A. Semenov kak teoretik arkheologii [S.A. Semenov as an archeology theorist]. *Arkheologicheskie vesti*. 13. pp. 363–368.
19. Vasiliev, S.A. & Zheltova, M.N. (2008) Sektor / Otdel paleolita LOIMK AN SSSR – LOIA AN SSSR – IIMK RAN i ego predshestvenniki v RAIMK – GAIMK [Sector / Department of Paleolithic of Leningrad Branch of IHMC AN USSR – Leningrad branch of IA AN SSSR – IHMC RAS and its predecessors in RAHMC – SAHMC]. *Zapiski IIMK RAN*. 3. pp. 16–50.
20. Shchelinsky, V.E. (2011) Eksperimental'no-trasologicheskaya laboratoriya IIMK RAN: predystoriya, stanovleniya i razvitie, nyneshnee sostoyanie [Experimental traceological laboratory of IHMC RAS: its formation, development and current situation]. *Zapiski IIMK RAN*. 6. pp. 7–34.
21. Semenov, S.A. (1957) *Pervobytnaya tekhnika* [Prehistoric Technology]. Leningrad: USSR AS.
22. Semenov, S.A. (1968) *Razvitie tekhniki v kamennom veke* [Development of technology in the Stone Age]. Leningrad: Nauka.
23. Dikov, N.N. (1967) Otkrytie paleolita na Kamchatke i problema pervonachalnogo zaseleniya Ameriki [The discovery of the paleolithic in Kamchatka and the problem of initial settlement of America]. In: Krushanov, A.I. (ed.) *Istoriya i kul'tura narodov Severa Dal'nego Vostoka* [History and Culture of the Peoples of the Northern Far East]. Moscow: Nauka. pp. 16–31.
24. Dikov, N.N. (1969) *Drevnie kostry Kamchatki i Chukotki* [Early Hearths of Kamchatka and Chukotka]. Magadan: Magadan. knizhn. izd-vo.
25. Dikov, N.N. (ed.) (1974) *Ocherki istorii Chukotki s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [Essays on the History of Chukotka from Earliest Times up to the Present Day]. Novosibirsk: Nauka.
26. Mochanov, Yu.A. (1977) *Drevneyshie etapy zaseleniya chelovekom Severo-Vostochnoy Azii* [The Earliest Stages of Settlement in Northeast Asia]. Novosibirsk: Nauka.
27. Semenov, S.A. (1964) *Prehistoric technology. An experimental study of the oldest tools and artefacts from traces on manufacture and wear*. London: Cory, Adams & Mackay.
28. Dikov, N.N. (1970) Paleoliticheskoe zhilishche na Kamchatskoy stoyanke Ushki-IV [A paleolithic dwelling at the Kamchatka site of Ushki IV]. In: Larichev, V.E. (ed.) *Sibir' i ee sosed'i v drevnosti* [Siberia and Its Neighbors in Ancient Times]. Novosibirsk: Nauka. pp. 34–42.
29. Kononenko, N.A. (1982) *Tekhnologiya kamennykh orudiy i khozyaystvo plemen Primor'ya rubezha III–II tys. do n.e.* [The technology of stone tools and the economy of the Primorye tribes in the 3rd – 2nd millennium BC]. Abstract of History Cand. Diss. Leningrad.
30. Volkov, P.V. (1989) *Khozyaystvennaya deyatel'nost' nositeley gromatukhinskoy kul'tury* [Economic activities of the Gromatukha culture tribes]. Abstract of History Cand. Diss. Novosibirsk.
31. Dikov, N.N. & Kononenko, N.A. (1990) Rezul'taty trasologicheskogo issledovaniya klinovidnykh nukleusov iz shestogo sloya stoyanok Ushki I–V na Kamchatke [Results of trace evidence study of wedge-shaped cores from the layer sixth of sites Ushki I–V in Kamchatka]. In Dikov, N.N. (ed.) *Drevnie pamyatniki Severa Dal'nego Vostoka* [Ancient sites of the North of the Far East]. Magadan: USSR AS. pp. 170–175.
32. The Scientific Archive of Institute of Archaeology of Russian Academy of Science. Fund 1 R-1. File №9243.
33. The Scientific Archive of Institute of Archaeology of Russian Academy of Science. Fund 1 R-1. File №14547.
34. The Scientific Archive of Institute of Archaeology of Russian Academy of Science. Fund 1 R-1. File №9820.
35. Fedorchenko, A.Yu. (2016) Scraping tools of the VI occupation layer of Ushkovskie sites (Central Kamchatka): brief results of functional studies. *Rossiya i ATR – Russia and the Pacific*. 1. pp. 187–203. (In Russian).
36. Dikov, N.N. (1993) *Aziya na styke s Amerikoy v drevnosti (Kamennyy vek Chukotskogo p-ova)* [Asia at the junction with America in ancient times: The Stone Age of the Chukchi Peninsula]. St. Petersburg: Nauka.
37. Vorobey, I.E. (1999) O nakhodkakh paleolita na Omolone [About paleolithic finds at the Omolon]. In: Lebedintsev, A.I. (ed.) *Issledovaniya po arkheologii Severa Dal'nego Vostoka* [Researches on archeology of the North of the Far East]. Magadan: RAS. pp. 4–15.
38. Slobodin, S.B. (2000) Perspektivy arkheologicheskikh issledovaniy rannikh kompleksov na Severo-Vostoke Azii [Prospects of archaeological investigations of early complexes in North-East Asia]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 4. pp. 49–60.
39. Kiryak, M.A. (1996) Kompleks kamennykh izdeliy so stoyanki Srednee ozero V (Verkhov'e r. Oloy) [Stone artefact complex from Sredneye Ozero V site (Upper reaches of the Oloy river)]. In: Lebedintsev, A.I. (ed.) *Arkheologicheskie issledovaniya na Severe Dal'nego Vostoka* [Archeological Researches in the North of the Far East]. Magadan: RAS. pp. 51–66.
40. Volkov, P.V. & Girya, E.Yu. (1990) Opyt issledovaniya tekhniki skola [Knapping technique studies]. In: Soloviev, A.I. (ed.) *Problemy tekhnologii drevnikh proizvodstv* [Problems of ancient productions technology]. Novosibirsk: Poligraf. pp. 38–56.
41. Flenniken, J.J. (1987) The Paleolithic Dyuhtai Pressure Blade Technique of Siberia. *Arctic Anthropology*. 24(2). pp. 117–132.
42. Khlopachev, G.A. (2003) Istoki traditsii obrabotki bivnya mamonta na Zhokhovskoy stoyanke [The origins of the tradition of processing mammoth tusk at the Zhokhov site]. In: Pitulko, V.V. (ed.) *Estestvennaya istoriya rossiyskoy vostochnoy Arktiki v pleystotsene i golotsene* [Natural history of the Russian Eastern Arctic in the Pleistocene and Holocene]. Moscow: GEOS. pp. 71–73.
43. Khlopachev, G.A. & Girya, E.Yu. (2010) *Sekrety drevnikh kostorezov Vostochnoy Evropy i Sibiri: priemy obrabotki bivnya mamonta i roga severnogo olenya v kamennom veke* [Secrets of Ancient Carvers in the Eastern Europe and Siberia: Processing Techniques of Mammoth Tusk and Reindeer Antler in the Stone Age]. St. Petersburg: Nauka.
44. Orekhov, A.A. (2014) Pozdnepleystotsenovye – rannegolotsenovyie komplekсы oz. Krasnoe (Vostochnaya Chukotka) [Late Pleistocene and Early Holocene complexes from the Krasnoye Lake (Eastern Chukotka)]. In: Khlopachev, G.A. (ed.) *Zamyatninskiy sbornik* [The Zamyatin Collection]. Vol. 3. St. Petersburg: RAS. pp. 419–429.
45. Gusev, S.V. (2002) Rannegolotsenovaya stoyanka Nayvan v Beringovom prolyve (Chukotskiy p-ov) [The Early Holocene site of Naivan in the Bering Strait (Chukotka Peninsula)]. In: Lebedintsev, A.I. *II Dikovskie chteniya* [The Second Dikov Readings]. Magadan: RAS. pp. 356–363.
46. Girya, E.Yu. & Devlet, E.G. (2010) Nekotorye rezul'taty razrabotki metodiki izucheniya tekhniki vypolneniya petroglifov piketazhem [Some notes on methodological approach to rock art technology analyses]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 1. pp. 107–108.
47. Makarov, I.V., Prut, A.A. & Mols, N.V. (2011) Obrabotka kosti na poselenii Unenen (predvaritel'nye rezul'taty) [Bone processing at Unenen settlement (preliminary results)]. In: Klyuev, N.A. (ed.) *Dalniy Vostok Rossii v drevnosti i srednevekovie: problemy, poiski, resheniya* [The Russian Far East in ancient and medieval times: problems, searches, solutions]. Vladivostok: Reya. pp. 64–73.

48. Makarov, I.V. (2006) Rubyashchie orudiya Tokarevskoy kul'tury Severo-Zapadnogo poberezh'ya Okhotskogo morya [Large cutting tools in Tokarev culture of North-Western Okhotsk sea coast]. In: Lebedintsev, A.I. *Neolit i paleometall Severa Dal'nego Vostoka* [Neolithic and Paleometal of the North of the Far East]. Magadan: RAS. pp. 128–141.
49. Takase, K. (2012) End-scrapers of the Old Koryak Culture: A Case Study in the Kamchatka and Taigonos Peninsulas. *Journal of the Graduate School of Letters, Hokkaido University*. 7. pp. 31–53.
50. Vartanyan, S.L., Giryа, E.Yu., Danilov, G.K. & Slobodin, S.B. (2012) Arkheologicheskie mestonakhozhdeniya na Rauchua-Chaunskoy nizmennosti, Zapadnaya Chukotka [Archaeological sites at Rauchua-Chaun lowland, Western Chukotka]. In: Lebedintsev, A.I. *VII Dikovskie chteniya* [The 7th Dikov Readings]. Magadan: RAS. pp. 112–115.
51. Pitulko, V.V., Pavlova, E.Yu. & Nikolsky, P.A. (2015) Processing of the Mammoth Tusk in the Upper Palaeolithic of the Arctic Siberia (with Particular Reference to the Materials of the Yana Site). *Stratum plus*. 1. pp. 223–283. (In Russian).
52. Pitulko, V.V., Pavlova, E.Yu. & Ivanova, V.V. (2014) Upper Paleolithic art of the Arctic Siberia: personal adornments from excavations of the Yana Site. *Uralskiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 2(43). pp. 6–17. (In Russian).
53. Pitulko, V.V. & Nikolsky, P.A. (2014) Lichnye ukrasheniya (podveski) iz raskopok Yanskoy stoyanki: massovye i edinichnye tipy izdeliy [Personal adornments (pendants) unearthed at Yana site: serial and specific types of artifacts]. In: Khlopachev, G.A. *Zamyatninskiy sbornik*. Vol. 3. St. Petersburg: RAS. pp. 408–418.
54. Pitulko, V.V. & Pavlova, E.Yu. (2014) Iskustvo Yanskoy stoyanki: diademy i braslety iz bivnya mamonta (predvaritel'nyy analiz kollektsii) [Art of the Yana Site: Mammoth Ivory Diadems and Bracelets (Preliminary Analysis of the Collection)]. In: Fedorova, N.V. *Arkheologiya Arktiki* [Archaeology of the Arctic]. Vol. 2. Ekaterinburg: Delovaya Pressa. pp. 141–161.
55. Bourgeon, L., Burke, A. & Higham, T. (2017) Earliest Human Presence in North America Dated to the Last Glacial Maximum: New Radiocarbon Dates from Bluefish Caves, Canada. *PLoS ONE*. 12(1). DOI: 10.1371/journal.pone.0169486
56. Fedorchenko, A.Yu. (2016) Experimental trace evidence analysis of end-scrapers from late Ushki culture (Central Kamchatka). *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (KSIA) – Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 243. pp. 16–32. (In Russian).
57. Fedorchenko, A.Yu. (2015) Stone ornaments of cultural layer VII at the Ushki sites (Central Kamchatka): technological analysis. *Vestn. SVNTs DVO RAN – Bulletin of the North-East Science Center*. 1. pp. 100–114. (In Russian).

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(410)04/18
DOI: 10.17223/19988613/60/27

В.В. Высокова

**ЛОРД КЛАРЕНДОН, ИЛИ РАССУЖДЕНИЯ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОРАЛИ.
РЕЦЕНЗИЯ: СОКОЛОВ А.Б. КЛАРЕНДОН И ЕГО ВРЕМЯ. СТРАННАЯ ИСТОРИЯ
ЭДВАРДА ХАЙДА: КАНЦЛЕРА И ИЗГНАННИКА. СПБ. : АЛЕТЕЙЯ, 2017. 472 с.**

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00186 «“Культура духа” vs “Культура разума”: Интеллектуалы и Власть в Британии и России в эпоху Перемен (XVII–XVIII вв.)».

Рецензия посвящена новой монографии доктора исторических наук, декана исторического факультета Ярославского педагогического университета им. К.Д. Ушинского А.Б. Соколова «Кларендон и его время: странная история Эдварда Хайда: канцлера и изгнанника». В центре внимания – новая в отечественной историографии интерпретация Английской революции XVII в.: сквозь призму интеллектуальной биографии Эд. Хайда А.Б. Соколов впервые в новейшее время обращается к идеологии роялистского лагеря, а также создает обширную его портретную галерею.

Ключевые слова: Английская революция XVII в.; Т. Гоббс; лорд Кларендон; политическая мораль; Стюарты; Эд. Хайд.

Знаменательным событием в отечественной новистике последнего времени стала монография «Кларендон и его время» Андрея Борисовича Соколова. Автор хорошо известен своими исследованиями по истории Британии XVII–XVIII вв. [1], работами по методологии и историографии истории [2, 3], а также анализом зарубежных учебников по истории [4]. Показательным является выбор темы его исследования – биография Эдварда Хайда, лорда Кларендона (1609–1674), видного деятеля Реставрации, консервативного мыслителя и отца-основателя историографии Английской революции XVII в. А.Б. Соколов наконец-то смещает фокус внимания с представителей левого лагеря Английской буржуазной революции (М.А. Барг, Т.А. Павлова и др.) на лагерь кавалеров-роялистов. Подобный подход вполне может претендовать на роль «славной революции» в отечественном англоведении.

Автор ставит перед собой триединую задачу: во-первых, «понять мотивы, двигавшие поступками героя, уловить его психологический склад», выявить его собственное «я»; во-вторых, «дать читателю представление о времени, когда жил Хайд», в-третьих, показать портретную галерею современников главного героя и разорвать «круг имен, очерченный... советскими англоведами» (С. 13–15). По существу, мы имеем дело с «биографическим протоколом» лорда Кларендона в духе Ханны Арендт [5] – его интеллектуальной биографией. Этот подход заставляет автора все время обращать внимание на умолчания и особенности изложения лордом Кларендоном событий бурного XVII в. в им же самим оставленных текстах. Это такие сочинения Эдварда Хайда, как «История мятежа и гражданских войн», опубликованное посмертно его сыновьями

в 1702 г., произведение «Размышления и рассуждения о псалмах Давида» (1727), над которым Хайд работал фактически всю жизнь, дабы «сформулировать духовные и нравственные уроки» в контексте политических и церковных конфликтов своего времени; третьим по значимости А.Б. Соколов называет его «АнтиГоббса», или сочинение «Краткий обзор и исследование опасных и вредных для церкви и государства ошибок в книге мистера Гоббса, названной “Левиафан”» (1676).

Именно это третье сочинение лорда Кларендона и связанные с ним рассуждения А.Б. Соколова подвигли автора данной рецензии к ее написанию. Значимость этого побочного для монографии сюжета в следующем. Известно, что в советской историографии Томас Гоббс рассматривался как выдающийся философ раннего нового времени [6]. Как показала практика, концепция Гоббса об анонимном делегированном государстве обернулась «дисциплинарной» системой управления обществом. К этому выводу в XX в. пришел, среди прочих, М. Фуко в работе «Надзирать и наказывать» (1975). К. Скиннер, принадлежащий совсем к иной историографической традиции, говорит, собственно, об этом же в работе «Свобода до либерализма» (1998). Кларендон, знавший Гоббса лично, не мог простить ему «зла, которое он нанес королю, церкви, законам и нации» (С. 457–458). Закон и послушание, по его глубокому убеждению, вытекают «не из договора, а из обычаев предков, уважение которых является обязанностью и подданных, и власти». «В основании природы мир, и Бог... дал ему [человеку] естественную власть, чтобы управлять миром в гармонии и порядке». «Дурные люди» покусались на этот божественный миропорядок.

Открывает монографию А.Б. Соколова пролог, в котором впервые в отечественной историографии Яков I Стюарт получает объемную характеристику как человек и государственный деятель. Он предстает как «гибкий политик», который «никогда не давал ни одной фракции установить полное господство в управлении и не становился ее инструментом» (С. 23). Конечно, были трудности, но королю удавалось сохранять согласие со своими подданными. Это и понятно: Яков VI Шотландский имел богатый опыт управления Шотландией. К слову сказать, его мать – Мария Стюарт – не смогла удержать в своих руках шотландскую корону. Второй Стюарт на английском престоле, Карл I по тексту монографии выступает как прямая противоположность отцу и предстает человеком, «непригодным к монархической власти», не чувствовавшим природы «баланса» между наследственной монархией, парламентом, судебной системой и епископальной англиканской церковью.

Структурно монография поделена на семь глав в соответствии периодами жизни Эдварда Хайда, которые в значительной степени совпадают с основными вехами английской истории XVII в. Первая глава «“Высшая степень благополучия, когда-либо существовавшая”: 1608–1638» охватывает первые 30 лет жизни главного героя – будущего Лорда-канцлера Английского королевства – и дает читателю представление о его социальном происхождении и месте его семьи в ранговой иерархии английского общества. Становится ясно, что семья Хайдов не относилась к богатой титулованной аристократии (*nobility*), однако принадлежала к категории зажиточных землевладельцев графства Уилтшир (поместье Динтон в 13 км от Солсбери, поместье Пертон и др.). Каков был доход этих владений, А.Б. Соколов не указывает, но то, что все сыновья в семье деда, отца и самого Эдварда получили университетское образование (по преимуществу Оксфорд, колледж Св. Магдалены), говорит о состоятельности семьи. Однако средства семьи, судя по всему, формировалось не только земельными доходами. «Ограниченный сэттлмент» вынуждал младших сыновей искать доходные профессии [7. С. 181–192]. Юридическая практика открыла путь наверх как двум дядьям Эдварда, так и ему самому. Он был членом одной из четырех самых влиятельных судебных корпораций *Middle Temple*. В этом же «цехе» он нашел себе жену, дочь судьи сэра Томаса Эйлсбери, леди Фрэнсис. Сам же Эдвард Хайд по происхождению не был ни сэром, ни пэром, что следует из отсутствия титула в его имени.

Он относился к «сословию» джентри (С. 52). Отцу Эдварда – Генри Хайду, который сам был третьим сыном в семье, – было трудно оплачивать обучение своего третьего сына в университете. Он очень надеялся на получение стипендии, заручившись соответствующими рекомендательными письмами. Как оказалось, тщетно, но тем не менее Эдвард благополучно завершил обучение и в 1626 г. получил степень бакалавра искусств. Свободное владение латынью дало ему возможность в будущем успешно справляться с разного рода дипломатическими миссиями, другими «иностранными языками он не владел» (С. 165). Очевидно, что только

благодаря личным качествам и заслугам этот человек мог сделать успешную карьеру. Вероятно, «сословная» принадлежность Хайда и была тем «обстоятельством», которое предопределило политическое фиаско лорда Кларендона в годы Реставрации. Он плохо вписывался в гедонистическую атмосферу блестящего двора Карла II, раздражая высшую аристократию своей исполнительностью, работоспособностью и следованием некогда усвоенным принципам. «Жирный стряпчий» – вот то прозвище, которое он получил в годы Реставрации.

Главным персонажем второй главы «“Ярость, неистовство, гнев”: 1638–1642» является баронет Уэнтворт (1593–1641), получивший титул графа Стаффорда в январе 1640 г. Следует согласиться с А.Б. Соколовым, что «если ключом к шотландской революции было слово «молитвенник», то ключом к английской революции стало имя Уэнтворта» (С. 89), и заметить, что впервые в отечественной историографии фигура лорда Стаффорда получает человеческие очертания. Он предстает «способным и энергичным государственным деятелем, способствовавшим стабилизации финансового и политического положения в стране в 1630-е гг.» (С. 99), успешно исполнявшим обязанности Лорда-наместника Ирландии с 1633 г. и призванным короной на авансцену в тяжелый момент войны с Шотландией. Идея Стаффорда о созыве парламента в апреле 1640 г. получает по тексту монографии наименование «политики напролом», а роспуск Короткого парламента в ноябре 1640 г. вслед за текстом «Истории мятежа» интерпретируется как «роковая ошибка» Карла I, как путь к политической катастрофе (С. 95). Хотя никому тогда и в голову не могло прийти, что через несколько месяцев – в мае 1641 г. – Стаффорд будет казнен.

Здесь для исследователя один из трудных моментов в интерпретации политической биографии главного героя – члена палаты общин Короткого и Долгого парламента, так как, «по-видимому, Хайд голосовал за билль, провозглашавший Стаффорда виновным в государственной измене, однако в этом не признался» (С. 100). А.Б. Соколов показывает, что Стаффорд фактически оказался в одиночестве и между двух огней. С одной стороны, это были радикальные реформаторы во главе с Пимом и Гемпденом, с другой – группировка «конституционных монархистов», в которую входили сам Хайд и его патрон лорд Фолкленд. В «Истории мятежа» лорд Кларендон так интерпретировал трагедию лорда Стаффорда: «Его несчастье состояло в том, что он привлек лишь очень немногих мудрых людей, и не было ни одного... чьи возможности и способности были равны ему... Его доминирующей страстью была гордость... ему вполне подходит эпитафия, которую... Сцилла написал самому себе: “Никто не превосходил его в том, чтобы делать добро своим друзьям и наносить вред своим врагам”. – И то и другое было хорошо известно и получило недобрую славу» (С. 101). А.Б. Соколов приводит меткий эпиграф к сочинению о лорде Стаффорде, появившемуся после его кончины: «Каждому в назидание лорда Уэнтворта пример; Есть шанс упасть, взобравшись вверх без мер» (С. 101). Но самое главное, и это прочитывается как вывод А.Б. Соколова: Стаффорда предал король, по-

лагая, что это будет последняя жертва на алтарь парламента.

Главным «персонажем» третьей и четвертой глав является гражданская война как сложный многоуровневый социально-политический феномен. По прочтении этих глав читатель уже готов разделить точку зрения ревизионистов о революции как историографическом мифе. Действительно, здесь действовало множество самодостаточных тенденций, которые в какие-то моменты вступали в противоречия, а где-то сливались в единый поток событий и обстоятельств. Это и «Война трех королевств», и «Война Короля и Парламента», и противостояние «Двора и Страны» и т.д. Событийно-хронологический подход позволяет автору нанизать эти «бусины» случайностей, совпадений, личных амбиций, групповых интересов в связное, но трудное для чтения повествование. Собственно, самому Эдварду Хайду уделено здесь не так много внимания, зачастую приводятся его позднейшие оценки тем или иным событиям 1642–1649 гг.

Из третьей главы «“Противоестественная война”: 1642–1645» мы узнаем, что уже в феврале 1642 г. Эдвард Хайд присоединился к покинувшему Лондон королю, оказавшись, соответственно, в «списке» врагов парламента. Принятие «Великой ремонстрации» (ноябрь 1641 г.), против которой Хайд открыто выступил в палате общин, окончательно определило его выбор. Именно этот момент стал решающим в его карьере. Он был достаточно молодым (34 года), но уже опытным политиком, имел «юридический склад ума, твердую уверенность в правильности своего мнения и чутье к государственным делам» (С. 130). Прибыв в Оксфорд, Хайд становится неформальным советником короля. Вскоре последний пожалует ему титул рыцаря и введет в состав Тайного совета. В марте 1642 г. он получит назначение на пост канцлера казначейства (Chancellor of the Exchequer) (С. 165), т.е. неблагодарную работу по сбору налогов и пополнению королевской казны в условиях военного времени. В этой главе показано, как этому «исполнительному и проницательному человеку», приходилось маневрировать между различными группировками вокруг короля – от круга королевы Генриетты-Марии, не любившей его за недоверие к французам, до группировки «людей меча» во главе с принцем Рупертом. А.Б. Соколов приходит к выводу, что с этого времени Эдвард Хайд фактически становится теоретиком и идеологом роялистского лагеря.

Твердая позиция Хайда принудить парламент к миру, найти компромисс в переговорах 1645 г. фактически предопределила его «почетную» отставку – король принял решение в целях безопасности разделить с наследником престола принцем Чарльзом и назначил Эдварда Хайда сопровождать его на остров Джерси, где они пробудут около двух лет (С. 198). Собственно прелюдии и событиям Второй гражданской войны посвящена четвертая глава «“Когда вся нация погрязла во грехе”: 1645–1649». Для Хайда, игравшего теперь ключевую роль в защите настоящих и будущих интересов наследника английского престола, это было время, когда он начал писать «Историю мятежа» и «Размышления о псалмах Давида». Под давлением

мрачных предчувствий он стремится осмыслить произошедшее, видит в этом исполнение своего гражданского долга. Да и принц Уэльский уходит из-под его прямой опеки в ситуации роялистских мятежей 1648 г. в Южном Уэльсе, Кенте, став главнокомандующим флотом, обретя, таким образом, мобильность на море. Провал роялистов заставляет Карла I настаивать на том, чтобы принц покинул Британию. Выбор наследника престола симптоматичен – он обосновывается в Голландии, самом свободном и экономически процветающем государстве Европы того времени. Хайд по прямому указанию короля и Генриетты-Марии летом 1648 г. покидает Джерси и соединяется с принцем в Гааге в сентябре 1648 г. Казнь Карла I в январе 1649 г. сделала Хайда в одночасье членом Тайного совета короля в изгнании.

Хайд, всегда сторонившийся военных дел, не был тесно связан с попытками Карла II вернуть трон в 1649–1651 гг. Он не поддерживал провалившуюся идею «похода» в Шотландию (С. 276–279), хотя Карл II и был официально коронован в аббатстве Скон в Пертшире в январе 1651 г. Только после всех этих неудач король сделает ставку на Хайда, который становится его главным советником с 1652 г.

Пятая глава «“Отдать сердце целиком выздоровлению Англии”: 1649–1660» вводит нас в круг обязанностей Эд. Хайда в годы иммиграции. В центре повествования этой главы оказывается европейский контекст политики «кабинета» короля-изгнанника. В нем Хайд неформально продолжает исполнять обязанности канцлера казначейства. Смерть Вильгельма II Оранского, на чье гостеприимство и дипломатическую поддержку в Голландии опирался Карл II, от оспы в ноябре 1650 г. нанесла «роковой удар» – под давлением Генеральных штатов английский король был вынужден искать себе новое пристанище. Переезд «двора» в Версаль оказался неизбежным. Помощь французского двора в ситуации Фронды и продолжающейся войны с Испанией ограничилась скудным содержанием королевской матери и короля. Экономить приходилось на всем. Некоторым утешением для Хайда стала приехавшая к нему семья – жена и четверо детей, которых он предпочел разместить подальше от Гааги, в Антверпене (С. 259).

Однако в 1654 г. ситуация принципиально изменилась. Голландия примирилась с Республикой Кромвеля и признала Навигационный акт. Кромвель подписал договоры о дружбе со Швецией, Данией, Португалией, что поставило Республику на грань войны с Испанией. Условием примирения Кромвеля с кардиналом Мазарини стало «изгнание Карла II из Франции» (С. 293). Карл II, который не знал куда ему теперь следовать, покинул Францию в июле 1654 г. Неожиданно для себя он встретил радушный прием в германских землях. Кельн, «красиво расположенный на берегах Рейна», стал его прибежищем на последующие полтора года. К счастью для Карла II, начавшаяся в 1654 г. англо-испанская война улучшила его положение. Он получил покровительство Филиппа IV Испанского, и местом его резиденции стал Брюгге. Оставалось ждать, «когда по воле Бога наступит подходящее время». Эту

позицию в окружении короля твердо отстаивал провиденциалист Эдвард Хайд, назначенный королем на должность Лорда-канцлера Казначейства в январе 1658 г. А.Б. Соколову удалось показать, что смерть Кромвеля осенью 1658 г. сама по себе отнюдь не открывала Карлу II «дороги» на родину. Ряд королевских деклараций, подготовленных Хайдом и обнародованных задолго до 1660 г., обеспечил возможность воцарения Стюартов на английском престоле. В них был зафиксирован принцип «о прощении всем, кроме тех, кто проголосовал за лишение жизни Карла I» (С. 299). Именно Хайд все эти годы твердо держался принципа восстановления Карла II как законного монарха на престоле и готов был обещать «терпимость всем миролюбиво настроенным мирянам» (С. 321). Эти принципы и были положены в основу Бредской декларации 1660 г. Реставрация монархии произошла законным путем, и заслуга в этом во многом принадлежала Эдварду Хайду.

По логике вещей, глава шестая «“Канцлер с человеческим сердцем”: 1660–1667» должна была бы носить кульминационный характер. Сбылись чаяния главного героя – Стюарты счастливо вернулись на английский престол. Карл II готов был следовать советам своего лорда-канцлера, щедро вознаградив его землями и титулом лорда Кларендона в 1661 г. (С. 336). Однако А.Б. Соколов выбирает другую стратегию – он стремится реконструировать ряд обстоятельств, приведших к падению лорда Кларендона – импичменту 1667 г. Это чума 1665 г., Великий пожар в Лондоне, экстраординарные расходы в англо-голландской войне 1665–1667 гг. (против которой Кларендон выступал). Лично лорду-канцлеру в вину вменялись: выбор в жены Карлу II бесплодной португальской принцессы Екатерины Браганца (якобы чтобы обеспечить престол детям своей дочери Анны, герцогини Йоркской); продажа Дюнкерка Людовику XIV в 1662 г. (надо заметить, вынужденная акция, предпринятая для залатывания «дыр» в королевской казне); нежданные финансовые издержки на гарнизон, перемещенный из Дюнкерка в Танжер (полученный в качестве приданного за Екатериной Браганца в 1662 г.). Несомненно, с самого начала Реставрации финансовый вопрос были одним из самых острых (С. 362–363). Любопытно упоминание в этой главе о личной заинтересованности короля и его брата герцога Йоркского во Второй англо-голландской войне как пайщиков Африканской компании (С. 382). Интересно, что знаменитый Кодекс Кларендона интерпретируется А.Б. Соколовым как дело рук Кавалерского парламента – вывод, обладающий очевидной новизной в отечественной историографии (С. 368–373). То есть, как выясняется, Кларендону пришлось уступить в религиозном вопросе и фактически порвать «с духом толерантности Бредской декларации» (С. 368). Любопытным также является внимание к судьбам еще живых к 1660 г. 38 человек из 59, чьи подписи стояли под смертным приговором Карлу I (С. 347–361).

В короткой седьмой главе «“Приноравливаясь к судьбе”: 1667–1674» автор с большим сочувствием описывает скитания старого больного человека на чужбине – Кларендон был вынужден, дабы не повто-

рить судьбу лорда Стаффорда, бежать во Францию в ноябре 1667 г. Он завершает свой жизненный путь в Руане в 1774 г., соборованный англиканским священником и в окружении вызванных к нему старших сыновей (есть документальные свидетельства о присутствии только Лоуренса).

Подводя в эпилоге итоги, А.Б. Соколов останавливается на «конфликте» интерпретаций вокруг наследия лорда Кларендона. Он выделяет традиционные два направления – «вигское» и «торийское». В рамках третьего направления, а мы не должны упускать из внимания марксистскую историографию, Эдвард Хайд остается антигероем и не удостоивается хоть сколько-нибудь серьезного внимания. Автор показывает, что критический подход к наследию Хайда сохраняли историки вигского направления С. Гардинер, Г. Галлам, Ч. Фирд, Р. Хаттон. Занимавшие пропарламентские позиции, они считали его консервативным роялистом, а также указывали на отсутствие объективности и оригинальности труда «Истории мятежа». Историки консервативной школы Бр. Уолмолд, Х. Тревор-Ропер, Р. Харрис видели в Кларендоне автора новой теории «смешанной монархии», считая его защитником конституционных свобод и предшественником Эд. Берка, Д. Юма и Э. Гиббона (С. 448). Самым цитируемым по всей монографии является, пожалуй, историк Р. Оллард, который, как кажется, близок к ревизионистам К. Расселу, Дж. Моррилу.

А что же сам Андрей Борисович? Выбор героя, угол зрения на события Английской революции из роялистского лагеря указывают на его предпочтения. С большой симпатией он пишет о Кларендоне как человеке твердых принципов и «золотой середины», предпочитающем решать дела мирным путем. Главной заслугой Кларендона, что становится ясно по прочтении монографии, было сохранение Карла II и его двора в годы иммиграции и обеспечение легального восхождения династии Стюартов на английский престол.

Формирование прочной конституции – «король и парламент должны взаимодействовать на основе доверия и обоюдной зависимости» (С. 333) – вот, что было главной заботой Кларендона в первые годы Реставрации. Это-то и сделало его ее «балластом». До Славной революции было еще больше десяти лет конституционных опытов и борьбы за «толерантность». В своих сочинениях, да и поступках, лорд Кларендон предстает убежденным носителем идеи божественного порядка. Обвинения в его коррумпированности выглядят крайне неубедительными, так как он вел достаточно скромный образ жизни (правда, собирал книги и картины). Его «большой ошибкой», как признавал он сам, было строительство Кларендон-хауза в Лондоне. Стоимость особняка, к большому его огорчению, превысила первоначальную смету в три раза. Когда он «отправился с изгнание, сумма его долгов превышала сто тысяч фунтов» стерлингов (С. 444). Покаяние его также было обращено к семье, которой он «не уделял того внимания, которое она заслуживала, хотя тому много оправданий» (С. 461).

Да, Кларендон был призван служить Отечеству «верой и правдой». Его политическое кредо опиралось

на устойчивые моральные принципы. Христианская мораль и принципы законности были непреложным правилом руководства в его суждениях и поступках. Добродетель, терпение, взвешенный подход – вот в чем для него был залог устойчивости политической перспективы. Пример Эдварда Хайда позволяет поднять вопрос об этике и морали в политике (в противовес концепции Макиавелли об ее аморальности). М. Вебер в новейшее время одним из первых поднял этот вопрос, указав на то, что отсутствие морали в политике оборачивается необходимостью применения силы [8,

С. 693–697]. Процветание отечества и поиск компромиссов в строительстве общего дома – вот чему должны служить сообща лучшие и самые достойные мужи государства. Не зря Кларендон ценил выше других человеческих чувств мужскую дружбу, которую считал истинным воплощением близости и добродетели (С. 178, 439). А что же до брака его дочери с будущим королем Англии Яковом II и двух его внуков, ставших в будущем королевами Англии, об этом читайте замечательную во многих отношениях книгу Андрея Борисовича Соколова «Кларендон и его время».

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколов А.Б. Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI–XVIII вв. Ярославль. 1992.
2. Соколов А.Б. Интервью с Р. Козеллеком // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории. М. : ИВИ РАН, 2005. № 15. С. 326–340.
3. Соколов А.Б. Интервью с Х. Уайтом // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории. М. : ИВИ РАН, 2005. № 14. С. 335–346.
4. Соколов А.Б. Школьный учебник истории в Соединенных Штатах Америки. Монография. Ярославль: ЯГПУ, 2011.
5. Ямпольский М.Б. Сообщество одиночек: Арендт, Беньямин, Шолем, Кафка // Новое литературное обозрение. 2004. № 67. С. 78–105.
6. Мееровский Б.В. Гоббс. М. : Мысль, 1975.
7. Соколова К.А. Романы о наследстве: английское общество и традиционное землевладение на рубеже XVIII–XIX вв. (на примере творчества Джейн Остен) // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории. М. : ИВИ РАН, 2005. № 52.
8. Вебер М. Политика как призвание и профессия : избранные произведения. М. : 1990. С. 693–697.

Vysokova Veronika V. Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation) E-mail: vyssokova@mail.ru

LORD CLARENDON, OR REASONING ON POLITICAL MORALITY. REVIEW OF: SOKOLOV A.B. KLARENDON I YEGO VREMYA. STRANNAYA ISTORIYA EDVARDA KHAYDA: KANTSLERA I IZGNANNIKA [CLARENDON AND HIS TIME. THE STRANGE STORY OF EDWARD HYDE: CHANCELLOR AND EXILE]. SPb. : ALETHEIA, 2017. 472 p.

Keywords: English revolution of the 17th century; T. Hobbes; Lord Clarendon; political morality; Stuarts; Ed. Hyde.

This review considers a new monograph entitled “Clarendon and His time. The Strange Story of Edward Hyde: Chancellor and Exile” by A.B. Sokolov, Dr. Hab. (History), Dean of the Faculty of History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky. The review focuses on the analysis of a new approach in the study of the English revolution of the 17th century in Russian historiography – through the intellectual biography of Ed. Hyde A.B. Sokolov gives the interpretation of the ideology of the royalist camp and its leaders. The review is structured according to the seven chapters of the monograph by A. Sokolov and the main periods of the life of Lord Clarendon. The Lord Chancellor is shown, on the one hand, as an outstanding royalist politician of the English Revolution, who ensured the legitimate accession of the Stuarts to the English throne in 1660, on the other hand, as one of the most important historians of England, as author of the most influential contemporary history of the Civil War “The History of the Rebellion”. This historical work of Lord Clarendon became the main historical source in the pre-review’s monograph – A.B. Sokolov focused on what about the author of “The History of the Rebellion” kept silent. This action of investigating a wide portrait gallery of contemporaries of Ed. Hyde Sokolov makes a conclusion about the Clarendon’s omissions and subjective interpretations of the events of the English revolution XVII century. The review shows that A.B. Sokolov pays special attention to the reconstruction of the circumstances that led to the fall of Lord Clarendon - the impeachment of 1667. It is interesting that the famous Clarendon Code is interpreted by A.B. Sokolov as the work of the Cavaliers Parliament, - this conclusion has an obvious novelty in historiography, i.e. it is shown that Clarendon had in fact was forced to break with the spirit of tolerance of the Declaration of Breda. A.B. Sokolov considers the “conflict” of interpretations around the heritage of Lord Clarendon. He fixes the traditional two directions – “Whigs” and “Tory” and shows that in the framework of the third Marxist historiography Edward Hyde remains an anti-hero. The monograph shows that the historians of the Whigs historiography S. Gardiner, H. Gallam and others maintained a critical approach: they considered him a conservative royalist and evaluate negatively. Historians of the conservative school H. Trevor-Roper, R. Harris and others saw in Clarendon the author of a modern theory of “mixed monarchy”, considering him a defender of constitutional freedoms and a predecessor of Ed. Burke, D. Hume and E. Gibbon. The most quoted throughout the monograph is the historian R. Ollard, who is close to the revisionists C. Russell, J. Morrill. Following them A.B. Sokolov writes about Clarendon with great sympathy as a man of solid principles who prefers to solve matters peacefully. Thus, we can talk about the “glorious revolution” in Russian historiography - A.B. Sokolov finally shifts the focus of attention from representatives of the left camp of the “English bourgeois revolution” to the camp of the gentlemen-royalists.

REFERENCES

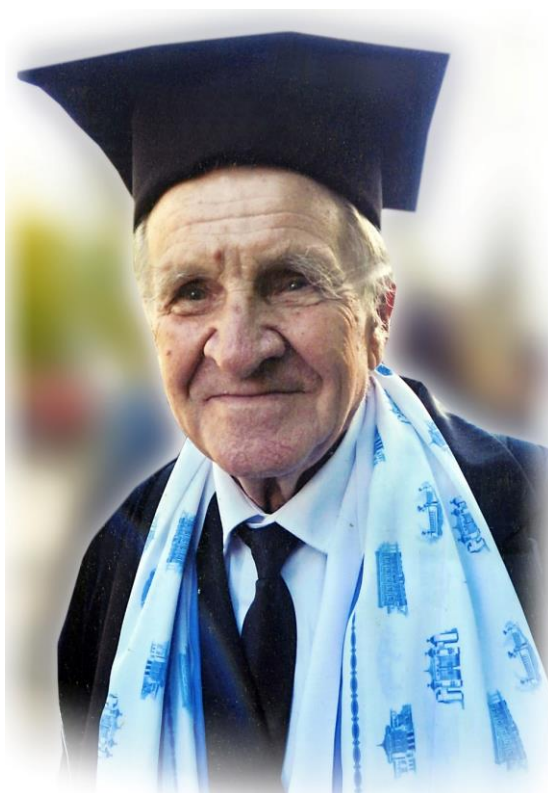
1. Sokolov, A.B. (1992) *Navstrechu drug drugu. Rossiya i Angliya v XVI–XVIII vv.* [Towards each other. Russia and England in the 16th – 18th centuries]. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University.
2. Sokolov, A.B. (2005a) Interv'yu s R. Kozellekom [Interview with R. Koselleck]. *Dialog so vremenem – Dialogue with Time*. 15. pp. 326–340.
3. Sokolov, A.B. (2005b) Interv'yu s Kh. Uaytom [Interview with H. White]. *Dialog so vremenem – Dialogue with Time*. 14. pp. 335–346.
4. Sokolov, A.B. (2011) *Shkol'nyy uchebnik istorii v Soedinyennykh Shtatakh Ameriki* [School history textbook in the United States of America]. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University.
5. Yampolsky, M.B. (2004) *Soobshchestvo odinochek: Arendt, Ben'yamin, Sholem, Kafka* [The Community of Singles: Arendt, Benjamin, Scholem, Kafka]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 67. pp. 78–105.
6. Meerovsky, B.V. (1975) *Gobbs* [Hobbes]. Moscow: Mysl'.
7. Sozinova, K.A. (2015) Inheritance novels: English society and traditional English landownership in the late 18th – early 19th centuries (Jane Austen's novels). *Dialog so vremenem – Dialogue with Time*. 52. (In Russian).
8. Weber, M. (1990) *Politika kak prizvanie i professiya. Izbrannye proizvedeniya* [Politics as a vocation and profession. Selected Works]. Translated from German. Moscow: Progress. pp. 693–697.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.17223/19988613/60/28

О.А. Харусь

ПАМЯТИ ЮРИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА КУПЕРТА

«История, как жизнь, всегда полна. История становится судьбою...» Эти строки из стихотворения Заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, Заслуженного профессора Томского государственного университета Юрия Васильевича Куперта удивительно точно отражают жизненный путь автора, который оборвался 21 июля 2019 года.

Ю.В. Куперт родился 7 января 1931 г. в селе Березовское Березовского района Красноярского края. Со школьной скамьи он живо интересовался историей, много и вдумчиво читал, выступал с содержательными докладами по истории и литературе на заседаниях исторического кружка. После окончания с золотой медалью томской школы № 8 вопрос о выборе направления дальнейшего обучения для него не стоял – Юрий Куперт подал заявление на историческое отделение историко-филологического факультета Томского государственного университета и был зачислен без экзаменов. Природная одаренность, работоспособность, добросовестность и ответственность, глубокая заинтересованность в приобретении новых знаний стали залогом

успешного обучения в университете. В 1953 г., получив диплом с отличием, Юрий Васильевич был направлен на годичные курсы преподавателей общественных наук при Уральском государственном университете им. А.М. Горького, по окончании которых приступил к работе в должности старшего преподавателя кафедры марксизма-ленинизма Томского государственного педагогического института. Яркий педагогический талант молодого преподавателя, с «аппетитом» (по его собственному выражению) читавшего лекции студентам, проявился с первых же лет его работы в вузе.

Столь успешно начавшаяся и приносившая подлинное удовольствие профессиональная деятельность была прервана в мае 1957 г. начавшимися на томской почве заморозками хрущевской «оттепели». Ю.В. Куперт был уволен как допустивший «политическую беспечность, притупление бдительности и беспринципность». Но связанные с этим увольнением драматические события в его жизни только укрепили характер Юрия Васильевича, проявившего удивительную жизнестойкость и умение выдерживать удары судьбы.

Будучи лишенным возможности заниматься любимым делом – изучением и преподаванием истории, он достойно проявил себя в совершенно новых амплуа: обрубщика на заводе «Сибэлектромотор», преподавателя физвоспитания в средней школе № 48.

Перемены наступили в 1959 г., когда Ю.В. Куперт был назначен заведующим учебной частью и приступил к преподаванию истории в шестых классах этой школы. Год спустя появилась возможность вернуться к работе в вузе сначала в должности ассистента, а затем и старшего преподавателя кафедры истории КПСС Томского политехнического института.

Поступив в конце 1963 г. в аспирантуру ТГУ, Юрий Васильевич за полтора года завершил работу над кандидатской диссертацией и в марте 1965 г. успешно защитил ее. С этого времени его профессиональная деятельность была неизменно связана с Томским государственным университетом. Начав с должности старшего преподавателя кафедры истории КПСС, после защиты докторской диссертации Ю.В. Куперт в июне 1987 г. стал профессором этой кафедры, а месяц спустя возглавил кафедру истории КПСС гуманитарных факультетов. В 1990-е гг. под его руководством коллективом кафедры была проделана колоссальная работа не только по обновлению содержания учебных курсов и технологии образовательного процесса, но и по расширению профиля деятельности за счет организации на историческом факультете новой специальности «Документоведение и документационное обеспечение управления».

Для нас, студентов-историков, Юрий Васильевич был примером настоящего преподавателя, когда он пружинистым шагом обходил ряды наклоненных над конспектами голов, не прерывая своей лекции о том или ином периоде политической истории России XX в., слышной во всех уголках немалого конференц-зала. На экзамене он ценил умение студентов мыслить, а не тараторить заученные фразы и цифры.

При этом интенсивность преподавательской и исследовательской деятельности Ю.В. Куперта с годами только возрастала. «История КПСС», «Политическая история России», «История России», «Историография истории КПСС», «Историография политической истории России», «История коллективизации в СССР», «Общественно-политическая жизнь советского крестьянства», «Аграрная революция в СССР (1917–1920)», «Методика чтения лекций в вузе», «Социальная политика в XX в.: США, Швеция, Япония и Россия», «Цивилизация и цивилизационный процесс», «Проблемы теории исторического процесса» – таков далеко не полный перечень лекционных курсов профессора. За блистательной манерой изложения порой весьма сложного для восприятия учебного материала, завораживавшей студентов не только гуманитарных, но и технических и естественнонаучных факультетов, стоял титанический труд по изучению первоисточников и специальной литературы.

Чрезвычайной широтой отличалась и сфера научных интересов Юрия Васильевича. Имея репутацию одного из крупнейших специалистов по исследованию истории сибирского крестьянства в период коллективизации сельского хозяйства, Ю.В. Куперт с конца

1980-х гг. сосредоточился на изучении теоретико-методологических проблем осмысления исторического процесса в целом. Его перу принадлежит более 120 научных работ, а выступления на международных, всесоюзных, республиканских и региональных научных и научно-практических конференциях, симпозиумах всегда отличались глубиной анализа и оригинальным исследовательским подходом.

Большое внимание Ю.В. Куперт уделял подготовке кадров высшей квалификации. Под его руководством выполнены и успешно защищены 36 кандидатских и 10 докторских диссертаций. Юрий Васильевич при этом поражал широтой эрудиции, успешно помогая диссертантам при защитах и по политической истории современности, и по зарубежному источниковедению, и по этнической истории, и по истории русской общественной мысли. Юрий Васильевич был активным членом диссертационных советов. Его подход к любой диссертации не был формальным, он часто ставил в тупик диссертантов своими нетривиальными вопросами, заставляя не только их, но и весь совет задуматься над глубиной той или иной исторической проблемы.

Исследовать, изучать, постигать историю, прививать вкус к историческим знаниям студентам – для Юрия Васильевича все это было не просто работой, а истинным удовольствием, глубокой внутренней потребностью. Но жизнь его не ограничивалась только профессиональной сферой, она была столь же многогранной, сколь многогранной была сама личность этого незаурядного, удивительного человека. Со студенческих лет он много и активно занимался спортом. Во время обучения на историко-филологическом факультете вел спортивные секции на общественных началах, выступал на соревнованиях по гимнастике, легкой атлетике, лыжным гонкам, слалому, был членом университетской сборной по волейболу и баскетболу. Позднее привычка к активному образу жизни реализовалась в серьезном увлечении охотой и рыбалкой. Подлинной страстью Юрия Васильевича на протяжении всей жизни было чтение. Лирические стихи, которые он писал, часто становились лучшим подарком для друзей и коллег, отмечавших различные знаменательные даты.

Будучи человеком с активной гражданской позицией, Ю.В. Куперт не мог оставаться в стороне от общественно-политической жизни страны. В студенческие годы он был членом комсомольского бюро ВЛКСМ историко-филологического факультета, членом комитета ВЛКСМ ТГУ. В 1952–1991 гг. состоял в КПСС, в разные годы был членом партбюро и заместителем секретаря партбюро ТГПИ, членом парткома ТГУ, заместителем секретаря парткома ТГУ по идеологической работе, членом Кировского райкома КПСС, членом Томского горкома КПСС. Юрий Васильевич являлся сторонником серьезного реформирования КПСС, а после ее распада не считал для себя возможным вступить ни в одну из вновь образованных партий.

В 1970–1980-е гг. Ю.В. Куперт преподавал в вечернем университете марксизма-ленинизма при Томском обкоме КПСС. Он избирался председателем научного совета Томского областного краеведческого музея, являлся членом бюро методсовета Томской об-

ластной организации общества «Знание», председателем президиума Томского отделения Академии гуманитарных наук, одним из организаторов и сопредседателем томского городского дискуссионного клуба «История и современность», председателем комитета Томского профессорского собрания в ТГУ.

Юрий Васильевич удостоен многочисленных наград и почетных званий государственного, ведом-

ственного и регионального уровня. В памяти его коллег и учеников, благодарных судьбе за то, что она подарила им роскошь общения с этим замечательным человеком, он навсегда останется образцом жизненного и мудрости, силы духа и стойкости, интеллигентности и душевной щедрости, порядочности и доброжелательного отношения к окружающим.

Olga A. Kharus, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: kharus-olga@sibmail.com

THE MEMORY OF YURI VASILYEVICH COOPERT

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНДРОНОВА Лариса Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: laruka@yandex.ru

БОГАТЕНКО Роман Владимирович, соискатель кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: bog.roman@mail.ru

БОГДАНОВ Евгений Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск). E-mail: fil71@mail.ru

БУЛАНКИНА Надежда Ефимовна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой гуманитарного образования Новосибирского института повышения квалификации и переподготовки работников образования. E-mail: NEBN@yandex.ru

ВАН Чаолин, аспирант кафедры востоковедения Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: wangchaolin@ngs.ru

ВЫСОКОВА Вероника Витальевна, доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета (Екатеринбург). E-mail: vyssokova@mail.ru

ГЕТМАН Маргарита Алексеевна, аспирант кафедры мировой политики Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: margarita.getman2015@yandex.ru

ГИЗБУЛАЕВ Магомед Андалавмагомедович, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела древней и средневековой истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (Махачкала). E-mail: awariyav@gmail.com

ДУНБИНСКИЙ Илья Александрович, ассистент кафедры современной отечественной истории Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: dunbunskiy@mail.ru

ДУТЧАК Елена Ерофеевна, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: dee010@mail.ru

КАУР Ксения Алексеевна, магистрант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (Москва). E-mail: kaur2008.94@mail.ru

КОКАРЕВА Ирина Алексеевна, магистрант факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: irignata1534@mail.ru

КОЛЕВА Галина Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных наук и технологий Института сервиса и отраслевого управления Тюменского индустриального университета. E-mail: gukoleva@gmail.com

КОНОВАЛОВ Игорь Анатольевич, доктор исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, E-mail: konov77@mail.ru

КУРЫШЕВ Игорь Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, социально-экономических и общественных дисциплин Ишимского педагогического института Тюменского государственного университета. E-mail: istorik_ishim72@mail.ru

ЛУКИНСКИЙ Николай Александрович, магистрант кафедры востоковедения Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: nikolai.lukinsky2015@yandex.ru

МИЦУК Алексей Алексеевич, магистрант факультета исторических и политических наук, лаборант научно-исследовательской лаборатории «Музей и культурное наследие» Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск). E-mail: rixalos@mail.ru

МОКШИН Геннадий Николаевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Воронежского государственного университета. E-mail: mok410@mail.ru

МУРАКАМИ Ясуюки, PhD, профессор, директор Исследовательского центра культуры древнего железа Восточной Азии Университета Эхиме (Мацуяма, Япония). E-mail: murakami00321@yahoo.co.jp

РАСКОЛЕЦ Виктор Владимирович, кандидат исторических наук, лаборант кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: predator-101@mail.ru

ПОПОВА Анна Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. E-mail: a.d.popova@mail.ru

ПРОТАСОВ Александр Димитриевич, аспирант кафедры документоведения и документационного обеспечения управления Института истории и политических наук Тюменского государственного университета. E-mail: prad1969@yandex.ru

САВИЧЕВА Елена Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов. E-mail: savicheva@mail.ru

САВКОВИЧ Евгений Владимирович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры востоковедения Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: savkovic@sibmail.com

СИЛЬЧЕНКО Иван Сергеевич, аспирант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург). E-mail: sekret-eburg@yandex.ru

СОЕНОВ Василий Иванович, кандидат исторических наук, доцент, главный научный сотрудник, руководитель Научно-исследовательского центра истории и культуры тюркских народов Горно-Алтайского государственного университета. E-mail: soyonov@mail.ru

СОЛОВЬЕВ Александр Иванович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск). E-mail: easolovievy@mail.ru

СОРОКИН Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Тюменского государственного университета. E-mail: salexhist@mail2000.ru

СПИРИДОНОВА Лариса Николаевна, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук подготовительного факультета для иностранных учащихся Казанского федерального университета. E-mail: sln69@mail.ru

ТЕМПЛИНГ Владимир Яковлевич, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института проблем освоения Севера Тюменского научного центра СО РАН e-mail: tmpl@mail.ru

ТОЛОЧКО Анатолий Павлович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: ifdoid@gmail.com

ТРИФАНОВА Сынару Вениаминовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, руководитель отдела исторических наук Научно-исследовательского центра истории и культуры тюркских народов Горно-Алтайского государственного университета. E-mail: trifanovasv@mail.ru

УМБРАШКО Константин Борисович, доктор исторических наук, профессор, проректор по научно-методической работе Новосибирского института повышения квалификации и переподготовки работников образования. E-mail: hitstorian09@mail.ru

ФЕДОРЧЕНКО Александр Юрьевич, младший научный сотрудник отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Новосибирск). E-mail: winteralex2008@gmail.com

ФЕДОТОВА Анастасия Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук подготовительного факультета для иностранных учащихся Казанского федерального университета. E-mail: stasi7886@mail.ru

ФОМЕНКО Светлана Владимировна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: fomenk@gmail.com

ХАЗАНОВ Олег Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: klio1@yandex.ru

ХАРУСЬ Ольга Анатольевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и документоведения факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: kharus-olga@sibmail.com

ХОДЯКОВ Михаил Викторович, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: m.khodyakov@spbu.ru

ХУДОЛЕЕВ Алексей Николаевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, обществознания и методики обучения историко-филологического факультета Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета. E-mail: khudoleev73@mail.ru

ЧЕРЕПАНОВ Александр Сергеевич, аспирант факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета; старший научный сотрудник Красноярского краевого краеведческого музея. E-mail: alexchert@mail.ru

ЧЖОУ Тяньхэ, аспирант кафедры истории и специальных исторических дисциплин Благовещенского государственного педагогического университета. E-mail: nmqhwss@mail.ru

ШЕВЦОВ Вячеслав Вениаминович, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: totleben@yandex.ru

ШЕСТОПАЛОВА Анна Сергеевна, аспирант кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: chestopalova94@mail.ru

ЭБЕЛЬ Александр Викторович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории Горно-Алтайского государственного университета. E-mail: avebel@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2019 № 60

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский

Главный редактор – В.П. Зиновьев

Ответственный секретарь – В.С. Воробьева

Подписано к печати 26.08.2019 г. Формат 60х84^{1/8}. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 23,0. Тираж 50 экз. Заказ № 3942. Цена свободная.

Дата выхода в свет 30.08.2019 г.

Редактор Е.Г. Шумская

Оригинал-макет Е.Г. Шумской

Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Редакторы-переводчики – Н.А. Глущенко, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет

Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: <http://journals.tsu.ru/history>

Founder – Tomsk State University

Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь В.С. Воробьева
E-mail: petroom@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Veronica Vorobyeva
E-mail: petroom@mail.ru

Издательство:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательский Дом ТГУ
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher:

Publishing House of Tomsk State University,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru